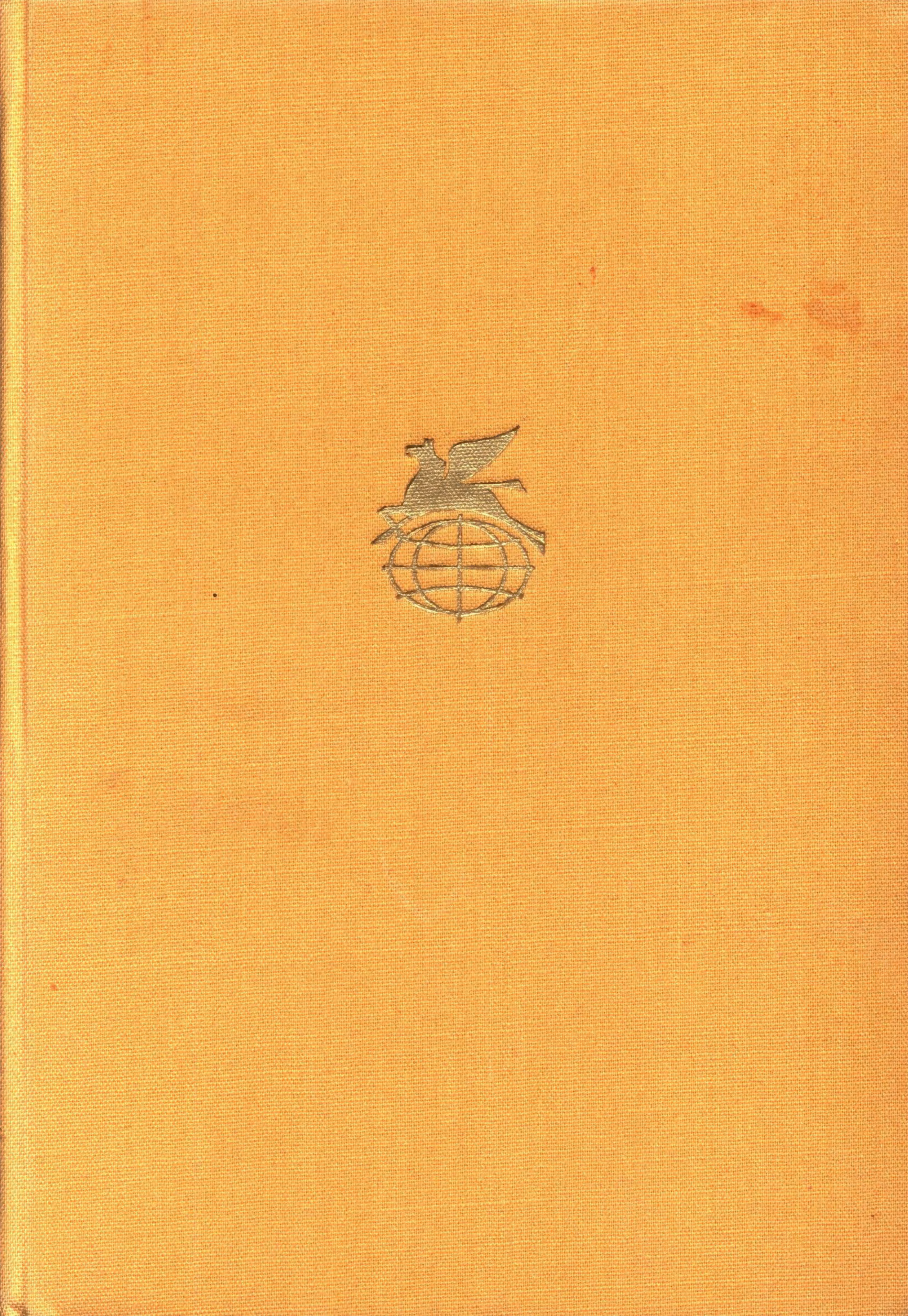

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

Ф. ШИЛЛЕР

ДРАМЫ

•

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1975

Вступительная статья
С. Тураева

Составление и примечания
Н. Славятинского

И(Нем)
Ш 58

Иллюстрации
Б. Дехтерева

Ш $\frac{70404\text{-}230}{028(01)\text{-}75}$ подписное

ПОЭТ ГЕРОИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Поздним сентябрьским вечером 1782 года у городских ворот Штутгарта стражники остановили скромную коляску, в которой находились двое молодых людей в штатском платье. Грубоватый оклик «Стой!», несколько формальностей, соблюдаемых при выезде из столицы, и вот уже коляска катится по направлению к границе. Один из двух путников — Фридрих Шиллер, под чужим именем бежавший в день придворного праздника из герцогства Вюртембергского.

Над городом еще сверкали огни фейерверка, в резиденции гремела музыка. Герцог давал бал в честь наследника русского престола. Молодой поэт, только что сбросивший с себя мундир полкового медика, знал цену этой придворной пышности. Герцог Карл-Евгений был одним из самых жестоких и самоуправных властителей тогдашней раздробленной Германии. Это он торговал кровью подданных, продавал за границу своих солдат, и Фридрих Шиллер в драме «Коварство и любовь» оставил потрясающий рассказ о том, как сироты, рыдая, догоняли еще живого отца, обезумевшие от горя матери бросались с детьми на солдатские штыки и перед всем полком были расстреляны те, кто осмелился спросить: «Почем продает герцог пушечное мясо?»

Во владениях этого герцога, в городе Марбахе, в семье полкового лекаря, 10 ноября 1759 года родился Фридрих Шиллер.

Ему было 23 года, когда он бежал в сентябрьскую ночь, навстречу неизвестности, с несколькими талерами в кармане и рукописью в маленьком сундучке. Но за плечами его был нелегкий жизненный опыт — восемь тяжелых лет военной школы, постоянный и неусыпный надзор и, наконец, две недели гауптвахты за самовольную отлучку на премьеру первой своей драмы — «Разбойники». Поистине, как писал Белинский, «не из книг почерпнул Шиллер свою ненависть к униженному человеческому достоинству в современном ему обществе: он сам, еще дитятею и юношею, перестрадал болезнями общества и перенес на себе тяжкое влияние его устарелых форм...»[1]

В гнетущей атмосфере феодально отсталой Германии, которую Чернышевский называл огромным шильонским подземельем, уже были слышны голоса многих мужественных поэтов и мыслителей. Поколение писателей

---

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. VI, с. 122.

70-х годов XVIII века недаром называло себя поколением «бури и натиска». Молодой Гете воспел Прометея, бросающего вызов самому богу. Его друзья и соратники обнажали в своих драмах, стихотворениях, романах чудовищную неразумность и ненормальность существующего порядка. Новаторскими явились эстетические идеи писателей «бури и натиска». Были отвергнуты всякие правила, сковывающие воображение. Размеренному стиху трагедии классицизма они противопоставляли разговорную прозу, рационалистически рассуждающим персонажам — эмоциональный порыв бунтующего героя. Кумиром «бурных гениев» был глава французского сентиментализма, писатель-демократ Жан-Жак Руссо.

И первая драма Фридриха Шиллера прозвучала как мощная фанфара. Это были «Разбойники», по словам Белинского,— «пламенный, дикий дифирамб, подобно лаве исторгнувшийся из глубины юной, энергической души...»[1].

Благородный разбойник Карл Моор не был плодом поэтической фантазии. Ныне стали известны многие реальные исторические факты этой эпохи, и в распоряжении историков есть документы о деятельности на территории Тюрингии, Богемии, Франконии и Швабии не разбойничьих банд, а организованных отрядов народных мстителей.

В «Разбойниках» Шиллера достаточно точно обрисован характер деятельности главного героя: свою долю добычи он раздает бедным, «но если ему представляется случай пустить кровь помещику, дерущему шкуру со своих крестьян, или проучить бездельника в золотых галунах, который криво толкует законы... тут, братец ты мой, он в своей стихии. Тут словно черт вселяется в него...».

Драма молодого Шиллера была исполнена героического пафоса. В звучных монологах атаман разбойников громил «хилый век кастратов», сокрушался, что погасла «сверкающая искра Прометея», обличал неправедные законы, которые заставляют «ползти улиткой и того, кто мог бы взлететь орлом». Патетика речей Карла Моора, ссылки на Плутарха и героев античных республик поразительно сочетались с грубоватыми репликами, словами и выражениями, заимствованными из швабского диалекта. В этом дерзком соединении двух лексических слоев была своя художественная логика. Контрастная лексика выразительно характеризовала главных героев: и самого Карла Моора, и его соратников. Почти все они люди грамотные, по-видимому, недоучившиеся студенты. Гримм знает латынь, Роллер предлагает издавать альманах, и даже такой профессиональный бандит, как Шпигельберг, блистает красноречием, щеголяет французскими и латинскими выражениями.

На сцене — деклассированные интеллигенты, которых привели в богемские леса жизненные неудачи, обиды, разочарования и жажда действия. Но Карл Моор идейно возвышается над этими бунтующими недоучками. Рацман рассказал о нападении Моора на карету богатого графа, который выиграл миллионную тяжбу плутнями своего адвоката: «А! Это ты, прохвост, правосу-

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. I, с. 269.

дие делаешь продажной девкой?» — грозно спросил Моор захваченного им адвоката. Убив его, он исчез в лесу, бросив своим подручным пренебрежительную реплику: «Я свое совершил! Грабеж — ваше дело...»

Под его командой семьдесят девять человек. Он наводит страх на городки и поместья. В начале действия, когда Карл становится атаманом, он еще уверен в своих силах: «Поставьте меня во главе войска таких молодцов, как я, и Германия станет республикой, пред которой Рим и Спарта покажутся женскими монастырями».

Но, пройдя через кровавый опыт своего атаманства, Карл Моор в финале капитулирует: он уходит из шайки, чтобы сдаться властям. «О, я глупец, мечтавший исправить свет злодеяниями и блюсти законы беззаконием! — такими словами начинается последний монолог Карла.— ...о, жалкое ребячество!.. Вот я стою у края ужасной бездны и с воем и скрежетом зубовным познаю, что два человека, мне подобных, могли бы разрушить все здание нравственного миропорядка!»

За неполных два века, прошедших после первой постановки «Разбойников», критики и режиссеры разных направлений извлекали из финала драмы разные выводы. Неизменно вставал главный вопрос: за что осудил себя ее герой — за самый бунт, или за его формы и следствия, или за то, что он, Карл Моор, почти не имея единомышленников, возложил на себя одного непосильную задачу: искоренить социальное зло, а отсталую, раздробленную страну сделать республикой?

Не будем всерьез принимать суждения тех западных литературоведов, которые упрекают Шиллера за «героическое заблуждение». Существенно другое: на разных этапах общественного развития шиллеровский первенец продолжал привлекать внимание зрителей не только патетикой обличения, но и тем, что заставлял размышлять о путях борьбы и о мере ответственности человека перед обществом. В самой Германии к голосу молодого Шиллера особенно заинтересованно прислушивались в годы острых социальных кризисов: в канун революции 1848 года, во время революционной ситуации 1918—1923 годов, а у нас — после Октября, в годы гражданской войны.

Конечно, показывая крах Карла Моора, Шиллер не делает его отступником от идеалов справедливости. Бесперспективным представлен лишь бунт одиночки. Это была самокритика всего мировоззрения «бури и натиска», и в этой самокритике многое звучит актуально и во второй половине XX века. Не случайно театры ФРГ откликнулись целой серией новых постановок «Разбойников» на недавние бунтарские выступления студенческой молодежи.

Накал политических страстей не ослабевает у Шиллера и в его следующих драмах: «Заговор Фиеско в Генуе» (1782) и «Коварство и любовь» (1783). В мещанской трагедии «Коварство и любовь» острее прочерчены социальные характеристики. Мир феодальный и мир третьесословный («мещанский», по терминологии XVIII в.) резко противостоят друг другу.

И поэтому перед нами — трагедия социальная и политическая, героиня которой — Луиза Миллер, скромная девушка, дочь простого музыкан-

та — гибнет в столкновении с сильными мира. Первоначально именно ее именем была названа пьеса. На немецкой сцене впервые появилась героиня незнатного происхождения, сочетавшая непосредственность и скромность с чувством большого человеческого достоинства и незаурядным мужеством.

Действие драмы происходит в резиденции некоего маленького немецкого герцогства. Феодальный гнет представлен в типичной для Германии форме: в карликовых государствах он проявлялся даже в более коварном виде, чем в крупных.

Как и в «Разбойниках», Шиллер вкладывает в уста главного героя патетические речи, в которых он утверждает свое право на свободу чувства. Сын первого министра герцога Фердинанд героически отстаивает свою любовь к Луизе Миллер и готов на любые жертвы и подвиги, чтобы сломить сопротивление своего всесильного отца. «Нет, я разрушу его коварство,— восклицает Фердинанд,— я порву железные цепи предрассудков, я выберу, кого хочу, как подобает мужчине, и пусть у мелких людишек закружится голова при взгляде на великий подвиг моей любви!»

Но готовности к жертвам недостаточно для того, чтобы противостоять злу, когда оно обладает властью, аппаратом насилия и верными слугами, способными, подобно секретарю Вурму, на любую подлость.

Гибель Луизы и Фердинанда, как некогда Ромео и Джульетты в трагедии Шекспира, прозвучала страстным обличением неправедных порядков и кастовых предрассудков и одновременно — гимном, утверждавшим высокое достоинство человека, его право на счастье.

Быстро, одна за другой были написаны первые три драмы, но работа над четвертой — «Дон Карлосом» — затянулась почти на пять лет (1783—1787 гг.). Для Шиллера это был большой срок. Мысль его не знала покоя. За эти годы Шиллер пересматривает свое отношение к бунтарству «бури и натиска», отказывается от эстетических принципов, выраженных в его ранних драмах. В ходе работы над «Дон Карлосом» складывался новый взгляд на задачи писателя и цели театра. Менялся самый аспект изображения действительности, трансформировались структура и стиль драмы: грубоватую прозу сменил классический стих.

Начало XVII века. Испания, которой правит «южный дьявол», властный и суровый Филипп II. Многое исторически достоверно в сценах, нарисованных Шиллером. И все же главное для него состоит не в том, чтобы воспроизвести события, случившиеся где-то в далекой Испании. Шиллер покидает почву немецкой жизни не для того, чтобы написать историческую хронику чужой страны. Замысел его шире. Он стремится полнее и более обобщенно представить болезни века. Ему кажется, что, изображая богемские леса или апартаменты захолустной немецкой герцогской резиденции, он не может изложить во всей масштабности те вопросы, которые его волнуют.

Испания во времена Филиппа II была великой мировой державой. И перед Шиллером она предстает как зловещий символ всего феодального мира, целой эпохи безмерно затянувшегося средневековья. Конфликт Филиппа

с его сыном Карлосом далеко перерастает рамки самой Испании. На другом конце Европы, в Нидерландах, ширится освободительное движение против испанского владычества, и Дон Карлос готов встать на сторону восставших и вместе с Эгмонтом и принцем Оранским поднять меч против Филиппа:

Он больше не отец мне. В сердце Карла
Умолк природы голос...
Иду спасти народ мой угнетенный
От тирании. Только королем
Вернусь в Мадрид — иль не вернусь вовеки...

(Перевод В. Левика)

Одна из центральных фигур в драме — друг юности Карлоса, его наставник и вдохновитель, маркиз Поза. Звание мальтийского рыцаря, которое он носит, позволяет ему не задумываться над своей национальной принадлежностью. Шиллер называет его «гражданином мира». В знаменитой сцене свидания с Филиппом (д. III, сц. 10) маркиз Поза с большим мужеством излагает свои взгляды перед королем, осуждает произвол и тиранию и, наконец, взывает к честолюбию монарха: поскольку он не властен повернуть колесо истории и приостановить «всеобщую весну, великое омоложение мира», то для него остается еще один, но великий шанс — самому встать во главе прогресса:

Опередите ж королей Европы!
Лишь росчерк вашей царственной руки —
И обновится мир!

Поза бросается на колени перед Филиппом с мольбой-призывом: даровать подданным свободу мысли.

Вокруг этой сцены в «Дон Карлосе» почти два столетия не затихают споры. Возникает параллель. Был Карл Моор, который убивал помещиков и помещичьих министров, который собственными руками задушил попа, скорбевшего об упадке инквизиции. И вот теперь мечтатель-гуманист умоляет деспота стать просвещенным монархом. Бунтаря сменяет реформатор. Впрочем, маркиз Поза, будучи горячим сторонником прогресса, совсем не думает, что идеи его осуществятся немедленно.

Нет, для моих священных идеалов
Наш век еще покуда не созрел.
Я гражданин грядущих поколений.

Можно было по-разному понимать слова «наш век»: относить их к веку Филиппа или полагать, что Шиллер свое время считал еще не созревшим для коренных перемен. Бесспорно одно: буржуазные либералы XIX века и разных мастей реформаторы в XX веке явно искажали Шиллера, когда ссылались на эту сцену и объявляли ее программной. Ведь всем содержанием трагедии Шиллер разрушает иллюзии, связанные с этой сценой. Попытка маркиза Позы воздействовать на ход событий в испанском государстве терпит

крах. Гибнет он сам, раскрыв заговор Дон Карлоса и причастность к нему королевы. Пьеса завершается краткой репликой Филиппа: он передает своего сына судилищу Великого Инквизитора.

Маркиз Поза оказался не менее трагически одиноким, чем Карл Моор, но о «гражданине мира» не скажешь, что он капитулировал. Мир, изображенный Шиллером в этой драме, сложнее, и мысль драматурга охватывает больше вопросов и ставит их глубже.

Европейские просветители XVIII века верили в безграничные возможности разума. Им казалось, что если на земле восторжествует наконец человеческий разум, то сами собой отпадут суеверия, предрассудки, сословная нетерпимость; и даже сама тирания неизбежно разоблачит себя перед всем миром. Надежда на просвещенного монарха органически вытекала из этой философской посылки. Ведь писатель, утверждая принципы разума, может рассчитывать только на свой дар убеждения. Но если заразить высокой идеей правителя, то ведь у него власть, сила, материальные средства. В истории легко подыскивались примеры. Вольтер не случайно написал книгу о Петре I и эпическую поэму о Генрихе IV, а Дидро приезжал в Петербург, чтобы убедить Екатерину II провести в России реформы. Шиллер, как и его великий современник Гете, не был свободен от иллюзий просвещенного правления. Но мир «Дон Карлоса» не укладывается ни в какие узкие концепции. И дело не только в том, что здесь показано, как рушится иллюзия маркиза Позы.

Драматург размышляет о природе власти, о сложном взаимодействии разных сил, составляющих общество. Характерно, что Филипп не изображен однолинейно, как тиран. Многие выдающиеся актеры мира находили в драме Шиллера благодарный материал для создания психологически сложного образа короля. Он способен оценить в маркизе Позе честного, бескорыстного человека, так не похожего на его придворных льстецов и интриганов. Не разделяя взглядов Позы, король, однако, делает его своим приближенным. Сложные отношения связывают Филиппа с сыном и королевой (французская принцесса Елизавета Валуа первоначально предназначалась для Карлоса, но Филипп сам женился на ней).

В истории Филиппа одной из ключевых является предпоследняя сцена драмы. Перед самым финалом Шиллер вводит в действие новую фигуру — 90-летнего слепого старца — Великого Инквизитора.

Происходит удивительная и странная метаморфоза. Грозный король стоит перед главой церкви как провинившийся школьник. Он оправдывается перед ним за то, что на какой-то момент доверился Позе, внимая его речам. «Прости,— говорит король,— но я возжаждал человека!»

Ответ Инквизитора беспощаден:

— Что вам человек!
Для вас все люди — числа. Иль я должен
Основы управленья государством
Седому разъяснять ученику?

Великий Инквизитор не только сурово осуждает короля, но и недвусмысленно угрожает ему судом церкви:

...и не стой я здесь,
Клянусь вам богом сущим — вы бы завтра
Стояли так передо мной.

Маркиз Поза в этой сцене посмертно терпит еще одно поражение. Оказывается, даже если бы Филипп захотел действовать иначе, силы более грозные, чем он, помешали бы ему в этом. Через образ Инквизитора не просто раскрывается политическая роль католической церкви (что само по себе очень характерно для Испании), значение этого образа шире.

Шиллер обнажает здесь механизм всякой неправой власти, политическую структуру, утверждающую идеи господствующего класса, силу традиций. По глубине исторического анализа эта сцена превосходит многие политические трактаты европейских просветителей XVIII века. Эту глубину по достоинству оценил Ф. М. Достоевский — образ Великого Инквизитора в романе «Братья Карамазовы» преемственно связан с шиллеровским художественным открытием.

Есть в драме еще небольшая сцена, мимо которой обычно проходят исследователи. А она имеет прямое отношение к драматическому финалу. Одна из придворных дам королевы, маркиза Мондекар, выражает свою радость по поводу переезда из летней резиденции в Мадрид: уже готовят арену для боя быков. «И затем, нам обещали аутодафе», — простодушно сообщает маркиза. Королева, выросшая во Франции, не может скрыть возмущения:

Маркиза! Обещали?
И это слышу я от нашей доброй,
Прелестной Мондекар!
Мондекар: Что ж тут дурного?
Сжигают ведь одних еретиков.
Королева: Надеюсь, Эболи другого мненья?
Эболи: Я? Но зачем считает королева,
Что Эболи, как христианка, хуже
Маркизы Мондекар?
Королева: Ах, я забыла,
Где нахожусь...

Трудно сказать, что страшнее: грозный окрик Великого Инквизитора или эта непосредственность молодой и вовсе неплохой женщины, ждущей как праздника публичного сожжения невинных людей, которых церковный суд объявил еретиками.

«Дон Карлос» вошел в историю мировой драмы как замечательное художественное полотно, исполненное священного гнева против всех форм государственной и духовной тирании, озаренное светом гуманистической мысли ее творца. Когда в феврале 1919 года в Петрограде, по инициативе А. М. Горького и А. А. Блока, был создан Большой драматический театр, призванный отразить дух новой революционной эпохи, он открылся спектаклем «Дон Карлос».

«Дон Карлос» — произведение переходное, завершающее ранний период творчества Шиллера. Это были нелегкие годы для него. Нищенские заработки, издевательства книгоиздателей и театральных интендантов, болезни, скитания. Письма его пестрят просьбами о деньгах. В «Разговорах с Гете» Эккермана приведен рассказ о том, как в пору, когда Шиллер работал над «Дон Карлосом», Гете и его друг Мейер однажды встретили его на прогулке. «Его лицо можно было сравнить с образом распятого на кресте. Гете думал, что он не проживет и двух недель» (запись 31 марта 1781 г.).

После «Дон Карлоса» наступает десятилетний перерыв в драматургической деятельности Шиллера. Главное внимание он теперь уделяет истории. В одном из писем он сообщает, что хотел бы в ближайшие годы ничего не читать, кроме книг по истории.

С мая 1789 года Шиллер некоторое время занимает кафедру истории в Иенском университете. Этому предшествовали большие исторические исследования. Главные из них: «История отпадения Соединенных Нидерландов» (1788) и «История Тридцатилетней войны» (1789). В своих исторических работах — являющихся вместе с тем замечательными образцами немецкой прозы — Шиллер высказывает убеждение в неуклонном развитии человечества по пути прогресса. Как просветитель, он придает главное значение выдающимся личностям, борьбе идей,— как известно, исторический подход к прошлому явится открытием более поздней, романтической эпохи.

Отношение Шиллера к Французской революции было непростым. События во Франции вызывали у немецкого поэта большой интерес — он не мог не ощутить их всемирно-исторического значения. Как показывают его поздние произведения, он много размышлял над уроками революции. Но он не принял политической практики парижских санкюлотов, действия якобинцев его пугали, казнь Людовика XVI вызвала у него осуждение. Между тем декретом от 26 августа 1792 года Национальное собрание Французской республики предоставило автору «Разбойников» права французского гражданина — революция поставила немецкому драматургу в заслугу, что он «своими сочинениями служил делу свободы и подготавливал освобождение народов».

В начале 90-х годов Шиллер целиком посвящает себя истории, философии, эстетике, изучает Канта. В своих эстетических работах он не только стремится сформулировать задачи немецкого искусства, но и ответить на многие важнейшие вопросы, которые ставила перед немецкими идеологами эпоха Французской революции.

В своем программном труде «Письма об эстетическом воспитании человека» (1793—1795) Шиллер не мог не отметить, что «взоры философов и любого человека напряженно прикованы к политической арене, на которой, как полагают, решается теперь великая судьба человечества» (Собр. соч., т. 6, с. 253—254).

И все же Шиллер делает огромные усилия, стремясь убедить читателя, что подлинный путь лежит не через политический переворот, а через эстетическое воспитание людей.

В июне 1794 года, задумав издание журнала «Оры», Шиллер обратился с умным и почтительным письмом к Гете с просьбой принять участие в журнале. Оно положило начало дружбе двух великих поэтов, которую прервала только смерть Шиллера. Любопытно, что Шиллер уже много лет жил то в Иене, то в Веймаре, в непосредственной близости от Гете, изредка встречался с ним. Но каждый из них оставался в своем кругу, и круги эти не соприкасались. Гете не принимал ранних драм Шиллера, особенно резко отзывался о «Разбойниках». Шиллер настороженно-внимательно следил за деятельностью Гете, но во многом не разделял его интересов. В известной мере и дружба их началась с разногласий: после одного из заседаний в иенском Обществе естествоиспытателей они заспорили, и сразу выявилось, что они стоят на противоположных философских позициях: для Гете первичными были наблюдение, практический опыт, Шиллер исходил из идеи, из понятия.

Обоих великих поэтов сближало восторженное отношение к античности. Античное искусство представлялось им тем идеалом, на который следовало равняться и им, немецким поэтам. Это, конечно, не означало, что они собирались подражать образцам греческой культуры. Но античные авторы являли им примеры масштабности, ибо создавали произведения большого обобщающего смысла. В письмах Шиллера этих лет, прежде всего в письмах к Гете (переписка Гете и Шиллера — один из выдающихся документов эстетической мысли этой эпохи), постоянно звучит мотив: настоящее искусство чуждо тривиальности, художник не должен погружаться в мелочную повседневность окружающего быта. Эта мысль Шиллера, в частности, отражала недовольство массовой литературой того времени, пользовавшейся популярностью в широких кругах читателей и зрителей. Так, на сценах шли с большим успехом мещанские драмы Иффланда и Коцебу, драмы преимущественно на бытовые, семейные темы, утверждавшие нехитрые истины прописной морали. Шиллер в письме к Гете (4.IV 1797 г.) упрекал «современного художника» в том, что он напряженно и боязливо бьется над вещами случайными и второстепенными: «Он хотел бы в точности воспроизвести действительный случай и не соображает, что поэтическое изображение именно потому никак не может совпасть с действительностью, что оно абсолютно правдиво».

В другом письме к Гете (14.IX 1797 г.) он уточняет свою мысль: «Поэт и художник должен обладать двумя свойствами: во-первых, он должен возвышаться над действительным, а во-вторых, он должен оставаться в пределах чувственного мира».

Эту мысль можно рассматривать как программную для так называемого веймарского классицизма двух великих поэтов.

Завершив основные теоретические работы, изложив в них главные волновавшие его идеи, Шиллер в середине 90-х годов снова обращается к поэтическому творчеству.

Философские стихотворения 1795 года — «Власть песнопенья», «Идеал и жизнь», «Раздел земли»— как бы продолжают эстетические раздумья Шиллера. Это поэтические вариации на тему о высоком призвании художника.

Но звучит в них и мысль об искусстве, возвышающемся над земной юдолью. В «Разделе земли» Зевс раздает людям землю, а поэту оставляет небо.

Переломным в поэтическом творчестве Шиллера явился 1797 год, когда были созданы знаменитые баллады. На ранней поэзии Шиллера лежал отпечаток риторики, преобладала книжная лексика. Позднее, как уже отмечено выше, Шиллер выступал в жанре философской лирики, когда конкретный образ чаще всего подменялся общими поэтическими формулами. Уже современники отмечали холодно-аллегорический характер таких стихотворений, как «Художники».

В «балладный год» Шиллер создает поэтические шедевры, отмеченные драматизмом действия, пластичностью языка, живописной выразительностью изображаемых картин жизни, реальной обстановки, природы. Во многих балладах своеобразно преломляется талант драматурга — мастерство воспроизведения конфликта, владение диалогом, афористичность отдельных реплик.

Содержание баллад многообразно. Они написаны преимущественно на античные или средневековые сюжеты. Но, при всей яркости и убедительности отдельных реалий, баллады нельзя назвать историческими. Это баллады-притчи. Драматические ситуации, в них переданные, чаще всего несут в себе моральную максиму, являют какой-то запоминающийся пример человеческого поведения («Порука») или позволяют дать оценку поведению («Перчатка», «Хождение на железный завод»). В высоком нравственном пафосе баллад Шиллера, облеченном в совершенные художественные формы,— их величие и сила воздействия на читателя.

В 1797 году Шиллер возвращается к драматургии, осуществляя давно задуманный план трилогии о Валленштейне. Замысел созревал медленно, хотя исторические материалы были изучены поэтом еще в годы работы над «Историей Тридцатилетней войны». Тема привлекала его именно той масштабностью, к которой он стремился в своем искусстве.

В «Прологе» к «Валленштейну», написанном для открытия нового здания Веймарского театра (1798 г.), еще раз высказан взгляд Шиллера на задачи поэта: он призван перенести зрителей

Из повседневности мещанских дел
На более высокую арену,
Достойную великого столетья.

Шиллер, несомненно, имеет в виду Великую французскую революцию, ибо далее говорит:

Когда мы ясно видим пред собой,—
Гигантских сил могучее боренье
Во имя высшей цели и борьба
Везде идет за власть и за свободу,—
Обязано искусство сцены также
Стремиться ввысь. Не смеет повседневность
И не должна глумиться над искусством!

(Перевод Л. Гинзбурга)

Замысел своей трилогии Шиллер вписывает в широкую историческую перспективу и связывает с судьбой современной Европы. В прологе он напоминает о событиях последних лет, которые до основания потрясли политическую систему, сложившуюся в итоге Тридцатилетней войны.

Трилогия о Валленштейне — одна из самых «шекспировских» драм Шиллера: и по широте исторического фона, и по богатству и многообразию характеров. Да и Валленштейн чем-то напоминает титанов эпохи Возрождения. Исполинская тень его, по словам Т. Манна, «овеяна фаустовским демонизмом»[1]. Образ полководца сложен и давал повод для разных толкований. Об историческом Валленштейне Шиллер писал: «Несчастьем для живого было то, что он восстановил против себя победоносную партию; несчастьем для мертвого — что этот враг пережил его и написал его историю». Разумеется, Валленштейн трилогии не идентичен тому, о котором писал Шиллер-историк.

По мнению Шиллера, поэт не должен рабски следовать историческим фактам, ибо «цель трагедии — поэтическая: она представляет действие для того, чтобы взволновать и волнением доставить наслаждение... она не только может — она обязана подчинить историческую истину законам поэтического искусства и обрабатывать материал сообразно своим нуждам». Тут же Шиллер оговаривается, что поэт не должен нарушать естественного хода событий, должен оставаться верным правде, но правда эта будет не историческая, а поэтическая.

Валленштейн Шиллера неотделим от своего смутного времени. Шестнадцатый год идет война, и армии, словно волны, перекатываются с одного конца Империи на другой. Военное счастье попеременно выпадает то одной, то другой стороне. Нелегко удержать в повиновении пеструю, многоплеменную солдатскую массу. Император недоверчиво относится к своему генералиссимусу, герцогу Фридландскому Валленштейну, но в трудную минуту не может обойтись без него и вынужден поставить во главе войска. Выдающийся полководец, Валленштейн умеет подчинить своей воле десятки тысяч солдат, сплотить вокруг себя боевую когорту военачальников.

Кто столь влиятелен, столь силен,
Столь ясным разумом наделен,
Чтобы лоскутные наши дружины
Призвать, собрать и сплотить воедино? —

говорит вахмистр в первой части трилогии.

Вся первая часть («Лагерь Валленштейна», 1797) представляет собой большой живописный пролог к трагедии. Цель его многозначна. В нескольких сценах здесь намечен красочный фон событий. Изображен лагерь, раскинутый перед чешским городом Пильзеном. Толпятся солдаты всевозможных родов войск и разных полковых штандартов: карабинеры, егеря, драгуны, кирасиры, уланы. Ни Валленштейн, ни его генералы еще не появляются. Но имя полководца — у всех на устах. Из всего этого многоголосия склады-

---

[1] Т. Манн. Собр. соч. в 10-ти тт., т. 10. М., 1961, с. 573.

вается образ коллективного героя трилогии — солдатской массы. У нее свои представления о призвании, о долге, о чести. И роль ее не пассивна. Это со всей отчетливостью проявится в финале трилогии, когда Валленштейн будет оправдываться перед представителями, избранными солдатами, которые хотели знать, изменил ли он императору и действительно ли перешел на сторону шведов. В «Лагере» дана экспозиция действия и здесь же намечена завязка. Ведь возбуждение среди солдат вызвано прибытием посланца императора — Квестенберга, а также известием о том, что часть полков император намерен направить в другой конец Европы.

Все это воспринимается как заговор против Валленштейна, как попытка ослабить его силы, чтобы потом сместить. И многие понимают причину опасений императора. Тот же вахмистр, восхищаясь полководцем, говорит:

Он — повелитель, известный герой —
Когда-то был так, дворянчик простой.
Но лишь подружился с богиней войны,
Достиг невиданной вышины,
За императором он второй.
И кем еще станет?..

Вторая часть («Пикколомини», 1798) вводит нас в другой круг — приближенные и генералы Валленштейна, его семья, высокий гость из Вены Квестенберг, наконец, отец и сын Пикколомини, играющие особо важную роль в развитии событий. Завязывается узел большой политической интриги. Складываются два заговора. Квестенберг договаривается с Октавио Пикколомини, как погубить Валленштейна. Приближенные Валленштейна — граф Терцки и Илло — собирают подписи под присягой о верности Валленштейну, а не императору.

Таков внешний ход событий. Противоборство двух политических сил достигает кульминации в третьей части трилогии («Смерть Валленштейна», 1799) и разрешается гибелью полководца и его приближенных.

Но к этому не сводится содержание трагедии. В центре внимания Шиллера другой конфликт — морально-психологический. Ученик Канта, он размышляет над такими понятиями, как долг, призвание человека и возможности человека.

«Стиль зрелого Шиллера — интеллектуальный стиль»[1],— отмечал Н. Я. Берковский. Это относится и к лирике и к драматургии. И трагедию Валленштейна Шиллер оценивает уже не как историк, а как мыслитель, оперируя этическими категориями. С большим драматургическим искусством он ставит рядом с главным героем другие фигуры и тем отчетливее очерчивает его характер. Граф Терцки и Илло, ближайшие соратники и помощники Валленштейна, толкают его на отпадение от императора, на союз со шведами. Терцки предлагает даже уступить шведам часть немецких земель. Валленштейн ведет сложную игру со шведами, он здесь резко противостоит свое-

---

[1] Н. Я. Берковский. Статьи о литературе. М.— Л., 1962, с. 164.

корыстным военачальникам типа Терцки. Нет, он не отдаст никаких земель шведам:

Пусть прочь уйдут!.. Никто сказать не смей,
Что продал я Германию пришельцам...
Пусть чтут во мне защитника страны...

(Перевод Н. Славятинского)

Валленштейн полон честолюбивых замыслов, но он обдумывает свое решение, соизмеряет его со своими этическими представлениями. Он чувствует себя призванным самой судьбой, он советуется с астрологом Сэни, сверяет свои планы с положением звезд на небе. И гибнет он потому, что медлит, размышляет, колеблется, ждет какого-то своего часа и упускает время, позволяя врагам осуществить свой заговор.

Но, кроме антитезы Валленштейн — Терцки, Шиллер создает другую, еще более значимую для концепции трагедии. Эту антитезу Валленштейну вносит образ Макса Пикколомини. Это — программный шиллеровский герой, воплощающий светлую мечту поэта. Он в чем-то близок Фердинанду из «Коварства и любви», в чем-то — маркизу Позе из «Дон Карлоса». Он один стоит в стороне от всех политических интриг. Перед Валленштейном он преклоняется, служит ему бескорыстно, и ему очень хочется видеть своего кумира вершителем судеб страны во имя грядущего близкого мира.

Так же чиста и бескорыстна его любовь к дочери Валленштейна Тэкле — с нею у него не связаны никакие честолюбивые замыслы. Он не задумывается и над тем, какую роль Тэкле предназначает отец в своих далеко идущих политических расчетах.

В рамки трилогии, насыщенной политическими страстями, Шиллер вписывает полные глубокого лиризма сцены нежной, возвышенной и самоотверженной любви Макса и Тэклы. Это своего рода трагическая идиллия, безжалостно оборванная роковыми обстоятельствами окружающей жизни. Макс и Тэкла одиноки и беззащитны в мире зла. Вся боль и безнадежность их судьбы выражена в словах прощания Макса с Тэклой:

Несчастные деянья совершились,
Сомкнулось преступленье с преступленьем,
Как звенья цепи бедственной, но мы,
Безвинные, как очутились в этом
Кругу злодейств? Кому мы изменили?..

Макс не видит для себя выхода — он ищет смерти и погибает, предприняв безнадежную атаку на позиции шведов.

«Прекрасное, вот твой удел суровый!»,— завершает Шиллер последний монолог Тэклы, которая и сама принимает решение уйти из жизни.

В развитии драматического действия Макс и Тэкла выступают как герои — рупоры идей самого автора. Макс не имеет исторического прототипа и как бы приподнят над всеми остальными участниками — его устами драматург века разума сурово судит век неразумия, жестокости и коварства.

Исполнено глубокого смысла прощание с Максом самого Валленштейна. Он возмущен его уходом, даже грозит оставить его заложником, но не может отделаться от мысли, что Макс — прекрасный, благородный Макс — все же неотделим от его собственной жизни, он просит его остаться, убеждает принять его, Валленштейново, понимание долга. И это уже не политический расчет, не просто желание удержать при себе полк кирасир, которым командует Макс. С Максом связано все светлое, что жило в нем самом. Валленштейн даже называл его своей звездой. В известной мере вся сложность характера Валленштейна состоит в том, что одними гранями он соприкасается с Терцки, другими — с Максом. И не будь в нем этого максовского начала, он не являлся бы для Шиллера трагическим героем.

Уже современники были поражены величием и монументальностью замысла Шиллера. Нелегко было поставить всю трилогию (требовавшую двух вечеров), но в Веймаре, Берлине и ряде других театров эти трудности были преодолены, и зритель мог оценить выдающееся поэтическое искусство в разработке незаурядных характеров и воссоздании живописного фона эпохи.

Спустя несколько дней после окончания «Валленштейна» (19 марта 1799 г.) Шиллер писал Гете: «Склонность и неудержимое желание влекут меня к вымышленному, не историческому, а чисто человеческому, исполненному страстей сюжету; солдатами, героями и властителями я сыт по горло».

Три новые драмы, которые он создает одна за другой: «Мария Стюарт» (1800), «Орлеанская дева» (1801) и «Мессинская невеста» (1803) — поражают своей несхожестью, они различны по структуре, по тональности, они отличаются по стилю, по характеру мотивировки действия. Можно представить себе даже, что написали их разные авторы или — если один автор — то в разные периоды своей жизни.

Шиллер был убежден, как он об этом писал Г. Кернеру (28.VII 1800 г.), что «каждый сюжет требует своей собственной формы, искусство в том и состоит, чтобы найти подходящую. Трагедия как жанр должна быть в вечном движении и становлении, и потенциально она должна осуществляться в сотнях и тысячах различных форм». В «вечном движении и становлении» находился и сам Шиллер. Он был весь — порыв и стремление. Он вел непрерывный поиск — нового содержания и новых форм, нового героя и новой драматической ситуации.

Гете как-то заметил, что, встречая Шиллера через неделю, он находил его уже другим. Речь шла не о настроении, не о поведении — Гете поражался стремительному развитию шиллеровской мысли. Каждый раз он обнаруживал новую ступень в его знаниях, суждениях, оценках. По словам Гете, он представал «во все более совершенном облике».

Мысль, высказанная Шиллером после окончания «Валленштейна», о том, что вымышленное, но чисто человеческое влечет его больше, чем историческое, многое объясняет в замысле его «Марии Стюарт», которая лишь отдельными гранями соотносится с действительной историей шотландской королевы. Действие начинается с момента, когда Марии уже вынесен смерт-

ный приговор. Шиллер предупреждал режиссера Дальберга, что по пьесе его героине лет 25 (историческая Мария была казнена в возрасте 44 лет). Таким образом, драматург не только отказывается распутывать сложный клубок ее былых преступлений, но, сделав героиню молодой, почти не оставляет места для ее прошлого, связанного с силами католической реакции.

Поэтому иначе, чем в исторических сочинениях, воспринимается самый конфликт между двумя королевами. С первой сцены они поставлены в неравные условия: Елизавета на вершине власти, Мария — в тюрьме. Всем содержанием трагедии драматург привлекает симпатии зрителя к Марии, но не к ее политическим позициям, а к ее положению. Она во власти лицемерной Елизаветы, и потому оправданы ее последние отчаянные попытки вырваться на свободу. В этой борьбе она исполнена достоинства, сознания своей правоты. В сцене встречи с Елизаветой Мария сначала оправдывается и просит, но, столкнувшись с непримиримостью, не выдерживает и начинает обличать Елизавету, прекрасно понимая, что это будет стоить ей жизни.

Шиллер исследует социальную психологию эпохи, набрасывает выразительные характеристики придворных Елизаветы. Драматург, героям которого чаще всего была присуща просветительская прямолинейность, именно в «Марии Стюарт» обнаруживает мастерство в разработке сложных человеческих характеров.

И совсем в ином ключе создается следующая драма Шиллера — «Орлеанская дева». Здесь прежде всего поражает своей исключительностью образ главной героини. Простая пастушка, она действует не именем народа, из среды которого вышла,— Иоанна фанатически убеждена в своей особой миссии как посланницы бога. Все основные события развертываются как цепь чудес. Подчеркнутая театральность действия даже давала повод для сравнения пьесы с пышной оперой. По-шиллеровски патетичен финал. Драматург отбрасывает историческое свидетельство о гибели Иоанны на костре и заставляет ее порвать железные цепи, бежать из английского плена, чтобы погибнуть на поле боя.

В рамках такого полуфантастического сюжета Шиллеру удается создать яркий, впечатляющий образ мужественной девушки из народа, сумевшей повести за собой французские войска, внушив им веру в победу. Зритель воспринимал Иоанну как героиню освободительной борьбы.

«Орлеанскую деву» Шиллер назвал романтической трагедией. Понятие «романтический» в эти годы приобрело в Германии популярность — первые романтики выступили во второй половине 90-х годов. К новому направлению Шиллер относился настороженно, недоверчиво. Произведения ранних романтиков представлялись ему сумбурными, лишенными той ясности и строгости, которую сам он так высоко ценил, опираясь на авторитет античности. Вместе с тем мысль Шиллера, развиваясь и обогащаясь, какими-то гранями соприкасалась с романтической идеологией.

Если об «Орлеанской деве» — при романтичности сюжета и исключительности героини — еще нельзя говорить как о выражении романтического

мировоззрения, то в поздней лирике Шиллера восприятие жизни очень близко романтическому. В таких стихотворениях, как «Начало нового века» (1801), «Путешественник» (1803), «Торжество победителей» (1803), гармония просветительского мировоззрения все чаще уступает пониманию трагической противоречивости бытия.

Пред тобою мир необозримый!
Мореходу не объехать свет;
Но на всей Земле неизмеримой
Десяти счастливцам места нет.

(Перевод В. Курочкина)

Баллады, написанные Шиллером в начале XIX века, своей тональностью существенно отличны от его поэтических шедевров 1797 года. Характерен образ вещей Кассандры, провидевшей в мирные дни Трои грядущую гибель города и своих близких («Кассандра», 1802). Как лейтмотив баллады звучит мысль, явно вносящая корректив в систему просветительских представлений о благости знания:

Ах, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ее проник.

(Перевод В. А. Жуковского)

В балладе «Торжество победителей», обращаясь к традиционной для него античной теме, поэт раскрывает ее в острых контрастах. Он ведет рассказ то от лица победителей-греков, то от имени побежденных троянцев, сочувствуя тем и другим в их утратах. Но торжество победы над Троей овеяно не только печалью, но и тревогой. И в финале драматического рассказа вновь возникает образ Кассандры, в уста которой вложены слова, блистательно переданные в переводе В. А. Жуковского:

Все великое земное
Разлетается, как дым.
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим!

Публикуя драму «Мессинская невеста» (1803), Шиллер предпослал ей обширное предисловие, в котором обосновывал применение хора в трагедии. Долгое время Шиллера упрекали за эту попытку возродить форму древнегреческой трагедии. Между тем Шиллер здесь продолжает размышлять над соотношением правды и вымысла, отстаивая право писателя на условность. Только в наше время стала очевидна плодотворность исканий Шиллера, и многие драматурги XX века, среди них Бертольт Брехт, реализовали это право драматурга на условность, опираясь, в частности, и на предисловие к «Мессинской невесте». До сих пор остается недооцененной и сама эта драма, где покоряет трагический образ донны Изабеллы, матери, которая отчаянно борется за мир в своем доме и в стране, сопротивляясь самой судьбе, нависшей над нею, и терпит поражение, потому что обстоятельства сильнее ее.

Последней завершенной драмой Шиллера является «Вильгельм Телль» (1804). Основой для сюжета послужила полулегендарная история восстания швейцарских пастухов против австрийского владычества в начале XIV века. В письме к Г. Кернеру Шиллер говорит о «высоком поэтическом требовании», которое он предъявлял себе: «наглядно и убедительно показать на сцене целый народ».

Это была поистине новаторская задача — сделать народ основным действующим лицом. Заглавный герой — Вильгельм Телль — предстает только как один из участников изображаемых событий. Более того, в первых сценах Телль, проявляя личное мужество, держится обособленно, не примыкая к тайному союзу, созданному для сопротивления австрийцам. Телль не присутствует и на сходке посланцев трех кантонов, когда на горной поляне Рютли они дают клятву объединиться для борьбы за свои права.

Клятва на Рютли — одна из центральных сцен драмы. Речи ее участников, прежде всего Штауффахера, по-шиллеровски исполнены пафоса. В этом пафосе — отражение духа Великой французской революции. Опыт народной борьбы органически входил в сознание поэта вопреки его политическим предубеждениям. Великий драматург ведет здесь спор с самим собой, автором «Песни о колоколе» (1799), где самыми резкими словами осуждалась стихия народного бунта. В уста одного из участников действия, старика дворянина Аттингаузена, он вкладывает слова, в которых уловлен исторический смысл огромных перемен, совершающихся и назревающих в европейском мире. Аттингаузен с удивлением узнает, что крестьяне трех кантонов готовят восстание против иноземцев:

Как, без поддержки рыцарства крестьянин
Дерзнул подобный подвиг предпринять?
О, если он в свои так верит силы,
Тогда ему мы больше не нужны,
В могилу можем мы сойти спокойно.
Бессмертна жизнь... иные силы впредь
К величию народы поведут.

(Перевод Н. Славятинского)

Правда, изображая народное восстание, Шиллер не раз подчеркивает его особый исторический контекст: швейцарцы ведут борьбу против чужеземного ига, за восстановление старинных патриархальных порядков, они не намерены посягать на социальную структуру общества.

Перед тем как была произнесена клятва на Рютли, Вальтер Фюрст предупредил всех о границах, которые они ставят в своей борьбе:

Цель наша — свергнуть ненавистный гнет
И отстоять старинные права,
Завещанные предками. Но мы
Не гонимся разнузданно за новым.
Вы кесарево кесарю отдайте,
И пусть вассал несет свой долг, как прежде.

Но ни зритель, ни сам автор не могли воспринимать драму лишь как воспроизведение эпизода почти пятисотлетней давности из истории страны, которая была известна приверженностью к традиции, ко всем обычаям и привычкам старины. Шиллер хорошо понимал, как важно для него выйти за рамки этого локального материала, придать изображаемому более широкий смысл, чтобы, как он писал Гете, «бросить взгляд на дальнейшие перспективы развития человеческого рода». Освободительная борьба народов стала важной приметой XIX века; новым подъемом движения за национальную свободу и независимость будет отмечен XX век. И голоса пастухов из трех швейцарских кантонов, громко прозвучавшие в драме Шиллера, продолжают утверждать неумирающее значение поэтического дерзания ее автора.

Наступил последний год жизни поэта. Беспощадный к себе, всегда в напряженных трудах, Шиллер уже не раз оказывался на краю могилы. Осенняя простуда 1804 года осложнила болезни, от которых он страдал многие годы. Эти последние месяцы были посвящены изучению русской истории. Его уже давно привлекала тема самозванства. Сохранились материалы к замыслу драмы о Варбеке, который выдавал себя за сына английского короля, убитого Ричардом III. Но история Варбека была вытеснена эпизодом из русской истории. Однако образ Димитрия его привлек по-настоящему только тогда, когда он нашел иную, чем в истории, трактовку и наделил его чертами трагического героя. По замыслу Шиллера, Димитрий долгое время искренне убежден, что он подлинный сын Ивана IV. Он узнает о ложности своего положения, о том, что он самозванец, только тогда, когда отступать уже поздно: он у стен Москвы, во главе войска. Среди набросков — сцена свидания с Марфой, которая видит, что Димитрий не ее сын, но не разоблачает его. Шиллер успел набросать два действия и подробный план следующих. В Доме-музее в Веймаре и сейчас можно видеть на письменном столе поэта незаконченный монолог Марфы и рядом книгу «История Московии» — волнующие реликвии последних усилий поэта, за которыми его застала смерть 5 мая 1805 года.

История восприятия Шиллера в России, его популярности и славы — одна из интереснейших страниц нашей литературы и нашего театра. В этой краткой статье невозможно осветить все аспекты этой темы: историю замечательных переводов и критических оценок, глубокого восприятия лирики, драматургии и эстетических идей Шиллера. Справедливо Ф. М. Достоевский писал, что французский конвент, посылая Шиллеру — «другу человечества» — патент на право гражданства, и не подозревал, что Шиллер окажется «гораздо роднее и гораздо национальнее» на другом краю Европы. По словам Достоевского, он у нас «в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил»[1].

С. Тураев

---

[1] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. художественных произведений в 10-ти тт., т. XI (дополнит.), Л., 1929, с. 309.

ДРАМЫ

РАЗБОЙНИКИ

ДРАМА В ПЯТИ АКТАХ

Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat.

Hippokrates[1]

In tyrannos![2]

---

[1] Чего не исцеляют лекарства, исцеляет железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь. Гиппократ *(лат.)*.

[2] На тиранов! *(лат.)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максимилиан, владетельный граф фон Моор.
Карл, **Франц** — его сыновья.
Амалия фон Эдельрейх.
Шпигельберг, **Швейцер**, **Гримм**, **Рацман**, **Шуфтерле**, **Роллер**, **Косинский**, **Шварц** — беспутные молодые люди, потом разбойники.
Герман, побочный сын дворянина.
Даниэль, слуга графа фон Моора.
Пастор Мозер.
Патер.
Шайка разбойников.
Второстепенные действующие лица.

Место действия — Германия; время — около двух лет.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Франкония. Зал в замке Мооров.

Франц, старик Моор.

Франц. Здоровы ли вы, отец? Вы так бледны.

Старик Моор. Здоров, мой сын. Ты что-то хотел мне сказать?

Франц. Почта пришла... Письмо из Лейпцига от нашего стряпчего...

Старик Моор *(взволнованно)*. Вести о моем сыне Карле?

Франц. Гм, гм! Вы угадали! Но я опасаюсь... Право, не знаю... Ведь ваше здоровье... Точно ли вы себя хорошо чувствуете, отец?

Старик Моор. Как рыба в воде! Он пишет о моем сыне? Но что ты так забеспокоился обо мне? Второй раз спрашиваешь меня о здоровье.

Франц. Если вы больны, если чувствуете хоть легкое недомогание, увольте... Я дождусь более подходящей минуты. *(Вполголоса.)* Эта весть не для хилого старца.

Старик Моор. Боже! Боже! Что я услышу?

Франц. Дозвольте мне сперва отойти в сторонку и пролить слезу сострадания о моем заблудшем брате. Я бы должен был вечно молчать о нем — ведь он ваш сын; должен был бы навеки скрыть его позор — ведь он мой брат. Но повиноваться вам — мой первый, печальный долг. А потому не взыщите...

Старик Моор. О Карл, Карл! Если бы ты знал, как своим поведением ты терзаешь отцовское сердце! Одна-единственная добрая весть о тебе прибавила бы мне десять лет жизни, превратила бы меня в юношу... Но — ах! — каждая новая весть еще на шаг приближает меня к могиле!

Франц. О, коли так, несчастный старик, прощайте! Не то мы еще сегодня будем рвать волосы над вашим гробом.

Старик Моор *(опускаясь в кресло)*. Не уходи! Мне осталось сделать лишь один шаг... А Карл... Вольному воля! Грехи отцов взыскуются в третьем и четвертом колене... Пусть добивает!

Франц *(вынимает письмо из кармана)*. Вы знаете нашего стряпчего? О, я бы дал отсечь себе руку за право сказать: он лжец, низкий, черный лжец! Соберитесь же с силами! Простите, что я не даю вам самому прочесть письмо. Всего знать вы еще не должны.

Старик Моор. Всё, всё! Сын, ты избавишь меня от немощной старости.

Франц *(читает)*. «Лейпциг, первого мая. Не будь я связан нерушимым словом сообщать тебе, любезный друг, все, что узнаю о похождениях твоего братца, мое скромное перо не стало бы так терзать тебя. Мне известно по множеству твоих писем, что подобные вести пронзают твое братское сердце. Я уже вижу, как ты льешь горючие слезы из-за этого гнусного, беспутного...»

Старик Моор закрывает лицо руками.

Видите, батюшка, а ведь я читаю еще самое невинное... «...льешь горючие слезы...» Ах, они текли, они лились солеными ручьями по моим щекам! «Я уже вижу, как твой старый, почтенный отец, смертельно бледный...» Боже! Вы и впрямь побледнели, хотя не знаете еще и малой доли!..

Старик Моор. Дальше! Дальше!

Франц. «...смертельно бледный, падает в кресло, кляня день, когда он впервые услышал лепет: «Отец». Всего разузнать мне не удалось, а потому сообщаю лишь то немногое, что мне стало известно. Твой брат, как видно, дошел до предела в своих бесчинствах; мне, во всяком случае, не придумать ничего, что уже не было бы совершено им, но, быть может, его ум окажется изобретательнее моего. Вчера ночью, сделав долгу на сорок тысяч дукатов...» Недурные карманные денежки, отец! «...а до того обесчестив дочь богатого банкира и смертельно ранив на дуэли ее вздыхателя, достойного молодого дворянина, Карл с семью другими товарищами, которых он вовлек в распутную жизнь, принял знаменательное решение — бежать от рук правосудия». Отец! Ради бога, отец! Что с вами?

Старик Моор. Довольно, перестань, сын мой!

Франц. Я пощажу вас. «Ему вдогонку послана беглая грамота... Оскорбленные вопиют об отомщении. Его голова оценена... Имя Мооров...» Нет! Мой злосчастный язык не станет отцеубийцей. *(Разрывает письмо.)* Не верьте письму, отец! Не верьте ни единому слову!

С т а р и к   М о о р *(горько плачет)*. Мое имя! Мое честное имя!

Ф р а н ц *(падает ему на грудь)*. Презренный, трижды презренный Карл! Разве я не предчувствовал этого еще в детстве, когда мы услаждали душу молитвами, а он, как преступник от темницы, отвращал свой взор от божьего храма, таскался за девками, гонял по лугам и горам с уличными мальчишками и всяким сбродом, выклянчивал у вас монеты и бросал их в шапку первого встречного нищего? Разве я не предчувствовал этого, видя, что он охотнее читает жизнеописания Юлия Цезаря, Александра Великого и прочих столь же нечестивых язычников, чем житие кающегося Товия? Сотни раз я предсказывал вам,— ибо любовь к брату всегда уживалась во мне с сыновним долгом,—что этот мальчик ввергнет нас в позор и гибель. О, если бы он не носил имени Мооров! Если б в моем сердце было меньше любви к нему! Безбожная любовь, которую я не в силах вырвать из своего сердца! Она еще будет свидетельствовать против меня перед престолом всевышнего.

С т а р и к   М о о р. О, мои надежды! Мои золотые грезы!..

Ф р а н ц. Вот именно. Про что же я вам и толкую. Этот пылкий дух, что бродит в мальчике, говаривали вы тогда, делающий его столь чутким ко всему великому и прекрасному, эта искренность, благодаря которой его душа, как в зеркале, отражается в его глазах, эта чувствительность, заставляющая его проливать горючие слезы при виде любого страдания, эта мужественная отвага, подстрекающая его залезать на вершины столетних дубов и вихрем переноситься через рвы, изгороди и стремительные потоки, это детское честолюбие, это непреклонное упорство и прочие блистательные добродетели, расцветающие в сердце вашего любимца,— о, со временем они сделают из него верного друга, примерного гражданина, героя, большого, великого человека! Вот и полюбуйтесь теперь, отец! Пылкий дух развился, окреп — и что за прекрасные плоды принес он! Полюбуйтесь-ка на эту искренность — как она быстро обернулась наглостью, а чувствительность — как она пригодилась для воркования с кокетками, как живо отзывается она на прелести какой-нибудь Фрины. Полюбуйтесь на этот пламенный дух: за каких-нибудь шесть годков он начисто выжег в нем все масло жизни, и Карл, еще не расставшись с плотью, призраком бродит по земле, а бесстыдники, глазея на него, приговаривают: «C'est l'amour qui a fait ça!»[1] Да, полюбуйтесь на этот смелый, предприимчивый ум, как он замышляет и осуществляет планы, перед которыми тускнеют геройские подвиги всех Картушей и Говардов. А то ли еще будет, когда великолеп-

---

[1] Это любовь его доконала! *(франц.)*

ные ростки достигнут полной зрелости! Да и можно ли ждать совершенства в столь нежном возрасте? И, быть может, отец, вы еще доживете до радости видеть его во главе войска, что квартирует в священной тиши дремучих лесов и наполовину облегчает усталому путнику тяжесть его ноши! Может быть, вам еще доведется, прежде чем сойти в могилу, совершить паломничество к памятнику, который он воздвигнет себе между небом и землей! Может быть... О отец, отец, отец! Ищите себе другое имя, или все мальчишки и торговцы, видевшие на лейпцигском рынке портрет вашего сынка, станут указывать на вас пальцами.

Старик Моор. И ты тоже, мой Франц? Ты тоже? О, мои дети! Они разят меня прямо в сердце!

Франц. Видите, и я могу быть остроумным. Но мой юмор — жало скорпиона... И вот этот «сухой, заурядный человек», этот «холодный, деревянный Франц» или — не знаю, на какие там еще милые прозвища вдохновляло вас различие между мною и братом, когда он, сидя на отцовских коленях, теребил вас за щеки,— этот Франц умрет в родном углу, истлеет и будет позабыт, в то время как слава того всемирного гения пронесется от полюса к полюсу! О создатель! *(Молитвенно воздевая руки.)* Холодный, сухой, деревянный Франц благодарит тебя за то, что он не таков, как тот!

Старик Моор. Прости меня, сын мой! Не гневайся на отца, обманутого в своих надеждах! Господь, что заставил меня лить слезы из-за Карла, осушит их твоей рукой, мой милый Франц!

Франц. Да, отец, я осушу их. Франц готов пожертвовать своей жизнью, чтобы продлить вашу. Ваша жизнь — для меня оракул, которого я вопрошаю перед любым начинанием; зеркало, в котором я все созерцаю. Для меня нет долга, даже самого священного, которого бы я не нарушил, когда дело идет о вашей бесценной жизни. Верите ли вы мне?

Старик Моор. На тебя лягут еще и другие обязанности, сын мой. Господь да благословит тебя за то, чем ты был для меня и чем будешь.

Франц. Скажите, если бы вы того сына не должны были называть сыном, почли бы вы себя счастливым?

Старик Моор. Молчи! О, молчи! Когда повивальная бабка впервые подала мне его, я высоко его поднял и воскликнул: «Разве я не счастливый человек!»

Франц. Так вы сказали, да не так оно вышло. Теперь вы завидуете последнему из ваших крестьян, что он не отец такого сына. Нет, вам не избыть горя, покуда у вас есть этот сын. Оно станет зреть вместе с Карлом. Оно подточит вашу жизнь.

Старик Моор. О, оно уже сделало меня восьмидесятилетним старцем!

Франц. Итак... А что, если вы отречетесь от этого сына?

Старик Моор *(вздрагивая)*. Франц! Франц! Что ты говоришь?

Франц. Но разве не любовь к нему заставляет вас так страдать? Без этой любви он для вас не существует. Без этой преступной, проклятой любви он мертв для вас, никогда не рождался. Не плоть и кровь — сердце делает нас отцами и детьми. Если вы его не любите, этот выродок уже не сын вам, хоть бы он и был плотью от плоти вашей. Доныне он был для вас зеницею ока, но «аще соблазняет тебя око,— гласит Писание,— вырви его вон». Лучше с одним глазом в раю, нежели с двумя в геенне огненной. Лучше бездетным предстать господу, нежели обоим, отцу и сыну, низринуться в ад. Так глаголет бог!

Старик Моор. Ты хочешь, чтобы я проклял моего сына?

Франц. Нет, нет! Вам незачем проклинать сына! Кого вы зовете своим сыном? Того, кому вы дали жизнь и кто делает все, чтобы сократить вашу?

Старик Моор. О, ты прав, ты прав! Это суд божий надо мною! Господь избрал его своим орудием.

Франц. Полюбуйтесь же на сыновние чувства вашего любимца! Он душит вас вашим же отеческим снисхождением, убивает вас вашей же любовью. Он подкупил ваше отчее сердце, чтобы оно отказалось служить вам. Не станет вас — и он хозяин ваших земель, властелин своих страстей! Плотина рухнула, и поток его вожделений мчится, не встречая препон. Поставьте себя на его место! Как часто должен он призывать смерть на своего отца, на своего брата, безжалостно преграждающих дорогу его распутству. И это — любовь за любовь? И это — сыновняя благодарность за отцовскую кротость, когда мгновенному приливу похоти он жертвует десятью годами вашей жизни, когда, обуреваемый сладострастием, он ставит на карту славу своих предков, не запятнанную на протяжении семи столетий? И его вы называете сыном? Отвечайте! Его — своим сыном?

Старик Моор. Безжалостное дитя! Ах, но все же мое дитя!

Франц. Мое дитя! Милое, прелестное дитя, которое только о том и думает, как бы поскорее осиротеть. О, когда же вы это поймете! Когда спадет пелена с ваших глаз! Ведь ваша снисходительность позволит ему закоренеть в разврате, ваше потворство послужит ему оправданием. Правда, так вы отведете проклятие, тяготеющее над его головой, но на вас, на вас, отец, падет оно тогда.

Старик Моор. Да, ты прав! Мой грех, мой грех!

Франц. Сколько тысяч людей, жадно пивших из чаши наслаждений, искупили свои грехи страданием! И разве телесный недуг, спутник всяких излишеств,— не есть перст божий? Вправе

ли человек своей жестокой мягкостью отвращать этот перст? Вправе ли отец навеки погубить залог, врученный ему небом? Подумайте, отец: если вы хоть на время отступитесь от Карла, не будет ли он вынужден исправиться и обратиться на путь истины? Если же он и в великой школе несчастья останется негодяем, тогда горе отцу, потворством и мягкосердечием разрушившему предначертания высшей мудрости! Ну как, отец?

Старик Моор. Я напишу, что лишаю его отцовской поддержки.

Франц. Вы поступите правильно и разумно!

Старик Моор. И чтобы он мне и на глаза не показывался.

Франц. Это окажет спасительное действие.

Старик Моор *(нежно)*. Покуда не исправится.

Франц. Хорошо, очень хорошо! А ну как он вернется, прикрывшись личиной добродетели, выплачет у вас сострадание, выклянчит прощение, а назавтра уйдет и в объятиях распутниц станет насмехаться над вашей слабостью?.. Но нет, нет, отец! Он вернется по доброй воле, лишь когда совесть перестанет упрекать его.

Старик Моор. Так я ему и напишу.

Франц. Погодите! Еще одно, отец! Я боюсь, как бы в гневе у вас не сорвалось с пера слишком жестокое слово; оно смертельно ранит его сердце. И вдобавок не сочтет ли он прощением уже то, что вы удостоили его собственноручного письма? А потому не лучше ли вам поручить это мне?

Старик Моор. Хорошо, сын мой! Ах! Это и вправду разбило бы мое сердце. Напиши ему.

Франц *(быстро)*. Значит, так тому и быть?

Старик Моор. Напиши ему, что ручьи кровавых слез, что тысячи бессонных ночей... Но не доводи моего сына до отчаяния!

Франц. Не хотите ли прилечь, отец? Все это так потрясло вас.

Старик Моор. Напиши ему, что отцовское сердце... Но повторяю тебе: не доводи моего сына до отчаяния! *(Уходит опечаленный.)*

Франц *(со смехом глядя ему вслед)*. Утешься, старик! Ты никогда уж не прижмешь его к своей груди! Путь туда ему прегражден, как аду путь к небесам. Он был вырван из твоих объятий, прежде чем ты успел подумать, что сам того пожелаешь. Жалким был бы я игроком, если б мне не удалось отторгнуть сына от отцовского сердца, будь он прикован к нему даже железными цепями. Я очертил тебя магическим кругом проклятий, которого

ему не переступить! В добрый час, Франц! Нет больше любимого сынка — поле чисто! Надо, однако, подобрать эти клочки, а то кто-нибудь еще узнает мою руку. *(Собирает клочки разорванного письма.)* Теперь горе живо приберет старика. Да и у нее из сердца я вырву этого Карла, хотя бы вместе с ним пришлось вырвать половину ее жизни. У меня все права быть недовольным природой — и, клянусь честью, я воспользуюсь ими. Зачем не я первый вышел из материнского чрева? Зачем не единственный? Зачем природа взвалила на меня это бремя уродства? Именно на меня? Словно она обанкротилась перед моим рождением. Почему именно мне достался этот лапландский нос? Этот рот, как у негра? Эти готтентотские глаза? В самом деле, мне кажется, что она у всех людских пород взяла самое мерзкое, смешала в кучу и испекла меня из такого теста. Ад и смерть! Кто дал ей право одарить его всем, все отняв у меня? Разве может кто-нибудь задобрить ее, еще не родившись, или разобидеть, еще не увидев света? Почему она так предвзято взялась за дело? Нет, нет! Я несправедлив к ней. Высадив нас, нагих и жалких, на берегу этого безграничного океана — жизни, она дала нам изобретательный ум. Плыви, кто может плыть, а неловкий — тони! Меня она ничем не снабдила в дорогу. Все, чем бы я ни стал, будет делом моих рук. У всех одинаковые права на большое и малое. Притязание разбивается о притязание, стремление о стремление, мощь о мощь. Право на стороне победителя, а закон для нас — лишь пределы наших сил.

Существуют, конечно, некие общепринятые понятия, придуманные людьми, чтобы поддерживать пульс миропорядка. Честное имя — право же, ценная монета: можно неплохо поживиться, умело пуская ее в оборот. Совесть — о, это отличное пугало, чтобы отгонять воробьев от вишневых деревьев, или, вернее, ловко составленный вексель, который выпутает из беды и банкрота.

Что говорить, весьма похвальные понятия! Дураков они держат в решпекте, чернь под каблуком, а умникам развязывают руки. Шутки в сторону,— забавные понятия! Напоминают мне плетни, которыми наши крестьяне так хитро обносят свои поля, чтобы, сохрани боже, по ним не пробежал какой-нибудь заяц. Заяц — вот именно! Но барин пришпоривает коня и мягко скачет по блаженной памяти жатве. Бедный заяц! Жалкий удел быть зайцем на этом свете! Но зайцы-то и нужны господину.

Итак, скачи смелей! Кто ничего не боится — не менее силен, чем тот, кого боятся все. Нынче в моде пряжки на панталонах, позволяющие, по желанию, то стягивать, то распускать их. Мы велим сшить себе и совесть по новому фасону,— чтобы пошире растянуть ее, когда раздобреем! Наше дело сторона! Обратитесь к портному! Мне столько врали про так называемую кровную

любовь, что у иного честного дурака голова пошла бы кругом. «Это брат твой!» Переведем на язык рассудка: он вынут из той же печи, откуда вынули и тебя, а посему он для тебя... священен. Вдумайтесь в этот мудренейший силлогизм, в этот смехотворный вывод: от соседства тел к гармонии душ, от общего места рождения к общности чувств, от одинаковой пищи к одинаковым склонностям. И дальше: «Это твой отец! Он дал тебе жизнь, ты его плоть и кровь, а посему он для тебя... священен». Опять хитрейший силлогизм! Но спрашивается, почему он произвел меня на свет? Ведь не из любви же ко мне, когда я еще только должен был стать *собою*. Да разве он меня знал до того, как меня смастерил? Или он хотел сделать меня таким, каким я стал? Или, желая сотворить именно меня, знал, что́ из меня получится? Надеюсь — нет: иначе мне пришлось бы наказать его за то, что он все-таки произвел меня на свет. Уж не возблагодарить ли мне его за то, что я родился мужчиной? Так же бессмысленно, как жаловаться, если бы я оказался женщиной! Могу ли я признавать любовь, которая не основана на уважении к моему «я»? А какое могло здесь быть уважение к моему «я», когда это «я» само возникло из того, чему бы должно было служить предпосылкой? Где же тут священное? Уж не в самом ли акте, благодаря которому я возник? Но он был не более как скотским удовлетворением скотских инстинктов. Или, быть может, священен результат этого акта? Но от него бы мы охотно избавились, не грози это опасностью нашей плоти и крови. Или я должен прославлять отца за то, что он меня любит? Но ведь это — только тщеславие, первородный грех всех художников, кичащихся своим произведением, даже если оно безобразно. Вот вам и все колдовство, которое вы так прочно окутали священным туманом, чтобы во зло употребить нашу трусость. Неужто же и мне, как ребенку, ходить на этих помочах?

Итак, живо! Смелее за дело! Я выкорчую все, что преграждает мне дорогу к власти. Я буду властелином и силой добьюсь того, чего мне не добиться располагающей внешностью. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Корчма на границе Саксонии.

Карл Моор, углубленный в чтение. Шпигельберг пьет за столом.

Карл Моор *(закрывает книгу)*. О, как мне гадок становится этот век бездарных борзописцев, когда я читаю в моем милом Плутархе о великих мужах древности.

Шпигельберг *(продолжая пить, ставит перед ним стакан)*. Почитай-ка лучше Иосифа Флавия!

Карл Моор. Сверкающая искра Прометея погасла. Ее заменил плаунный порошок — театральный огонь, от которого не раскуришь и трубки. Вот они бегают теперь, как крысы по палице Геркулеса, и ломают себе головы над загадкой: что за сок за такой содержался в семеннике этого богатыря? Французский аббат утверждает, что Александр был жалким трусом; чахоточный профессор, при каждом слове подносящий к носу флакончик с нашатырем, читает лекции о силе; молодчики, которые, единожды сплутовав, готовы тут же упасть в обморок от страха, критикуют тактику Ганнибала; желторотые мальчишки выуживают фразы о битве при Каннах и хнычут, переводя тексты, повествующие о победах Сципиона.

Шпигельберг. Это называется скулить по-александрийски.

Карл Моор. Недурная награда за пот, лившийся с вас в битвах: вы живете теперь в гимназиях, и школьники нехотя таскают в ранцах ваше бессмертие! Недурное вознаграждение за щедро пролитую кровь — пойти на обертку грошовых пряников в лавке нюрнбергского торгаша или, в случае особой удачи, попасть в руки французскому драматургу, который поставит вас на ходули и начнет дергать за веревочки! Ха-ха-ха!

Шпигельберг *(пьет)*. Почитай-ка Иосифа, прошу тебя.

Карл Моор. Пропади он пропадом, этот хилый век кастратов, способный только пережевывать подвиги былых времен, поносить в комментариях героев древности или корежить их в трагедиях. В его чреслах иссякла сила, и людей плодят теперь с помощью пивных дрожжей!

Шпигельберг. Нет! Чая, братец, чая!

Карл Моор. Они калечат свою здоровую природу пошлыми условностями, боятся осушить стакан вина: а вдруг не за того выпьешь, подхалимничают перед последним лакеем, чтобы тот замолвил за них словечко его светлости, и травят бедняка, потому что он им не страшен; они до небес превозносят друг друга за удачный обед и готовы друг друга отравить из-за подстилки, которую у них перехватили на аукционе. Они проклинают саддукея за то, что неусердно посещает храм, а сами подсчитывают у алтаря свои ростовщические проценты; они преклоняют колена, чтобы попышнее распустить свой плащ, и не сводят глаз с проповедника, высматривая, как завит у него парик; они падают в обморок, увидев, как режут гуся, и рукоплещут, когда их конкурент обанкротится на бирже. Как горячо жал я им руку: «Один только день!» Тщетно: «В тюрьму, собаку!» Мольбы, клятвы, слезы!.. *(Топая ногой.)* О, силы ада!

Шпигельберг. И все из-за каких-то паршивых двух тысяч дукатов.

Карл Моор. Нет! Я не хочу больше об этом думать! Это мне-то сдавить свое тело шнуровкой, а волю зашнуровать законами? Закон заставляет ползти улиткой и того, кто мог бы взлететь орлом! Закон не создал ни одного великого человека, лишь свобода порождает гигантов и высокие порывы. Проникши в брюхо тирана, они потворствуют капризам его желудка и задыхаются от его ветров! О, если бы дух Германа восстал из пепла! Поставьте меня во главе войска таких молодцов, как я, и Германия станет республикой, пред которой и Рим и Спарта покажутся женскими монастырями. *(Бросает шпагу на стол и встает.)*

Шпигельберг *(вскакивая)*. Браво, брависсимо! Вот ты и дошел до моей мысли! Я сейчас шепну тебе на ухо, Моор, то, что уже давно засело мне в голову. Ты для такого дела самый подходящий человек! Пей, братец, пей! Что, если нам объявить себя иудеями и восстановить Иудейское царство?

Карл Моор *(хохочет во все горло)*. А! Я вижу, ты собрался вывести из моды крайнюю плоть, потому что твоя уже сделалась добычей цирюльника?

Шпигельберг. Чтоб тебя, окаянный! Со мной и вправду случилась такая оказия. Но признайся, что это хитрый и отважный план. Мы издадим манифест, разошлем его на все четыре стороны света и призовем в Палестину всех, кто не жрет свиного мяса. Там я документально доказываю, что Ирод-тетрарх — мой предок, и так далее и так далее. То-то начнется ликование, братец, когда они опять почувствуют почву под ногами и примутся за отстройку Иерусалима. И тут, пока железо горячо, гони турок из Азии, руби ливанские кедры, строй корабли, сбывай кому попало старье и обноски! Тем временем...

Карл Моор *(улыбаясь, берет его за руку)*. Полно, друг, пора бросить дурачества.

Шпигельберг *(озадаченно)*. Тьфу, пропасть! Уж не хочешь ли ты разыграть из себя блудного сына? Ты, удалец, написавший шпагой на физиономиях больше, чем три писца в високосный год успеют написать в приказной книге?.. Уж не напомнить ли тебе о пышном собачьем погребении? Ладно же! Я воскрешу в твоей памяти твой собственный образ. Быть может, это вольет огонь в твои жилы, раз уж ничто другое тебя не вдохновляет. Помнишь еще, как господа из магистрата приказали отстрелить лапу твоей меделянской суке, а ты в отместку предписал пост всему городу? Все гоготали над твоим рескриптом; но ты, не будь дурак, велишь скупить все мясо в городе, так что через восемь часов во

всей округе не сыскать даже обглоданной кости и рыба начинает подниматься в цене. Магистрат, бюргеры алчут мести! Тысяча семьсот наших ребят выстроились мигом, ты во главе, а позади мясники, разносчики, трактирщики, цирюльники и портные — словом, все цеха, готовые в щепы разнести город, если кого-нибудь из наших хоть пальцем тронут. Ну, тем, конечно, и пришлось повернуть оглобли. Ты немедленно созываешь докторов — целый консилиум — и сулишь три дуката тому, кто пропишет собаке рецепт. Мы страшились, что у господ врачей хватит гордости заупрямиться и отказаться, и уж готовы были применить силу. Как бы не так! Почтенные медики передрались из-за трех дукатов и живо сбили цену до трех баценов; в минуту появилась добрая дюжина рецептов, так что сука тут же и околела.

Карл Моор. Подлецы!

Шпигельберг. Погребение совершается с отменным великолепием; надгробных речей, восхваляющих пса, не обобраться. И вот среди ночи мы, чуть ли не тысяча человек, выстраиваемся, каждый с фонарем в одной и рапирой в другой руке, да так, под колокольный звон, бряцая оружием, и проходим через весь город до места последнего упокоения собаки. Затем до самого рассвета идет жратва. Наконец ты встаешь, благодаришь за участие и велишь пустить в продажу остатки мяса за полцены! Mort de ma vie![1] Мы глядели на тебя с не меньшим почтением, чем гарнизон завоеванной крепости глядит на победителя.

Карл Моор. И тебе не стыдно этим похваляться? У тебя хватает совести не стыдиться таких проделок?

Шпигельберг. Молчи, молчи! Ты больше не Моор. Не ты ли за бутылкою вина тысячи раз насмехался над старым скрягой, приговаривая: «Пусть себе копит да скряжничает, а я буду пить так, что небу станет жарко!» Ты это помнишь? Хе-хе! Помнишь? Эх ты, бессовестный, жалкий хвастунишка! Это было сказано по-молодецки, по-дворянски, а нынче...

Карл Моор. Будь проклят ты за то, что напоминаешь мне об этом! Будь проклят я, что говорил так! Но это я говорил в винном чаду: сердце не слышало, что болтал язык.

Шпигельберг *(качая головой)*. Нет! Нет! Нет! Не может быть! Не верю, что ты говоришь серьезно. Скажи, братец, уж не нужда ли настроила тебя на подобный лад? Дай-ка я расскажу тебе один случай из моего детства. Возле нашего дома находился ров шириной ни много ни мало футов в восемь, и мы, ребята, бывало, взапуски стараемся через него перескочить. Да все

[1] Клянусь честью! *(франц.)*

напрасно. Хлоп! — и ты лежишь на дне, а вокруг крик, хохот, всего тебя закидают снежками. У соседнего дома сидела на цепи собака, такая злющая тварь, что девкам просто прохода не было: чуть зазеваются, она и хвать за юбку! Лучшей моей утехой было чем ни попадя дразнить собаку. Я прямо подыхал со смеху, когда эта бестия уставится на меня, кажется, так и ринулась бы, кабы не цепь. И что же случилось? Раз как-то я опять взялся за свои проделки и угодил ей камнем в ребро; она в бешенстве сорвалась с цепи и прямо на меня. Черт подери! Я помчался сломя голову, но вот беда — проклятый ров как раз передо мной. Что делать? Собака гонится по пятам. Размышлять тут некогда. Я разбежался — скок — и перемахнул через ров. Этому прыжку я обязан жизнью. Пес разорвал бы меня в куски.

Карл Моор. К чему ты клонишь?

Шпигельберг. К тому, что силы растут с нуждой... Вот почему я никогда не трушу, когда доходит до крайности. Мужество растет с опасностью: чем туже приходится, тем больше сил. Судьба, верно, хочет сделать из меня великого человека, раз так упорно ставит мне преграды.

Карл Моор (*досадливо*). Право, не знаю, на что нам еще мужества и когда нам его не хватало?

Шпигельберг. Ах, так? Значит, ты хочешь, чтобы твои способности пошли прахом? Хочешь зарыть свой талант в землю? Может, ты воображаешь, что твои лейпцигские шалости — предел человеческого остроумия? Нет, голубчик, пустимся-ка в свет: в Париж и в Лондон, где можно живо заработать оплеуху, назвав кого-нибудь честным человеком. Душа радуется, как там поставлено дело! Ты, брат, рот разинешь, глаза вытаращишь! А как там подделывают подписи, передергивают карты, взламывают замки и вытряхивают требуху из сундуков! Этому, брат, поучись у Шпигельберга! На виселицу того каналью, который согласен голодать, имея ловкие руки!

Карл Моор (*рассеянно*). Как! Ты уже и на это пошел?

Шпигельберг. Чего доброго, ты мне не веришь? Постой, дай мне только развернуться! Ты увидишь чудеса! У тебя голова пойдет кругом, когда мой изобретательный ум с воем разрешится от бремени! (*Встает, с жаром.*) Как все во мне проясняется! Великие мысли занимаются в душе моей! Гигантские планы бродят в моем творческом мозгу! (*Ударяет себя по лбу.*) Будь проклята сонная одурь, которая до сей поры сковывала мои силы, преграждала мне путь, мешала моим начинаниям! Но вот я просыпаюсь, я сознаю, кто я такой и кем должен стать.

Карл Моор. Ты дурак! Это вино в тебе колобродит.

Шпигельберг *(все более разгорячаясь)*. Шпигельберг, будут говорить, ты чародей, Шпигельберг! Жаль, что ты не сделался генералом, Шпигельберг, скажет король. Ты бы сквозь игольное ушко прогнал всю австрийскую армию! Ах, сетуют доктора, ужасно, непростительно, что этот человек не занялся медициной! Он изобрел бы новый порошок против зоба! Ах, как жаль, что он не захотел быть министром финансов, вздыхают новые Сюлли в своих кабинетах, он бы камни превратил в луидоры! «Шпигельберг! Шпигельберг!» — будут говорить на востоке и западе. Пресмыкайтесь же в грязи, вы, бабье, гадины! А Шпигельберг, расправив крылья, полетит в храм бессмертия.

Карл Моор. Счастливого пути! Карабкайся по позорному столбу на вершину славы. В тени дедовских рощ, в объятиях моей Амалии меня ждут иные радости. Еще на прошлой неделе в письме к отцу я умолял его о прощении; я не скрыл ни одного своего проступка. А где чистосердечие, там сострадание и помощь. Простимся, Мориц! Мы видимся сегодня в последний раз. Почта пришла. Отцовское прощение уже здесь, в стенах города.

Входят Швейцер, Гримм, Роллер, Шуфтерле, Рацман.

Роллер. Знаете ли вы, что нас выслеживают?

Гримм. Что нас могут схватить каждую минуту?

Карл Моор. Меня это не удивляет. Будь что будет! Не встречался ли вам Шварц? Не говорил ли, что у него есть письмо для меня?

Роллер. Что-то такое говорил. Он давно тебя ищет.

Карл Моор. Где он? Где, где? *(Порывается бежать.)*

Роллер. Постой! Мы велели ему прийти сюда. Ты дрожишь?

Карл Моор. Нет! Отчего бы мне дрожать? Друзья, это письмо... Радуйтесь вместе со мной! Счастливее меня нет человека под солнцем! Отчего мне дрожать?

Входит Шварц.

(Бежит ему навстречу.) Брат! Брат! Письмо, письмо!

Шварц *(подает ему письмо. Моор поспешно его распечатывает)*. Что с тобою? Ты белее мела.

Карл Моор. Рука моего брата!

Шварц. Да что это со Шпигельбергом?

Гримм. Малый рехнулся! Дергается, как в пляске святого Витта.

Шуфтерле. У него ум за разум зашел! Похоже, что он сочиняет стихи.

Рацман. Шпигельберг! Эй, Шпигельберг! Не слышит, скотина!

Гримм *(трясет его)*. Эй, парень, ты бредишь, что ли?

Шпигельберг, в продолжение всего разговора сидевший в углу и жестикулировавший, как человек, занятый разработкой сложного плана действий, стремительно вскакивает, кричит: «La bourse ou la vie!» [1] — и хватает за горло Швейцера, который преспокойно отбрасывает его к стене. Моор роняет письмо и выбегает как безумный. Все вскакивают.

Роллер *(вслед ему)*. Моор! Куда ты, Моор? Что с тобой?

Гримм. Что с ним? Что с ним? Он бледен как смерть.

Швейцер. Хорошие, должно быть, вести. Посмотрим!

Роллер *(поднимает с пола письмо и читает)*. «Несчастный брат!» Веселое начало! «Я должен вкратце уведомить тебя, что твои надежды не оправдались. Ступай, велит тебе сказать отец, туда, куда тебя ведут твои постыдные деянья. Далее он велит передать, чтобы ты не надеялся на коленях вымолить у него прощение, если не хочешь лакомиться хлебом и водой в подвалах его башен до тех пор, пока волосы не вырастут у тебя с орлиные перья и ногти не уподобятся птичьим когтям. Это его собственные слова. Он приказывает мне кончить письмо. Прощай навеки. Мне жаль тебя! Франц фон Моор».

Швейцер. Милейший братишка! Что и говорить! Францем зовут этого пройдоху?

Шпигельберг *(тихонько подходит к ним)*. Вы говорите о хлебе и воде? Хорошая жизнь! Я для вас припас кое-что получше. Разве я всегда не говорил вам, что мне еще в конце концов за всех вас придется думать.

Швейцер. Что там брешет эта баранья голова? Осел хочет думать за нас всех?

Шпигельберг. Зайцы вы, калеки, хромоногие собаки, если у вас не хватает духу отважиться на что-нибудь великое!

Роллер. Ну, ладно! Пусть так! Но твоя-то выдумка поможет нам выбраться из этого проклятого положения? А?

Шпигельберг *(с надменным хохотом)*. Несчастные! Выбраться из этого проклятого положения? Ха-ха-ха!.. Из проклятого положения? На что-нибудь более тонкое твой жалкий умишко не способен? С прежним грузом по старым лузам? Сукин сын был бы Шпигельберг, если бы он на это только и был еще способен! Героями, говорю я тебе, баронами, князьями, богами сделает вас моя затея.

Рацман. Не много ли с одного-то маху? Но на такой работе, верно, можно и шею сломать?

---

[1] Кошелек или жизнь! *(франц.)*

Шпигельберг. Ничуть! Здесь требуется только смелость, так как по части ума и изобретательности я все беру на себя. Смелее, говорю я, Швейцер! Смелее, Роллер, Гримм, Рацман, Шуфтерле! Смелее!

Швейцер. Смелее? Если дело только за этим, у меня хватит смелости босиком пройти через ад.

Шуфтерле. А у меня — под самой виселицей подраться с чертом за душу бедного грешника.

Шпигельберг. Вот это по мне! Если в вас точно есть мужество, пускай кто-нибудь выйдет и скажет: есть у него еще что терять или он может только выиграть?

Шварц. У меня нашлось бы немало что потерять, если б можно было терять то, что еще предстоит приобрести.

Рацман. Да, черт возьми, и немало приобрести, если бы хотелось приобретать то, чего уже нельзя потерять.

Шуфтерле. Случись мне потерять что на мне надето, да и то с чужого плеча,— завтра мне и впрямь нечего будет терять.

Шпигельберг *(становится посреди них и говорит голосом заклинателя)*. Итак, если в вас есть еще хоть капля крови германских героев — за мной! Мы поселимся в богемских лесах, соберем шайку разбойников и... Что вы на меня уставились? Смелость, видно, уже испарилась?

Роллер. Ты не первый мошенник, который смотрит поверх виселицы. А впрочем, твоя правда — выбора у нас нет.

Шпигельберг. Выбора? У вас нет выбора? А не хотите ли сидеть в долговой яме и забавлять друг дружку веселыми анекдотами, покуда не протрубят к Страшному суду? А не то можете потеть с мотыгой и заступом в руках из-за куска черствого хлеба! Или с жалостной песней вымаливать под чужими окнами тощую милостыню! Можно также облечься в серое сукно; но тут возникает вопрос: доверятся ли вашим рожам? А там, повинуясь самодуру капралу, пройти все муки чистилища или в такт барабану прогуляться под свист шпицрутенов! Или в галерном раю таскать на себе весь железный склад Вулкана! А вы говорите, выбора нет. Да выбирайте любое!

Роллер. Шпигельберг не так уж не прав. Я тоже состряпал кое-какие планы, но все они в конце концов свелись к одному: что, думал я, если нам засесть да скропать альманах — карманную книжонку или что-нибудь в этом роде,— да начать пописывать грошовые рецензии, как это нынче в моде?

Шуфтерле. Черт возьми! Ну, да это недалеко ушло от моих проектов. Я тоже втихомолку подумывал: сделаюсь-ка я пиетистом, да и начну еженедельно проводить назидательные беседы.

Гримм. Отлично! А не получится — безбожником: можно

всыпать хорошенько четырем евангелистам, так, чтобы нашу книгу предали потом сожжению,— вот и сделали бы дельце!

Рацман. А не ополчиться ли нам на французскую болезнь — я знаю одного доктора, который построил себе дом из чистой ртути, как о том свидетельствует дощечка на его двери.

Швейцер *(встает и протягивает Шпигельбергу руку)*. Мориц, либо ты великий человек, либо желудь найден слепою свиньей.

Шварц. Прекрасные планы! Честные занятия! Как, однако, тяготеют друг к другу великие души. Нам недостает только превратиться в девок и своден или торговать своей невинностью.

Шпигельберг. Чепуха! Чепуха! А что вам мешает соединить все это в одно? Мой план вас живо выведет в люди, а бессмертие и слава приложатся. Эх вы, голоштанники! Надо ведь и об этом подумать — о посмертной славе, о сладостном сознании своей незабвенности!

Роллер. И о первом месте в списке честных людей. Ты славный оратор, Шпигельберг, когда дело идет о том, чтобы сделать из честного человека мошенника. Но куда же это запропастился Моор?

Шпигельберг. Из честного? Неужели ты думаешь, что тогда ты будешь менее честен, чем теперь? И что ты называешь «честностью»? Помогать богатым скрягам сбыть с шеи хотя бы треть забот, лишающих их золотого сна; пускать в оборот залежавшиеся капиталы; восстанавливать имущественное равновесие — одним словом, воскресить золотой век на земле, освободить господа бога от кое-каких обременительных нахлебников, сократить потребность в войнах, в моровой язве, в голодухе и докторах — вот что, по-моему, значит быть честным, быть достойным орудием в руках провидения! Ведь тогда при каждом куске жаркого, отправляемого в рот, ты можешь тешить себя лестным сознанием, что этим куском ты обязан своей хитрости, своему львиному мужеству, своим бессонным ночам. Быть в почете у всех от мала до велика...

Роллер. И, наконец, заживо вознестись поближе к небу и, несмотря на бурю и ветер, несмотря на прожорливый желудок прадедушки-времени, качаться под солнцем, луной и мерцающими звездами — там, где неразумные птицы небесные, привлеченные благородной жадностью, поют сладостные песни, а хвостатые ангелы собираются на свой синедрион! Не так ли? И пускай, в то время как монархов и владетельных князей пожирают черви, на твою долю выпадает честь принимать визиты Юпитерова орла! Мориц! Мориц! Берегись, берегись трехногого зверя!

Шпигельберг. И тебя это пугает, заячья душа? Разве мало великих гениев, способных преобразить мир, сгнило на жи-

водерне? И разве память о них не сохраняется века, тысячелетия, тогда как множество королей и курфюрстов были бы позабыты, если б историки не страшились пробелов в преемственности или не стремились удлинить на несколько страниц свои книги, за которые им платит наличными издатель? А если прохожий увидит, как ты раскачиваешься на ветру, он проворчит себе под нос: «Похоже, малый был не промах!» — и посетует на худые времена.

Швейцер *(треплет его по плечу)*. Славно, Шпигельберг, славно! Что же, черт возьми, вы стоите там и медлите?

Шварц. Пусть это называется проституцией — не велика беда! И потом, разве нельзя на всякий случай носить с собой порошок, который тихонько спровадит тебя за Ахерон, где уж ни один черт не узнает, кто ты таков? Да, брат Мориц! Твой план не плох. Таков и мой катехизис!

Шуфтерле. Гром и молния! И мой также! Шпигельберг, ты меня завербовал!

Рацман. Ты, как новый Орфей, усыпил своею музыкой рыкающего зверя — мою совесть. Бери меня со всеми потрохами!

Гримм. Si omnes consentiunt ego non dissentio[1]. Заметьте, без запятой. В моей голове целый аукцион: и пиетисты, и шарлатаны, и рецензенты, и мошенники! Кто больше даст, за тем и пойду. Вот моя рука, Мориц!

Роллер. Ты тоже, Швейцер? *(Подает Шпигельбергу правую руку.)* Ну что ж, и я закладываю душу дьяволу.

Шпигельберг. А свое имя — звездам. Не все ли равно, куда отправятся наши души? Когда сонмы курьеров возвестят о нашем сошествии, а черти вырядятся по-праздничному, сотрут с ресниц тысячелетнюю сажу и высунут мириады рогатых голов из дымящихся жерл серных печей, чтобы посмотреть на наш въезд! *(Вскакивает.)* Други! Живее, други! Что сравнится с этим пьянящим восторгом? Вперед!

Роллер. Потише, потише! Куда? И зверю нужна голова, ребятки.

Шпигельберг *(язвительно)*. Что он там проповедует, этот кунктатор? Разве голова не варила, когда тело еще бездействовало? За мной, друзья!

Роллер. Спокойно, говорю я! Свобода тоже должна иметь господина. Без головы погибли Рим и Спарта.

Шпигельберг *(льстиво)*. Да, погодите, Роллер прав. И это должна быть светлая голова! Понимаете? Тонкий политический ум. Подумать только, чем были вы час назад и чем стали теперь? От одной удачной мысли! Да, конечно, у вас должен быть

---

[1] Если все согласны, то и я не перечу *(лат.)*.

начальник. Ну, а тот, кому пришла в голову такая мысль,— скажите, разве это не тонкий политический ум?

Роллер. О, если б можно было надеяться, мечтать... Но нет, боюсь, он никогда не согласится.

Шпигельберг. Почему? Говори напрямик, друг! Как ни трудно вести корабль против ветра, как ни тяжко бремя короны... Говори смелее, Роллер! Может быть, он и согласится...

Роллер. Все пойдет ко дну, если он откажется. Без Моора мы тело без души.

Шпигельберг *(недовольный, отходит от него)*. Остолоп!

Моор *(входит в сильном волнении и мечется по комнате, разговаривая сам с собою)*. Люди! Люди! Лживые, коварные ехидны! Их слезы — вода! Их сердца — железо! Поцелуй на устах — и кинжал в сердце! Львы и леопарды кормят своих детенышей, вороны носят падаль своим птенцам, а он, он... Черную злобу научился я сносить. Я могу улыбаться, глядя, как мой заклятый враг поднимает бокал, наполненный кровью моего сердца... Но если кровная любовь предает меня, если любовь отца превращается в мегеру,— о, тогда возгорись пламенем, долготерпение мужа, обернись тигром, кроткий ягненок, каждая жилка наливайся злобой и гибелью!

Роллер. Послушай, Моор! Как ты думаешь, ведь разбойничать лучше, чем сидеть на хлебе и воде в подземелье?

Моор. Зачем такая душа не поселилась в тело тигра, яростно терзающего человеческую плоть? И это — отцовские чувства? И это — любовь за любовь? Я хотел бы превратиться в медведя, чтобы заставить всех полярных медведей двинуться на подлый род человеческий! Раскаянье — и нет прощенья! О, я хотел бы отравить океан, чтобы из всех источников люди впивали смерть! Такая доверчивость, такая непреклонная уверенность — и нет милосердия!

Роллер. Да послушай же, Моор, что я тебе скажу!

Моор. Нет, этому нельзя поверить! Это сон! Бред! Такая смиренная мольба, такое живое изображение горя и слезного раскаяния... Сердце дикого зверя растаяло бы от состраданья, камни бы расплакались... И что же? О, если рассказать, это покажется злобным пасквилем на род человеческий. И что же, что? О, если б я мог протрубить на весь мир в рог восстания и воздух, моря и землю поднять против этой стаи гиен!

Гримм. Да послушай же, Моор! Ты от бешенства ничего не слышишь.

Моор. Прочь! Прочь от меня! Разве имя твое не человек? Разве не женщина родила тебя? Прочь с глаз моих, ты, что имеешь

обличье человека! Я так несказанно любил его! Ни один сын не любил так своего отца! Тысячу жизней положил бы я за него! *(В бешенстве топает ногой.)* О, кто даст мне в руки меч, чтобы нанести жгучую рану людскому племени, этому порождению ехидны! Кто скажет мне, как поразить самое сердце его жизни, раздавить, растерзать его, тот станет мне другом, ангелом, богом! Я буду молиться на него!

Роллер. Такими друзьями мы и хотим стать. Выслушай же нас!

Шварц. Пойдем с нами в богемские леса! Мы наберем шайку разбойников, а ты...

Моор дико смотрит на него.

Швейцер. Ты будешь нашим атаманом! Ты должен быть нашим атаманом!

Шпигельберг (*в ярости бросается в кресло*). Холопы! Трусы!

Моор. Кто нашептал тебе эти слова? Послушай, дружище! *(Хватает Шварца за руку.)* Ты извлек их не со дна твоей души — души человека. Кто нашептал тебе эту мысль? Да, клянусь тысячерукой смертью, мы это сделаем! Мы должны это сделать! Мысль, достойная преклоненья! Разбойники и убийцы! Клянусь спасением души моей — я ваш атаман!

Все *(с шумом и криками)*. Да здравствует атаман!

Шпигельберг *(вскакивая, про себя)*. Атаман, покуда я его не спроважу!

Моор. Точно бельмо спало с глаз моих. Каким глупцом я был, стремясь назад, в клетку! Дух мой жаждет подвигов, дыханье — свободы! Убийцы, разбойники! Этими словами я попираю закон. Люди заслонили от меня человечество, когда я взывал к человечеству... Прочь от меня, сострадание и человеческое милосердие! У меня нет больше отца, нет больше любви!.. Так пусть же кровь и смерть научат меня позабыть все, что было мне дорого когда-то! Идем! Идем! О, я найду для себя ужасное забвение! Решено — я ваш атаман! И благо тому из нас, кто будет всех неукротимее жечь, всех ужаснее убивать; ибо, истинно говорю вам, он будет награжден по-царски! Становитесь все вокруг меня, и каждый да поклянется мне в верности и послушании до гроба! Пожмем друг другу руки!

Все *(протягивая ему руки)*. Клянемся тебе в верности и послушании до гроба.

Моор. А моя десница будет порукой, что я преданно и неизменно, до самой смерти, останусь вашим атаманом! Да умертвит эта рука без промедленья того, кто когда-нибудь струсит, или

усомнится, или отречется! И пусть так же поступит со мной любой из вас, если я когда-либо нарушу свою клятву. Довольны вы?

Шпигельберг в бешенстве бегает взад и вперед.

В с е *(бросая вверх шляпы)*. Довольны! Довольны!

М о о р. Итак, в путь! Не страшитесь ни смерти, ни опасностей! Ведь нами правит неумолимый рок: каждого настигнет конец — будь то на мягкой постели, в чаду кровавой битвы, на виселице или на колесе. Другого удела нет.

Уходят.

Ш п и г е л ь б е р г *(глядя им вслед, после некоторого молчания)*. В твоем перечне остался пробел. Ты не назвал яда. *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В замке Моора. Комната Амалии.

Ф р а н ц, А м а л и я.

Ф р а н ц. Ты отворачиваешься, Амалия? Разве я не стою того, чего стоит про́клятый отцом?

А м а л и я. Прочь! О, этот чадолюбивый, милосердный отец, отдавший сына на съеденье волкам и чудовищам! Сидя дома, он услаждает себя дорогими винами и покоит свое дряхлое тело на пуховых подушках, в то время как его великий, прекрасный сын — в тисках нужды! Стыдитесь, вы, чудовища! Стыдитесь, драконовы сердца! Вы — позор человечества! Своего единственного сына...

Ф р а н ц. Я считал, что у него их двое.

А м а л и я. Да, он заслуживает таких сыновей, как ты. На смертном одре он будет тщетно протягивать иссохшие руки к своему Карлу и с ужасом отдернет их, коснувшись ледяной руки Франца. О, как сладостно, как бесконечно сладостно быть проклятым твоим отцом! Скажи, Франц, любящая братская душа, что нужно сделать, чтобы заслужить его проклятье?

Ф р а н ц. Ты в бреду, моя милая. Мне жаль тебя.

А м а л и я. Оставь! Жалеешь ты своего брата? Нет, чудовище! Ты ненавидишь его! Ты и меня ненавидишь!

Ф р а н ц. Я люблю тебя, как самого себя, Амалия!

А м а л и я. Если ты меня любишь, то, верно, не откажешь мне в просьбе?

Ф р а н ц. Никогда, никогда, если ты не потребуешь большего, чем моя жизнь.

А м а л и я. О, если так, то эту просьбу ты очень легко, очень

охотно исполнишь... *(Гордо.)* Ненавидь меня! Я сейчас сгорела от стыда, когда, думая о Карле, представила себе, что ты не питаешь ко мне ненависти. Ты обещаешь мне это? Теперь ступай! Оставь меня! Я люблю быть одна.

Франц. Прелестная мечтательница! Как восхищаюсь я твоим нежным, любящим сердцем! Здесь *(касаясь ее груди)*, здесь царил Карл, как божество в своем храме! Карл стоял перед тобой наяву, Карл являлся тебе в сновидениях. Вся вселенная сливалась для тебя в Карле, все отражало *его*, все твердило о *нем*.

Амалия *(взволнованная)*. Да, правда! Признаюсь! Назло вам, извергам, признаюсь перед целым светом: я люблю его!

Франц. Бесчеловечно! Жестоко! Так заплатить за эту любовь! Позабыть ту...

Амалия *(вспылив)*. Что? Позабыть меня?

Франц. Разве ты не надела ему на прощанье брильянтового кольца в залог твоей верности?.. Но, впрочем, как устоять юноше перед прелестями какой-нибудь блудницы! Кто осудит его, если ему нечего было отдать ей? И к тому же — разве она не заплатила ему с лихвою ласками и объятиями?

Амалия *(возмущенная)*. Мое кольцо — блуднице?

Франц. Фу, как это подло! Но если б это было все!.. Перстень, как бы он ни был дорог, можно достать у любого жида. Может быть, Карлу не понравилась работа и он выменял его на лучший?

Амалия *(гневно)*. Но *мой* перстень, говорю я, *мой* перстень!

Франц. Да, твой, Амалия! Такое бы сокровище — и на моем пальце! И от кого? От Амалии! Сама смерть не вырвала бы его у меня, Амалия! Ведь не чистота брильянта, не искусная работа,— любовь придает ему цену! Милое дитя, ты плачешь? Горе тому, кто исторг драгоценные капли из твоих божественных глаз! Ах, если бы ты знала все, если бы ты видела его самого... и в таком обличье!

Амалия. Чудовище! Как? В каком обличье?

Франц. Нет, нет, ангел души моей, не расспрашивай меня! *(Как будто про себя, но достаточно громко.)* О, если бы существовала завеса, чтобы скрыть от глаз света этот гнусный порок! Но нет! Он глядит из пожелтевших глаз, обведенных свинцовыми кругами, он выдает себя мертвенно-бледным, осунувшимся лицом, уродливо заостренными скулами. Вот он бормочет глухим, охрипшим голосом, вот он вопит о себе, дрожащий, качающийся скелет, он проникает до мозга костей и сокрушает мужественную силу юности, вот, вот брызжет он со лба, со щек, изо рта, со всего тела гнойной, разъедающей пеной, мерзостно гнездится в постыдных

скотских язвах. Тьфу, тьфу! Мне тошно! Нос, глаза, уши — все ходит ходуном... Ты помнишь, Амалия, несчастного, который умер, задохнувшись от кашля в нашей больнице? Казалось, стыд отворачивает от него свои взоры! Ты вскрикнула в ужасе, увидав его. Воскреси этот образ в своей душе — и перед тобой возникнет Карл. Его поцелуи — чума, его губы дышат отравой.

Амалия *(дает ему пощечину)*. Бесстыжий клеветник!

Франц. Тебя ужасает такой Карл? Даже этот бледный образ вызывает в тебе отвращение? Поди полюбуйся на него сама, на своего прекрасного, ангелоподобного, божественного Карла. Поди упейся бальзамом его дыхания, дай умертвить себя запаху амброзии, вырывающемуся из его пасти. Один его вздох вдохнет в тебя ту губительную, смертоносную дурноту, какую вызывает вонь разлагающейся падали, усеянное трупами поле битвы.

Амалия отворачивается.

Какой вихрь любви! Какое сладострастие в объятиях! Но справедливо ли осуждать человека за его неприглядную внешность? Ведь и в жалком теле калеки Эзопа, как рубин в грязи, блистала великая, достойная душа! *(Злобно улыбаясь.)* Даже из уст, покрытых язвами, любовь может... Конечно, если порок не расшатает силы характера, если вместе с целомудрием не улетучится и добродетель, как запах из увядшей розы, если вместе с телом калекой не станет дух...

Амалия *(радостно вскакивает)*. О Карл! Я снова узнаю тебя! Ты все тот же, тот же! Все это ложь! Ужели ты не знаешь, злодей, что Карл не может стать иным?

Франц некоторое время стоит в глубоком раздумье, затем внезапно поворачивается, собираясь уйти.

Куда так поспешно? Бежишь от собственной совести?

Франц *(закрыв лицо руками)*. Отпусти меня! Отпусти! Дать волю слезам! Тиран отец! Лучшего из своих сыновей предать во власть нужды, публичного позора! Пусти меня, Амалия! Я паду к его ногам, я на коленях буду молить его переложить на меня тяжесть отцовского проклятия — лишить меня наследства, меня... Моя кровь... моя жизнь... все...

Амалия *(бросается ему на шею)*. Брат моего Карла! Добрый, милый Франц!

Франц. О Амалия! Как я люблю тебя за эту непоколебимую верность моему брату! Прости, что я посмел так жестоко искушать твою любовь!.. Как прекрасно ты оправдала мои надежды! Эти слезы, вздохи, этот гнев... как дороги, как близки они мне!.. Наши братские сердца бились так согласно!

А м а л и я. О нет, этого не было никогда!

Ф р а н ц. Ах, они пребывали в такой гармонии! Мне всегда казалось, будто мы родились близнецами! Если б не это досадное внешнее несходство, не будь которого Карл, к сожалению, утратил бы свои преимущества, нас бы путали десять раз на дню. Ты, часто говорю я себе, ты вылитый Карл, его эхо, его подобие.

А м а л и я *(качая головой)*. Нет, нет! Клянусь непорочным небом — ни одной его черточки, ни искорки его чувства!

Ф р а н ц. Мы так схожи и в склонностях! Роза была его любимым цветком. Какой цветок мне милее розы? Он несказанно любил музыку! Звезды небесные, вас призываю в свидетели, в мертвой тишине ночи, когда все вокруг погружалось во мрак и дремоту, вы подслушивали мою игру на клавесине! Как можешь ты еще сомневаться, Амалия? Ведь наша любовь сходилась в одной точке совершенства; а если любовь одна, как могут быть несхожими те, в чьих сердцах она гнездится?

Амалия удивленно смотрит на него.

Был тихий, ясный вечер, последний перед его отъездом в Лейпциг, когда он привел меня в беседку, где вы так часто предавались любовным грезам. Мы долго сидели молча. Потом он схватил мою руку и тихо, со слезами в голосе, сказал: «Я покидаю Амалию... Не знаю почему, но мне чудится, что это навеки. Не оставляй ее, брат! Будь ее другом — ее Карлом, если Карлу не суждено возвратиться!» *(Бросается перед ней на колени и с жаром целует ей руки.)* Никогда, никогда, никогда не возвратится он, а я дал ему священную клятву!

А м а л и я *(отпрянув от него)*. Предатель! Вот когда я уличила тебя! В этой самой беседке он заклинал меня не любить никого, если ему суждено умереть. Слышишь ты, безбожный, мерзкий человек! Прочь с глаз моих!

Ф р а н ц. Ты не знаешь меня, Амалия, совсем не знаешь!

А м а л и я. Нет! Я знаю тебя! Теперь-то я знаю тебя... И ты хотел быть похожим на него? И это перед тобой он плакал обо мне? Скорее он написал бы мое имя на позорном столбе! Вон, сейчас же вон!

Ф р а н ц. Ты оскорбляешь меня!

А м а л и я. Вон, говорю я! Ты украл у меня драгоценный час. Пусть вычтется он из твоей жизни!

Ф р а н ц. Ты ненавидишь меня!

А м а л и я. Я тебя презираю. Уходи!

Ф р а н ц *(топая ногами)*. Постой же! Ты затрепещешь передо мной! Мне предпочесть нищего?! *(Уходит.)*

Амалия. Иди, негодяй! Теперь я снова с Карлом. «Нищего», сказал он? Все перевернулось в этом мире! Нищие стали королями, а короли нищими. Лохмотья, надетые на нем, я не променяю на пурпур помазанников божьих! Взгляд его, когда он просит подаяния,— о, это гордый, царственный взгляд, обращающий в пепел пышность, великолепие, торжество богатых и сильных! Валяйся в пыли, блестящее ожерелье! *(Срывает с шеи жемчуг.)* Носите его, богатые, знатные! Носите это проклятое золото и серебро, эти проклятые алмазы! Пресыщайтесь роскошными яствами, нежьте свои тела на мягком ложе сладострастья! Карл! Карл! Вот теперь я достойна тебя! *(Уходит.)*

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Франц фон Моор сидит, задумавшись, в своей комнате.

Франц. Нет, это тянется слишком долго... Врач говорит, что дело идет на поправку. Старики живучи! А ведь передо мною открылась бы ровная, свободная дорога, если бы не этот постылый, жилистый кусок мяса, который, как та подземная собака из волшебной сказки, преграждает мне доступ к моим сокровищам.

Неужто моим замыслам склониться под железное ярмо естества? Неужто мне приковать свой парящий дух к медленному, черепашьему шагу материи? Задуть огонь, который и без того чуть тлеет на выгорающем масле — не более! И все же я не хотел бы это сделать сам... Из-за людской молвы. Я хотел бы не убить его, но сжить со свету. Я хотел бы поступать, как мудрый врач, только наоборот: не ставить преград на пути природы, а торопить ее шаг. Ведь удается же нам удлинять жизнь; так почему бы не попытаться укоротить ее?

Философы и медики утверждают, что состояние духа и работа всего человеческого организма находятся в тесной взаимосвязи. Подагрические ощущения всякий раз сопровождаются расстройством механических отправлений; страсти подрывают жизненную силу; не в меру отягощенный дух клонит к земле свою оболочку — тело. Так как же быть? Кто сумеет смерти расчистить дорогу в замок жизни; поразив дух, разрушить тело? Ах! Неглупая мысль! Но кто ее осуществит? А мысль-то бесподобная! Пораскинь мозгами, Моор! Вот это был бы эксперимент! Право же, лестно впервые произвести его! Ведь довели же смешение ядов до степени чуть ли не подлинной науки и путем опытов вынудили природу указать,

где ее границы. Так что теперь на несколько лет вперед высчитывают биение сердца и говорят пульсу: доселе и не дальше. Отчего же и нам не испробовать силу своих крыльев?

Но с чего начать? Как нарушить это сладостное, мирное единение души и тела? Какую категорию чувств избрать мне? Какая из них злее поразит цвет жизни? Гнев — этот изголодавшийся волк слишком скоро насыщается. Забота — для меня этот червь точит слишком медленно; тоска — эта ехидна ползет так лениво; страх — надежда не дает ему воли. Как? И это все палачи человека? Ужели так быстро истощился арсенал смерти? *(Задумывается.)* Как? Ну же! Нет! А! *(Вскакивая.)* Испуг! Какие пути заказаны испугу? Что разум, религия против ледяных объятий этого исполина? И все же... Если старик устоит и против этой бури? Если он... О, тогда придите ко мне на помощь ты, жалость, и ты, раскаяние — адская Эвменида, подколодная змея, вечно жующая свою жвачку и пожирающая собственные нечистоты, вечная разрушительница, без устали обновляющая свой яд! Явись и ты, вопиющее самообвинение,— ты, что опустошаешь собственное жилище и терзаешь родную мать! Придите и вы ко мне на помощь, благодетельные грации: прошлое, с кроткой улыбкой на устах, и ты, цветущая будущность, со своим неисчерпаемым рогом изобилия! Легкокрылыми стопами ускользая из его жадных объятий, покажите ему в своем зеркале все наслаждения рая. Так, удар за ударом, ураган за ураганом, обрушусь я на непрочную жизнь, покуда все это полчище фурий не замкнет собою отчаяние. Славно! Славно! План готов, небывало трудный, искусный, надежный, верный, ибо *(насмешливо)* нож анатома здесь не найдет ни следов ранений, ни разъедающего яда. *(Решительно.)* Итак, за дело!

Входит Герман.

А! Deus ex machina![1] Герман!

Герман. К вашим услугам, сударь.

Франц *(подает ему руку)*. И ты будешь щедро вознагражден за них, Герман!

Герман. Вы уже не раз награждали меня.

Франц. Вскоре я стану еще щедрее, куда щедрее, Герман! Мне надо поговорить с тобой.

Герман. Я весь обратился в слух.

Франц. Я знаю тебя, ты решительный малый, солдатское сердце. Спуску не даешь. А мой отец ведь очень обидел тебя, Герман.

Герман. Будь я проклят, если я это забуду!

---

[1] Буквально: бог с машины *(лат.)*.

Ф р а н ц. Вот это голос мужа! Месть подобает мужественному сердцу. Ты мне нравишься, Герман! Возьми этот кошелек. Он весил бы больше, будь я здесь господином.

Г е р м а н. Это мое всегдашнее желание, ваша милость! Благодарю вас!

Ф р а н ц. В самом деле, Герман? Ты хочешь, чтобы я был здесь господином? Но у моего отца львиные силы, и к тому же я младший сын.

Г е р м а н. Я хотел бы, чтоб вы были старшим сыном, а у вашего отца было не больше сил, чем у чахоточной девушки.

Ф р а н ц. О! Как бы награждал тебя этот старший сын! Он бы сделал все, чтобы поднять тебя из грязи к блеску, достойному твоего ума и высокого происхождения. Он осыпал бы тебя золотом с ног до головы! Ты проносился бы по улицам в карете, запряженной четверней! Да, правда, так бы оно и было! Но что я хотел сказать тебе? Ты еще не забыл фрейлейн фон Эдельрейх, Герман?

Г е р м а н. Гром и молния! Зачем вы напомнили мне о ней?

Ф р а н ц. Мой брат отбил ее у тебя.

Г е р м а н. Он за это поплатится.

Ф р а н ц. Она тебе отказала, а он чуть ли не спустил тебя с лестницы.

Г е р м а н. За это он полетит у меня в ад!

Ф р а н ц. Он говорил, будто все шепчутся, что ты зачат под забором и что твой отец не может глядеть на тебя без того, чтобы не бить себя в грудь и не стонать: «Господи, прости меня, грешного!»

Г е р м а н *(в ярости)*. Тысяча чертей! Да замолчите ли вы?

Ф р а н ц. Он советовал тебе продать дворянскую грамоту с аукциона, а на вырученные деньги заштопать себе чулки!

Г е р м а н. Проклятие! Я выцарапаю ему глаза собственными руками!

Ф р а н ц. Что? Ты сердишься? Как можешь ты сердиться на него? Где тебе с ним справиться? Что может крыса против льва? Твой гнев лишь подсластит его торжество. Тебе только и остается, что скрежетать зубами да вымещать свою злобу на черством хлебе.

Г е р м а н *(топая ногами)*. Я его в порошок сотру!

Ф р а н ц *(треплет его по плечу)*. Фу, Герман, ведь ты же дворянин, ты не можешь стерпеть такой обиды. Ты не можешь позволить, чтобы у тебя из-под носа выхватили возлюбленную. Ни за что на свете, Герман! Черт побери! Я пошел бы на все, будь я на твоем месте.

Г е р м а н. Я не успокоюсь, покуда и тот и другой не будут лежать в могиле.

Ф р а н ц. Не горячись, Герман! Подойди ближе... Амалия будет твоей.

Г е р м а н. Будет! Назло всем чертям — будет!

Ф р а н ц. Ты получишь ее, клянусь тебе! И получишь из моих рук. Подойди ближе, говорят тебе. Ты, верно, не знаешь, что Карл, можно сказать, уже лишен наследства?

Г е р м а н *(приближаясь к нему)*. Неужели? В первый раз слышу!

Ф р а н ц. Успокойся и слушай дальше,— подробнее я расскажу в другой раз. Да, говорю тебе, скоро год, как отец, можно сказать, выгнал его из дому. Но старик уже раскаивается в столь поспешном шаге, на который он *(со смехом)*, можешь быть уверен, решился не по своей воле. К тому же и Амалия с утра до ночи донимает его жалобами и упреками. Рано или поздно он начнет искать Карла по всему свету, а отыщет — так пиши пропало! Тебе останется только подсадить его в карету, когда он поедет с ней к венцу.

Г е р м а н. Я удавлю его у алтаря!

Ф р а н ц. Отец передаст ему графскую власть, а сам будет жить на покое в своих замках. И вот вожжи в руках у надменного вертопраха, вот он смеется над своими врагами и завистниками, а я, кто хотел сделать тебя богатым, знатным,— я сам, Герман, буду, низко склонившись, стоять у его порога...

Г е р м а н *(с жаром)*. Нет, как правда то, что меня зовут Германом,— этого не будет! Если хоть искра разума еще тлеет в моем мозгу — с вами этого не случится!

Ф р а н ц. Уж не ты ли тому воспрепятствуешь? Он и тебя, мой милый Герман, заставит отведать кнута; он будет плевать тебе в лицо при встрече на улице,— и горе тебе, если ты посмеешь хотя бы вздрогнуть или скривить рот. Вот как обстоит дело с твоим сватовством к Амалии, с твоими планами, с твоей будущностью.

Г е р м а н. Скажите, что мне делать?

Ф р а н ц. Слушай же, Герман! И ты увидишь, какой я тебе преданный друг и как близко принимаю к сердцу твою судьбу! Ступай переоденься, чтобы никто не мог узнать тебя. Вели доложить о себе старику, скажи, что ты прямо из Богемии, что ты вместе с моим братом участвовал в сражении под Прагой и видел, как он пал на поле битвы.

Г е р м а н. Но поверят ли мне?

Ф р а н ц. Хо-хо! Об этом уж я позабочусь! Вот тебе пакет: тут подробная инструкция и, кроме того, бумаги, которые убедят и олицетворенное сомнение. А теперь постарайся незаметно выйти отсюда. Беги через черный ход на двор, там перелезай через садовую стену. Развязку же этой трагикомедии предоставь мне!

Г е р м а н. Она не замедлит свершиться! Виват новому владетельному графу Францискусу фон Моору!

Ф р а н ц *(треплет его по щеке)*. Хитрец! Этим способом мы живо достигнем всех наших целей: Амалия утратит надежду на него; старик обвинит себя в смерти сына и тяжко захворает, — а ветхому зданию не нужно землетрясения, чтобы обвалиться. Он не переживет этой вести. И тогда я — единственный сын. Амалия, лишившись опоры, станет игрушкой в моих руках. Остальное легко можешь себе представить. Короче говоря, все примет желательный оборот. Но и ты не должен отступаться от своего слова.

Г е р м а н. Что вы? *(Радостно.)* Скорее пуля полетит назад и разворотит внутренности стрелка! Положитесь на меня! Предоставьте мне действовать! Прощайте!

Ф р а н ц *(кричит ему вслед)*. Жатва твоя, любезный Герман! *(Один.)* Когда вол свез в амбар весь хлеб, ему приходится довольствоваться сеном. Скотницу тебе, а не Амалию! *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Спальня старика Моора.

С т а р и к М о о р спит в кресле. А м а л и я.

А м а л и я *(тихонько подходит к нему)*. Тише, тише! Он задремал! *(Останавливается перед ним.)* Как он прекрасен, как благостен! Такими пишут святых. Нет, я не могу на тебя сердиться! Седовласый старец, я не могу на тебя сердиться! Спи спокойно, пробудись радостно. Я одна приму на себя страдания.

С т а р и к М о о р *(во сне)*. Сын мой! Сын мой! Сын мой!

А м а л и я *(берет его за руку)*. Тсс! Тсс! Ему снится сын.

С т а р и к М о о р. Ты ли это? Ты здесь? Ах, какой у тебя жалкий вид. Не смотри на меня таким горестным взором! Мне тяжко и без того.

А м а л и я *(будит его)*. Проснитесь! Это только сон! Придите в себя!

С т а р и к М о о р *(спросонок)*. Разве он не был здесь? Разве я не сжимал его руку? Жестокий Франц! Ты и во сне хочешь отнять у меня сына?

А м а л и я. Так вот оно что!

С т а р и к М о о р *(проснувшись)*. Где он? Где? Где я? Это ты, Амалия?

А м а л и я. Лучше ли вам? Вы так сладко спали.

С т а р и к М о о р. Мне снился сын. Зачем я проснулся? Быть может, я услышал бы из его уст слова прощения.

Амалия. Ангелы не помнят зла! Он вас прощает. *(С чувством берет его за руку.)* Отец моего Карла, я прощаю вас!

Старик Моор. Нет, дочь моя! Мертвенная бледность твоего лица меня обвиняет. Бедная девочка! Я лишил тебя всех наслаждений юности! О, не проклинай меня!

Амалия *(с нежностью целует его руку)*. Вас?

Старик Моор. Знаком ли тебе этот портрет, дочь моя?

Амалия. Карл!

Старик Моор. Таков он был, когда ему пошел шестнадцатый год. Теперь он другой. О, мое сердце истерзано. Эта кротость сменилась озлоблением, эта улыбка — гримасой отчаяния. Не правда ли, Амалия? Это было в жасминной беседке, в день его рождения, когда ты писала с него портрет? О дочь моя! Ваша любовь делала счастливым и меня.

Амалия *(не сводя глаз с портрета)*. Нет! Нет! Это не он! Клянусь богом, это не Карл! Здесь, здесь *(указывая на свое сердце и голову)* он совсем другой... Блеклые краски не могут повторить высокий дух, блиставший в его огненных глазах! Ничуть не похож. На портрете он только человек. Какая же я жалкая художница!

Старик Моор. Этот приветный, ласковый взор... О, если б он стоял у моей постели, я жил бы и мертвый... Никогда, никогда бы я не умер!

Амалия. Никогда бы вы не умерли! Смерть была бы как переход от одной мысли к другой — к лучшей. Его взор светил бы вам и за гробом, его взор вознес бы вас превыше звезд.

Старик Моор. Как тяжко, как печально! Я умираю, а моего сына Карла нет при мне, меня снесут на кладбище, а он не будет плакать на моей могиле. Как сладостно засыпать вечным сном, когда тебя баюкает молитва сына: это — колыбельная песнь.

Амалия *(мечтательно)*. Да, сладостно, несказанно сладостно засыпать вечным сном, когда тебя баюкает песня любимого. Кто знает, может быть, этот сон продолжаешь видеть и в могиле! Долгий, вечный, нескончаемый сон о Карле, пока не прозвучит колокол воскресения. *(Восторженно.)* И тогда — в его объятия навеки!

Пауза. Она идет к клавесину и играет.

Милый Гектор! Не спеши в сраженье,
Где Ахиллов меч без сожаленья
Тень Патрокла жертвами дарит!
Кто ж малютку твоего наставит
Чтить богов, копье и лук направит,
Если дикий Ксанф тебя умчит?

С т а р и к М о о р. Что за чудная песнь, дочь моя? Ты споешь мне ее перед смертью.

А м а л и я. Это прощание Гектора с Андромахой. Мы с Карлом часто певали эту песнь под звуки лютни.

Милый друг, копье и щит скорее!
Там, в кровавой сече, веселее...
Эта длань отечество спасет.
Власть богов да будет над тобою!
Я погибну, но избавлю Трою.
Но с тобой Элизиум цветет.

Входит Д а н и э л ь.

Д а н и э л ь. Вас спрашивает какой-то человек. Он просит принять его; говорит, что пришел с важными вестями.

С т а р и к М о о р. Мне в целом свете важно только одно... Ты знаешь что, Амалия. Если это несчастный, нуждающийся в помощи, он не уйдет отсюда без утешения.

А м а л и я. Если это нищий, впусти его поскорей.

Даниэль уходит.

С т а р и к М о о р. Амалия! Амалия! Пожалей меня!

А м а л и я
(поет)

Смолкнет звук брони твоей, о боги!
Меч твой праздно пролежит в чертоге,
И Приамов вымрет славный род.
Ты сойдешь в места, где день не блещет,
Где Коцит волною сонной плещет:
В Лете злой любовь твоя умрет!

Все мечты, желанья, помышленья
Потоплю я в ней без сожаленья,
Только не свою любовь.
Чу! Дикарь опять уж под стенами!
Дай мне меч, простимся со слезами:
В Лете не умрет моя любовь!

Ф р а н ц, переодетый Г е р м а н, Д а н и э л ь.

Ф р а н ц. Вот этот человек. Он говорит, что привез вам страшные вести. В состоянии ли вы его выслушать?

С т а р и к М о о р. Для меня существует только одна весть. Подойди ближе, любезный, и не щади меня. Дайте ему вина.

Г е р м а н *(измененным голосом)*. Сударь, не лишайте бедняка ваших милостей, если он против воли пронзит вам сердце. Я чужой в этих краях, но вас знаю хорошо. Вы отец Карла фон Моора.

С т а р и к М о о р. Откуда ты это знаешь?

Г е р м а н. Я знал вашего сына.

А м а л и я *(вскакивая)*. Он жив? Жив? Ты знаешь его? Где он? Где? Где? *(Срывается с места.)*

С т а р и к М о о р. Ты знаешь что-нибудь о моем сыне?

Г е р м а н. Он учился в Лейпциге и оттуда исчез неизвестно куда. По его словам, он босиком и с непокрытой головой исходил вдоль и поперек всю Германию, вымаливая подаяние под окнами. Пять месяцев спустя снова вспыхнула эта злополучная война между Пруссией и Австрией, и так как ему не на что было надеяться в этом мире, то он дал барабанному грому победоносного Фридриха увлечь себя в Богемию. «Дозвольте мне,— сказал он великому Шверину,— пасть смертью храбрых: у меня нет более отца!»

С т а р и к М о о р. Не смотри на меня, Амалия!

Г е р м а н. Ему вручили знамя. И он помчался вперед по пути прусской славы. Как-то раз мы спали с ним в одной палатке. Он много говорил о своем престарелом отце, о счастливых днях, канувших в прошлое, о несбывшихся надеждах. Слезы текли из наших глаз!

С т а р и к М о о р *(прячет лицо в подушки)*. Молчи! О, молчи!

Г е р м а н. Восемь дней спустя произошла жаркая битва под Прагой. Смею вас уверить, ваш сын вел себя, как подобает храброму воину. Он совершал чудеса на глазах у всей армии. Пять полков полегло вокруг него — он все стоял. Раскаленные ядра сыпались частым градом — ваш сын стоял. Пуля раздробила ему правую руку — он взял знамя в левую и продолжал стоять!

А м а л и я *(с восторгом)*. Гектор! Гектор! Слышите? Он не дрогнул.

Г е р м а н. Тем же вечером я снова натолкнулся на него. Вокруг свистели пули, он лежал на земле, левой рукой стараясь унять льющуюся кровь, правой впиваясь в землю. «Брат,— крикнул он мне,— по рядам прошел слух, что наш генерал уже час как убит».— «Да, он пал,— ответил я.— Ты ранен?» — «Как храбрый солдат,— вскричал он, отнимая левую руку от раны,— я иду за своим генералом». И его великая душа отлетела вослед герою.

Франц *(яростно наступая на Германа)*. Да прилипнет твой проклятый язык к гортани! Или ты явился сюда, чтобы нанести смертельный удар нашему отцу? Отец! Амалия! Отец!

Герман. Вот последняя воля моего покойного товарища: «Возьми этот меч,— прохрипел он,— и отдай моему старому отцу; кровь его сына запеклась на нем. Отец может радоваться: он отомщен. Скажи ему, что его проклятье погнало меня в битву, навстречу смерти. Скажи, что я умер в отчаянии!» Последний вздох его был: «Амалия!»

Амалия *(словно пробудившись от мертвого сна)*. Его последний вздох был: «Амалия!»

Старик Моор *(с воплем рвет на себе волосы)*. Мое проклятие убило его! Он умер в отчаянии!

Франц *(бегает взад и вперед по комнате)*. О! Что вы сделали, отец! Карл! Брат мой!

Герман. Вот меч и портрет, который он снял со своей груди. Точь-в-точь эта барышня. «Это моему брату Францу!» — прошептал Моор. Что он хотел этим сказать, я не знаю.

Франц *(с удивлением)*. Мне — портрет Амалии? Мне... Карл... Амалию? Мне?

Амалия *(в гневе подбегает к Герману)*. Низкий, подкупленный обманщик! *(Пристально смотрит на него.)*

Герман. Вы ошибаетесь, сударыня! Взгляните, разве это не ваш портрет? Вы, верно, сами его дали ему?

Франц. Клянусь богом, Амалия, это твой портрет! Право же, твой!

Амалия *(отдавая портрет)*. Мой, мой! О, боже!

Старик Моор *(с воплем раздирает себе лицо)*. Горе, горе мне! Мое проклятье убило его, он умер в отчаянии!

Франц. И он вспомнил обо мне в последний трудный час кончины! Обо мне — ангельская душа! Когда черное знамя смерти уже реяло над ним — обо мне!

Старик Моор *(тихо бормочет)*. Мое проклятие убило его! Он умер в отчаянии!

Герман. Я не в силах больше смотреть на эти страдания! Прощайте, сударь! *(Тихо, Францу.)* К чему вы все это затеяли? *(Хочет уйти.)*

Амалия *(бежит за ним)*. Стой! Стой! Что было его последним словом?

Герман. Его последний вздох был: «Амалия!» *(Уходит.)*

Амалия. Его последний вздох был: «Амалия!» Нет, ты не обманщик! Так это правда! Правда! Он умер! Умер! *(Шатается и падает.)* Умер! Карл умер!

Франц. Что я вижу? Что это кровью написано на мече? Амалия!

Амалия. Его рукой?

Франц. Наяву это или во сне? Посмотри, кровью выведено: «Франц, не оставляй моей Амалии!» Смотри же, смотри! А на другой стороне: «Амалия, твою клятву разрешила всемогущая смерть!» Видишь! Видишь! Он писал это костенеющей рукой, писал горячей кровью своего сердца на торжественном рубеже вечности. Его душа, готовая отлететь, помедлила, чтобы соединить Франца и Амалию.

Амалия. Боже милосердный! Это его рука! Он никогда не любил меня! *(Поспешно уходит.)*

Франц *(топая ногой)*. Проклятье! Все мое искусство бессильно перед этой строптивицей!

Старик Моор. Горе, горе мне! Не оставляй меня, дочь моя! Франц, Франц, верни мне моего сына!

Франц. А кто проклял его? Кто погнал своего сына на поле смерти? Кто вверг его в отчаяние? О, это был ангел, жемчужина в венце всевышнего! Да будут прокляты его палачи! Будьте и вы прокляты!

Старик Моор *(ударяя себя кулаком в грудь)*. Он был ангелом! Он был жемчужиной в венце всевышнего! Проклятие, проклятие, гибель и проклятие на мою голову! Я отец, убивший своего доблестного сына! Он любил меня до последней минуты и мне в угоду ринулся в бой, навстречу смерти! О, я чудовище, чудовище! *(Неистовствует.)*

Франц. Его уже нет, к чему запоздалые стенанья? *(Злобно улыбаясь.)* Убить легче, чем воскресить. Вам не вернуть его из могилы.

Старик Моор. Никогда, никогда, никогда не вернуть из могилы! Нет его! Потерян навеки! Ты своими наговорами вырвал проклятье из моего сердца!.. Ты... ты!.. Верни мне сына!

Франц. Не доводите меня до бешенства! Я оставляю вас наедине со смертью.

Старик Моор. Чудовище! Чудовище! Отдай мне моего сына! *(Вскакивает с кресла и хочет схватить Франца за горло, но тот с силой отбрасывает его.)*

Франц. Немощный скелет... Вы еще смеете?.. Умирайте! Казнитесь!.. *(Уходит.)*

Старик Моор. Тысячи проклятий да грянут над тобою! Ты украл у меня сына! *(Мечется в кресле.)* Горе, горе мне! Так отчаиваться и — жить!.. Они бегут, оставляют меня наедине со смертью... Ангел-хранитель покинул меня! Святые отступились от седовласого убийцы! Горе, горе мне! Никто не хочет под-

держать мою голову, освободить мою томящуюся душу! Ни сыновей, ни дочери, ни друга! Только чужие! Никто не хочет... Один, всеми покинут! Горе, горе мне! Так отчаиваться и — жить!..

Амалия входит с заплаканными глазами.

Амалия, посланница небес! Ты пришла освободить мою душу?

Амалия *(ласково)*. Вы потеряли доблестного сына.

Старик Моор. Убил, хочешь ты сказать. Виновный в убийстве сына, я предстану перед престолом всевышнего...

Амалия. Нет, нет, многострадальный старец! Небесный отец призвал его к себе. Иначе мы были бы слишком счастливы здесь, на земле... Там, там, превыше светил небесных, мы свидимся вновь.

Старик Моор. Свидимся, свидимся! Нет! Меч пронзит мою душу, если я, блаженный, в сонме блаженных увижу его. И на небесах ужаснут меня ужасы ада, и перед лицом вечности меня будет душить сознание: я убил своего сына.

Амалия. О, он с улыбкой прогонит из вашего сердца страшные воспоминания! Ободритесь же, милый отец: ведь я бодра. Разве он не пропел небесным силам на арфе серафимов имя Амалии и разве небесные силы не вторили ему? Ведь его последний вздох был: «Амалия!» Так разве же не будет и его первый крик восторга: «Амалия!»?

Старик Моор. Сладостное утешение источают уста твои! Он улыбнется мне, говоришь ты? Простит? Останься же при мне, возлюбленная моего Карла, и в час моей кончины.

Амалия. Умереть — значит ринуться в его объятия! Благо вам! Я вам завидую. Почему мое тело не дряхло, мои волосы не седы? Горе молодости! Благо тебе, немощная старость: ты ближе к небу, ближе к моему Карлу!

Входит Франц.

Старик Моор. Подойди ко мне, сын мой! Прости, если я был слишком суров к тебе! Я прощаю тебя. И хочу с миром испустить дух свой.

Франц. Ну что? Досыта наплакались о вашем сыне? Можно подумать, что он у вас один.

Старик Моор. У Иакова было двенадцать сыновей, но о своем Иосифе он проливал кровавые слезы.

Франц. Гм!

Старик Моор. Возьми Библию, дочь моя, и прочти историю об Иакове и Иосифе: она и прежде всегда меня трогала, а я не был еще Иаковом.

А м а л и я. Какое же место прочесть вам? *(Перелистывает Библию.)*

С т а р и к М о о р. Читай мне о горести осиротевшего отца, когда он меж своих детей не нашел Иосифа и тщетно ждал его в кругу одиннадцати; и о его стенаниях, когда он узнал, что Иосиф отнят у него навеки.

А м а л и я *(читает)*. «И взяли одежду Иосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью, и послали разноцветную одежду, и доставили отцу своему, и сказали: «Мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет?»

Франц внезапно уходит.

Он узнал ее и сказал: «Это одежда сына моего, хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф».

С т а р и к М о о р *(откинувшись на подушку)*. «Хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф».

А м а л и я *(читает дальше)*. «И разорвал Иаков одежды свои, и возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. И собрались все сыновья и все дочери его, чтобы утешить его; он не хотел утешиться и сказал: «С печалью сойду к сыну моему во гроб...»

С т а р и к М о о р. Перестань, перестань! Мне худо!

А м а л и я *(роняет книгу и подбегает к нему)*. Боже мой! Что с вами?

С т а р и к М о о р. Это смерть!.. Чернота... плывет... перед моими глазами... Прошу тебя... позови священника... Пусть принесет... святые дары... Где мой сын Франц?

А м а л и я. Он бежал! Боже, смилуйся над нами!

С т а р и к М о о р. Бежал... бежал... от смертного одра! И это все... все... от двух сыновей, с которыми связывалось столько упований... Ты их дал... ты их отнял... Да святится имя твое!..

А м а л и я *(вдруг вскрикивает)*. Умер! Не бьется сердце! *(Убегает в отчаянии.)*

Ф р а н ц *(входит радостный)*. «Умер!» — кричат они. Умер! Теперь я господин. По всему замку вопят: «Умер!» А что, если он только спит? Да, конечно, конечно, это сон. Но уснувший таким сном уже никогда не услышит «с добрым утром». Сон и смерть — близнецы. Только переменим названия. Добрый, желанный сон! Мы назовем тебя смертью. *(Закрывает отцу глаза.)* Кто же теперь осмелится прийти и потянуть меня к ответу или сказать мне в глаза: «Ты подлец!»? Теперь долой тягостную личину кротости и добродетели! Смотрите на подлинного Франца и ужасайтесь! Мой отец не в меру подслащал свою власть. Подданных он превратил

в домочадцев; ласково улыбаясь, он сидел у ворот и приветствовал их, как братьев и детей. Мои брови нависнут над вами, подобно грозовым тучам; имя господина, как зловещая комета, вознесется над этими холмами; мое чело станет вашим барометром. Он гладил и ласкал строптивую выю. Гладить и ласкать — не в моих обычаях. Я вонжу в ваше тело зубчатые шпоры и заставлю отведать кнута. Скоро в моих владениях картофель и жидкое пиво станут праздничным угощением. И горе тому, кто попадется мне на глаза с пухлыми, румяными щеками! Бледность нищеты и рабского страха — вот цвет моей ливреи. Я одену вас в эту ливрею! *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Богемские леса.

Шпигельберг, Рацман. Разбойники.

Рацман. Ты здесь? Тебя ли вижу? Дай задушить тебя в объятиях, дружище Мориц! Привет тебе в богемских лесах! Эк ты раздобрел и окреп! Черт подери, да ты, никак, и рекрутов привел с собой целую ватагу? Ай да вербовщик!

Шпигельберг. А ведь правда, здорово, братец, здорово? Молодчики-то как на подбор! Ты не поверишь! Надо мной прямо-таки божья благодать! Был я голодным беднягой, ничего не имел, кроме этого посоха, когда перешел Иордан, а теперь нас семьдесят восемь молодцов, все больше разорившиеся купцы, выгнанные чиновники да писаря из швабских провинций. Это, братец, доложу я тебе, отряд таких молодцов, таких славных ребят, что каждый у другого на ходу подметки режет и чувствует себя спокойно рядом с соседом, лишь держа в руках заряженное ружье. Ни в чем им нет отказа, а слава о них такая на сорок миль в округе, что диву даешься. Нынче, брат не сыщешь ни одной газеты, в которой не было бы статейки о ловкаче Шпигельберге. Только потому я их и читаю. С ног до головы так меня описали, что как живой стою. Пуговиц на моем кафтане и тех не позабыли. А мы только и знаем, что водить за нос этих дуралеев. Как-то недавно захожу в типографию, заявляю, что видел пресловутого Шпигельберга, и диктую тамошнему щелкоперу живой портрет одного докторишки из их округи. Все пошло как по-писаному, притянули голубчика к ответу, допросили с пристрастием, а этот дурак со страха возьми да и признайся — провалиться мне на этом месте,— что он-де и есть Шпигельберг! Гром и молния! Меня так и подмывало пойти с повинной в магистрат, чтобы этот каналья не бесчестил моего имени. Что же ты думаешь? Три месяца спустя повесили-таки моего доктора. Мне пришлось заложить в нос изрядную понюшку

табаку, когда я потом, прогуливаясь около виселицы, смотрел, как этот лже-Шпигельберг качается на ней во всей своей красе. И вот, в то время как лже-Шпигельберг болтается в петле, истинный Шпигельберг осторожненько из петли выпутывается и натягивает премудрой юстиции такой длинный нос, что даже жаль становится ее, бедняжку.

Рацман *(со смехом)*. А ты, дружище, нимало не переменился!

Шпигельберг. Да, как видишь, я все тот же душой и телом! Послушай-ка, дуралей, какую я штуку выкинул намедни в обители святой Цецилии. Попадается мне, значит, на пути этот монастырек. Уж вечерело, а я в тот день еще не издержал ни одного патрона. Ты же знаешь, я до смерти не люблю diem perdidi [1], но коли день пропал, надо хоть ночью заварить такую кашу, чтоб чертям тошно стало. Ну так вот. Мы ведем себя смирно до наступления темноты. Воцаряется тишина. Огни гаснут. Эге, думаем мы, видно, монашенки-то улеглись. Я беру с собой приятеля Гримма, а другим велю дожидаться у ворот, покуда не свистну, сговариваюсь с привратником и, получив от него ключи, прокрадываюсь в помещение, где спят послушницы. Я живо стибрил ихние платья, связал в узел и вынес за ворота. Потом мы прошлись по кельям и забрали одежду у всех сестер, а под конец и у самой настоятельницы. Тут я свистнул, и мои молодцы, что остались за воротами, подняли такой шум и гам, точно настал день Страшного суда, и затем с криком и гиканьем рассыпались по всей обители. Ха-ха-ха! Посмотрел бы ты, какая там началась кутерьма. Как бедняжки искали впотьмах свою одежонку, метались, охали, словно в когтях у черта, а мы — ну их лапать! С перепугу одни стали заворачиваться в простыни, залезать под печку, как кошки, а другие так напрудили в кельях, хоть плавать пускайся! Визгу! Крику!.. Вылезла и старая карга настоятельница в костюме Евы до грехопадения. Ты ведь знаешь, братец, что для меня нет на свете создания мерзее паука и старой бабы, а тут эта почернелая, морщинистая, косматая старуха так и вьется вокруг, заклиная меня своим девическим целомудрием. Тьфу! Я уже поднял было кулак, чтобы вышибить ей последние зубы, да воздержался и предложил на выбор: либо подавай нам монастырское серебро, драгоценную утварь и всю звонкую монету, либо... Мои ребята живо поняли меня! Словом, я унес оттуда не меньше чем на тысячу талеров всякого добра да еще воспоминанье о веселой ночке. А ребята оставили монашенкам памятки, от которых им раньше, как через девять месяцев, не избавиться.

---

[1] Потерять день *(лат.)*.

Р а ц м а н *(топнув ногой)*. Черт побери, почему меня там не было!

Ш п и г е л ь б е р г. Вот видишь! Попробуй-ка сказать после этого, что плоха беспутная жизнь! Вдобавок ты остаешься свеж, бодр да еще в тело входишь не хуже римского прелата. Видно, есть во мне что-то такое магнетическое, коли сброд со всего белого света липнет ко мне, как сталь и железо.

Р а ц м а н. Ты и впрямь магнит! Хотел бы я, черт побери, понять, каким колдовством ты этого добиваешься...

Ш п и г е л ь б е р г. Колдовством? Колдовство тут ни при чем. Тут, брат, нужна голова да немного практической сметки, которую, конечно, из пальца не высосешь. Видишь ли, я всегда говорю: честного человека можно сделать из любого пня. Но мошенника — это дело посложнее! Тут необходим подлинный национальный гений и известный, как бы это сказать, мошеннический климат. Поэтому я советую тебе, съезди-ка в Граубюнден. Это Афины нынешних плутов.

Р а ц м а н. А мне, брат, особенно расхваливали Италию.

Ш п и г е л ь б е р г. Да, да! Надо быть справедливым. В Италии тоже имеются доблестные мужи. Но если Германия будет продолжать в том же духе и окончательно порвет с Библией, на что можно уже твердо надеяться, то со временем и из нее выйдет что-нибудь путное. Вообще, должен тебе сказать, особого значения климат не имеет; гений принимается на любой почве, а все остальное, братец... Сам знаешь — из дикого яблока и в райском саду не получится ананаса. Но что я хотел сказать? На чем бишь я остановился?

Р а ц м а н. На мошеннической сноровке.

Ш п и г е л ь б е р г. Да, верно, на мошеннической сноровке. Итак, приехав в какой-нибудь город, ты первым делом разузнаешь у надзирателей за нищими, у приставов и дозорных, кого чаще всего к ним приводят, и затем отыскиваешь этих голубчиков. Далее ты становишься завсегдатаем кофеен, публичных домов, трактиров и там вынюхиваешь, кто больше всех ругает дешевизну, низкую процентную ставку, губительную чуму полицейских постановлений, кто всех злобнее поносит правительство или разъяряется на физиогномику и тому подобное... Вот ты, братец, и у цели! Честность шатается, как гнилой зуб, остается только подцепить его козьей ножкой... Или, и того лучше, ты бросаешь полный кошелек прямо на мостовую, а сам где-нибудь прячешься и смотришь, кто его поднимет. Немного погодя ты уже бежишь вслед за ним, охаешь и, догнав, спрашиваешь: «Не поднимали ли вы, сударь, кошелька с деньгами?» Скажет: «Да»,— черт с ним, ступай своей дорогой; начнет отпираться: «Нет, извините, сударь...

не припомню... очень сожалею...» — тогда победа, братец, победа! Гаси фонарь, хитроумный Диоген! Ты нашел твоего человека.

Рацман. Да ты малый не промах!

Шпигельберг. Бог мой! Как будто я когда-нибудь в этом сомневался! Когда же молодец попался в твой сачок, действуй расторопно, чтобы не упустить его. Я, братец, проделывал это следующим образом: стоило мне только напасть на след, я прицеплялся к намеченной жертве, как репейник, пил с ним на брудершафт. Nota bene![1] Угощай его на свой счет. Конечно, накладно, но ничего не поделаешь! Далее, ты вводишь его в игорные дома, знакомишь со всякой швалью, вовлекаешь в драки, запутываешь в мошеннические проделки, покуда он не промотает свои силы, деньги, совесть и доброе имя. Потому что, incidenter[2], ничего не выйдет, должен тебе сказать, если с самого начала ты не погубишь его души и тела. Верь мне, братец! Я раз пятьдесят убеждался на собственном опыте. Если сгонишь честного человека с насиженного места — быть ему у черта под началом. Переход этот так легок, так легок, как скачок от шлюхи к святоше. Но чу! Что за грохот?

Рацман. Гром гремит! Ну, продолжай!

Шпигельберг. Есть путь еще лучше и короче: обери молодчика, да так, чтоб у него ни кола, ни двора не осталось. Будет без рубахи, так и сам прибежит к тебе. Впрочем, ученого учить — только портить! Спроси-ка лучше вон того меднорожего... Черт возьми, его я здорово поддел: помахал у него перед носом сорока дукатами, посулил ему эти денежки за восковой слепок с хозяйского ключа... Что ж ты думаешь, эта бестия все исполнил: принес, черт его побери, ключ и требует денег. «Мосье,— говорю я ему,— а знаешь ли ты, что я с этим ключом прямехонько отправлюсь в полицию и найму тебе квартирку на виселице?» Тысяча дьяволов! Посмотрел бы ты, как малый выпучил глаза и задрожал, словно мокрый пудель. «Ради бога, смилуйтесь, сударь! Я хочу... я хочу...» — «Чего ты хочешь? Хочешь собрать свои манатки и вместе со мной пойти к черту?» — «О, от всего сердца, с превеликим удовольствием!» Ха-ха-ха! Любезный! Мышей на сало ловят. Да смейся же над ним, Рацман! Ха-ха-ха!

Рацман. Ха-ха-ха! Ну разодолжил! Золотыми буквами напишу я у себя на лбу твою лекцию. Видно, сатана неплохо знает людей, если сделал тебя своим маклером.

Шпигельберг. Право, дружище! Я думал, что, если навербую ему еще с десяток таких молодчиков, он отпустит меня на все четыре стороны. Ведь дает же издатель комиссионеру каж-

---

[1] Заметь себе! *(лат.)*
[2] Кстати *(лат.)*.

дый десятый экземпляр бесплатно. Так неужто же черт станет скряжничать? Рацман! Что-то порохом потянуло.

Рацман. Черт возьми! Я сам уже давно слышу. Берегись, здесь неподалеку что-нибудь да не так. Ей-ей! Говорю тебе, Мориц, что ты со своими рекрутами прямо находка для атамана. Он тоже залучил бравых молодцов.

Шпигельберг. Но мои, мои...

Рацман. Что правда, то правда! Может, и у твоих золотые руки, но, говорю тебе, слава нашего атамана ввела в соблазн многих даже честных людей.

Шпигельберг. Ты уж чего не наскажешь.

Рацман. Кроме шуток! И они не стыдятся служить под его началом. Он убивает не для грабежа, как мы. О деньгах он, видно, и думать перестал с тех пор, как может иметь их вволю; даже ту треть добычи, которая причитается ему по праву, он раздает сиротам или жертвует на учение талантливым, но бедным юношам. Но если представляется случай пустить кровь помещику, дерущему шкуру со своих крестьян, или проучить бездельника в золотых галунах, который криво толкует законы и серебром отводит глаза правосудию, или другого какого господчика того же разбора, тут, братец ты мой, он в своей стихии. Тут словно черт вселяется в него, каждая жилка в нем становится фурией.

Шпигельберг. Гм, гм!

Рацман. Недавно в корчме мы узнали, что по большой дороге будет проезжать богатый граф Регенсбург, выигравший миллионную тяжбу благодаря плутням своего адвоката. Он сидел за столом и играл в шахматы. «Сколько нас?» — спросил он меня, поспешно вставая. Я видел, как он закусил нижнюю губу,— верный признак того, что он в ярости. «Всего пятеро!» — отвечал я. «Справимся!» — сказал он, бросил хозяйке деньги на стол, оставил вино нетронутым, и мы пустились в путь. Во всю дорогу он не вымолвил ни слова, ехал в сторонке один и только по временам спрашивал, не видать ли чего, да приказывал нам прикладывать ухо к земле. Наконец видим: едет граф. Карета нагружена до отказа. Рядом с ним сидит адвокат, впереди скачет форейтор, по бокам двое слуг верхами. Вот тут бы ты посмотрел на него, как он с двумя пистолетами в руках подскакал к карете! А голос, которым он крикнул: «Стой!» Кучер, не пожелавший остановиться, полетел с козел вверх тормашками. Граф выстрелил в воздух. Всадники — наутек. «Деньги, каналья! — заорал он громовым голосом. Граф свалился, как бык под обухом.— А! Это ты, прохвост, правосудие делаешь продажной девкой?» У адвоката зубы застучали от страха. И вот кинжал уже торчит у него в брюхе, как жердь в винограднике. «Я свое совершил! — воскликнул атаман

и гордо отворотился от нас.— Грабеж — ваше дело!» С этими словами он умчался в лес.

Шпигельберг. Гм, гм! Послушай-ка, дружище! То, что я тебе сейчас рассказывал, пусть останется между нами; ему незачем это знать. Понимаешь?

Рацман. Понимаю, понимаю.

Шпигельберг. Ты ведь знаешь его. У него есть свои странности. Понимаешь?

Рацман. Понимаю, понимаю.

Шварц вбегает запыхавшись.

Кто там? Что там такое? Проезжие в лесу?

Шварц. Живо! Живо! Где остальные? Тысяча чертей! Вы стоите здесь и языки чешете! Не знаете, что ли?.. Так вы ничего не знаете? Ведь Роллер...

Рацман. Что с ним, что с ним?

Шварц. Роллер повешен, и с ним еще четверо.

Рацман. Роллер? Проклятье! Как? Когда? Откуда ты знаешь?

Шварц. Уже три недели, как он в тюрьме, а мы ничего не знаем; три раза его водили к допросу, а мы ничего не слышали! Его под пыткой допрашивали, где атаман. Молодчага ничего не выдал! Вчера вынесли приговор, а сегодня он на курьерских отправился к дьяволу.

Рацман. Проклятье! Атаман знает?

Шварц. Только вчера узнал. Он беснуется, как дикий зверь. Ты ведь знаешь, он всегда отличал Роллера... И еще эта пытка... Веревки и лестница были уже принесены к башне. Ничего не помогло. Он сам, переодевшись капуцином, проник к Роллеру и хотел поменяться с ним платьем. Роллер наотрез отказался. И вот он дал клятву,— да так, что у нас кровь застыла в жилах,— зажечь ему погребальный факел, какого не зажигали еще ни одному королю; такой, чтобы у них от жара шкура скорежилась. Мне страшно за город. Он уже давно зол на него за позорное ханжество; а ты знаешь, если он скажет: «Я сделаю»,— то это все равно, что мы, грешные, уже сделали.

Рацман. Это правда, я знаю атамана. Если он дьяволу даст слово отправиться в ад, то уж молиться не станет, даже если бы одно «Отче наш» могло спасти его. Ах, бедняга Роллер! Бедняга!

Шпигельберг. Memento mori![1] Впрочем, меня это не волнует. (*Поет.*)

---

[1] Помни о смерти! (*лат.*)

Я мыслю, если ненароком
Наткнусь на виселицу я:
Ты, брат, висишь здесь одиноко,—
Кто ж в дураках, ты или я?

Выстрелы и шум.

Рацман (*вскакивая*). Слышишь? Выстрел!
Шпигельберг. Еще один!
Рацман. Третий! Атаман!

За сценой слышна песня:

«Нюренбергцам нас повесить
Не придется никогда!» (*Да capo*)[1].

Швейцер и Роллер (*за сценой*). Эй, вы! Го-го!

Рацман. Роллер! Роллер! Черт меня подери!

Швейцер и Роллер (*за сценой*). Рацман! Шварц! Шпигельберг! Рацман!

Рацман. Роллер! Швейцер! Гром и молния! Град и непогода! (*Бежит им навстречу.*)

Разбойник Моор верхом, за ним Швейцер, Роллер, Гримм, Шуфтерле и толпа разбойников, покрытых грязью и пылью.

Моор (*спешиваясь*). Свобода! Свобода! Ты в безопасности, Роллер! Отведи моего коня, Швейцер, да вымой его вином. (*Бросается на землю.*) Ох, жарко пришлось!

Рацман (*Роллеру*). Клянусь горнилом Плутона, уж не восстал ли ты с колеса?

Шварц. Ты его дух? Я круглый дурак... или ты в самом деле?..

Роллер (*запыхавшись*). Это я. Собственной персоной. Цел и невредим. Откуда, ты думаешь, я явился?

Шварц. Что за чертовщина! Ведь судья уже переломил палочку.

Роллер. Еще бы, даже больше! Я явился прямехонько с виселицы. Ох, дай дух перевести. Пусть Швейцер расскажет. Налейте мне стакан водки. И ты опять здесь, Мориц? Я думал было увидеться с тобой совсем в другом месте. Да налейте же мне водки! У меня все кости ломит. О мой атаман! Где мой атаман?

---

[1] Сначала (*итал.*).

Ш в а р ц. Сейчас! Сейчас! Да говори же, рассказывай, как ты улизнул оттуда? Каким чудом ты опять с нами? У меня голова идет кругом. Прямо с виселицы, говоришь ты?

Р о л л е р *(залпом выпивает бутылку водки)*. Ох, славно! Вот жжет-то! Прямо с виселицы, говорю. Я был в каких-нибудь трех шагах от лестницы, по которой всходят в лоно Авраамово... До того близко, до того близко... Моя шкура была уже запродана в анатомический театр,— ты мог бы сторговать мою жизнь за понюшку табаку. Атаману я обязан воздухом, свободой и жизнью!

Ш в е й ц е р. Это была такая штука, братцы, о которой стоит порассказать! За день до того мы пронюхали через наших лазутчиков, что Роллеру каюк и что завтра, то есть сегодня, если только небо не обвалится, он разделит судьбу всего смертного. «Ребята,— сказал атаман,— чего не сделаешь для друга? Спасем ли мы его или нет, во всяком случае, зажжем ему такой погребальный факел, какой еще не возжигали ни одному королю и от которого у них вся шкура скорежится». Вся шайка поднята на ноги. Мы шлем к нему нарочного, и тот подбрасывает ему в похлебку записочку.

Р о л л е р. Я отчаивался в успехе.

Ш в е й ц е р. Мы ждали, пока опустеют улицы. Весь город валом валил на интересное зрелище; всадники, пешеходы, экипажи смешались в кучу, на всю округу слышались шум и пение погребальных псалмов. «Теперь,— сказал атаман,— зажигай! Зажигай!» Наши ребята помчались стрелой, зажгли город разом с тридцати трех концов, разбросали зажженные фитили у пороховых погребов, церквей и амбаров... Morbleu! [1] Не прошло и четверти часа, как северо-восточный ветер, у которого, видимо, тоже был зуб на этот город, подоспел нам на помощь и взметнул пламя до самых крыш. Между тем мы, как фурии, носимся по улицам и вопим на весь город: «Пожар, пожар!» Вой, крик, треск! Гудит набат! Пороховой погреб взлетает на воздух! Точно земля раскололась надвое, небо лопнуло и ад ушел еще на десять тысяч сажен глубже!

Р о л л е р. Мой конвой оглянулся. Город — что твои Содом и Гоморра! Весь горизонт в огне, в дыму и сере. Кажется, все окрестные горы взревели, вторя этой сатанинской шутке. Панический страх пригибает всех к земле. Тут я пользуюсь минутой — р-раз, и с быстротой ветра освобождаюсь от уз под самым носом стражников, окаменевших, как Лотова жена. Рывок! Я рассекаю толпу и давай бог ноги! Отбежав эдак шагов пятьдесят, сбрасываю с себя платье, кидаюсь в реку и плыву под водой до тех пор, пока мне не кажется, что я в безопасности. Мой атаман уже тут

---

[1] Черт возьми! *(франц.)*

как тут с лошадьми и платьем. Так я удрал. Моор! Моор! Попал бы ты поскорей в такую же переделку, чтобы я мог отплатить тебе тем же!

Р а ц м а н. Гнусное пожеланье, за которое тебя следовало бы вздернуть. Но шутка такая, что лопнуть можно.

Р о л л е р. Да, то была истинная помощь в нужде! Чтобы понять это, надо, как я, с веревкой на шее заживо прогуляться к могиле. А эти страшные приготовления, эти живодерские церемонии! Ты ступаешь дрожащими ногами, и с каждым шагом все ближе — до ужаса близко! — встает перед тобой в лучах страшного утреннего солнца проклятая машина с петлей, уготованной для твоей шеи! А поджидающие тебя живодеры! А мерзостная музыка,— она еще и теперь гремит у меня в ушах! А карканье голодного воронья, которое обсело моего полусгнившего предшественника!.. Это все... все... И сверх того еще предвкушенье блаженства, тебя ожидающего. Братья! Братья! И вдруг — призыв к свободе! То-то был треск, словно обруч лопнул на небесной бочке. Верьте мне, канальи! Прыгнув из раскаленной печи в ледяную воду, не ощутишь такого контраста, какой почувствовал я, оказавшись на том берегу.

Ш п и г е л ь б е р г *(хохочет)*. Бедняга! Ну, да все это уже ветром сдуло! *(Пьет.)* Со счастливым воскресением из мертвых!

Р о л л е р *(бросает наземь свой стакан)*. Нет, клянусь всеми сокровищами Мамона, не хотел бы я еще раз пережить такое! Смерть, пожалуй, посерьезнее, чем прыжок арлекина; но страх смерти еще страшней, чем она сама.

Ш п и г е л ь б е р г. А вспорхнувшая на воздух пороховая башня! Смекаешь теперь, Рацман? Оттого-то и воняло серой на всю округу, словно Молох проветривал на свежем воздухе свой гардероб. Это была великолепная шутка, атаман! Завидую тебе!

Ш в е й ц е р. Если весь город потешается над тем, что нашего товарища прирезывают, как затравленного кабана, то нам ли, черт побери, корить себя за то, что мы разорили город из любви к другу. Вдобавок наши ребята сумели там неплохо поживиться. Ну, показывайте свою добычу!

О д и н и з ш а й к и. Во время суматохи я пробрался в церковь святого Стефана и спорол бахрому с алтарного покрова. «Господь бог богат,— подумал я,— и может сделать золото из простой веревки».

Ш в е й ц е р. И правильно поступил! Кому этот хлам нужен в церкви? Они жертвуют его господу богу, которому, право же, ни к чему такое барахло, а между тем божьи создания голодают. Ну, а ты, Шпангелер? Куда ты закинул сети?

Второй. Мы с Бюгелем обобрали лавку и притащили разных материй — человек на пятьдесят хватит.

Третий. Я стянул двое золотых часов да дюжину серебряных ложек.

Швейцер. Хорошо, хорошо! А мы им спроворили такой пожар, что его и за две недели не потушить. Чтобы унять огонь, придется затопить водою весь город. Не знаешь, Шуфтерле, сколько там погибло народу?

Шуфтерле. Говорят, восемьдесят три человека. Одна башня разнесла на куски человек шестьдесят.

Моор *(очень серьезно)*. Ты дорого обошелся, Роллер!

Шуфтерле. Подумаешь, важность! Добро бы это еще были мужчины, а то все грудные младенцы, которые только и знают, что золотить свои пеленки, да сгорбленные старухи, которые от них мух отгоняли, да еще иссохшие старики, что повскакали с лежанок и с перепугу дверей не нашли. Эти пациенты жалобным визгом призывали доктора, торжественно следовавшего за процессией. Ведь все, кто легок на подъем, выскочили поглазеть на комедию. Стеречь дома остались подонки населенья.

Моор. О, бедные создания! Больные, говоришь ты? Старики и дети?

Шуфтерле. Да, черт возьми! Вдобавок еще роженицы да женщины на сносях, страшившиеся выкинуть под самой виселицей, или брюхатые бабенки, убоявшиеся, как бы эти три перекладины не отпечатались на горбах их ребят, да еще нищие поэты, которым не во что было обуться, так как единственную пару сапог они отдали в починку, и прочая шушера, о которой и говорить не стоит. Так вот, иду я мимо одной лачуги и слышу какой-то писк, заглядываю — и что же вижу? Младенец, пухлый такой и здоровый, лежит под столом, а стол уже вот-вот вспыхнет! «Эх ты, горемыка,— сказал я,— да ты тут замерзнешь!» — и швырнул его в огонь.

Моор. Ты правду говоришь, Шуфтерле? Так пусть же это пламя пылает в твоей груди, покуда не поседеет сама вечность. Прочь, негодяй! Чтоб я больше не видел тебя в моей шайке! Вы, кажется, ропщете, сомневаетесь? Кто смеет сомневаться, когда я приказываю? Гоните его! Слыхали?! Среди вас уже многие созрели для кары! Я знаю тебя, Шпигельберг! И не далек день, когда я произведу вам жестокий смотр.

Все уходят в трепете.

(Один, ходит взад и вперед.) Не слушай их, мститель небесный! Чем виноват я, да и ты, если ниспосланные тобою мор, голод, потопы равно губят и праведника и злодея? Кто запретит пламени,

которому назначено жечь осиные гнезда, перекинуться на благословенные нивы? Но детоубийство? Убийство женщин? Убийство больных? О, как тяжко гнетут меня эти злодеяния! Ими отравлено лучшее из того, что я сделал. И вот перед всевидящим оком творца стоит мальчик, осмеянный, красный от стыда. Он дерзнул играть палицей Юпитера и поборол пигмея, тогда как хотел низвергнуть титанов. Уймись! Уймись! Не тебе править мстительным мечом верховного судии. Ты изнемог от первой же схватки. Я отрекаюсь от дерзостных притязаний. Уйду, забьюсь в какую-нибудь берлогу, где дневной свет не озарит моего позора. *(Хочет идти.)*

Несколько разбойников *(поспешно вбегают)*. Берегись, атаман! Тут что-то нечисто! Отряды богемских всадников рыщут по лесу! Видно, сам дьявол навел их на след!

Другие разбойники. Атаман, атаман! Нас выследили. Несколько тысяч солдат оцепили лесную чащу.

Еще несколько разбойников. Беда, беда! Мы пойманы! Мы погибнем на колесе, на виселице! Тысячи гусаров, драгун и егерей носятся по холмам и отрезают все пути к отступлению.

Моор уходит.

Швейцер, Гримм, Роллер, Шварц, Шуфтерле, Шпигельберг, Рацман. Толпа разбойников.

Швейцер. Так мы вытряхнули их наконец из мягких постелей? Радуйся же, Роллер! Давно меня разбирала охота схватиться с этими дармоедами. Где атаман? Вся ли шайка в сборе? Пороху довольно?

Рацман. Пороху хоть отбавляй, да нас-то всего восемьдесят душ. Стало быть — один против двадцати.

Швейцер. Тем лучше! Пускай хоть пятьдесят против одного моего большого пальца! Ведь дождались же, черти, что мы подожгли у них тюфяки под задницей. Братцы, братцы! Не велика беда! Они продают свою жизнь за десять крейцеров, а мы деремся разве не за свою голову, не за свою свободу? Мы обрушимся на них, как всемирный потоп! Молнией грянем на их головы! Но где же, черт возьми, атаман?

Шпигельберг. Он бросил нас в беде, так не дать ли и нам тягу?

Швейцер. Дать тягу?

Шпигельберг. Ох, зачем я не остался в Иерусалиме?

Швейцер. Чтоб тебе задохнуться в сточной яме, грязная душонка! Против голых монахинь ты храбрец, а увидел кулак, так и труса празднуешь? А ну, покажи свою удаль, не то мы зашьем тебя в свиную шкуру и затравим собаками.

Р а ц м а н. Атаман, атаман!

М о о р *(медленно входит)*. Я довел до того, что их окружили со всех сторон! Теперь они должны драться как безумные! *(Громко.)* Ребята! Шутки плохи! Мы должны или погибнуть, или биться не хуже разъяренных вепрей.

Ш в е й ц е р. Я клыками распорю им брюхо, так что у них кишки повылезут! Веди нас, атаман! Мы пойдем за тобой хоть в пасть самой смерти.

М о о р. Зарядить все ружья! Пороху достаточно?

Ш в е й ц е р *(вскакивая)*. Пороху хватит! Захотим, так земля до луны взлетит.

Р а ц м а н. У нас по пяти заряженных пистолетов на брата да по три ружья в придачу.

М о о р. Хорошо, хорошо! Теперь пусть один отряд залезет на деревья или спрячется в чащу, чтобы открыть по ним огонь из засады.

Ш в е й ц е р. Это по твоей части, Шпигельберг.

М о о р. А мы между тем, точно фурии, накинемся на их фланги!

Ш в е й ц е р. А вот это уж по моей!

М о о р. А затем рыскайте по лесу и дудите в свои рожки! Мы напугаем их нашей мнимой численностью. Спустите всех собак! Они рассеют этих молодцов и пригонят под наши выстрелы. Мы трое — Роллер, Швейцер и я — будем драться в самой гуще.

Ш в е й ц е р. Славно, отлично! Мы так на них набросимся, что они и понять не успеют, откуда сыплются оплеухи. Мне случалось выбивать вишню, уже поднесенную ко рту. Пусть только приходят!

Шуфтерле дергает Швейцера за рукав, тот отводит атамана и тихо говорит с ним.

М о о р. Молчи!

Ш в е й ц е р. Прошу тебя...

М о о р. Прочь! Его позор сохранит ему жизнь: он не должен умереть там, где я, и мой Швейцер, и мой Роллер умираем! Вели ему снять платье, я скажу, что это путник, ограбленный мною, — не грусти, Швейцер, он не уйдет от виселицы.

Входит п а т е р.

П а т е р *(про себя, озираясь)*. Так вот оно — драконово логовище! С вашего позволения, судари мои, я служитель церкви, а там вон стоит тысяча семьсот человек, оберегающих каждый волос на моей голове.

Ш в е й ц е р. Браво, браво! Вот это внушительно сказано. Береженого и бог бережет.

М о о р. Молчи, дружище! Скажите коротко, господин патер, что вам здесь надобно?

П а т е р. Я говорю от лица правительства, властного над жизнью и смертью. Эй вы, воры, грабители, шельмы, ядовитые ехидны, пресмыкающиеся во тьме и жалящие исподтишка, проказа рода человеческого, адово отродье, снедь для воронов и гадов, пожива для виселицы и колеса...

Ш в е й ц е р. Собака! Перестань ругаться! Или... *(Приставляет ему к носу приклад.)*

М о о р. Стыдись, Швейцер! Ты собьешь его с толку. Он так славно вызубрил свою проповедь. Продолжайте, господин патер! Итак, «для виселицы и колеса»...

П а т е р. А ты, славный атаман, князь карманников, король жуликов, Великий Могол всех мошенников под солнцем, сходный с тем первым возмутителем, который распалил пламенем бунта тысячи легионов невинных ангелов и увлек их за собой в бездонный омут проклятия! Вопли осиротевших матерей несутся за тобой по пятам! Кровь ты лакаешь, точно воду. Люди для твоего смертоносного кинжала — все равно что мыльные пузыри!

М о о р. Правда, сущая правда! Что же дальше?

П а т е р. Как? Правда, сущая правда? Разве это ответ?

М о о р. Видно, вы к нему не приготовились, господин патер? Продолжайте же, продолжайте! Что еще вам угодно сказать?

П а т е р *(разгорячившись)*. Ужасный человек, отыди от меня! Не запеклась ли кровь убитого имперского графа на твоих проклятых пальцах? Не ты ли воровскими руками взломал святилище господне и похитил священные сосуды? Что? Не ты ли разбросал горящие головни в нашем богобоязненном граде и обрушил пороховую башню на головы добрых христиан? *(Всплеснув руками.)* Гнусные, гнусные злодеяния! Смрад их возносится к небесам, торопя Страшный суд, который грозно разразится над вами. Ваши злодейства вопиют об отмщении. Скоро, скоро зазвучит труба, возвещающая день последний!

М о о р. До сих пор речь построена великолепно. Но к делу! Что же возвещает мне через вас достопочтенный магистрат?

П а т е р. То, чего ты вовсе не достоин. Осмотрись, убийца и поджигатель! Куда ни обратится твой взор, всюду ты окружен нашими всадниками! Бежать некуда. Как на этих дубах не вырасти вишням, а на елях не созреть персикам, так не выбраться и вам целыми и невредимыми из этого леса.

М о о р. Ты слышишь, Швейцер? Ну, что же дальше?

П а т е р. Слушай же, злодей, как милосердно, как великодушно обходится с тобою суд! Если ты тотчас же смиришься и станешь молить о милосердии и пощаде, строгость в отношении тебя

обернется состраданием, правосудие станет тебе любящей матерью. Оно закроет глаза на половину твоих преступлений и ограничится,— подумай только! — ограничится одним колесованием!

Ш в е й ц е р. Ты слышишь, атаман? Не сдавить ли мне горло этому облезлому псу, чтобы красный сок брызнул у него изо всех пор?

Р о л л е р. Атаман! Ад, гром и молния! Атаман! Ишь как он закусил губу! Не вздернуть ли мне этого молодчика вверх тормашками?

Ш в е й ц е р. Мне! Мне! На коленях прошу тебя: мне подари счастье растереть его в порошок!

Патер кричит.

М о о р. Прочь от него! Не смейте его и пальцем тронуть! *(Вынимая саблю, обращается к патеру.)* Видите ли, господин патер, здесь семьдесят девять человек. Я их атаман. И ни один из них не умеет обращаться в бегство по команде или плясать под пушечную музыку. А там стоят тысяча семьсот человек, поседевших под ружьем. Но слушайте! Так говорит Моор, атаман убийц и поджигателей: да, я убил имперского графа, я поджег и разграбил доминиканскую церковь, я забросал пылающими головнями ваш ханжеский город, я обрушил пороховую башню на головы добрых христиан... И это еще не все. Я сделал больше. *(Вытягивает правую руку.)* Видите эти четыре драгоценных перстня у меня на руке? Ступайте же и пункт за пунктом изложите высокочтимому судилищу, властному над жизнью и смертью, все, что вы увидите и услышите! Этот рубин снят с пальца одного министра, которого я на охоте мертвым бросил к ногам его государя. Выходец из черни, он лестью добился положения первого любимца; падение предшественника послужило ему ступенью к высоким почестям, он всплыл на слезах обобранных сирот. Этот алмаз я снял с одного финансового советника, который продавал почетные чины и должности тому, кто больше даст, и прогонял от своих дверей скорбящего о родине патриота. Этот агат я ношу в память гнусного попа, которого я придушил собственными руками за то, что он в своей проповеди плакался на упадок инквизиции. Я мог бы рассказать еще множество историй о перстнях на моей руке, если б не сожалел и о тех немногих словах, которые на вас потратил.

П а т е р. Ирод! Ирод!

М о о р. Слышали? Заметили, как он вздохнул? Взгляните, он стоит так, словно призывает весь огонь небесный на шайку нечестивых; он судит нас пожатием плеч, проклинает христианнейшим «ах». Неужели человек может быть так слеп? Он, сотнею

Аргусовых глаз высматривающий малейшее пятно на своем ближнем, так слеп к самому себе? Из поднебесной выси грозным голосом проповедуют они смирение и кротость и богу любви, словно огнерукому Молоху, приносят человеческие жертвы. Они поучают любви к ближнему — и с проклятиями отгоняют восьмидесятилетнего слепца от своего порога; они поносят скупость,— и они же в погоне за золотыми слитками опустошили страну Перу и, словно тягловый скот, впрягли язычников в свои повозки. Они ломают себе голову, как могла природа произвести на свет Иуду Искариота, но — и это еще не худшие из них! — с радостью продали бы триединого бога за десять сребреников! О вы, фарисеи, лжетолкователи правды, обезьяны божества! Вы не страшитесь преклонять колена перед крестом и алтарями, вы бичуете и изнуряете постом свою плоть, надеясь этим жалким фиглярством затуманить глаза того, кого сами же — о, глупцы! — называете всеведущим и вездесущим. Так всех злее насмехаются над великими мира сего те, что льстиво уверяют, будто им ненавистны льстецы. Вы кичитесь примерной жизнью и честностью, но господь, насквозь видящий ваши сердца, обрушил бы свой гнев на тех, кто вас создал такими, если бы сам не сотворил нильского чудовища! Уберите его с глаз моих!

П а т е р. Злодей, а сколько гордыни!

М о о р. Нет! Гордо я еще только сейчас заговорю с тобой! Ступай и скажи досточтимому судилищу, властному над жизнью и смертью: я не вор, что, стакнувшись с полуночным мраком и сном, геройствует на веревочной лестнице. Без сомнения, я прочту когда-нибудь в долговой книге божьего промысла о содеянном мною, но с жалкими его наместниками я слов терять не намерен. Скажи им, что мое ремесло — возмездие, мой промысел — месть. *(Отворачивается от него.)*

П а т е р. Так ты отказываешься от милосердия и пощады? Ладно! С тобой я покончил. *(Обращается к шайке.)* Слушайте же, что моими устами возвещает вам правосудие. Если вы сейчас же свяжете и выдадите этого и без того обреченного злодея, вам навеки простятся все ваши злодеяния! Святая церковь с обновленной любовью примет заблудших овец в свое материнское лоно, и каждому из вас будет открыта дорога к любой почетной должности. *(С торжествующей улыбкой.)* Ну что? Как это пришлось по вкусу вашему величеству? Живо! Вяжите его — и вы свободны!

М о о р. Вы слышали? Поняли? Чего же вы медлите? О чем задумались? Церковь предлагает вам свободу, а ведь вы ее пленники! Она дарует вам жизнь,— и это не пустое бахвальство, ибо вы осуждены на смерть. Она обещает вам чины и почести, а вашим уделом,— если вам даже удастся вырваться из кольца,— все равно

будет позор, преследования и проклятья. Она возвещает вам примиренье с небом, а вы ведь давно прокляты. Ни на одном из вас нет и волоска, не обреченного аду. И вы еще медлите, еще колеблетесь? Разве так труден выбор между небом и адом? Да помогите же им, господин патер!

Патер *(в сторону)*. Не спятил ли этот малый? *(Громко.)* Уж не боитесь ли вы, что это ловушка, для того чтобы поймать вас живьем? Читайте сами: вот подписанная амнистия. *(Дает Швейцеру бумагу.)* Ну что? Все еще сомневаетесь?

Моор. Вот видите! Чего ж вам еще нужно? Собственноручная подпись — это ли не безграничная милость! Или вы, памятуя о том, что слово, данное изменникам, не держат, боитесь, что обещание будет нарушено? Откиньте страх! Политика принудит их держать слово, будь оно дано хоть сатане. Иначе кто поверит им впредь? Как воспользуются они им вторично? Я голову дам на отсечение, что они искренни. Они знают, что я один вас возмутил и озлобил. Вас они считают невинными, ваши преступления они готовы истолковать как ошибки, как опрометчивость юности. Одного меня им нужно. Один я понесу наказание. Так, господин патер?

Патер. Какой дьявол говорит его устами? Так, конечно, так! Нет, этот малый сведет меня с ума!

Моор. Как? Все нет ответа? Уж не думаете ли вы оружием проложить себе дорогу? Оглядитесь же вокруг! Оглядитесь! Нет, вы не можете думать так! Это было бы ребячеством! Или, увидев, как я радуюсь схватке, вы и себя тешите мыслью — геройски погибнуть? О, выбросьте это из головы! Вы не Мооры! Вы безбожные негодяи, жалкие орудия моих великих планов, презренные, как веревка в руках палача! Воры не могут пасть смертью героев. Жизнь — выигрыш для вора. Вслед за ней наступает ужас: воры вправе трепетать перед смертью. Слышите, как трубит их рог? Видите, как грозно блещут их сабли? Как? Вы еще не решаетесь? Вы сошли с ума или одурели? Это непростительно! Я не скажу вам спасибо за жизнь! Я стыжусь вашей жертвы!

Патер *(в чрезвычайном удивлении)*. Я с ума сойду! Лучше убежать отсюда! Слыханное ли это дело?

Моор. Или вы боитесь, что я лишу себя жизни и самоубийством уничтожу договор, предусматривающий лишь поимку живого? Нет, ребята, ваш страх напрасен! Вот, смотрите, я бросаю кинжал, и пистолеты, и этот пузырек с ядом, который мог бы мне еще пригодиться. Я теперь так бессилен, что не имею власти даже над собственной жизнью. Как? Все еще не решаетесь? Уж не думаете ли вы, что я начну защищаться, когда вы приметесь вязать меня? Смотрите, я привязываю свою правую руку к этому дубу —

теперь я вовсе беззащитен, ребенок может сладить со мной. Ну! Кто из вас первый покинет в беде своего атамана?

Роллер *(в исступлении)*. Никто! Хотя бы весь ад девятикратно обступил нас! *(Размахивая саблею.)* Кто не собака, спасай атамана!

Швейцер *(разрывает амнистию и бросает клочки ее в лицо патеру)*. Амнистия — в наших пулях! Убирайся, каналья! Скажи сенату, что послал тебя: в шайке Моора не нашлось ни одного изменника. Спасайте, спасайте атамана!

Все *(шумно)*. Спасайте, спасайте атамана!

Моор *(вырываясь, радостно)*. Теперь мы свободны, друзья! Теперь я чувствую у себя в кулаке целую армию! Смерть или свобода! Живыми не дадимся!

Трубят наступление, шум и грохот. Все уходят с обнаженными саблями.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Амалия в саду играет на лютне.

Амалия

Добр, как ангел, молод и прекрасен,
Он всех юношей прекрасней и милей;
Взгляд его так кроток был и ясен,
Как сиянье солнца средь зыбей.

От его объятий кровь кипела,
Сильно, жарко билась грудь о грудь,
Губы губ искали... все темнело,
И душе хотелось к небу льнуть.

В поцелуях — счастие и мука!
Будто пламя с пламенем шло в бой,
Как два с арфы сорванные звука
В звук один сливаются порой —

Так текли, текли они и рвались;
Губы, щеки рдели, как заря...
Небеса с землею расплавлялись,
Мимо нас неслися, как моря.

Нет его! Напрасно, ах, напрасно
Звать его слезами и тоской!
Нет его! — и все, что здесь прекрасно,
Вторит мне и вздохом и слезой.

Входит Франц.

Франц. Опять ты здесь, строптивая мечтательница? Ты украдкой покинула веселый пир и омрачила радость гостей.

Амалия. Сожалею об утрате этих невинных радостей! В твоих ушах еще должен был бы звучать погребальный напев, раздававшийся над могилой отца.

Франц. Неужели ты вечно будешь сетовать? Предоставь мертвых мирному сну и осчастливь живущих! Я пришел...

Амалия. А скоро ты уйдешь?

Франц. О, боже! Не напускай на себя столько холода и мрака. Ты огорчаешь меня, Амалия! Я пришел сказать тебе...

Амалия. Верно, мне придется услышать, что Франц фон Моор стал владетельным графом?

Франц. Да, ты права. Об этом я и пришел сообщить тебе. Максимилиан покоится в склепе своих предков. Я — господин. Но я хотел бы стать им в полной мере, Амалия. Ты знаешь, кем ты была в нашем доме? Ты воспитывалась как дочь Моора, его любовь к тебе пережила даже смерть. Ты ведь никогда не позабудешь об этом?

Амалия. Никогда, никогда! Да и кто мог бы позабыть об этом среди веселых пиршеств?

Франц. За любовь отца ты должна воздать сыновьям. Но Карл мертв... Ты поражена? Смущена? Да, конечно, в этой мысли столько лестного, что она должна ошеломить даже женскую гордость. Франц попирает надежды знатнейших девиц. Франц приходит и предлагает бедной, беспомощной сироте свое сердце, свою руку и вместе с нею все свое золото, все свои дворцы и лесные угодья. Франц — кому все завидуют, кого все боятся — добровольно объявляет себя рабом Амалии.

Амалия. Как молния не расщепит нечестивый язык, посмевший выговорить злодейские слова! Ты убил моего возлюбленного, и тебя Амалия назовет супругом? Ты...

Франц. Не гневайтесь так, всемилостивейшая принцесса! Да, Франц не изгибается перед тобой, как воркующий селадон. Франц не умеет, подобно томному аркадскому пастушку, заставлять эхо гротов и скал вторить его любовным сетованиям. Франц говорит, а если ему не отвечают, то будет... повелевать!

Амалия. Ты, червь, повелевать? Повелевать мне? А если ответом на твои повеления будет только презрительный смех?

Франц. На это ты не осмелишься. Я знаю средство, которое живо сломит гордость строптивой упрямицы,— монастырские стены!

Амалия. Браво! Чудесно! Монастырские стены навеки укроют меня от этого взгляда василиска. Там будет у меня довольно досуга думать, мечтать о Карле. Привет тебе, монастырь! Скорее, скорее прими меня!

Франц. Так вот как! Ха-ха! Ну, берегись! Ты научила меня искусству мучить. Нет, моя близость, подобно огневолосой фурии, изгонит из твоей головы вечную скорбь о Карле. Страшный образ Франца притаится за образом возлюбленного, будет караулить его, как пес из волшебной сказки, стерегущий подземные сокровища. За волосы поволоку я тебя к венцу! С мечом в руке исторгну у тебя брачный обет! Приступом возьму твое девственное ложе! Твою горделивую стыдливость сломлю своею, большей гордостью.

Амалия (*дает ему пощечину*). Сперва получи вот это в приданое!

Франц (*яростно*). О, теперь я воздам тебе сторицей. Не супругой,— нет, много чести! — моей наложницей будешь ты! Честные крестьянки станут показывать на тебя пальцами, когда ты отважишься выйти на улицу. Что ж! Скрежещи зубами! Испепеляй меня огнем и злобой твоих глаз! Меня веселит гнев женщины. Он делает тебя еще прекраснее, еще желаннее! Идем —твоя строптивость украсит мое торжество, придаст остроту насильственным объятиям. Идем ко мне в спальню — я горю желанием! Теперь, сейчас же ты пойдешь со мной. *(Хочет силой увести ее.)*

Амалия *(бросается ему на шею)*. Прости меня, Франц! *(Он пытается обнять ее, она выхватывает у него из ножен шпагу и быстро отходит.)* Смотри, негодяй, теперь я расправлюсь с тобой. Да, я женщина, но разъяренная женщина! Осмелься только нечестивым прикосновением осквернить мое тело — эта сталь пронзит твое похотливое сердце! Дух дяди направит мою руку. Спасайся скорее! *(Прогоняет его.)* Ах, как мне хорошо! Наконец я могу вздохнуть свободно,— я почувствовала себя сильной, как огнедышащий конь, злобной, как тигрица, преследующая того, кто похитил ее детенышей. «В монастырь», сказал он? Спасибо за счастливую мысль! Обманутая любовь нашла себе пристанище! Монастырь, святое распятье — вот оплот обманутой любви. *(Хочет уйти.)*

Герман входит нерешительными шагами.

Герман. Фрейлейн Амалия! Фрейлейн Амалия!

Амалия. Несчастный! Зачем ты меня беспокоишь?

Г е р м а н. Эту тяжесть я должен снять с сердца, прежде чем она увлечет меня в ад. (*Бросается перед ней на колени.*) Простите! Простите! Я жестоко обидел вас, фрейлейн Амалия!

А м а л и я. Встань! Уходи! Я ничего не хочу слушать. (*Хочет уйти.*)

Г е р м а н (*удерживая ее*). Нет! Останьтесь! Ради бога! Ради предвечного бога! Вы должны все узнать!

А м а л и я. Ни слова больше. Я прощаю тебя. Иди с миром!

Г е р м а н. Выслушайте хоть одно слово! Оно вернет вам покой.

А м а л и я (*возвращается и удивленно смотрит на него*). Как, друг мой? Кто на земле или на небе может вернуть мне покой?

Г е р м а н. Одно-единственное слово из уст моих. Выслушайте меня!

А м а л и я (*сострадательно берет его руку*). Добрый человек, как может слово из твоих уст сорвать засовы вечности?

Г е р м а н (*поднимается*). Карл жив!

А м а л и я (*кричит*). Несчастный!

Г е р м а н. Да, это так. И еще одно... Ваш дядя...

А м а л и я (*бросаясь к нему*). Ты лжешь!

Г е р м а н. Ваш дядя...

А м а л и я. Карл жив еще?

Г е р м а н. И ваш дядя тоже. Не выдавайте меня! (*Поспешно уходит.*)

А м а л и я (*долго стоит в оцепенении, потом бросается вслед за ним*). Карл жив!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Местность близ Дуная. Р а з б о й н и к и расположились на пригорке под деревьями. Лошади пасутся внизу.

М о о р. Здесь я прилягу. (*Бросается на землю.*) Я весь разбит. Во рту пересохло.

Швейцер незаметно исчезает.

Я хотел попросить принести мне пригоршню воды из этой реки, но и вы все до смерти устали.

Ш в а р ц. И вино в наших бурдюках все вышло.

М о о р. Смотрите, какие прекрасные хлеба! Деревья гнутся под тяжестью плодов. Полны надежд виноградные лозы.

Г р и м м. Год выдастся урожайный.

Моор. Ты думаешь? Итак, хоть одна капля пота вознаградится на этом свете. Одна... Но ведь ночью может выпасть град и побить урожай.

Шварц. Вполне возможно. И все погибнет перед самой жатвой.

Моор. Вот и я говорю — все погибнет. Да и почему должно удаваться человеку то, что роднит его с муравьями, когда то, в чем он равен богу, ему не удается? Или такова уж людская доля?

Шварц. Вот чего не знаю.

Моор. Хорошо сказано и еще лучше сделано, если ты и вправду не стремился проникнуть в суть вещей. Брат! Я видел людей, их пчелиные заботы и гигантские замыслы, их божественные устремления и мышью суетню, их диковинно-странную погоню за счастьем! Один доверяет себя бегу коня, другой нюху осла, третий собственным ногам. Такова пестрая лотерея жизни! В погоне за выигрышем многие проставляют чистоту и спасение души своей, а вытаскивают одни лишь пустышки: выигрышных билетов, как оказалось, и не было вовсе. От этого зрелища, брат мой, глотку щекочет смех, а на глаза навертываются слезы!

Шварц. Как величественно заходит солнце!

Моор *(погруженный в созерцание)*. Так умирает герой! Хочется склонить перед ним колена.

Гримм. Ты, кажется, очень растроган?

Моор. Еще в детстве моей любимой мечтой было так жить и так умереть. *(Со сдерживаемой горечью.)* Ребяческая мысль!

Гримм. Что и говорить!

Моор *(надвигает шляпу на глаза)*. В то время... Оставьте меня одного, друзья!

Шварц. Моор! Моор! Что за дьявольщина! Как он изменился в лице.

Гримм. Тысяча чертей! Что с ним? Ему дурно?

Моор. В то время я не мог уснуть, если с вечера забывал помолиться.

Гримм. Да ты рехнулся? Что за ребячество?

Моор *(кладет голову на грудь Гримма)*. Брат! Брат!

Гримм. Что ты? Не будь ребенком, прошу тебя!

Моор. О, если бы мне стать им снова!

Гримм. Тьфу, тьфу!

Шварц. Ободрись! Взгляни, какой живописный вид, какой тихий вечер.

Моор. Да, друзья мои, мир прекрасен!

Шварц. Вот это правильно замечено!

Моор. Земля так обильна!

Гримм. Верно, верно! Вот за это люблю!

М о о р *(поникнув)*. А я так гадок среди этого дивного мира, а я чудовище на этой прекрасной земле!

Г р и м м. Вот напасть-то!

М о о р. Моя невинность! О, моя невинность! Смотрите! Все вокруг греется в мирных лучах весеннего солнца! Почему лишь мне одному впивать ад из всех радостей, даруемых небом? Все счастливо кругом, все сроднил этот мирный дух! Вселенная — одна семья, и один отец там, наверху! Отец, но не мне отец! Я один отвержен, один изгнан из среды праведных! Сладостное имя «дитя» — мне его не услышать! Никогда, никогда не почувствовать томного взгляда любимой, объятий верного друга! Никогда! Никогда! *(С ужасом отшатывается.)* Среди убийц, среди шипенья гадов, железными цепями прикованный к греху, по шаткой жерди порока бреду я к гибели — Абадонна, рыдающий среди цветения счастливого мира!

Ш в а р ц *(к другим разбойникам)*. Непостижимо! Никогда его таким не видывал!

М о о р *(горестно)*. О, если бы я мог возвратиться в чрево матери! Если бы мог родиться нищим! Нет, ничего не хотел бы я больше, о небо, как сделаться таким вот поденщиком! О, я хотел бы трудиться так, чтобы со лба у меня лился кровавый пот! Этой ценой купить себе усладу послеобеденного сна... блаженство единой слезы!

Г р и м м. Ну вот! Припадок пошел на убыль.

М о о р. Было время, когда слезы лились так легко! О, безмятежные дни! Отчий замок и вы, зеленые задумчивые долы! Блаженные дни моего детства! Раздели со мною скорбь, природа! Никогда, никогда они не возвратятся! Никогда ласковым дуновением не освежат мою пылающую грудь! Все ушло, ушло невозвратно!

Появляется Ш в е й ц е р со шляпой, наполненной водой.

Ш в е й ц е р. Пей, атаман! Воды тут вволю, холодной, как лед.

Ш в а р ц. Ты в крови? Что ты сделал?

Ш в е й ц е р. Дурак я! Такое, что чуть было не стоило мне обеих ног и головы. Спускаюсь с песчаного холма к реке... вдруг вся эта дрянь поползла подо мной, и я полетел вниз на добрый десяток рейнских футов. Лежу это я и, чуть придя в чувство, вижу: в гравии течет самая что ни на есть прозрачная вода. Ладно, подумал я, хоть я и накувыркался, да атаману вода придется по вкусу.

М о о р *(возвращает шляпу и отирает ему лицо)*. А то не видно шрамов, которыми переметили твой лоб богемские уланы. Вода превосходная! Эти шрамы тебе к лицу.

Швейцер. Ба, места хватит еще для добрых тридцати.

Моор. Да, ребята, денек выдался жаркий! А потеряли мы только одного человека. Мой Роллер погиб геройской смертью. Над его прахом воздвигли бы мраморный монумент, если б он умер не за меня. Довольствуйтесь хоть этим! *(Вытирает глаза.)* А сколько человек полегло с неприятельской стороны?

Швейцер. Сто шестьдесят гусаров, девяносто три драгуна и сорок егерей — всего триста человек.

Моор. Триста за одного! Каждый из вас имеет право на эту голову. *(Снимает шляпу.)* Вот я подымаю кинжал. Клянусь спасением моей души, я никогда не оставлю вас.

Швейцер. Не клянись! Может быть, тебе еще суждено счастье и ты будешь раскаиваться.

Моор. Клянусь прахом моего Роллера! Я никогда не оставлю вас!

Входит Косинский.

Косинский *(в сторону)*. Мне сказали, что где-нибудь здесь поблизости я найду их. Эге! Это что за люди? Уж не они ли? Что, если они? Да, да, так оно и есть. Попробую с ними заговорить.

Шварц. Стой! Кто идет?

Косинский. Господа, прошу прощения! Боюсь, не ошибся ли я?

Моор. Ну, а кто же мы такие, если вы не ошиблись?

Косинский. Мужи!

Швейцер. Разве мы не доказали этого, атаман?

Косинский. Мужей ищу я, которые прямо смотрят в лицо смерти, опасность превращают в прирученную змею, а свободу ценят выше чести и жизни. Мужей, одно имя которых, бесценное для бедных и угнетенных, храбрейших заставляет содрогаться и тиранов бледнеть.

Швейцер *(обращаясь к атаману)*. Этот малый мне нравится. Послушай, дружище! Ты нашел тех, кого искал.

Косинский. Похоже на то! И вскоре надеюсь сказать, что нашел братьев. Но тогда укажите мне того великого мужа, которого я ищу, вашего атамана, славного графа фон Моора.

Швейцер *(жмет ему руку, горячо)*. Милый юноша, мы — друзья!

Моор *(приближаясь)*. А знаком ли вам атаман?

Косинский. Это ты! Какое лицо! Увидя тебя, кто станет искать другого? *(Долго всматривается в него.)* Я всегда мечтал увидеть того человека с презрительным взглядом, который сидел на развалинах Карфагена. Теперь не буду мечтать об этом.

Ш в е й ц е р. Вот это хват!

М о о р. А что привело вас ко мне?

К о с и н с к и й. О атаман, моя горькая судьбина. Я потерпел кораблекрушение в бурных волнах житейского моря; я видел, как пошли ко дну упования всей моей жизни,— и мне не осталось ничего, кроме мучительных воспоминаний об их гибели, воспоминаний, которые свели бы меня с ума, если б я не старался заглушить их беспрерывной деятельностью.

М о о р. Еще один жалобщик на господа бога! Продолжай!

К о с и н с к и й. Я сделался солдатом. Несчастье и тут преследовало меня. Я стал участником экспедиции в Ост-Индию, мой корабль разбился о скалы — опять только несбывшиеся планы! Наконец, слышу, везде и всюду толкуют о твоих делах — «злодействах», как их называли,— и вот я отправился сюда, за тридцать миль, с твердым решением служить под твоим началом, если ты захочешь принять меня. Уважь мою просьбу, достойный атаман!

Ш в е й ц е р *(вскакивая)*. Здорово! Здорово! Значит, Роллер тысячекратно возмещен нам! Вот это так собрат для нашей шайки!

М о о р. Как твое имя?

К о с и н с к и й. Косинский.

М о о р. Косинский? А знаешь ли ты, что ты ветреный мальчик и шутишь, как неразумная девчонка, таким важным поступком? Здесь тебе не придется играть в мяч или в кегли, как ты воображаешь.

К о с и н с к и й. Я знаю, что ты хочешь сказать. Мне двадцать четыре года, но я видел, как сверкают шпаги, и слышал, как жужжат пули над головой.

М о о р. Вот как, молодой человек? Значит, ты затем научился фехтованию, чтобы ради одного какого-нибудь талера убивать бедных путников или вонзать нож в спину женщинам? Ступай, ступай отсюда! Ты сбежал от няньки, которая припугнула тебя розгой!

Ш в е й ц е р. Какого черта, атаман? О чем ты думаешь? Уж не хочешь ли ты отослать назад этого Геркулеса? Да он выглядит так, будто может половником оттеснить за Ганг самого маршала Саксонского.

М о о р. Тебе не удались твои ребячьи затеи, и вот ты приходишь сюда, чтобы стать мошенником, убийцей? Убийство! Мальчик, да понимаешь ли ты это слово? Когда сбиваешь маковые головки, можно заснуть спокойно. Но, имея на совести убийство...

К о с и н с к и й. Я готов держать ответ за любое убийство, на которое *ты* пошлешь меня.

М о о р. Что? Ты так умен? У тебя хватает дерзости ловить меня на удочку лести? Откуда ты знаешь, что я не вижу по ночам страшных снов, что я не покроюсь бледностью на смертном одре? Много ли тебе приходилось делать такого, за что бы ты нес ответственность?

К о с и н с к и й. Правда, пока еще мало! Но все же... Хотя бы мой приход к вам, благородный граф.

М о о р. Не подсунул ли тебе твой гувернер историю Робина Гуда,— таких неосмотрительных мерзавцев следовало бы ссылать на галеры! — и не она ли распалила твое детское воображение, заразила тебя безумным стремлением к величию? Ты, верно, льстишься на громкие титулы и почести? Хочешь купить бессмертие поджогами и разбоем? Знай, честолюбивый юноша: не для убийц и поджигателей зеленеют лавры! Не слава встречает разбойничьи победы, но проклятия, опасности, смерть, позор! Видишь виселицу там, на холме?

Ш п и г е л ь б е р г *(сердито шагает взад и вперед)*. Ох, как глупо! Как противно! Непростительно глупое обхожденье! Нет, я поступал по-другому.

К о с и н с к и й. Чего бояться тому, кто не боится смерти?

М о о р. Браво! Бесподобно! Ты, видно, здорово учился в школе и назубок знаешь своего Сенеку! Но, милый друг, такими сентенциями ты не обманешь страдающую природу, не притупишь стрелы горя. Подумай хорошенько, сын мой! *(Берет его за руку.)* Подумай, я советую тебе, как отец: измерь глубину, прежде чем броситься в пропасть, если ты еще можешь испытать хоть единый миг радости... Настанет минута, когда ты очнешься, и тогда... будет слишком поздно. Здесь ты выходишь из круга людского и должен стать либо существом высшего порядка, либо дьяволом. Еще раз, сын мой: если где-нибудь теплится для тебя искра надежды, оставь это страшное братство. В него вступают только с отчаяния, если не видят в нем высшей премудрости! Можно обмануться, верь мне, можно принять за твердость духа то, что в конце концов только отчаяние. Верь мне и поспеши отсюда!

К о с и н с к и й. Нет! Теперь уж я не побегу. Если мои просьбы не трогают тебя, то выслушай историю моих злоключений. Ты тогда сам вложишь кинжал в мои руки. Садитесь все в круг и слушайте внимательно.

М о о р. Я тебя слушаю.

К о с и н с к и й. Итак, знайте, я богемский дворянин. Ранняя смерть отца сделала меня владельцем немалой дворянской вотчины. Места это были райские, ибо там обитал ангел — девушка, украшенная всеми прелестями цветущей юности и целомудренная, как свет небесный. Но кому я это говорю? Для вас

это пустой звук! Вы никогда не любили, никогда не были любимы.

Ш в е й ц е р. Полегче, полегче! Наш атаман вспыхнул, как огонь.

М о о р. Перестань! Я выслушаю тебя в другой раз — завтра, на днях или насмотревшись крови!

К о с и н с к и й. Кровь! Кровь! Слушай же дальше! И сердце твое обольется кровью. Она была немка из мещанок, но один вид ее рассеивал все дворянские предрассудки. Робко и скромно приняла она из моих рук обручальное кольцо,— послезавтра я должен был вести мою Амалию к алтарю.

Моор стремительно поднимается.

В чаду ожидающего меня блаженства, среди приготовлений к свадьбе нарочный привозит мне вызов ко двору. Являюсь. Мне показывают письма, дышащие изменой и будто бы написанные мною. Кровь бросилась мне в лицо от такого коварства! У меня отняли шпагу, меня заточили в тюрьму, все мои чувства отмерли.

Ш в е й ц е р. А тем временем... Ну, продолжай, я уже чую, чем тут пахнет.

К о с и н с к и й. Я пробыл там целый месяц, не понимая, как все это произошло. Я трепетал за Амалию, которая из-за меня переживала смертельный ужас. Но вот является первый министр двора и в притворно сладких выражениях поздравляет меня с установлением моей невиновности, читает мне указ об освобождении и возвращает шпагу. Теперь остается, торжествуя, лететь в свой замок, в объятия Амалии... Но что же? Она исчезла. Ее увезли темной ночью, никто не знал куда. С тех пор она словно в воду канула. Меня молнией осенила мысль! Я спешу в город, пытаюсь что-нибудь узнать у придворных. Все таращат на меня глаза, никто ничего не разъясняет... Наконец во дворце, за потаенной решеткой, я ее обнаруживаю. Она бросила мне записку.

Ш в е й ц е р. Ну что, разве я не говорил?

К о с и н с к и й. Ад, смерть и ад! Вот что я прочел! Ее поставили перед выбором: допустить мою смерть или стать любовницей князя. В борьбе между честью и любовью она избрала последнюю... и *(хохочет)* я был спасен.

Ш в е й ц е р. И что же ты сделал?

К о с и н с к и й. Я стоял словно ошеломленный тысячью громов. «Кровь!» — была моя первая мысль; «кровь!» — последняя. С пеной у рта мчусь я домой, хватаю трехгранную шпагу и вне себя врываюсь в дом министра,— ибо он, только он мог быть адским сводником. Меня, видимо, заметили еще на улице. Когда я поднялся наверх, все двери были заперты. Я мечусь, расспра-

шиваю. Ответ один: он уехал к государю. Я устремляюсь туда, но там его и в глаза не видели. Возвращаюсь к нему, взламываю двери, нахожу его... Но человек пять служителей выскакивают из засады и обезоруживают меня.

Швейцер *(топая ногой)*. И он остался цел, а ты ушел ни с чем?

Косинский. Меня схватили, предали суду, опозорили и... заметьте — в виде особой милости,— выслали за границу. Мои поместья достались министру; моя Амалия в когтях тигра, она гаснет, стеня и рыдая, а моя месть бессильно сгибается под ярмом деспотизма.

Швейцер *(вскакивая и размахивая шпагой)*. Это льет воду на нашу мельницу, атаман! Тут найдется, что поджечь.

Моор *(доселе ходивший взад и вперед в сильном волнении, резко останавливается. К разбойникам)*. Я должен видеть ее. Живо! Стройтесь! Ты остаешься с нами, Косинский! Торопитесь!

Разбойники. Куда? Что?

Моор. Куда? Кто спросил — куда? *(Гневно, Швейцеру.)* Предатель, ты хочешь задержать меня? Но, клянусь небом...

Швейцер. Предатель? Я? Отправляйся хоть в ад, я пойду с тобою!

Моор *(бросается ему на шею)*. Брат! Ты идешь со мной! Она плачет, угасает! Поднимайтесь! Живо! Все! Во Франконию! Мы должны быть там через неделю...

Все уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Сельская местность вблизи замка Мооров.

Разбойник Моор. В отдалении Косинский.

Моор. Ступай и доложи обо мне. Помнишь, что тебе надо сказать?

Косинский. Вы — граф фон Бранд, едете из Мекленбурга; я ваш стремянный. Не беспокойтесь, я хорошо сыграю свою роль. Прощайте. *(Уходит.)*

Моор. Привет тебе, родная земля! *(Целует землю.)* Родное небо, родное солнце! Холмы и долы! Леса и потоки! Всем сердцем приветствую вас! Каким целительным воздухом веет с гор моей родины! Какое блаженство струится в грудь несчастного

изгнанника! Элизиум! Поэтический мир! Остановись, Моор! Ты вступаешь во храм! *(Подходит ближе.)* А вот и ласточкины гнезда во дворе замка! И садовая калитка! И тот уголок у забора, где ты так часто подстерегал и дразнил ловчего филина. Вот лужайка, где ты, отважный Александр, вел своих македонян в атаку при Арбеллах, и поросший травою холм, откуда ты прогнал персидского сатрапа; на этой вершине победно реяло твое знамя! *(Улыбается.)* Золотые майские годы детства вновь оживают в душе несчастного. Здесь был ты так счастлив, так бесконечно, безоблачно весел!.. А ныне в обломках лежат твои замыслы! По этой земле ты должен был ступать славным, достойным, всеми почитаемым мужем; здесь в цветущих детях Амалии тебе предстояло вторично пережить свои детские годы; здесь, здесь быть кумиром своих подданных! Но враг человеческий злобно насмеялся надо мною! *(Вздрагивает.)* Зачем я пришел сюда? Чтобы почувствовать себя узником, которого звон цепей пробуждает от снов о свободе? Нет, я вернусь к своей юдоли... Узник позабыл свет солнца, но мечта о свободе, как молния, прорезала ночь вкруг него, чтобы сделать ее еще темнее. Прощайте, родные долины! Когда-то вы видели мальчика Карла, и этот мальчик был счастлив; теперь вы увидели мужчину, и он полон отчаяния. *(Быстро оборачивается и идет в дальний угол сцены, внезапно останавливается и с тоской смотрит на замок.)* Не увидеть ее, не бросить на нее ни единого взгляда, когда только стена разделяет меня и Амалию? Нет! Я увижу ее. Я увижу его, чего бы то ни стоило! *(Повертывает обратно.)* Отец, отец, твой сын идет к тебе! С дороги, черная дымящаяся кровь! С дороги, пустой, недвижный, леденящий взгляд смерти! Дай мне свободу только на этот час! Амалия! Отец! Ваш Карл идет к вам. *(Быстрыми шагами направляется к замку.)* Пытай меня, когда забрезжит день, неотступно преследуй меня в ночном мраке, мучь ужасными снами! Не отрави мне лишь этот единый миг наслаждения! *(Останавливается у ворот.)* Что со мной? Что это значит, Моор? Мужайся! Смертный ужас!.. Страшное предчувствие!.. *(Входит в замок.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Галерея в замке.

Разбойник Моор. Амалия входит.

Амалия. И вы думаете узнать его портрет среди всех других?

Моор. О, безусловно. Его образ всегда стоял перед моими глазами. *(Осматривает картины.)* Это не он.

Амалия. Вы угадали! Это родоначальник графов. Барбаросса возвел его в дворянство за расправу над морскими разбойниками.

Моор *(продолжая вглядываться в картины)*. И это не он, и этот, и тот. Его нет среди них.

Амалия. Как? Вглядитесь получше! Я думала, вы знаете его.

Моор. Знаю, как родного отца! Вот этому недостает мягкой улыбки, отличавшей его среди тысяч... Это не он.

Амалия. Я поражена. Как? Не видеть восемнадцать лет, и все еще...

Моор *(быстро, вспыхнув)*. Вот он! *(Стоит как пораженный молнией.)*

Амалия. Прекраснейший человек!

Моор *(не отрываясь глядит на портрет)*. Отец, отец, прости меня! Да, прекраснейший человек! *(Вытирает глаза.)* Святой человек!

Амалия. Вы, кажется, очень почитали его?

Моор. О, превосходный человек! И его уже нет в живых?

Амалия. Да! Он ушел, как уходят лучшие радости жизни. *(Дотрагивается до его руки.)* Милый граф, счастье не успевает расцвести в подлунном мире!

Моор. Да, правда, правда... Но когда вы успели убедиться в этом? Вам ведь не больше двадцати трех лет.

Амалия. И все-таки я успела. Все живет для того, чтобы умереть в печали. Мы стремимся к счастью и обретаем его, чтобы снова с болью утратить.

Моор. Вы уже утратили что-то?

Амалия. Ничего... Все! Ничего... Не пройти ли нам дальше, граф?

Моор. Вы так спешите? Чей это портрет там, направо? Такое скорбное лицо.

Амалия. Налево портрет его сына, нынешнего владетельного графа... Идемте же! Идемте!

Моор. Но этот портрет направо?

Амалия. Не угодно ли вам пройти в сад?

Моор. Но этот портрет направо? Ты плачешь, Амалия?

Амалия быстро уходит.

Она любит меня! Любит! Все ее существо встрепенулось, предательские слезы полились из глаз. Она любит меня! Несчастный, разве ты это заслужил? Разве я не стою здесь, как преступник перед плахой? Не это ли софа, на которой я утопал в блаженстве,

обнимая ее? Не это ли покои отчего дома? *(Растроганный портретом отца.)* Ты, ты! Глаза твои извергают огонь! Проклятье, проклятье! Отреченье! Где я? Ночь перед моими глазами. Кары господни! Я, я убил его! *(Убегает.)*

Франц Моор *(входит погруженный в раздумье)*. Прочь этот образ! Жалкий трус! Чего ты робеешь? И перед кем? С тех пор как этот граф в моем замке, мне все мерещится, что какой-то шпион, подосланный адом, по пятам крадется за мной. Я когда-то видел его! Что-то величественное и знакомое есть в его суровом загорелом лице. Да и Амалия неравнодушна к нему! Она то и дело бросает на этого молодчика тоскующие, томные взгляды, а на них она обычно скупится! Разве я не видел, как ее слеза украдкой скатилась в вино, которое он пил за моей спиной так жадно, точно хотел проглотить и бокал. Да, я видел это в зеркале, видел собственными глазами. Берегись, Франц! За всем этим кроется какое-то чреватое гибелью чудовище! *(Пытливо вглядывается в портрет Карла.)* Его длинная, гусиная шея, его черные огненные глаза, гм-гм-гм, темные нависшие густые брови. *(Вздрагивая.)* Злорадствующий ад, не ты ли насылаешь на меня это предчувствие? Да, это Карл. Теперь все его черты ожили передо мною. Это он! Он! Личина его не скроет! Это он! Смерть и проклятие! *(В ярости ходит большими шагами по сцене.)* Разве для того я бодрствовал по ночам, для того срывал скалы и засыпал пропасти? Разве для того я восстал против всех человеческих инстинктов, чтобы этот беспокойный бродяга обратил в ничто все мои хитросплетения? Спокойствие! Главное — спокойствие! Осталась пустячная работа! Я и без того по уши погряз в смертных грехах. Глупо плыть обратно, когда берег далеко позади. О возвращении нечего и думать. Милосердие пошло бы по миру, отпустив мои грехи, и вечное сострадание стало бы банкротом! Итак, вперед, как подобает мужу! *(Звонит.)* Пусть соединится с духом отца и тогда приходит. Мертвецы мне не страшны. Даниэль! Эй! Даниэль! Бьюсь об заклад, они и его вовлекли в заговор! У старика загадочный вид.

Даниэль входит.

Даниэль. Что прикажете, сударь?

Франц. Ничего. Иди налей вина в этот кубок, да живей поворачивайся!

Даниэль уходит.

Погоди, старик, я поймаю тебя! Я так посмотрю тебе в глаза, что уличенная совесть заставит тебя побледнеть, и эта бледность будет видна и сквозь маску. Он должен умереть. Разиня тот, кто

бросает дело на полдороге и, отойдя в сторону, глазеет: что-то будет дальше?

Даниэль с вином.

Поставь сюда! Смотри мне прямо в глаза! Да у тебя колени трясутся? Как ты дрожишь! Признавайся, старик! Что ты сделал?

Даниэль. Ничего, ваша милость! Клянусь богом и спасением бедной души моей!

Франц. Выпей это вино! Что? Ты медлишь? Ну, говори, живо! Чего ты подсыпал в кубок?

Даниэль. Господи, спаси и помилуй! Как? Я — в кубок?

Франц. Яду подсыпал ты в вино! Ты бледен как смерть! Признавайся же, признавайся! Кто дал тебе яд? Не правда ли, граф? Граф дал тебе его?

Даниэль. Граф? Пресвятая дева! Граф ничего мне не давал.

Франц *(хватает его)*. Я буду душить тебя, покуда ты не посинеешь, седой обманщик! Ничего? А почему вы все время торчите вместе? Он, ты и Амалия? О чем перешептываетесь? Выкладывай! Какие тайны, какие тайны он поверял тебе?

Даниэль. Бог свидетель, он никаких тайн не поверял мне.

Франц. Так ты запираешься? Какие козни вы замышляете, чтобы убрать меня с дороги? А? Собираетесь задушить меня во сне? Зарезать бритвой? Попотчевать отравой в вине или шоколаде? Говори! Говори! Или в тарелке супа поднести мне вечное упокоение? Говори! Мне все известно.

Даниэль. Разрази меня бог, если я не говорю вам чистейшей правды!

Франц. На этот раз я прощу тебя. Но он, наверно, совал деньги тебе в кошелек? Пожимал руку крепче, чем это принято? Как жмут руку старым знакомым?

Даниэль. Никогда, ваша милость.

Франц. Говорил он тебе, к примеру, что знавал тебя? Что и ты должен бы знать его? Что с твоих глаз когда-нибудь спадет пелена? Что? Как? Он никогда не говорил ничего подобного?

Даниэль. Ни словечка.

Франц. Что известные обстоятельства удерживали его... Что часто приходится надевать личину, чтобы проникнуть к врагу, что он хочет отомстить за себя, жестоко отомстить?

Даниэль. Ни о чем таком он и не заикался.

Франц. Как? Решительно ни о чем? Подумай хорошенько... Что он близко, очень близко знал старого графа? Что любит его, бесконечно любит, любит, как родной сын?..

Д а н и э л ь. Что-то в этом роде я и вправду слыхал от него.

Ф р а н ц *(бледнея)*. Так он говорил это? В самом деле говорил? Но что? Скажи? Говорил, что он брат мне?

Д а н и э л ь *(озадаченный)*. Что, ваша милость? Нет! Этого он не говорил! Но когда фрейлейн Амалия водила его по галерее,— я как раз вытирал пыль с картин,— он вдруг остановился перед портретом покойного графа как громом пораженный. Фрейлейн Амалия, указав на портрет, сказала: «Прекраснейший человек!» — «Да, да! Прекраснейший человек»,— подтвердил и он, утирая слезы.

Ф р а н ц. Слушай, Даниэль! Ты знаешь, я всегда был тебе добрым господином; я кормил, одевал тебя и неизменно щадил твою старость.

Д а н и э л ь. Да вознаградит вас господь! И я всегда служил вам верой и правдой.

Ф р а н ц. Об этом я и говорю. Ты никогда в жизни не перечил мне, так как отлично знаешь, что обязан исполнять мою волю, что бы я ни приказывал!

Д а н и э л ь. От всего сердца, господин граф, если только это не идет против господа и моей совести!

Ф р а н ц. Вздор, вздор! Как тебе не стыдно? Старик, а веришь бабьим россказням. Брось, Даниэль, эти глупости! Ведь я господин, меня покарают бог и совесть, если бог и совесть существуют.

Д а н и э л ь *(всплескивая руками)*. Боже милосердный!

Ф р а н ц. Вспомни о долге повиновения! Понимаешь ты это слово? Во имя этого долга я приказываю тебе: уже завтра графа не должно быть среди живых.

Д а н и э л ь. Господи, спаси и помилуй! Да за что же?

Ф р а н ц. Помни о слепом повиновении! Ты мне за все ответишь!

Д а н и э л ь. Я? Пресвятая матерь! Спаси и помилуй! Я? В чем я, старик, провинился?

Ф р а н ц. Здесь некогда раздумывать! Твоя судьба в моих руках. Выбирай — либо томиться всю жизнь в самом глубоком из моих подвалов, где голод заставит тебя глодать собственные кости, а жгучая жажда лакать собственную воду, либо до конца дней в мире и покое есть хлеб свой.

Д а н и э л ь. Как, сударь? Мир, покой — и убийство?

Ф р а н ц. Отвечай на мой вопрос!

Д а н и э л ь. О, мои седины, мои седины!

Ф р а н ц. Да или нет?

Д а н и э л ь. Нет! Боже, смилуйся надо мною!

Франц *(делая вид, что уходит)*. Ладно! Скоро божья милость тебе пригодится.

Даниэль *(удерживая его, падает перед ним на колени)*. Смилуйтесь, сударь, смилуйтесь!

Франц. Да или нет?

Даниэль. Ваша милость! Мне уже семьдесят второй год. Я всегда почитал своих родителей. Я, сколько помню, ни у кого гроша не взял обманом. Я честно держался своей веры. Я сорок четыре года прослужил в вашем доме и жду теперь спокойной, мирной кончины. Ах, сударь, сударь! *(С жаром обнимает его колени.)* А вы хотите отнять у меня последнее утешение перед смертью. Хотите, чтобы совесть, как червь, подточила мою последнюю молитву и чтоб я заснул навеки, став чудовищем перед богом и людьми. Нет, нет, мой дорогой, мой бесценный, мой любимый граф! Вы этого не хотите! Этого вы не можете хотеть от семидесятилетнего старика!

Франц. Да или нет! Что за болтовня?

Даниэль. Я буду отныне еще усерднее служить вам! Не покладая старых рук буду, как поденщик, работать на вас, буду еще раньше вставать и еще позже ложиться, денно и нощно молить за вас бога, и господь не отринет молитвы старика.

Франц. Повиновение лучше жертвы. Статочное ли дело, чтобы палач жеманился перед казнью!

Даниэль. Да, да, верно. Но удавить невинного...

Франц. Может быть, я обязан тебе отчетом? Разве топор спрашивает палача, зачем рубить эту голову, а не другую? Но видишь, как я милостив: я предлагаю тебе награду за то, к чему тебя обязывает служба.

Даниэль. Но я надеялся остаться христианином на вашей службе.

Франц. Хватит болтать! Даю тебе день на размышление. Так взвесь же: счастье или беда? Слышишь? Понял? Величайшее счастье или ужаснейшая беда! Я превзойду себя в пытках!

Даниэль *(после некоторого раздумья)*. Я все сделаю, завтра сделаю. *(Уходит.)*

Франц. Искушение сильно, а старик не рожден мучеником за веру. Что ж!.. На здоровье, любезный граф! Похоже, что нынче вечером состоится ваша последняя трапеза. Все зависит от того, как смотреть на вещи; и дурак тот, кто не блюдет своей выгоды. Отец, быть может выпивший лишнюю бутылку вина, загорается желанием — и в результате возникает человек; а ведь о человеке вряд ли много думают за этой геркулесовой работой. Вот и на меня теперь нашло желание — и человека не станет. И, уж конечно, в этом больше ума и преднамеренности, чем при его

зачатии. Бытие большинства людей стоит в прямой зависимости от жаркого июльского полдня, от красивого покрывала на постели, от горизонтального положения задремавшей кухонной грации или от потухшей свечи. Если рождение человека — дело скотской похоти, пустой случайности, то зачем так ужасаться отрицанию его рождения? Будь проклята глупость кормилиц и нянек, пичкающих наше воображение страшными сказками и начиняющих наш слабый мозг мерзостными картинами Страшного суда! Они сажают наш пробудившийся разум на цепь темного суеверия, так что кровь леденеет в жилах и приходит в смятение самая смелая решимость! Убийство! Сонмище фурий вьется вокруг этого слова! Природа позабыла сделать еще одного человека: не перевязали пуповины, отец во время брачной ночи оказался не на высоте — и всей игры теней как не бывало! *Было что-то — и не осталось ничего...* Разве это не то же самое, что: *ничего не было, ничего и не будет!* А нет ничего, так и говорить не о чем. Человек возникает из грязи, шлепает некоторое время по грязи, порождает грязь, в грязь превращается, пока наконец грязью не налипнет на подошвы своих правнуков! Вот и вся песня, весь грязный круг человеческого предназначения. Итак, счастливого пути, любезный братец! Пусть совесть, этот желчный подагрический моралист, гонит морщинистых старух из публичных домов и терзает на смертном одре старых ростовщиков! У меня ей никогда не добиться аудиенции! *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Другая комната в замке.

Разбойник Моор входит с одной стороны. Даниэль с другой.

Моор *(поспешно)*. Где фрейлейн Амалия?

Даниэль. Ваша милость! Дозвольте бедному человеку обратиться к вам с просьбой.

Моор. Говори! Чего тебе надобно?

Даниэль. Немного и всего, очень малого и вместе с тем очень многого. Дозвольте мне поцеловать вашу руку!

Моор. Нет, добрый старик. *(Обнимает его.)* Ты мне годишься в отцы.

Даниэль. Вашу руку, вашу руку! Прошу вас.

Моор. Нет, нет!

Даниэль. Я должен! *(Берет его руку, смотрит на нее и падает перед ним на колени.)* Милый, бесценный Карл!

Моор *(пугается, овладевает собою, сухо)*. Что ты говоришь, друг мой? Я тебя не понимаю.

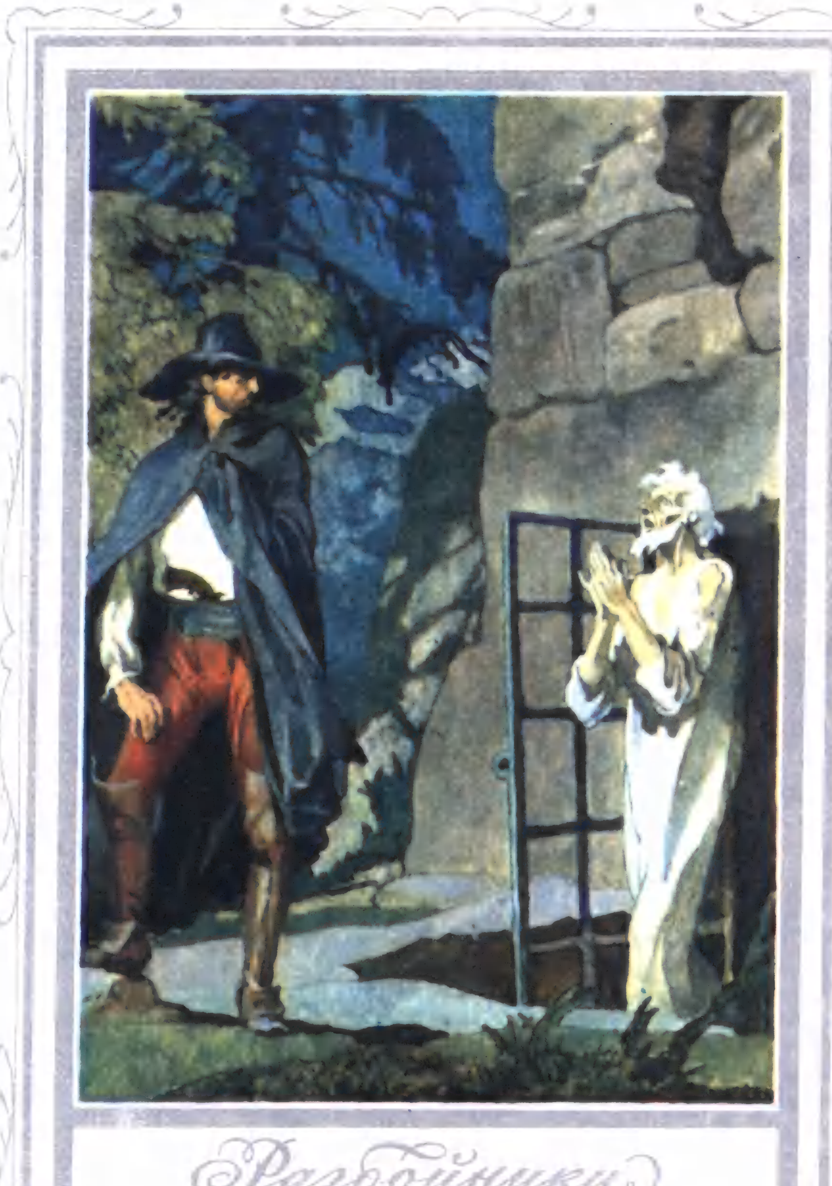
Д а н и э л ь. Что ж, отпирайтесь, притворяйтесь! Ладно, ладно! Вы все же мой дорогой, бесценный господин! Боже милостивый! Я, старик, сподобился такой радости. Дурак я, что не сразу... Отец небесный! Вот вы вернулись, а старый-то граф в земле... А вы опять здесь. Что я за слепой осел *(ударяет себя по лбу)*, что не сразу... Господи боже ты мой! Кто бы мог подумать! О чем я слезно молился... Иисусе Христе!.. Вот он стоит собственной персоной в своей прежней комнате!

М о о р. Что за странные речи? Да что вы, в белой горячке, что ли? Или хотите на мне испробовать, как вам удается роль в какой-то комедии?

Д а н и э л ь. Тьфу ты! Господи, и не грех вам потешаться над старым слугой? Этот шрам... Да помните ли... Великий боже! То-то страху нагнали вы на меня в ту пору! Я вас так любил всегда, а вы... То-то было бы горе!.. Вы сидели у меня на руках... Помните, там, в круглом зале... Бьюсь об заклад, вы, верно, уже позабыли и кукушку, что так любили слушать! Подумать только, кукушка разбилась вдребезги. Старая Сусанна уронила ее, когда мела комнату... Да, так вот вы сидели у меня на руках да вдруг как закричите: «Но-но!» Я и побежал за вашей лошадкой. Господи Иисусе, и куда только я, старый осел, понесся? Меня как варом обдало, когда я еще в сенях услышал ваш крик. Вбегаю, вы лежите на полу, а кровь так и хлещет. Матерь божья! Меня словно ледяной водой окатили! И всегда ведь так, чуть недоглядишь за ребенком! Боже милосердный, а что, если бы в глазок попало? Ведь и то, как нарочно, в правую руку. До конца дней моих, сказал я себе тогда, не дам ребенку ножа или ножниц или чего другого острого! Так и сказал... Слава богу, еще господин и госпожа были в отъезде. Да, да, это был мне урок на всю жизнь! Иисусе Христе, ведь меня могли со двора согнать! Господи, прости вас, упрямое дитя!.. Но, слава богу, рана зажила, только вот рубец остался.

М о о р. Не понимаю ни слова из всего, что ты говоришь!

Д а н и э л ь. Будто бы? То-то было времечко! Сколько раз, бывало, потихоньку подсунешь вам пряничек, или бисквит, или лепешку... А помните, что вы мне сулили в конюшне, когда я вас сажал на чалого коня старого графа и пускал кататься по большому лугу? «Даниэль,— бывало, скажете вы,— Даниэль, подожди, я вырасту большой, сделаю тебя управляющим, и ты будешь разъезжать со мной в карете».— «Да,— говорю я и смеюсь,— если пошлет нам бог дней и здоровья и вы не будете стыдиться старика, я у вас попрошу тот домик внизу в деревне, что уж давно стоит пустой, заведу там погребок ведер на двадцать вина, да и

Разбойники

стану хозяйствовать на старости лет». Ладно, смейтесь, смейтесь! У вас небось все вылетело из головы! Старика и знать не желаете! Так говорите с ним — холодно, гордо... А все-таки вы мой золотой Карл! Правда, вы всегда были ветреник, не в обиду вам будь сказано! Ну, да вся молодежь такова... А потом, глядишь, все и образуется!

Моор *(бросается ему на шею)*. Да, Даниэль, не буду больше запираться. Я твой Карл, твой заблудший Карл. Что моя Амалия?

Даниэль *(плачет)*. Это мне-то, старому грешнику, такая радость! Значит, и покойный граф понапрасну проливал слезы! Ну, теперь отыдите с миром, седая голова, дряхлые кости! Мой господин и повелитель жив! Довелось-таки свидеться!

Моор. И он сдержит свое обещание! Возьми это, честный старец, за чалого. *(Сует ему в руки тяжелый кошелек.)* Я не забыл тебя, старина!

Даниэль. Что? Что вы делаете? Куда так много? Вы ошиблись.

Моор. Не ошибся, Даниэль.

Даниэль хочет упасть ему в ноги.

Встань! Скажи, что моя Амалия?

Даниэль. Господь да наградит вас! Боже ты мой! Ваша Амалия? Ох, да она не переживет этого, она умрет от счастья.

Моор *(живо)*. Она не позабыла меня?

Даниэль. Позабыла? Что вы такое говорите? Забыть вас? Надо было вам видеть своими глазами, как она убивалась, когда до нас дошел слух, который распустил теперешний господин, будто вы умерли...

Моор. Что ты говоришь? Мой брат...

Даниэль. Да, ваш брат, наш господин, ваш брат... В другой раз, на досуге, я вам расскажу побольше... А как она отгоняла его, когда он каждый божий день приставал к ней с предложением стать его супругой. О, мне надо бежать, сказать ей... *(Хочет уйти.)*

Моор. Постой, постой! Она не должна знать! Никто не должен знать. Мой брат тоже.

Даниэль. Ваш брат? Нет, боже упаси! Он ничего не должен знать! Не должен! Если только он уже не знает больше, чем следует. Ох, поверьте, есть на свете дурные люди, дурные братья, дурные господа... Но я и за все господское золото не стану дурным слугой... Ваш брат считал вас умершим!

Моор. Что ты там бормочешь?

Даниэль *(еще тише)*. И правда, когда так непрошено воскресают... Ваш брат был единственным наследником покойного графа...

Моор. Старик! Что ты там бормочешь сквозь зубы, словно чудовищная тайна вертится у тебя на языке и не смеет, не может с него сорваться? Говори яснее!

Даниэль. Нет, лучше я соглашусь глодать собственные кости и пить собственную воду, чем убийством заслужить богатство и благополучие. *(Быстро уходит.)*

Моор *(выходя из ужасного оцепенения)*. Обманут! Обманут! Как молнией осенило меня... Злодейские козни! Ад и небо! Не ты, отец! Злодейские козни!.. Убийца, разбойник — и все из-за... черных козней! Он очернил меня! Подделал, перехватил мои письма. Сердце исполнено любви! О, я глупейший из глупцов! Отцовское сердце полно любви... О, подлость, подлость! Мне стоило только упасть к его ногам... одной моей слезы было б достаточно. О, я слепой, слепой глупец! *(Бьется головой об стену.)* Я мог быть счастлив!.. О, коварство, коварство! Счастье моей жизни разрушено подлыми плутнями! *(В ярости мечется по сцене.)* Убийца, разбойник! Из-за его черных козней! Он даже не сердился на меня! Даже мысль о проклятии не закрадывалась в его сердце!.. О, злодей! Непостижимый, коварный, гнусный злодей.

Входит Косинский.

Косинский. Куда это ты запропастился, атаман? В чем дело? Я вижу, ты не прочь и еще задержаться здесь.

Моор. Быстрее! Седлай коней! Еще до захода солнца мы должны быть за пределами графства!

Косинский. Ты шутишь?

Моор *(повелительно)*. Живо! Живо! Не медли ни минуты! Бросай все! Чтоб никто тебя не видел!

Косинский уходит.

Я бегу из этих стен. Малейшее промедление доведет меня до бешенства, а он все же сын моего отца. Брат! Брат! Ты сделал меня несчастнейшим из людей! Я никогда не обижал тебя. Ты поступил не по-братски. Пожинай спокойно плоды своего злодейства, мое присутствие не отравит твоего счастья!.. Но это не по-братски! Мрак да покроет твои деяния и смерть да не обличит их!

Косинский возвращается.

Косинский. Кони оседланы. Можете ехать, если угодно.

Моор. Как ты скор! Зачем так поспешно? Значит, никогда не увидеть ее?

Косинский. Расседлаю, если прикажете. Вы же сами велели в минуту обернуться.

Моор. Еще раз! Еще только одно «прости»! Я должен выпить до дна яд этого блаженства и тогда... Повремени, Косинский! Еще десять минут... Жди меня за стенами замка, и мы умчимся!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В саду.

Амалия. «Ты плачешь, Амалия?» — это он сказал таким голосом, таким голосом! Казалось, вся природа помолодела. Былая весна любви вновь забрезжила передо мною! Соловей щелкал, как тогда, цветы благоухали, и я, опьяненная счастьем, склонилась к нему на грудь. О лживое, вероломное сердце! Ты хочешь приукрасить измену! Нет, нет! Прочь из души моей, святотатственный образ! Я не нарушила клятвы, о мой единственный! Прочь из моей души, коварные, безбожные желания! В сердце, где царил Карл, нет места для смертного. Но почему моя душа все время против воли тянется к этому пришельцу? Он так неразрывно слился с образом моего Карла! Он стал вечным спутником того, единственного! «Ты плачешь, Амалия?» О, я скроюсь, убегу от него! Никогда глаза мои не увидят этого человека!

Разбойник Моор отворяет калитку.

(Вздрогнув.) Чу! Скрипнула калитка? *(Завидя Карла, вскакивает.)* Он? Куда? Зачем? Я словно приросла к земле и не могу бежать... Отец небесный, не оставляй меня! Нет, ты не вырвешь у меня моего Карла! В моей душе нет места для двух божеств! Я простая смертная девушка! *(Вынимает портрет Карла.)* Ты, Карл, будь моим ангелом-хранителем! Оборони меня от этого незнакомца, этого похитителя любви! На тебя, на тебя смотреть не отрываясь! Ни одного нечестивого взгляда на того! *(Сидит, молча уставившись на портрет.)*

Моор. Вы здесь, сударыня? И так печальны? Слезы блестят на этом медальоне!

Амалия не отвечает ему.

Кто тот счастливец, из-за которого слезы серебрятся в глазах ангела? Дозвольте и мне... *(Хочет взглянуть на медальон.)*

Амалия. Нет! Да!.. Нет!..

Моор *(отпрянув)*. О! И он заслуживает такого обожания? Заслуживает? Он?

Амалия. О, если бы вы знали его!

М о о р. Я завидовал бы ему.

А м а л и я. Преклонялись бы, хотели вы сказать.

М о о р. Гм!

А м а л и я. О! Вы бы полюбили его... В нем было так много... В его чертах, в его взоре, в звуке его голоса было так много сходного с вами, того, что я так люблю.

Моор стоит потупившись.

Здесь, где вы стоите, тысячи раз стоял и он! А возле него та, что в его близости забывала и небо и землю. Здесь его взор блуждал по цветущей природе. И она, казалось, чувствовала его награждающий взгляд, хорошела от восхищения своего любимого. Здесь, зачарованные небесной музыкой, ему внимали пернатые слушатели. Вот с этого куста он срывал розы, срывал для меня. Здесь, здесь он меня обнимал. Его уста пылали на моих устах, и цветы радостно умирали под ногами влюбленных.

М о о р. Его нет больше?

А м а л и я. Вихри носят его по бурным морям, но любовь Амалии сопутствует ему. Он бродит по далеким песчаным пустыням, но любовь Амалии для него превращает раскаленную почву в зеленеющий луг, заставляет цвести дикий кустарник. Полуденное солнце жжет его непокрытую голову, его ноги леденеют в северных снегах, град хлещет ему в лицо, но любовь Амалии убаюкивает его и в бурях. Моря, горы, целые страны разделяют любящих, но их души, вырвавшись из пыльных темниц, соединяются в райских кущах любви. Вы, кажется, опечалены,граф?

М о о р. Слова любви воскрешают и мою любовь.

А м а л и я *(побледнев)*. Что? Вы любите другую?.. Горе мне! Что я сказала?

М о о р. Она считала меня мертвым и сохранила верность мнимоумершему. Она услыхала, что я жив, и пожертвовала мне венцом праведницы. Она знает, что я скитаюсь в пустынях и в горе влачу свою жизнь,— и ее любовь в скитаниях и горестях сопутствует мне. Ее зовут Амалия, как и вас, сударыня.

А м а л и я. Как я завидую вашей Амалии!

М о о р. О, она несчастная девушка! Ее любовь принадлежит погибшему человеку и никогда не вознаградится!

А м а л и я. Нет! Она вознаградится на небе. Ведь есть же, говорят, лучший мир, где печальные возрадуются и любящие соединятся.

М о о р. Да! Мир, где спадают завесы и где любящим уготована страшная встреча... Вечностью зовется он... Моя Амалия — несчастная девушка!

А м а л и я. Несчастная? Но ведь вы любите ее?

М о о р. Несчастная, потому что она любит меня! А что, если я убийца? Что бы вы сказали, сударыня, если б на каждый поцелуй вашего возлюбленного приходилось по убийству? Горе моей Амалии! Она несчастная девушка!

А м а л и я *(весело и быстро поднимаясь)*. О! Зато какая же я счастливая! Мой возлюбленный — отблеск божества, а божество — это милосердие и жалость! Он и мухи не обидит! Его душа далека от кровавых помыслов, как полдень от полуночи.

Моор быстро отходит в сторону и неподвижно смотрит вдаль. Амалия берет лютню и играет.

Милый Гектор! Не спеши в сраженье,
Где Ахиллов меч без сожаленья
Тень Патрокла жертвами дарит!
Кто ж малютку твоего наставит
Чтить богов, копье и лук направит,
Если дикий Ксанф тебя умчит?

М о о р
(молча берет лютню и играет)

Милый друг, копье и щит скорее!
Там, в кровавой сече, веселее.
(Бросает лютню и убегает.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Лес близ замка Мооров. Ночь. В середине развалины башни.

Р а з б о й н и к и расположились на земле.

Р а з б о й н и к и
(поют)

Резать, грабить, куролесить
Нам уж не учиться стать.
Завтра могут нас повесить,
Нынче будем пировать!

Мы жизнь разгульную ведем,
Жизнь, полную веселья:
Мы ночью спим в лесу густом,
Нам бури, ветер нипочем,
Что ночь — то новоселье.
Меркурий, наш веселый бог,
Нас научил всему, как мог.

Мы нынче у попов кутим,
А завтра — в путь-дорогу.
Что нам не надобно самим,
То жертвуем мы богу.

И только сочный виноград
У нас в башках забродит —
Мы поднимаем целый ад,
И нам тогда сам черт не брат
И все вверх дном заходит.

И стон зарезанных отцов,
И матерей напрасный зов,
И вой детей, и женщин крики
Для нас приятнее музыки.

О, как они страшно визжат под ножом!
Как кровь у них хлещет из горла ручьем!..
А нас веселят их кривлянья и муки:
В глазах у нас красно, в крови у нас руки.

Когда ж придет мой смертный час —
Палач, кончай скорее!
Друзья! Всех петля вздернет нас:
Кутите ж веселее!

Глоток на дорогу скорее вина!
Ура! Ай-люли! Смерть на людях красна!

Швейцер. Уж ночь, а нашего атамана все нет.

Рацман. А обещал ровно в восемь вернуться!

Швейцер. Если с ним случилась беда, мы все сожжем, ребята! Не пощадим и грудных младенцев!

Шпигельберг *(отводя Рацмана в сторону)*. Два слова, Рацман.

Шварц *(Гримму)*. Не выслать ли нам лазутчиков?

Гримм. Брось! Он вернется с таким уловом, что мы со стыда сгорим.

Швейцер. Ну, это едва ли, черт тебя подери! Когда он уходил, было непохоже, что он собирается выкинуть какую-нибудь штуку. Помнишь, что он говорил, когда вел нас полем? «Если кто стащит здесь хоть одну репу, не сносить тому головы, не будь я Моором». Здесь нам нельзя разбойничать.

Рацман *(тихо Шпигельбергу)*. Куда ты клонишь? Говори яснее!

Шпигельберг. Шш-шш! Не знаю, что у нас с тобой за понятия о свободе! Тянем этот воз, как волы, хотя день и ночь разглагольствуем о вольной жизни. Мне это не по нутру.

Швейцер *(Гримму)*. Что еще затевает эта продувная бестия?

Рацман *(тихо Шпигельбергу)*. Ты говоришь об атамане?

Шпигельберг. Да тише ты! У него везде уши... Атаман, сказал ты? А кто его поставил над нами атаманом? Не присвоил ли он себе титул, по праву принадлежащий мне? Как? Мы ставим свою жизнь на карту, переносим все превратности судьбы за счастье быть его крепостными, когда могли бы жить по-княжески! Клянусь богом, Рацман! Мне это не по нутру!

Швейцер *(обращаясь к другим)*. В лягушек камнями бросать — на это ты герой! А стоит ему только чихнуть, как ты давай бог ноги.

Шпигельберг. Я уже годами мечтаю, Рацман, как бы все это изменить. Рацман, если ты тот, за кого я тебя считаю... Рацман! Он не идет, его уже считают погибшим... Рацман! Сдается мне, его час пробил! Как? Ты и бровью не ведешь, когда колокол возвещает тебе свободу? У тебя даже не хватает мужества понять мой смелый намек?

Рацман. Ах, сатана, ты хочешь оплести мою душу?

Шпигельберг. Что, клюнуло? Хорошо! Так следуй же за мной! Я заметил, куда он улизнул. Идем! Два пистолета редко дают осечку, а там мы первые бросимся душить сосунков! *(Хочет увлечь его за собой.)*

Швейцер *(в ярости хватается за нож)*. А-а! Скотина! Ты мне кстати напомнил про богемские леса! Не ты ли, трус, первый защелкал зубами, когда крикнули: «Враг повсюду!» О, я тогда же поклялся!.. Умри, подлый убийца! *(Закалывает его.)*

Разбойники *(в смятении)*. Убийство! Убийство! Швейцер! Шпигельберг! Разнимите их!

Швейцер *(бросает нож через его голову)*. Вот тебе! Подыхай! Спокойствие, друзья! Нечего шуметь по пустякам! Он, изверг, вечно злобствовал на атамана, а на собственной шкуре — ни единого рубца. Да угомонитесь же, говорю вам! Гнусный живодер! Исподтишка вздумал напасть на такого человека! Исподтишка! Хорош! Разве мы затем обливались потом, чтобы подохнуть, как собаки, сволочь ты эдакая? Для того прошли огонь и воду, чтобы околевать, как крысы?

Гримм. Но, черт возьми, дружище! Что у вас там вышло? Атаман придет в бешенство.

Швейцер. Это уж моя забота. *(Рацману.)* А ты, безбожная твоя душа, ты был с ним заодно! Убирайся с глаз моих! Шуф-

терле недалеко от тебя ушел и висит теперь в Швейцарии, как ему предрекал атаман.

Выстрел.

Ш в а р ц *(вскакивая)*. Слушай! Выстрел.

Снова выстрел.

Еще один! Ура! Атаман!

Г р и м м. Погоди! Он должен выстрелить три раза!

Еще один выстрел.

Ш в а р ц. Это он, он! Стреляй, Швейцер! Надо ему ответить.

Стреляют.

М о о р и К о с и н с к и й входят.

Ш в е й ц е р *(идет им навстречу)*. Добро пожаловать, атаман!.. Я без тебя немного погорячился. *(Подводит его к трупу Шпигельберга.)* Будь ты судьей между мною и этим. Он хотел из-за угла убить тебя.

Р а з б о й н и к и *(изумленно)*. Как? Атамана?

М о о р *(погруженный в созерцание, потом горячо)*. Непостижимо! Перст карающей Немезиды! Не он ли первый пропел мне в уши песнь сирены? Посвяти свой нож мрачной мстительнице! Не ты это сделал, Швейцер!

Ш в е й ц е р. Клянусь богом, это сделал я. И, черт побери, это не худшее из того, что я сделал в жизни. *(Раздосадованный, уходит.)*

М о о р *(в раздумье)*. Понимаю, небесный кормчий!.. Понимаю... Листья падают с дерев... Пришла и моя осень. Уберите его!

Труп Шпигельберга уносят.

Г р и м м. Приказывай, атаман! Что делать дальше?

М о о р. Скоро, скоро свершится все. Подайте мне лютню! Я потерял самого себя, побывав там! Лютню, говорю я! Пением я восстановлю свои силы... Оставьте меня!

Р а з б о й н и к и. Уж полночь, атаман.

М о о р. Все это лишь театральные слезы. Нужна римская песнь, чтобы мой уснувший дух снова встрепенулся. Дайте же лютню! Полночь, говорите вы?

Ш в а р ц. Дело к утру, сон свинцом ложится на наши веки. Трое суток мы не смыкали глаз.

М о о р. Как? Целительный сон смежает и глаза мошенников? Зачем же он бежит меня? Я никогда не был ни трусом, ни подлецом. Ложитесь спать! Завтра чуть свет мы двинемся дальше.

Разбойники. Доброй ночи, атаман! *(Ложатся на землю и засыпают.)*

Глубокая тишина.

Моор *(берет лютню и играет).*

Брут

Привет мой вам, вы, мирные долины!
Последнего примите из римлян!
С Филиппов, где сражались исполины,
Душа взвилась к вам из отверстых ран.
Мой Кассий, где ты? Рим наш погибает!
Мои полки заснули — спят во мгле.
Твой Брут к теням покойников взывает:
Для Брута нет уж места на земле!

Цезарь

Чья это тень с печатью отверженья
Задумчиво блуждает по горам?
О, если мне не изменяет зренье,
Походка римлянина видится мне там.
Давно ль простился Тибра сын с землею?
Стоит иль пал наш семихолмный Рим?
Как часто плакал я над сиротою,
Что больше нет уж Цезаря над ним!

Брут

А! Грозный призрак, ранами покрытый!
Кто потревожил тень твою, мертвец?
Ступай к брегам печального Коцита!
Кто прав из нас — покажет то конец.
На алтаре Филиппов угасает
Святой свободы жертвенная кровь,
Да, Рим над трупом Брута издыхает,—
И Брут его не оживит уж вновь!

Цезарь

И умереть от твоего кинжала!..
И ты — и ты поднять мог руку, Брут?
О сын, то был отец твой! Сын — подпала
Земля бы вся под царский твой трибут!
Ступай! Ты стал великим из великих,
Когда отца кинжалом поразил.
Ступай! И пусть услышат мертвых лики,
Что Брут мой стал великим из великих,
Когда отца кинжалом поражал.

Ступай! И знай, что мне в реке забвенья
От лютой скорби нету исцеленья.
Харон, скорей от этих диких скал!

Брут

Постой, отец! Среди земных творений
Я одного лишь только в мире знал,
Кто с Цезарем бы выдержал сравненье:
Его своим ты сыном называл.
Лишь Цезарь Рим был в силах уничтожить,
Один лишь Брут мог Цезаря столкнуть;
Где Брут живет, там Цезарь жить не может.
Иди, отец! И здесь наш розен путь.

(Опускает лютню на землю и задумчиво ходит взад и вперед.) Кто просветит меня?.. Все так сумрачно! Запутанные лабиринты... Нет выхода, нет путеводной звезды. Если б все кончилось вместе с этим последним вздохом! Кончилось, как пошлая игра марионеток... Но к чему эта страстная жажда райского счастья? К чему этот идеал недостижимого совершенства? Откладыванье недовершенных замыслов? Ведь ничтожный нажим на эту ничтожную пружинку *(подносит ко лбу пистолет)* равняет мудреца с дураком, труса с отважным, честного с мошенником! Божественная гармония царит в бездушной природе,— так откуда же этот разлад в разумном существе? Нет! Нет! Тут что-то большее, ведь я еще не был счастлив!

Души, загубленные мною, вы думаете, я содрогнусь? Нет, я не содрогнусь! *(Дрожит, как в лихорадке.)* Ваш дикий предсмертный визг, посинелые лица удавленников, ваши страшные зияющие раны — только звенья единой неразрывной цепи рока. Цепь эту выковали мои досуги, причуды моих мамок и воспитателей, темперамент моего отца, кровь моей матери! *(Содрогаясь от ужаса.)* О, зачем новый Перилл сделал из меня быка, в пылающем чреве которого сгорает человечество? *(Приставляет пистолет к виску.)*

Время и вечность, слитые в одном мгновении! Страшный ключ! Он запрет за мною темницу жизни и отомкнет обиталище вечной ночи! Скажи, о, скажи: куда, куда ты влечешь меня? В чужую страну, которую не огибал еще ни один корабль? Смотри! При виде ее изнемогает человечество, ослабевают земные силы и фантазия, эта дерзкая обезьяна чувств, морочит странными ужимками наше легковерие. Нет, нет! Мужчина не должен спотыкаться! Чем бы ты ни было, безымянное «там», лишь бы мое «я» не покинуло меня; будь чем угодно, лишь бы оно перешло со мною в тот мир... Все внешнее —только тонкий слой краски на человеке...

Я сам свое небо, сам свой ад. А вдруг ты мне там предоставишь лишь испепеленный клочок мироздания, от которого ты давно отвратил свои взоры, и одинокая ночь да вечная пустыня будут всем, что ждет меня за чертою жизни? Я населю тогда немую пустыню своими фантазиями, а вечность даст мне желанный досуг распутать запутанный клубок людских страданий. Или ты хочешь чрез лабиринт вечно новых рождений, чрез вечно новые арены бедствий, ступень за ступенью, привести меня к гибели? Но разве я не смогу разорвать нить существования, сплетенную для меня в потустороннем мире, так же легко, как эту, земную? Ты можешь превратить меня в ничто,— этой свободы тебе у меня не отнять! *(Заряжает пистолет. Внезапно останавливается.)* Так, значит, умереть от страха перед мучительной жизнью? Дать себя победить несчастьям? Нет! Я все стерплю. *(Швыряет пистолет в сторону.)* Муки отступят перед моей гордыней! Пройду весь путь.

Сцена постепенно темнеет.

Г е р м а н *(пробирается лесом)*. Чу, как страшно ухает сова! В деревне пробило полночь. Да, да! Злодейство спит! В этой глуши нет соглядатаев! *(Подходит к башне и стучится.)* Поднимись сюда, злосчастный узник! Вот твой ужин.

М о о р *(тихо отступая)*. Что это значит?

Г о л о с *(из башни)*. Кто там стучит? А? Это ты, Герман, мой ворон?

Г е р м а н. Да, я, Герман, твой ворон. Подойди к решетке и ешь.

Ухает сова.

Страшно поют твои ночные товарищи, старик. Что? Вкусно?

Г о л о с. Я очень проголодался. Благодарю тебя, господи, посылающего мне врана в пустыне! А как поживает мой сынок, Герман?

Г е р м а н. Тише! Слушай! Какой-то шум, похожий на храп. Слышишь?

Г о л о с. Как? Как? И ты слышишь что-то?

Г е р м а н. Это ветер стонет в расселинах башни — ночная музыка, от которой зубы стучат и синеют ногти. Нет, послушай! Мне все чудится храп. Ты здесь не один, старик. Ой-ой-ой!

Г о л о с. Ты видишь что-нибудь?

Г е р м а н. Прощай, прощай! Страшные это места. Полезай обратно в яму. Твой мститель там, в небесах. Проклятый сын! *(Хочет бежать.)*

М о о р *(объятый ужасом, приближается к нему)*. Стой!

Г е р м а н *(кричит)*. Горе мне!

М о о р. Стой, говорят тебе!

Г е р м а н. Горе, горе, горе! Все раскрыто!

М о о р. Стой! Говори! Кто ты? Что ты делаешь здесь? Отвечай!

Г е р м а н. Сжальтесь, сжальтесь, мой грозный повелитель! Выслушайте хоть одно слово, прежде чем прикончить меня!

М о о р *(вытаскивает шпагу)*. Что я услышу?

Г е р м а н. Вы под страхом смерти запретили мне... Я не мог иначе, не смел... Есть господь на небесах! Ваш родной отец — там... Я пожалел его — убейте меня!

М о о р. Здесь какая-то тайна. Говори! Не медли! Я должен все узнать.

Г о л о с. Горе! Горе! Это ты, Герман, там разговариваешь? С кем ты разговариваешь, Герман?

М о о р. Еще кто-то там, внизу. Что здесь происходит? *(Бежит к башне.)* Здесь узник, отверженный людьми? Я разобью его цепи! Подай голос еще раз! Где дверь?

Г е р м а н. Помилосердствуйте, сударь! Не ходите дальше. Из сострađанья покиньте это место! *(Заступает ему дорогу.)*

М о о р. Четыре замка! Прочь с дороги! Я должен узнать... Теперь впервые зову тебя на помощь, воровское искусство. *(Вынимает отмычки и отворяет решетчатую дверь.)*

Из глубины появляется с т а р и к, иссохший, как скелет.

С т а р и к М о о р. Сжальтесь над несчастным! Сжальтесь!

М о о р *(в ужасе отпрянув)*. Голос моего отца.

С т а р и к М о о р. Благодарю тебя, господи! Настал час избавления.

М о о р. Дух старого Моора! Что потревожило тебя в могиле? Или ты сошел в новый мир с грехом на душе, который преграждает тебе путь к вратам рая? Я стану служить обедни, чтобы вернуть блуждающий дух в место вечного упокоения. Или ты зарыл в землю золото вдов и сирот и в этот полночный час с воем бродишь вокруг него? Я вырву подземные сокровища из когтей дракона, даже если он изрыгнет на меня адское пламя и вопьется зубами в мою шпагу. Или ты явился на мой призыв — разгадать мне загадку вечности? Говори! Говори! Я не из тех, что бледнеют от страха.

С т а р и к М о о р. Я не призрак. Дотронься до меня! Я живу... Но какой ужасной, жалкой жизнью!

М о о р. Что? Так ты не был похоронен?

С т а р и к М о о р. Был. Но в склепе моих предков лежит дохлая собака, а я три месяца как томлюсь в этом мрачном подземелье. Сюда не проник ни один солнечный луч. Ни разу не по-

веял теплый ветерок. И ни один друг не посетил меня здесь, где только дико каркают вороны да ухают полночные совы.

М о о р. Боже праведный! Кто смел это сделать?

С т а р и к М о о р. Не проклинай его! Это сделал мой сын — Франц.

М о о р. Франц? Франц? О, вечный хаос!

С т а р и к М о о р. Если ты человек, мой неведомый избавитель, если у тебя человеческое сердце, так выслушай, какие муки уготовили отцу его сыновья. Уже три месяца кричу я об этом каменным стенам, но лишь глухое эхо вторит моим стенаниям. А потому, если ты человек, если в тебе бьется человеческое сердце...

М о о р. На этот призыв и дикие звери вышли бы из своих логовищ.

С т а р и к М о о р. Я лежал на одре болезни и едва стал оживать после тяжкого недуга, как ко мне привели человека, объявившего, что мой первенец погиб на поле битвы. Он передал мне меч, обагренный его кровью, и его последнее *прости*; сказал, что мое проклятие довело его до отчаяния и погнало в бой, навстречу смерти.

М о о р *(резко отворачиваясь от него)*. Все раскрылось!

С т а р и к М о о р. Слушай дальше! При этой вести я потерял сознание. Меня, верно, сочли мертвым. Когда я очнулся, я лежал в гробу, одетый в саван, как мертвец. Я стал скрести крышку гроба. Ее подняли. Кругом была темная ночь... Мой сын Франц стоял передо мною. «Как,— ужасным голосом вскричал он,— ужели ты будешь жить вечно?» И крышка тотчас же захлопнулась. От этих страшных слов я лишился сознания. Очнувшись снова, я почувствовал, что мой гроб ставят на телегу. Меня везли с полчаса. Наконец гроб открыли. Я стоял у входа в это подземелье. Мой сын передо мной и человек, передавший мне окровавленный меч Карла. Я обнимал колени сына, молил, заклинал и снова молил. Мольбы отца не тронули его сердца. «В яму это чучело! — загремел он.— Пожил, и хватит». И меня безжалостно столкнули вниз, а мой сын Франц запер дверь темницы.

М о о р. Этого не может быть, не может быть! Вы ошиблись.

С т а р и к М о о р. Допустим, я ошибся. Слушай дальше, но сдержи свой гнев. Так пролежал я целые сутки; и ни один человек не вспомнил обо мне в моем несчастье. Нога человеческая уже давно не ступала по этим пустынным местам, ибо, по народному поверию, в полночный час тени моих предков бродят в этих развалинах, волоча за собой гремящие цепи и хрипло распевая похоронные песни. Наконец я снова услышал скрип двери; этот человек принес мне хлеба и воды и поведал, что я осужден на голодную смерть и ему может стоить жизни, если откроется, что он носит

мне пищу. Эти крохи поддерживали меня довольно долгое время, но непрестанный холод, вонь от моих нечистот, безмерное горе!.. Силы мои подорвались, тело исчахло. Тысячи раз со слезами молил я смерти у господа бога, но, видно, мера моего наказания не преисполнилась. Или, быть может, еще ждет меня нечаянная радость, раз я чудом уцелел доселе? Но я по заслугам терплю эти мучения. Мой Карл! Мой Карл! И ведь он еще не дожил до седин...

Моор. Довольно! Поднимайтесь! Эй вы, чурбаны, тюфяки, ленивые, бесчувственные сонливцы! Вставайте! Ни один не проснулся? *(Стреляет в воздух из пистолета.)*

Разбойники *(всполошившись)*. Гей, гей! Что там случилось?

Моор. Так этот рассказ не стряхнул с вас дремоты? Он мог бы пробудить человека и от вечного сна! Смотрите сюда! Смотрите! Законы вселенной превращены в игральные кости! Связь природы распалась, древняя распря вырвалась на волю! Сын убил своего отца.

Разбойники. О чем ты, атаман?

Моор. Нет, не убил! Это слишком мягко! Сын тысячекратно колесовал отца, жег его на медленном огне, пытал, мучил. Нет, и эти слова слишком человечны! Грех покраснеет от его деяний, каннибалы содрогнутся! Мозг дьявола не измыслит подобного! Сын — своего родного отца! О, смотрите, смотрите, люди! Он лишился чувств. В это подземелье сын заточил отца! Страх, сырые стены, муки голода, жажда! О, смотрите, смотрите! Это мой отец! Я больше не таюсь от вас.

Разбойники *(вскакивают и окружают старика)*. Твой отец? Твой отец?

Швейцер *(благоговейно приближается к нему и опускается на колени)*. Отец моего атамана, земно кланяюсь тебе! Мой кинжал ждет твоих приказаний.

Моор. Мстить, мстить, мстить за тебя, жестоко оскорбленный, поруганный старец! Я навеки разрываю братские узы! *(Разрывает сверху донизу свою одежду.)* Каждую каплю братской крови проклинаю перед лицом небес! Внемлите мне, месяц и звезды! Внемли, полночное небо, взиравшее на это позорное злодеяние! Внемли мне, трижды грозный бог, царящий в надзвездном мире, казнящий и осуждающий! Ты, что пронзаешь пламенем сумрак ночи! Здесь преклоняю я колена. Здесь простираю десницу в страшный мрак, здесь клянусь я,— и да изрыгнет меня природа из своего царства, как последнюю тварь, если я нарушу эту клятву! — клянусь не встретить дневного света, прежде чем кровь отцеубийцы, пролитая у этого камня, не воздымится к солнцу!

Разбойники. Это сатанинское дело! А говорят, мы негодяи! Нет, черт возьми, такого нам не выдумать!

Моор. Да, клянусь страшным хрипом тех, кто погиб от наших кинжалов, тех, кого пожрал зажженный мною огонь, раздавила взорванная мною башня! Даже мысль об убийстве или грабеже не должна зародиться в вашем мозгу, покуда ваши одежды не станут багряными от крови этого злодея! Вам, верно, и не снилось, что вы станете карающей десницей всевышнего? Запутанный узел рока развязан! Нынче, нынче незримая сила облагородила наше ремесло! Молитесь тому, кто судил вам высокий жребий, кто привел вас быть страшными ангелами его грозного суда! Обнажите головы! Падите ниц, во прах, и встаньте очистившимися от скверны!

Они преклоняют колена.

Швейцер. Приказывай, атаман! Что делать?

Моор. Встань, Швейцер! Коснись этих священных седин! *(Подводит его к своему отцу и дает ему дотронуться до волос старика.)* Помнишь, как ты раскроил череп богемскому драгуну, когда он занес надо мною саблю, а я, едва дыша, измученный жарким боем, упал на колени? Я обещал тогда отблагодарить тебя по-царски, но и посейчас не мог уплатить этот долг.

Швейцер. Да, ты поклялся! Это правда, но дозволь мне считать тебя моим вечным должником!

Моор. Нет, теперь я расплачусь с тобой! Швейцер, ни один смертный еще не сподобился такой чести! Отомсти за моего отца!

Швейцер *(встает)*. Великий атаман! Сейчас впервые я почувствовал гордость. Повелевай: где, когда, как мне убить его?

Моор. Каждая минута на счету, ты должен торопиться; выбери достойнейших из шайки и веди их прямо к графскому замку! Вытащи его из постели, если он спит или предается сладострастию, выволоки его из-за стола, если он пьян, оторви от распятья, если он на коленях молится перед ним! Но, говорю тебе, приказываю: доставь мне его живым! Я разорву в клочья и отдам на съедение коршунам тело того, кто нанесет ему хоть царапину, кто даст хоть волосу упасть с его головы! Живьем нужен он мне! И если ты доставишь его целым и невредимым, то получишь в награду миллион. С опасностью для жизни я выкраду его у любого из королей, ты же будешь свободен, как ветер в поле. Понял? Торопись!

Швейцер. Довольно, атаман! Вот моя рука. Ты либо увидишь нас обоих, либо ни одного. Карающие ангелы Швейцера, за мной! *(Уходит с отрядом.)*

Моор. Остальным рассыпаться по лесу. Я остаюсь.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Анфилада комнат. Темная ночь.

Даниэль *(входит с фонарем и вещами, завязанными в узелок)*. Прощай, мой милый, родимый дом! Много насмотрелся я здесь доброго и хорошего, когда был жив покойный граф. Много пролил я слез по нему, давно истлевшему в сырой могиле! Но *такого* потребовать от старого слуги! Сей дом был приютом сирых, пристанищем скорбящих, а этот сын превратил его в разбойничий вертеп! Прощай и ты, милый пол графских покоев! Как часто подметал тебя старый Даниэль. Прощай, милая печка! Старику не легко расстаться с тобой. Со всем этим я так свыкся! Трудно тебе, старый Елеазар! Но господь в своем милосердии избавит меня от лукавого, не введет во искушение. Сир пришел я сюда, сир и уйду. Зато душа моя спасется. *(Хочет уйти.)*

Врывается Франц, одетый в шлафрок.

Господи, спаси и помилуй! Мой господин. *(Задувает фонарь.)*

Франц. Измена! Измена! Духи поднимаются из могил! Царство мертвых восстало от вечного сна и вопиет: «Убийца! Убийца!» Кто там копошится?

Даниэль *(испуганно)*. Пресвятая матерь божия, заступись за меня. Это вы, сударь, так страшно кричите на весь замок, что спящие вскакивают с постелей?

Франц. Спящие? А кто велит вам спать? Поди зажги свет!

Даниэль уходит, входит другой слуга.

Никто не должен спать в этот час! Слышите? Пусть все будут на ногах, при оружии. Зарядить карабины. Видел ты, как они неслись по сводчатой галерее?

Слуга. Кто, ваша милость?

Франц. Кто, болван? Кто? Так хладнокровно, так равнодушно ты спрашиваешь: кто? Меня это потрясло до дурноты! Кто? Осел! Кто? Духи и черти! Который час?

Слуга. Сторож прокричал два!

Франц. Что? Эта ночь хочет продлиться до Страшного суда! Ты не слыхал шума вблизи, победных кликов, топота скачущих коней? Где Карл... граф, хочу я сказать?

Слуга. Не знаю, ваша милость.

Франц. Ты не знаешь? Ты тоже в этой шайке? Я вырву у тебя сердце из груди за твое проклятое «не знаю»! Живо приведи пастора!

С л у г а. Ваша милость!

Ф р а н ц. Ты что-то бормочешь? Ты медлишь?

Слуга поспешно уходит.

Как? Эти нищие тоже в заговоре против меня? Небо, ад, все в заговоре?

Д а н и э л ь *(входит со свечой)*. Ваша милость...

Ф р а н ц. Нет, я не дрожу! Это был всего-навсего сон. Мертвые еще не восстали. Кто сказал, что я дрожу и бледнею? Мне так легко, так хорошо...

Д а н и э л ь. Вы бледны как смерть. Ваш голос дрожит от испуга.

Ф р а н ц. У меня лихорадка! Скажи пастору, когда он придет, что у меня лихорадка. Завтра я велю пустить себе кровь. Скажи это пастору.

Д а н и э л ь. Не прикажете ли накапать немного бальзаму на сахар?

Ф р а н ц. Хорошо. Накапай бальзаму! Пастор придет не так скоро. Мой голос дрожит, словно от страха. Дай мне бальзаму на сахаре!

Д а н и э л ь. Позвольте мне ключи, я схожу вниз, возьму из шкафа...

Ф р а н ц. Нет! Нет! Останься! Или мне пойти с тобой? Ты видишь, я не могу быть один! Ты же видишь, я могу лишиться чувств, если останусь один... Погоди! Погоди! Сейчас пройдет. Останься.

Д а н и э л ь. О, да вы серьезно больны!

Ф р а н ц. Ну да, да! В том-то и дело... А болезнь расстраивает мозг, насылает безумные, нелепые сны. Сны ничего не значат. Правда, Даниэль? Сны — это от желудка; они ничего не значат. Я видел сейчас забавный сон. *(Падает без чувств.)*

Д а н и э л ь. Господи Иисусе! Что ж это такое? Георг! Конрад! Бастиан! Мартин! Да откликнитесь же! *(Трясет его.)* Пресвятая дева Мария! Магдалина! Иосиф! Очнитесь! Еще скажут, что я его убил. Боже, смилуйся надо мною!

Ф р а н ц *(в смятении)*. Прочь! Прочь! Что ты так трясешь меня, мерзкий скелет? Мертвые еще не восстали.

Д а н и э л ь. Боже милостивый! Он потерял рассудок!

Ф р а н ц *(с трудом приподнимаясь)*. Где я? Ты, Даниэль? Что я тут говорил? Не обращай внимания! Я все вру... Что б я ни сказал, подойди! Помоги мне!.. Это просто головокружение! Оттого... оттого, что я не выспался...

Д а н и э л ь. Хоть бы Иоганн пришел! Я сейчас кликну на помощь, позову врачей.

Ф р а н ц. Стой! Сядь рядом со мной на софу. Так! Ты же смышленый, хороший человек. Я все расскажу тебе.

Д а н и э л ь. Не теперь, в другой раз! Я отведу вас в постель, покой вам нужнее.

Ф р а н ц. Нет, прошу тебя, я все расскажу. А ты хорошенько высмей меня! Слушай же, мне привиделось, будто я задал царский пир, и на сердце у меня было легко, и я, опьяненный, лежал на траве в нашем саду, как вдруг — это было в полуденный час — вдруг... но смейся, смейся же надо мной!

Д а н и э л ь. Что вдруг?

Ф р а н ц. Вдруг неистовый удар грома поразил мой дремлющий слух... Трепеща от страха, я поднялся на ноги, и вот... мне почудилось, что весь горизонт пылает огнем! Горы, леса и города расплавляются, как воск в печи! И ураган, воя, сметает прочь моря, небо и землю... Тут, точно из медной трубы, загремело: «Земля, отдай своих мертвецов, отдай мертвецов своих, море!» И голая степь стала трескаться и выбрасывать черепа и ребра, челюсти и кости. Они срастались в человеческие тела и неслись необозримым потоком — живой ураган! Тогда я поднял взор, и вот — я уже стою у подножья громоносного Синая и подо мной, и надо мной кишат толпы, а там, на вершине горы, на трех дымящихся престолах, три старца, взгляда которых бежит все живое.

Д а н и э л ь. Да ведь это совсем как на Страшном суде!

Ф р а н ц. Не правда ли, какой дикий вздор? Тут один из них, ликом как звездная ночь, выступил вперед, в руке у него было железное кольцо с печатью; он поднял его между востоком и западом и рек: «Вечно, свято, справедливо, непреложно! Есть только одна истина, только одна добродетель! Горе, горе усомнившемуся червю!» И выступил второй, у него в руке было блестящее зерцало; он поднял его между востоком и западом и рек: «Это зерцало — истина. Лицемерие и притворство не устоят перед ним». Тут я и весь народ затрепетали, ибо увидели морды тигров, леопардов и змей отраженными в этом ужасном зерцале. Но вот выступил третий, у него в руке были железные весы; он поднял их между востоком и западом и рек: «Приблизьтесь, дети Адама! Я взвешиваю ваши помыслы на чаше гнева моего, дела ваши — гирями злобы моей».

Д а н и э л ь. Господи помилуй!

Ф р а н ц. Белее снега стояли все вокруг, и в ожидании сердце робко билось в каждой груди. И вдруг мне послышалось, словно имя мое было первым произнесено горными вихрями; и мозг закоченел в моих костях, и мои зубы громко застучали. Часто, часто зазвенели весы, загрохотала скала, и часы потекли один

за другим вкруг левой чаши весов, и каждый час, один за другим, бросал в эту чашу смертный грех.

Д а н и э л ь. Да будет над вами милость господня!

Ф р а н ц. Ее не было! Чаша выросла с гору, хотя другая, полная крови искупления, еще удерживала ее высоко в воздухе... Но вот появился старик, в три погибели согбенный горестями; он грыз свою руку от лютого голода. При виде его все глаза робко потупились. Я узнал старика. Он отрезал прядь своих седых волос, бросил ее на чашу грехов. И она опустилась... вдруг опустилась до самого ада, а чаша искупления взвилась высоко в поднебесье. И я услышал голос, вещавший из дыма, застлавшего скалу: «Прощение, прощение всем грешникам земли и преисподней! Ты один отвержен!»

Долгая пауза.

Ну? Почему же ты не смеешься?

Д а н и э л ь. До смеха ли, когда мороз подирает по коже? Сны ниспосылаются небом.

Ф р а н ц. Чур, чур! Не говори так! Назови меня глупцом, суеверным, вздорным глупцом! Сделай это, добрый Даниэль! Прошу тебя, как следует поиздевайся надо мной!

Д а н и э л ь. Сны ниспосылаются небом. Я помолюсь за вас!

Ф р а н ц. Ты лжешь, говорю я! Иди сейчас же, беги, лети, узнай, куда запропастился пастор, вели ему торопиться! Но повторяю: ты лжешь!

Д а н и э л ь *(уходя)*. Господь да смилостивится над вами!

Ф р а н ц. Мудрость черни! Трусость черни! Еще не доказано, что прошедшее не прошло, что в надзвездном мире есть всевидящее око. Гм! Гм! Кто внушил мне это? Мститель там, в небесах? Нет! Нет! Да! Да! Страшный шепот вокруг: «Есть судия на небесах!» И ты предстанешь надзвездному судии еще этой ночью! Нет, говорю вам! Жалкая нора, в которой хочет укрыться твоя трусость!.. Пустынно, безжизненно, глухо там, над звездами! Ну, а если там, за ними, все же есть нечто большее? Нет, нет, там пустота! Я приказываю!.. Там ничего нет!.. А если? А если?.. Горе, если все тебе зачтется! Зачтется еще этой ночью! Отчего ужас пробегает по моим жилам? Умереть!.. Отчего это слово так леденит меня? Дать отчет надзвездному мстителю... А что, если он судит праведно? Все сироты, вдовы, все угнетенные, замученные мною возопиют к нему! Но если он судит праведно, почему они страдали? Почему я торжествовал над ними?

Пастор М о з е р входит.

Мозер. Вы посылали за мной, сударь? Я удивлен. Первый раз в жизни! Угодно вам насмехаться над религией? Или вы начинаете трепетать перед нею?

Франц. Насмехаться или трепетать — смотря по твоим ответам. Слушай, Мозер, я докажу тебе, что ты либо сам дурак, либо дурачишь других. А ты будешь отвечать. Слышишь? Если тебе дорога жизнь, ты будешь мне отвечать.

Мозер. Вы хотите судить всевышнего, и всевышний вам однажды ответит...

Франц. Сейчас я хочу узнать! Сейчас, сию же минуту! Чтоб не натворить постыдных безумств и в страхе не воззвать к идолу черни! За бутылкой бургундского я часто спьяна говорил тебе: «Бога нет». Теперь я говорю серьезно. Я заявляю: его нет! Ты можешь опровергать меня любыми доводами, имеющимися в твоем распоряжении. Они сгинут, стоит мне на них только дунуть.

Мозер. О, если б ты с такою легкостью мог отвести гром, что с непомерной силой грянет над твоей надменной душой! Всемогущему богу, которого ты, глупец и злодей, изгоняешь из его же творения, нет нужды оправдывать себя устами праха. Он так же велик в твоих жестокостях, как и в улыбке всепобеждающей добродетели.

Франц. Хорошо, поп! Отменно! Молодчина!

Мозер. Я служитель высшего владыки и говорю с червем, подобным мне, угождать которому не намерен! Я, конечно, счел бы себя чудотворцем, если бы мне удалось исторгнуть раскаяние у тебя, закоренелого злодея. Но если твоя уверенность так непреклонна, то зачем ты послал за мной? Скажи, зачем ты призвал меня среди ночи?

Франц. Потому что мне скучно. Даже шахматы сегодня не веселят меня. Вот мне и вздумалось шутки ради полаяться с попом. Этим вздором меня не застращаешь! Я знаю отлично: на вечность уповает лишь тот, кому не повезло здесь, на земле. Но он жестоко заблуждается. Мне довелось читать, что вся наша сущность сводится к кровообращению. С последней каплей крови исчезают и дух и мысль. Дух разделяет все слабости тела, так разве он может пережить его, не испариться при его распаде? Если к тебе в мозг проникнет хоть капля воды, твоя жизнь на мгновенье прервется, она будет граничить с небытием, а затем наступит и смерть. Чувства — не более как колебания струн, а разбитый клавесин звучать не может. Если я сровняю с землей семь моих замков, если разобью вон ту Венеру, это будет значить, что нет больше ни симметрии, ни красоты. То же и с вашей бессмертной душой!

Мозер. Такова философия вашего отчаяния. Но от этих доводов ваше собственное сердце пугливо бьется в груди, изобли-

чая вас во лжи. Все хитросплетения подобной философской системы разрывает одна-единственная мысль: «Ты должен умереть!» Что ж, я вызываю вас,— и да послужит вам это испытанием! — если и в смертный час вы не поколеблетесь, если ваши убеждения не предадут вас и тогда — победа за вами. Но если в этот час хоть малый страх посетит вас, тогда — горе вам. Вы обманулись!

Франц *(смущенно)*. Если в час смерти меня охватит страх?

Мозер. Немало довелось мне видеть таких несчастных, которые всю жизнь с чудовищной настойчивостью противоборствовали истине, но в час смерти их заблуждения сами собой исчезали. Я буду стоять у вашего смертного одра. Мне даже хочется видеть, как тиран расстается с жизнью... Я не сведу глаз с вашего лица; и когда врач возьмет вашу хладеющую, влажную руку, с трудом различая слабый, чуть слышный пульс, взглянет на вас и, равнодушно пожав плечами, заявит: «Человек тут бессилен»,— о, тогда берегитесь! Берегитесь походить на Ричарда или Нерона.

Франц. Нет! Нет!

Мозер. И ваше «нет» в смертный час прозвучит как громогласное «да». Внутренний судья, которого не подкупишь скептическими домыслами, пробудится и начнет вершить свой суд над вами. И это будет как пробуждение заживо погребенного во чреве могилы, это будет как возмущение самоубийцы, уже нанесшего себе смертельный удар и раскаивающегося! Это будет как молния, внезапно прорезавшая полночь вашей жизни, как озарение! И если вы и тогда не поколеблетесь — победа за вами.

Франц *(в беспокойстве ходит из угла в угол)*. Поповские бредни! Поповские бредни!

Мозер. Тогда мечи вечности впервые рассекут мрак вашей души, впервые,— но слишком поздно! Мысль о боге пробуждает страшного соседа, имя ему — судия! Подумайте, Моор, жизнь тысяч людей подчинена одному мановению вашей руки, из каждой тысячи девятьсот девяносто девять вы сделали несчастными. Вам недостает только Римской империи, чтобы стать Нероном, или Перу, чтобы стяжать себе славу Писарро. Неужто, вы думаете, господь дозволит, чтобы один человек неистово хозяйничал в его мире и все переворачивал вверх дном? Неужто вы думаете, что эти девятьсот девяносто девять рождены для гибели, для того, чтобы быть куклами в вашей сатанинской игре? Не думайте так! Он взыщет с вас за каждое мгновение, которое вы украли у них, за каждую радость, которую вы им отравили, за каждый шаг к совершенству, который вы преградили им. И если вы и тут найдете ответ, то, Моор,— победа за вами.

Франц. Довольно! Ни слова больше! Уж не хочешь ли ты, чтоб я подчинился твоим желчным размышлениям?

Мозер. Помни, что людские судьбы пребывают меж собой в прекрасном и страшном равновесии. Чаша весов, опустившись в этой жизни, возвысится в той; возвысившись в этой, в той опустится до земли. И то, что было здесь преходящим страданием, там станет вечным торжеством, а то, что здесь было преходящим торжеством, там станет вечным, безграничным отчаянием.

Франц *(яростно наступает на него)*. Пусть гром поразит тебя немотою, низкий лжец! Я вырву у тебя из глотки твой проклятый язык.

Мозер. А! Так вы уже ощутили бремя истины? А я ведь еще не привел доказательств. Что ж, приступим к ним!

Франц. Молчи, проваливай к черту со своими доказательствами! Душа наша сгниет вместе с телом, говорю тебе! И ты не смеешь мне возражать.

Мозер. Вот почему визжат духи ада и качает головой вездесущий. Ужели вы думаете в пустынном царстве вечного «ничто» ускользнуть от карающей десницы мстителя? Взнесетесь ли вы на небо — он там! Спуститесь ли в преисподнюю — он опять там! Вы крикнете ночи: «Обволоки меня!» — крикнете тьме: «Укрой меня!» И тьма возблещет вокруг вас, и полночь озарит светом отверженного. Нет! Ваш бессмертный дух противится этим словам, побеждает ослепшую мысль!

Франц. Но я не хочу быть бессмертным... Кто хочет, пусть будет им, мое дело сторона. Я заставлю его меня уничтожить! Я доведу его до ярости, чтобы он в ярости уничтожил меня. Назови мне тягчайший грех, который всех больше прогневит его.

Мозер. Мне ведомы только два таких греха. Но не люди их совершают и не люди судят за них.

Франц. Два греха?

Мозер *(очень значительно)*. Отцеубийством зовется один, братоубийством другой! Почему вы вдруг так побледнели?

Франц. Как, старик? Ты в заговоре с адом или с небом? Кто тебе это сказал?

Мозер. Горе тому, у кого на душе они оба! Лучше бы ему не родиться! Но успокойтесь! У вас нет больше ни отца, ни брата.

Франц. Как? И страшнее ты грехов не знаешь? Подумай еще: смерть, небо, вечность, проклятие витают на твоих устах. Не знаешь страшнее?

Мозер. Не знаю.

Франц *(падает на стул)*. Конец! Конец!

Мозер. Радуйтесь же, радуйтесь! Почитайте себя счастливым! При всех ваших злодеяниях вы праведник по сравнению с отцеубийцей. Проклятие, готовое поразить вас,— песнь любви рядом с проклятием, тяготеющим над его головой... Возмездие...

Ф р а н ц *(вскакивая)*. Тысячу смертей на тебя, ворон! Кто звал тебя сюда? Пошел вон, или я проколю тебя шпагой!

М о з е р. Как? Поповские бредни довели до бешенства такого философа? Ведь они сгинут, стоит вам только дунуть на них. *(Уходит.)*

Франц бросается в кресло и мечется в нестерпимом волнении. Глубокое молчание. Вбегает с л у г а.

С л у г а. Амалия бежала! Граф внезапно исчез!

Д а н и э л ь *(боязливо входит)*. Ваша милость, отряд неистовых всадников скачет к замку. Они кричат: «Смерть, смерть!» Вся деревня в смятении!

Ф р а н ц. Иди! Вели звонить во все колокола! Всех сгоняй в церковь! Пусть падут на колени!.. Пусть молятся за меня! Отпустить заключенных! Беднякам я все возмещу — вдвое, втрое! Я... Да иди же, зови духовника! Пусть он отпустит мне мои прегрешения! Что ж ты стоишь?

Шум и топот становятся слышнее.

Д а н и э л ь. Господи, прости меня и помилуй! Как мне это понять? Ведь вы отовсюду изгоняли религию, швыряли мне в голову Библию и требник, когда заставали меня на молитве...

Ф р а н ц. Ни слова больше! Смерть! Ты видишь? Смерть! Будет поздно!

Слышно, как неистовствует Швейцер.

Молись же! Молись!

Д а н и э л ь. Я всегда говорил вам: вы издеваетесь над святой молитвой, но берегитесь, берегитесь! Когда гром грянет, когда поток захлестнет вас, вы отдадите все сокровища мира за одну христианскую молитву. Вот видите, вы поносили меня! И теперь дождались! Видите!

Ф р а н ц *(порывисто обнимает его)*. Прости, милый, добрый, хороший мой Даниэль! Прости, я озолочу тебя! Но молись же! Я сыщу тебе невесту, я... Молись же, заклинаю тебя, на коленях заклинаю! Во имя дьявола, молись!

Шум на улице, крик, стук.

Ш в е й ц е р *(на улице)*. На приступ! Бей! Ломай! Я вижу свет, он должен быть там.

Ф р а н ц *(коленопреклоненно)*. Услышь мою молитву, господи! В первый раз!.. Никогда больше не обращусь к тебе! Услышь меня, господи!

Д а н и э л ь. Господи Иисусе! Что вы делаете? Это безбожная молитва.

Сбегается н а р о д.

Н а р о д. Воры! Убийцы! Кто поднял такой ужасный шум среди ночи?

Ш в е й ц е р *(все еще на улице)*. Отгоните их, ребята! Это черт явился, чтобы утащить вашего господина! Где Шварц со своими людьми? Окружай замок! Гримм! Бери приступом стены!

Г р и м м. Тащите сюда горящие головни! Либо мы вломимся к нему, либо он спустится вниз! Я подожгу его хоромы!

Ф р а н ц *(молится)*. Я был не простым убийцей, господи!.. Никогда не грешил по пустякам...

Д а н и э л ь. Господи! Будь к нам милостив! У него и молитвы-то греховные!

Летят камни и головни, стекла разбиваются. Замок пылает.

Ф р а н ц. Не могу молиться!.. Здесь, здесь *(бьет себя в грудь и в лоб)* все пусто... Все выжжено! *(Поднимается.)* Нет, я не стану молиться, не доставлю небу этого торжества! Не позволю аду посмеяться надо мною!

Д а н и э л ь. Господи! Пресвятая матерь божья! На помощь, спасите! Весь замок в огне!

Ф р а н ц. Возьми шпагу! Живо! Всади мне ее в живот! Не то эти молодцы надругаются надо мной.

Пожар усиливается.

Д а н и э л ь. Увольте! Увольте! Я никого не хочу прежде времени отправлять на небо, тем более... *(Убегает.)*

Ф р а н ц *(неподвижно смотрит ему вслед; после паузы)*. ...в ад, хотел ты сказать! И вправду! Я уже чую его! *(Охваченный безумием.)* Так это вы заливаетесь звонким смехом?.. Я слышу, как шипят гады преисподней!.. Они взбегают по лестнице, осаждают дверь!.. Почему я робею перед этим острием? Дверь трещит, подается!.. Бежать некуда! Так смилуйся ты надо мной!

Срывает золотой шнурок со шляпы и удавливается. Ш в е й ц е р со своими людьми.

Ш в е й ц е р. Где ты, каналья? Вы видели, как все разбежались? Не много же у него друзей! Куда он забился, этот негодяй?

Г р и м м *(спотыкается о труп)*. Стой! Что здесь лежит на дороге? Посвети мне!..

Ш в а р ц. Он нас опередил. Вложите мечи в ножны! Вот он валяется, как дохлая кошка.

Ш в е й ц е р. Мертв? Как? Не дождавшись меня? Лжете,

говорю вам!.. Полюбуйтесь, как он живо вскочит на ноги. *(Толкает его.)* Эй, ты! Представляется случай убить отца!

Г р и м м. Не трудись понапрасну: он мертвешенек.

Ш в е й ц е р *(отходит от трупа)*. Да, он не обрадовался этому случаю! Он и вправду подох! Подите скажите атаману: он мертв! Меня Моор больше не увидит. *(Стреляет себе в висок.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Декорация последней сцены четвертого действия. С т а р и к М о о р сидит на камне. Напротив него р а з б о й н и к М о о р. Р а з б о й н и к и шныряют по лесу.

Р а з б о й н и к М о о р. Его все нет! *(Ударяет кинжалом по камню так, что сыплются искры.)*

С т а р и к М о о р. Прощение да будет ему карой; удвоенная любовь — моей местью.

Р а з б о й н и к М о о р. Нет! Клянусь злобой души моей! Этого не будет! Я этого не потерплю! Пусть тащит за собой в вечность великий позор своего злодеяния! Иначе зачем бы я стал убивать его?

С т а р и к М о о р *(разражаясь рыданиями)*. О, мое дитя!

Р а з б о й н и к М о о р. Что? Ты плачешь о нем?.. Возле этой башни?..

С т а р и к М о о р. Помилосердствуй! О, помилосердствуй! *(Страстно ломая руки.)* Сейчас, сейчас вершится суд над моим сыном.

Р а з б о й н и к М о о р *(испуганно)*. Над которым?

С т а р и к М о о р. Что значит твой вопрос?

Р а з б о й н и к М о о р. Ничего! Ничего!

С т а р и к М о о р. Ты пришел глумиться над моим несчастьем?

Р а з б о й н и к М о о р. Предательская совесть! Не обращайте внимания на мои слова.

С т а р и к М о о р. Да, я замучил одного сына, и теперь другой мучает меня. Это перст божий!.. О Карл! Карл! Если ты витаешь надо мной в ангельском обличье, прости, прости меня!

Р а з б о й н и к М о о р *(живо)*. Он вас прощает. *(В смущении.)* Если он достоин называться вашим сыном, он должен простить вас.

С т а р и к М о о р. О, он был слишком хорош для меня! Но я поспешу к нему навстречу — с моими слезами, с моей бессонницей, со страшными видениями! Я обниму его колена, громко крича: «Я согрешил перед собою и тобой! Я недостоин называться отцом твоим!»

Разбойник Моор *(растроганно)*. Он был вам дорог, ваш второй сын?

Старик Моор. Господь тому свидетель! Зачем я поддался коварству злого сына? Среди смертных не было отца счастливее! Рядом со мной цвели мои дети и тешили меня надеждами. Но, о, горестный час! Злой дух вселился в сердце младшего! Я доверился змею! И потерял обоих детей. *(Закрывает лицо руками.)*

Разбойник Моор *(отходит от него)*. Потерял навеки!

Старик Моор. О, я всем сердцем чувствую то, что сказала мне Амалия! Дух мщения говорил ее устами: «Напрасно будешь ты простирать холодеющие руки к сыну! Напрасно искать теплую руку твоего Карла! Он никогда не будет стоять у твоего смертного одра».

Разбойник Моор, отворачиваясь, подает ему руку.

О, если б это была рука моего Карла! Но он лежит далеко в тесном дому, спит свинцовым сном и никогда не услышит гласа моего горя. Горе мне! Умереть на чужих руках... Нет больше сына!.. Сына, который бы закрыл мне глаза...

Разбойник Моор *(в сильнейшем волнении)*. Теперь пора! Теперь! *(К разбойникам.)* Оставьте меня! И все же... Разве я могу возвратить ему сына? Нет! Возвратить ему сына я не могу!.. Это я не сделаю!..

Старик Моор. Что, друг мой? Что ты там бормочешь?

Разбойник Моор. Твой сын... Да, старик... *(Чуть внятно.)* Твой сын... Он... навеки потерян.

Старик Моор. Навеки?

Разбойник Моор *(в ужасном смятении обращает взоры к небу)*. О, только на этот раз не дай ослабеть моей душе!.. Только на этот раз поддержи меня!

Старик Моор. Навеки, сказал ты?

Разбойник Моор. Не расспрашивай больше! Навеки, сказал я.

Старик Моор. Незнакомец! Незнакомец! Зачем ты освободил меня из этой башни?..

Разбойник Моор. А что, если мне похитить его благословение? Похитить и, как вору, ускользнуть с этой священной добычей... Говорят, отцовское благословение никогда не пропадает...

Старик Моор. И мой Франц тоже погиб?

Разбойник Моор *(падая перед ним на колени)*. Я сломал затворы твоей темницы. Благослови меня!

Старик Моор *(с болью)*. О, зачем ты хоронишь сына, спаситель отца? Ты видел сам: милосердие господне не оскудевает. А мы, жалкие черви, отходим ко сну, унося с собой свою злобу. *(Кладет руку на голову разбойника.)* Будь столь же счастлив, сколь и милосерден.

Разбойник Моор *(поднимается, растроганный)*. О, где ты, мое былое мужество? Мои мускулы ослабели; кинжал валится у меня из рук.

Старик Моор. Хорошо, когда братья льнут друг к другу, как роса гермонских вершин к горе Сиону. Научись понимать эту радость, юноша, и ангелы господни станут греться в лучах твоей славы. Твоя мудрость да будет мудростью старца. Но сердце... пусть останется сердцем невинного дитяти.

Разбойник Моор. О, предвкушение счастья! Поцелуй меня, святой старец!

Старик Моор *(целует его)*. Пусть тебе кажется, что это поцелуй отца, я же буду думать, что целую сына. Как? Ты умеешь плакать?

Разбойник Моор. Мне почудилось, что это поцелуй отца! Горе мне, если они сейчас приведут его.

Появляется траурное шествие. Спутники Швейцера идут, опустив головы и закрыв лица.

Боже! *(Робко отступает, пытаясь скрыться.)*

Они проходят мимо него. Он смотрит в сторону. Долгая пауза. Они останавливаются.

Гримм *(тихо)*. Атаман!

Разбойник Моор не отвечает и отходит еще дальше.

Шварц. Дорогой атаман!

Разбойник Моор отступает еще.

Гримм. Мы не виновны, атаман!

Разбойник Моор *(не глядя на них)*. Кто вы такие?

Гримм. Ты даже не смотришь на нас! Мы — твои верные слуги.

Разбойник Моор. Горе вам, если вы были мне верны!

Гримм. Прими последний привет от твоего слуги Швейцера! Никогда не возвратится твой слуга Швейцер.

Разбойник Моор *(вздрагивает)*. Так вы не нашли его?

Шварц. Нашли мертвым.

Разбойник Моор *(с радостью)*. Благодарю тебя,

вседержитель! Обнимите меня, дети мои! Милосердие — отныне наш лозунг! Значит, и это преодолено, все преодолено.

Еще разбойники и Амалия.

Разбойники. Хо, хо! Добыча! Славная добыча!

Амалия *(с развевающимися волосами)*. «Мертвые,— кричат они,— встают из гроба на его голос...» Мой дядя жив... Он в этом лесу... Где он? Карл! Дядя! О! *(Бросается в объятия старика.)*

Старик Моор. Амалия! Дочь моя! Амалия! *(Сжимает ее в объятиях.)*

Разбойник Моор *(отпрянув)*. Кто воскресил предо мною этот образ?

Амалия *(вырывается из объятий старика Моора, бежит к разбойнику и в упоении обнимает его)*. Он опять со мной, о, небо! Опять со мной!

Разбойник Моор *(вырываясь, разбойникам)*. Подымайтесь! Сатана предал меня!

Амалия. Жених мой! Жених мой! Ты обезумел! Или это от счастья? Но почему же я так бесчувственна в этом вихре блаженства? Так холодна?

Старик Моор *(поднимаясь)*. Жених? Дочь моя? Дочь! Твой жених?

Амалия. Навеки твоя! Навеки, навеки, навеки мой! О силы небесные! Разрешите меня от этого смертельного блаженства — или я паду под его бременем!

Разбойник Моор. Оторвите ее от меня! Убейте ее! Убейте его! Меня! Себя! Убейте всех! Весь мир да погибнет! *(Порывается бежать.)*

Амалия. Куда? Зачем? Любовь! Вечное, бескрайнее блаженство! А ты бежишь?

Разбойник Моор. Прочь! Прочь! Несчастнейшая из невест! Смотри сам, спрашивай, слушай, несчастнейший из отцов! Боже, дай мне силы навсегда, навеки покинуть их!

Амалия. Поддержите меня! Ради бога, поддержите! Ночь перед моими глазами!.. Он покидает меня!

Разбойник Моор. Слишком поздно! Напрасно!.. Твое проклятие, отец!.. Не спрашивай более! Я... мне... Твое проклятье!.. Твое мнимое проклятье!.. Кто заманил меня сюда? *(Обнажает шпагу и бросается на разбойников.)* Кто из вас заманил меня сюда, исчадия ада? Так погибни же, Амалия!.. Умри, отец! Умри в третий раз — из-за меня!.. Твои спасители — разбойники и убийцы! А твой Карл — их атаман!

Старик Моор умирает. Амалия стоит неподвижно, как статуя. Вся шайка хранит страшное молчание.

(Ударяясь головой о дуб.) Души тех, кого я придушил во время любовных ласк, кого я поразил во время мирного сна, души тех... Ха-ха-ха! Слышите этот взрыв пороховой башни над постелями рожениц? Видите, как пламя лижет колыбели младенцев? Вот он, твой венчальный факел! Вот она, твоя свадебная музыка! О, господь ничего не забывает, он умеет все связать воедино. А потому прочь от меня, блаженство любви! А потому любовь для меня пытка! Вот оно, возмездие!

Амалия. Это правда! О, господи! Так это правда? Чем я согрешила, безвинная овечка? И его я любила!

Разбойник Моор. Нет! Это выше сил человеческих! Я слышал, как смерть свистела мне навстречу из тысяч ружейных стволов, и ни на шаг не отступил перед ней! Так неужели я буду теперь дрожать, как женщина? Дрожать перед женщиной? Нет, женщине не поколебать моего мужества... Крови, крови! Все это лишь минутная бабья слабость. Я должен упиться кровью... и все пройдет. *(Хочет убежать.)*

Амалия *(падает в его объятия)*. Убийца! Дьявол! Я не отпущу тебя! Ангел!

Разбойник Моор *(отталкивает ее)*. Прочь, коварная змея! Ты глумишься над одержимым! Но я померюсь силами с судьбой! Что? Ты плачешь? О вы, злобные, изменчивые звезды! Она притворяется плачущей! Будто хоть одна душа еще может плакать обо мне!

Амалия падает ему на грудь.

Что это?.. Она не плюет мне в лицо? Не отталкивает меня? Или ты забыла? Или не знаешь, кого держишь в объятиях, Амалия?

Амалия. Единственный! Навеки!

Разбойник Моор *(просветлев, в экстатическом упоении)*. Она прощает меня! Она меня любит!.. Я чист, как эфир небесный! Она меня любит!.. Слезно благодарю тебя, всемилосердный! *(Падает на колени и рыдает.)* Мир снова воцарился в душе моей! Мука унялась! Нет больше ада! О, посмотри, посмотри! Дети света плачут на груди рыдающих дьяволов. *(Поднимаясь, к разбойникам.)* Плачьте ж и вы! Плачьте, плачьте! И вы сподобились счастья! О Амалия, Амалия! *(Приникает к ее устам; они замирают в молчаливом объятии.)*

Один из разбойников *(злобно выступает вперед)*. Остановись, предатель!.. Отними-ка руки! Или я скажу такое словечко, от которого звон пойдет у тебя в ушах и зубы застучат от ужаса. *(Разделяет их мечом.)*

Старый разбойник. Вспомни богемские леса! Слышишь? Ты дрожишь? Вспомни-ка о богемских лесах! Отступник,

где твои клятвы? Или так скоро забываются раны? Когда мы для тебя поставили на карту счастье, честь, жизнь, когда мы стеной окружили тебя, как щиты, принимали удары, грозившие твоей жизни... разве ты не поднял тогда руки для нерушимой клятвы, не поклялся никогда не покидать нас, как и мы тебя не покинули? Бесчестный! Клятвопреступник! И ты хочешь уйти от нас? В угоду плачущей шлюхе?

Третий разбойник. Позор клятвопреступнику! Дух принесшего себя в жертву Роллера, который ты призывал в свидетели из загробного мира, покраснеет за твое малодушие и во всеоружии подымется из гроба, чтобы покарать тебя.

Разбойники *(кричат наперебой и рвут на себе одежды)*. Смотри сюда! Смотри! Узнаешь эти рубцы? Ты наш! Мы поработили тебя кровью наших сердец! Ты наш, хотя бы сам архангел Михаил вступил за тебя в единоборство с Молохом! Иди с нами! Жертва за жертву! Амалию за нашу шайку!

Разбойник Моор *(выпускает ее руку)*. Все кончено! Я хотел повернуть вспять и пойти по следам отца, но тот, в небесах, судил иначе. *(Сдержанно.)* Слепой глупец, как мог я этого хотеть? Разве великий грешник еще может вернуться на путь истины? Нет, великому грешнику не обратиться. Это мне давно следовало знать. Спокойствие! Слышишь, спокойствие! Так должно быть! Я не откликался, когда господь призывал меня! И вот теперь, когда я ищу его, он отвратился от меня. Что может быть справедливее? Не ищи его! Ты ему не нужен! Разве нет у него великого множества других созданий? Ему легко обойтись без одного из них. И этот один — я. В путь, други!

Амалия *(с силой удерживает его)*. Остановись! Остановись! Один удар! Один смертельный удар! Быть снова покинутой! Обнажи свой меч и сжалься надо мной!

Разбойник Моор. Жалость полетела ко всем чертям! Я не убью тебя!

Амалия *(обнимая его колени)*. О, ради бога! Ради божественного милосердия! Я ведь больше не прошу любви! Я знаю, там, в вышине, наши созвездия враждебно бегут друг друга... Я прошу лишь смерти! Оставлена, оставлена!.. Пойми весь ужас этого слова! Оставлена! Мне не пережить! Ты же знаешь, ни одной женщине этого не пережить. Смерть — вот вся моя мольба! Взгляни! Мои руки дрожат! У меня нет сил нанести себе удар. Я боюсь этого блестящего острия!.. А тебе это так легко, так легко! Ты ведь мастер убивать! Обнажи свой меч — и я счастлива...

Разбойник Моор. Ты хочешь одна быть счастливой? Прочь! Я не убиваю женщин!

А м а л и я. Ах, душегуб! Ты умеешь убивать только счастливых! А тех, кто пресытился жизнью, не убиваешь! *(На коленях подползает к разбойникам.)* Так сжальтесь хоть вы надо мною, подручные палача! В ваших взорах столько кровожадного сострадания, что надежда брезжит в сердце несчастной. Ваш повелитель — пустой, малодушный хвастун!

Р а з б о й н и к М о о р. Женщина, что ты говоришь?

Разбойники отворачиваются.

А м а л и я. Ни одного друга? И среди этих. *(Поднимается.)* Ну, тогда ты, Дидона, научи меня умереть! *(Хочет уйти.)*

Один из разбойников прицеливается.

Р а з б о й н и к М о о р. Стой! Посмей только!.. Возлюбленная Моора умрет лишь от его руки. *(Закалывает ее.)*

Р а з б о й н и к и. Атаман! Атаман! Что ты сделал? Ты с ума сошел!

Р а з б о й н и к М о о р *(не сводя глаз с трупа)*. Она сражена! Еще одно содрогание, и все кончено. Вот — видите?! Чего еще вы потребуете от меня? Вы пожертвовали мне жизнью — жизнью, которая вам уже не принадлежала, жизнью, полной мерзости и позора... Я ради вас убил ангела. Смотрите же сюда! Теперь вы довольны?

Г р и м м. Ты с лихвой заплатил свой долг. Ты совершил то, чего не совершил бы во имя чести ни один человек. Теперь в путь!

Р а з б о й н и к М о о р. Что ты сказал? Согласись, жизнь праведницы за жизнь мошенника — неравная мена. О, говорю вам, если каждый из вас взойдет на кровавую плаху, и ему будут раскаленными щипцами рвать тело кусок за куском, и мученье продлится одиннадцать долгих летних дней,— это не перетянет одной ее слезы! *(С горьким смехом.)* Рубцы! Богемские леса! Да, за это надо платить!

Ш в а р ц. Успокойся, атаман! Идем с нами! Тебе нечего здесь делать. Веди нас дальше!

Р а з б о й н и к М о о р. Стой! Еще одно слово, прежде чем двинуться в путь. Запомните, вы, злорадные исполнители моих варварских велений! С этого часа я перестаю быть вашим атаманом. С ужасом и стыдом бросаю я здесь мой кровавый жезл, повинуясь которому вы мнили себя вправе совершать преступления, осквернять божий мир. Идите на все четыре стороны. Одни! Пусть нас ничто больше не связывает.

Р а з б о й н и к и. А, малодушный! Где твои великие планы? Или они — только мыльные пузыри, лопнувшие от одного вздоха женщины?

Разбойник Моор. О, я глупец, мечтавший исправить свет злодеяниями и блюсти законы беззаконием! Я называл это мщением и правом! Я дерзал, о провидение, стачивать зазубрины твоего меча, сглаживать твои пристрастия! Но... О, жалкое ребячество! Вот я стою у края ужасной бездны и с воем и скрежетом зубовным познаю, что два человека, мне подобных, могли бы разрушить все здание нравственного миропорядка! Умилосердись, умилосердись над мальчишкой, вздумавшим предупредить твой суд! Тебе отмщение, и ты воздашь! Нет нужды тебе в руке человеческой. Правда, я уже не властен воротить прошедшее. Загубленное мною — загублено. Никогда не восстановить поверженного! Но я еще могу умиротворить поруганные законы, уврачевать израненный мир. Ты требуешь жертвы, жертвы, которая всему человечеству покажет нерушимое величие твоей правды. И эта жертва — я! Я сам должен принять смерть за нее.

Разбойники. Отнимите у него кинжал!.. Он заколет себя!

Разбойник Моор. Дурачье, обреченное на вечную слепоту! Уж не думаете ли вы, что смертный грех искупают смертным грехом? Или, по-вашему, гармония мира выиграет от нового богопротивного диссонанса? *(С презрением швыряет оружие к их ногам.)* Они получат меня живым! Я сам отдамся в руки правосудия!

Разбойники. В оковы его! Он сошел с ума!

Разбойник Моор. Нет! Я не сомневаюсь, рано или поздно правосудие настигнет меня, если так угодно провидению. Но оно может врасплох напасть на меня спящего, настигнуть, когда я обращусь в бегство, силой и мечом вернуть меня в свое лоно. А тогда исчезнет и последняя моя заслуга — по доброй воле умереть во имя правды. Зачем же я, как вор, стану укрывать жизнь, давно отнятую у меня по приговору божьих мстителей?

Разбойники. Пусть идет! Он высокопарный хвастун! Он меняет жизнь на изумление толпы.

Разбойник Моор. Да, я и вправду могу вызвать изумление. *(После короткого раздумья.)* По дороге сюда я, помнится, разговорился с бедняком. Он работает поденщиком и кормит одиннадцать ртов... Тысяча луидоров обещана тому, кто живым доставит знаменитого разбойника. Что ж, бедному человеку они пригодятся! *(Уходит.)*

1781

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

МЕЩАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Президент фон Вальтер при дворе немецкого герцога.
Фердинанд, его сын, майор.
Гофмаршал фон Кальб.
Леди Мильфорд, фаворитка герцога.
Вурм, личный секретарь президента.
Миллер, учитель музыки.
Его жена.
Луиза, его дочь.
Софи, камеристка леди.
Камердинер герцога.
Разные второстепенные лица.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме музыканта.

Миллер встает с кресла и отставляет виолончель. За столом сидит жена Миллера, еще в капоте, и пьет кофе.

Миллер *(быстро ходит по комнате)*. Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и... Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю.

Жена. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку.

Миллер. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству — папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй — и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача.

Жена *(прихлебывая кофе)*. Вздор! Пустяки! Что с тобой может приключиться? Кто тебе может навредить? Ты занят своей музыкой да, где только можешь, ловишь учеников.

Миллер. Нет, ты мне скажи, что из всего этого выйдет?.. Жениться на девчонке он не женится,— о женитьбе тут не может быть и речи, а стать какой-то, прости господи... это уж извините!.. Где только эти барчуки не таскаются, черт знает чем только не лакомятся! Так что же удивительного, что эдакого сладкоежку вдруг потянуло на свеженький огурчик? Сторожи не сторожи, хоть во все щелочки за ним подглядывай, за каждым его шагом следи,— все равно наблудит он у тебя под носом, испортит девчонку — и был таков. А девчонке вовек сраму не избыть! О замужестве тогда

уж и не мечтай, а то еще, глядишь, приохотится и так по этой дорожке и пойдет. *(Ударяет себя кулаком по лбу.)* Боже мой! Боже мой!

Жена. Сохрани нас, господи, и помилуй!

Миллер. Сами должны себя сохранять. Чего еще можно ждать от такого повесы? Девчонка красивая, статная, ножки у нее стройные. На чердаке у нее может быть все, что угодно,— на этот счет с женского пола спрос не велик, только бы вас господь первым этажом не обидел. Стоит такому волоките высмотреть ножки — готово дело! У него взыграло ретивое, как все равно у Роднея, когда тот зачует французов,— и пошел очертя голову, и пошел! И... и я его не виню. Все мы люди, все человеки. По себе знаю.

Жена. Ты бы посмотрел, какие распрекрасные записки пишет твоей дочке его милость! Господи боже мой, да тут всякий поймет, что только ее чистая душа ему и нужна!

Миллер. Как бы не так! На языке одно, а на уме другое. Кто на тело заглядывается, тот всегда о душе толкует. Сам-то я как поступал? Чуть только спелись сердца —глядь, и тела туда же за ними,— челядь берет пример с господ! И выходит на поверку, что месяц серебристый — всего-навсего сводник.

Жена. Ты бы поглядел, какие роскошные книжки господин майор посылает к нам в дом. Твоя дочь-то молится по этим книгам.

Миллер *(свистит)*. Как же, молится! Много ты понимаешь! Простую, натуральную пищу нежный желудок его милости не переваривает. Сначала господин майор должен отдать ее на выварку искусным поварам той адской, чумной кухни, что зовется изящной словесностью. В печку всю эту пакость! Девчонка наберется бог знает чего, разного невероятного вздора, кровь у нее забурлит, как от шпанской мушки,— и прощайте тогда крупицы христианской веры, которую отец и так уж с грехом пополам в ней поддерживал! В печку, тебе говорят! Девчонка забивает себе голову всякой чертовщиной, уносится мыслью в тридесятые государства и в конце концов потеряет, позабудет дорогу в родные палестины, устыдится, что ее отец — скрипач Миллер, и отвадит хорошего, почтенного зятя, который как раз пришелся бы мне ко двору... Ну уж нет, накажи меня бог! *(Вскакивает; в сердцах.)* Скорей, пока не поздно! А майору... да, да, майору... поворот от ворот. *(Направляется к выходу.)*

Жена. С ним надо быть повежливее, Миллер. Мы немало нажились на одних только его подарочках!..

Миллер *(возвращается и останавливается перед ней)*. Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!.. Лучше я возьму скрипку и пойду по миру, буду иг-

рать за тарелку супу, лучше я разобью свою виолончель и набью ее навозом, но только ни за что не притронусь к деньгам, ради которых единственное мое дитя пожертвовало своею душою и вечным спасением. Откажись от проклятого кофе и от нюхательного табаку,— вот тебе и не нужно будет торговать красотой твоей дочери. Я жрал до отвала и носил тонкие сорочки еще до того, как этот отпетый негодяй повадился ко мне в дом.

Ж е н а. До чего же ты невоздержан на язык! Закусишь удила — и уж себя не помнишь! Я вот о чем толкую: ни с того ни с сего взять да и прогнать господина майора? Нет, так не годится,— ведь он не кто-нибудь, а сын президента.

М и л л е р. Тут-то собака и зарыта. Вот потому-то, именно потому мы и должны нынче же с этим покончить. Если президент — хороший отец, он еще будет мне благодарен. Почисти-ка мой красный бархатный кафтан,— пойду попрошу его превосходительство, чтобы он меня принял. Я скажу его превосходительству: «Сыну вашей милости приглянулась моя дочь. Моя дочь недостойна быть женой сына вашей милости, но взять мою дочь в полюбовницы — это для сына вашей милости слишком большая роскошь. Вот вам и все! Меня зовут Миллер».

СЦЕНА ВТОРАЯ

Т е ж е и секретарь В у р м.

Ж е н а М и л л е р а. А, с добрым утром, господин секлетарь! Наконец-то вы опять оказали нам честь!

В у р м. Полно, полно, голубушка! Где постоянно бывает знатный кавалер, там моя мещанская честь ровно ничего не стоит.

Ж е н а М и л л е р а. Будет вам, господин секлетарь! Его высокородию господину майору фон Вальтеру и впрямь нет-нет да и припадет охота нас осчастливить, но мы-то ведь каждому рады.

М и л л е р *(с досадой)*. Жена, подай господину секретарю кресло! Милости просим, сударь!

В у р м *(кладет шляпу, палку и садится)*. Ну ладно, ладно! А как поживает моя будущая супру... или, вернее, моя бывшая невес... ведь я уже не смею надеяться... Можно видеть... мамзель Луизу?

Ж е н а М и л л е р а. Спасибо за внимание, господин секлетарь. Должна вам сказать, что дочка моя ничуть не спесива...

М и л л е р *(с досадой толкает ее локтем)*. Жена!

Ж е н а М и л л е р а. Да вот беда: не придется ей нынче с вами повидаться, господин секлетарь. Она сейчас у обедни.

В у р м. Это хорошо, это хорошо. Я хочу, чтоб жена у меня была набожная, богобоязненная.

Жена Миллера *(с величественно-глупой улыбкой)*. Оно конечно, господин секлетарь, да только...

Миллер *(явно смущен; дергая ее за ухо)*. Жена!

Жена Миллера. Ежели, господин секлетарь, мы можем еще чем-либо вам услужить, то это мы с нашим удовольствием...

В у р м *(прищурившись)*. Еще чем-либо? Покорно благодарю! Покорно благодарю! Гм! Гм! Гм!

Жена Миллера. Вы, господин секлетарь, сами должны чувствовать...

Миллер *(со злостью толкает ее в спину)*. Жена!

Жена Миллера. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше! Кто же это станет мешать единственной дочке, когда ей счастье привалило? *(С гордостью простолюдинки.)* Вы меня хорошо поняли, господин секлетарь?

В у р м *(беспокойно ерзает в кресле, чешет за ухом, поправляет манжеты и жабо)*. Понял? Не совсем... То есть да... Что, собственно, вы хотели этим сказать?

Жена Миллера. Так вот... так вот... я все-таки думаю... я смекаю... *(кашляет)* раз уж господу так угодно, чтоб дочка моя была знатной дамой...

В у р м *(вскакивает со стула)*. Что такое? Что вы сказали?

Миллер. Сидите, сидите, господин секретарь! Моя жена — дура набитая. Куда моей дочке до знатной дамы? Вот язык-то без костей!

Жена Миллера. Можешь ворчать, сколько тебе угодно, а я что знаю, то знаю, и что господин майор сказал, то он сказал.

Миллер *(в бешенстве бросается к виолончели)*. Заткнешь ты глотку или нет? Хочешь, чтобы я тебя виолончелью по башке треснул? Что ты можешь знать? Что такое он мог сказать? Не обращайте внимания на эти россказни, сударь!.. А ты — марш на кухню!.. Ведь вы же меня не считаете за дурака, не считаете, что и я стою на том, чтобы моя дочь рубила дерево не по плечу? Не правда ли, господин секретарь?

В у р м. Было бы странно, если б вы ко мне вдруг переменились, господин музыкант. Вы всегда казались мне хозяином своего слова, и я полагал, что мой брак с вашей дочерью — это уже решено и подписано. Должность, которую я занимаю, вполне может прокормить человека расчетливого. А президент ко мне благоволит; если мне понадобится рекомендация, чтоб получить повышение, то мне ее дадут. Как видите, намерения у меня по отношению к мамзель Луизе самые серьезные, но вас, быть может, сбил с толку какой-нибудь дворянчик, у которого ветер в голове...

Жена Миллера. Легче, легче, милостивый государь...

Миллер. Говорят тебе, заткни глотку!.. Будьте спокойны, сударь, все остается по-старому. Что я ответил вам осенью, то повторяю и сейчас. Я свою дочь не неволю. Подходите вы ей — с богом, пусть постарается быть с вами счастлива. Если же она скажет «нет»— тем лучше... то есть я хотел сказать, на все воля божья. По случаю отказа распейте с ее отцом бутылочку, только и всего... Жить с вами ей — не мне. Какое я имею право только из упрямства насильно выдавать свою дочь за человека, который ей не нравится? Чтобы потом нечистый до конца дней моих гонялся за мной по пятам? Чтобы за каждым стаканом вина, за каждой тарелкой супа я потом твердил себе: «Подлец! Родное дитя погубил»?

Жена Миллера. Одним словом, я на это никак не согласна: моей дочери подавай что-нибудь повыше... Ну а если мой муж позволит обвести себя вокруг пальца, то я прямо в суд.

Миллер. Я тебе руки и ноги переломаю, трещотка окаянная!

Вурм *(Миллеру)*. Совет отца может иметь большое влияние на дочь, а ведь вы, господин Миллер, кажется, достаточно хорошо меня знаете?

Миллер. Черт возьми! Надо, чтобы она вас знала! Что́ я, старый хрыч, в вас замечаю, то для молодой лакомки вовсе не приманка. Я вам по пальцам разберу, годитесь вы для оркестра или нет, но женское сердце — это не капельмейстерова ума дело. Я неотесанный, простодушный немец, и я вам, сударь, скажу напрямик: за мой совет вы бы меня в конце концов не поблагодарили. Я моей дочери еще ни за кого не советовал выходить, но за вас, господин секретарь, я ей отсоветую!.. Дайте мне договорить... За жениха, который обращается за помощью к отцу, я, извините, не дал бы и ломаного гроша. Если он чего-нибудь стоит, то он постыдится таким старомодным способом открывать ей свои совершенства. Если же у него не хватает духа, значит, он трус, и такие девушки, как Луиза, не про него писаны... Э, да что там, он должен высватать себе девушку за спиной у ее отца... Он должен так ей полюбиться, что она скорей папеньку с маменькой к черту пошлет, а уж его из рук не выпустит или же сама бросится отцу в ноги и станет Христом-богом молить либо умертвить ее лютой смертью, либо соединить их сердца. Это, я понимаю, парень! Это называется — любовь! А кто с женским полом обходиться не умеет, тот садись верхом на гусиное перо — и до свиданья!

Вурм *(хватает шляпу, палку и бросается к выходу)*. Очень вам признателен, господин Миллер!

Миллер *(медленно идет за ним)*. За что же? За что? Мы вас и не попотчевали, господин секретарь! *(Возвращается.)*

Ничего не слышит, бежит без оглядки. Для меня эта чернильная душа хуже всякой отравы, хуже яда. У него такая мерзкая, такая поганая харя, что кажется, будто он и на свет-то божий проник благодаря плутням какого-нибудь контрабандиста. Глазки вороватые, мышиные, волосы огненно-рыжие, подбородок так вылез вперед, словно природа с досады на свою неудачную работу схватила мошенника именно за это место и постаралась зашвырнуть как можно дальше... Нет, чем толкать дочь в объятия такого проходимца, пусть лучше она у меня, с позволения сказать...

Жена Миллера *(плюет; со злостью)*. Собака!.. Разевай не разевай свою пасть, все равно ни при чем останешься.

Миллер. И ты тоже с этим окаянным барчуком! До белого каления меня сейчас довела. Когда ты из кожи вон лезешь, чтобы сойти за умную, тут-то ты как раз глупее всего и бываешь. Ну к чему вся эта болтовня о знатной даме и о твоей дочери? Да еще при этой протобестии! Ему только намекни — завтра же об этом будут судачить на всех колодцах. Такие-то господа и шныряют по чужим домам, заглянут и в кухню и в погреб, и чуть у кого сорвется с языка лишнее слово — бац! об этом уже знают и герцог, и фаворитка, и президент, а тебе беды не оборваться.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и Луиза Миллер с книгой в руке.

Луиза *(кладет книгу, подходит к Миллеру и пожимает ему руку)*. С добрым утром, папенька!

Миллер *(ласково)*. Умница, Луиза! Меня радует, что ты так усердно молишься богу. Будь всегда такой, и господь тебя не оставит.

Луиза. Ах, отец, я великая грешница!.. Мама, он не приходил?

Жена Миллера. Кто, дочка?

Луиза. Да, я и забыла, что, кроме него, еще есть на свете люди! Я стала такая рассеянная... Так Вальтер у нас не был?

Миллер *(печально и строго)*. Я думал, моя Луиза оставила это имя там, в церкви.

Луиза *(пристально посмотрев на него)*. Я понимаю вас, отец, чувствую, как вы вонзаете нож в мою совесть, но уже поздно... Прежнего благочестия нет во мне больше, отец. Небо и Фердинанд раздирают на части мое израненное сердце, и я боюсь... боюсь... *(После некоторого молчания.)* Нет, нет, папа! Когда мы, любуясь картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала.

Когда от восторга перед совершеннейшим творением создателя я перестаю думать о нем самом, то разве это не приятно богу, отец?

М и л л е р *(в негодовании опускается в кресло)*. Дожили! Вот они, плоды безбожных книжек!

Л у и з а *(в беспокойстве подходит к окну)*. Где-то он теперь? Знатные барышни, те видят, слышат его. А я — простая, покинутая девушка. *(Пугается собственных слов и бросается к отцу.)* Нет, нет, простите меня! Я на судьбу не ропщу, я ничего не хочу, только... только думать о нем... А это такое скромное желание! Моя короткая земная жизнь... Как бы я была счастлива, если бы она излетела из моих уст и легким, ласкающим ветерком освежила ему лицо! Цвет моей младости... Будь то фиалка и он бы на нее наступил,— как покорно умерла бы она под его стопой!.. Больше мне ничего не надо, отец! Если мошка хочет, чтобы солнечный луч согрел ее, то станет ли ее за это наказывать гордое, царственное солнце?

М и л л е р *(растроганный, откидывается на спинку кресла и закрывает лицо руками)*. Послушай, Луиза: весь жалкий остаток дней моих я отдал бы за то, чтобы ты никогда не видала майора.

Л у и з а *(испуганно)*. Что такое? Что вы говорите?.. Не то вы, верно, хотели сказать, милый папенька! Вы не знаете, что Фердинанд — мой, что он создан для меня, что он послан мне на радость отцом всех любящих. *(Задумчиво.)* Когда я увидела его впервые... *(оживившись)* я вся вспыхнула, кровь заиграла веселее, и биение каждой жилки говорило мне, каждый мой вздох шептал мне: «Это он!..» И сердце мое, узнав вечно желанного, согласилось: «Это он!» И как же дружно повторил за ним эти слова весь мир, радовавшийся вместе со мной! Тогда... о, тогда в моей душе настало утро! Множество юных чувств распустилось у меня в сердце, подобно тому как весной из земли вырастают цветы. Я не замечала окружающего мира, и все же я припоминаю, что никогда еще не был он так прекрасен. Я совсем не думала о боге, и все же никогда еще так не любила его.

М и л л е р *(бросается к ней и прижимает к своей груди)*. Луиза, милое, любимое дитя мое! Возьми мою старую, дряхлую голову... все возьми... все!.. Но... бог свидетель... майора... я тебе дать не властен. *(Уходит.)*

Л у и з а. *Здесь* он мне и не нужен, отец! Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы... да ее с жадностью поглотит самая мечта о Фердинанде! В этой жизни я на него не посягаю. Но потом, мама, потом, когда перегородки земных различий рухнут, когда с нас спадет ненавистная шелуха сословий и люди станут только людьми... я из этого мира не принесу с собой ничего, кроме моей невинности. Но ведь отец говорил много раз, что, ког-

да придет господь, драгоценности и пышные титулы подешевеют, а сердца вздорожают. Тогда я буду богата, мама! Там слезы зачтутся за подвиги, а благие помыслы — за славных предков. Тогда я стану знатной, мама! Чем же он тогда будет выше своей любимой?

Жена Миллера *(вскочив)*. Луиза! Майор! Вон он, перескочил через ограду. Куда бы мне деться?

Луиза *(дрожа)*. Останьтесь, мама!

Жена Миллера. Господи! На что я похожа! Мне совестно. Я не могу в таком виде показаться его милости. *(Уходит.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фердинанд фон Вальтер, Луиза. Фердинанд подбегает к ней; Луиза, побледнев, в изнеможении опускается в кресло; Фердинанд останавливается перед ней. Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Пауза.

Фердинанд. Как ты бледна, Луиза!

Луиза *(бросается к нему в объятия)*. Ничего! Ничего! Ты со мной. Все прошло.

Фердинанд *(подносит ее руку к губам)*. Моя Луиза все еще меня любит? Мое сердце — такое же, как и вчера, а твое? Я лечу к тебе, хочу посмотреть, весела ли ты, и уйти от тебя повеселевшим, а ты грустишь.

Луиза. Да нет же, нет, мой любимый!

Фердинанд. Говори правду. Ты грустишь. Я вижу насквозь твою душу, как вот этот чистой воды брильянт. *(Показывает на свое кольцо.)* На нем не может появиться ни одного пузырька, которого бы я не заметил, ни одна мысль не мелькнет в твоих глазах, которую бы я не уловил. Что с тобой? Признайся! Когда это зеркало ничем не замутнено, то весь мир для меня безоблачен. Что тебя печалит?

Луиза *(некоторое время смотрит на него молча и многозначительно; с грустью)*. Фердинанд! Фердинанд! Если бы ты знал, какой прекрасной кажется в твоем изображении бедная девушка, простая мещанка!

Фердинанд. Что ты сказала? *(В изумлении.)* Девочка моя! Послушай! Как могло это прийти тебе в голову? Ты—моя Луиза. Кто тебе внушил, что этого недостаточно? Вот видишь, неверная, как ты ко мне холодна! Если б ты вся была охвачена любовью, стала бы ты думать о различиях? Когда я с тобой, рассудок мой весь уходит в зрение; когда же я вдали от тебя, он переплавляется в мечту о тебе. А ты и в любви способна сохранять благоразумие? Стыдись! Мгновенья, которые ты провела в тоске,— это мгновенья, похищенные у твоего любимого.

Л у и з а *(берет его за руку и качает головой).* Ты хочешь усыпить меня, Фердинанд, хочешь отвлечь мое внимание от той пропасти, куда я непременно сорвусь. А я смотрю вперед. Голос славы, твои замыслы, твой отец, мое ничтожество... *(Охваченная страхом, выпускает его руку.)* Фердинанд! Меч занесен над тобой и надо мной! Нас хотят разлучить!

Ф е р д и н а н д. Хотят разлучить? *(Вскакивает.)* Откуда у тебя эти мрачные мысли? Хотят разлучить? Но кто же в силах разорвать союз двух сердец или разъединить звуки единого аккорда?.. Я дворянин? Подумай, что старше — мои дворянские грамоты или же мировая гармония? Что важнее — мой герб или предначертание небес во взоре моей Луизы: «Эта женщина рождена для этого мужчины»? Я сын президента? Тем лучше! Что еще, кроме моей любви, способно искупить те проклятия, которые падут на мою голову из-за того, что мой отец грабит страну?

Л у и з а. Ах, твой отец!.. Как я боюсь его!

Ф е р д и н а н д. А я ничего не боюсь... ничего. Боюсь только, что ты меня разлюбишь. Пусть между нами вырастут целые горы — для меня это лишь ступени, по которым я взлечу к моей Луизе. Бури, насылаемые на нас враждебным роком, еще сильнее раздуют пламень чувств моих, опасности придадут моей Луизе еще большую прелесть... Отринь же страх, моя любимая! Я сам, сам буду тебя стеречь, как дракон стережет подземное золото! Доверься мне! Я буду твоим ангелом-хранителем. Я заслоню тебя от ударов судьбы, приму за тебя какую хочешь муку, капли не пролью из кубка радости — все до одной принесу тебе в чаше любви. *(Нежно обнимает ее.)* Опираясь на эту руку, моя Луиза сможет легкой стопою пройти по дороге жизни. Когда же ты снова попадешь на небо, оно с изумлением признает, что ты стала еще прекраснее, чем была тогда, когда оно отпускало тебя на землю, и что душа достигает полной зрелости только в любви.

Л у и з а *(в сильном волнении вырывается из его объятий).* Довольно! Прошу тебя, молчи!.. Если б ты знал!.. Оставь меня... Ты не чувствуешь, как твои мечты фуриями терзают мне сердце. *(Хочет уйти.)*

Ф е р д и н а н д *(удерживает ее).* Луиза! Что ты? О чем? Что с тобой творится?

Л у и з а. Я перестала на это надеяться — и была счастлива... Но теперь, теперь, с этого дня... мне уже не знать покоя... Я чувствую: дикие страсти закипят в груди моей... Ступай... Да простит тебя господь!.. Ты зажег пожар в моем юном, безмятежном сердце, и уже ничто, ничто его не потушит. *(Убегает.)*

Фердинанд молча следует за ней.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Зал в доме президента.

Входят президент, с орденским крестом на шее, со звездой на груди, и секретарь Вурм.

Президент. Глубокая привязанность! Мой сын?.. Нет, Вурм, никогда я этому не поверю.

Вурм. Сделайте милость, ваше превосходительство, позвольте мне представить доказательства.

Президент. Что он ухаживает за этой ничтожной мещанкой, говорит ей приятные вещи, может быть, даже толкует с ней про любовь — все это я допускаю, все это простительно, но... Так вы говорите, она дочь музыканта?

Вурм. Дочь учителя музыки Миллера.

Президент. И хорошенькая?.. Впрочем, это само собой разумеется.

Вурм *(живо)*. Прелестная блондинка. Смело можно сказать, что она не уступит первым придворным красавицам.

Президент *(со смехом)*. Ах, вот оно что, Вурм! Сколько я понимаю, вы тоже на нее заглядываетесь? Но, видите ли, милейший Вурм, то обстоятельство, что сын мой—дамский угодник, дает мне надежду, что и дамы будут к нему благосклонны. Он сможет многого добиться при дворе. Вы говорите, что девушка хорошенькая? Мне приятно, что у моего сына есть вкус. Он морочит голову этой дурочке, будто у него серьезные намерения? Тем лучше,—значит, он достаточно находчив и врет ей с три короба. Пожалуй, будет еще президентом. И ко всему имеет успех? Отлично. Это явный знак, что он удачлив. Кончится этот фарс появлением на свет здорового внука? Чудесно! Я выпью лишнюю бутылку малаги за свежий побег на моем родословном древе и уплачу штраф за обольщение девицы.

Вурм. Я одного боюсь, ваше превосходительство: как бы вам не пришлось пить эту бутылку только для того, чтобы забыться!

Президент *(строго)*. Вам известно, Вурм, что, раз поверив, я уже не разуверяюсь и гнев мой предела не знает. Я охотно оберну в шутку ваше желание определенным образом меня настроить. Что вам не терпится убрать с дороги соперника, это мне ясно. Затмить моего сына в глазах девчонки вам не удается, и вы хотите воспользоваться отцом, как хлопушкой для мух,— это мне тоже понятно; а что у вас такие поразительные способности к плутовству — это меня даже приводит в восторг. Но только, милейший Вурм, я вам не советую дурачить заодно и меня, советую вам помнить, что со мной шутки плохи.

Вурм. Прошу прощения, ваше превосходительство. Если б даже и в самом деле, как вы подозреваете, здесь была за-

мешана ревность, то ее можно было бы уловить в выражении моего лица, но, уж во всяком случае, не в речах.

Президент. По-моему, лучше бы ее не было вовсе. Чудак! Не все ли вам равно, попадет к вам монета прямо с монетного двора или же от банкира? Берите пример с местного дворянства: умышленно или неумышленно, но только у нас редко когда заключается брачный договор без того, чтобы, по крайней мере, полдюжины гостей, а то и слуг, предварительно не измерили геометрическим способом тот рай, что уготован жениху.

Вурм *(кланяется)*. В этом случае я предпочел бы остаться мещанином.

Президент. К тому же в ближайшее время вы будете иметь удовольствие наилучшим образом отплатить своему сопернику за обиду. Как раз теперь кабинет вынес решение, что леди Мильфорд в связи с появлением новой герцогини должна для отвода глаз получить отставку и, чтобы уже не было никаких подозрений, выйти замуж. Вы знаете, Вурм, насколько занимаемое мною положение зависит от влияния леди и сколь мощную пружину моего успеха составляет уменье потворствовать прихотям герцога. Его высочество подыскивает партию для леди Мильфорд. Ему может подвернуться кто-нибудь другой, и этот другой пойдет на сделку и вместе с дамой сердца приобретет доверие герцога, станет необходимым для него человеком. Так вот, для того чтобы герцог продолжал оставаться в сетях у моей семьи, Фердинанд и должен жениться на леди Мильфорд. Вам это ясно?

Вурм. Как божий день. Во всяком случае, ваша милость доказывает этим, что президент в вас куда сильнее, чем отец! Если майор окажется таким же послушным сыном, как вы — нежным отцом, то ваши намерения могут встретить сопротивление.

Президент. К счастью, я еще ни разу не усомнился в осуществимости плана, на котором я счел возможным начертать: *быть по сему!*.. Видите, Вурм, вот мы и вернулись к исходному пункту. Я еще до обеда объявлю моему сыну о том, что ему предстоит обручиться. По выражению его лица я сразу пойму, оправдываются ваши подозрения или же их следует решительно отмести.

Вурм. Прошу меня извинить, ваша милость. Вид у вашего сына будет, несомненно, расстроенный, но отсюда еще не следует, что расстроится он из-за того, что вы у него отнимаете невесту, а не из-за того, какую именно невесту вы подыскали ему взамен. Не угодно ли вам будет прибегнуть к более сильному испытанию? Предложите ему самую безупречную партию во всем государстве, и вот если он согласится, тогда приговорите вашего секретаря Вурма к трем годам каторжных работ.

Президент *(кусая губы)*. Черт возьми!

Вурм. Да, да, уверяю вас. Ее мать, ходячая глупость, в простоте душевной выболтала достаточно.

Президент *(ходит взад и вперед, чтобы успокоиться)*. Хорошо! Сегодня же утром.

Вурм. Только прошу вас не забыть, ваше превосходительство, что майор — сын вашей милости...

Президент. Его не тронут, Вурм.

Вурм. ...и что моя услуга, состоящая в том, что я помог вам избавиться от нежеланной невестки...

Президент. Требует и с моей стороны услуги помочь вам жениться?.. С удовольствием, Вурм!

Вурм *(довольный, кланяется)*. Вечный раб вашей милости! *(Хочет уйти.)*

Президент. Но то, что я вам сейчас доверил, Вурм... *(угрожающе)* если вы проговоритесь...

Вурм *(со смехом)*. То ваше превосходительство докажет, что я подделывал подписи. *(Уходит.)*

Президент. Ты у меня в руках! Я держу тебя на твоем же собственном мошенничестве, как жука на нитке.

Камердинер *(входит)*. Гофмаршал фон Кальб!

Президент. Как нельзя более кстати!.. Очень рад!

Камердинер уходит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Гофмаршал фон Кальб в богатом, но безвкусном придворном костюме, с камергерским ключом, двумя часами и шпагой, в руке — chapeau bas [1], подстрижен à la hérisson [2], взвизгивая, подлетает к президенту и распространяет по всему партеру запах мускуса. Президент.

Гофмаршал *(обнимая его)*. С добрым утром, мой драгоценнейший! Как отдыхали? Как почивали? Простите, что я так поздно имею удовольствие... Неотложные дела... выбор меню... визитные карточки... составление компаний для сегодняшней прогулки в санях... Ух!.. А тут еще надо было присутствовать при lever [3] и доложить его высочеству о погоде.

Президент. Да, конечно, маршал, вам невозможно было отлучиться.

Гофмаршал. В довершение всего меня надул шельма портной.

---

[1] Шляпа с низкой тульей *(франц.)*.
[2] Ежиком *(франц.)*.
[3] Одевании знатной особы *(франц.)*.

П р е з и д е н т. И вы все успели?

Г о ф м а р ш а л. Это еще что! Сегодня у меня беда за бедой. Вы только послушайте!

П р е з и д е н т *(рассеянно)*. Да неужели?

Г о ф м а р ш а л. Вы только послушайте! Едва я вышел из кареты, как лошади чего-то испугались, начали брыкаться, потом взвились на дыбы и снизу доверху забрызгали грязью мои, с позволенья сказать, панталоны. Что тут делать? Войдите, ради бога, в мое положение, барон. Я стою на улице. Уже поздно. Ехать назад, предстать в таком виде перед его высочеством — боже правый!.. Что же я придумал? Я притворился, что мне дурно. Меня скорей на руки и прямо в карету. Мчусь во весь дух домой... переодеваюсь... еду обратно... Каково?.. И в приемной я все-таки первый... Как вам это понравится?

П р е з и д е н т. Великолепный образец человеческой находчивости... Но оставим это, Кальб... Итак, вы уже говорили с герцогом?

Г о ф м а р ш а л *(торжественно)*. Двадцать минут тридцать секунд.

П р е з и д е н т. Да что вы! Значит, у вас, бесспорно, есть для меня какие-нибудь важные новости?

Г о ф м а р ш а л *(после некоторого молчания, с серьезным лицом)*. Его высочество сегодня в касторовом камзоле цвета гусиного помета.

П р е з и д е н т. Вы подумайте!.. Нет, маршал, я могу вам сообщить нечто более любопытное... Вы, вероятно, еще не знаете, что леди Мильфорд выходит замуж за майора Вальтера?

Г о ф м а р ш а л. Да что вы говорите?.. И это уже решено?

П р е з и д е н т. Решено и подписано, маршал... И я вам буду очень обязан, если вы прямо отсюда отправитесь к леди, предупредите ее, что к ней собирается с визитом Фердинанд, и оповестите о его намерении весь город.

Г о ф м а р ш а л *(в восторге)*. О, с величайшей радостью, мой драгоценнейший! Это для меня такое наслаждение! Лечу, лечу! *(Обнимает его.)* Будьте здоровы... Через три четверти часа об этом будет знать вся столица. *(Выпархивает из комнаты.)*

П р е з и д е н т *(смеется ему вслед)*. А еще говорят, что такие существа решительно ни на что не годны!.. Ну, уж теперь Фердинанду придется дать согласие, иначе выйдет, что лжет весь город! *(Звонит.)*

Входит В у р м.

Позовите ко мне моего сына.

Вурм уходит, президент в задумчивости расхаживает по залу.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Фердинанд, президент. Вурм появляется и сейчас же уходит.

Фердинанд. Вы приказали, батюшка...

Президент. К сожалению, чтобы иметь удовольствие видеть сына, я всякий раз вынужден теперь приказывать... Оставьте нас, Вурм!.. Фердинанд, я с некоторых пор наблюдаю за тобой и не нахожу больше того юношеского чистосердечия и порывистости, которые мне так нравились в тебе прежде. На твоем лице застыло выражение какой-то необычной грусти... Ты избегаешь меня, избегаешь общества... Нехорошо!.. Человеку твоих лет скорее можно простить десять кутежей, чем один-единственный приступ хандры. Озабоченное выражение более пристало мне, дорогой мой! Предоставь мне побеспокоиться о твоем счастье, а сам старайся только содействовать успеху моего предприятия... Подойди, обними меня, Фердинанд!

Фердинанд. Вы сегодня очень милостивы, отец.

Президент. Только сегодня? Ах ты, разбойник! Да еще говоришь мне это с такой кислой миной! *(Торжественно.)* Фердинанд! Ради кого я избрал опасный путь, чтобы войти в доверие к его высочеству? Ради кого я расторг союз со своей совестью и с небом?.. Послушай, Фердинанд... Я говорю со своим сыном... Кому я освободил место, убрав моего предшественника? Этот поступок тем глубже вонзается в мое сердце, чем старательнее прячу я нож от людей. Ответь же мне, Фердинанд, ради кого я пошел на все это?

Фердинанд *(в ужасе отступает)*. Но ведь не ради меня, отец? Ведь не на меня падает кровавый отсвет этого злодейства? Боже всемогущий! Лучше совсем не родиться на свет, чем служить предлогом для этого преступления!

Президент. Что? Что такое? Ох уж эти мне романтические бредни!.. Фердинанд, я постараюсь говорить с тобой спокойно, дерзкий мальчишка... Так-то ты платишь мне за бессонные ночи? Так-то ты платишь мне за всечасные заботы? Так-то ты платишь мне за то, что меня вечно жалит скорпион совести? Бремя ответственности падает на меня. Проклятие, божья кара — все падает на меня. Ты получаешь счастье из вторых рук. Преступление не оставляет кровавых пятен на наследстве.

Фердинанд *(воздевает правую руку к небу)*. От такого наследства, которое будет только напоминать мне о моем ужасном отце, я торжественно отрекаюсь.

П р е з и д е н т. Послушай, юнец, не выводи меня из себя! Если б я рассуждал так же, ты бы весь свой век ползал во прахе.

Ф е р д и н а н д. Ах, отец, насколько же это было бы лучше, чем ползать у трона!

П р е з и д е н т *(сдерживаясь)*. Гм!.. Ты не понимаешь своего счастья. Куда другие как ни стараются, а все не могут взобраться, ты вознесся шутя, словно во сне. В двенадцать лет ты уже прапорщик. В двадцать — майор. Я добился этого у герцога. Ты снимешь мундир и поступишь в министерство. Герцог обещает тебе чин тайного советника... службу в посольстве... необыкновенные милости. Перед тобой открываются прекрасные виды на будущее! Сначала ровная дорога к трону, а потом и на самый трон, если только имеет смысл менять самую власть на ее внешние признаки. Неужели это тебя не вдохновляет?

Ф е р д и н а н д. Нет, потому что мои понятия о величии и о счастье заметно отличаются от ваших... Вы достигаете благополучия почти всегда ценою гибели другого. Зависть, страх, ненависть — вот те мрачные зеркала, в которых посрамляется величие властителя... Слезы, проклятия, отчаяние — вот та чудовищная трапеза, которой услаждают себя эти прославленные счастливцы. И не успеет у них пройти хмель, как они, шатаясь, уже отходят в вечность, к престолу всевышнего. Нет, мой идеал счастья скромнее: он заключен во мне самом. В моем собственном сердце — вот где таятся все мои желания.

П р е з и д е н т. Прекрасно ты говоришь! Лучше нельзя! Превосходно! После тридцатилетнего перерыва я снова слушаю первую лекцию! Жаль только, что моя пятидесятилетняя голова стала худо воспринимать! Впрочем... чтобы твой редкостный дар не оставался втуне, я намерен дать тебе спутницу жизни,— вот, пожалуйста, ей и забивай голову всем этим высокопарным вздором. Ты должен сегодня же... решиться... решиться на брак.

Ф е р д и н а н д *(в изумлении отступает)*. Отец!

П р е з и д е н т. Не благодари меня... Я послал от твоего имени визитную карточку леди Мильфорд. Будь любезен, сейчас же отправляйся к ней и сделай ей официальное предложение.

Ф е р д и н а н д. Как, отец, той самой Мильфорд?

П р е з и д е н т. Надеюсь, ты знаешь ее...

Ф е р д и н а н д *(теряя самообладание)*. Есть ли в нашем городе хоть один позорный столб, который бы о ней не знал? Однако, батюшка, в какое же я попал смешное положение: я шутку вашу принял всерьез! Да разве вы пожелаете быть отцом негодяя сына, который берет себе в жены высокопоставленную распутницу?

Президент. А что ж тут такого? Я бы и сам к ней посватался, если б только она пошла за пятидесятилетнего. Ты-то разве не пожелал бы при таких обстоятельствах быть сыном негодяя отца?

Фердинанд. Нет! Клянусь богом!

Президент. Это, конечно, дерзость, но я ее тебе прощаю — за оригинальность.

Фердинанд. Прошу вас, отец, прекратить этот разговор, иначе я не в силах буду называть себя вашим сыном.

Президент. Ты взбесился, мальчишка? Какой благоразумный человек не жаждал бы обладать преимуществом — бывать у кого-нибудь по очереди с главой государства?

Фердинанд. Вы становитесь для меня загадкой, отец. Вы называете преимуществом — *преимуществом!* —быть соучастником государя в таком грязном деле, на какое никто из простых смертных не пойдет.

Президент хохочет.

Смейтесь, отец... Хорошо, мы не будем вовсе этого касаться. Но как я посмотрю в глаза последнему ремесленнику, который, по крайней мере, получает в приданое за женой ее тело на правах единственного обладателя? Как я буду смотреть людям в глаза? В глаза герцогу? Самой герцогской наложнице, которая желает отмыть пятно на своей чести в моем позоре?

Президент. Где ты всего этого нахватался, мальчишка?

Фердинанд. Заклинаю вас небом и землею, отец. Унизив единственного сына, вы сделаете его несчастным, но сами счастливее от этого не станете. Я жизни своей не пожалею, если только это послужит вашему возвышению. Своею жизнью я обязан вам, и я не задумываясь принесу ее, всю без остатка, в жертву вашему величию. Но моя честь, отец... раз вы у меня ее отнимаете, значит, легкомыслием и подлостью было с вашей стороны давать мне жизнь, и я вынужден проклясть своего отца как сводника.

Президент *(дружески хлопая его по плечу)*. Браво, мой милый сын! Теперь я вижу, что ты честный малый, ты достоин лучшей женщины во всем нашем герцогстве!.. И она будет твоей. Сегодня же днем ты обручишься с графиней фон Остгейм.

Фердинанд *(снова поражен)*. Что же это за день выдался мне, он сразит меня окончательно!

Президент *(смотрит на него испытующе)*. Уж этот-то выбор, надо надеяться, не задевает твоей чести?

Фердинанд. Нет, отец! Всякого другого Фредерика фон Остгейм могла бы осчастливить. *(В крайнем замешательстве, про себя.)* Что́ не тронула в моем сердце его злоба, то разрывает в клочья его доброта.

Президент *(все еще глядя на него в упор)*. Я жду от тебя благодарности, Фердинанд...

Фердинанд *(бросается к нему и с жаром целует руку)*. Отец, ваше благодеяние трогает меня до глубины души... Отец, я чрезвычайно вам благодарен за ваше доброе намерение... выбор ваш безупречен... но... к моему большому сожалению... я не могу... я не вправе... я не могу любить графиню!

Президент. Ого! Сейчас видно желторотого птенца! Попался-таки в ловушку, хитрый лицемер! Значит, дело не в чести, будто бы не позволяющей тебе жениться на леди Мильфорд? Значит, дело не в личности, а ты против женитьбы вообще?

Фердинанд стоит как вкопанный, затем вздрагивает и порывается бежать.

Куда? Стой! Вот оно, твое сыновнее почтение!

Майор возвращается.

Леди поставлена о тебе в известность. Герцогу я дал слово. Город и двор осведомлены обо всем. И если из-за тебя, мальчишка, я окажусь лжецом перед герцогом... перед леди Мильфорд... перед двором... перед всем городом... Слушай, мальчишка... если мне станут известны некоторые похождения... Ого! Постой! Что это ты стал так бледен с лица?

Фердинанд *(белый как снег, весь дрожа)*. Что? Разве? Пустое, отец!

Президент *(устремляя на него ужасный взгляд)*. Если это неспроста... если я нападу на след и дознаюсь, чем вызвана твоя строптивость... тогда берегись, мальчишка! Уже одно подозрение приводит меня в ярость. Иди сию же минуту! Сейчас начинается вахтпарад. Ты явишься к леди, как только будет вручен пароль... Передо мной трепещет все герцогство. Посмотрим, возьмет ли надо мною верх своевольный сын. *(Направляется к выходу и снова возвращается.)* В последний раз говорю тебе, мальчишка: ступай туда, не то бойся моего гнева! *(Уходит.)*

Фердинанд *(выйдя из тягостного оцепенения)*. Он ушел? Ужели то был голос отца?.. Да, я пойду к ней... пойду туда... Я расскажу ей такие вещи, я поставлю перед ней такое зеркало... Гнусная тварь! Если ты и тогда потребуешь моей руки, то перед лицом всего дворянства, войска и народа, хотя бы ты была защищена всей гордыней твоей Англии, я, немецкий юноша, тебя отвергну! *(Быстро уходит.)*

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал во дворце леди Мильфорд; направо софа, налево рояль. Леди, с еще не завитыми волосами, в прелестном свободном неглиже, сидит за роялем и импровизирует. Софи, камеристка, отходит от окна.

Софи. Офицеры расходятся. Вахтпарад окончился, а Вальтера не видно.

Леди *(в сильном беспокойстве встает и проходит по залу)*. Не знаю, что со мной сегодня, Софи... Никогда еще со мной этого не было... Так ты его не видела?.. Ну да, конечно... Ему спешить нечего... У меня такая тяжесть на сердце, как будто я совершила преступление... Поди, Софи, скажи, чтобы мне оседлали самого бешеного скакуна, какой только есть в конюшне. Я хочу на простор, хочу видеть людей и голубое небо; от быстрой езды мне станет легче.

Софи. Если вам скучно, миледи, позовите к себе гостей. Позовите герцога обедать, а не то так велите поставить перед вашей софой карточные столы. Будь к моим услугам герцог и весь двор, стала бы я хандрить!

Леди *(бросается на софу)*. Ах, нет, уволь! Если ты возьмешься ограждать меня от посетителей, я готова дарить тебе по брильянту за каждый час. Для чего мне вся эта публика? Для декорации?.. Когда у меня срывается невзначай теплое, искреннее слово, эти жалкие, дрянные людишки таращат глаза и разевают рты, как будто перед ними привидение. Такими марионетками мне легче управлять, чем вязальными спицами. Что мне делать с этими людьми, если все их душевные движения так же размеренны, как ход часовой стрелки? Что за интерес спрашивать их о чем-нибудь, раз я знаю заранее, чтó они мне ответят? Что за интерес обмениваться с ними впечатлениями, раз у них не хватает смелости иметь свое мнение?.. Нет, вон их, вон! Противно ездить на лошади, которая не кусает даже своих удил. *(Подходит к окну.)*

Софи. Но ведь герцога-то вы к ним не причисляете, леди? Это самый красивый мужчина, самый страстный любовник и самый остроумный человек во всей его стране.

Леди *(отходит от окна)*. То-то и дело, что в *его* стране... Только его герцогское звание, Софи, и может служить слабым оправданием моему выбору. Ты говоришь, мне завидуют. Бедная я! Жалеть меня надо, а не завидовать. Из всех, кто кормится от щедрот властелина, самая печальная судьба постигает его фаворитку, потому что ей одной видно все убожество великого и богатого че-

ловека. Правда, ему стоит обратиться к талисману своего величия — и все, что моей душе угодно, вырастет из-под земли, словно волшебный замок. Он раскладывает передо мной сокровища обеих Индий, создает рай в пустыне, заставляет родники своей страны горделивыми дугами взлетать к небу и разбрызгивает в фейерверках кровь и пот своих подданных. Но может ли он приказать своему сердцу — в лад другому сердцу, могучему, пылкому,— биться так же могуче и пылко? Способна ли одряхлевшая его душа хоть на один высокий порыв? Чувственных наслаждений у меня довольно, а между тем я испытываю сердечный голод. На что мне столько упоительных ощущений, которые лишь охлаждают жар в моей крови?

Софи *(смотрит на нее с удивлением)*. Ведь я же к вам давно поступила, миледи?

Леди. И только сейчас узнала меня?.. Твоя правда, милая Софи... Я продала герцогу свою честь, но сердце мое осталось свободным, и, может быть, дорогая, оно еще найдет себе когонибудь более достойного,— тлетворный воздух двора коснулся его лишь так, как дыхание касается зеркала. Можешь мне поверить, моя милая, что я давно бы уже отказалась от этого презренного герцога, если бы только самолюбие позволило мне уступить место какой-нибудь придворной даме.

Софи. И ваше сердце так легко подчинилось самолюбию?

Леди *(живо)*. А ты думаешь, мое сердце не мстило за себя?.. И теперь не мстит?.. Софи! *(Положив ей руку на плечо, торжественно.)* У нас, женщин, выбор один: властвовать — или покоряться. Но даже упоение самой неограниченной властью — это только жалкое самоутешение, если мы лишены наивысшего счастья — быть рабыней любимого человека.

Софи. Вот уж это, миледи, я от вас никак не ожидала услышать!

Леди. Но отчего же, Софи? Разве по тому, как по-детски держим мы скипетр, не видно, что наш удел ходить на помочах? Разве ты не заметила, что мои причуды и прихоти, все мои дикие забавы лишь заглушают в моей груди еще более дикие страсти?

Софи *(пораженная, отступает)*. Леди!

Леди *(с еще большей живостью)*. Утоли их! Приведи мне человека, о котором я сейчас думаю... которого я боготворю... Я должна завладеть им, Софи, или умереть. *(С нежностью.)* Дай мне услышать из его уст, что слезы любви, сверкающие в моих глазах, прекраснее, чем брильянты, вплетенные в мои волосы... *(страстно)* и я брошу к ногам герцога и его сердце, и все его герцогство! Брошу и убегу с этим человеком на край света...

С о ф и *(смотрит на нее испуганно)*. Господи! Да что же это? Что с вами, миледи?

Л е д и *(в замешательстве)*. Отчего ты побледнела? Разве я сказала что-нибудь лишнее?.. Пусть же моя доверчивость наложит на твои уста печать молчания... Сейчас ты узнаешь еще больше... узнаешь все...

С о ф и *(пугливо озираясь)*. Я боюсь, миледи... боюсь... что буду знать слишком много.

Л е д и. Брак с майором... Ты и весь свет воображаете, что это *придворная интрига*... Софи!.. Не красней... не испытывай за меня стыда... Это затеяла... *моя любовь!*

С о ф и. Я так и думала! Клянусь богом!

Л е д и. Их нетрудно было убедить, Софи: слабовольного герцога, придворного хитреца Вальтера, глупого гофмаршала... Каждый из них готов поклясться, что этот брак — верное средство сохранить меня для герцога и упрочить нашу с ним связь. О нет! Это — средство навеки ее разорвать, навеки разбить позорные эти цепи! Обманутые лжецы, которых перехитрила слабая женщина! Вы сами приводите ко мне теперь моего возлюбленного. Этого я и хотела. Как только он будет мой... как только он будет мой... о, тогда прощай навек все это гнусное великолепие!..

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и старый камердинер герцога приносит шкатулку с драгоценностями.

К а м е р д и н е р. Его высочество герцог кланяется вашей милости, миледи, и посылает вам к свадьбе вот эти брильянты. Он только что получил их из Венеции.

Л е д и *(открывает шкатулку и в испуге отшатывается)*. Послушай, сколько же герцог заплатил за эти камни?

К а м е р д и н е р *(мрачно)*. Они не стоили ему ни гроша!

Л е д и. Что? Ты с ума сошел! Ничего не стоили?.. Что же ты *(отступая на шаг)*, что же ты смотришь таким взглядом, будто хочешь меня пронзить? Эти безумно дорогие камни ничего не стоят?

К а м е р д и н е р. Вчера семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку,— вот они-то и платят за все.

Л е д и *(резким движением отодвигает шкатулку и быстрым шагом приближается к камердинеру; после небольшого молчания)*. Послушай, что с тобой? Ты, кажется, плачешь?

К а м е р д и н е р *(утирает слезы; весь дрожа, душераздирающим голосом)*. Сами-то они дороже всех брильянтов на свете... Там было и двое моих сыновей.

Леди *(содрогнувшись, отворачивается и схватывает его за руку).* Но ведь не насильно же их?

Камердинер *(с горьким смехом).* Какое там насильно! Нет, все сплошь добровольцы! Правда, когда их выстроили во фронт, нашлись ребята посмелее, вышли из рядов и спросили у полковника, сколько герцог берет за пару таких, как они. Но всемилостивейший наш государь отдал приказ всем полкам выстроиться на плацу и расстрелять крикунов. Мы слышали залп, видели, как брызнул на мостовую мозг, а затем все войско крикнуло: «Ура! В Америку!»

Леди *(в ужасе падает на софу).* Боже мой! Боже мой! И я ничего об этом не слышала! Ничего не знала!

Камердинер. Да, ваша милость... Вольно же вам было уехать с государем на медвежью охоту как раз тогда, когда был подан сигнал к выступлению! Вам непременно надо было остаться ради этого величественного зрелища. А дело было так: заслышали мы грохот барабанов и сейчас догадались, что их отправляют, и сироты с воем кинулись за отцом, обезумевшая мать бежит и бросает на штыки грудного младенца, там жениха при помощи сабель разлучают с невестой, а мы, седовласые старцы, стояли тут же и под конец все, как один, побросали с отчаяния свои костыли вслед нашим ребятам, прямо в Новый Свет... А дабы всеведущий не услышал наших молений, все время неумолчно трещали барабаны...

Леди *(глубоко взволнованная, встает).* Прочь эти брильянты! Они бросают в мое сердце отблеск адского пламени. *(Камердинеру, мягко.)* Не горюй, бедный старик! Они вернутся. Они снова увидят свою родину.

Камердинер *(горячо и проникновенно).* Бог все знает!.. Они ее увидят!.. Уже у городских ворот они обернулись и крикнули: «Храни вас господь, жены и дети! Да здравствует наш государь-отец! Мы свидимся на Страшном суде!..»

Леди *(быстро ходит по комнате).* Возмутительно! Чудовищно!.. А меня еще убеждали, что я осушила все слезы отечества. Глаза у меня открылись, и я в ужасе, в ужасе смотрю... Ступай... скажи своему господину... Нет, я поблагодарю его лично!

Камердинер хочет идти; леди бросает ему в шляпу свой кошелек.

Это тебе за то, что ты рассказал мне правду.

Камердинер *(с презрением бросает кошелек на стол).* Присоедините и это к вашим богатствам. *(Уходит.)*

Леди *(с изумлением смотрит ему вслед).* Софи, догони его, спроси, как его зовут! Надо вернуть его сыновей!

Софи убегает. Леди в задумчивости ходит взад и вперед. Молчание.

(Обращаясь к вернувшейся Софи.) Правда ли, я слышала, что сгорел целый пограничный город и около четырехсот семей пошли по миру? *(Звонит.)*

Софи. Как это вы вспомнили? В самом деле, так оно и было, и теперь большинство несчастных погорельцев пошли в кабалу к своим кредиторам или же мрут в герцогских серебряных рудниках.

Слуга *(входит)*. Что прикажете, миледи?

Леди *(отдает ему брильянты)*. Немедленно отнеси это в банк! Я приказываю сию же минуту обратить эти ценности в деньги и полученную сумму разделить между четырьмястами жителей, пострадавших от пожара.

Софи. Миледи! Что вы делаете? Ведь это может навлечь на вас самое суровую опалу.

Леди *(гордо)*. Что же, я должна носить в волосах проклятие его страны? *(Делает знак слуге, тот уходит.)* Или ты хочешь, чтоб я пала под тяжестью слез, из которых сделан этот ужасный убор? Опомнись, Софи! Пусть лучше в волосах у меня будут фальшивые брильянты, а в душе — сознание, что я поступила по совести.

Софи. Но ведь какие же брильянты! У вас есть похуже, отдали бы те! Нет, право, миледи, это с вашей стороны непростительно.

Леди. Глупая девчонка! Зато настанет миг, когда на мою долю выпадет столько брильянтов и жемчужин, сколько их не наберется в диадемах у десяти королей, и они будут прекраснее...

Слуга *(возвращается)*. Майор фон Вальтер.

Софи *(бросается к леди)*. Ах, боже мой! Вы побледнели...

Леди. В первый раз, Софи... я испытываю страх перед мужчиной... Эдуард! Скажи, что мне нездоровится... Постой!.. Он в духе? Смеется? Что он говорит? Софи, ведь правда, я сегодня ужасно выгляжу?

Софи. Ничуть не бывало, леди...

Слуга. Прикажете отказать?

Леди *(запинаясь)*. Нет, милости прошу.

Слуга уходит.

Софи! Что мне ему сказать? Как мне его встретить? У меня язык не повернется... Он будет смеяться над моей слабостью... Он... У меня дурное предчувствие... Ты уходишь, Софи?.. Останься!.. Нет, лучше уходи!.. Да останься же!

Через вестибюль проходит майор.

Софи. Успокойтесь, миледи! Вон он идет!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и Фердинанд фон Вальтер.

Фердинанд *(с легким поклоном)*. Я вам не помешал, милостивая государыня?..

Леди *(не в силах побороть волнение)*. Я ничем более важным не занята, господин майор.

Фердинанд. Я явился по приказанию моего отца...

Леди. Я ему очень признательна.

Фердинанд. ...чтобы поставить вас в известность, что я на вас женюсь. Такова воля моего отца.

Леди *(бледнеет и дрожит)*. Но не вашего сердца?

Фердинанд. Министры и сводники не имеют обыкновения об этом спрашивать.

Леди *(запинаясь от волнения)*. А вы сами ничего не хотите к этому прибавить?

Фердинанд *(показывая глазами на Софи)*. Очень много, миледи!

Леди *(делает знак Софи, та удаляется)*. Не угодно ли вам присесть на софу?

Фердинанд. Я буду краток, миледи.

Леди. Итак?

Фердинанд. Я человек чести...

Леди. Я умею это ценить.

Фердинанд. Дворянин...

Леди. Первый в герцогстве.

Фердинанд. И офицер...

Леди *(заискивающе)*. Это все такие преимущества, которые есть и у других. Почему же вы умалчиваете о более важных, которыми обладаете только вы?

Фердинанд *(холодно)*. Здесь они мне не нужны.

Леди *(с возрастающим беспокойством)*. Как я должна понять это предисловие?

Фердинанд *(медленно, отчеканивая каждое слово)*. Как мятеж чести — в том случае, если вам будет угодно женить меня на себе.

Леди *(вспыхнув)*. Что это значит, господин майор?

Фердинанд *(спокойно)*. Это голос моего сердца, моего герба и вот этой шпаги.

Леди. Эту шпагу вам дал герцог.

Фердинанд. Мне ее дало государство через посредство герцога, сердце у меня от бога, моему гербу лет около пятисот.

Леди. Имя герцога...

Фердинанд *(запальчиво)*. Но разве герцог властен

нарушать человеческие законы и, как монеты, чеканить поступки? Над честью даже и он не способен возвыситься, он может только заткнуть ей рот золотом. Он может прикрыть свой позор горностаевой мантией. Прошу вас, миледи, об этом больше ни слова... Сейчас речь идет не об отвергнутых замыслах и не о предках, не об этом темляке, не о мнении света. Я готов через все это переступить, но только докажите мне, что награда не будет еще тяжелее жертвы.

Леди *(расстроенная, отходит от него)*. Я этого не заслужила, господин майор.

Фердинанд *(берет ее за руку)*. Простите! Мы с вами говорим без свидетелей. То обстоятельство, которое нас свело сегодня,— и никогда уже больше не сведет,— дает мне право, более того: принуждает меня не скрывать от вас моих тайных чувств. Я, миледи, отказываюсь вас понимать: вы красивы, умны, вас мог бы полюбить кто угодно, и вы решились отдаться герцогу, который видит в вас только женщину. И вам не стыдно самой предлагать себя в жены?

Леди *(смотрит на него широко раскрытыми глазами)*. Говорите все!

Фердинанд. Вы называете себя британкой. Простите, я не могу поверить, что вы британка. Свободная дочь самого свободного народа во всем подлунном мире, народа, который до того горд, что не курит фимиама даже добродетели чужестранцев, ни за что не станет ублажать их порок... Нет, вы, наверное, не британка... Или уж сердце у этой британки настолько же мелко, насколько благородна и отважна та кровь, что течет в жилах истинных дочерей Британии.

Леди. Вы кончили?

Фердинанд. Мне могут возразить, что это — женское тщеславие, страсть, темперамент, жажда наслаждений... Мы знаем примеры, когда добродетель оказывалась сильнее чести, мы знаем случаи, когда те, что выступали на этой позорной арене, в конце концов благородными поступками вновь возвышали себя во мнении общества и облагораживали свое презренное ремесло тем, что ставили перед собой прекрасную цель. Но откуда же этот невыносимый гнет у нас в стране, какого никогда не было прежде?.. У вас была одна цель: владеть герцогством. Я кончил.

Леди *(мягко, но с достоинством)*. Со мной никто еще так не говорил, Вальтер. Вы единственный человек, которому я отвечаю на такие речи... Вы отказываетесь от моей руки,—я вас за это уважаю. Вы черните мою душу,— я вам это прощаю. Но я не верю, что вы действительно так думаете. Кто смеет так оскорблять женщину, которой довольно одной ночи, чтобы навсегда погубить

его, тот должен быть уверен, что эта женщина необычайно великодушна, или же это безумец... Всю ответственность за разорение страны вы переложили на меня,— да простит вам это всемогущий бог, который когда-нибудь поставит на очную ставку вас, меня и герцога. Но вы задели во мне англичанку, и вот в подобного рода обвинениях я должна оправдаться перед моим отечеством.

Фердинанд *(опершись на шпагу)*. Я весь внимание.

Леди. Сейчас вы услышите от меня то, чего до вас я никому не поверяла и что впредь никому поверять не собираюсь... Я, Вальтер, не та, за кого вы меня принимаете,— я не искательница приключений. Я могла бы перед вами похвастать своим происхождением: во мне течет королевская кровь... Я веду свой род от несчастного герцога Томаса Норфолька, отдавшего жизнь за Марию Шотландскую. Мой отец, старший королевский камерарий, был обвинен в измене отечеству в пользу Франции и решением парламента осужден и обезглавлен. Все наше достояние отошло в казну. Мы были изгнаны из пределов страны. Моя мать умерла в день казни отца. Я, четырнадцатилетняя девочка, бежала в Германию, и взяла я с собою няню, шкатулку с драгоценностями и вот этот фамильный крест, который моя мать, в последний раз благословив меня перед смертью, повесила мне на шею.

Фердинанд, погруженный в раздумье, уже не так сурово смотрит на леди.

(Все сильнее волнуясь.) Больная, безвестная, беспомощная, без всяких средств, чужестранка, сирота — вот при каких обстоятельствах очутилась я в Гамбурге. Меня ничему не учили, я умела разве только говорить по-французски, немножко вязать, немножко играть на рояле, зато привыкла есть на золоте и серебре, спать под атласными одеялами, привыкла к тому, чтобы по одному моему знаку десятки слуг бросались исполнять мое приказание, привыкла к лести знатных поклонников. Я бедствовала шесть лет. Последняя брильянтовая булавка была продана, няня моя умерла, и вот тогда-то судьба и привела вашего герцога в Гамбург. Как-то раз я гуляла по берегу Эльбы и, глядя на воду, начала было размышлять о том, что́ глубже: река или мои страдания?.. Герцог меня увидел, стал меня преследовать, разыскал мое жилище, пал к моим ногам и поклялся, что любит меня. *(Сильное волнение заставляет леди умолкнуть; когда же она снова начинает говорить, голос у нее дрожит от слез.)* Передо мною одна за другой вновь открылись во всей их пленительной яркости картины моего счастливого детства. Мое безотрадное будущее представлялось мне темным, как могила... Сердце мое жаждало другого сердца... и я склонилась к нему на грудь. *(Отбегает от Фердинанда.)* Теперь судите меня!

Фердинанд *(глубоко взволнованный, бежит за ней и останавливает ее)*. Леди! О боже! Что я слышу? Что я наделал! С ужасом смотрю я теперь на свое преступление. Вы уже не сможете меня простить.

Леди *(овладев собой, снова приближается к нему)*. Слушайте дальше. Герцог воспользовался моей молодостью и беззащитностью. Но во мне заговорила кровь Норфольков: «Как, Эмилия, ты, герцогиня по рождению, стала герцогскою любовницей?..» Гордость все еще боролась у меня в душе с моею судьбой, когда герцог привез меня сюда, и тут взору моему явилось ужасное зрелище... Похоть сильных мира сего — это ненасытная гиена, алчущая все новых и новых жертв. Здесь она свирепствовала уже давно: разлучала жениха с невестой, расторгала даже священные узы брака, разрушала тихое семейное счастье, в юные неопытные сердца вливала смертельный яд, и умирающие ученицы, извиваясь в судорогах, проклинали ненавистные имена своих учителей... Я стала между ягненком и тигром, в минуту страсти я вырвала у герцога клятву, и это отвратительное жертвоприношение было отменено.

Фердинанд *(в смятении мечется по залу)*. Не надо, миледи! Довольно!

Леди. За этим мрачным периодом последовал еще более мрачный. Двор и сераль кишели тогда подонками итальянского общества. Ветреные парижанки заигрывали с развратным венценосцем, а народ истекал кровью от их затей... Всех этих женщин постигла печальная участь. Их разогнали на моих глазах,— по части кокетства все они ничего не стоили рядом со мной. Тиран разомлел в моих объятиях, и я вырвала у него бразды правления. Впервые, Вальтер, твоя отчизна почувствовала на себе человеческую руку и доверчиво прильнула к моей груди. *(Умолкает и смотрит на него с нежностью.)* О, зачем единственный человек, мнением которого я дорожу, принуждает меня хвастаться и сжигать скромную мою добродетель на огне самолюбования!.. Я отворяла темницы, Вальтер, разрывала смертные приговоры, не раз сокращала ужасы пожизненной каторги. На неизлечимые раны я старалась пролить болеутоляющий бальзам, я сокрушала могущественных злодеев, слезой блудницы я не раз спасала проигранное дело невинного. Ах, юноша, какую мне это доставляло радость! С какою гордостью отвечало мое сердце на все упреки моей благородной крови! И вот, наконец, передо мной единственный человек, который мог бы вознаградить меня за все, человек, которого моя горькая доля, быть может, послала мне как утешение в моих скорбях, человек, которого я в невыносимой тоске мысленно уже обнимала...

Ф е р д и н а н д *(потрясенный до глубины души, прерывает ее).* Довольно! Довольно! Вы нарушили наше условие, миледи. Вы должны были оправдаться передо мной, а вместо этого меня же делаете преступником. Пощадите... умоляю вас, пощадите мое сердце, оно вот-вот разорвется от стыда и горького раскаяния...

Л е д и *(берет его за руку).* Теперь или никогда! Эта сильная женщина слишком долго себя смиряла... почувствуй же тяжесть моих слез. *(С глубокой нежностью.)* Послушай, Вальтер! Несчастную женщину... властно, неодолимо влечет к тебе... тянет прижаться к тебе грудью, в которой бьет неиссякаемый источник пламенной любви... а ты, Вальтер, в такую минуту бросаешь ей холодное слово «честь»... Несчастная женщина, сгибающаяся под тяжестью своего позора, возненавидевшая порок, сделавшая над собой нечеловеческое усилие, чтобы воспрянуть по зову добродетели... она сейчас... бросается в твои объятия... *(обнимает его; умоляющим и вместе с тем торжественным тоном)* она, спасенная тобой, надеющаяся благодаря тебе вновь обрести бога или же... *(отворачивается от него; глухим, прерывающимся голосом)* принужденная забыть твой образ, поддаться безысходному отчаянию и вновь окунуться в еще более грязный омут порока...

Ф е р д и н а н д *(вырывается из ее объятий; в полном смятении).* Нет, клянусь всевышним!.. Я больше не могу... Леди, я должен... этого требуют земля и небо... Я должен сделать вам признание, леди!

Л е д и *(отпрянув от него).* Только не теперь! Только не теперь, заклинаю вас всем святым... только не в этот страшный миг, когда мое измученное сердце, пронзенное тысячью кинжалов, истекает кровью... Смерть это или жизнь?.. Я боюсь... я не хочу этого признания!

Ф е р д и н а н д. Нет, нет, дорогая миледи! Вы должны меня выслушать. То, что я вам сейчас скажу, смягчит мою вину,— это будет жаркая мольба о прощении... Я в вас ошибся, миледи. Я ожидал... я надеялся, что вы окажетесь достойны моего презрения. Я пришел сюда, твердо решив оскорбить вас и возбудить в вас ненависть. Как бы мы были счастливы оба, если б мне это удалось! *(После небольшого молчания, понизив голос и с некоторой робостью.)* Я люблю, миледи, люблю девушку из мещанской семьи... Луизу Миллер, дочь музыканта. *(Леди бледнеет и отворачивается, а он более уверенным тоном продолжает.)* Я знаю, на что я иду, но если бы даже благоразумие приказало страсти умолкнуть, то тем громче заговорил бы голос долга. Виноват во всем я. Я первый спугнул золотой сон ее невинности, я заронил в ее сердце смелые надежды и допустил, что оно сделалось добычей неукротимой страсти. Вы станете говорить мне о моем положении в

обществе, о моем происхождении, о правилах моего отца... Но я *люблю*... И тем сильнее во мне надежда, чем глубже пропасть между природой и светскими условностями. С одной стороны — мое намерение, с другой — предрассудок! Посмотрим, что же возьмет верх: обычай или человеческая природа.

Леди в это время отходит в дальний угол комнаты и закрывает лицо руками. Фердинанд идет за ней.

Вы хотели мне что-то сказать, миледи?

Леди *(с выражением глубокого страдания)*. Ничего, господин фон Вальтер! Ничего... разве лишь то, что вы губите себя, меня и еще третье лицо.

Фердинанд. Третье?

Леди. Нам всем троим не будет счастья. Нам придется стать жертвами скороспелого решения вашего отца. Я никогда не буду владеть сердцем мужа, раз он отдал мне руку не по своей доброй воле.

Фердинанд. Не по своей доброй воле, миледи? Отдал не по своей доброй воле? А все-таки *отдал?* Значит, вы способны насильно взять руку, взять руку без сердца? Вы способны отнять любимого человека у девушки, для которой он — все? Вы способны оторвать от девушки человека, для которого она — все? И это вы, британка, перед которой за минуту до этого я преклонялся? Вы на это *способны*, миледи?

Леди. Я вынуждена так поступить. *(Строго и веско.)* Моя нежность к вам, Вальтер, сильнее, чем страсть. Но моя честь не позволяет мне поступить иначе... О нашем браке говорит вся страна. Все взоры, все ядовитые стрелы обращены на меня. Если подданный герцога меня отвергнет, это будет для меня несмываемый позор. Добивайтесь своего у отца. Защищайтесь, как можете... Я ни перед чем не остановлюсь! *(Быстро уходит.)*

Майор, ошеломленный, некоторое время стоит неподвижно, затем бросается к выходу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в доме музыканта.
Миллер, жена Миллера, Луиза.

Миллер *(быстро входит)*. Так я и знал!

Луиза *(встревоженная, бросается к нему)*. Что, отец, что?

Миллер *(как сумасшедший бегает по комнате)*. Дайте мне мой парадный сюртук! Скорей! Мне нужно его опередить! И белую сорочку с манжетами!.. О, я живо смекнул!

Луиза. Ради бога, что произошло?

Ж е н а М и л л е р а. Что такое? Что случилось?

М и л л е р *(швыряет на пол свой парик)*. Сейчас же отнесите это к парикмахеру!.. Что случилось? *(Подбегает к зеркалу.)* Опять борода отросла на целый палец!.. Что случилось? Ты еще, дрянь паршивая, спрашиваешь, что такое? Черт знает что такое, прах тебя возьми!

Ж е н а М и л л е р а. Вот так так! Я же во всем виновата!

М и л л е р. Конечно, ты, богомерзкая образина! А то кто же? Ведь это ты сегодня утром тараторила про своего чертова барчука... Я тебе тогда же сказал!.. Вурм все и разблаговестил.

Ж е н а М и л л е р а. Да будет тебе! Почем ты знаешь?

М и л л е р. Почем я знаю? Еще бы не знать! У наших дверей как из-под земли вырос слуга министра и спрашивает скрипача.

Л у и з а. Я погибла!

М и л л е р. И ты тоже, со своими невинными глазками! *(Злобно смеется.)* Видно, правду люди говорят: родится у кого красавица дочка — так и знай, что дело без нечистой силы не обошлось... Теперь мне все ясно.

Ж е н а М и л л е р а. Откуда ты знаешь, что это из-за Луизы? Может, тебя герцогу рекомендовали. Он еще, глядишь, в оркестр тебя возьмет.

М и л л е р *(хватается за трость)*. Чтоб тебя содомским серным дождем испепелило!.. В оркестр! Да, в оркестр, только в такой, где ты, сводница, завизжишь дискантом, а мой исполосованный зад будет заместо контрабаса! *(Падает в кресло.)* Господи боже!

Л у и з а *(бледная как смерть, садится)*. Мать! Отец! Отчего мне вдруг стало так страшно?

М и л л е р *(вскакивает)*. Ну, попадись мне эта канцелярская крыса на узкой дорожке!.. Попадись он мне... не на этом, так на том свете! Не я буду, если я из него всю душу не вытрясу, а шкуру не разукрашу всеми десятью заповедями, семью прошениями из «Отче наш», всеми книгами Моисея и других пророков, да так, чтоб синяки до второго пришествия не сошли...

Ж е н а М и л л е р а. Лайся, бранись! Этим черта не изгонишь!.. Помоги нам, господи! Что нам делать? К кому обратиться? Как быть? Да говори же ты, Миллер! *(С воем бегает по комнате.)*

М и л л е р. Я сейчас прямо к министру! Я сам с ним об этом заговорю, сам ему донесу. Ты прежде меня об этом узнала. Должна была предупредить. Девчонку еще можно было наставить на ум. Тогда бы мы еще успели... Куда! Ты все на что-то зарилась, все на что-то целилась! Все подливала масла в огонь!.. Вот теперь и получай, сводня, награду! Расхлебывай кашу! А я вот возьму дочь, да и махну с ней через границу!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же и Фердинанд фон Вальтер, испуганный, запыхавшийся, вбегает в комнату.

Фердинанд. Мой отец был у вас?
Луиза *(испуганно вздрагивает)*. Ваш отец?.. Боже всемогущий!
Жена Миллера *(всплеснув руками)*. Президент?.. Мы пропали!
Миллер *(злобно смеется)*. Слава богу! Слава богу! Дождались праздничка!
(Вместе.)

Фердинанд *(подбегает к Луизе и сжимает ее в объятиях)*. Ты — моя, хотя бы нас разделили небо и преисподняя!

Луиза. Я сейчас умру... Что ты хотел сказать? Ты произнес ужасное имя... Как? Твой отец?

Фердинанд. Ничего. Ничего. Все уже позади. Ты опять со мной. Я опять с тобой. О, дай мне перевести дух на твоей груди! То были страшные мгновенья.

Луиза. Какие мгновенья? Ты убиваешь меня!

Фердинанд *(отступает и многозначительно смотрит на нее)*. В эти мгновенья, Луиза, между твоим и моим сердцем стал еще некто, в эти мгновенья моя совесть заставила потускнеть любовь мою, в эти мгновенья моя Луиза перестала быть *всем* для своего Фердинанда...

Луиза, закрыв лицо руками, падает в кресло. Фердинанд быстро подходит к ней, молча, вперив в нее неподвижный взгляд, останавливается, затем вдруг отходит.

(В сильном волнении.) Нет! Никогда! Этого не будет, леди! Это свыше моих сил! Я не могу принести тебе в жертву это невинное создание... нет, клянусь предвечным богом! Я не могу преступить клятву, о которой мне внятно, как удар грома, напоминает этот угасающий взор. Взгляни на нее, леди! Взгляни на нее, жестокий отец! Могу ли я умертвить этого ангела? Могу ли я причинить адские муки этой голубиной душе? *(Решительным шагом подходит к ней.)* Я подведу ее к престолу вечного судии, и пусть вседержитель скажет, преступна ли моя любовь. *(Берет ее за руку и поднимает с кресла.)* Не падай духом, моя ненаглядная! Ты восторжествовала! Я вышел победителем в опаснейшей битве!

Луиза. Нет! Нет! Не таи от меня ничего! Произнеси ужасный приговор! Ты упомянул отца? Ты упомянул леди? Меня объемлет смертельный страх... Говорят, она выходит замуж...

Коварство и любовь

Ф е р д и н а н д *(падает как подкошенный к ногам Луизы).* За меня, несчастная!

Л у и з а *(после некоторого молчания, тихим, прерывающимся голосом, до ужаса спокойно).* Что же... что же я так испугалась? Мой отец сколько раз говорил мне... а я все не хотела верить. *(Умолкает; затем, плача навзрыд, бросается в объятия к Миллеру.)* Отец! Дочь твоя снова с тобой... Прости меня, отец! Твое дитя не виновато, что сон был так прекрасен... и так ужасно теперь пробуждение...

М и л л е р. Луиза! Луиза! О боже, она лишилась чувств!.. Дочь моя, бедное мое дитя... Проклятье обольстителю! Проклятье женщине, которая их сводила!

Ж е н а М и л л е р а *(с воплем бросается к Луизе).* Доченька! Неужто я заслужила это проклятие?.. Бог вам судья, барон! Что вам сделала эта овечка? За что вы ее хотите зарезать?

Ф е р д и н а н д *(полный решимости, бросается к Луизе).* Нет, я разрушу его коварство, я порву железные цепи предрассудков, я выберу, кого хочу, как подобает мужчине, и пусть у мелких людишек закружится голова при взгляде на великий подвиг моей любви! *(Хочет уйти.)*

Л у и з а *(дрожа, поднимается с кресла и идет за ним).* Постой, постой, куда ты?.. Отец! Мать! Как? В этот страшный миг он покидает нас?

Ж е н а М и л л е р а *(бежит за ним и не пускает его).* Сейчас придет президент... Он нашу дочку не пощадит... Нас он тоже не пощадит... Господин фон Вальтер, и вы покидаете нас?

М и л л е р *(дико хохочет).* Покидает! Так и должно быть! А как же иначе? Ведь она ему все отдала! *(Одной рукой хватает майора, другой — Луизу.)* Стой, сударь! Уйти из моего дома можно — только перешагнув через нее! Если ты не подлец, дождись сначала своего отца! Расскажи ему, как ты вкрался в ее сердце, обманщик, или... ради создателя... *(толкает к нему Луизу; с бешеной злобой)* раздави сперва эту жалкую букашку, которую любовь к тебе довела до такого позора!

Ф е р д и н а н д *(возвращается и в глубокой задумчивости ходит взад и вперед).* Власть президента велика, это верно... Право отца — понятие широкое... в его складках может укрыться все, вплоть до преступления. Да, оно простирается далеко-далеко! Но до последней крайности доводит только любовь... Ко мне, Луиза! Дай мне свою руку! *(Порывистым движением берет ее за руку.)* Союз наш так же непреложен, как непреложно то, что при последнем моем издыхании господь не оставит меня! Если эти две

руки будут разъединены, в тот же миг порвется нить между мною и мирозданием!

Л у и з а. Мне страшно! Не смотри на меня! Губы у тебя дрожат! Ты так дико вращаешь глазами...

Ф е р д и н а н д. Нет, Луиза! Не бойся! Во мне говорит не безумие. Меня осенило свыше, я предпринял роковой шаг в одно из тех решительных мгновений, когда приходится делать над собой отчаянное усилие, чтобы стесненная грудь вздохнула наконец свободно. Я люблю тебя, Луиза. Ты должна быть моею, Луиза!.. А теперь скорей к моему отцу! *(Устремляется к выходу и в дверях сталкивается с президентом.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Т е ж е и п р е з и д е н т с о с в о и м и с л у г а м и.

П р е з и д е н т *(входя)*. А, он здесь!

Все в ужасе.

Ф е р д и н а н д *(на несколько шагов отступает)*. Да, в доме невинности.

П р е з и д е н т. В том доме, где сына учат, как надо повиноваться отцу?

Ф е р д и н а н д. Предоставьте нам...

П р е з и д е н т *(не давая ему договорить, обращается к Миллеру)*. Вы — отец?

М и л л е р. Я учитель музыки Миллер.

П р е з и д е н т *(жене Миллера)*. А вы — мать?

Ж е н а М и л л е р а. Да, да, мать!

Ф е р д и н а н д *(Миллеру)*. Отец! Уведите дочь, она вся помертвела.

П р е з и д е н т. Не беспокойся, я ее живо вгоню в краску. *(Луизе.)* Как давно вы познакомились с сыном президента?

Л у и з а. Я не разузнавала, кто он такой. Фердинанд фон Вальтер бывает у меня с ноября.

Ф е р д и н а н д. Фердинанд фон Вальтер молится на нее.

П р е з и д е н т. Он просил вашей руки?

Ф е р д и н а н д. Только что — торжественно, как пред лицом всевышнего.

П р е з и д е н т *(сыну, в сердцах)*. Тебе скажут, когда надо будет признаться в собственном безрассудстве. *(Луизе.)* Я жду ответа.

Л у и з а. Он поклялся мне в любви.

Ф е р д и н а н д. И клятвы не нарушит.

П р е з и д е н т. Да замолчишь ли ты наконец?.. И вы поверили его клятве?

Л у и з а *(с нежностью в голосе).* Я тоже ему поклялась.

Ф е р д и н а н д *(твердо).* Наш союз заключен.

П р е з и д е н т. Я велю выбросить вон это эхо. *(Луизе, злобно.)* И он каждый раз платил вам наличными?

Л у и з а *(напряженно думая).* Этот вопрос мне не совсем понятен.

П р е з и д е н т *(с ехидным смехом).* Не понятен? Вот как? А я хотел только сказать, что за труды, как говорится, все что-нибудь да получают. Ведь вы тоже, я полагаю, даром своих ласк не отдавали? Или, быть может, вы находили вкус в самом этом занятии? Что?

Ф е р д и н а н д *(в ярости).* Громы небесные! Что вы хотите этим сказать, отец?

Л у и з а *(майору, с чувством оскорбленного достоинства).* Господин фон Вальтер! Теперь вы свободны!

Ф е р д и н а н д. Отец! Добродетель и в рубище должна вызывать благоговение.

П р е з и д е н т *(смеется громче).* Благодарю покорно! Отец обязан уважать девку своего сына.

Л у и з а. Праведное небо! *(Падает без чувств.)*

Ф е р д и н а н д *(обнажая против президента шпагу и тут же опуская ее).* Отец! Вы дали мне жизнь, я пощадил вашу,— мы в расчете. *(Вкладывая шпагу в ножны.)* Вексель сыновнего долга разорван...

М и л л е р *(до последней минуты робко стоявший в стороне, выступает вперед; вне себя, то скрипя зубами от бешенства, то стуча ими от страха).* Ваше превосходительство! Дитя, не во гнев вам будь сказано, плоть от плоти отца своего. Кто обзывает дочь продажной тварью, тот дает оплеуху отцу, но — пощечина за пощечину... Такая у нас существует такса,— уж не прогневайтесь.

Ж е н а М и л л е р а. Сыне божий, помилуй нас! Старик мой туда же еще!.. Ох, быть грозе!

П р е з и д е н т *(не вполне расслышав).* А, и сводник подает голос? Сейчас мы и с тобой поговорим, сводник!

М и л л е р. Не во гнев вам будь сказано, меня зовут Миллер. Если вам угодно послушать адажио, то я к вашим услугам, а сводничеством я не занимаюсь. Пока двор нужды в том не терпит, мы, мещане, вам не поставщики. Не прогневайтесь.

Ж е н а М и л л е р а. Муж, ради бога! Ты губишь и жену и дочь!

Ф е р д и н а н д. Вы, отец, играете здесь такую роль, что уж лучше было бы вам обойтись без свидетелей.

М и л л е р *(подходит ближе; осмелев)*. Я говорю ясно, ваше превосходительство. Не прогневайтесь. Вершите, как хотите, дела государственные, а здесь я хозяин. Доведется мне быть вашим просителем и прийти к вам, тогда я вам почтение и окажу, но дерзкого гостя я выставляю за дверь. Не прогневайтесь.

П р е з и д е н т *(побледнев от злости)*. Что? Что такое? *(Подходит к нему.)*

М и л л е р *(медленно отступает)*. Это только мое мнение, ваше превосходительство... не прогневайтесь.

П р е з и д е н т *(в неистовстве)*. Ах, мошенник! В смирительный дом тебя за твое наглое мнение... Ступайте! Приведите сюда полицейских!

Некоторые из слуг уходят. Президент в ярости мечется по комнате.

Отца в смирительный дом! Мать и распутную дочь к позорному столбу! Правосудие найдет выход моему негодованию. За такое поношение я должен жестоко отомстить. Всякая мразь будет расстраивать мои замыслы и безнаказанно натравливать сына на отца?.. Ну нет, окаянное отродье! Я утолю свою злобу вашей гибелью, всю вашу семейку — отца, мать, дочь — я принесу в жертву лютой моей мести!

Ф е р д и н а н д *(спокойно и решительно становится между ними)*. Этому не бывать! Не бойтесь! Я тут. *(Президенту, кротко.)* Не торопитесь, отец! Если вам дорога жизнь, не прибегайте к насилию! В моем сердце есть уголок, где слово *отец* еще ни разу не было произнесено... Бойтесь проникнуть туда!

П р е з и д е н т. Молчи, негодяй! Моему терпению приходит конец!

М и л л е р *(выйдя из тягостного оцепенения)*. Смотри за дочкой, жена. Я бегу к герцогу. Герцогский портной,— сам бог мне это внушил,— герцогский портной учится у меня играть на флейте. У герцога я найду защиту. *(Направляется к выходу.)*

П р е з и д е н т. Что? К герцогу? А ты забыл, что я — порог к нему и что если ты не сможешь перешагнуть через этот порог, то непременно сломишь себе шею? К герцогу, дурачина? Попробуй-ка к нему воззвать, когда ты, заживо погребенный, будешь лежать в темнице на целую башню ниже земной поверхности — там, где перемигиваются ночь и ад и куда не проникает ни единый звук, ни единый луч света. Греми тогда своими цепями и вопи: «Где же справедливость на свете?»

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Те же и полицейские.

Фердинанд *(подбегает к Луизе, та замертво падает в его объятия)*. Луиза!.. Спасите! Помогите! Это она от страха!

Миллер хватает камышовую трость, надевает шляпу и готовится к нападению. Жена Миллера падает перед президентом на колени.

Президент *(полицейским, показывая на свой орден)*. Именем герцога, арестуйте их!.. Прочь от девки, мальчишка!.. Сейчас она без памяти, а как наденут на нее железный ошейник да начнут побивать камнями, так живо придет в себя.

Жена Миллера. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Смилуйтесь! Смилуйтесь!

Миллер *(силой поднимает жену)*. Становись на колени перед богом, старая плакса, а не перед... подлецами! Мне все равно не миновать смирительного дома!

Президент *(кусая губы)*. Хорошо еще, если в смирительный дом, мошенник! Для тебя и на виселице местечко найдется. *(Полицейским.)* Сто раз вам повторять?

Полицейские приближаются к Луизе.

Фердинанд *(выпрямляется и заслоняет ее; в исступлении)*. Кто посмеет?.. *(Хватается за шпагу, но не вынимает ее из ножен и защищается эфесом.)* Пусть дотронется до нее тот, кто и череп свой отдал внаймы полиции! *(Президенту.)* Пожалейте себя, отец! Не заходите слишком далеко!

Президент *(полицейским, угрожающе)*. Вы что же это, не дорожите своим куском хлеба, трусы?..

Полицейские снова подступают к Луизе.

Фердинанд. Вражья сила! Назад, говорят вам!.. Повторяю: пощадите себя, отец! Не доводите меня до крайности!

Президент *(полицейским, в бешенстве)*. Так вот ваше усердие, канальи?

Полицейские подступают к Луизе смелее.

Фердинанд. Ну, если так *(обнажает шпагу и ранит некоторых)*, то да простит мне правосудие!

Президент *(в неистовстве)*. Попробуй только до меня дотронуться! *(Вырывает из рук Фердинанда Луизу и передает одному из полицейских.)*

Фердинанд *(с горьким смехом)*. Отец! Отец! Вы злобный пасквиль на божество, ибо оно из превосходного палача сотворило плохого министра!

П р е з и д е н т *(полицейским)*. Уведите ее!

Ф е р д и н а н д. Отец! Если она и станет к позорному столбу, то только вместе с майором, сыном президента!.. Вы и сейчас еще не изменили решения?

П р е з и д е н т. Тем забавнее будет зрелище... Уведите их!

Ф е р д и н а н д. Отец! Я брошу свою офицерскую шпагу к ногам этой девушки... Вы и сейчас еще не изменили решения?

П р е з и д е н т. Ты и так уже замарал честь офицера... Уведите их! Уведите! Мое слово — закон!

Ф е р д и н а н д *(отталкивает одного из полицейских и, одной рукой держа Луизу, другою заносит над нею шпагу)*. Отец! Прежде чем вы мою супругу выставите на позор, я ее заколю... Вы и сейчас еще не изменили решения?

П р е з и д е н т. Заколи, если твой клинок достаточно остер.

Ф е р д и н а н д *(отпускает Луизу и устремляет к небу полный отчаяния взгляд)*. Призываю в свидетели тебя, всемогущий боже! Человеческие средства исчерпаны, обратимся же к средству дьявольскому!.. Ведите ее к позорному столбу, а я в это время *(наклонившись к уху президента, громким шепотом)* расскажу всей столице о том, *как становятся президентами*. *(Уходит.)*

П р е з и д е н т *(как громом пораженный)*. Что такое?.. Фердинанд!.. Отпустите ее! *(Бежит за майором.)*

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал в доме президента.

Входят п р е з и д е н т и секретарь В у р м.

П р е з и д е н т. Сорвалось!

В у р м. Этого я и опасался, ваша милость. Насилие ожесточает мечтателей, но не исправляет их.

П р е з и д е н т. А я как раз очень надеялся на эту меру. Я рассуждал так: если опозорить девчонку, он, как офицер, принужден будет отступить.

В у р м. Прекрасно. Но тогда надо было действительно ее опозорить.

П р е з и д е н т. А все же, если поразмыслить хорошенько, я должен был поставить на своем. Это была с его стороны пустая угроза,— он никогда бы не привел ее в исполнение.

В у р м. Не скажите. Раздраженная страсть способна на любые безумства. Вы сами говорите: господин майор всегда относился неодобрительно к тому, как вы управляете государством. Очень может быть. Правила, которые он вывез из университета, мне тогда же показались достаточно странными. К чему эти несбыточные мечты о величии души и личном благородстве при таком дворе, где наивысшею мудростью почитается особое искусство быть в одно и то же время великим и низким? Ваш сын слишком юн и горяч,— долгий, извилистый путь интриги не по нем, задеть его честолюбие может только что-нибудь грандиозное, из ряду вон выходящее.

П р е з и д е н т *(с раздражением)*. Позвольте, какое отношение имеет ваше глубокомысленное замечание к нашему делу?

В у р м. Оно указывает вашему превосходительству, где надо искать уязвимое место, а может быть, подскажет и способ лечения. Вы меня извините, но человека с таким характером никак нельзя было посвящать в свои тайны, равным образом нельзя было и озлоблять его. Он гнушается теми средствами, благодаря которым вам удалось прийти к власти. Может быть, только сыновнее чувство и держало в нем до сих пор на привязи язык предателя. Дайте ему законный повод заглушить в себе это чувство, убедите его при помощи беспрестанных посягательств на его страсть, что вы совсем не такой нежный отец,— и долг патриота в нем пересилит. Эта дерзновенная мысль — принести правосудию такую неслыханную жертву, свергнуть власть родного отца,— уже сама по себе должна быть для него весьма соблазнительной.

П р е з и д е н т. Вурм, Вурм! К какой страшной бездне вы меня подводите!

В у р м. Я хочу отвести вас от нее, ваша милость. Могу я говорить откровенно?

П р е з и д е н т *(садится)*. Как преступник со своим соучастником.

В у р м. Так вот, прошу меня извинить, но всем своим президентством вы, сколько я понимаю, обязаны своей гибкости, гибкости испытанного царедворца,— почему же вы не проявили ее и как отец? Я помню, с каким невинным видом вы уговаривали вашего предшественника составить партию в пикет и потом, мирно попивая бургонское, сидели у него до полуночи,— а ведь это была та самая ночь, когда готовился взрыв колоссальной мины и бедняге предстояло взлететь на воздух... Зачем вы открыли сыну, кто его враг? Он не должен был подозревать, что мне известны его сердечные дела. Подкоп под этот роман вам надо было вести по направлению к девушке, а сердце сына не трогать. Тогда

бы вы уподобились мудрому полководцу, который не нападает на ядро вражеского войска, а стремится рассеять его силы.

Президент. Но как же этого можно было достигнуть?

Вурм. Весьма просто. Да ведь не все еще потеряно. Позабудьте на некоторое время об отцовских правах, не вступайте в борьбу со страстью сына,— от сопротивления она только усиливается. Позвольте мне на жару этой страсти согреть змею, и вот змея-то ее и поглотит.

Президент. Я вас слушаю.

Вурм. Или я плохо знаю барометр человеческой души, или господин майор так же неистов в ревности, как и в любви. Навлеките на девушку подозрение, справедливое или несправедливое — это уже не важно. Положите один гран дрожжей, и вся масса придет в состояние разрушительного брожения.

Президент. Но где же взять этот гран?

Вурм. Вот мы и подошли к самому главному... Прежде всего, ваша милость, мне бы хотелось знать, чем вы рискуете, если ваш сын будет и дальше вам противиться, и насколько для вас существенно, чтобы его роман с мещаночкой кончился и он вступил в брак с леди Мильфорд?

Президент. Как чем рискую, Вурм? Если брак майора с леди Мильфорд не состоится — то всем своим влиянием; если же я попытаюсь его заставить — то своею головой.

Вурм *(радостно)*. В таком случае сделайте одолжение, выслушайте меня... Господина майора мы возьмем хитростью. Против девушки мы употребим все ваше могущество. Мы продиктуем ей любовную записочку к третьему лицу и записочку эту ухитримся подсунуть майору.

Президент. Чепуха! Кто же это станет сам себе подписывать смертный приговор?

Вурм. Должна будет подписать, если только вы предоставите мне полную свободу действий. Я знаю эту добрую душу как свои пять пальцев. У нее две слабые струнки, и вот на одной из них мы и сыграем. Я разумею ее отца и майора. Майор нам тут не пригодится, так мы ее на музыканта возьмем.

Президент. То есть?

Вурм. Сами же вы, ваше превосходительство, мне рассказывали, какой дебош учинил он у себя в доме; следственно, нам ничего не стоит пригрозить папаше уголовным судом. Особа любимца герцога, особа хранителя печати есть в некотором роде тень государя. Кто оскорбляет государева приближенного, тот оскорбляет его самого. Насчет этого не беспокойтесь: я его, голубчика, так запугаю, что он у меня будет тише воды, ниже травы.

П р е з и д е н т. Но все это только... только для вида.

В у р м. Разумеется! Мы поставим всю семейку на колени,— дальше этого мы не пойдем. Музыканта без лишнего шума под замок, в крайнем случае и маменьку туда же, а с дочкой поведем разговор об уголовной ответственности, эшафоте, пожизненном заключении в крепости и дадим ей понять, что единственная возможность освободить их — это *написать письмецо*.

П р е з и д е н т. Отлично! Отлично! Теперь я понимаю...

В у р м. Она любит своего отца, можно сказать, до страсти... И вот этого отца ожидает казнь, в лучшем случае — тюрьма, девушку мучает совесть, что это из-за нее, с другой стороны — она понимает, что с майором ей придется проститься, голова у нее в конце концов пойдет кругом,— уж я об этом позабочусь, в грязь лицом не ударю,— и она волей-неволей угодит в капкан.

П р е з и д е н т. А мой сын? Ведь он же мигом обо всем проведает? Ведь он же придет в совершенное неистовство?

В у р м. Положитесь на меня, ваша милость,— родители будут выпущены из тюрьмы не прежде, чем вся семья даст клятву держать происшедшее в строжайшей тайне и не раскрывать обмана.

П р е з и д е н т. Клятву? Да чего они стоят, эти клятвы, глупец?

В у р м. Для нас с вами, ваша милость, ничего. Для таких же, как они, клятва — это все. Теперь давайте посмотрим, как это у нас с вами все ловко выйдет. Девушка утратит любовь майора, утратит свое доброе имя. Родители после такой встряски сбавят тон и еще в ножки мне поклонятся, если я женюсь на их дочери и спасу ее честь.

П р е з и д е н т *(смеясь, кивает головой)*. Сдаюсь, сдаюсь, мошенник! Сеть сплетена чертовски тонко. Ученик превзошел своего учителя. Но вот вопрос: на чье имя должна быть записка? Кого бы нам сюда впутать?

В у р м. Разумеется, кого-нибудь такого, кто, в зависимости от решения вашего сына, все выиграет или же все проиграет.

П р е з и д е н т *(немного подумав)*. Я могу назвать только гофмаршала.

В у р м *(пожав плечами)*. На месте Луизы Миллер я бы в восторг не пришел.

П р е з и д е н т. А, собственно говоря, почему? Скажите, пожалуйста! Одет с иголочки, запах eau de mille fleurs [1] и мускуса, что ни слово, то перл,— неужели девчонка из мещанской семьи от всего этого не растает? Ревность вовсе не так разборчива, друг мой! Я пошлю за маршалом. *(Звонит.)*

---

[1] Цветочного одеколона *(франц.)*.

В у р м. Итак, ваше превосходительство, вы побеседуете с маршалом и распорядитесь взять под стражу скрипача, а я пока что успею составить упомянутое любовное послание.

П р е з и д е н т *(подходит к конторке)*. Как только будет готово, принесите его мне для просмотра.

Вурм уходит. Президент садится и пишет. Входит с л у г а. Президент встает и передает ему бумагу.

Это приказ о взятии под стражу, ты его сию же минуту отнесешь в полицию. Скажи, чтоб послали за гофмаршалом.

С л у г а. Его милость сейчас только изволили подъехать.

П р е з и д е н т. Тем лучше. Не забудь сказать, что эти меры должны быть приняты осторожно, чтобы после не было разговоров.

С л у г а. Слушаюсь, ваше превосходительство.

П р е з и д е н т. Понял? Чтоб все было шито-крыто!

С л у г а. Будет исполнено, ваше превосходительство. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

П р е з и д е н т, г о ф м а р ш а л.

Г о ф м а р ш а л *(сыплет словами)*. А я к вам en passant[1], мой драгоценнейший. Как поживаете? Как себя чувствуете? Сегодня дают оперу «Дидона», грандиознейший фейерверк, весь город будет в огнях. Вам хочется посмотреть, как все это будет пылать? Что?

П р е з и д е н т. Нет уж, увольте, у меня в доме такой фейерверк, что как бы все мое могущество не взлетело на воздух. Вы пришли как раз вовремя, дорогой маршал; я буду просить вас помочь мне и словом и делом в одном начинании, которое нас с вами или вознесет еще выше, или уж погубит навеки. Садитесь.

Г о ф м а р ш а л. Не пугайте меня, добрейший.

П р е з и д е н т. Повторяю: вознесет или погубит окончательно. Вы знаете мой проект, касающийся майора и леди Мильфорд. Вам не нужно также объяснять, как важно упрочить наше с вами благополучие. Все может рухнуть, Кальб. Фердинанд не соглашается.

Г о ф м а р ш а л. Не соглашается... не соглашается... а я уж раззвонил по всему городу. Везде только и разговору что об этой свадьбе.

---

[1] Мимоходом *(франц.)*.

П р е з и д е н т. Весь город будет считать вас лгуном. Фердинанд любит другую.

Г о ф м а р ш а л. Шутить изволите! Да разве это препятствие?

П р е з и д е н т. Для такого упрямца — непреодолимое.

Г о ф м а р ш а л. Неужели же он такой сумасброд, что отказывается от собственного счастья? Что?

П р е з и д е н т. Спросите его самого и послушайте, что он вам ответит.

Г о ф м а р ш а л. Ah, mon Dieu![1] Что же он может ответить?

П р е з и д е н т. Что он всему свету расскажет, какое преступление мы совершили, чтобы возвыситься; что он донесет о наших подложных письмах и квитанциях, что он нас обоих выдаст головой,— вот что он вам ответит.

Г о ф м а р ш а л. Да бог с вами!

П р е з и д е н т. Мне он так и ответил. Он уж готов был на все. Я едва-едва удержал его ценою собственного глубочайшего унижения... Ну-с, что скажете?

Г о ф м а р ш а л *(смотрит на него, как баран)*. Это для меня непостижимо!

П р е з и д е н т. И это еще полбеды. Одновременно мои шпионы донесли мне, что обер-шенк фон Бок, того и гляди, посватается за леди Мильфорд.

Г о ф м а р ш а л. Час от часу не легче! Кто, вы сказали? Фон Бок, вы сказали? А вы знаете, что это злейший мой враг? И вы знаете, из-за чего?

П р е з и д е н т. В первый раз слышу.

Г о ф м а р ш а л. Вы только послушайте, мой драгоценнейший, вы своим ушам не поверите... Вы, конечно, помните тот бал во дворце... двадцать лет тому назад... Ну... вот когда еще в первый раз танцевали английскую кадриль, а графу фон Мершауму капнул на домино горячий воск с люстры... Ах, боже мой, да вы, наверно, это помните!

П р е з и д е н т. Еще бы, разве это можно забыть?

Г о ф м а р ш а л. Так вот, видите, принцесса Амалия во время танцев потеряла тогда подвязку. Натурально, все переполошились. Фон Бок и я,— мы были тогда еще камер-юнкерами,— исползали весь бал-маскарадный зал, всё искали подвязку... Наконец я увидел ее... Фон Бок увидел тоже... Фон Бок уж тут как тут, выхватывает ее у меня из рук,— можете себе представить? — подает принцессе, срывает с ее уст комплимент, а я остаюсь с носом... Как вам это понравится?

---

[1] Ах, боже мой! *(франц.)*

П р е з и д е н т. Нахал!

Г о ф м а р ш а л. А я остаюсь с носом... Я чуть в обморок не упал. Неслыханное коварство!.. Наконец я пересиливаю себя, подхожу к принцессе и говорю: «Ваша светлость! Фон Бок имел счастье вручить вам подвязку, но кто первый ее увидел, тот уже втайне вознагражден и безмолвствует».

П р е з и д е н т. Браво, маршал! Брависсимо!

Г о ф м а р ш а л. «И безмолвствует»... Но я не забуду этого фон Боку до Страшного суда. Низкий, угодливый льстец!.. И это еще не все! Когда мы оба присели на пол и потянулись за подвязкой, фон Бок смахнул мне с правой стороны всю пудру с прически, и я на все время бала вышел из строя.

П р е з и д е н т. Так вот, этот самый человек женится на леди Мильфорд и будет первым лицом при дворе.

Г о ф м а р ш а л. Это мне нож в сердце! Первым лицом? Первым лицом? Почему первым лицом? Почему вы думаете, что это непременно так будет?

П р е з и д е н т. Потому что Фердинанд не желает, а больше охотников не найдешь.

Г о ф м а р ш а л. Но разве у вас нет возможности принудить к этому майора? Пусть даже это будет крайняя, отчаянная мера! Для нас теперь все средства хороши, лишь бы убрать с дороги ненавистного фон Бока.

П р е з и д е н т. Я знаю только одно средство, и оно в ваших руках.

Г о ф м а р ш а л. В моих руках? Что вы этим хотите сказать?

П р е з и д е н т. Нужно рассорить майора с его возлюбленной.

Г о ф м а р ш а л. Рассорить? А как вы это себе представляете? Что я должен делать?

П р е з и д е н т. Если нам удастся очернить девушку, значит, мы у цели.

Г о ф м а р ш а л. Распустить слух, что она ворует? Вы это имеете в виду?

П р е з и д е н т. Да нет же! Как это вам могло прийти в голову?.. Что у нее есть другой.

Г о ф м а р ш а л. Кто же именно?

П р е з и д е н т. Этим другим должны быть вы, барон.

Г о ф м а р ш а л. Я? Я? А она дворянка?

П р е з и д е н т. Какое там дворянка! Откуда вы взяли? Она дочь музыканта.

Г о ф м а р ш а л. Так она мещанка? Это мне не подходит. Что?

Президент. То есть как не подходит? Это еще что за дурачество? Кому во всей вселенной взбредет на ум выведывать родословную смазливой девчонки?

Гофмаршал. Но ведь я женат,— примите в рассуждение хоть это! А что будут говорить обо мне при дворе?

Президент. Это дело другое. Извините! Я не знал, что для вас важнее быть человеком строгих правил, нежели человеком влиятельным. Может быть, мы на этом и кончим?

Гофмаршал. Не сердитесь, барон. Я вас не так понял.

Президент *(холодно)*. Нет, нет! Вы совершенно правы. Мне это и самому уже в тягость. Довольно тянуть лямку! Я поздравлю фон Бока с назначением на пост премьер-министра. Свет не клином сошелся. Я подам в отставку.

Гофмаршал. А как же я?.. Вам-то что! Вы человек образованный! А я... Mon Dieu! Если его высочество даст мне отставку, что же я буду собой представлять?

Президент. Позавчерашнюю остроту. Прошлогоднюю моду.

Гофмаршал. Дорогой мой, золотой, умоляю вас: возьмите свои слова назад! Я, со своей стороны, готов на все.

Президент. Так вы даете согласие на то, чтобы в записке, в которой некая Миллер будет назначать рандеву, было указано ваше имя?

Гофмаршал. Господи, конечно!

Президент. И на то, чтобы эту записку обронить в таком месте, где бы она могла попасться на глаза майору?

Гофмаршал. Да я могу на параде как бы нечаянно выронить ее вместе с носовым платком.

Президент. И вы согласны разыгрывать перед майором роль ее любовника?

Гофмаршал. Mort de ma vie![1] Я его проучу! Я покажу этому молокососу, как отбивать у меня красоток!

Президент. Вот это я понимаю!.. Письмо будет готово сегодня же. До вечера вам придется еще раз пожаловать ко мне за письмом, и мы с вами обдумаем, как нам надлежит действовать дальше.

Гофмаршал. Я только сделаю шестнадцать визитов первостепенной важности, и сейчас же к вам. Уж вы меня извините,— я принужден вас покинуть немедля. *(Уходит.)*

Президент *(звонит)*. Я полагаюсь на вашу находчивость, маршал!

Гофмаршал *(обернувшись)*. Ah, mon Dieu! Вы меня знаете.

---

[1] Здесь: проклятие *(франц.)*.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Президент, Вурм.

Вурм. Скрипача и его жену отличнейшим образом, без всяких хлопот, удалось взять под арест. Теперь не угодно ли вашему превосходительству прочитать письмо?

Президент *(прочитав письмо)*. Молодчина, молодчина, секретарь! Маршала мы тоже поддели на удочку! Этот яд способен обратить в гнойную проказу само здоровье. Сейчас мы коечто предложим отцу, а потом как следует примемся за дочку.

Расходятся в разные стороны.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

У Миллера.

Луиза, Фердинанд.

Луиза. Не говори со мной больше об этом. Мне уж не видать счастливых дней. Все мои надежды увяли.

Фердинанд. Зато мои расцвели. Мой отец рвет и мечет. Мой отец обрушит на нас всю свою мощь. Кончится тем, что он убьет во мне сына. Чувство сыновнего долга надо мною уже не властно. Гнев и отчаяние принудят меня разгласить мрачную тайну совершенного им убийства. Сын предаст отца в руки палача. Мы на краю пропасти, но эта пропасть должна была разверзнуться для того, чтобы любовь моя отважилась на головокружительный прыжок. Послушай, Луиза: в моей душе теснится мысль, великая и дерзновенная, как моя страсть... Ты, Луиза, я и наша любовь! Не заключено ли в этом круге все небо? Или тебе не хватает еще чего-то четвертого?

Луиза. Довольно! Перестань! Я бледнею при одной мысли о том, что ты хочешь сказать.

Фердинанд. Нам с тобой ничего не нужно от мира, так зачем же вымаливать его благословение? К чему рисковать там, где мы ничего не выиграем, а потерять можем все? Разве твои глаза перестанут нежно лучиться только оттого, что лучи их отразятся не в волнах Рейна, а в волнах Эльбы или же Балтийского моря? Моя отчизна там, где меня любит Луиза. Следы твоих ног в диких песчаных пустынях мне дороже, чем величественное здание собора в моем родном краю. На что нам вся пышность городов? Где бы мы ни были с тобою, Луиза, всюду восходит и заходит солнце, а это такое дивное зрелище, перед которым бледнеет самая смелая фантазия художника. Пусть мы будем лишены возможности молиться в храмах, зато, когда настанет ночь с ее трепетом восторга, плывущий пó небу месяц будет призывать нас к покаянию,

а звездный храм будет вместе с нами в благоговейном молчании воссылать господу богу хвалу. Ужели мы когда-нибудь устанем говорить о любви? Об одной улыбке моей Луизы можно говорить столетия, а до тех пор, пока я не узнаю, что́ исторгло у нее слезу, я ставлю крест на мечте всей моей жизни.

Л у и з а. А разве у тебя нет иного долга, кроме твоей любви?

Ф е р д и н а н д *(обнимает ее)*. Твой покой — вот мой самый священный долг.

Л у и з а *(очень строго)*. Тогда замолчи и оставь меня. Мне надо подумать о моем отце: все его достояние — единственная дочь, на днях ему исполнится шестьдесят лет, и вот этому-то человеку грозит месть президента...

Ф е р д и н а н д *(прерывает ее)*. Мы возьмем твоего отца с собой... Не спорь, моя любимая! Я тотчас же обращу мои драгоценности в деньги, возьму в долг на имя отца. Разбойника ограбить не грех: все его сокровища — это кровные деньги отечества. Ровно в час ночи сюда подъедет экипаж. Вы с отцом выезжаете сию же секунду — и мы бежим.

Л у и з а. А вслед нам — проклятие твоего отца? Безумец! Даже убийцы проклинают не напрасно; небесный мститель приклоняет слух и к проклятью, которое вырвалось из уст разбойника, привязанного к колесу, а нас, беглецов, оно, подобно призраку, будет неотступно преследовать от моря до моря... Нет, мой любимый! Если я могу удержать тебя лишь ценой преступления, то у меня еще достанет сил потерять тебя.

Ф е р д и н а н д *(стоя неподвижно, угрюмо шепчет)*. И это правда?

Л у и з а. Потерять!.. О, какая бездонно мрачная мысль! Такая страшная, что от нее опускаются крылья у бессмертного духа и блекнет яркий румянец счастья... Потерять тебя, Фердинанд! Но ведь теряют лишь то, чем обладали, а твое сердце принадлежит твоему сословию. Вот и выходит, что я посягаю на его священное достояние, а потому я с содроганием отказываюсь от своих домогательств.

Ф е р д и н а н д *(с искаженным лицом, кусая губы)*. Отказываешься?

Л у и з а. Посмотри на меня, милый Вальтер! Не скрежещи зубами с таким отчаянием! Послушай! Я хочу подать тебе пример и этим примером вдохнуть в тебя мужество. Я хочу показать тебе, что и я способна на геройство; я хочу вернуть отцу блудного сына, хочу отказаться от союза, который грозит подорвать устои общества и разрушить вечный миропорядок. Я преступница. Я взлеляла в своем сердце дерзкие, безрассудные мечты. Мое горе явилось для меня возмездием, так не разрушай же сладостного,

утешительного обмана,— дай мне себя убедить, что я сама пожертвовала своим счастьем... Неужели ты лишишь меня этой отрады?

Фердинанд, поглощенный своими мыслями, берет в руки скрипку, пробует играть, затем в порыве ярости рвет струны, разбивает инструмент об пол и разражается громким смехом.

Вальтер! Боже милосердный! Что с тобой? Не предавайся отчаянию! Нам нужно быть твердыми — настал час разлуки. Милый мой Вальтер! Я знаю твое сердце. Твоя любовь живительна, как сама жизнь, и беспредельна, как сама бесконечность. Принеси ее в дар более знатной и более достойной избраннице, и самые счастливые женщины в мире уже не возбудят в ней зависти. *(Подавляя слезы.)* Мы не должны с тобою видеться. Тщеславная, обманувшаяся девушка выплачет свою кручину в четырех стенах, слезы ее никого не разжалобят. Пусто и мертво мое будущее... И все же я буду порою вдыхать аромат увядших цветов минувшего. *(Отвернувшись, протягивает ему дрожащую руку.)* Прощайте, господин фон Вальтер!

Фердинанд *(выйдя из оцепенения)*. Я покидаю родину, Луиза. Ужели ты не последуешь за мной?

Луиза *(садится в глубине комнаты и закрывает лицо руками)*. Мой долг повелевает мне остаться и страдать.

Фердинанд. Ты лжешь, змея! Тебя привязывает здесь что-то другое!

Луиза *(с глубокой душевной мукой)*. Думайте так... если вам от этого легче.

Фердинанд. Холодные рассуждения в ответ на мою любовь? Ты хочешь обмануть меня этой басней? Любовник — вот что тебя здесь держит. Ну так горе тебе и ему, если я окажусь прав в своих подозрениях! *(Быстро уходит.)*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Луиза, одна, молча и неподвижно сидит, откинувшись на спинку кресла, затем поднимается и, пугливо озираясь, делает несколько шагов вперед.

Луиза. Что так долго нет моих родителей? Отец обещал вернуться через несколько минут, а прошло уже целых пять страшных часов. Уж не случилось ли с ним недоброе?.. Что со мной? Отчего мне так трудно дышать?

Входит Вурм и, не замеченный Луизой, останавливается в глубине комнаты.

Нет, мне только так кажется... Это шутит со мной злые шутки разгоряченная кровь... Едва лишь в сердце поселился страх, как уже очам нашим чудятся привидения в каждом углу.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Луиза, секретарь Вурм.

Вурм *(подходит ближе)*. Добрый вечер, барышня!

Луиза. Боже мой! Кто это? *(Оглядывается, замечает секретаря и в испуге отшатывается.)* Вот оно! Вот оно! С ужасом вижу, что мое дурное предчувствие меня не обманывает. *(Секретарю, окидывая его взглядом, полным презрения.)* Вам нужен президент? Он уже ушел.

Вурм. Нет, барышня, мне нужны вы.

Луиза. В таком случае странно, что вы не пошли на рыночную площадь.

Вурм. Почему же именно туда?

Луиза. Подошли бы к позорному столбу и увели свою невесту.

Вурм. Мамзель Миллер! Ваши подозрения неосновательны...

Луиза *(сдерживаясь)*. Что вам угодно?

Вурм. Меня к вам послал ваш отец.

Луиза *(поражена)*. Мой отец?.. Где же он?

Вурм. Там, откуда он не прочь был бы уйти.

Луиза. Говорите, ради бога, скорее! Сердце мое чует недоброе... Где мой отец?

Вурм. В тюрьме, если уж вам так хочется знать.

Луиза *(возведя глаза к небу)*. Еще один удар! Еще!.. В тюрьме? Почему в тюрьме?

Вурм. По приказанию герцога.

Луиза. Герцога?

Вурм. За оскорбление его высочества в лице его превосходительства.

Луиза. Что такое? Что такое?.. Силы небесные!

Вурм. И герцог намерен подвергнуть его за это самому суровому наказанию.

Луиза. Этого еще недоставало! Только этого!.. Да, правда, да, правда, в сердце моем была еще одна святыня, кроме Фердинанда, и я ее не сберегла... Оскорбление его высочества?.. Царь небесный! Укрепи, укрепи мою слабеющую веру!.. А что Фердинанд?

Вурм. Перед ним выбор: леди Мильфорд или отцовское проклятие и лишение наследства.

Луиза. Нечего сказать, свободный выбор! И все же... и все же он счастливей меня. У него нет отца, ему некого терять. Впрочем, не иметь отца — удел не менее горестный!.. Мой отец в тюрьме за оскорбление его высочества, моего возлюбленного ожидает женитьба на леди Мильфорд или проклятие и лишение наследства,— тут поневоле призадумаешься! Совершенная под-

лость есть тоже своего рода совершенство... Совершенство? Нет! Это еще не полная мера... Где моя мать?

Вурм. В рабочем доме.

Луиза *(с горькой улыбкой)*. Переполнилась чаша, переполнилась... Теперь я свободна... У меня уже ничего не осталось: ни обязанностей, ни слез, ни радостей. Не осталось веры в божественный промысел. Все это мне уже не нужно... *(В ужасе умолкает.)* Может быть, у вас есть еще какие-нибудь вести? Говорите начистоту. Теперь я все могу выслушать.

Вурм. Что случилось — вы знаете...

Луиза. Но не знаю, что еще произойдет! *(Молча оглядывает его с ног до головы.)* Жаль мне тебя! Невеселое занятие ты себе выбрал, царства небесного оно тебе не откроет. Делать людям зло — само по себе чудовищно, но еще ужаснее — зловещей совою влетать к ним, приносить недобрые вести, смотреть, как обливающееся кровью сердце трепещет на железном стержне необходимости и как христиане теряют веру в провидение... Нет, боже избави! Даже если б за каждую слезу отчаяния, исторгнутую тобой, тебе давали бочку золота, я бы не хотела быть на твоем месте... Что же еще может случиться?

Вурм. Не знаю.

Луиза. Вы *не хотите* знать?.. Эта ваша весть прячется от света и боится звуков голоса, но в мертвой тишине вашего взгляда предо мною встает призрак... Что же может быть еще? Вы только что сказали, что герцог намерен подвергнуть моего отца *суровому* наказанию. Что вы называете *суровым*?

Вурм. Не спрашивайте больше ни о чем.

Луиза. Послушай! Ты, наверное, был подручным у палача. Иначе откуда бы у тебя взялось уменье медленно и верно проводить железом по хрустящим суставам и томить сжимающееся сердце ожиданием последнего удара?.. Что грозит моему отцу? За словами, которые ты произносишь с усмешкой, стоит смерть. Что ты таишь в себе? Говори все. Выпусти весь свой смертоносный заряд. Что грозит моему отцу?

Вурм. Криминальный процесс.

Луиза. А что это такое? Я девушка необразованная, неученая, все эти ваши мудреные латинские слова меня только пугают. Что значит криминальный процесс?

Вурм. Суд на жизнь и смерть.

Луиза *(твердо)*. Благодарю вас. *(Быстро уходит в боковую комнату.)*

Вурм *(озадачен)*. Это еще что такое? Неужели эта дурочка... Черт возьми! А вдруг она... Пойду посмотрю... Ведь я за нее отвечаю. *(Направляется к ней.)*

Л у и з а *(выходит в верхнем платье)*. Извините, господин секретарь. Я должна запереть комнату.

В у р м. Куда вы так спешите?

Л у и з а. К герцогу. *(Хочет уйти.)*

В у р м Что? К кому? *(В испуге старается ее удержать.)*

Л у и з а. К герцогу. Вы разве не слышите? К тому самому герцогу, который хочет судить на жизнь и смерть моего отца... Нет, он не хочет, он вынужден его судить, потому что этого хотите вы, злодеи! Участие же герцога во всем этом процессе об оскорблении его высочества сводится к тому, что он предоставляет в распоряжение судей свой высокий титул и свою княжескую подпись.

В у р м *(с громким смехом)*. К герцогу!

Л у и з а. Я знаю, чему вы смеетесь. Но я на сострадание и не рассчитываю, боже меня сохрани! Только на нежелание... на нежелание слушать мои вопли. Говорят, что власть имущие до сих пор не научились понимать горе, что они и не хотят его понимать. Я открою герцогу, что такое горе, я буду корчиться в муках,— и он увидит, что такое горе; я буду терзать его слух душераздирающими стонами,— и он поймет, что такое горе. Когда же у него от этого зрелища волосы встанут дыбом, я громко крикну ему на прощанье, что в смертный час и у земных богов клокочет в груди и что Страшный суд и королей и нищих просеет в одном решете. *(Направляется к выходу.)*

В у р м *(со злобной радостью)*. Идите, идите! Умнее вы ничего не могли придумать! Я советую вам идти, даю вам слово, что герцог исполнит вашу просьбу.

Л у и з а *(вдруг останавливается)*. Что вы сказали? Вы советуете мне идти? *(Быстро возвращается.)* Ах! Что же я делаю? Уж если этот человек советует мне идти, значит, в этом есть что-то предосудительное... Почему вы думаете, что герцог исполнит мою просьбу?

В у р м. Потому что он этого не сделает даром.

Л у и з а. Не сделает даром? Какую же цену назначит он за доброе дело?

В у р м. Такая хорошенькая просительница — достаточно высокая цена.

Л у и з а *(выйдя из столбняка, прерывающимся голосом)*. Боже праведный!

В у р м. Столь умеренная плата за спасение отца, смею думать, не покажется вам непосильной?

Л у и з а *(ходит по комнате; вне себя)*. Да! Так! Все эти ваши земные владыки, словно мечами херувимов, защищены...

защищены от правды своими пороками... Отец, да поможет тебе всевышний! Твоя дочь скорее умрет за тебя, нежели согрешит.

В у р м. Это будет полной неожиданностью для бедного, всеми оставленного узника. Он мне сказал: «Моя Луиза низринула меня в пучину зол, моя Луиза меня оттуда и вызволит...» Ваш ответ, мамзель, я передам ему незамедлительно. *(Делает вид, что направляется к выходу.)*

Л у и з а *(бежит за ним и останавливает его)*. Куда вы? Постойте!.. Каким проворным сразу становится этот сатана, когда ему нужно довести людей до безумия!.. Я погубила отца, я же должна его и спасти! Скажите мне, посоветуйте, что я могу, что я должна сделать?

В у р м. Есть только одно средство.

Л у и з а. И это — *единственное* средство?

В у р м. Ваш отец тоже вам советует...

Л у и з а. Мой отец тоже?.. Какое же это средство?

В у р м. Для вас это средство легкое.

Л у и з а. Для меня нет ничего тяжелее позора.

В у р м. К вам у нас только одна просьба: чтобы майор был свободен.

Л у и з а. Свободен от любви ко мне?.. Да вы издеваетесь надо мной? Вы спрашиваете, можно ли взять у меня то, что у меня уже отняли силой?

В у р м. Не в этом дело, милая барышня. Нужно, чтобы майор отступился первый, и притом добровольно.

Л у и з а. Он этого не сделает.

В у р м. Возможно. Но если бы это не зависело только от вас, зачем бы нам понадобилась ваша помощь?

Л у и з а. Но чем же можно оттолкнуть его от меня?

В у р м. Попробуем. Присядьте.

Л у и з а *(в смятении)*. Что у тебя на уме?

В у р м. Присядьте. Пишите! Вот перо, бумага и чернила.

Л у и з а *(крайне встревоженная, садится)*. Что я должна писать? Кому я должна писать?

В у р м. Палачу вашего отца.

Л у и з а. Как, однако, ты ловко умеешь истязать человеческую душу! *(Берет перо.)*

В у р м *(диктует)*. «Милостивый государь...»

Луиза дрожащею рукою пишет.

«Прошло уже три мучительных дня... мучительных дня... как мы не видались».

Л у и з а *(в изумлении бросает перо)*. Кому это письмо?

В у р м. Палачу вашего отца.

Л у и з а. О боже!

В у р м. «Это все из-за майора... из-за майора... который по целым дням стережет меня, словно Аргус».

Л у и з а *(вскакивает)*. Неслыханная подлость! Кому это письмо?

В у р м. Палачу вашего отца.

Л у и з а *(ломая руки, ходит взад и вперед)*. Нет, нет, нет! Господи, что же это за пытка! Если человек тебя прогневал, карай его человечно, но зачем же ты ставишь меня между двумя страшными провалами? Зачем ты бросаешь меня от смерти к позору? Зачем ты позволяешь сидеть у меня на шее этому кровожадному дьяволу?.. Делайте, что хотите. Я ни за что не стану писать.

В у р м *(берется за шляпу)*. Как вам угодно, мадемуазель! Это всецело в вашей воле.

Л у и з а. В моей воле? Что вы сказали? В моей воле?.. Ты смеешься, варвар! Подвесь несчастного над адской бездной, проси его о чем-нибудь и злорадно нашептывай ему, что это в его воле... О, ты отлично знаешь, что наши родственные привязанности не вырвать из нашего сердца!.. А впрочем, все равно. Диктуйте дальше! Я больше вам ничего не скажу. Перед кознями ада я бессильна. *(Снова садится.)*

В у р м. «По целым дням стережет меня, словно Аргус...» Написали?

Л у и з а. Дальше! Дальше!

В у р м. «Вчера у нас был президент. Трудно было удержаться от смеха при виде того, как бедный майор защищал мою честь...»

Л у и з а. Прекрасно! Прекрасно! Бесподобно! Продолжайте в том же духе!

В у р м. «Чтобы не расхохотаться, я притворилась, что мне дурно... что мне дурно...»

Л у и з а. О боже!

В у р м. «Но долго носить маску я не в силах... не в силах... Когда же я наконец избавлюсь от майора!..»

Л у и з а *(перестает писать, поднимается и, низко опустив голову, точно что-то ищет на полу, начинает ходить по комнате, потом снова садится и пишет)*. «Избавлюсь от майора...»

В у р м. «Завтра он на службе... Заметьте, когда он уйдет от меня, и приходите в условленное место...» Написали «в условленное»?

Л у и з а. Все написала!

В у р м. «В условленное место к нежно любящей вас... Луизе».

Л у и з а. Теперь только адрес.

В у р м. «Господину гофмаршалу фон Кальбу».

Л у и з а. О мой создатель! Имя это столь же чуждо моему

слуху, сколь чужды моей душе постыдные эти строки. *(Встает и устремляет на письмо неподвижный взгляд. Затем, после продолжительного молчания, передает его секретарю; слабым, упавшим голосом.)* Вот, милостивый государь! Мое доброе имя, Фердинанд, счастье всей моей жизни — все это теперь в ваших руках... Я осталась нищей.

Вурм. Полно! Не унывайте, милая барышня! Мне от души вас жаль. Кто знает? Может статься... Я бы на некоторые вещи посмотрел сквозь пальцы... Ей-богу, право! Ведь мне же вас жалко...

Луиза *(смотрит на него неподвижным, пронизывающим взглядом)*. Не договаривайте, милостивый государь. Вы накличете на себя беду.

Вурм *(хочет поцеловать у нее руку)*. А что за беда, если я попрошу у вас эту прелестную ручку? Что вы на это скажете, милая барышня?

Луиза *(гордо и грозно)*. Скажу, что задушила бы тебя в первую же брачную ночь, а затем с наслаждением отдала себя на колесование. *(Направляется к выходу и сейчас же возвращается.)* Все, милостивый государь? Теперь я вольная птица?

Вурм. Осталась сущая безделица, милая барышня. Вы пойдете со мной и дадите присягу, что написали это письмо по собственному желанию.

Луиза. Боже! Боже! И ты скрепишь своею печатью дело рук сатаны?

Вурм уводит ее.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал в доме президента.

Фердинанд фон Вальтер с распечатанным письмом в руке вбегает в одну дверь; в другую входит слуга.

Фердинанд. Маршала здесь не было?

Слуга. Господин майор! Вас просит к себе господин президент.

Фердинанд. Я тебя спрашиваю, черт возьми: маршала здесь не было?

Слуга. Его милость играет наверху в фараон.

Фердинанд. Хотя бы его милость играла с самим дьяволом, все равно пусть пожалует сюда!

Слуга уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Фердинанд, один, пробегает письмо и то мечется, как безумный, по комнате, то застывает на месте.

Фердинанд. Не может быть! Не может быть! В небесной оболочке не может скрываться сердце дьявола... И все же... и все же... если б даже все ангелы слетели с горней высоты и поручились за ее невинность, если б земля и небо, если б творение и сам творец единодушно поручились за ее невинность, то все же это ее почерк. Неслыханный, чудовищный обман, какого еще не знало человечество!.. Вот почему она так упорно не хотела со мной бежать! Вот причина, боже мой! Теперь я прозрел, теперь мне все стало ясно! Вот почему она отказалась от моей любви, отказалась столь самоотверженно, что я чуть было не дался в обман этой личине ангела! *(Все стремительнее мечется по комнате, затем опять останавливается в раздумье.)* Так хорошо меня знать! Отзываться на каждое смелое движение чувства, на каждый легкий, робкий трепет, на каждый пламенный порыв... Угадывать мое душевное состояние по тонким, неуловимым оттенкам в голосе, понимать меня в каждой моей слезе, взбираться вместе со мной на головокружительные вершины страсти, оберегать меня от крутых обрывов... Боже! Боже! И все это одно притворство? Притворство! О, если ложь так искусно умеет перекрашиваться, почему же ни один бес до сих пор не пробрался в царство небесное?.. Когда я ей сказал, что наша любовь в опасности, с какой напускной естественностью побледнела эта притворщица! С каким победоносным достоинством отразила она дерзкую насмешку моего отца! А между тем в глубине души она же сознавала, что она виновна!.. Но разве притворщица выдержала испытание огнем истины? Нет, она просто упала в обморок. Каким языком заговоришь ты теперь, чувствительное создание? Прелестницы тоже падают в обморок. Что ты скажешь в свое оправдание, невинное существо? Ведь и развратницы падают в обморок... Она знает, что она со мной сделала. Она видела насквозь мою душу. Когда я покраснел от первого поцелуя, мое сердце отразилось в моих глазах. Неужели в этот миг она ничего не почувствовала? Или, быть может, она почувствовала гордость за свое искусство? Счастливый безумец, я воображал, что в ней заключено все небо, нечистые желания во мне умолкли, в мыслях у меня были только вечность и эта девушка... Боже! А она в это время ничего не чувствовала? Ничего не сознавала, кроме того, что ее дело идет на лад? Ничего, кроме своей неотразимости?.. Смерть и мщение!.. Ничего, кроме того, что ей удалось меня провести?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Гофмаршал, Фердинанд.

Гофмаршал *(семенит по комнате)*. Вы изъявили желание, мой драгоценнейший...

Фердинанд *(про себя)*. Свернуть мерзавцу шею! *(Вслух.)* Послушайте, маршал: во время парада вы, по-видимому, выронили из кармана вот это письмо, а я *(злобно смеясь)*, на свое счастье, его нашел.

Гофмаршал. Да что вы?

Фердинанд. Чистая случайность. Никто, как бог.

Гофмаршал. Вы меня пугаете, барон.

Фердинанд. Читайте! Читайте! *(Отходит от него.)* Если уж я не гожусь в любовники, то, может быть, из меня выйдет недурной сводник.

Гофмаршал читает, Фердинанд подходит к стене и снимает пару пистолетов.

Гофмаршал *(бросает на стол письмо и собирается удрать)*. А, черт!

Фердинанд *(тащит его назад)*. Не спешите, любезный маршал. Мне кажется, это письмо не содержит ничего неприятного. А теперь — нашедшему вознаграждение. *(Показывает пистолеты.)*

Гофмаршал *(в ужасе пятится)*. Не теряйте разума, драгоценнейший!

Фердинанд *(громким, повергающим в ужас голосом)*. Разума у меня более чем достаточно, чтобы такого мерзавца, как ты, отправить на тот свет! *(Вкладывает ему в руку пистолет и вынимает носовой платок.)* Нате! Держите платок! Мне его подарила любовница!

Гофмаршал. Через платок? Вы с ума сошли! Что это вам вздумалось?

Фердинанд. Держи тот конец, тебе говорят! Иначе же ты промахнешься, трус! Как он дрожит, этот трус! Ты еще должен бога благодарить, трус, что в первый раз в жизни твоя пустая башка хоть чем-нибудь будет набита.

Гофмаршал хочет улизнуть.

Ни с места! Никто вас отсюда не выпустит. *(Обгоняет его и запирает дверь.)*

Гофмаршал. Как, барон, в комнате?

Фердинанд. А что же, к городскому валу с тобой для этого идти? Здесь, мой милый, треску будет больше,— по всей вероятности, это будет первый случай в твоей жизни, когда ты наделаешь шуму в обществе. Целься!

Гофмаршал *(вытирает лоб)*. Но ведь вы же человек молодой, подающий надежды, неужели вам не дорога жизнь?

Фердинанд. Целься, тебе говорят! Мне больше нечего делать на этом свете.

Гофмаршал. А у меня дел выше головы, мой дражайший!

Фердинанд. У тебя, мразь? У тебя? Служить затычкой там, где все меньше становится настоящих людей? В одно мгновение семь раз сжаться и семь раз вытянуться, как жук на булавке? Аккуратнейшим образом записывать, когда и как подействовал желудок у твоего государя, и служить мишенью для его острот? С таким же успехом и я могу тебя всем показывать, как диковинного сурка. Словно ручная обезьяна, будешь ты танцевать под вой грешников, носить поноску, стоять на задних лапах и своими придворными фокусами смешить даже тех, кто впал в безысходное отчаяние.

Гофмаршал. Все, что вам заблагорассудится, милостивый государь, все, что вам будет угодно... только уберите пистолеты!

Фердинанд. Полюбуйтесь на это чадо греха! Полюбуйтесь на этот позор шестому дню творения! Можно подумать, что, после того как он был сотворен всевышним, его переиздал тюбингенский книгопродавец!.. Жаль только, бесконечно жаль унцию мозга, которая зря пропадает в твоем пустопорожнем черепе! Взять бы эту единственную унцию и передать павиану,— может быть, ему только ее и недостает, чтобы стать человеком, а сейчас это всего лишь крохотная доля человеческого ума... И с этим ничтожеством я должен делить ее сердце? Чудовищно! Немыслимо! Этот красавчик скорее создан отвращать от соблазна, а не вводить в искушение.

Гофмаршал. Слава тебе, господи! Он начинает острить.

Фердинанд. Нет, я его не трону! Щадим же мы гусениц, значит, можно пощадить и его. При встрече с ним иные только пожмут плечами и, уж верно, дадутся диву, сколь мудро распоряжается небо: даже вот таких тварей оно хоть отбросами и подонками, а все-таки кормит; оно и ворону готовит трапезу на месте казни, и царедворца питает нечистотами коронованных особ. В конце концов нельзя не отдать должного миродержавной воле провидения, ибо оно даже среди существ, у которых есть душа, держит на жалованье медянок и тарантулов, чтобы было кому источать яд. Но пусть только *(с новой яростью)* ядовитое насекомое не подползает к моему цветку, иначе я его *(схватывает маршала и немилосердно трясет)* и так, и эдак, и вот так, живого места не оставлю!

Гофмаршал *(тихонько охая)*. Господи! Как бы мне только ноги унести! За сто миль отсюда, хоть в Бисетр под Парижем, лишь бы подальше от него!

Фердинанд. Негодяй! Что, если ты ее уже совратил? Негодяй! Что, если ты уже насладился той, перед которой я благоговел? *(В неистовстве.)* Что, если ты прелюбодействовал там, где я ощущал себя богом? *(Внезапно умолкает, затем снова — угрожающе.)* Тогда, негодяй, беги лучше в ад, иначе мой гнев настигнет тебя и в раю! Как далеко зашел ты с этой девушкой? Признавайся!

Гофмаршал. Отпустите меня! Я вам все открою.

Фердинанд. О, с этой девушкой, уж верно, приятней развратничать, чем строить воздушные замки с другими! Так, значит, она просто распутница, так, значит, под мнимым душевным величием здесь скрывается низость, под напускной добродетелью — блуд? *(Приставляет пистолет к сердцу маршала.)* Как далеко ты зашел с ней? Признавайся, а не то спущу курок!

Гофмаршал. Не в чем, положительно не в чем! Запаситесь терпением хоть на минуту! Вы обмануты...

Фердинанд. И ты мне еще напоминаешь об этом, злодей? Как далеко ты зашел с ней? Признавайся, иначе тебе конец!

Гофмаршал. Mon Dieu! Боже мой! Ведь я же вам говорю... Выслушайте меня... Отец... родной отец...

Фердинанд *(в исступлении)*. Свел свою дочь с тобой? И как далеко ты зашел с ней? Признавайся, или я тебя убью!

Гофмаршал. Вы вне себя. Вы ничего не слышите. Я ее никогда не видел. Я с ней незнаком. Я не имею о ней ни малейшего понятия.

Фердинанд *(отступая)*. Ты ее не видел? Ты с ней незнаком? Ты не имеешь о ней ни малейшего понятия? Луиза Миллер из-за тебя погибла, а ты, не переводя дыхания, трижды от нее отрекаешься?.. Вон, подлец! *(Наносит ему удар пистолетом и выталкивает из комнаты.)* Для таких, как ты, еще не выдуман порох!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фердинанд один.

Фердинанд *(после долгого молчания, во время которого на его лице все явственнее проступает страшная мысль)*. Погиб! Да, несчастная! Я погиб. И ты тоже. Да, свидетель бог, если я, то и ты... Судия вселенной! Не требуй ее у меня! Девушка эта — моя. Я уступил тебе за нее весь мир, отказался от всего твоего дивного творения. Оставь мне эту девушку!.. Судия вселенной,

к тебе взывают миллионы душ! Обрати на них свой сострадательный взор, судия вселенной, мне же предоставь действовать самому! *(Складывает руки на груди; лицо его принимает грозное выражение.)* Ужели всевластный, всеми обладающий творец не захочет расстаться с одной лишь душой, и к тому же еще худшей во всем его творении? Девушка эта — моя! Я был для нее богом, так буду и дьяволом! *(Смотрит в одну точку жутким взглядом.)* Целую вечность, сплетшись телами, провисеть с нею на колесе божьего проклятия... глаза в глаза... волоса у обоих дыбом... наши глухие стоны сливаются воедино... а я все твержу ей нежные слова... а я все повторяю ей ее же клятвы... Боже! Боже! Какое это страшное обручение, но зато вечное!..

Быстрыми шагами идет к выходу, навстречу ему п р е з и д е н т.

СЦЕНА ПЯТАЯ

П р е з и д е н т, Ф е р д и н а н д.

Ф е р д и н а н д *(отступая)*. О! Мой отец!..

П р е з и д е н т. Как хорошо, что я тебя встретил, сын мой! Я шел сообщить тебе нечто приятное, и притом, мой милый сын, нечто совершенно для тебя неожиданное. Присядем?

Ф е р д и н а н д *(долго, пристально на него смотрит)*. Отец мой! *(Не помня себя от волнения, бросается к нему и берет его за руку.)* Отец мой! *(Целует ему руку и опускается перед ним на колени.)* О мой отец!

П р е з и д е н т. Что с тобой, сын мой? Встань! Руки у тебя горят и дрожат.

Ф е р д и н а н д *(в бурном приливе чувств)*. Простите мне мою неблагодарность, батюшка! Я гадкий человек. Я не ценил вашей доброты! Вы проявили ко мне истинно отеческую заботу... О, вы были так прозорливы!.. Но теперь уже поздно... Простите! Простите! Благословите меня, батюшка!

П р е з и д е н т *(делает вид, что ничего не понимает)*. Встань, сын мой! Что с тобой нынче? Ты говоришь загадками!

Ф е р д и н а н д. Луиза Миллер, батюшка... О, вы знаете людей!.. Ваш гнев был тогда так справедлив, так благороден, так отечески пылок, но только это пылкое отеческое чувство напало на ложный след... Луиза Миллер...

П р е з и д е н т. Не мучь себя, сын мой! Я проклинаю свою жестокость! Я пришел просить у тебя прощения.

Ф е р д и н а н д. Просить у меня прощения?.. Меня надо проклясть! Вы были мудры в своей суровости. Вы были ангельски добры в своей жестокости... Луиза Миллер, батюшка...

П р е з и д е н т. Славная, честная девушка. Признаюсь, я судил о ней опрометчиво. Она заслужила мое уважение.

Ф е р д и н а н д *(пораженный, срывается с места)*. Как, и вы тоже?.. Батюшка, и вы?.. Не правда ли, батюшка, это сама невинность? Не правда ли, это так естественно — полюбить ее?

П р е з и д е н т. Скажи лучше, преступление не полюбить ее!

Ф е р д и н а н д. Неслыханно! Чудовищно!.. А ведь вы насквозь видите сердца! К тому же вы смотрели на нее глазами ненависти!.. Поразительное лицемерие!.. Луиза Миллер, батюшка...

П р е з и д е н т. Достойна стать моей дочерью. Ее добродетель служит в моих глазах заменой знатности, ее красота — заменой богатства. Мои правила отступают перед твоей любовью... Отныне она твоя!

Ф е р д и н а н д *(в ужасе бежит из комнаты)*. Да что же это такое?.. Прощайте, батюшка! *(Убегает.)*

П р е з и д е н т *(идет за ним)*. Постой! Постой! Куда ты? *(Уходит.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Богато убранный зал в доме леди Мильфорд.
Входят л е д и и С о ф и.

Л е д и. Так ты ее видела? Она придет?

С о ф и. Сию минуту. Она была одета по-домашнему и хотела только наскоро переменить платье.

Л е д и. Не говори мне о ней ничего... Молчи... При одной мысли о том, что я увижу эту счастливицу, чувства которой находятся в такой ужасающей гармонии с моим сердцем, я трепещу, как преступница... Что же она тебе сказала в ответ на приглашение?

С о ф и. Она, как видно, была удивлена, призадумалась, впилась в меня глазами и долго молчала. Я думала, она сейчас начнет отнекиваться, но она как-то странно на меня посмотрела и говорит: «Я сама хотела просить об этом завтра вашу госпожу».

Л е д и *(в сильном волнении)*. Оставь меня, Софи. Пожалей меня. Мне придется краснеть, даже если она окажется обыкновенной женщиной; если же она женщина незаурядная, то это и вовсе меня убьет.

С о ф и. Однако, миледи, сегодня у вас не такое расположение духа, чтобы принимать соперницу. Вспомните, кто вы. Призовите на помощь свой знатный род, свое звание, свою власть. Пусть ваше гордое сердце придаст еще больше величия вашей гордой красе.

Л е д и *(в рассеянности)*. Что там болтает эта дурочка?

Софи *(злобно)*. Ведь не случайно же на вас сегодня сверкают самые дорогие брильянты? Не случайно же на вас сегодня самые пышные ткани, ваша приемная битком набита гайдуками и пажами, а бедную девушку, простую мещанку, собираются принимать в самом роскошном зале вашего дворца?

Леди *(ходит взад и вперед; с досадой)*. Проклятье! Это несносно! У женщин всегда бывает рысья зоркость на женские слабости!.. Но как же низко, как же низко я пала, если даже такая тварь и та видит меня насквозь!

Камердинер *(входит)*. Мамзель Миллер!..

Леди *(к Софи)*. Прочь! Убирайся!

Софи медлит.

(Угрожающе.) Прочь! Я что сказала?

Софи уходит.

(Пройдясь по залу.) Это хорошо! Очень хорошо, что я в таком возбуждении! Этого мне и хотелось. *(Камердинеру.)* Попросите мамзель сюда.

Камердинер уходит. Леди бросается на софу и принимает важную и вместе с тем непринужденную позу.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Луиза Миллер робко входит и останавливается на большом расстоянии от леди. Леди поворачивается к ней спиной и внимательно рассматривает ее в стоящем напротив зеркале. Молчание.

Луиза. Что прикажете, сударыня?

Леди *(поворачивается лицом к Луизе и с безучастным, отчужденным видом небрежно кивает ей)*. А, вы здесь?.. Вы, конечно, и есть мамзель... мамзель... в самом деле, как вас зовут?

Луиза *(слегка задета)*. Моего отца зовут Миллер, а ваша милость посылала за его дочерью.

Леди. Верно! Верно! Я вспомнила... Дочь бедного скрипача, о вас недавно был разговор. *(После некоторого молчания, про себя.)* Очень мила, но совсем не красавица... *(Луизе.)* Подойдите ближе, дитя мое. *(Про себя.)* Эти глаза знают, что такое слезы... Как я люблю такие глаза! *(Вслух.)* Поближе, поближе... еще ближе... Милое дитя! Ты, должно быть, боишься меня?

Луиза *(гордо и решительно)*. Нет, миледи. Я презираю суд толпы.

Леди *(про себя)*. Подумаешь, какая!.. Видно, его заносчивость передалась и ей. *(Вслух.)* Мне вас рекомендовали, мамзель.

Говорят, вы кое-чему обучены и умеете себя держать... Что ж, я готова этому поверить... Меньше всего хотела бы я изобличить во лжи вашего пламенного поклонника.

Л у и з а. У меня, миледи, нет никого, кто взял бы на себя труд найти мне покровительницу.

Л е д и *(высокомерно)*. Взял на себя труд — ради кого? Ради своей протеже или ради покровительницы?

Л у и з а. Это мне непонятно, сударыня.

Л е д и. О, да она плутовка, хоть у нее и открытый взгляд! Вас зовут Луиза? А сколько вам лет, позвольте узнать?

Л у и з а. Исполнилось шестнадцать.

Л е д и *(вскакивает)*. Вот оно! Шестнадцать лет! Первое биение страсти! Первый чистый звук, освящающий клавикорды, к которым никто еще не прикасался,— что может быть привлекательнее? Садись! Ты мне нравишься, милая девушка... И у него это первая любовь,— так нет ничего удивительного, что лучи одной и той же утренней зари отыскали друг друга. *(Берет ее за руку; вполне дружелюбно.)* Хорошо, деточка, я устрою твое счастье... Счастье — это не что иное... не что иное, как сладостная быстролетная греза... *(Треплет Луизу по щеке.)* Моя Софи выходит замуж. Ты поступишь на ее место... Шестнадцать лет! Это длится недолго...

Л у и з а *(почтительно целует ей руку)*. Я вам очень признательна, сударыня, но от милости вашей принуждена отказаться.

Л е д и *(с раздражением)*. Скажите, какая важная дама!.. Обыкновенно девушки вашего сословия почитают за счастье попасть в услужение к господам. На что же это вы, дорогая моя, рассчитываете? Или у вас такие нежные пальцы, что не выносят работы? Или вы оттого такая несговорчивая, что у вас хорошенькое личико?

Л у и з а. Я не виновата, сударыня, что у меня такое лицо, и не отвечаю за свое сословие.

Л е д и. Может быть, вам кажется, что вы вечно будете молоды? Бедняжка, кто тебе это внушил? Кто бы он ни был, он посмеялся и над тобой и над собой. Румянцу недолго рдеть на этих щеках. То, что представляется тебе в зеркале прочным и нерушимым, есть лишь тонкая золотистая пыльца, и рано или поздно она пристанет к рукам твоего поклонника. Что же мы будем делать тогда?

Л у и з а. Нам останется только пожалеть поклонника, миледи, раз он купил брильянт единственно из-за того, что ему показалось, будто оправа золотая.

Л е д и *(делая вид, что она этого не слышала)*. У девушек вашего возраста всегда два зеркала: зеркало неподкупное и зеркало их вздыхателей, при этом послушная предупредительность

второго смягчает суровую прямоту первого. Первое зеркало указывает на неприглядные оспины. «Какой вздор,— возражает второе,— это ямочки граций!» А вы, милые дети, верите первому лишь тогда, когда оно не расходится со вторым, и скачете от одного к другому до тех пор, пока свидетельские показания обоих не перепутаются у вас в голове... Что вы на меня так смотрите?

Л у и з а. Простите, сударыня, но мне стало жалко ваш чудный яркий рубин,— он бы обиделся, если б узнал, что его обладательница так резко осуждает кокетство.

Л е д и *(покраснев)*. Не увиливайте, плутовка! Если б вы не надеялись на свою наружность, разве вы когда-нибудь отказались бы от единственного места, где можно научиться хорошим манерам и узнать свет, где можно избавиться от мещанских предрассудков?

Л у и з а. И от мещанской невинности, миледи?

Л е д и. Пустое! Если мы сами не подадим повода, то ни один повеса ничего дурного о нас не подумает. Выкажите свои добродетели, блюдите свою честь, не роняйте своего достоинства,—и я вам ручаюсь, что ваша молодость устоит перед всеми соблазнами!

Л у и з а. Позвольте вам не поверить, сударыня. Дворцы знатных дам часто служат местом самых нескромных увеселений. Откуда у дочери бедного скрипача возьмется такая твердость духа, чтобы, очутившись там, где свирепствует чума, даже не испугаться заразы? Какой смысл леди Мильфорд вечно держать при себе скорпиона, жалящего ее совесть, какой ей смысл тратиться на такую роскошь — ежеминутно сгорать со стыда?.. Я с вами откровенна, сударыня... Разве вам будет приятно видеть меня, когда вы отправитесь на бал? Разве не будет для вас нестерпимым мое присутствие, когда вы вернетесь домой?.. О нет, о нет, пусть лучше между нами лягут целые страны, пусть нас разделят моря!.. Берегитесь, миледи! Вдруг настанет час отрезвления, минута изнеможения, змеи раскаяния станут, быть может, терзать вашу грудь, и тогда что за пытка будет для вас видеть, что черты вашей служанки дышат тем безмятежным спокойствием, каким совесть вознаграждает непорочные души! *(Отступив на шаг.)* Еще раз, сударыня, очень прошу меня извинить.

Л е д и *(в сильном душевном волнении ходит по комнате)*. Ужасно, что она говорит это *мне!* Еще ужаснее, что она права! *(Подходит к Луизе и засматривает ей в лицо.)* Нет, моя милая, тебе меня не провести! Так горячо мы не высказываем общих суждений. За этими нравоучениями скрывается личный интерес, интерес жгучий,— он-то и рисует тебе службу у меня такими темными красками, он-то и вдохновил тебя на эти речи *(угрожающе)*, и я хочу понять, откуда он у тебя.

Л у и з а *(тоном благородной сдержанности)*. Ну а если вы поймете? Ну а если небрежный удар ногой разбудит ничтожного червя, которому создатель даровал для защиты жало?.. Я не страшусь вашей мести, миледи. Несчастной грешнице, которую уже подвели к позорной плахе, терять нечего. Горе мое так велико, что моя откровенность ничего к нему не прибавит. *(После недолгого молчания, очень строго.)* Вы намерены вознести меня из праха моей низкой доли. Я не хочу вдумываться, чем заслужила я это странное благодеяние. Я хочу только спросить вас, миледи: почему вы думаете, что я настолько глупа, что буду стыдиться своего происхождения? По какому праву навязываетесь вы в устроительницы моего счастья и при этом даже не считаете нужным спросить меня, пожелаю ли я принять это счастье из ваших рук?.. С земными утехами я простилась навек. Я свыклась с мыслью о том, что счастье мое было скоротечно. Зачем же вы снова напоминаете мне о нем?.. Если даже сам господь скрывает светоносный свой лик от всей твари, дабы и старшие из серафимов не ужаснулись при виде его и сияние их не померкло, почему же люди хотят быть такими жестокими в своем милосердии? Отчего это, миледи, ваше пресловутое счастье так нуждается в том, чтобы ему дивилось и завидовало горе? Или для вашего блаженства требуется оправа отчаяния? О, не лишайте же меня моего неведения,— оно одно еще примиряет меня с моей жестокой судьбой!.. Насекомое блаженствует в капле воды,— она кажется ему царством небесным,—наслаждается и блаженствует до тех пор, пока ему не расскажут об океане, где ходят караваны судов и плещутся киты. А ведь вы желали мне счастья? *(После некоторого молчания вдруг подходит к леди и спрашивает ее в упор.)* А вы-то счастливы, миледи?

Леди в смущении поспешно отходит от нее, Луиза идет за ней и кладет ей руку на грудь.

Или сердце ваше так же беспечально, как беспечально живется всей знати? Если бы нам предстояло поменяться сердцами и судьбами... и если б я по-детски доверчиво... если б я... на вашу совесть... если б я обратилась к вам, как к матери... вы бы посоветовали мне согласиться на этот обмен?

Л е д и *(потрясенная, опускается на софу)*. Неслыханно! Непостижимо! Нет, девушка, нет! Это у тебя не врожденное величие, и его не мог внушить тебе отец,— в нем слишком много молодого задора. Не отпирайся. Я слышу голос другого учителя.

Л у и з а *(проницательным и зорким взглядом смотрит ей в глаза)*. Мне странно, миледи, что вы только сейчас напали на след этого учителя, а взять меня в услужение решили раньше.

Коварство и любовь

Л е д и *(вскакивает)*. Это невыносимо! Играть с тобой в прятки бесполезно. Ну так слушай же! Я знаю, кто он, я знаю все, я знаю больше, чем хотела бы знать. *(Внезапно останавливается, затем все более и более ожесточаясь и в конце концов доходя почти до неистовства.)* Но только посмей, несчастная, посмей и теперь еще любить его или же быть любимой им!.. Да что я говорю? Посмей только думать о нем или же быть одною из его мыслей!.. Послушай, несчастная, я всесильна! Я могу быть беспощадной, клянусь тебе богом! Ты погибла!

Л у и з а *(твердо)*. И безвозвратно, если только вы, миледи, принудите его любить вас.

Л е д и. Я понимаю тебя... Но мне и не нужна его любовь... Я поборю эту постыдную страсть, укрощу свое сердце и разобью твое. Я воздвигну между вами скалы и вырою пропасти, фурией пронесусь я по вашему небосклону, имя мое спугнет ваши поцелуи, как привидение спугивает преступника, твое молодое, пышущее здоровьем тело зачахнет в его объятиях и рассыплется, как мумия... Помни, жалкое существо: я не могу быть с ним счастлива, но уж и твоему счастью не бывать! Разрушать чужое блаженство — это тоже блаженство...

Л у и з а. Блаженство, которого вы уже лишились, миледи. Не взводите напраслины на свое же собственное сердце. Вы не способны обрушить на меня все то, чем вы грозите. Вы не способны мучить существо, которое не причинило вам никакого зла, разве только питало те же чувства, что и вы. Но за этот порыв я готова полюбить вас, миледи.

Л е д и *(сделав над собой усилие)*. Что со мной? Что я сделала? В чем я себя выдала? Кому я себя выдала?.. О Луиза, возвышенная, великая, чудная душа! Прости меня, безумную! Я ни единого волоса не трону на тебе, дитя мое! Скажи, чего ты хочешь! Требуй! Я буду носить тебя на руках, стану твоей подругой, твоей сестрой... Ты из бедной семьи... Гляди же! *(Срывает с себя несколько брильянтов.)* Я продам эти драгоценности, платья, лошадей, экипажи... Все, все — для тебя... Только отрекись от него!

Л у и з а *(в изумлении отступает)*. Что же она, издевается над моею истерзанною душою или же она в самом деле непричастна к этому злодейству?.. О, если так, то я могу еще изобразить героиню и вменить себе в заслугу собственное бессилие! *(Задумывается на несколько секунд, затем подходит к леди, берет ее за руку и вперяет в нее сосредоточенный и многозначительный взгляд.)* Берите его себе, миледи!.. Я добровольно уступаю вам человека, которого адскими крючьями оторвали от моего израненного сердца... Вы, миледи, сами того, может быть, не подозревая, уничтожили рай двух влюбленных, вы разъединили сердца, которые

сочетал господь, вы растоптали человеческое существо, которое ему было так же дорого, как и вы, которое он создал на радость, как и вас, которое славило его, как и вы, но теперь уже славить не будет... Леди! Слух вседержителя улавливает и последние содрогания раздавленного червя. Творец не может равнодушно видеть, как убивают сотворенные им души. Теперь он ваш! Теперь, миледи, берите его себе! Бросайтесь в его объятия! Ведите его к алтарю... Но помните, что, как скоро вы и он под венцом сомкнете уста в поцелуе, мгновенно вырастет между вами призрак самоубийцы... Господь меня не осудит... У меня больше выхода нет! *(Убегает.)*

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Леди, одна, ошеломленная, смятенная, стоит, устремив неподвижный взгляд на дверь, в которую выбежала Луиза Миллер, и долго не может прийти в себя.

Леди. Что это было? Как все это произошло? Что говорила эта несчастная?.. О боже! Мне все еще терзают слух ее грозные, звучащие как обвинительный приговор, слова: «Берите его себе!..» Кого, несчастная? Дар твоего предсмертного стона, дышащее ужасом завещание твоего отчаяния? Боже, боже! Ужели я так низко пала, так стремительно низверглась со всех престолов моей гордыни... и вот теперь томительно ожидаю, что́ в своем великодушии бросит мне нищенка, вступившая со мною в последнюю смертельную схватку?.. «Берите его себе!» Она произнесла это таким тоном и так при этом на меня посмотрела... Ах, Эмилия, для того ли ты поборола в себе слабости, присущие твоему полу, для того ли ты старалась завоевать себе почетное и прекрасное имя британской женщины, чтобы пышные хоромы твоей доброй славы не устояли пред высокой добродетелью безвестной девушки из простой мещанской семьи?.. Нет, злосчастная гордячка, нет! Эмилию Мильфорд можно пристыдить, но она никогда не доведет себя до позора! Я соберу все свое мужество и устранюсь. *(С величественным видом ходит взад и вперед.)* Ну так прочь от меня, кроткая, страдающая женщина! Развейтесь, отрадные сны, сны золотые любви! Великодушие — вот с этих пор единственный мой вожатай!.. Одно из двух: или влюбленная эта чета погибнет, или леди Мильфорд прекратит свои домогательства и уйдет навсегда из жизни герцога. *(После непродолжительного молчания, с живостью.)* Свершилось!.. Страшное препятствие преодолено, расторгнуты все узы между мною и герцогом, да и та бешеная страсть тоже вырвана из моего сердца!.. В твои объятия бросаюсь я, добродетель! Прими раскаявшуюся дочь твою Эмилию!.. О, как хорошо

у меня сейчас на душе! Как стало мне вдруг легко, как мне свободно дышится!.. Подобно заходящему солнцу, царственно-спокойно сойду я ныне с высоты моего величия, слава моя умрет вместе с моею любовью. Одно лишь сердце мое будет сопутствовать мне в гордом этом изгнании. *(Решительным шагом подходит к письменному столу.)* С этим надо покончить сейчас же, немедленно, пока еще чары милого юноши не начали вновь беспощадной борьбы в моем сердце. *(Садится и пишет.)*

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Леди, камердинер, Софи, потом гофмаршал и, наконец, слуга.

Камердинер. Гофмаршал фон Кальб с поручением от герцога дожидается в передней.

Леди *(с увлечением продолжает писать)*. Как подпрыгнет эта коронованная марионетка! Еще бы! Затея преуморительная, есть от чего расколоться герцогскому черепу. Воображаю, как забегают придворные льстецы! Вся страна всполошится.

Камердинер и Софи. Миледи, гофмаршал!..

Леди *(оборачивается)*. Кто? Что такое?.. Тем лучше! Такие, как он, рождены быть вестовщиками... Попросите его войти.

Камердинер уходит.

Софи *(робко приближается к леди)*. Простите за беспокойство, миледи...

Леди продолжает писать с еще большим увлечением.

Луиза Миллер не помня себя бежала через переднюю... У вас, миледи, лицо пылает... Вы сами с собой говорите.

Леди продолжает писать.

Я боюсь... Что между вами произошло?

Входит гофмаршал и отвешивает спине леди Мильфорд тысячу поклонов; леди его не замечает, тогда он подходит ближе, становится за ее креслом, ловит край ее платья, целует его и робко сюсюкает.

Гофмаршал. Его высочество...

Леди *(присыпает письмо песком и перечитывает написанное)*. Он, конечно, скажет, что это с моей стороны черная неблагодарность... Я была одна в целом свете. Он спас меня от нищеты. От нищеты?.. Отвратительная сделка! Разорви свой счет, соблазнитель! Вечная краска моего стыда оплачивает его с излишком.

Гофмаршал *(безуспешно обежав леди Мильфорд со всех сторон)*. Я вижу, вы сегодня что-то рассеянны, миледи... В таком случае я вынужден взять на себя смелость... *(Очень громко.)* Его высочество прислал меня узнать у вас, миледи, устраивать ли сегодня вечером увеселения в городском саду или же давать немецкую комедию?

Леди *(встает, со смехом)*. Либо то, либо другое, мой ангел!.. А пока что преподнесите герцогу на десерт вот эту записку! *(К Софи.)* Вели запрягать, Софи, и позови сюда всю мою прислугу.

Софи *(в смятении уходит)*. Ах, боже мой! Не к добру это! Что бы это значило?

Гофмаршал. Вы взволнованы, моя достопочтеннейшая?

Леди. Тем больше правды будет в моих словах... Ура, господин гофмаршал! Вакансия свободна. Сводникам теперь раздолье. *(Заметив, что гофмаршал подозрительно поглядел на записку.)* Прочтите, прочтите! Я из этого ни для кого не делаю тайны.

Гофмаршал читает вслух. Тем временем в глубине сцены собираются слуги леди Мильфорд.

Гофмаршал. «Милостивый государь! Вы были так неосторожны, что нарушили наш договор, и теперь меня ничто уже здесь не держит. Благоденствие вашей страны было условием нашей связи. Обман продолжался три года. Наконец пелена спала с моих глаз. Мне претят ваши милости, орошенные слезами ваших подданных. Подарите свою любовь, на которую я больше не могу отвечать взаимностью, вашей несчастной стране, и пусть британская герцогиня научит вас быть милосердным к немецкому народу. Через час я буду уже за границей. Иоганна Норфольк».

Вся прислуга *(в полном недоумении перешептывается)*. За границей?

Гофмаршал *(в ужасе кладет письмо на стол)*. Боже меня упаси, моя драгоценнейшая и достопочтеннейшая! За такое послание ни той, кто его писала, ни тому, кто его передаст, не сносить своей головы.

Леди. Это уж как тебе угодно, золото мое! К сожалению, мне хорошо известно, что у тебя и у таких, как ты, язык отнимается при одном упоминании о том, как поступили другие!.. Я бы на твоем месте запекла эту записку в паштет из дичи, с тем чтобы его высочество нашел ее у себя на тарелке.

Гофмаршал. Ciel![1] Какая дерзость!.. Да вы только взвесьте, вы только подумайте, леди, в какую вы впадете немилость!

---

[1] Боже! *(франц.)*

Л е д и *(повернувшись к собравшейся прислуге, растроганно).* Вы поражены, друзья мои, и со страхом ждете, чем разрешится эта загадка... Подойдите ко мне поближе, мои дорогие!.. Вы служили мне верой и правдой не из одной лишь корысти, на повиновение мне смотрели как на свое призвание, моими милостями гордились. Жаль только, что память о вашей преданности будет для меня неразрывно связана с воспоминанием о моем унижении! Как это грустно, что мои самые черные дни оказались для вас счастливейшими! *(Со слезами на глазах.)* Я отпускаю вас, дети мои... Леди Мильфорд более не существует, а Иоганна Норфольк слишком бедна, чтобы содержать вас. Пусть мой казначей поделит между вами все, что есть в этой шкатулке. Дворец останется герцогу. Самый бедный из вас уйдет отсюда богаче, нежели его госпожа. *(Протягивает руки; слуги наперебой с жаром целуют их.)* Милые вы мои, я разделяю ваши чувства!.. Прощайте! Прощайте навсегда! *(Пересилив себя).* Вот уже и карета подъехала. *(Вырывается от них и идет к выходу, ей преграждает дорогу гофмаршал.)* Ты все еще здесь, богом обиженное существо?

Г о ф м а р ш а л *(все это время с растерянным видом смотрел на письмо).* И эту записку я должен передать в собственные его высочества руки?

Л е д и. Да, богом обиженное существо, в собственные его высочества руки. И доведи до собственных его высочества ушей, что если я не дойду босиком до Лоретского монастыря, то наймусь в поденщицы, лишь бы смыть с себя позор моей связи с ним. *(Быстро уходит.)*

Все расходятся в сильном волнении.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме музыканта. Вечерние сумерки.

Л у и з а, уронив голову на руки, неподвижно сидит в самом темном углу комнаты. Долгое и глубокое молчание. Входит М и л л е р; в руках у него фонарь; с тревожным видом начинает он водить фонарем по всей комнате, затем, так и не разглядев Луизы, кладет шляпу на стол, а фонарь ставит на пол.

М и л л е р. И здесь ее нет. И здесь тоже... Я обегал все закоулки, побывал у всех знакомых, расспрашивал возле всех городских ворот,— никто не знает, где мое дитя. *(После некоторого молчания.)* Потерпи, бедный, несчастный отец! Подожди до утра. Утром, может статься, мою единственную дочь прибьет к берегу...

Господи! Господи! Пусть даже я ее боготворил больше, чем должно,— наказание слишком сурово... Слишком сурово, отец небесный! Я не ропщу, отец небесный, но наказание слишком сурово. (*В глубоком унынии опускается на стул.*)

Л у и з а (*из своего угла*). Так, так, бедный старик! Привыкай заранее к утрате.

М и л л е р (*вскакивает*). Это ты, дитя мое? Ты? Почему же ты одна, впотьмах?

Л у и з а. Нет, я не одна. Когда вокруг меня становится совсем темно, ко мне приходит мой самый дорогой гость.

М и л л е р. Бог с тобой! Только червь нечистой совести бодрствует вместе с совами. Света боятся грехи и злые духи.

Л у и з а. Да еще вечность, отец, беседующая с человеческой душой без посредников.

М и л л е р. Дитя мое! Дитя мое! Что ты говоришь?

Л у и з а (*выходит из своего угла*). Я выдержала суровое испытание. Господь дал мне силу. Ныне испытание это пришло к концу. Нас, женщин, принято считать нежными и слабыми созданиями. Не верь этому, отец. Мы вздрагиваем при виде паука, но страшное чудище — тление — мы с улыбкой принимаем в свои объятия. Запомни это, отец. Твоя Луиза весела.

М и л л е р. Знаешь, дочь моя, я бы предпочел, чтобы ты выла! Так бы мне было спокойнее.

Л у и з а. Уж я его перехитрю, отец! Уж я проведу этого тирана! Злоба не так лукава и отважна, как любовь,— человек со зловещей звездой на груди этого не знал... О, они хитроумны до тех пор, пока им приходится иметь дело только с головой, а стоит им столкнуться с сердцем — и злодеи мгновенно глупеют!.. Он надеялся, что присяга укрепит его обман. Присяга связывает живых, отец, а смерть расплавляет и железные цепи таинств. Фердинанд поймет, что Луиза ему верна. Пожалуйста, отец, передай эту записку! Будь так добр!

М и л л е р. Кому, дочь моя?

Л у и з а. Странный вопрос! Всей бесконечности и моему сердцу не вместить одной-единственной мысли о нем. Кому же мне еще писать?

М и л л е р (*с беспокойством*). Знаешь что, Луиза? Я распечатаю письмо.

Л у и з а. Как хочешь, отец. Только ты в нем ничего не поймешь. Там буквы лежат окоченелыми трупами и оживают лишь для очей любви.

М и л л е р (*читает*). «Тебя ввели в обман, Фердинанд! Беспримерная подлость расторгла союз наших сердец, страшная клятва заградила мне уста, и к тому же еще твой отец всюду

расставил своих соглядатаев. Если же у тебя достанет мужества, мой возлюбленный, я знаю *третье место*, где не связывает никакая присяга и куда не проникнуть ни одному из его соглядатаев. *(Прерывает чтение и внимательно смотрит ей в глаза.)*

Луиза. Что ты на меня так смотришь, отец? Прочти до конца.

Миллер. «Но ты должен быть мужественным, и ты пройдешь темный путь, который никто тебе не озарит, кроме твоей Луизы и господа бога. Ты должен быть весь любовь — и только любовь, должен оставить все свои надежды, все кипение страстей, — ты должен взять с собою только свое сердце. Если согласен, пускайся в путь, как скоро колокол кармелитского монастыря пробьет двенадцать. Если же убоишься, вычеркни слово «сильный», определявшее твой пол, ибо тебя пристыдила девушка». *(Кладет записку, долго смотрит прямо перед собой скорбным, неподвижным взглядом и наконец поворачивается к Луизе; тихим, сдавленным голосом.)* Что это за третье место, дочь моя?

Луиза. Ты разве не знаешь? Правда, не знаешь, отец? Странно! Я его обозначила точно. Фердинанд непременно найдет.

Миллер. Гм!.. Не понимаю.

Луиза. Сейчас я еще не могу подыскать для него ласкового названия. Не пугайся, отец, если я назову его именем, неприятным для слуха. Это место... О, зачем имена не придумывала любовь! Самое лучшее она дала бы ему. Третье место, мой милый папенька... только дайте мне договорить до конца... третье место — могила.

Миллер *(шатаясь, идет к креслу)*. Господи!

Луиза *(подходит к нему и поддерживает его под руку)*. Не бойтесь, отец! Наводит страх только самое слово. Отбросьте его, и глазам вашим откроется брачное ложе,— утро расстилает над ним свой золотой покров, весна украшает его разноцветными гирляндами. Одни лишь великие грешники могут обзывать смерть скелетом,— это прелестный, очаровательный розовощекий мальчик, вроде того, каким изображают бога любви, только он не такой коварный,— нет, это тихий ангел: он помогает истомленной страннице-душе перейти через ров времени, отмыкает ей волшебные чертоги вечной красоты, приветливо кивает ей головою и — исчезает.

Миллер. О чем ты толкуешь, дочь моя? Ты хочешь наложить на себя руки?

Луиза. Это не то, отец. Уйти из мира, где я была гонимой, перенестись туда, куда меня так неодолимо влечет,— разве это грех?

М и л л е р. Самоубийство — самый тяжкий грех, дитя мое, единственный незамолимый грех,— в нем смерть и злодейство подают друг другу руку.

Л у и з а *(в оцепенении)*. Ужасно!.. Но ведь это не так скоро произойдет. Я брошусь в реку, отец, и, погружаясь на дно, буду молить бога простить меня.

М и л л е р. Это все равно как если ты сознаешься в воровстве, а между тем награбленное будет у тебя схоронено в надежном месте. Ах, дочка, дочка! Смотри, не смейся над богом,— сейчас он тебе особенно нужен. О, ты и так уже слишком далеко от него ушла! Ты совсем перестала молиться, вот он, милосердный, и отступился от тебя!

Л у и з а. Значит, любовь — преступление, отец?

М и л л е р. Люби господа, и любовь никогда не доведет тебя до преступления... Ты меня совсем пригнула к земле, моя единственная, совсем, совсем,— может, мне уже и не встать... Нет, нет, не буду больше, я тебя только расстраиваю... Дочка! У меня тут давеча нечаянно вырвалось... Я был уверен, что я один. Ты все слышала, да и к чему мне сейчас от тебя таиться? Ты была моим кумиром. Послушай, Луиза, если ты еще хоть чуточку любишь своего отца... Ведь ты же была для меня всем!.. Ты не одной себе принадлежишь. С тобой я тоже все теряю. Гляди, волосы-то у меня седеют. Ко мне незаметно подкралось то время, когда нам, отцам, становится нужен капитал, который мы некогда поместили в сердца наших детей... Неужто ты меня обманешь, Луиза? Неужто ты скроешься с последним достоянием твоего отца?

Л у и з а *(глубоко тронута; целуя ему руку)*. Нет, отец! Я оставлю мир великой твоею должницей, но в жизни вечной я верну тебе долг с излишком.

М и л л е р. Смотри, дитя мое, не обещай заранее! *(Проникновенно и торжественно.)* Кто знает, свидимся ли мы еще там?.. Вот ты и побледнела! Моя Луиза сама понимает, что мне на том свете ее не догнать: ведь я не стремлюсь попасть туда спозаранку.

Луиза в ужасе бросается к нему в объятия, он крепко прижимает ее к груди.

(Умоляюще.) О дочь моя, дочь моя! Падшая, быть может, уже погибшая дочь! Выслушай завет своего отца! Мне за тобой не уследить. Я у тебя нож отберу — ты вязальную иглу схватишь. Я от тебя яд спрячу — ты на низке бисера удавишься. Луиза, Луиза! Я могу только предостеречь тебя. Неужто тебя не пугает, что несбыточная твоя мечта рассеется, едва лишь ты очутишься на страшном мосту, что перекинут от Времени к Вечности? Неужто ты дерзнешь, представ перед престолом всевышнего, солгать: «Я здесь

ради тебя, мой создатель!» — и в это время грешными очами искать земную свою утеху? А вдруг этот бренный кумир души твоей, теперь такой же ничтожный червь, как и ты, ползая у ног твоего судии, изобличит в этот решительный миг бессовестную твою ложь и предоставит тебе, обманутой во всех своих ожиданиях, одной молить творца о милосердии, которое этот злосчастный и себе-то едва ли вымолит,— что тогда? *(Громче и настойчивее.)* Что тогда, горе ты мое? *(Еще крепче прижимает ее к своей груди, смотрит на нее сосредоточенным, пронизывающим взглядом, затем внезапно отстраняется.)* Больше мне тебе сказать нечего... *(Воздев правую руку.)* Царю мой и боже мой! Я за эту душу более пред тобой не отвечаю. *(Луизе.)* Делай что хочешь. Принеси своему красавцу жертву, которой возрадуется искушающий тебя бес и из-за которой от тебя отступится твой ангел-хранитель. Иди! Возьми на себя все свои грехи, возьми и этот, последний и самый страшный, и если бремя покажется тебе легким, то положи еще сверху мое проклятие... Вот нож... Пронзи свое сердце и... *(плача навзрыд, бросается к выходу)* и сердце своего отца!

Луиза *(срывается с места и бежит за ним)*. Папенька! Постой! Постой! О, нежность бывает еще жесточе и самовластней тиранства! Что мне делать? Я больше не могу! Как мне быть?

Миллер. Если поцелуи твоего возлюбленного жгут сильнее, чем слезы отца,— что ж, тогда умри!

Луиза *(после мучительной внутренней борьбы, довольно твердо)*. Отец! Вот тебе моя рука! Я хочу... Боже мой! Боже мой! Что я делаю? Чего я хочу?.. Клянусь тебе, отец... Горе мне, горе! Я кругом виновата... Будь по-твоему, отец!.. Свидетель бог, вот так... вот так я уничтожу последнюю память о Фердинанде! *(Разрывает письмо.)*

Миллер *(не помня себя от радости, обнимает ее)*. Узнаю мою дочь! Смотри! Ты отреклась от возлюбленного, но зато осчастливила отца. *(Смеется сквозь слезы и прижимает ее к себе.)* Дитя мое! Дитя мое! Нет, я никогда не был достоин тебя! И за что это мне, такому дурному человеку, господь послал такого ангела!.. Луиза, утешение мое!.. Господи! Я в сердечных делах не знаток, но как больно вырывать из сердца любовь — это-то уж я понимаю!..

Луиза. Но только прочь из этого края, отец! Прочь из этого города, где подруги надо мной смеются и где опорочено мое доброе имя! Прочь, прочь от тех мест, где все мне напоминает об утраченном блаженстве! Дальше, дальше, как можно дальше!..

Миллер. Куда хочешь, дитя мое! По милости божией хлеб всюду растет, и господь пошлет мне охотников послушать мою игру. Да, да, пропадай все пропадом, а мы уедем! Я переложу на

музыку сказание о твоем злосчастье, я спою песнь о дочери, из любви к отцу разбившей свое сердце, с этой балладой мы будем ходить от двери к двери, и нам не горько будет принимать подаянье от тех, у кого она вызовет слезы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и Фердинанд.

Луиза *(первая замечает его и, вскрикнув, бросается в объятия отца)*. Боже! Вот он! Я погибла!

Миллер. Где? Кто?

Луиза *(отвернувшись, кивает в сторону майора и еще теснее прижимается к отцу)*. Он. Это он! Оглянись, отец! Убить меня,— вот зачем он пришел!

Миллер *(увидев Фердинанда, отступает)*. Как? Вы здесь, барон?

Фердинанд медленно приближается, останавливается прямо против Луизы и вперяет в нее пристальный, проникающий в душу взор.

Фердинанд *(после молчания)*. Застигнутая врасплох совесть, благодарю тебя! Ты сделала чудовищное признание, зато скорое и правдивое,— мне незачем прибегать к пытке... Добрый вечер, Миллер!

Миллер. Скажите, ради бога, барон, что вам здесь нужно? Зачем вы сюда пришли? Чем объяснить это ваше вторжение?

Фердинанд. Прежде в этом доме отсчитывали секунды до встречи со мной, прежде здесь тоска по мне повисала на гирях медлительных стенных часов, прежде здесь с нетерпением ожидали, когда же наконец колебание маятника предвозвестит мой приход. Почему же теперь я появляюсь нежданный?

Миллер. Уходите, уходите, барон! Если в вашем сердце осталась еще хоть искра милосердия, если вы не хотите умертвить ту, которую вы будто бы любите, то бегите отсюда, не медлите ни секунды! Как только вы переступили порог моей хижины, благодать божья от нее отлетела. Вы накликали беду на мой кров, а прежде здесь царила радость. И вам все еще мало? Вам непременно хочется растравить раны, которые злополучное знакомство с вами нанесло единственному моему ребенку?

Фердинанд. Вы чудак, отец! Ведь я же пришел сообщить вашей дочери приятную новость!

Миллер. Опять надежды, а потом снова отчаяние? Уходи! Ты всегда приносишь несчастье! Выражение твоего лица ничего доброго не предвещает.

Фердинанд. Предел моих желаний наконец достигнут! Леди Мильфорд, самое грозное препятствие для нашей любви, только что уехала за границу. Отец одобряет мой выбор. Судьба улыбается нам. Счастливая звезда наша восходит. Я верен своему обещанию: сейчас поведу мою невесту к алтарю.

Миллер. Ты слышишь, дочь моя? Слышишь, как он глумится над несбывшимися твоими надеждами?.. Что ж, продолжайте, барон! Обольстителю так оно и подобает,— истощайте свое остроумие по случаю вами же содеянного преступления!

Фердинанд. Ты думаешь, я шучу? Клянусь честью, нет! Слово мое истинно, как любовь моей Луизы, и я исполню его так же свято, как соблюдает она свои клятвы,— я не знаю ничего более священного, чем ее клятвы... Ты все еще сомневаешься? На ланитах моей прелестной супруги все еще не вспыхнул румянец счастья? Странно! Значит, ложь в этом доме — ходячая монета, если правду здесь ни во что не считают. Вы не доверяете моим словам? Так поверьте же этому письменному доказательству! *(Бросает Луизе ее письмо к гофмаршалу.)*

Луиза развертывает письмо и, смертельно побледнев, падает без чувств.

Миллер *(не замечая этого, майору)*. Что это значит, барон? Я вас не понимаю.

Фердинанд *(подводит его к Луизе)*. Зато она поняла меня прекрасно!

Миллер *(склоняется над ней)*. О боже! Дочь моя!

Фердинанд. Бледна как смерть!.. Вот сейчас твоя дочь мне нравится! Никогда еще не была так прекрасна твоя благочестивая, твоя добродетельная дочь, как в это мгновенье, когда у нее помертвело лицо. Дуновение Страшного суда, снимающее лоск со всякой лжи, стерло с этой великой мастерицы румяна, которые даже духов света ввели в заблуждение. Это лучшее из выражений ее лица! Впервые предо мною подлинный ее лик! Дай мне поцеловать ее. *(Хочет нагнуться.)*

Миллер. Назад! Прочь! Не береди ты моего родительского сердца, мальчишка! Я не оградил ее от твоих ласк, но уж от надругательств твоих я ее защитить сумею.

Фердинанд. Отстань от меня, несносный старик! Мне до тебя нет дела! Не лезь ты в эту игру, тем более что она явно проиграна! Впрочем, может быть, ты хитрее, чем я думал? Уж не помогал ли ты шестидесятилетним своим опытом дочкиным шашням, уж не опозорил ли ты почтенные свои седины ремеслом сводника? О, если это не так, тогда ложись и умирай, горемыка! Время еще есть. Ты еще можешь безмятежно почить, утешая себя сладостным самообманом: «Я был счастливым отцом!» Еще мгновение — и ты

швырнешь эту ядовитую гадину, это исчадие ада туда, откуда она приползла, ты проклянешь и самый дар, и того, кто тебе его послал, и, богохульствуя, сойдешь в могилу. *(Луизе.)* Отвечай, несчастная! Ты писала это письмо?

Миллер *(Луизе, предостерегающе)*. Дочь моя, ради бога! Не забудь! Не забудь!

Луиза. О мой отец, это письмо...

Фердинанд. Попало не по адресу? Да будет же благословен Случай,— он совершал такие дела, какие и не снились умствующему рассудку, и на Страшном суде он сумеет оправдаться лучше, нежели хитроумие всех мудрецов... Ну конечно, Случай!.. О, без воли божией и воробей не упадет на землю, отчего же Случаю не подвернуться там, где нужно сбросить личину с дьявола?.. Я жду ответа! Ты писала это письмо?

Миллер *(не отходя от Луизы, умоляюще)*. Смелей, дочь моя! Смелей! Скажи только «да» — и дело с концом.

Фердинанд. Забавно! Забавно! Отец — и тот обманут! Все обмануты. Посмотри, даже у нее, потерявшей совесть, язык не повернется выговорить эту последнюю ложь! Поклянись грозным всеправедным судией! Ты писала это письмо?

Луиза *(после мучительной внутренней борьбы, во время которой она бросала вопросительные взгляды на отца, твердо и решительно)*. Да, я.

Фердинанд *(от ужаса замирает на месте)*. Луиза! Нет! Клянусь моей душой, ты лжешь! Сама невинность сознается под пыткой в злодеяниях, о которых она и не помышляла. Я задал тебе вопрос в слишком резкой форме. Ведь правда, Луиза, ты призналась только потому, что я был с тобой слишком резок?

Луиза. Я созналась в том, что было на самом деле.

Фердинанд. Да нет же, нет же, нет! Это не ты писала. Это совсем не твоя рука. А если б даже и твоя, то разве подделать почерк труднее, чем разбить сердце? Скажи мне правду, Луиза... или нет, нет, не говори! Скажешь — и я погиб... Ну солги, Луиза, ну солги! Если б ты сумела с самым невинным, ангельским видом солгать мне сейчас, убедить мой слух и зрение, подло обмануть мое сердце, в тот же миг, Луиза, вся правда покинула бы мир, а добру пришлось бы, точно придворному низкопоклоннику, гнуть свою непокорную выю! *(Робко, дрожащим голосом.)* Ты писала это письмо?

Луиза. Да, клянусь грозным всеправедным судией!

Фердинанд *(после некоторого молчания, с глубокой скорбью)*. О женщина, женщина! С каким лицом стоишь ты сейчас передо мной! Предлагай ты с таким лицом райское блаженство, у тебя не найдется покупателей даже среди осужденных на вечную

муку... Знала ли ты, Луиза, чем ты была для меня? Нет! Не может быть! Ты не знала, что ты была для меня *всем, всем!* Как будто бы жалкое, ничего не значащее слово, а между тем его не вместить и самой вечности. Целые миры движутся в нем по своим орбитам... *Все!* И так преступно этим играть?.. Ужасно!

Л у и з а. Вы выслушали мое признание, господин фон Вальтер. Я сама себя осудила. А теперь уходите! Оставьте дом, где вам причинили столько огорчений!

Ф е р д и н а н д. Хорошо, хорошо! Ведь я же спокоен... Спокоен, говорят, и тот земной край, над которым пронеслась чума... Так же точно и я... *(Подумав.)* Еще одна просьба, Луиза... последняя! У меня голова горит, точно я в лихорадке. Хочется чего-нибудь прохладительного. Принеси мне, пожалуйста, стакан лимонаду.

Луиза уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ф е р д и н а н д, М и л л е р.

Долгое время оба молча ходят из угла в угол.

М и л л е р *(наконец останавливается и печально смотрит на майора)*. Дорогой барон! Быть может, вам станет легче, если я вам скажу, что мне вас глубоко жаль?

Ф е р д и н а н д. Довольно об этом, Миллер! *(Снова прохаживается.)* Миллер! Я не могу вспомнить, как я попал к вам в дом, по какому случаю?

М и л л е р. По какому случаю, господин майор? Вы же хотели учиться играть на флейте. Разве вы забыли?

Ф е р д и н а н д *(живо)*. Я увидел вашу дочь!

Молчание.

Вы не сдержали своего слова, мой друг! Вы обещали мне, что наши уроки будут происходить в уединении и спокойствии. Вы обманули меня — вы продавали мне скорпионов. *(Видя, что Миллер взволнован.)* Полно, старик, не печалься! *(Растроганный, обнимает его.)* Ты не виноват ни в чем!

М и л л е р *(утирая слезы)*. Господь видит!

Ф е р д и н а н д *(мрачно задумавшись, снова начинает ходить по комнате)*. Непонятно, до странности непонятно с нами играет бог! На тонких, незаметных нитях часто висят непомерные тяжести. О, если бы человек знал, что, вкусив от этого плода, он вкусит смерть! Да, если б он знал!.. *(Быстро ходит взад и вперед, затем, в сильном волнении, берет Миллера за руку.)* Старик! Мне

слишком дорого стоили те два-три урока на флейте, которые ты мне дал!.. Впрочем, и ты ничего не выигрываешь... Ты тоже теряешь... теряешь, быть может, все. *(Удрученный, отходит от него.)* Не в добрый час вздумалось мне учиться играть на флейте!

Миллер *(стараясь не показать своего волнения)*. Что-то долго нет лимонада. Пойду посмотрю... Вы уж меня извините...

Фердинанд. Спешить некуда, дорогой Миллер. *(Про себя.)* Особенно отцу... Побудьте со мной!.. О чем бишь я хотел вас спросить?.. Да! Луиза — ваша единственная дочь? Кроме нее, у вас нет детей?

Миллер *(с нежностью)*. Кроме нее, у меня никого нет, барон... Да мне больше никого и не надо. Такой девушки, как она, вполне достаточно, чтобы завладеть всем моим родительским сердцем. Сколько было во мне любви, я всю ее потратил на дочь.

Фердинанд *(потрясен до глубины души)*. О!.. Будьте любезны, добрейший Миллер, узнайте насчет лимонада.

Миллер уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фердинанд один.

Фердинанд. Единственное дитя!.. Сознаешь ли ты это, убийца? Единственное! Слышишь, убийца? Единственное! У этого человека на всем божьем свете только и есть что его инструмент и его единственное... И ты хочешь его отнять? Отнять у нищего последний грош? Сломать костыли и швырнуть их калеке под ноги? Как же так? Неужели у меня хватит на это духу? Вот он спешит домой, с нетерпением ожидая, когда же наконец увидит он свою ненаглядную дочь, вот он входит, а она лежит — увядший, мертвый, по злому умыслу растоптанный цветок, последняя, единственная его надежда, никогда не изменявшая ему... И вот он все стоит над ней, все стоит, и ему не хватает воздуха, и его отсутствующий взор напрасно обнимает вдруг опустевшую для него вечность, ищет бога и уже не может обрести его, и, еще более опустошенный, возвращается вспять... Боже! Боже! Ведь и у моего отца единственный сын... Единственный сын, но все же не единственное его сокровище...

Молчание.

Впрочем, что же это я? Кого теряет старик? Может ли девушка, для которой священное чувство любви всего лишь игрушка, составить счастье отца?.. Не может! Нет, не может! Я хорошо сделаю, что раздавлю гадину, пока она и родного отца еще не успела ужалить.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Миллер, Фердинанд.

Миллер *(входя)*. Сейчас подадут, барон. Бедняжка сидит и горько плачет. Она даст вам напиться своих слез вместе с лимонадом.

Фердинанд. Если бы только слез!.. Мы с вами говорили о музыке, Миллер. *(Достает кошелек.)* Я у вас до сих пор в долгу.

Миллер. Да ну! Да что! Эх, барон, оставьте! За кого вы меня принимаете? За вами не пропадет, а вы уж меня не обижайте,— поди, не в последний раз мы с вами видимся нынче.

Фердинанд. Ничего не известно. Возьмите, возьмите! Все мы под богом ходим.

Миллер *(смеясь)*. Ну вот еще! Насчет смерти, барон, за вас, я думаю, бояться не приходится.

Фердинанд. Бояться есть чего. Разве вы не знаете, что юноши тоже умирают,— девушки и юноши, эти мертворожденные надежды, неосуществившиеся мечты обманутых отцов?.. Кому не грозят ни болезни, ни старость, тех часто убивает наповал удар грома... Ваша Луиза тоже не бессмертна...

Миллер. Она мне послана богом.

Фердинанд. Не прерывайте меня... Повторяю, она не бессмертна. Для вас только и свету в оконце что ваша дочь. Вы привязались к своей дочери всем сердцем и всей душой. Это опасно, Миллер! Только доведенный до отчаяния игрок ставит все на одну карту. Шальною головой называем мы купца, который все свое достояние грузит на одно судно. Советую вам над этим подумать... Что же вы не берете денег?

Миллер. Как, сударь? Весь этот туго набитый кошелек? Что же это такое, ваша милость?

Фердинанд. Мой долг — вот это что такое! *(Бросает кошелек на стол с такой силой, что по столу рассыпаются золотые монеты.)* Надоел мне этот мусор!

Миллер *(поражен)*. Господи Иисусе! Серебро так не звенит. *(Подходит к столу; в ужасе.)* Что это? Барон, барон, ради всего святого! Бог с вами, барон! И что вы только делаете? Вот что значит рассеянность! *(Всплеснув руками.)* Да ведь тут... или я рехнулся, или это... вот как бог свят, самое настоящее, неподдельное, чистое червонное золото!.. Отвяжись, сатана! Не на такого напал!

Фердинанд. Вы что сегодня пили — старое или молодое вино?

М и л л е р *(грубо)*. А, чтоб вас! Да вы что, не видите?.. Золото!

Ф е р д и н а н д. Ну и что же?

М и л л е р. Черт возьми! Я же вам говорю, я же вам всеми святыми клянусь — золото!

Ф е р д и н а н д. Да, правда! Вещь неплохая.

М и л л е р *(немного помолчав, подходит к нему; решительно)*. Сударь! Я человек простой, откровенный; если вы хотите втянуть меня в какое-нибудь некрасивое дело, потому как за что-нибудь хорошее таких больших денег, ей-ей, не дадут...

Ф е р д и н а н д *(растроган)*. Успокойтесь, дорогой Миллер! Такие большие деньги вы давно уже заработали честным трудом, а подкупать вашу чистую совесть — упаси бог, мне это и в голову не приходило!

М и л л е р *(прыгает как сумасшедший)*. Так, значит, они мои! Мои! С ведома и согласия господа бога! *(Подбегает к двери и кричит.)* Жена! Дочь! Ура! Идите сюда! *(Возвращается.)* Боже милостивый! Как же это на меня нежданно-негаданно свалилось такое несметное богатство? Чем я его заслужил? Чем я за него отплачу? А?

Ф е р д и н а н д. Только не уроками музыки, Миллер... Этими деньгами я вам плачу *(внутренне содрогнувшись)*, я вам плачу *(помолчав, с грустью)* за тот счастливый сон, в каком целых три месяца являлась мне ваша дочь.

М и л л е р *(схватывает его руку и крепко пожимает)*. Ваша милость! Будь вы простым, незаметным мещанином *(живо)* и не полюби вас моя девчонка, да я бы ее заколол своими руками! *(Приближается к кошельку с деньгами; вдруг помрачнев.)* Ну, вот теперь у меня все, а у вас ничего... Стало быть, выходит, я должен все-таки отказаться от своего счастья? Так, что ли?

Ф е р д и н а н д. Не беспокойтесь, друг мой! Я уезжаю, а в стране, где я собираюсь поселиться, деньги этой чеканки не имеют хождения.

М и л л е р *(впился глазами в золото; в полном восторге)*. Стало быть, оно останется у меня? У меня?.. Жаль только, что вы уезжаете... Посмотрели бы, какой я стану важный, как буду нос задирать! *(Надевает шляпу и козырем проходит по комнате.)* Стану давать уроки музыки только в самых богатых домах, стану курить табак «Три короля» номер пять... Я не я буду, если не брошу свои грошовые заработки! *(Направляется к выходу.)*

Ф е р д и н а н д. Постойте! Замолчите и спрячьте деньги! *(С расстановкой.)* Помолчите только этот вечер. И доставьте мне удовольствие — с этого дня не давайте больше уроков музыки.

М и л л е р *(хватает Фердинанда за жилет; весь сияя, еще восторженнее)*. А дочка, дочка-то моя, сударь! *(Отпускает его.)* Для мужчины деньги — тьфу, деньги — тьфу! Картофель, рябчик — мне все едино,— наелся, и ладно; вот этот сюртук я готов таскать до самой смерти, только бы на локтях не светился. Для меня это чепуха. Но девчонке все эти блага вот как нужны! Теперь я ей так в глаза и буду смотреть: чего ни захочешь — пожалуйста...

Ф е р д и н а н д *(живо прерывает его)*. Замолчите! О, замолчите!

М и л л е р *(с еще большим воодушевлением)*. Она у меня и по-французски выучится как следует, и менуэт танцевать, и петь,— да так, что про нее и в газетах напечатают. Чепчик у нее будет, какой только дочке надворного советника под стать, будет у нее и кидебарри, или как он там называется — и пойдет молва о дочери скрипача по всей округе!

Ф е р д и н а н д *(в страшном волнении схватывает его за руку)*. Довольно! Довольно! Ради создателя, замолчите! Помолчите только сегодня! Иной благодарности я от вас не требую.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Т е ж е и Л у и з а с лимонадом.

Л у и з а *(подает майору стакан на тарелке; дрожащим голосом, с покрасневшими от слез глазами)*. Скажите, если недостаточно крепок.

Ф е р д и н а н д *(берет стакан, ставит его на стол и живо оборачивается к Миллеру)*. Да, чуть было не забыл! Можно вас попросить об одной вещи, дорогой Миллер? Окажите мне одну маленькую услугу!

М и л л е р. Хоть тысячу! Что прикажете?

Ф е р д и н а н д. Дома меня будут ждать к ужину. А я, увы, в прескверном расположении духа. Показаться на люди для меня сейчас просто невыносимо. Сходите, пожалуйста, к моему отцу и извинитесь за меня.

Л у и з а *(испуганная, живо перебивает)*. Нет, лучше я!

М и л л е р. К президенту?

Ф е р д и н а н д. К нему самому не надо. Передайте то, что я вас прошу, кому-нибудь из слуг в швейцарской. Вот вам мои часы — в доказательство, что вы от меня. Я подожду вас здесь... Без ответа не уходите.

Л у и з а *(сильно оробев)*. А разве мне нельзя?

Ф е р д и н а н д *(Миллеру, который собирается уходить).* Погодите, еще не все! Вот письмо к моему отцу, мне его сегодня передали в запечатанном виде... Может быть, это что-нибудь срочное. Отдайте заодно и его.

М и л л е р. Слушаюсь, барон!

Л у и з а *(повисает на руке отца; не помня себя от страха).* Отец! Я бы отлично со всем этим справилась.

М и л л е р. Куда ты, дочка, на ночь глядя пойдешь одна? *(Уходит.)*

Ф е р д и н а н д. Посвети отцу, Луиза!

Луиза берет свечу и идет проводить отца. Фердинанд в это время подходит к столу и бросает яд в стакан с лимонадом.

Да, час ее настал! Настал! Высшие силы дают мне на это свое грозное соизволение, суд божий — за меня, ангел-хранитель от нее отлетел.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Ф е р д и н а н д, Л у и з а.

Луиза со свечой в руке медленно возвращается, ставит свечу на стол, потупившись останавливается на противоположной от майора стороне сцены и лишь по временам, боязливо и робко, искоса на него поглядывает. Фердинанд стоит на другой стороне сцены и смотрит прямо перед собой. Перед началом этой сцены царит долгое молчание.

Л у и з а. Если вы, господин фон Вальтер, желаете сыграть со мною вместе, то я охотно сяду за фортепьяно. *(Поднимает крышку.)*

Фердинанд не отвечает. Пауза.

За вами еще проигранная партия в шахматы. Не желаете ли отыграться, господин фон Вальтер?

Молчание.

Господин фон Вальтер! Я вам обещала вышить бумажник... Так вот, я уже начала... Не желаете ли посмотреть узор?

Молчание.

Я так несчастна!

Ф е р д и н а н д *(не меняя позы).* Вполне возможно.

Л у и з а. Я плохо вас занимаю, господин фон Вальтер, но я в этом не виновата.

Ф е р д и н а н д *(с презрительным смехом).* О, разумеется, во всем виновата моя дурацкая скромность!

Л у и з а. Я знала, что нам теперь нельзя оставаться вдвоем. Дело прошлое: когда вы услали отца, мне стало страшно... Господин фон Вальтер! Мне кажется, нам обоим будет невыносимо тяжело вместе. Позвольте мне привести кого-нибудь из моих знакомых!

Ф е р д и н а н д. Отчего же! А я приведу своих.

Л у и з а *(смотрит на него с недоумением)*. Господин фон Вальтер...

Ф е р д и н а н д *(крайне язвительно)*. Ничего умнее и не придумаешь в таких обстоятельствах, честное слово! Мы превратим наш мрачный дуэт в приятное времяпрепровождение и обменом любезностей вознаградим себя за злые шутки любви.

Л у и з а. Вы что-то в игривом расположении духа, господин фон Вальтер.

Ф е р д и н а н д. Я сегодня до того шаловлив, что как бы все уличные мальчишки не побежали за мной! Нет, правда, Луиза! Твой пример заразителен. Будь моею наставницей! Дураки те, что болтают о вечной любви. Вечное однообразие приедается, перемена — вот единственный источник наслаждения!.. Твоя правда, Луиза! Давай заключим союз. Будем с тобою порхать от романа к роману, валяться то в одной грязной луже, то в другой,— ты здесь, я там... Быть может, я вновь обрету утраченный покой в одном из веселых домов; быть может, после такого презабавного бега наперегонки мы, два иссохших скелета, столкнемся вторично, что явится для нас обоих в высшей степени приятной неожиданностью, и, подобно героям комедий, найдя друг в друге черты семейного сходства, признáем, что мы чада единой матери, и вот тогда-то чувства гадливости и стыда образуют наконец ту гармонию, которая оказалась не под силу нежной любви.

Л у и з а. О юноша, юноша! Ты и так несчастен, зачем же ты еще стараешься доказать, что ты это заслужил?

Ф е р д и н а н д *(злобно цедит сквозь зубы)*. Я несчастен? Кто тебе сказал? Ты бессердечная женщина, ты не знаешь страданий, как же ты можешь понять страдания другого человека?.. Она говорит, что я несчастен? О, это слово могло бы привести меня в ярость, даже если б я лежал в могиле! Она знала, что я буду несчастен! Смерть ей и вечная мука. Знала и все же изменила мне... Слушай, змея! Ты еще могла вымолить у меня прощение, но ты сама себя погубила. До сих пор я еще мог объяснять совершенное тобой преступление твоею наивностью, мое презрение чуть было не спасло тебя от моей мести. *(Порывистым движением берет со стола стакан.)* Значит, ты не ветреная, глупая девчонка — ты сам сатана! *(Пьет.)* Этот выдохшийся лимонад — точь-в-точь как твоя душа. Попробуй!

Л у и з а. О боже! Недаром я так боялась этого свидания!

Ф е р д и н а н д *(повелительным тоном)*. Попробуй!

Луиза неохотно берет стакан и пьет. Как только она подносит стакан ко рту, Фердинанд внезапно бледнеет, отворачивается и поспешно отходит в дальний угол комнаты.

Л у и з а. Лимонад хорош.

Ф е р д и н а н д *(не оборачиваясь, охваченный ужасом)*. На здоровье!

Л у и з а *(ставит стакан на стол)*. О, если б вы знали, Вальтер, как жестоко оскорбляете вы мою душу!

Ф е р д и н а н д. Гм!

Л у и з а. Придет время, Вальтер...

Ф е р д и н а н д *(снова приближается к ней)*. О, с временем мы покончили!

Л у и з а. ...когда воспоминание о сегодняшнем вечере камнем ляжет вам на сердце...

Ф е р д и н а н д *(не может найти себе места — мечется по комнате, сбрасывает с себя шарф и шляпу)*. Прощай, служба!

Л у и з а. Боже! Что с вами?

Ф е р д и н а н д. Мне жарко, душно... Так будет легче.

Л у и з а. Выпейте лимонаду! Выпейте лимонаду! Ведь он охлаждает!

Ф е р д и н а н д. О да, меня он охладит навеки!.. У этой потаскушки доброе сердце! Впрочем, все они таковы!

Л у и з а *(в бурном порыве любви устремляется к нему и хочет обнять его)*. И ты это говоришь своей Луизе, Фердинанд?

Ф е р д и н а н д *(отстраняет ее)*. Прочь! Прочь! Прочь от меня, этот умильный, исполненный неги взор! Я слабею под ним. Явись мне во всей своей чудовищной лютости, змея! Бросайся на меня, ползучая тварь! Выставь напоказ свои отвратительные кольца, вознеси к небу свои позвонки! Покажись во всем том безобразии, в каком когда-то видела тебя преисподняя! Только не надо этого ангельского вида! Теперь уже не надо этого ангельского вида! Поздно! Или я раздавлю тебя, как гадину, или с ума сойду от отчаяния!.. Пощади меня!

Л у и з а. О, зачем все это так далеко зашло!

Ф е р д и н а н д *(смотрит на нее сбоку)*. Какое дивное творение небесного ваятеля! Кто бы подумал... Да и как можно было подумать? *(Берет ее руку и поднимает вверх.)* Я не призываю тебя к ответу, создатель, но все же отчего твой яд разлит по таким дивным сосудам? Как может порок таиться за этими чертами, дышащими ангельскою добротой? Непостижимо!

Л у и з а. Каково слушать все это — и молчать!

Ф е р д и н а н д. И этот сладкий, нежный голос... Возможно ли, чтоб эти струны звучали так волшебно? *(Вперяет в нее восхищенный взор.)* Все в ней так прекрасно, так совершенно, так полно божественной гармонии! Кажется, будто господь создал ее в миг наивысшего вдохновения! Право, можно подумать, будто вселенная только для того и возникла, чтобы творец на радостях создал еще и этот перл! Значит, бог допустил оплошность, только когда создавал ее душу? Ужели возмутительный этот урод появился на свет безупречным? *(Отпрянув от нее.)* Или, увидев, что из-под его резца выходит ангел, творец решил исправить ошибку и сгоряча дал ей наихудшее сердце?

Л у и з а. О, злостный упрямец! Ему легче богохульствовать, чем признаться в своей опрометчивости.

Ф е р д и н а н д *(страстно рыдая, бросается к ней в объятия)*. Еще раз, Луиза! Еще раз, как в день нашего первого поцелуя, когда ты прошептала: «Фердинанд!» — и когда твои пылающие уста впервые вымолвили слово «ты»... О, тогда казалось, что в этом мгновении, словно в почке, заложены семена бесконечных, несказанных радостей! Тогда перед нашими очами, словно роскошный майский день, простиралась Вечность, века златые, разубранные, как невесты, проносились перед умственным нашим взором... Тогда я был счастлив! О Луиза, Луиза, Луиза, зачем ты так со мной поступила?

Л у и з а. Плачьте, плачьте, Вальтер! Горюйте обо мне, но не возмущайтесь,— так будет справедливее.

Ф е р д и н а н д. Ты ошибаешься. Это не те слезы, не та теплая, целительная роса, что льется бальзамом на душевные раны и снова приводит в движение остановившееся колесо страсти. Это — скупые, холодные капли, это — леденящее душу последнее «прости!» моей любви. *(Положив руку ей на голову, необычайно торжественно.)* То слезы о душе твоей, Луиза, слезы о том, что небо не простерло над тобой до конца неизреченной своей милости, что оно так своенравно обошлось с лучшим своим созданием... О, все божье творение, потрясенное тем, что в нем происходит, должно бы, кажется, облачиться в траур! Гибнут люди, исчезают эдемы,— все это для нас не ново, но когда чума свирепствует среди ангелов, траур должен быть объявлен во всей природе.

Л у и з а. Не доводите меня до крайности, Вальтер! Душевной твердости у меня не меньше, чем у всякой другой, и все же душа моя способна выдержать только такое испытание, которое не превышает человеческих сил. Еще одно слово, Вальтер, и затем расстанемся... Жестокий жребий наш мешает нам излить друг другу всю душу. Если б я посмела раскрыть уста, Вальтер, я могла бы

тебе рассказать... я могла бы... Но враждебный рок сковал мне уста, как сковал он и нашу любовь, и вот сейчас ты обращаешься со мной, как с продажной девкой, а я должна терпеть.

Фердинанд. Ты хорошо себя чувствуешь, Луиза?

Луиза. Почему ты спрашиваешь?

Фердинанд. Мне было бы жаль тебя, если бы ты ушла *отсюда* с этой ложью.

Луиза. Вальтер! Я заклинаю вас...

Фердинанд *(в сильном волнении)*. Нет, нет! Такая месть была бы достойна сатаны! Нет! Боже меня сохрани! Я не хочу переносить *это* в мир иной... Луиза! Ты любила маршала? Тебе уже не уйти из этой комнаты.

Луиза. Спрашивайте, что хотите. Я вам больше ничего не отвечу. *(Садится.)*

Фердинанд *(строго)*. Подумай о своей бессмертной душе, Луиза!.. Ты любила маршала? Тебе уже не уйти из этой комнаты.

Луиза. Я вам больше ничего не отвечу.

Фердинанд *(в страшном волнении падает перед ней на колени)*. Луиза! Ты любила маршала? Прежде чем догорит эта свеча, тебя призовет на суд сам господь бог!

Луиза *(в ужасе вскакивает)*. Сыне божий! Что же это?.. И правда — ох, как мне стало худо! *(Снова опускается в кресло.)*

Фердинанд. Уже?.. Беда с вами, женщины,— вечная вы загадка! Ваши слабые нервы выдерживают такие преступления, которые подтачивают самые основы человеческого общества, а крошечная доза мышьяка повергает вас наземь...

Луиза. Яд! Яд! Господи Иисусе!

Фердинанд. Боюсь, что так. В твой лимонад положили приправу бесы. Ты выпила его в честь смерти.

Луиза. Умереть! Умереть! Владыка всемилостивый! Яд в лимонаде! Смерть! Боже, спасителю наш, спаси мою душу!

Фердинанд. Это сейчас самое главное. Я тоже об этом молюсь.

Луиза. А моя мать? Мой отец? Боже, избавитель мира! Мой бедный отец — он этого не переживет! Ужели мне нет спасения? Так молода — и спасения нет? И уже сейчас — *туда?*

Фердинанд. Спасения нет — тебе уже сейчас придется уйти *туда*. Не беспокойся, мы совершим это путешествие вместе.

Луиза. И ты, Фердинанд? Значит, яд — это ты, Фердинанд? Боже, прости ему! Милосердный боже, отпусти ему этот грех!

Фердинанд. Своди с ним *свои* счеты,— боюсь, что они у тебя запутаны.

Л у и з а. Фердинанд! Фердинанд! О, теперь я уже не стану молчать! Смерть... смерть разрешает все клятвы!.. Фердинанд! Более несчастного существа, чем ты, нет ни на небе, ни на земле. Я умираю безвинная, Фердинанд!

Ф е р д и н а н д *(в страхе)*. Что она сказала! Разве кто-нибудь берет с собой ложь в *такую* дорогу?

Л у и з а. Я не лгу. Я не лгу. Я солгала только раз за всю жизнь... Брр! Как мне стало вдруг холодно!.. Солгала, когда писала письмо гофмаршалу...

Ф е р д и н а н д. Вот, вот! Письмо! Слава богу! Теперь ко мне вернулось все мое мужество.

Л у и з а *(коснеющим языком, судорожно подергивая пальцами)*. Это письмо... Возьми себя в руки, сейчас ты услышишь страшное признание. Моя рука писала то, что проклинало мое сердце... Это письмо продиктовал мне твой отец.

Фердинанд стоит неподвижно, как статуя, затем, после долгого гробового молчания, точно громом пораженный, падает на пол.

Это все печальное недоразумение!.. Фердинанд! Меня заставили... Прости... Твоя Луиза предпочла бы умереть... Но мой отец... Угроза... Они действовали ловко.

Ф е р д и н а н д *(в ужасе вскакивает)*. Слава богу, я еще не чувствую в себе яда! *(Выхватывает шпагу.)*

Л у и з а *(слабея с каждым мгновеньем, опускается на пол)*. Ох! Что ты задумал? Ведь он твой отец...

Ф е р д и н а н д *(вне себя от ярости)*. Убийца он и отец убийцы! Я увлеку его за собой, дабы гнев вечного судии пал на истинного виновника. *(Устремляется к выходу.)*

Л у и з а. Спаситель наш, умирая, прощал... Храни вас господь — тебя и его!.. *(Умирает.)*

Ф е р д и н а н д *(подбегает к ней, видит ее последнее, предсмертное движение и в порыве отчаяния простирается ниц перед умершей)*. Помедли! Помедли! Не улетай от меня, ангел небесный! *(Берет ее руку и сейчас же опускает.)* Холодная, холодная и влажная рука! Душа ее — *там! (Поднимается с полу.)* Господь моей Луизы, помилуй! Помилуй подлейшего из убийц! Это была последняя ее мольба!.. Она и в смерти все так же чарующе прекрасна! Ангел мщения, тронутый ласковым ее выражением, пощадил ее... Кротость ее — не личина, иначе ее сбросила бы смерть.

Молчание.

Но что же это? Почему я ничего не чувствую? Или тут берет свое моя молодость? Тщетные усилия! Я все равно не поддамся. *(Берет стакан.)*

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Фердинанд. Президент, Вурм и слуги в страхе вбегают в комнату; затем появляется Миллер и приводит с собой народ и полицию,— те группируются на заднем плане.

Президент *(с письмом в руках)*. Сын мой, да что же это? Я никогда не поверю...

Фердинанд *(бросает стакан к его ногам)*. Вот, смотри, убийца!

Президент отшатывается. Все застывают на месте. Грозное молчание.

Президент. Сын мой! Зачем ты так со мной поступил?

Фердинанд *(не глядя на него)*. Ну конечно, я должен был сначала осведомиться у государственного мужа, не спутает ли мой ход его карт!.. Вы задумали расторгнуть союз наших сердец, распалив во мне ревность,— право, нельзя не подивиться подобному хитросплетению! Расчет был верен. Вот только ослепленная гневом любовь — это все же не то, что деревянная кукла: она не повинуется проволоке.

Президент *(растерянно обводит глазами присутствующих)*. Неужели здесь нет никого, кто бы поплакал над безутешным отцом?

Миллер *(кричит за сценой)*. Пустите меня! Бога ради! Пустите!

Фердинанд. Эта девушка — святая! Ответ за нее вам придется давать Другому. *(Распахивает дверь.)*

Врывается Миллер с толпой народа и полицейскими.

Миллер *(полный ужаса)*. Дитя мое! Дитя мое! Яд! Я слышал, здесь кто-то принял яд! Дочь моя! Где ты?

Фердинанд *(ставит его между президентом и трупом Луизы)*. На мне вины нет. Благодари его.

Миллер *(бросается на труп дочери)*. Боже мой!

Фердинанд. Только два слова, отец! Они недешево будут мне стоить... У меня воровски похищена жизнь, похищена вами. Сейчас я трепещу так, как если бы я стоял пред лицом божиим,— ведь я же никогда не был злодеем. Какой бы удел ни достался мне в жизни вечной — вам достанется иной. Но я совершил убийство *(угрожающе повысив голос)*, убийство, и ты не можешь от меня требовать, чтобы я один шел с этой ношей к всеправедному судии. Бо́льшую и самую страшную ее половину я торжественно возлагаю на тебя. Донесешь ты свою ношу или нет — это уж дело твое. *(Подводит его к Луизе.)* Смотри, изверг! Насладись чудовищным плодом своего хитроумия! На этом искаженном мукою лице напи-

сано твое имя, и ангелы мщения его прочтут... Пусть ее тень отдернет полог в тот миг, когда ты вкушаешь сон на своем ложе, и протянет тебе свою руку, холодную, как лед! Пусть ее тень возникнет пред очами твоей души, когда ты будешь умирать, и оборвет последнюю твою молитву! Пусть ее тень станет у твоей могилы в час воскресения мертвых — и перед самим богом, когда ты явишься на его суд! *(Лишается чувств.)*

Слуги поддерживают его.

Президент *(объятый ужасом, воздевает руки к небу)*. Судия всеправедный! Не я, не я в ответе пред тобой за эти души, а вот кто! *(Направляется к Вурму.)*

Вурм *(вздрагивает)*. Я?

Президент. Ты, окаянный! Ты, сатана! Ты, ты подал мне убийственный этот совет! Ты всему виной,— я умываю руки.

Вурм. Я всему виной? *(Отвратительно хохочет.)* Занятно! Занятно! По крайней мере, я узнал, как черти умеют благодарить за услуги... Я всему виной, глупый злодей? Да разве это был мой сын? Разве я имел право тебе приказывать?.. Я всему виной? И ты мне это говоришь в такую минуту, когда от одного вида этой девушки холод пробирает меня до костей? Так вся вина ложится на меня?.. Пусть я сейчас погибну, но вместе со мною и ты! Эй, люди! Люди! Кричите на всех перекрестках: «Убийство!» Разбудите судебные власти! Стража, вяжи меня! Уведите меня отсюда! Я открою такие тайны, что тех, кто будет слушать меня, мороз подерет по коже. *(Направляется к выходу.)*

Президент *(останавливает его)*. Не смей, безумец!

Вурм *(похлопывает его по плечу)*. Еще как посмею, дружище! Я обезумел, то правда,— это ты меня свел с ума. Вот я и буду вести себя как сумасшедший! Об руку с тобою на эшафот! Об руку с тобою в ад! Мне льстит, что я буду осужден вместе с таким негодяем, как ты!

Вурма уводят.

Миллер, лежавший до сих пор в немом отчаянии, уронив голову на грудь Луизы, вдруг вскакивает и бросает кошелек к ногам майора.

Миллер. Отравитель! Вот тебе твое проклятое золото! И ты смел думать, что купишь на него мое дитя? *(Выбегает из комнаты.)*

Фердинанд *(прерывающимся голосом)*. Бегите за ним! Он сам не свой... Деньги отдайте ему... Это страшное вознаграждение ему от меня... Луиза! Луиза! Я иду!.. Прощайте!.. Дайте мне умереть у этого алтаря...

П р е з и д е н т *(выйдя из тягостного оцепенения, сыну)*. Сын мой Фердинанд! Ужели ни единым взглядом не порадуешь ты отягченного скорбью отца?

Майора кладут рядом с Луизой.

Ф е р д и н а н д. Последний мой взор — милосердному богу!

П р е з и д е н т *(с выражением нестерпимой муки опускается перед ним на колени)*. Творение и сам творец оставляют меня... Ужели единый взгляд твой — последняя моя отрада — не упадет на меня?

Фердинанд протягивает ему свою холодеющую руку.

(Быстрым движением поднимается с колен.) Он меня простил! Теперь — берите меня! *(Уходит в сопровождении стражи.)*

З а н а в е с

1784

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вахмистр, Трубач, Канонир — карабинеры из полка графа Терцки.
Стрелки.
Два хольковских егеря.
Бутлеровские драгуны.
Аркебузиры тифенбахского полка.
Кирасир валлонского полка.
Кирасир ломбардского полка.
Хорваты.
Уланы.
Рекрут.
Горожанин.
Крестьянин.
Его сын.
Капуцин.
Учитель солдатской школы.
Маркитантка.
Служанка.
Солдатские дети.
Гобоисты.

Перед городом Пильзеном в Богемии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Палатка маркитантки. Перед лавкой, где торгуют мелочным товаром и ветошью, толпятся солдаты всевозможных родов войск и знамен. Все столы заняты. Хорваты и уланы что-то варят, усевшись вокруг костра. Маркитантка разливает вино; солдатские дети играют в кости на барабане. В палатке поют.

Крестьянин с сыном.

Сын

Ох, отец, мы в беду попали.
Надо бы нам от солдат подале!
Худо с такими дружками знаться:
Можно легко без башки остаться.

Крестьянин

Э, не сожрут, дуралей! Не бреши ты!
Мы-то ведь тоже не лыком шиты.
Видишь, свежее войско прет
С Заалы да с Майна... Лихой народ!
Ранцы набиты редким товаром.
Значит, пришли мы сюда недаром.
Покойник ротный, спаси его бог,
Игральные кости мне дал в залог.
Вот и проверим на этой бражке,
Старые действуют ли костяшки.
Знай только строй из себя дурака,
Уши развесят наверняка!
Славный народ! Поклонись им в пояс,
Что сперли — продуют, не беспокоясь.
Пришли с лопатами к нам за добром,—
По ложечке все мы назад заберем.
Они нас прикладом, мечом и плеткой,
А мы их уловкой берем да сметкой.

Из палаток доносятся хохот и пение.

Ишь расходились! Боже ты мой!
За счет мужика небось брюхо отъели.
Восемь месяцев, как этот рой
В наши хлева залетел и в постели.
Пройдись, пошарь-ка по всей долине —
Ни куренка, ни зернышка нет и в помине.
Такая беда — прямо в петлю лезь.
Нечего жрать, хоть гложи свои кости.
Было, ей-богу, не хуже здесь,
Когда к нам Сакс заявился в гости.
А еще имперские! Герои!..

Сын

Отец! Вон из кухни выходят двое.
Выглядят, правда, не очень завидно.

Крестьянин

Это богемские. Сразу видно.
Карабинеры Терцки. Пустейший народ.
Толкутся на месте — ни взад, ни вперед!
Вреднейшие, можно сказать, вояки:
Заносятся, пыжатся — тьфу, собаки!
Брезгают нами и нипочем
Не выпьют стаканчик-другой с мужичьем.
Но что это? Трех стрелков я вижу
Там у костра... Подойдем поближе.
Может, тирольцы? Ну, так и есть!
Эммерих, надо бы к ним подсесть.
Шустрые птицы. Щебечут складно,
Да и деньжонок у них изрядно.

Направляются к палаткам.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Вахмистр. Трубач. Улан.

Трубач

Мужик! Проваливай! Эй, куда?

Крестьянин

Сжальтесь, добрейшие господа.
С голоду брюхо свело, поверьте.

Трубач

Все бы вам жрать да пьянствовать, черти!

Улан
(со стаканом в руке)

Ты голоден? Выпей-ка, сучий сын!
(Уводит крестьянина в палатку.)

Вахмистр и трубач выходят вперед.

Вахмистр
(трубачу)

Значит, ты думаешь, без причин
Вдвое нам повышают плату —
Так, чтоб вольготней жилось солдату?

Трубач

Слыхивал я, герцогиня сюда
С дочерью жалует.

Вахмистр

Ерунда!
Дело не в этом. Куском отменным
Новое войско, что к пильзенским стенам
Ныне подходит, умаслить хотят —
Швабов, хорватов, тирольских солдат,
Чтоб стал каждый из них покорен
Нашим начальникам. Вот в чем корень!

Трубач

Да. Неспроста. Замышляют что-то...

Вахмистр

Господа коменданты и генералы...

Трубач

Ясно, нечистая тут работа...

Вахмистр

Видишь, сколько их понагнало!

Трубач

Знать, не от скуки здесь время проводят...

Вахмистр

Шепчутся, ищут у нас измены...

Трубач

Черти!

Вахмистр

А старый парик из Вены
С ночи вчерашней по лагерю бродит.
Бьюсь об заклад, он у нас не случайно!
Чуешь! За всем этим скрыта тайна.

Трубач

Поймите: ищейка это, шпион.
К герцогу, видно, подослан он.

Вахмистр

Ага, смекаешь, брат? Нет нам веры.
Фридландца страшатся они сверх меры,—
Ведь силы такой у них не бывало.
Хотят его сбросить во что б то ни стало.

Трубач

Но мы-то с вами ведь не таим,
Что все, как один, за него стоим.

Вахмистр

Наш полк и еще четыре — с ним.
Ведет своячок нас Фридландца — Терцки.
Корпус, прямо скажу, молодецкий.
Герцог нас воспитал, вскормил.
Мы для него не жалеем сил
И со своим командиром смелым
Служим Фридландцу душой и телом!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Хорват с ожерельем. За ним стрелок.

Стрелок

Хорват, где стянул ожерелье это?
Давай меняться! Гляди, чудак,
Даю за стекляшки два пистолета.

Хорват

Нет, нет, стрелок! Не могу никак!

Стрелок

Держи в придачу синий колпак.
Достался мне новеньким в лотерею.
Знатный колпак! Век носить бы рад.

Хорват

А это, смотри, жемчуга да гранат.
Как солнце, горит. Нацепи на шею!

Стрелок
(берет ожерелье)

Ну, ладно! Бери еще флягу вина.
(Рассматривает ожерелье.)
Блестит... А ведь так, безделка одна!

Трубач

Эге! Он его колпаком околпачит.
Молчу, стрелок. Но барыш пополам.

Хорват
(надев колпак)

Колпак твой мне вроде нравится...

Стрелок
(подмигивает трубачу)

Значит,
Меняем? Все видели?.. По рукам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и канонир.

Канонир

Ну как дела? Чего слышал, брат?
Долго ли будем тут греться в холе?
Противник-то свеженьким вышел в поле.

Вахмистр

А вам с чего больше всех страдать?
Дороги размыло. Придется ждать.

Канонир

Да мне-то что! А вот, говорят,
Гонец прискакал. Привез донесенье;
Пал Регенсбург в прошлое воскресенье.

Трубач

Гм... Значит, скоро двинут резервы.

Вахмистр

На помощь Баварцу? Как бы не так!
Жулик он. Герцогу недруг первый.
Нет уж! Пусть ищут других вояк.

Канонир

Ого! Ну, вы, я смотрю, не дурак.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и два егеря. Потом маркитантка. Солдатские дети. Учитель солдатской школы. Служанка.

Первый егерь

Постой-ка!
Да тут у них картеж и попойка!

Трубач

Эй вы, в зеленом, кто такие?
Откуда курточки щегольские?

Вахмистр

Егери Холька... Мундиры богаты!
Небось не с Лейпцигской ярмарки взяты.

Маркитантка
(приносит вино)

С приездом, сударь!

Первый егерь

Чтоб мне удавиться!
Да это же Густель из Блазевица!
Вот так встреча!

Маркитантка

А вы, мусьё,
Никак, длинный Петер из Итцео,
Что с нашим полком за стаканом жженки
По ветру пустил отцовы деньжонки
В Глюкштадте? Помните или нет?

Первый егерь

Как я перо променял на мушкет?

Маркитантка

Ну да, это вы! Побожиться готова!

Первый егерь

Значит, в Богемии встретились снова.

Маркитантка

Сегодня здесь, завтра там, зятек.
Метла войны — страшенная сила!
Метет нас на запад и на восток.
Я так полсвета исколесила.

Первый егерь

Можно представить себе.

Маркитантка

Товар
Возила далеко, под Темешвар,
Когда мы с боями гнали Мансфельдца.
Ох, и веселое было дельце!
Потом к Штральзунду с герцогом шла.
Вдруг лопнуло все. Разорилась дотла.
На Мантую двинулась с инфантерией.
С Фридландцем туда, а обратно с Ферией.
В испанском полку получила патент,
В атаку ходила на город Гент.
Теперь в Богемии есть делишки:
Старые надо собрать должишки.
Коль князь мне поможет, все будет гладко...
Вишь, возле кухни моя палатка.

Первый егерь

Ну, здесь побойчей торговля пойдет!
А где, скажи-ка, шотландец тот,
Который повсюду с тобою шлялся?

Маркитантка

Пройдоха! Мошенником оказался.
Удрал и пожитки мои унес.
Не он добывал их, плюгавый пес!
Оставил мне вон того сорванца.

Солдатенок
(подбегая вприпрыжку)

Мать! Ты кого так? Опять отца?

Первый егерь

Ну, это штука особого рода.
Войску ведь тоже нельзя без приплода.

Учитель солдатской школы
(появляясь)

Марш на занятия! Живо! Пора!

Первый егерь

Видать, не по сердцу им муштра.

Служанка
(подходит)

Уходят, тетушка.

Маркитантка

Я сейчас.

Первый егерь

Это что еще за красотка?

Маркитантка

Дочка сестры. Состоит при нас.

Первый егерь

Ага! И ты ей, выходит, тетка?

Маркитантка уходит.

Второй егерь
(удерживая девушку)

Куда же ты, девочка? Повремени!

Служанка

Гости ждут. Не могу. Ни-ни!
(Вырывается и уходит.)

Первый егерь

Лакомый кус! Недурна девица!
И тетушка, черт подери, хоть куда!

Помню, из-за нее, господа,
В горло могли мы друг другу вцепиться!..
Кого только в жизни не встретишь!.. Да...
А время-то, время бежит, как вода.
И что еще впереди случится!
(Обращаясь к вахмистру и трубачу.)
Ваше здоровье! В добрый час!
Нельзя ли подсесть к огоньку, ребята?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же. Вахмистр. Трубач.

Вахмистр

Благодарим от души. Сейчас
Мы потеснимся. Ну, как дела-то?

Первый егерь

Вам тут лафа. А вот наш отряд
Шел вражеским тылом... Пришлось туговато.

Трубач

Разве? Откуда ж такой наряд?

Вахмистр

Да, да. И в Мейсене и на Заале
Не очень-то хвалят вас.

Второй егерь

Как вы сказали?
Что это значит? Заткнись-ка, брат!
Немного возьмешь, где прошелся хорват.

Трубач

А это кружево, а рубахи,
А перья, как хвост у заморской птахи?
Что за штаны и какой камзол!
Любой носить бы за счастье почел.
Нет, к сожаленью, такие штуки
Не попадают богемцам в руки.

Вахмистр

Зато мы отборный герцогский полк,
И нам предпочтенье перед другими.

Первый егерь

Вот так сказал! А какой в этом толк?
Мы тоже ведь носим Фридландца имя.

Вахмистр

Конечно, и вы — армейская масса.

Первый егерь

А вы кто? Выходит, особая раса?!
В мундире вся разница. Мне покуда,
По правде сказать, и в моем не худо.

Вахмистр

Приходится вас пожалеть, дружище.
Средь смердов живете — и сами не чище.
Может понять благородный тон
Лишь тот, кто вблизи от высоких персон.

Первый егерь

Вблизи, говоришь, от высоких господ?
Как герцог сморкается, как плюет —
Это вы быстро схватили. А вот
В чем его гений, дух, так сказать,—
Того на плацу смотровом не понять.

Второй егерь

Дьявольщина! Иль зовемся мы зря
Фридландские дикие егеря?
И кличку, поверьте, не осрамим.
Лихо скачем по землям чужим и своим,
Через рожь, через лес, коли нет дорог.
Все знают про егерский Хольков рог!
Словно смерч, нахлынем на вражий редут
С четырех сторон, когда нас не ждут.
Мы как пламя пожара, что ночью в дома
Вдруг ворвется и — можно сойти с ума —
Не сбежать и не выпрыгнуть из окон.
Жалость — побоку! К черту летит закон!
Только пепел да горького дыма запах.
Бьется девка в солдатских жилистых лапах.
Да мне-то что хвастать? Спросите вестфальцев,
Помнят ли «хольковских постояльцев».
И там, и в Фохтланде, и в Байрете
Расскажут отцы, а затем их дети,

А через сотню лет — дети детей
Про грозных хольковских егерей!

Вахмистр

Оно и видно! Грабеж, разврат —
Да разве этим силен солдат?
Смекалка нужна, глазомер, напор,
Выправка, твердость, орлиный взор!

Первый егерь

Нет, свобода нужна! Эх, постные рожи!
Что для солдата ее дороже?
Неужто сбежал я от школьных пут,
Чтобы столкнуться с муштрой и тут
И на заду натирать мозоли,
Сидя за партой, как в душной школе?
Весело, вольно хочу я жить,
Вихрем по разным странам кружить,
Счастье ловить, никогда не теряться,
Назад не глядеть и вперед не рваться.
Шкуру казне я решил загнать,
Чтобы забот никаких не знать.
В пекло ведите, в поток — все одно!
Пусть каждый третий летит на дно!
Пусть гром такой, что в глазах черно!
Не стану жеманиться, как невеста.
Но в остальном, извините, пас!
Сами трудитесь. А я — ни с места.

Вахмистр

Ну а карман не тревожит вас?
Стало быть, не боитесь убытка?

Первый егерь

Тоже была, доложу вам, пытка
У Густава Шведского. Вот позор!
Лагерь он превратил в собор.
Молись в отбой, молись на побудке,
На стрельбище и в караульной будке.
А чуть пошутишь — старик в обиде,
Канючит весь день, на коняге сидя.

Вахмистр

Набожный воин был.

Первый егерь

Черт его драл!
С девкой лучше не появляйся.
Тотчас ее тащит в часовню: «Кайся!»
Ну и не выдержал я. Удрал.

Вахмистр

Сейчас там другой порядок стал.

Первый егерь

Да. Поскакал я тогда к лигистам.
На Магдебург шли они с шумом и свистом.
Тут уж совсем иной разговор.
Весело жили. Размах! Простор!
Вина и девчонок на всех хватало.
Всадники были как на подбор.
Тилли знал толк в командирском деле:
Себя самого держал в черном теле,
Ну а войскам не мешал нимало.
Только кассу его не трожь:
Сам не робей и других не тревожь.
Но вскоре все пошло по-другому,
После лейпцигского разгрома.
Куда ни сунься наш генерал —
Здесь неудача и там провал.
Входишь в деревню, стучишь наугад —
Ставни закроют и знать не хотят.
Так мы толкались туда-сюда,
От былого почета нет и следа.
Взял я задаток — и к Саксу в части.
Думал, авось улыбнется счастье.

Вахмистр

Что же. К самому пирогу
Вы подоспели.

Первый егерь

Куда там! Врагу
Не пожелал бы такой дисциплины.
От амуниции ныли спины.
Сутками стой на часах у дворца.
Смотры, поверки — и так без конца.
Боя, по сути, и не видали.

Что-то все мямлили, выжидали,
Этих боялись они и тех.
Словом, была не война, а смех.
Черт побери! Невтерпеж мне стало.
Я уж чуть к дому не задал драла,—
Попал бы в школьную мышеловку,
Если б Фридландец не начал вербовку.

Вахмистр

Долго здесь думаете пробыть?

Первый егерь

Покуда *тому* полководцем быть,
О бегстве и помышлять не буду.
Где я привольней житье добуду?
Все у вас на военный манер,
Что ни воин, то кавалер.
Самый дух, который в полках живет,
Словно ветер, завертит и понесет
Всех, до последнего пехотинца.
Ну и пошел! Добывай гостинцы!
Могу я бюргером помыкать,
Как наш Фридландец — княжеской швалью.
Все здесь, как в прежние дни,— благодать! —
Когда дело решалось мечом и пищалью.
Одно лишь считается за порок:
Невыполненье приказа в срок.
Делай что хошь, коль не вышло запрета.
А какой ты веры — плевать на это.
И вообще существует лишь два предмета:
Что к солдату относится и что не к солдату.
Для нас только знамя герцога свято!

Вахмистр

Ну, теперь я за вас спокоен.
Вы говорите, как истинный воин.

Первый егерь

Служба не чином ему дорога.
Он императору — не слуга.
На кой ему черт император-то сдался?
Не шибко, видать, для него старался.
Ему и войско дают и сан,
А чем защитил он имперский стан?

Хотел он солдатское царство создать,
Мир подпалить, на куски разметать.
Всех в свои цепкие руки забрать.

Трубач

Тсс!.. Не болтай-ка, брат, ерунду!

Первый егерь

Что мыслю, о том я и речь веду!
«Слово свободно»,— сказал генерал.

Вахмистр

Да, это верно. Я сам слыхал.
«Слово свободно, поступок нем,
Послушание слепо»,— внушает он всем.

Первый егерь

Он говорит это или не он,
Но только таков уж его закон.

Второй егерь

Счастье ему никогда не изменит,
Хоть других оно за нос водит, и как!
Где теперь Тилли? Кто его ценит?
А я вот встал под фридландское знамя
И знаю заране, удача с нами!
Да как же иначе, коль он маг!
Любой, кто служит в герцогской части,
Живет под охраной волшебной власти.
На каждом шагу говорят о том,
Везде открыто шумят, не смущаясь,
Что дьявол слугой состоит при нем.

Вахмистр

В том, что он связан с ним, не сомневаюсь!
Помню: в кровавом люценском деле
Скакал он под свист орудийной метели
В пекло, в огонь. Улыбался хитро.
Прямо в колет угодило ядро,
Пулями шляпу изрешетило.
Он ли со смертью иль смерть с ним шутила —
Только на нем и царапины нет.
Мазь сатанинская — вот в чем секрет!

Первый егерь

И вы поверили в байки эти?
Бросьте! Тревожите зря народ.
Просто он ходит в лосином колете.

Вахмистр

Нет! Тут зелье и приворот,
Поэтому смерть его не берет.

Трубач

Странные вещи бывают на свете!

Вахмистр

Вот, говорят, он по звездам судит
О том, что с нами со всеми будет.
Но суть не в звездах! Тут способ иной:
Сквозь закрытые двери порою ночной
Приходит к нему старичок в покрывале.
Его часовые не раз окликали.
И лишь он появится, как тотчас
Творятся большие дела у нас.

Второй егерь

Понятно! Отдался он черту в руки,
Поэтому мы и живем без скуки!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же. Рекрут, горожанин, драгун.

Рекрут
(выходит из палатки, на голове жестяная каска, в руке бутылка с вином)

До свиданья, мамаша и отец родной!
Солдатом я стал! Не вернусь домой!

Первый егерь

Гляди-ка, еще привели новобранца.

Горожанин

О Франц! Господа, пожалейте Франца!

Рекрут
(поет)

Бой барабана!
Пушечный гром!
Новые страны
Там, за бугром!
В битву пора!
Сабля остра.
Кони заржали,
В дальние дали –
В лес или в дол,
Словно щегол,
Пой и лети.
Открыты пути!
Ура-а! Мне с Фридландцем беда — не беда!

Второй егерь

Ей-богу, будет солдат хоть куда!

Они приветствуют его.

Горожанин

Оставьте его. Он из честной семьи.

Первый егерь

А мы кто? Подкидыши, черт возьми?!

Горожанин

Но у него капиталец тетин.
Пощупайте курточку: бархат добротен!

Трубач

Глупости! Только мундир почетен!

Горожанин

Шляпная фабрика есть у отца.

Второй егерь

Не в этом счастье. Пойми, овца.

Горожанин

У бабушки москательная лавка.

Первый егерь

Фу! Серой вонючей несет от прилавка!

Горожанин

У крестной матери погреб вин,
Двадцать огромных дубовых бочек.

Трубач

Что ж, так и быть, разопьет не один.

Второй егерь

Дельно! Меня не забудь, дружочек!

Горожанин

Он невесту оставил в сердечной боли.

Первый егерь

Ну, значит, у парня железная воля.

Горожанин

Бабушку в лавке разлука скрючит.

Второй егерь

Тем лучше! Наследство скорей получит!

Вахмистр
(подходит величественным шагом и кладет руку на каску рекрута)

Отрок! Ты правильный путь избрал.
Отныне ты человеком стал.
В каске и воинском снаряженье
Примкнул ты к достойнейшему окруженью.
Духом отваги проникнись, парнишка.

Первый егерь

Проникнись и... деньги не прячь в кубышку.

Вахмистр

На корабле фортуны, подняв паруса,
Намерен ты плыть, совершать чудеса.
Большие открыты тебе расстоянья.
Отважься! Надежда мертва без дерзанья!
Пусть топчется бюргер, тупое рыло,
По кругу, как на мукомольне кобыла.
Не то у военного человека!
Война! В ней сила нашего века!

Взгляни на меня. Вот я — капрал,
И палку мне император дал.
Запомни, юноша, мир не сладок,
На палке основаны власть и порядок.
Разве скипетр, всех приводящий в страх,
Не та же палка в монарших руках?
Важно добраться до чина капрала,
Это уж, как говорят, начало.
Со временем сможешь фельдмаршалом стать.

Первый егерь

Если умеешь читать и писать.

Вахмистр

Вот расскажу тебе для примера
Историю бедного офицера
По имени Бутлер. Стояли мы, брат,
Вместе под Кёльном — лет тридцать назад.
А кто он теперь? Генерал-майор!
Всюду идет о нем разговор.
Драгунский корпус. Почет. Права.
Возвысить его захотелось фортуне.
Мои же старанья остались втуне.
Да... А возьми самого Фридландца.
Наш полководец — всему глава.
Он — повелитель, известный герой —
Когда-то был так, дворянчик простой.
Но лишь подружился с богиней войны,
Достиг невиданной вышины,
За императором он второй.
И кем еще станет?..

(Лукаво.)

А впрочем, нечего
Загадывать утром, что будет вечером!

Первый егерь

С малого начал — великим стал.
В Альтдорфе, будучи корпорантом,
Не слишком пыхтел он над фолиантом,
А дрался на шпагах и пиво хлестал.
В горячке едва школяра не угробил
И тем нюрнбергский сенат озлобил.
Они его — цап! — и на месяц в тюрьму,
Которую только пред этим открыли,

И окрестить заведенье решили
Именем первого гостя... Ему
Как поступить?.. К удивленью господ,
Пуделя он пускает вперед.
«Собачьей» с тех пор та тюрьма и зовется.
Вот это парень! Люблю полководца!
Из всех его громких подвигов, право,
Тот случай мне больше всего по нраву.

Между тем служанка накрыла на стол. Второй егерь заигрывает с нею.

Драгун
(становясь между ними)

Эй, сосед! Осторожней! Ну-ка!

Второй егерь

Прочь, дурак! Куда тянешь руку?

Драгун

Моя девчонка!

Первый егерь

Вот те и на!
Ему одному, вишь, утеха нужна.
Да ты, приятель, в своем уме ли?

Второй егерь

Тоже перину нашел для постели!
В лагере девка — что солнца свет,—
Грейся каждый, отказа нет.
(Целует ее.)

Драгун
(вырывает служанку из рук егеря)

Плевать хотел я на твой запрет!

Первый егерь

Хватит вам ссориться. Надоели!

Второй егерь

Драться так драться, коли угодно!

Вахмистр

Мир, господа! Любовь свободна!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Проходят рудокопы и наигрывают вальс, сперва медленно, потом все быстрей. Первый егерь танцует со служанкой, маркитантка — с рекрутом, служанка убегает, егерь гонится за ней и принимает в свои объятия капуцина, который как раз появляется.

Капуцин

Ай да веселье! Пир да гульня!
Примите в компанию и меня!
Вот она, армия, войско Христово!
Турки вы? Антибаптисты? Кто вы?
В воскресный-то день — и такой вертеп!
Иль мните, что бог всемогущий слеп,
Что долготерпенье его без предела?
Или иного у вас нет дела,
Как ублажать в непотребстве тело?
Quid hic statis otiosi?[1]
Черти! Буяните, то и знай!
А фурии смерти когтят Дунай.
Баварцы последней лишились твердыни,
Регенсбург в лапах врага отныне,—
А войско пирует! Вошло во вкус!
Брюхо растит и не дует в ус.
А мысли-то не о войне — о вине.
И точите вы языки — не клинки.
Подавай вам быка да бабьи бока.
Где уж словить Оксенштирна-быка?
Разорен, обнищал христианский люд,—
А у войска жратва на уме да блуд.
Час великой вселенской кары настал!
Знаменья в небе грозят бедою,
И господь среди туч широко распластал
Огненно-красную мантию боя.
Он комету, как розгу, над миром занес,
Предвещая безмерные бедствия вскоре.
Церковь стала ковчегом в кровавом море,
И не реки текут, а потоки слез.
Возьмите *римскую*-то империю.
Зовут *пилигримской* везде теперь ее.
Рейнские *воды* — поток *невзгоды*,
Монастыри — пустыри, где живут упыри.

[1] Почему вы праздно стоите? *(лат.)*

Пу́стыни превращены в *пустыни.*
Амвоны — в *загоны*, в святой обители
Свили гнезда себе *грабители.*
Благословенные наши земли
Корчатся, адскую боль приемля.
Да тут и странного нет ничего!
Все через ваше идет скотство,
Через безбожье, которым объяты
Все — от полковника до солдата.
Ведь грех-то — он словно камень-магнит,
Который железо и сталь манит.
За лиходейством следует мука,
Подобно слезе после едкого лука.
Вначале — *покой*, а потом уж — *рцы:*
Взгляните в азбуку, молодцы!
Ubi erit victoriae spes
Si offenditur Deus? [1]
В бордель от святых удираете месс
И смеете жить, на победу надеясь?
Гласит изреченье: «Коль ищешь — найдешь».
Скажем: евангельская вдовица
Сыскала утерянный ею грош;
Братьев — Иосиф; Саул — ослицу.
Но тот, кто ищет в солдатских рядах
Совесть, веру, божий страх,
Тот не сумеет найти их. Где там!
Хоть сто фонарей зажигай при этом.
Правда, другие случаи есть.
Можно у евангелистов прочесть
О том, как солдаты в пустыню явились
К отшельнику. Каялись там, крестились:
«Quid faciemus nos?» — «Что делать нам,
Чтоб в лоно вернуться твое, Авраам?»
Et ait illis,— и он им изрек,—
«Neminem concutiatis —
Не живодерничайте вовек;
Neque calumniam faciatis! —
Убойтесь лжи! — И сказал засим:—
Contenti estote — довольны будьте
Stipendiis vestris — окладом своим
И о подлых привычках ваших забудьте,
Ибо заповедь есть одна меж другими:

---

[1] Откуда возьмется надежда на победу, если го́спода оскорбили? (*лат.*)

«Не тревожьте всуе господне имя».
Но где отвратительнее бранятся,
Чем здесь, у Фридландца? Скажите, братцы!
Коль на каждую молнию или гром,
Что вы призываете злым языком,
Церковь в колокола бы звонила,
В стране бы давно звонарей не хватило.
И если бы хоть волосок один
Выпадал за каждое «чертов сын»,
Что извергает ваш рот паршивый,
К утру вся бы армия стала плешивой,
Будь вы хоть с Авессаломовой гривой.
Взять Навина — он тоже солдатом был.
А Давид Голиафа пращой убил.
Но кто сказал вам, заблудшие овцы,
Что те были ерники и сквернословцы?
Ведь как будто ничуть не трудней сказать
«С нами божья матерь!», чем «В бога мать!».
Однако известно: чем бочка полна,
То извергает наружу она.
И еще есть заповедь: «Не укради!»
Ее вы, как вижу, точно блюдете.
Зачем же красть, коль все даром берете?
От ваших уловок, угроз, обжорства
Хитросплетений и крючкотворства
Дукаты хранить в сундуке что толку?
Из чрева коровы изымете телку.
С яйцом заодно берете курей.
Вспомните, как говорил иерей:
«Contenti estote»,— учил он, бывало.
Что вам — пайка полкового мало?
А впрочем, к чему вас бранить, когда
Сверху эта идет беда.
Каков поп, таков и приход.
Возможно, и в бога не верует *тот*.

Первый егерь

Отец! Ты солдата как хочешь крой,
Но полководца не трогай!

Капуцин

Стой!
Ne custodias gregem meam! [1]

---

[1] Не стереги мою паству! *(лат.)*

Ирод! Сведенья мы имеем,
Что подбивает народы он
Пойти к язычникам на поклон.

Трубач и рекрут

Эй ты, капуцин! Проваливай вон!

Капуцин

Такой бахвал и хвастун никчемный!
Но аппетит зато огромный.
Хвалился во весь свой безбожный рот,
Что к лету крепость Штральзунд возьмет,
Будь она скрыта в небесных просторах.
Выкуси! Зря только тратил порох!

Трубач

Кто ему кляпом бы рот заткнул!

Капуцин

Вот чернокнижник! Вот царь Саул!
Гнусней Иуды и Олоферна!
Сам Люцифер! Исчадие скверны!
Не зря ему страшен петуший крик.

Оба егеря

Кончено! Крышка тебе, старик!

Капуцин

Лисица! Нет от него нам спасу!

Трубач и оба егеря
(наступая на него)

Лупи его насмерть, дырявую рясу!

Хорваты
(заслоняя капуцина)

Не бойся, попик, еще побудь!
А ну, из Библии что-нибудь!

Капуцин
(говорит еще громче)

И сей Навуходоносор надменный,
Архидьявол, посланный к нам геенной,
Известен под именем «Валленштейн»!
Не лучше ль назвать «*Убивалленштейн*»?

Как убийцу и первого негодяя?
И пока не избавитесь от Фридланда —
Не войско вы, а разбойничья банда!

При этих словах, произнесенных торжественным тоном, капуцин постепенно отступает в глубь сцены под прикрытием хорватов, сдерживающих натиск остальных солдат.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, кроме капуцина.

Первый егерь
(вахмистру)

Что это он насчет петуха?
Наверно, выдумка, чепуха?
Брешет для пущего беспорядка!

Вахмистр

Как вам сказать? Да, не все тут гладко.
Есть такой достоверный слух,
Что у герцога странно устроен слух:
Не может слышать, как кошка мяучит,
А крик петуха его просто мучит.

Первый егерь

Ну, здесь полководец на льва похож.

Вахмистр

Малейший скрип — ему в сердце нож.
Любому строжайше шуметь запрещает.
Уж больно он важные вещи решает.

Народ сбегается.

Голоса
(в палатке)

Хватайте пройдоху! Бей его! Бей!

Голос крестьянина

На помощь! Спасите!

Другие голоса

Да что там? Эй!

Первый егерь

Черт их дери! Неплохая ссора!

Второй егерь

Ввяжусь-ка в драку!
(Убегает в палатку.)

Маркитантка
(входит)

Мерзавцы! Воры!

Трубач

С чего это так кипятишься, хозяйка?

Маркитантка

Мазурик! Пьяница! Попрошайка!
И надо ж! В палатку ко мне попал!
При офицерах — такой скандал!

Вахмистр

В чем дело, сестрица? Узнать нельзя ли?

Маркитантка

В чем дело? Да вот мужика поймали.
В фальшивые кости играл, подлец!

Трубач

Ого! Их двое: сын и отец.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Солдаты волокут крестьянина.

Первый егерь

Вздернуть его!

Стрелки и драгуны

К палачу! На правеж!

Вахмистр

Да. Приказ о шулерстве был строжайший.

Маркитантка

Повесить! Тащите на сук ближайший!

Вахмистр

Что посеешь, то и пожнешь.

Первый аркебузир
(другому)

Все от нужды, брат. «Повесить его»!
Сперва разорят мужика до нитки...
А кто ему возместит убытки?
Вот и толкают на воровство.

Трубач

Как ты сказал? Да в какой это век
Не полагалась за кражу плаха?

Первый аркебузир

Крестьянин тоже ведь человек.

Первый егерь
(трубачу)

Брось их! Они из полка Тифенбаха.
Швец да жнец! Завизжат от страха!
В Бриге весь год в гарнизоне сидели,
Не шибко смыслят в солдатском деле.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и кирасиры.

Первый кирасир

Что за мужик? Прекратить скандал!

Первый стрелок

Шулер. Схвачен в одной из палаток.

Первый кирасир

Уж не тебя ли он обыграл?

Первый стрелок

Да. Обобрал с головы до пяток.

Первый кирасир

Вот как! И ты — фридландский стрелок —
Пал до такой унизительной страсти,
Что с мужиками пытаешь счастье?
А ну-ка, дядя, беги со всех ног!

Крестьянин убегает. Остальные подходят ближе.

Первый аркебузир

Здо́рово! Вот вам и приговор!
С этим народом — какой разговор!
Знать, не богемец. Гляди, как кроет!

Маркитантка

Валлонец он. Шутки шутить с ним не стоит.
Из паппенгеймовских он кирасир.

Первый драгун
(вступает в разговор)

Макс Пикколомини их командир.
В люценской битве сами войска
Избрали его командиром полка,
Когда Паппенгейму настал каюк.

Первый аркебузир

Ловко! И все-то им сходит с рук.

Первый драгун

Еще бы! На то уж и полк такой!
Всегда впереди, рвутся первыми в бой!
Свой суд у них. Сами за все отвечают.
Фридландец в них прямо души не чает.

Первый кирасир
(другому)

Так ли? А то ведь и врут порой...

Второй кирасир

Полковник сказал. Какие ж тут враки?

Первый кирасир

К чертовой матери! Мы не собаки!

Первый егерь

Вы чем-то взволнованы чрезвычайно.

Второй егерь

Уж не про нас ли тут речь случайно?

Первый кирасир

Не сладко придется и вам, видать.

Солдаты подходят.

Хотят в Нидерланды нас всех угнать:
Конных стрелков, кирасир, егерей,
Всего восемь тысяч сабель, ей-ей!

Маркитантка

Как! Значит, снова к голландцам? Вот чудо!
Я лишь вчера воротилась оттуда!

Второй кирасир
(драгунам)

Драгуны, и вы собирайте ранцы.

Первый кирасир

Особенно мы им дались — валлоны.

Маркитантка

Ба! Все первейшие эскадроны!

Первый кирасир

Будем свитой того, миланца.

Первый егерь

Инфанта? Вот так, скажу, курьез!

Второй кирасир

Попа? Сам черт эту весть принес!

Первый кирасир

Итак, по велению государя,
Покинем того, кто нам всех родней,
Испанцу своих отдадим коней.
Скряге, этой блевотной харе!
Нет! Не заманишь нас! Убежим!

Трубач

Что нам? Может, молиться с ним?
Императору будем служить в полку,
Но не испанскому колпаку!

Второй егерь

Мы служим герцогу — и конец!
Нечего нас посылать в Нидерланды.
Если б не герцог — родной наш отец,—
Сроду не видеть нас Фердинанду!

Первый драгун

А разве Фридландец не едет с нами?
Наш закон — это герцога знамя!

Вахмистр

Не тратьте попусту время, друзья.
Болтовней добиться толку нельзя.
Вижу я дальше, чем все вы вместе:
За этим кроются злые вести.

Первый егерь

Смирно! Слушать его слова!

Вахмистр

Тетушка Густель, налей сперва
Стаканчик, чтобы живот согрело.
Ну а потом расскажу, в чем дело.

Маркитантка
(наливая ему)

Вот, прошу вас... Ох, господа,
Неужели какая грозит беда?

Вахмистр

Видите, в нашей солдатской судьбе
Не вредно подумать порой о себе.
Но полководец дает совет:
Рассматривай в целом любой предмет.
Вот все мы зовемся герцогской ратью,
Бюргер квартиру дает нам без слов,
Варит нам суп, поставляет платье.
Мужик — тот последних своих волов
Отдаст для армии. Будьте любезны!
Жалуйся, плачь — тут уж все бесполезно.
Коли ефрейтор и семь кирасир
Заедут в какое-нибудь селенье,
Он вам и пастырь и командир,—
Словом, верховное управленье.
Сволочи! Съесть нас готовы со зла.
Им даже дьявол в обличье козла
Милее солдата в желтом колете.
Зачем же нас терпят, сукины дети?
Ведь не уступят числом и отвагой,
Дубиной владеют — как воин шпагой.

Так что ж не боимся мы этих бестий?
Затем что мы страшная сила все вместе.

Первый егерь

Да, да! Мы вместе — громадная сила.
Фридландец, тот вовремя смог понять,
Когда — лет десять назад это было —
Пришел он, чтоб войско себе нанять.
Двенадцать тысяч дают, а он — королю:
«Ваше величество! Не прокормлю!
Не двенадцать тысяч давайте, а шестьдесят,
И сытым будет каждый солдат!»
С этих-то пор он над нами владыка.

Вахмистр

К примеру, кто-нибудь отруби-ка
Мизинец с правой моей руки —
Решат желторотые дураки:
Старик вахмистр мизинца лишился.
Бараны! Да я без руки очутился!
Культя, обрубок,— что проку в ней?
И эти восемь тысяч коней
Для войска — мизинец. И горя мало!
Берите, дескать, не жалко нам.
Выходит, лишь пятая часть пропала?
Нет, врешь! Тут все полетит к свиньям!
Все к черту: достоинство, страх, почет.
Опять мужичье петушиться начнет.
Писцы из Вены запросят отчет
О харчах, фураже и квартирном расходе.
В общем — крышка былой свободе!
Да что там! Дождетесь, не ровен час,
Еще полководца возьмут от нас.
Сожрать его рада дворцовая знать,
Ей лишь бы повод какой сыскать.
Плевать ей, голодны мы или сыты.
Кто нам опора тогда и защита?
Кто столь влиятелен, столь силен,
Столь ясным разумом наделен,
Чтобы лоскутные наши дружины
Призвать, собрать и сплотить воедино?
Вот, для примера, драгуна возьмем.
Ты кто по рожденью? Где твой дом?

Первый драгун

Я из Ирландии.

Вахмистр
(обоим кирасирам)

Вы вдвоем
Откуда явились? Ах да, вы валлоны.
С юга. Чувствую по жаргону.

Первый кирасир

Откуда я родом — скажу едва ли.
Меня почти сосунком украли.

Вахмистр

И ты ведь тоже нездешний. Нет?

Первый аркебузир

Я из Бухау.

Вахмистр

А вы, сосед?

Второй аркебузир

Из Швейцарии прибыл недавно.

Вахмистр
(второму егерю)

Вот.
А ты какого подданства, егерь?

Второй егерь

За Висмаром мой родитель живет.

Вахмистр
(указывая на трубача)

А я и он — наша родина Эгер.
Так-то. И кто ж догадаться мог,
Что мы, прилетевшие с севера, с юга,
Чем-то разнимся друг от друга?
Мы словно сбиты в единый брусок.
Стоим против недруга войском сплоченным,
Плечом к плечу, эскадрон с эскадроном.
Мы как ветви на дереве на одном,
Мы друг друга с кивка одного поймем.

Чья воля скрепила нас и сковала
Так, что различий меж нас не стало?
Герцог спаял нас, врагам назло!

Первый егерь

А мне-то и в голову не пришло,
Что между нами спайка такая.
Сам по себе я в строю шагаю.

Первый кирасир

Верно!.. Вахмистр объяснил толково.
Они солдат загубить готовы,
Властвовать всеми не терпится им,
А мы у них на пути стоим.
Измена! Заговор в смысле прямом!

Маркитантка

Заговор? Да разрази меня гром!
Как же с долгами? Ну, я пропала!

Вахмистр

Правильно! По миру все пойдем.
Многие здешние генералы
Для шику, для важности пущей подчас
Платят войскам из собственных касс.
Ну, и растратились не по средствам.
Думали, враг одарит их наследством.
Конечно, все их добро пропадет,
Если глава, если герцог падет.

Маркитантка
(показывает долговую книгу)

Господи боже мой! Вот не лгу —
Пол-армии здесь у меня в долгу.
Граф Изолани — изволь, всмотрись ты —
Один мне должен талеров триста.

Первый кирасир

Какой тут выход? Ребята, взвесьте!
С нами не сделают ничего,
Коли по-прежнему будем вместе,
Коли мы встанем за *одного*.
Пусть на приказы изводят бумагу,
Врастем в Богемию — и ни шагу!

Ни в какие марши, ни в какой поход!
Дело о чести солдатской идет!

Второй кирасир

Останемся здесь! Не пойдем никуда!
Напрасно вы сунулись к нам, господа!

Первый аркебузир

Друзья, одумайтесь! Как же так?
Императора воля ведь не пустяк.

Трубач

Плевать мы хотели на эту волю!

Первый аркебузир

Я вам кощунствовать не позволю!

Трубач

Но я останусь при том же мненье.

Первый егерь

Да, да! И я так слыхал не раз:
Здесь в силе только Фридландца приказ.

Вахмистр

На то особое есть соглашенье.
Имеет право наш командир
Войну объявлять и подписывать мир.
Захочет — арест на именье наложит,
Может казнить он и миловать может,
Производить в полковники и другие чины,—
Огромные, словом, права даны
Фридландцу монархом. Так кто ж ему равен?

Первый аркебузир

Герцог, конечно, могуч и славен,
Но он остается, как всякий другой,
Императору нашему только слугой.

Вахмистр

Нет, не как всякий! Господь с тобой!
Имеет не просто он чин офицерский.
Подобно Баварцу, он князь имперский.
Разве глаза меня обманули,
Когда я в Брандейсе был в карауле?

Помню, с покрытым челом генерал
Перед самим Фердинандом стоял.

Первый аркебузир

Но это был особый парад:
Мекленбург он получал в заклад.

Первый егерь
(вахмистру)

При государе не снял он каску?
Ну, это прямо похоже на сказку!

Вахмистр
(что-то ищет в кармане)

Что ж! Если вас не проймешь словами,
Тогда извольте пощупать сами.
(Достает монету.)
Глядите: кто это?

Маркитантка

Дайте сюда!
Да тут Валленштейн и орел парящий!

Вахмистр

Вот вам! Довольны теперь, господа?
Чем он, скажите, не князь настоящий?
Монету чеканит, торговлю ведет,
Имеет свою страну, свой народ,
Велит себя «светлостью» называть.
Значит, и войско может держать!

Первый аркебузир

Да ведь совсем не об этом спор.
Но мы-то служили кому до сих пор?
Кто платит нам деньги? Кто? Император!

Трубач

Все это я отметаю! Вздор!
Кто *денег не платит нам?* Кто? Император!
Сорок недель, как напрасно сулят
Выдать солдатам двойной оклад.

Первый аркебузир

Дело здесь верное. Честное слово!

Первый кирасир

Хватит вам! Вы уж сцепиться готовы.
Разве о том разговор сейчас,
Что император нам не указ?
Напротив. Желая драться геройски,
Как рейтары в славном имперском войске,
Долгу солдатскому будучи рады,
Мы не хотим превратиться в стадо,
Чтобы попы, шарлатаны, дельцы
Гуртом нас гнали во все концы.
Или страдает монаршья честь,
Коли в войсках самолюбие есть?
Сами судите: ведь только солдатам
Обязан монарх тем, что стал потентатом.
Чьей, как не нашей, солдатской, рукой
Ему обеспечен почет такой?
Так за что же должны мы страдать под ярмом
Тех, кто с ним жрет за одним столом,
В золоте ходит, важнее павы?
Ведь нам от богатства его и славы
Нет ничего, кроме бед и печали,
Кем бы себя мы в душе ни считали!

Второй егерь

Обычно великие люди мира
Мудрее смотрели на честь мундира.
Всех и вся повергали в страх,
Зато уж носили солдат на руках.

Первый кирасир

Надо иметь к себе уваженье.
Если в душе достоинства нет,
Брось аркебуз и снимай колет.
Раз уж я жизнью играю в сраженье —
Значит, удел необычен мой.
Или я просто скот для убоя
И, как хорват, ни полушки не стою.

Оба егеря

Правильно! Честь выше жизни самой!

Первый кирасир

Меч не соха, не лопата, не плуг.
Мечами не жнут и не пашут, друг.

Не для нас золотые колосья шумят.
Бесприютен на свете солдат.
Он сквозь снег и сквозь ливень летит на врага.
Ни земли, ни домашнего нет очага.
Ослепительный блеск больших городов,
Крыши маленьких сел в струйках сизого дыма,
Виноградные лозы и сбор плодов
Мы лишь издали видим, шагая мимо.
Так какое ж добро у солдата есть?
Только доблесть его да солдатская честь.
Не сумей мы гордости этой сберечь,
Оставалось бы только грабить и жечь.

Первый аркебузир

Видит бог — горемычная жизнь у нас!

Первый кирасир

А по мне — лучше всякой другой в сто раз!
Посмотрите: объездил я целый свет,
Рассказов хватило б на много лет.
Кому не служил я? Короне испанской,
Неаполитанскому королю,
Затем республике венецианской.
И понял: счастья нигде не словлю.
Знавал я купцов, паладинов, пиратов,
Видал ремесленников и прелатов,
Но милей, чем в камзоле или в сутане,
Мне в этом железном моем кафтане.

Первый аркебузир

Ну, этого я бы сказать не мог.

Первый кирасир

Кто хочет урвать пожирней кусок,
Должен спешить и сбиваться с ног.
Кто почестей жаждет, стремится к чину,
Под ношей златой пусть сгибает спину.
Кому семейная радость нужна,
Чтоб детки росли и толстела жена,—
Займись ремеслом да сиди на покое.
А мне так противно житье такое.
Вольно живу и помру на ходу.
Ближних не граблю, наследства не жду

И на людскую возню вкруг меня
С улыбкой гляжу с высоты коня.

Первый егерь

Браво, товарищ! Так мыслю и я!

Первый аркебузир

Еще бы, коли привычно вам
Всю жизнь скакать по чужим головам.

Первый кирасир

Эх, парень! Дурные пошли времена.
На меч и то упала цена.
Но пусть не подумают, что к мечу
Стремлюсь я и только войны хочу.
Я — человек и на поле боя.
Однако не дам помыкать собою!

Первый аркебузир

Кто ж виноват, как не мы, солдаты,
Что податные к стене прижаты?
Война — причина несметных бед —
Длится скоро шестнадцать лет.

Первый кирасир

Видишь ли, брат, даже бог не в силе
Сделать так, чтоб все сразу довольны были.
Мы — солнцу рады, вас — зной гнетет.
Этот ждет вёдра, а ливня — тот.
Что для тебя лишь причина бед —
Для меня благодатный полуденный свет.
Я не спорю: три шкуры дерут с мужика
Да с бюргера. Жалость к ним велика.
Но помочь не могу, хоть грех сознаю.
Это прямо как в рубке, в лихом бою:
Кони рвутся вперед — не сдержать никак.
Тут попробуй кто на дороге ляг!
Будь то сын родной иль отец-старик,
Разорви мне душу их страшный крик —
Все равно растопчу, искалечу тела.
С пути не свернешь, не покинешь седла.

Первый егерь

На то и воюем! Была не была!

Первый кирасир

И если случилось в какой-то раз,
Что счастья луч блеснул и для нас,
Тут уж робеть и теряться обидно.
Недолго продлится война, очевидно.
Месяц-другой — и подпишут мир.
Вот и окончен солдатский пир.
Крестьяне — в ход, а солдатам — шиш!
И все по старинке пойдет, глядишь.
Но пока мы единое войско в стране
И, как говорится, еще на коне,
Мы не должны дробить эту силу.
Не то вся еда пролетит мимо рыла.

Первый егерь

Нет! Этому не бывать вовек!
Встанем стеной, как один человек!

Второй егерь

Правильно! Сдружимся в общем деле!

Первый аркебузир
(достав кожаную сумочку, маркитантке)

На сколько, тетушка, мы наели?

Маркитантка

Ладно, сочтемся без канители.
(Считает.)

Трубач

Давно вам пора по своим делам,
А то компанию портите нам.

Аркебузиры уходят.

Первый кирасир

Жаль их. Славные, в общем, ребята.

Первый егерь

Да. Только разумом не богаты.

Второй егерь

Давайте решать. Посторонних здесь нет.
Какой на приказ мы дадим ответ?

Трубач

А просто: Богемию я не покину!

Первый кирасир

Нельзя, господа, нарушать дисциплину!
Каждый пусть в корпус к себе идет,
Чтоб известить остальной народ.
Так, мол: получены грозные вести,
Поэтому надо держаться вместе.
Я за валлонов ручаюсь вполне.
Об их настроенье судите по мне.

Вахмистр

Части Терцки — конный и пеший строй —
Готовы за герцога встать горой!

Второй кирасир
(становится рядом с первым)

Ну, где ломбардец, там и валлон.

Первый егерь

Свобода для егеря — высший закон!

Второй егерь

Свобода там, где властвует шпага,
За Валленштейна костьми я лягу!

Первый стрелок

Лотарингец бравый идет туда,
Где веселье и радость живут всегда.

Драгун

Ирландец верен счастливой звезде.

Второй стрелок

Тиролец вождя не бросает в беде.

Первый кирасир

Итак, пусть каждый полк, господа,
Рапорт напишет по форме и чести,
Что мы хотим оставаться вместе,
Что ни силой, ни хитростью и ни лестью
От герцога нас не отнять никогда,—
Потому как он солдату отец.

И все это надо вручить наконец
Пикколомини, я разумею — сыну.
Он понимает нашу кручину
И разберется в таких делах.
Фридландец его уважает — страх!
Вот не глядит, что других он моложе.
И во дворце с ним считаются тоже.

Второй егерь

Ясно! Давай! Порешили на том!
Пикколомини будет нашим послом!

Трубач, драгун, первый егерь, второй кирасир, стрелки
(все разом)

Пикколомини будет нашим послом!
(Хотят уйти.)

Вахмистр

Ну, по стаканчику — и пошли!
За Пикколомини Макса! Пли!
(Пьют.)

Маркитантка
(приносит еще бутылку)

Это бесплатно. Держи, земляк.
От сердца желаю вам всяких благ!

Кирасир

За то, чтобы воинство процветало!

Оба егеря

За то, чтоб нас бюргер кормил до отвала!

Драгун и стрелки

За армию! За боевое знамя!

Трубач и вахмистр

За то, чтоб Фридландец командовал нами!

Второй кирасир
(поет)

Друзья, на коней! Покидаем ночлег!
В широкое поле ускачем!

Лишь там не унижен еще человек,
Лишь в поле мы кое-что значим.
И нет там заступников ни у кого,
Там каждый стоит за себя самого.

Во время пения остальные солдаты приближаются и образуют хор.

Хор

И нет там заступников ни у кого,
Там каждый стоит за себя самого.

Драгун

Свободы теперь на земле не найдешь —
Застыли рабы на коленях.
И властвует злоба, коварство, ложь
В трусливых людских поколеньях.
И только солдат никому не слуга,
Он смерти самой обломает рога!

Хор

И только солдат никому не слуга,
Он смерти самой обломает рога!

Первый егерь

Он страха не знает, робеть не привык.
Опасность его не тревожит:
Навстречу судьбе он летит напрямик
И завтра с ней встретиться может.
Что ж, завтра так завтра! А нынче сердца
Остаток веселья допьют до конца!

Хор

Что ж, завтра так завтра! А нынче сердца
Остаток веселья допьют до конца!

Стаканы вновь наполняются. Солдаты чокаются и пьют.

Вахмистр

Он счастья не клянчит, а в битвах берет.
Шлет небо удачу герою.
Батрак, тот в земле копошится, как крот.
«Здесь, думает, клад я отрою!»
Он роет и роет, покорный судьбе,
А выроет только могилу себе.

Хор

Он роет и роет, покорный судьбе,
А выроет только могилу себе.

Первый егерь

Вот в замок, где люстры сияют в окне,
Сверкают, как сотни жемчужин,
Непрошеный гость на горячем коне
Прискачет на свадебный ужин.
Не даст он подарков, не станет ждать,
А выкуп любовью велит подать.

Хор

Не даст он подарков, не станет ждать,
А выкуп любовью велит подать!

Второй кирасир

С чего тебя, девка, тоска извела?
Не плачь, все равно не поможет!
Ведь нет у него своего угла,
И верность хранить он не может.
Простится с тобой — помчится к другим,
Военной судьбою по свету гоним.

Хор

Простится с тобой — помчится к другим,
Военной судьбою по свету гоним.

Первый егерь берет за руки двух рядом стоящих; остальные поступают так же. Все участники сцены образуют большой полукруг.

Первый егерь

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продуто.
Веселье и молодость брагой кипят.
Ловите святые минуты!
Ставь жизнь свою нá кон в игре боевой:
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш — твой!

Хор

Ставь жизнь свою нá кон в игре боевой:
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш — твой!

Хор поет. Занавес медленно падает.

СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Валленштейн.
Октавио Пикколо́мини.
Макс Пикколомини.
Терцки.
Илло.
Изолани.
Бутлер.
Ротмистр Нойман.
Адъютант.
Полковник Врангель, посланец шведов к Валленштейну.
Гордон, комендант крепости Эгер.
Майор Геральдин.
Деверу, Макдональд — капитаны в войске Валленштейна.
Шведский капитан.
Посланцы кирасир.
Бургомистр Эгера.
Сэни.
Герцогиня Фридланд.
Графиня Терцки.
Тэкла.
Нойбрунн, придворная дама, Фон Розенберг, конюший — принцессы Тэклы.
Драгун.
Слуги. Пажи. Народ.

Место действия первых трех актов Пильзен,
двух последних — Эгер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната астролога: глобусы, изображающие небесную сферу, карты, квадранты и прочие приспособления для астрономических наблюдений; в глубине сцены, в небольшом круглом покое, виднеются, за раздвинутым занавесом, семь причудливо освещенных статуй,— олицетворения планет,— каждая в своей нише. Сэни наблюдает небесные светила. Валленштейн стоит перед большой черной доской, на которой начертано положение планет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Валленштейн. Сэни.

Валленштейн

Довольно с нас. Ко мне спускайся, Сэни.
Забрезжил день, в права вступает Марс.
Пора для наблюдений миновала!
Узнали мы, что нужно.

Сэни

Дай мне, герцог,
Венеру проследить. Она восходит,
Сияя, словно солнце, на востоке.

Валленштейн

Да, близко подошла она к Земле,
Всего сильней теперь ее влиянье.
(Рассматривает начертание планет на доске.)
Счастливое стечение планет,
Великая триада роковая!
Губительный, коварный *Марс* попал
Меж двух светил, ко мне столь благосклонных,
Венеры и *Юпитера*,— они
Зловредного врага нам подчинят.
Как долго он, отвесно иль наклонно,—

То в *четверти*, то в *противостоянье*,—
Слал молнии кровавые лучей
На эти животворные светила
И подрывал их благостную мощь.
Но побежден теперь мой недруг давний,
Смотри, его как пленника влекут.

Сэни

А эти две великие планеты
Вреда сейчас не терпят от других!
Сатурн стал слаб, он — in cadente domo.

Валленштейн

Пришел конец владычеству Сатурна,—
Ему подвластны силы недр земных,
И наших душ глухие тайники,
И все, что в мире избегает света.
Но время скрытых замыслов прошло,—
Блистательный Юпитер нами правит,
И дело, созревавшее во тьме,
Он в царство света властно увлекает...
Немедля надо действовать, не то
Счастливое исчезнет сочетанье,—
В движенье вечном звездный небосвод!

В дверь стучат.

Стучат. Спроси.

Терцки
(снаружи)

Открой мне!

Валленштейн

Это Терцки.
Что там стряслось? Мы заняты сейчас.

Терцки
(снаружи)

Бросай свои дела. Прошу тебя.
Минуты нам нельзя терять.

Валленштейн
(обращаясь к Сэни)

Открой.

Пока Сэни впускает Терцки, Валленштейн задергивает занавес перед статуями.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Валленштейн. Граф Терцки.

Терцки
(входя)

Слыхал? Он в руки Галласу попался,
Он выдан императору на суд!

Валленштейн
(графу Терцки)

Кто Галласу попался? Кто там выдан?

Терцки

Да тот, кто в наши тайны посвящен,
Кто часто ездил к шведам и саксонцам,
Через кого сношенья мы вели...

Валленштейн
(отшатнувшись)

Сезин? Неужто он? Не может быть!

Терцки

Он направлялся к шведам в Регенсбург,
Но Галласа разведкой был задержан,
Она уже давно за ним следила.
С ним были письма к графам Турну, Кински,
К фон Арнхайму, а также к Оксеншерну.
Ну, словом, весь пакет у них в руках,—
На многое он там глаза откроет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Входит Илло.

Илло
(обращаясь к Терцки)

Он знает?

Терцки

Знает.

Илло
(Валленштейну)

Думаешь ли ты,
Что примиренье все еще возможно

И двор тебе вновь станет доверять?
Допустим, ты свои оставишь планы...
Там знают всё. Теперь твой путь — вперед,
Отрезаны пути для отступленья.

Терцки

У них в руках бумаги против нас,
Свидетельства намерений столь явных...

Валленштейн

Не я писал. Неправду говоришь.

Илло

Как? Твой свояк ведет переговоры
От твоего лица, и ты считаешь,
Что это не вменят *тебе* в вину?
Его слова сочтут твоими шведы,
А в Вене их твоими не сочтут?

Терцки

Своей рукой ты не писал... Но вспомни,
Как много слышал от тебя Сезин.
И будет он молчать? И тайн твоих,
Себя спасая, не откроет он?

Илло

И ты об этом даже не подумал!
Там знают, как ты далеко зашел.
Скажи! Чего ты ждешь? Ведь ты не в силах
Командованье войском удержать,
А сложишь сан — тебе спасенья нет.

Валленштейн

Да, вся моя надежда на войска.
Войска со мной. Пусть много знает Вена,—
Проглотят всё, когда за мною — власть...
А если я дам верности залог,
То при дворе еще и рады будут.

Илло

Войска твои. Пока еще твои.
Но бойся власти времени безмолвной,
Медлительной; и если от насилья
Открытого — войска тебя сегодня,

А может быть, и завтра защитят,
То их любовь к вождю там подрывать
Начнут, и не приметишь, как растают
Ряды твоих сторонников. Когда же
Удар подземный грянет,— рухнет зданье,
Подточенное исподволь коварством.

Валленштейн

Какой злосчастный случай!

Илло

О, я его счастливым бы назвал,
Когда б тебя он действовать заставил
Без промедленья... Там полковник шведский...

Валленштейн

Он здесь? А ты не знаешь, с чем он прибыл?

Илло

Он лишь тебе доверить это вправе.

Валленштейн

Злосчастный... Да! Какой злосчастный случай!
Немало может рассказать Сезин.

Терцки

Неужто он, мятежник, беглый чех,
Когда ему расправой пригрозят,
Захочет выгораживать тебя?
И если пытке там его подвергнут,
То, слабый духом, как он устоит?..

Валленштейн
(в глубоком раздумье)

Вернуть к себе доверье нет надежды.
А действовать начну, как замышлял,—
Они меня изменником объявят.
Я честно мог бы выполнить свой долг,
Но мне теперь все это не поможет...

Илло

Скажи, погубит. Все припишет Вена
Не чувству долга — слабости твоей.

Валленштейн
(взволнованно расхаживает взад и вперед)

Как? Предстоит всерьез исполнить то,
Чем тешился я в мыслях слишком вольных?
Будь проклята игра с огнем!..

Илло

О, если ты шутил, то будь уверен, —
Нешуточная ждет тебя расплата.

Валленштейн

И это надо совершить теперь,
Теперь, пока еще за мною сила...

Илло

Удар последний их ошеломил,
Опомнятся они — и будет поздно...

Валленштейн
(просматривая подписи)

Все командиры подписались... Нет
Лишь Макса Пикколомини. В чем дело?

Терцки

Он... полагал...

Илло

Пустое самомненье!
Он счел, что это лишнее меж вами.

Валленштейн

Да, лишнее, и он, конечно, прав...
Полки мне рапорт подали, чтоб их
Не посылать во Фландрию с инфантом;
Они сопротивляются приказу,
Вот вам уже к восстанью первый шаг.

Илло

Они с тобой к врагу примкнут охотней,
Чем без тебя к Испанцу перейдут.

Валленштейн

Что ж, так и быть, я выслушаю шведа.

И л л о
(поспешно)

Угодно, Терцки, вам его позвать?
Он ждет приема.

В а л л е н ш т е й н

Погоди немного.
Он поспешил... застиг меня врасплох...
Я случаю слепому не вверяюсь,
Его угрюмой власти не приму.

И л л о

Ты выслушай сперва. А после — взвесь.

Илло и Терцки уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В а л л е н ш т е й н
(один)

Возможно ль? Захотеть — и быть не в силах?
Что ж, я не властен возвратиться вспять?
И потому я *совершить* обязан
Деяние, *задуманное* мною,
Что от себя не отстранял соблазна,
Но тешил сердце тайною мечтой,
Обдумывая средства к смутной цели
И оставляя к ней открытый путь?..
Свидетель бог! То не было всерьез,
Я твердого не принимал решенья.
Лишь в думах я испытывал отраду;
Меня влекли возможность и свобода.
Иль осуждать меня за то, что я
Химерой праздной тешился о троне?
Иль не был я в душе своей свободен,
И разве я не видел в стороне
Надежного пути для отступленья?
Но вдруг смотрю: да где же это я?
Тропы назад не видно, и стена
Из собственных моих деяний встала,
Стезю к возврату преградив!..
(Останавливается в глубокой задумчивости.)

Преступным я кажусь, и никогда
Я не смогу сложить с себя вину!
Жизнь двойственна — и это мне во вред...
Ведь даже чистых дел благой источник
Недобрые отравят подозренья.
Когда б я в самом деле был изменник,
То, сохраняя безупречный вид,
Личину бы я наглухо надел,
И возбуждать не стал бы недовольства.
Но, невиновный и несовращенный,
Порывам страсти волю я давал...
И дерзок был, но только на словах.
А ныне все, что с уст порой срывалось,
Обдуманным намереньем представят;
Что́ в гневе иль в веселую минуту
Я от избытка сердца говорил,
Враги одно с другим так ловко свяжут,
Такую вдруг припишут мне вину,
Что я от удивленья онемею.
Я сам попался в собственные сети,
И разорвать их может только сила.

(Снова останавливается.)

Какая перемена! Я недавно
Любую цель себе свободно ставил;
Но крайность нас жестоко подгоняет.
Суров неотвратимости закон!
Мы не без дрожи опускаем руку
В таинственную урну наших судеб.
Коль замысел отважный скрыт в груди,
Он — мой; но стоит лишь ему покинуть
Глубины сердца, где он зародился,
Как в вихрях жизни, словно на чужбине,
Игрушкою он станет злобных сил,
Которых никому не усмирить.

(Быстро ходит по комнате, потом снова останавливается в задумчивости.)

Ну, а твоя затея? Честно ль ты
В ней разобрался? Потрясти ты хочешь
Власть, что царит уверенно, спокойно,
Ту власть, что, освященная веками,
Обычаями жизни повседневной
И верой простодушного народа,
Укоренилась тысячью корней.
Здесь ждет борьба не силы против силы,

Я не страшусь ее. Врагу любому
Готов я смело посмотреть в глаза,—
Отважный враг во мне отвагу будит.
Я недруга незримого боюсь,
Что мне противоборствует в сердцах
И малодушьем повседневным страшен...
Не то внушает ужас, что опасно
И что, живое, борется с живым,—
В обыденном весь ужас, в вековечном
Возврате неизбывного «вчера»,
Того «вчера», что ныне всем значеньем
Обязано отжившему былому!
Обыденность — вот имя человеку,
Привычка же — кормилица его.
Беда тому, кто посягнул на скарб,
Завещанный веками! *Старина*
Седая, обомшелая священна,
И если ты обязан ей правами,
Благоговеть пред ними будет чернь.
(Входящему пажу.)
Полковник шведский здесь? Так пусть войдет.

Паж уходит.

(Валленштейн устремляет взор на дверь и задумывается.)
Она еще чиста!.. Через порог
Не заносило ногу преступленье...
Узка межа двух жизненных путей!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Валленштейн и Врангель.

Валленштейн
(устремив на вошедшего испытующий взгляд)
Так ваше имя Врангель?

Врангель

Густав Врангель,
Зюдерманландцы — полк мой голубой.

Валленштейн

Под Штральзундом отважною защитой
Большой урон нанес мне некий Врангель,—
Из-за него осаду снять пришлось.

Врангель

То не моя была заслуга, герцог,—
Сама стихия вам дала отпор!
Бельт, разъярясь, спасал свою свободу,
Чтоб *только суша* вам была покорна.

Валленштейн

Вы шляпу адмирала с головы
Сорвали мне.

Врангель

Чтоб возложить — корону!

Валленштейн
(знаком приглашает его сесть и сам садится)

Так, грамота посла. Вы полномочны?

Врангель
(с озабоченным видом)

Нам надо разрешить еще сомненья...

Валленштейн
(прочитав послание)

Вот дельное письмо! Глубокий ум
У вашего правителя, полковник.
Ваш канцлер написал: он только мысль
Покойного исполнит короля,
Когда мне чешский трон занять поможет.

Врангель

Да, это так. Почивший наш король
Высокого был мнения о вашем
Уме и полководческом искусстве.
Он повторял: да будет королем
Тот, у кого есть дар повелевать.

Валленштейн

Он вправе был так говорить.
(Дружески взяв Врангеля за руку.)
Полковник Врангель, буду откровенен...
В душе всегда сочувствовал я шведам...
В Силезии, под Нюрнбергом и позже
Вы были у меня в руках, но я

Вам постоянно оставлял лазейку,
И этого простить не может Вена.
Меня толкают на последний шаг...
Совпали, к счастью, наши интересы,
Пришла для нас доверия пора.

Врангель

Доверие придет само собой,
Лишь стоит дать надежные залоги.

Валленштейн

Да, канцлер мне еще не доверяет,
Не в пользу мне сейчас игра идет...
Он думает, что если я способен
Искусно государя обыграть,
То опасаться он, конечно, вправе,
Что поступлю я так же и с врагами,
А это *не такая уж вина.*
Скажите, вы того же мненья, Врангель?

Врангель

Где долг посла, там личных мнений нет.

Валленштейн

До крайности довел меня монарх,
И честно я служить ему не в силах.
Мне угрожают — и к самозащите
Я, как ни горько, вынужден прибегнуть.

Врангель

Да. Лишь нужда так далеко заводит.
(Помолчав.)
Что против государя своего
Заставило подняться вашу светлость,
Об этом нам судить не подобает.
За доброе вступились дело шведы,
И добрый меч и совесть — наш оплот.
А этот случай нам благоприятен,—
В войне годится каждый лишний шанс,
И мы его охотно принимаем.
Что ж, если все на самом деле так...

Валленштейн

А в чем сомненья? В целях Валленштейна?
Иль в силах? Я дал Оксеншерну слово:
Пусть вверит мне шестнадцать тысяч шведов,
Я восемнадцать тысяч к ним прибавлю
Солдат имперских...

Врангель

Ваша светлость, вы
Известны как великий полководец,
Вы — А́ттила второй иль новый Пирр.
До сей поры молва не умолкает,
Как много лет назад из ничего
Сильнейшее вы вдруг создали войско.
Однако...

Валленштейн

Что же?

Врангель

Думает наш канцлер,
Что легче войско тысяч в шестьдесят
Вам выставить, чем тысячу склонить...
(Умолкает.)

Валленштейн

К чему склонить войска мои, полковник?
Смелее говорите!

Врангель

К вероломству.

Валленштейн

Он думает как швед и протестант.
Вы преданы умом и сердцем делу,
Идете в бой за Библию свою;
Вы *беззаветно* служите знаменам...
И кто из *вас* перебежал к врагу,
Тот изменил и королю и богу.
Об этом здесь не может быть и речи...

Врангель

О, боже! Как, для вашего народа
Отчизны нет? Нет очага? Нет церкви?

Валленштейн

Я объясню вам все, полковник... Да,
Есть родина у каждого австрийца,
И есть за что ему любить ее.
Но родины *у войск имперских* нет,
Которые здесь, в Чехии, стоят.
Все это войско — стран чужих отбросы,
Одна лишь это чернь, и, кроме солнца,
Что светит всем, нет общего у ней.
А Чехия, из-за которой мы
Сражаемся, не любит государя,—
Ведь он был ей оружием навязан!
Под игом чуждой веры, чуждой власти,
Хоть и запуган, ропщет всюду чех.
В нем жгучая не угасает память
Об ужасах, терзавших эту землю.
Да разве сын забудет, что австрийцы,
Спустив собак, отца на мессу гнали?
Народ, так много испытавший, страшен
И в мщенье... и в покорности своей.

Врангель

А что дворянство? Что же офицеры?
Подобному коварству, ваша светлость,
Примера нет в истории земли.

Валленштейн

Они со мной без всяких оговорок.
Не верьте мне, своим глазам поверьте.

Подает ему клятву командиров. Врангель пробегает ее и кладет молча на стол.

Ну как? Понятно вам?

Врангель

Как тут понять!
Что ж, я сниму личину... Ваша светлость,
Я канцлером на все уполномочен.
Отсюда в четырех днях перехода
Стан Рейнграфа, а в нем — пятнадцать тысяч,
И это войско к вам тотчас примкнет,
Как только мы достигнем соглашенья.

Валленштейн

Чего же канцлер требует?

Врангель
(значительно)

Двенадцать там полков, и это — шведы.
Я головой за них в ответе, герцог.
Так если все окажется игрою...

Валленштейн
(вспылив)

Полковник!

Врангель
(спокойно продолжает)

Я настаивать обязан,
Чтоб герцог Фридланд с Веной разорвал,
Иначе мы ему не вверим шведов.

Валленштейн

Чего же вам? Короче и прямей!

Врангель

Вы преданные Габсбургам полки
Испанские должны обезоружить;
Затем, взяв Прагу, передать ее
И крепость Эгер шведским гарнизонам.

Валленштейн

Нет, это слишком! Прагу? Пусть бы Эгер!
Но Прагу? Нет. Любому притязанью
Разумному всегда пойду навстречу,
А Чехию... сам буду защищать.

Врангель

Допустим, так. Но дело не в защите.
Людей и средства шведы не хотят
Терять напрасно, герцог.

Валленштейн

Что ж, вы правы.

Врангель

Пока мы своего не получили,
Залогом — Прага.

Валленштейн

Где же к нам доверье?

Врангель
(встает)

Остерегаться немца должен швед.
Сюда нас как спасителей призвали;
Мы отвратили гибель от страны...
И нашей кровью тут запечатлели
Евангелия истины святые,
Свободу веры... Но забыто все!
Обузой нас считают немцы, косо
На чужеземцев смотрят и хотят,
Чтоб мы ушли со скудною добычей
В свои леса... Не ради мзды Иуды,
Не ради золота и серебра
В бою погиб наш доблестный король;
Не серебро, не золото прельщали
Так щедро ливших кровь свою дворян!
Мы не хотим на родину отплыть,
В сраженьях лавры скудные стяжав,—
Как *граждане* останемся в краю,
Что кровью короля был завоеван.

Валленштейн

Лишь помогите мне сломить врага,
И — ваш прекрасный край тот пограничный.

Врангель

Когда повержен общий будет враг,
Кто укрепит согласье между нами?
Ведь нам известно, герцог,— хоть об этом
Не должен и догадываться швед,—
Что вы гонцов к Саксонцу посылали.
Кто поручится нам, что сговор тайный
Нас в жертву беспощадно не обрек?

Валленштейн

Умно ваш канцлер выбирал посла,
Он никого не мог найти упорней.
(Вставая.)
Придумайте другое, Густав Врангель.
А Прага... нет!

Врангель

Я уступить не вправе.

Валленштейн

Отдать свою столицу вам! Нет, лучше
Мириться с Веной.

Врангель

Если уж не поздно.

Валленштейн

Решаю я, сейчас, в любое время!

Врангель

Да, прежде вы решали. Нынче — нет!..
С тех пор как в плен попал Сезин, уж нет.

Валленштейн смущенно молчит.

Мы верим, князь, что с нами вы честны —
Второй уж день, как верим... А теперь
Порукой нам за *войско* — этот лист.
Да, нет препятствий на пути к доверью.
Нас Прага не поссорит: Оксеншерн
Войдет лишь в Ста́ре Ме́сто, ваша милость
Градчаны и Заречье в ней займет.
Но Эгер должен нам открыть ворота,—
Иначе мы к вам, герцог, не примкнем.

Валленштейн

Я доверять — обязан! Вы мне — нет?
Придется взвесить ваше предложенье.

Врангель

Но я прошу не очень с этим медлить.
Ведь целый год прошел в переговорах;
Так если нынче не придем к согласью,
То канцлер навсегда их прекратит.

Валленштейн

Так торопить нельзя. Обдумать надо
Столь важный шаг.

Врангель

Обдумать было время!
А нынче все решает быстрота.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Валленштейн. Илло и Терцки возвращаются.

Илло

Ну, что?

Терцки

Ты с ним поладил?

Илло

Этот швед
Ушел довольный. Вы пришли к согласью.

Валленштейн

Ничто не решено! И... поразмыслив,
Я откажусь, пожалуй.

Терцки

Как! Да что ты?

Валленштейн

Чтоб милостями шведов стал я жить!
Надменных шведов? Это нестерпимо.

Илло

Ты кто? Беглец? Ты к ним пришел с мольбой?
Ты больше им даешь, чем получаешь.

Валленштейн

Но вспомните, как было с тем Бурбоном,
Что продался врагам своей отчизны,
Ей за ударом наносил удар.
Народ ему презрением ответил,
Проклятьем злодеянье заклеймил.

Илло

При чем здесь ты?

Валленштейн

Поймите же, что верность
Для человека — тот же кровный друг,
Он за измену должен отомстить.
Сектантов распри, ярость партий, зависть
И ревность беспокойная смолкают,
Свирепая борьба стихает вмиг,
И недруги заклятые мирятся,
Чтоб ринуться на *общего* врага,
Который, словно дикий зверь, ворвался
В надежно защищенное жилище...
С таким никто не сладит в одиночку.
Глаза даны природой, чтоб вперед
Смотрели мы, а верность нас должна
Оберегать от нападенья с тыла.

Терцки

Себя ты судишь строже, чем враги,
Что радостно нам протянули руку.
И нынешнего государя прадед,
Карл Пятый, тоже не был так разборчив:
Объятья он раскрыл тому Бурбону,
Ведь правит миром лишь одна корысть!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и графиня Терцки.

Валленштейн

А вы зачем? Здесь женщинам не место.

Графиня

Я лишь затем пришла, чтобы поздравить...
Неужто слишком рано? Быть не может!

Валленштейн
(обращаясь к Терцки)

Ты муж ее. Так попроси уйти.

Графиня

Я короля дала однажды чехам.

Валленштейн

Его уж нет!

Графиня

(остальным)

В чем дело? Говорите!

Терцки

Не хочет герцог.

Графиня

Должен — и не хочет?

Илло

Возьмитесь вы! А я сдаюсь, когда
Мне говорят о совести и долге.

Графиня

Ах, так? Ты был решителен и тверд,
Когда вдали неясно цель виднелась
И бесконечным к ней казался путь...
Когда ж мечта вот-вот осуществится,
Ты оробел, заколебался вновь?
Выходит, ты лишь в замыслах отважен,
В деяньях — нет? Что ж, Альбрехт, оправдай
Своих врагов злорадные расчеты!
Они иного от тебя не ждут.
В злом умысле твоем уверен каждый,—
Нетрудно им тебя изобличить,—
Но в то, что ты дерзнешь, никто не верит,
Иначе пред тобой бы трепетали.
Теперь, когда зашел ты так далёко,
Когда им даже худшее открыто
И злодеяньем замысел сочтен,—
Отступишь, так и не сорвав плода?
При неудаче обвинят в измене,
А победишь, бессмертьем увенчают.
Известно: победителя не судят,
Что ни случись — все божий приговор!

Слуга

(входя)

Полковник Пикколомини.

Графиня
(поспешно)

Не время!

Валленштейн

Я не могу сейчас его принять.

Слуга

Он просит только несколько минут,
По делу неотложному...

Валленштейн

С чем он пришел? Я выслушать хочу.

Графиня
(смеется)

Что спешно для него, тебе не к спеху.

Валленштейн

Как это понимать?

Графиня

Потом скажу.
Подумай, с чем ты Врангеля отпустишь.

Слуга уходит.

Валленштейн

Нет выбора... Когда б другой исход
Возможен был... я б на него решился;
Я крайностей хотел бы избежать.

Графиня

Когда сейчас за этим только дело,
То путь открыт. Отправь посла назад!
Забудь свои заветные надежды
И, прошлое отбросив, будь готов
Героем добродетели прослыть,
А не героем славы и фортуны.
Скорей, с казной — в столицу, ко двору!
И в Вене императору открой,
Что ты лишь слуг испытывал его
И в дураках решил оставить шведов.

Илло

Нет, поздно. Там уж слишком много знают.
Он голову понес бы сам на плаху.

Графиня

Чтоб осудить законно, нет улик,
А произвола там хотят избегнуть.
Тебе назад позволят возвратиться.
А дальше вот как все пойдет: король
Венгерский в лагерь явится, и Фридланд,
Уж рад не рад, ему очистит место,
Без объяснений все и разрешится.
Король к присяге приведет полки,
И все пойдет обычной колеею.
Из лагеря отбудет Валленштейн,
Чтоб на покое жить в своих владеньях,
Охотиться, держать конюшни, строить,
Ключи вручать придворным золотые,
Устраивать пиры... ну, словом, станет
Он королем в мирке своем ничтожном!
И если осмотрительно и тихо
Вести себя он будет, ни на что
Не смея притязать, ему позволят
Всегда казаться важною персоной.
Да! Герцог Фридланд будет лишь одним
Из выскочек, войною вознесенных
И мимолетной прихотью двора,
Которому ведь ничего не стоит
Любого сделать князем иль бароном.

Валленштейн
(встает, сильно взволнованный)

О силы неба, путь вы укажите
Такой, чтоб он достоин был меня!..
Я тешиться надеждами не стану,
Как краснобай или пустой мечтатель...
Я не могу с беспечностью кичливой
Сказать вслед ускользающему счастью:
«Что ж, уходи, не нужно мне тебя!»
Вдали от дел я мертв, опустошен.
Все ж на любые жертвы я готов
И всем рискну, чтоб крайностей избегнуть.
Но заживо познать небытие,
Блистательно начав, убого кончить,
Попасть в разряд презреннейших существ,
Поднявшихся по прихоти минуты,—

О нет, пусть лучше обо мне с презреньем
Потомки вспомнят, именем моим
Преступника любого заклеймят.

Графиня

Ужели в том, что ты задумал, Альбрехт,
Есть что-нибудь противное природе?..
О, не давай ты мрачным суеверьям
Брать верх над ясным разумом твоим!
Враги тебя в измене обвиняют...
Заслуженно иль нет, не в этом дело...
Но ты погиб, когда не пустишь в ход
Всю мощь свою!.. И слабое созданье,
В отчаянии, силы напрягает,
От гибели свою спасая жизнь.
Неужто дерзость — отразить беду?

Валленштейн

Как милостив ко мне был прежде Габсбург!
Любил меня, ценил, я был ему
Дороже всех. Кого так почитал
Он из князей?.. И вдруг такой исход!

Графиня

До мелочей все милости его
Ты помнишь, но... забыл об оскорбленье!
Ты ревностно ему служил. За это
Как наградил тебя он в Регенсбурге?
Любой ценой стремясь его возвысить,
Ты на себя в Империи навлек
Вражду сословий, ненависть народов,
Проклятья всех, ты потерял друзей,
Ты жил для одного лишь Фердинанда;
И на него, на регенсбургском сейме,
Где разразилась над тобой гроза,
Ты все свои надежды возлагал...
Но предал он тебя! Да, предал!.. В жертву
Принес тебя надменному Баварцу!
Не говори, что он вину загладил,
Вернув тебе всю отнятую власть.
Он сделал это не по доброй воле,—
Тут император уступил нужде,
Иначе не призвал бы он тебя!

Валленштейн

Да, не по доброй воле государь
Вернул мне власть! Ее употребить
Во зло не значит обмануть доверье.

Графиня

Доверье?.. Нет! Ты был необходим!
Нагрянула *беда*, и не статисты,
Не знать с ее пустыми именами
Понадобились,— нет, напасть такая
Не слов, а дела требует; в толпе
Простых людей великого отыщет
И у руля поставит; знай, бедою
В сан полководца ты был возведен!
Ведь до последней крайности монархи
Услугами своих марионеток
И рабских душ довольствуются; если ж
Придет неотвратимое, то челядь
Придворная им больше не защита,
А твердая рука, могучий дух,
Который *сам себе* законы ставит
И признает один лишь договор:
Державное веление природы!

Валленштейн

Да, это правда! С самого начала
Им было ясно, кто я. Тут обмана
Быть не могло,— я ложью пренебрег,
Своих стремлений дерзких не скрывая.

Графиня

Нет, более того... ты был грозой,
Себе был верен; и не ты виновен,
А те, кто, трепеща перед тобою,
Тебя такою властью облекли.
Кто со своей природою в ладу,
Тот прав, кто с ней в разладе — виноват.
Ты был самим собой, когда с мечом
Из края в край Германии носился,
Все предавая пламени, когда
Бич над землей немецкою занес,
Глумился над порядками державы
И попирал так дерзко все права
Владетельных князей, а для чего?

Чтобы султана своего возвысить!
Что ж он тогда тебя не образумил,
Тогда твою гордыню не сломил?
Он, соблюдая выгоды свои,
Скреплял своей печатью — злодеянья!
Ужели то, что приносило *пользу*
И молча одобрялось им, теперь,
Когда *во вред* ему начнет свершаться,
Достойно осужденья?

Валленштейн
(встает)

О, это мне на ум не приходило...
Да, Фердинанд моей рукой творил
Любые беззакония в стране;
И княжескою мантией облек
Меня он за несчетные услуги,
Что равнозначны были преступленьям.

Графиня

Признайся же, что в распре вашей речь
Идет отнюдь не о правах, о долге,
Но об удобном *случае*, о силе!
Настало время подвести итог
Всем величайшим в жизни упованьям;
И знаменья тебе благоприятны,
Стечение планет сулит удачу,
Они гласят с высот: «Пришла пора!»
Ужели ты движенье звезд напрасно
Весь век свой исчислял, квадрант и циркуль
В ночь звездную из рук не выпуская?..
Ты небосвод и знаки зодиака
Чертил на этих стенах, и вокруг
Ты семерых властителей судеб
Поставил молчаливых, полных тайны...
Что ж, это все была одна игра?
К чему ж ведут искусство и приборы?
Пустое все,— в великий час решенья
Созвездия безвластны над тобой!

Валленштейн
(взволнованно ходивший взад и вперед, вдруг останавливается и перебивает графиню)

Скорей зовите Врангеля ко мне!..
Седлать для трех гонцов!

Илло

Ну, слава богу!

(Поспешно уходит.)

Валленштейн

Злой гений нас обоих покарает:
Он гибель шлет *ему* через меня,
Орудие его корыстных планов,
Но точит нож и *для моей груди*.
О, кто дракона зубы сеял, тот
Благого не дождется урожая!
Знай, злодеянье, на свою беду,
Вынашивает ангела отмщенья.
Он мне не может больше доверять, —
Мне путь назад отрезан. Будь что будет!
Судьба всегда права, а наше сердце
Ее велений ревностный слуга.

(Обращаясь к Терцки.)

Веди скорее шведа в кабинет!
Гонцы приказ получат от меня.
Октавио ко мне!

(Графине, которая смотрит с торжествующим видом.)

Не торжествуй!..
Не искушай завистливого рока.
Не терпит ликованья он до срока.
Ему вручаем семя, — и в свой час
Ростки добра иль зла взойдут для нас.

(Уходит.)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната.

Валленштейн. Октавио Пикколомини. Вскоре затем Макс Пикколомини.

Валленштейн

Из Линца пишет Альтрингер: он болен;
Но мне уже доподлинно известно,
Что с Галласом во Фрауенберге он.
Обоих взять под стражу — и сюда!

А ты прими испанские полки
И не спеша к походу снаряжайся;
Но если торопить тебя начнут
На Фридланда свои войска направить,
Ты говори «да, да!», а сам — ни с места.
Тебе порой по нраву вне игры,
В безделии притворном оставаться;
На крайности идешь ты нелегко,
И по тебе я выбрал эту роль.
Полезнее всего ты будешь мне
Бездействием... А улыбнется счастье,—
Ты знаешь сам, что́ нужно предпринять.

Входит Макс Пикколомини.

Ну, старина, иди! А ночью — в путь.
Возьми моих коней... Он остается...
Не надо долгих проводов! Пора.
До радостной и недалекой встречи!

Октавио
(сыну)

Ты все ж зайди ко мне проститься, Макс.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Валленштейн. Макс Пикколомини.

Макс
(подходит ближе)

Мой генерал!..

Валленштейн

О нет, уже не твой,
Когда еще ты офицер имперский.

Макс

Так вправду ты оставить войско хочешь?

Валленштейн

Я Фердинанду больше не слуга.

Макс

И войско ты покинешь?

Валленштейн

Нет, напротив,
Еще тесней и крепче с ним свяжусь.
(Садится.)
Да, Макс, я не хотел тебе открыться,
Пока деянья час еще не пробил.
Вам, юношам, прекрасный свойствен дар —
Одним чутьем угадывать, где правда;
Отрадно подтвержденье находить
Своей догадке в случае простом.
Но где из двух неоспоримых зол
Приходится избрать одно, где сердце
Раздвоено, где *с долгом спорит долг*,—
Какое благо, если выбирать
Державная не даст необходимость!..
Она пришла. Ты не смотри назад.
Не будет пользы в том. Смотри вперед!
Не взвешивай, но действовать готовься!..
Замыслил двор мою погибель, Макс,
Но я опередить его намерен:
Со шведами мы заключим союз.
Они храбры, и дружба их надежна...
(Умолкает, ожидая ответа Пикколомини.)
Я вижу, ты ошеломлен. Молчи.
Я время дам тебе собраться с духом.
(Встает и отходит в глубину сцены.)

Макс долгое время стоит неподвижно, испытывая жестокие страдания. При первом его движении Валленштейн возвращается и останавливается перед ним.

Макс

Сегодня стал я зрелым, генерал!
До сей поры мне самому дороги
Не приходилось выбирать. Я смело,
Без колебаний за тобою шел.
Мне стоило взглянуть тебе в глаза,—
Я знал, чего держаться. А теперь
Ты требуешь, чтоб сам я сделал выбор
Между веленьем сердца и тобой.

Валленштейн

Ты был доселе баловнем судьбы,
Мог исполнять свой долг, как бы играя,

И отдаваться всей своей душою
Прекрасным, благородным побужденьям.
Но вот дороги круто разошлись.
Долг спорит с долгом. Так решай же сам,
Кого тебе держаться в той войне,
Что разгорится между государем
И другом.

Макс

Как! В войне? Война страшна,
Как божий бич, но волею небес
Война во благо может обратиться.
А честно ли имперские войска
Нам против императора направить?
О, боже правый, что за перемена!
Не дерзость ли так говорить с тобой?
Я по тебе, как по звезде Полярной,
Всегда путь жизни смело направлял!
Но ты мне сердце расколол сейчас.
О генерал, ужели я не стану
Благоговеть, как прежде, пред тобою
И дисциплины долг святой забуду?
Ах, не смотри так зорко на меня!
Божественным казался мне твой лик,
И ты не можешь потерять внезапно
Власть надо мной; еще с тобой я связан,
Хоть с кровью вырвал сердце из оков!

Валленштейн

Дай мне сказать...

Макс

Остановись! Молю!
В чертах лица, столь чистых, благородных,
Еще не отразился у тебя
Твой злополучный замысел,— он только
Твое воображенье запятнал.
Как ясно величавое чело!
Так выбрось же из сердца недостойный,
Клеймящий совесть умысел! То был
Недобрый сон, и пусть он впредь послужит
Для чистых душ благим остереженьем.
Есть у людей мгновения соблазна,

Но побеждать должно всегда добро.
Ни шагу дальше! Это клеветою
Могло бы стать на мощные натуры;
Ведь мелкие душою полагают,
Что в жизни нет простора благородству,
Что путь бессилья робкого верней!

Валленштейн

Сурово свет меня осудит, знаю.
Но до твоих укоров сам себя
Я строго осуждал. Кто не хотел бы,
Когда возможно, крайностей избегнуть?
Но у меня нет выбора: осталось
Иль нанести, или принять удар.

Макс

Ну что ж! Свой пост удерживай насильно,
Наперекор приказу государя;
Дойди до самой грани мятежа,—
Не похвалю, но осуждать не стану,
И даже в том участвовать решусь,
Чего одобрить не могу. Но только
Изменником, изменником не будь!
Когда б ты власть превысил иль в ошибку,
В избытке сил, впал мужественный дух!
Но тут совсем другое... тут черно,
Черно, как ад!

Валленштейн
(мрачно нахмурив брови, но сдерживая себя)

В дни юности бросаются словами,—
Хоть с ними осмотрительность нужна,
Как с жалом лезвия,— и сгоряча
Судить готовы обо всех предметах,
Не разбирая, в чем их существо.
Вмиг назовут презренным иль достойным,
Дурным иль добрым... и навяжут смысл
Неясных этих слов вещам и лицам.
Но *тесен* мир, а разум *беспределен!*
Различным мыслям жить легко в ладу,
Однако трудно людям не столкнуться
В пространстве ограниченном; ведь если
Не вытеснишь, то вытеснят тебя;

И в этой распре побеждает сила!..
Но кто отрекся в жизни от желаний,
Любой земною целью пренебрег,
Тот невредим в огне, как саламандра,
И чист душой — в чистейшей из стихий!
Я не таков, грубее по природе,
Желания влекут меня к земле.
Меж тем на ней господствует злой дух,
А не благой. Небесные дары,
Как воздух, свет — дары для всех живущих,
Они людей к стяжанью не ведут.
Но золото, влекущее всех в мире,
Сверкающие россыпи алмазов
Мы исторгать должны у лживых сил,
Злокозненных, враждебных свету духов.
И чтобы их к себе расположить,
Приносят жертвы им и неизбежно
Утрачивают чистоту души.

Макс
(многозначительно)

О нет, страшись, страшись лукавых сил!
Изменят слову духи лжи, тебя
Неудержимо в бездну повлекут.
Остерегайся их! Не доверяй!..
Вернись, вернись к отвергнутому долгу!..
Ты это можешь. Да! Отправь меня
В столицу примирить тебя с монархом.
Пусть тоже смотрит чистыми глазами
Он на тебя,— и возвратит доверье!

Валленштейн

Нет, поздно, Макс. Не знаешь ты всего.

Макс

Что ж, если поздно... если от паденья
Тебя спасти лишь злодеянье может,
Тогда — пади! Достойно, как стоял!
Командованье сдай! Будь безупречен!
Покинь со славой поприще бойца!..
Ты для других довольно жил,— отныне
И для себя живи! А я любую
Судьбу с тобою разделить готов.

Валленштейн

Нет, поздно, Макс. Пока ты горячишься,
Дорожные столбы мелькают мимо
Моих гонцов, несущихся в карьер.
Я в Прагу их послал и в крепость Эгер...
Мы к этому принуждены, смирись!
Поступим же с достоинством и твердо,
Как властная велит необходимость...
Чем я виновней Цезаря, чье имя
Как высший сан властитель мира носит?
Он против Рима двинул легионы,
Которые ему доверил Рим.
Отбрось он меч, его б настигла смерть;
И мне — конец, когда сложу оружье.
Во мне есть искра гения его,
Да будет счастье Цезаря со мною!

Поглощенный мучительной душевной борьбой, Макс быстро уходит. Валленштейн с изумлением глядит ему вслед и погружается в глубокую задумчивость.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Валленштейн. Терцки. Вскоре затем Илло.

Терцки

Не Макс ли это вышел от тебя?

Валленштейн

Где Врангель?

Терцки

Он уехал.

Валленштейн

Так внезапно?

Терцки

Как будто он сквозь землю провалился!
Едва вы с ним расстались, я хотел
Его найти, сказать ему два слова...
Но он уже исчез, невесть куда.
Я полагаю, это был нечистый,—
Так сгинуть вмиг не может человек.

И л л о
(входя)

Ты вправду шлешь куда-то старика?

Терцки

Октавио? Да что ты! Быть не может!

Валленштейн

Он к Галласу и Альтрингеру едет,
Полки южан, имперские, принять.

Терцки

От этого избавь тебя господь!

Илло

Такой лисе войска ты вверить хочешь?
И выпустишь его из рук в минуту,
Которая, быть может, все решит?

Терцки

Ты не поступишь так. Нет, ни за что!

Валленштейн

Вы чудаки.

Илло

О, хоть на этот раз
Послушайся! Не отпускай его!

Валленштейн

Но отчего *на этот раз* ему
Я доверять не должен, как обычно?
Иль он внезапно пал в моих глазах?
Что мне причуды ваши? Вам в угоду
Я мнения о нем менять не стану.
Не женщина я — давнему доверью
И давней дружбе *я не изменю.*

Терцки

Зачем ты шлешь *его?* Пошли другого!

Валленштейн

Его избрал я — и его пошлю:
Лишь он для дела этого пригоден.

Илло

Да, итальянцы у тебя в чести.

Валленштейн

Я знаю, вы не терпите обоих
За то, что их люблю, держу в почете
И по заслугам отличаю их;
Они сучок у вас в глазу! Но что мне
До вашей злобной зависти? Она
Ничуть не уменьшает их достоинств.
Вы можете любить иль ненавидеть
Один другого,— я прекрасно знаю,
Чего любой в действительности стоит.

Илло

Он не уедет,— я готов колеса
У экипажа изломать.

Валленштейн

Опомнись!

Терцки

Когда из Вены прибыл Квестенберг,
Они переговаривались втайне.

Валленштейн

То было с моего соизволенья.

Терцки

Я знаю, что от Галласа гонцов
Он тайно принимал не раз.

Валленштейн

Неправда.

Илло

Ты слеп, хоть зорки у тебя глаза!

Валленштейн

Поколебать вам не удастся веру,
Что коренится в веденье глубоком.

Он лжет? Тогда язык созвездий — ложь!
Мне подан знак высокою судьбою,
Что нет вернее друга у меня.

Илло

А где залог, что этот знак правдив?

Валленштейн

О, в жизни человека есть мгновенья,
Когда он близок к мировой душе
И вопрошать судьбу имеет право.
И мне такой на долю выпал миг.
В ночь накануне люценского дела
Я, прислонившись к дереву, смотрел
Задумчиво на сонную равнину:
Костры сверкали мрачно сквозь туман,
И в лагере невнятно раздавался
Оружья звон да оклик часовых.
И встали вдруг в моей душе картины
Былого и грядущего — вся жизнь
Мгновенно пронеслась передо мной,
И я душою вещею связал
Бой завтрашний со всем моим грядущим...
Тут я подумал: «Сколько тысяч здесь
Тебе подвластны! За твоей звездою
Они пошли, отважившись на все.
Несет их счастья твоего ладья,
И на тебя — вся ставка в их игре!
Но в некий день окажется, что многих
Судьба рассеет по лицу земли
И только горсть приверженцев оставит.
Так я хотел бы знать, кто в этом стане
Мой самый верный, самый лучший друг.
Ты укажи мне на него, судьба!
Пусть это будет *тот*, кто на рассвете
Докажет первым преданность свою».
И с этой мыслью я тогда уснул.
На поле битвы сон меня унес...
Я дрался в жаркой схватке. Подо мною
Убит был конь, и я, повержен в прах,
Уже хрипел в последних, смертных муках,
И безучастно всадники меня
Копытами своих коней топтали...

Но вот мне кто-то руку протянул,
То был Октавио... Тут я проснулся,
Смотрю — заря, и он передо мной!
«Мой брат,— сказал он,— нынче не садись
На Пегого! Считаю, что надежней
Другой,— его я выбрал для тебя!
Не откажи, я видел вещий сон».
И что ж? В бою на этом скакуне
Прочь от драгунов шведских я умчался.
Сел родич мой на моего коня —
Ни конь, ни всадник с поля не вернулись.

Илло

Случайность.

Валленштейн
(значительно)

Нет случайностей на свете;
Нам случаем слепым порою мнится
То, что возникло в недрах сокровенных.
Я убедился раз и навсегда:
Он добрый гений мой,— ни слова больше!
(Делает несколько шагов.)

Терцки

Я рад, что есть у нас заложник — Макс.

Илло

И он живым отсюда не уйдет!

Валленштейн
(останавливается и поворачивается к ним)

Вы точно женщины! Что с языка
У них сорвется, то твердят часами,
Разумным возраженьям вопреки!..
Деяния и помыслы людей
Не океан мятущийся и дикий;
Источник всех поступков, всех идей —
Наш микрокосм, глубокий, многоликий;
С ним связаны они, как с ветвью плод,
Над ними случай не имеет власти.
Постигнув сущность, ум мой познает
Дела людей, и думы их, и страсти.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната в доме, где живут Пикколомини. Октавио Пикколомини, одетый в дорогу. Адъютант.

Октавио

Отряд на месте?

Адъютант

Да, он ждет внизу.

Октавио

А люди в нем надежны, адъютант?
В каком полку вы их набрали?

Адъютант

Это
Все сплошь аркебузиры Тифенбаха.

Октавио

Полк верный нам! Займите задний двор,
Пусть, притаившись, там они стоят;
А позвоню — ворота запереть
И каждого, кто будет здесь, — под стражу!

Адъютант уходит.

Я думаю, что обойдусь без них;
Расчет мой безошибочен, я знаю.
А все ж нужна большая осторожность,
На карте — императора судьба.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Октавио Пикколомини. Входит Изолани.

Изолани

Ну вот и я... А кто еще придет?

Октавио
(*таинственно*)

Сперва поговорим, граф Изолани.

Изолани
(*таинственно*)

Что, началось? Князь выступить готов?
Доверьтесь мне. Уж я не подведу.

Октавио

Все может быть.

Изолани

Я, брат мой, не из тех,
Которые лишь на словах храбрятся,
А чуть до дела, прячутся в кусты.
Со мной, как друг, наш герцог обходился,
Ей-богу, так! Я перед ним в долгу.
Ему я буду верен.

Октавио

Что ж, посмотрим.

Изолани

Но будьте начеку. Не все так мыслят.
Немало тут сторонников двора;
У них обманом выманили подпись,
И с ней они считаться не хотят.

Октавио

Да что вы! Кто же эти господа?

Изолани

Черт побери! Такого мненья немцы.
И Эстергази, Кауниц, Деодат
Двору повиноваться призывают.

Октавио

Я очень рад.

Изолани

Чему?

Октавио

Что император
Таких друзей и верных слуг имеет.

Изолани

Там есть вполне порядочные люди.
Не насмехайтесь!

Октавио

Боже сохрани!
Они за дело правое вступились,
И этому от всей души я рад.

Изолани

Как? Черт возьми!.. Вы не... А я на что вам?..

Октавио
(внушительно)

Чтобы ответить коротко и ясно:
Вы недруг императору иль друг?

Изолани
(вызывающим тоном)

Я, сударь, лишь тому готов ответить,
Кто вправе мне задать такой вопрос.

Октавио

Пергамент этот вам все разъяснит.

Изолани

Что... что? Рука монарха и печать!
(Читает.)
«Всем командирам наших верных войск
Приказы генерала Пикколомини,
Как собственные наши, исполнять
Строжайше мы повелеваем...» Вот как!..
Да... я... Ах, поздравляю, генерал!

Октавио

Вы подчинитесь?

Изолани

Я?.. Так огорошить...
Хоть дайте время мне на размышленье...
Надеюсь... я...

Октавио

Извольте. Две минуты.

Изолани

О, боже! Всё...

Октавио

...так ясно и так просто!
Вам следует открыто заявить:
Изменник вы монарху или нет?

Изолани

Изменник?.. Боже!.. Что там за измена?

Октавио

Но герцог ваш — изменник! Он намерен
С войсками к шведам перейти. Ответьте:
И *вы* готовы изменить присяге?
Предаться шведам?.. Да иль нет? Скорей!

Изолани

Да что вы, что вы! Изменить присяге?
Предать его величество? Когда
Я так сказал?

Октавио

Еще вы не сказали,
Но, может быть, вы скажете сейчас.

Изолани

Приятно мне услышать подтвержденье,
Что этих слов я вам не говорил.

Октавио

Так, значит, граф, вы рвете с Валленштейном?

Изолани

Раз он предатель... то всему конец.

Октавио

И с ним сразитесь?

Изолани

Если он злодей...
То хоть немало мне добра он сделал,
Будь проклят он! Ему я не должник.

Октавио

Я рад, что мы во всем согласны с вами.
Так с легкой кавалерией неслышно
Сегодня в ночь вы с лагеря снимитесь,

Как будто герцог сам распорядился.
А местом сбора будет Фрауенберг,
Там Галлас даст вам новые приказы.

Изолани

Исполню все. О рвении моем
Поставьте императора в известность.

Октавио

Не премину.

Изолани идет к выходу. Входит слуга.

Что, Бутлер? Позовите.

Изолани
(возвращаясь)

Простите, старина, мой резкий нрав.
О, боже! Разве мог я догадаться,
С какой персоной важной говорю!

Октавио

Пустое, граф.

Изолани

Я старый весельчак,
И если у меня порой срывалось
Про венский двор колючее словцо,
То, право, не со зла.
(Уходит.)

Октавио

Не беспокойтесь!..
Тут полная удача. О, когда бы
Мне так же и с другими повезло!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Октавио Пикколомини. Бутлер.

Бутлер

Я здесь к услугам вашим, генерал.

Октавио

Полковник, будьте гостем дорогим
И другом!

Бутлер

Много чести для меня.

Октавио
(после того как оба уселись)

Я выказать вчера старался вам
Мое расположение, но тщетно:
Вы всё сочли учтивостью пустой.
Поверьте мне, я искренне стремился
К сближению,— порядочные люди
Теперь должны держаться заодно.

Бутлер

Да, если не расходятся во взглядах.

Октавио

Всегда во взглядах честные сойдутся.
О людях я сужу по тем поступкам,
Что совершались трезво и спокойно;
Слепому заблуждению поддавшись,
И лучшие сбиваются с пути.
Вы ехали чрез Фрауенберг. Граф Галлас
Не делал вам секретных предложений?
Он друг мне.

Бутлер

Он бросал слова на ветер.

Октавио

Как жаль! Благой отвергли вы совет,—
И я вам посоветовал бы то же.

Бутлер

Напрасный труд... С прискорбием признáюсь:
Я ваших добрых слов не заслужил.

Октавио

Не терпит время, выскажемся прямо.
Вам все известно: герцог замышляет
Измену. Даже больше вам скажу:
Он совершил ее,— в союз с врагами
Сегодня он вступил. Его гонцы

Уже несутся в Прагу, в крепость Эгер,
И завтра он нас поведет к врагу.
Но обманулся он,— настороже
Те, что монарху верность сохранили,
И все сильней незримый их союз.
Указом он объявлен вне закона
И с войска снят повиновенья долг.
Всем, кто престолу верен, надлежит
Вокруг меня сплотиться воедино.
Что ж, вы хотите с нами встать за правду
Или избрать злодея злой удел?

Бутлер
(вставая)

Его судьба — моя.

Октавио

Вы так решили?

Бутлер

Решил.

Октавио

Прошу вас, Бутлер, образумьтесь,
В груди моей навеки погребен
Ваш слишком опрометчивый ответ.
Опомнитесь! Еще не поздно. Встаньте
На лучший путь! Дурной избрали вы.

Бутлер

Что вам еще угодно приказать?

Октавио

Свои седины, Бутлер, не позорьте!
Я жду.

Бутлер

Прощайте!

Октавио

Как? Свой славный меч
Вы в этой распре обнажить хотите?
Вы прослужили честно сорок лет,
Чтоб на проклятья милость променять?

Бутлер
(горько рассмеявшись)

Ах, милости австрийцев!
(Собирается идти.)

Октавио

Бутлер!

Бутлер

Что вы?

Октавио

Так что же с графом было там?

Бутлер

Как, с графом?

Октавио

Я речь веду о титуле.

Бутлер
(вспылив)

Проклятье!

Октавио
(холодно)

Вам отказали в титуле, я знаю.

Бутлер

Вы надо мной глумитесь? Шпагу вон!

Октавио

В ножны! Успею вызов ваш принять,—
Сперва мне все спокойно расскажите.

Бутлер

Пусть знают все о слабости моей,
Которой сам себе я не прощаю!..
Да, признаюсь вам, я честолюбив
И не могу стерпеть пренебреженья.
Скорблю, что в войске титул, древний род
Гораздо больше ценят, чем заслуги.
Я не хотел быть хуже, чем другие,

И сделал я в недобрую минуту,
По простоте, тот злополучный шаг...
Но слишком я жестоко поплатился!..
Пусть отказали... Но зачем отказ
Сопровождать убийственным презреньем,
Зачем седого, верного слугу
В грязь втаптывать глумливою насмешкой,
Происхожденьем низким попрекать
Чуть только он в прискорбный час забылся!
Но даже пресмыкающимся жало
Дала природа,— только наступи!..

Октавио

Вас, видно, враг оклеветал. Но кто же,
Кто вам такую службу сослужил?

Бутлер

Не все ль равно! Он подлый негодяй.
Скорей всего, придворный, иль испанец,
Иль, может, родовитый вертопрах,
На чьем пути я встал,— завистник славы,
Добытой честно кровью и мечом.

Октавио

А как отнесся к вашей просьбе герцог?

Бутлер

Одобрил он и поддержал ее
С великодушьем истинного друга.

Октавио

Да что вы!

Бутлер

Да, я сам читал письмо.

Октавио
(значительно)

И я... но в нем другое содержанье.

Бутлер смотрит на него озадаченный.

Оно случайно в руки мне попало.
Прочтите же, удостоверьтесь сами.
(Вручает ему письмо.)

Бутлер

Как! Это что ж?..

Октавио

Боюсь, полковник Бутлер,
Что жертвой стали вы игры бесчестной.
Сказали вы, что поддержал вас герцог?
Нет, он с презреньем говорит о вас,
Советуя министру обуздать,
Как пишет он, высокомерье ваше!

Бутлер прочитывает письмо; колени у него дрожат, он хватается за стул и садится.

Враги вас не преследуют. Никто
Вам зла не хочет. Нет, виной лишь герцог
В обидах ваших; цель его ясна:
Он против императора хотел
Вас возмутить и ждал от вашей мести
Того, что ваша верность, убежден,
Отвергла бы, при зрелом размышленье.
Он к вам питал презренье и стремился
Вас обратить в орудие слепое
Преступных замыслов. И преуспел.
Да, совратил он вас с пути прямого,
Которым шли вы добрых сорок лет.

Бутлер
(дрогнувшим голосом)

Прощенья ждать ли мне от государя?

Октавио

Прощенья? Он загладить пожелал
Обиду, не заслуженную вами,
И жалует великодушно то,
Что отдал вам с корыстной целью герцог:
По-прежнему за вами будет полк.

Бутлер пытается встать и снова падает на стул. Он так взволнован, что не в состоянии вымолвить ни слова. Наконец он снимает с перевязи шпагу и подает ее Октавио.

Что с вами?

Бутлер

Вот, примите!

Октавио

Успокойтесь.

Бутлер

Возьмите же! Я недостоин шпаги.

Октавио

Вы от меня ее примите вновь,—
Пусть правому она послужит делу!

Бутлер

Столь милостив монарх, и вдруг — измена!

Октавио

Загладьте все, порвав с его врагом.

Бутлер

Порвать с ним?

Октавио

Как! Вы вновь заколебались?

Бутлер
(в порыве ужасающей ярости)

Порвать — и все? Он должен умереть!

Октавио

Так следуйте с полком во Фрауенберг,
Где верных ждут граф Альтрингер и Галлас.
Я многих возвратил к сознанью долга,
И нынче в ночь они покинут Пильзен.

Бутлер
(в сильном волнении расхаживает взад и вперед, затем с решимостью во взгляде подходит к Октавио)

Граф! Тот, кто изменил, дерзнет ли с вами
О чести говорить?

Октавио

Да, если он
Раскаялся от всей души, как вы.

Бутлер

Коль так, я остаюсь,— на слово чести!

О к т а в и о

Зачем?

Б у т л е р

Оставьте здесь меня с полком.

О к т а в и о

Я доверяю вам. Но ваша цель?..

Б у т л е р

Не надо слов. Все разъяснится вскоре.
Клянусь! Я добрым ангелом его
Не буду впредь! Доверьтесь мне!.. Прощайте!
(Уходит.)

С л у г а
(подавая письмо)

Тот, кто принес письмо, исчез мгновенно...
Светлейший вам прислал свою карету.
(Уходит.)

О к т а в и о
(читает)

«Немедля в путь! Ваш верный Изолани».
О, если б я был далеко отсюда!..
У пристани — пойти с ладьей ко дну?
Прочь! Прочь отсюда! Здесь небезопасно.
Но что же это сын мой не идет?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П и к к о л о м и н и, о т е ц и с ы н.

Макс входит до крайности взволнованный, пошатываясь, с блуждающим взором; он, кажется, не замечает отца, который с жалостью смотрит на него, стоя в отдалении. Пройдя большими шагами комнату и остановившись, он бросается на стул и устремляет вперед неподвижный взгляд.

О к т а в и о
(подойдя к нему)

Я еду, сын мой.
(Не получив ответа, хватает его за руку.)
Слышишь, Макс? Прощай!

М а к с

Прощай!

Октавио

А ты за мною следом?

Макс
(не глядя на него)

Я?
Нет, ни за что,— крива твоя дорога.

Октавио, отшатнувшись, выпускает его руку.

О, если б ты был искренен и прям,
То все дела пошли б теперь иначе!
Он не решился б на ужасный шаг,
От честных бы людей не удалился
И не попал в тенета подлецов.
Скажи, зачем столь тайно и коварно,
Как вор, за ним повсюду крался ты?
О, лживость! Вот на свете корень бед!
Зловредная, ты погубила нас!
Лишь правда нас могла бы всех спасти,
Опора мирозданья. Нет, отец,
Я не могу тебя простить, нет, нет!
Пусть герцог обманул меня жестоко,
Но ты едва ли лучше поступил.

Октавио

Прощаю все страданью твоему.

Макс
(встает и смотрит на него с сомнением)

Отец! Отец! И на такой поступок
Ты мог его умышленно толкнуть?
Тебя его падение возвысит.
Как тяжела мне эта мысль!

Октавио

О, боже!

Макс

Беда, беда! Я стал совсем другим.
Как в душу мне закралось подозренье?
Конец надеждам, вере в жизнь, в людей —
Все ложь, пред чем я так благоговел!
Нет! Нет! Не все! На свете есть она,
Правдивая и чистая, как небо.

Вокруг — все лицемерье и обман,
Кровь, яд, измена, клятвопреступленье,
И только наша чистая любовь —
Одна неоскверненная обитель.

Октавио

Макс! Лучше нам сейчас уехать вместе.

Макс

Как! Не простившись с нею навсегда?..
Нет, ни за что!

Октавио

Избавь себя, мой сын,
От горьких мук разлуки неизбежной!
Поедем, Макс!
(Хочет его увести.)

Макс

О, ради бога, нет!

Октавио
(настойчиво)

Я, как отец, приказываю ехать.

Макс

Бесчеловечно это. Остаюсь.

Октавио

Приказываю именем монарха!

Макс

Повелевать не властен он сердцам!
Ты у меня последнее отнять
Решил — ее любовь и состраданье?
Зачем бежать я должен от нее,—
Как трус презренный, скрыться и позволить
Свершиться неизбежности суровой?
Жестоко это и неблагородно!
О, пусть она мои мученья видит,
Растерзанной души услышит вопль
И слезы проливает обо мне...
В жестоком мире — ангел чистоты!
Отчаянье и смертную тоску

Она одна в моей душе уймет
Проникновенной скорбью состраданья.

Октавио

Ты от нее не оторвешься, Макс!
О, поспеши за мной, спасая честь!

Макс

Ты попусту не трать свои слова,
Я зову сердца смело доверяю.

Октавио
(вне себя, с трепетом)

Макс! Макс! Меня постигнет страшный жребий,
Коль ты... мой сын родной... страшусь подумать!..
Изменнику предавшись, заклеймишь
Наш безупречный род пятном позора.
Ах, с ужасом тогда увидит мир
Наш поединок мерзкий, шпагу сына,
С которой каплет кровь его отца.

Макс

О, если б верил больше ты в людей,
Твои поступки были бы иные.
Проклятые сомненья, недоверье!
Кто их допустит, жизнь лишит опоры:
Все шатко там, где твердой веры нет.

Октавио

Но пусть я сердцу твоему доверюсь,
Всегда ты сможешь следовать ему?

Макс

Ты заглушить не смог его велений,
И Валленштейну их не превозмочь.

Октавио

Мой Макс, тебя я больше не увижу!

Макс

Бесчестья на тебя не навлеку.

Октавио

Я к Галласу отправлюсь, паппенгеймцы
С тобою остаются, лотарингцам,

Тосканцам, тифенбаховцам велел я
Отход твой прикрывать. Верны присяге
И преданы тебе, они погибнут,
Но не изменят чести и вождю.

Макс

Так знай, отец, что с жизнью я расстанусь
Или полки отсюда уведу.

Октавио

Прощай, мой сын!

Макс

Прощай!

Октавио

Как! Ты не взглянешь
С былой любовью? Не пожмешь руки?
В кровавую вступили мы войну,
Ее исход неверен, ненадежен.
Не так с тобой мы прежде расставались!
Скажи! Я вправду сына потерял?

Макс падает в его объятия. Они долго и молча стоят, обнявшись, потом расходятся в разные стороны.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Зал у герцогини Фридланд.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Графиня Терцки. Тэкла и ее придворная дама фон Нойбрунн, обе заняты рукодельем.

Графиня

Ты ни о чем спросить меня не хочешь?
Не хочешь, Тэкла? А ведь я все жду.
Как можешь ты, племянница, так долго
Его ни разу даже не назвать?
Так, значит, я вам больше не нужна
И есть у вас теперь пути иные?..
Признайся же, ты видела его?

Тэкла

Уже два дня не виделась я с ним.

Графиня

Но ты о нем слыхала? Не скрывай.

Тэкла

Ни слова.

Графиня

И... ты так спокойна!

Тэкла

Да.

Графиня
(обращаясь к Нойбрунн)

Оставьте нас.

Нойбрунн уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Графиня. Тэкла.

Графиня

Я, право, недовольна,
Что Макс так робок стал как раз теперь.

Тэкла

Как раз теперь?

Графиня

Когда он знает все!
Сейчас ему бы впору объясниться.

Тэкла

Я не пойму, прошу сказать ясней.

Графиня

Намеренно я отослала Нойбрунн.
Ты не ребенок. Сердцем ты созрела

В тот час, когда в нем родилась любовь, —
Она в тебе отвагу пробудила.
Ты духом ближе к своему отцу,
Чем к матери. И то, чего *она*
Не вынесла б, ты мужественно примешь.

Тэкла

Я вас прошу, довольно предисловий!
Что б ни было, откройте поскорей!
Всего страшней вступление такое.
Что скажете вы мне? Короче. Жду.

Графиня

Смотри не испугайся...

Тэкла

Говорите!

Графиня

Так знай, отцу ты можешь оказать
Бесценную услугу...

Тэкла

Я? Что может...

Графиня

Макс полюбил тебя, и ты могла бы
Еще сильней связать его с отцом.

Тэкла

При чем тут я? И без того он предан.

Графиня

Был раньше предан.

Тэкла

А теперь? А впредь?

Графиня

Он и монарху предан.

Тэкла

Но не больше,
Чем долг и честь ему повелевают.

Графиня

Свою любовь к тебе пусть он докажет.
А честь и долг!.. Слова с двойным значеньем:
Все дело в том, кого иметь в виду.
Ты это растолкуй ему,— любовь
Поможет Максу разобраться.

Тэкла

В чем?

Графиня

Пусть выбирает: ты иль император.

Тэкла

Когда отец уйдет в отставку, Макс
Последует за ним; ведь вы слыхали,
Что он охотно вложит меч в ножны.

Графиня

Нет, пусть он меч свой держит наготове,
Чтобы отцу поддержку оказать.

Тэкла

Но за отца он кровь прольет охотно
И жизнь отдаст, обиду отомстит.

Графиня

Не хочешь ты понять меня... Так знай же:
Отец твой с императором порвал
И с войском он намерен перейти
На сторону врага...

Тэкла

О мать моя!

Графиня

Для армии пример великий нужен,
Чтобы увлечь ее. Бесспорно, Макс
С его отцом у всех в большом почете:
Куда они, туда и остальные.
Нам сын поможет удержать отца...
Да, от тебя зависит много.

Тэкла

О мать моя несчастная! Смертельный
Удар тебе!.. Нет, ей не пережить.

Графиня

Она пред неизбежностью смирится.
Грядущего, далекого она
Пугается, но что неотвратимо
Иль совершилось, кротко переносит.

Тэкла

О, вещая душа моя... Сбылось...
Вот ледяная, грозная рука,
Что сердце ликовавшее сдавила.
Чуть я сюда вошла, как еле внятно
Шепнула мне пророчески тревога,
Что надо мной недобрая звезда...
Но о себе ли думать мне сейчас?
О мать моя любимая!

Графиня

Крепись.
Не надо жалоб. Друга сохрани
Отцу-герою, милого — себе,
И все счастливо кончится, поверь.

Тэкла

Счастливо? Мы разлучены навеки!..
О счастье с ним отныне речи нет.

Графиня

Чтоб он тебя оставил! Быть не может.

Тэкла

Как он несчастен!

Графиня

Когда тебя он вправду любит, выбор
Он сделает без промедленья.

Тэкла

Выбор?
Он сделал бы его без колебаний!
Но разве есть тут выбор?

Графиня

Успокойся,
Я слышу, герцогиня к нам идет.

Тэкла

Как мне в глаза смотреть ей?

Графиня

Не тревожься.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцогиня. Те же.

Герцогиня

Сестра, ты с кем-то спорила?

Графиня

Да что ты!

Герцогиня

Пуглива стала я. Малейший шорох —
И слышу поступь вестника беды.
Ты, верно, знаешь, как идут дела.
Сестра, пошлет он конницу инфанту,
Как этого потребовал монарх?
Он дал свое согласье Квестенбергу?
Ответь же!

Графиня

Нет, он этого не сделал.

Герцогиня

Тогда конец! Беда нас не минует.
Его сместят, и повторится все,
Что было в Регенсбурге.

Графиня

Будь покойна.
Подобного не жди. На этот раз.

Тэкла в сильном волнении бросается к матери и, рыдая, обнимает ее.

Герцогиня

О, как он необуздан и упрям!
Чего я в этом злополучном браке
Не выстрадала, не перенесла!
В неудержимом, яростном разгоне,
Я, будто к пламенному колесу
Прикованная, все по краю бездны
Зияющей неслась, и жизнь моя
Была полна смятенья и тревоги...
Но, Тэкла, ты не плачь! Мои страданья
Дурным предвестьем не сочти, не думай,
Что и тебя обманут ожиданья.
Второго Фридланда на свете нет,
И ты моей судьбы не опасайся.

Тэкла

О, милая моя, бежим отсюда!
Скорей! Скорей! Нам тут с тобой не место.
Здесь каждый час предвозвещает нам
Все новые, ужасные картины.

Герцогиня

Куда покойней будет твой удел!..
Ведь даже мы с отцом знавали счастье;
С отрадой вспоминаю те года,
Когда светло и радостно стремился
Отец вперед и честолюбье было
В нем тихим, согревающим огнем,
А не бурлило яростным пожаром.
Любил его тогда наш император
И доверял ему. Везде удача
Была отцу — до сейма в Регенсбурге,
Когда он был низвергнут; с той поры
Угрюмый дух тревог и подозрений
Им овладел. Покой его покинул,
И веру в счастье, в собственные силы
Утратил твой отец,— тут погрузился
Он в темные науки, но и в них,
Как и другие, счастья не обрел.

Графиня

Так смотришь ты, сестра... Но эти речи
Уместны ли, когда его мы ждем?

Что, если он, войдя сюда, застанет
Ее в таком смятенье?

Герцогиня

Подойди,
Дитя мое. Ты встреть отца улыбкой...
Затянем-ка потуже этот бант...
Вольнее пусть играет этот локон.
Не плачь, и то глаза уж покраснели...
Что я сказать хотела?.. Да, твой Макс
Достойный, безупречный дворянин.

Графиня

И ты права, сестра.

Тэкла
(графине, в мучительном беспокойстве)

Вы мне уйти
Позволите?
(Хочет идти.)

Графиня

Отец идет. Куда ты?

Тэкла

Сейчас его я видеть не могу.

Графиня

Он удивится, спросит: «Где же Тэкла?»

Герцогиня

Что с ней?

Тэкла

Мне эта встреча тяжела.

Графиня
(герцогине)

Она больна.

Герцогиня
(встревоженная)

Что с девочкой моей?

Обе догоняют Тэклу и стараются удержать ее. Появляется Валленштейн, он разговаривает с Илло.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Валленштейн, Илло. Те же.

Валленштейн

Все в лагере пока спокойно?

Илло

Да.

Валленштейн

Вот-вот из Праги могут прискакать
С известием, что этот город наш.
Тогда мы живо маску прочь отбросим
И всем полкам открыто сообщим
О смелом шаге и своем успехе.
В таких делах решает все пример.
Ведь подражанье — свойство человека:
Кто впереди, тот стадо и ведет.
Я знаю, пражский гарнизон уверен,
Что присягнули мне тут все полки.
А здешние войска дадут присягу
Затем, что Прага прежде присягнула...
Так Бутлер к нам открыто перешел?

Илло

Явился он по своему почину
И со своим полком к тебе примкнул.

Валленштейн

Да, вижу я, остереженьям сердца
Мы не всегда должны внимать с доверьем.
Дух лжи порою, на погибель нашу,
Правдивой речи ловко подражая,
Лукавые нам шепчет прорицанья.
Я к Бутлеру несправедлив был, он
Достойный человек и храбрый воин.
Но всякий раз меня вблизи него
Охватывает непонятный трепет,
Который страхом я не назову,
А все же он помеха для приязни.
И тот, кого я так подозревал,
Мне прежде всех дает залог удачи.

Илло

Его пример, бесспорно, привлечет
Цвет наших войск на сторону твою.

Валленштейн

Ты Изолани мне пришли. Ведь графа
Я выручил недавно из беды.
И хочется начать с него. Ступай!

Илло уходит; тем временем остальные приближаются к Валленштейну.

Жена и дочь! Любимые мои!
Вот случай отдохнуть от дел докучных...
Садитесь! Я мечтал отрадный час
В своем кругу семейном провести.

Графиня

Давно уж мы не собирались, брат.

Валленштейн
(тихо, графине)

Могу ль открыться? Ты с ней говорила?

Графиня

Нет.

Валленштейн

Подойди и сядь со мною, Тэкла.
Твоим устам присущ небесный дар,
Мать восхваляла мне твое искусство,
Твой нежный голос так чарует душу!
Охотно я послушал бы его,
И, верю, он доставит мне отраду;
Он демона поможет мне прогнать,
Который над моею головой
Бьет черными, зловещими крылами.

Герцогиня

Где лютня, Тэкла? Подойди к отцу,
Ты покажи ему свое искусство,
Пусть он тебя послушает.

Тэкла

О, боже!

Герцогиня

Порадуй, Тэкла, своего отца.

Тэкла

Я не могу.

Графиня

Скажи мне, что с тобою?

Тэкла
(графине)

О, пощадите... Петь... Теперь... в тревоге,
Что овладела сердцем... Перед ним...
Он мать мою на смерть обрек!

Герцогиня

Что за причуды? Неужели, Тэкла,
Тебя напрасно попросил отец?

Графиня

Вот лютня.

Тэкла

Боже... Мыслимо ль сейчас...

(Лицо ее выражает душевную борьбу; она берет дрожащей рукой инструмент. Хочет запеть, но, задрожав, отбрасывает от себя лютню и быстро уходит.)

Герцогиня

Дитя мое... Она больна!..

Валленштейн

Что с Тэклой? Это часто с ней бывает?..

Графиня

Она себя вдруг выдала,— я вправе
Сказать...

Валленштейн

Что?

Графиня

Тэкла влюблена в него.

Валленштейн

В кого?

Графиня

Да в Макса Пикколомини!
Ты не заметил, нет? Сестра, ты тоже?

Герцогиня

И этим так она удручена?
Дитя, господь тебя благослови!
Достойный это выбор.

Графиня

Та поездка...
Когда себе ты ставил цель иную,
Вина твоя. Ты спутника другого
Назначить должен был!

Валленштейн

А что же Макс?

Графиня

Надеется он стать супругом Тэклы.

Валленштейн

Что?.. Юноша рассудок потерял!

Графиня

Ты это ей скажи!

Валленштейн

Принцессу Фридланд
Он высмотрел себе! Цель недурна!
Да, вижу я, что он высоко метит.

Графиня

Ты к Максу так всегда благоволил,
Что...

Валленштейн

...стать моим наследником он вздумал.
Да, я люблю, ценю его! Скажи,
При чем здесь дочери моей рука?

Иль должен я, в залог благоволенья,
Ему отдать единственную дочь?

Герцогиня

Он благородством нрава своего...

Валленштейн

Не дочь, но дружбу заслужил мою.

Герцогиня

А род его, а предки...

Валленштейн

Предки! Что?..
Он подданный, а зятя я найду
Средь правящих в Европе государей.

Герцогиня

О герцог мой, чем выше мы взлетим,
Тем бедственнее может быть паденье!

Валленштейн

Какой ценой поднялся я наверх,
Возвысился над столькими из смертных,
И все затем, чтоб крупной ролью в жизни
Вдруг пренебречь и свой закончить путь,
Связав себя обыденным родством?..
Затем ли я...
(Овладевая собой, вдруг останавливается.)
Ведь от меня на свете
Она одна останется. Я Тэкле
На голову корону возложу,
Иначе мне и жизнь не в жизнь! На все,
На все готов я, чтоб ее возвысить...
И в час, когда...
(Опомнившись.)
Неужто, словно бюргер,
Расчувствуюсь и дочь свою отдам
Я за того, кто приглянулся ей?
И поступлю я так теперь, теперь,
Когда свой путь победно увенчаю?
О нет, ее берег я, как алмаз,
Бесценный клад среди моих сокровищ,

И этот клад я ниже не поставлю,
Чем королевский скипетр и державу...

Герцогиня

О мой супруг! Вы строите все выше,
До облаков, и не смущает вас,
Что возводимый дом не устоит
На слишком узком, шатком основанье.

Валленштейн
(графине)

Ты говорила ей, где поселиться
Она должна?

Графиня

Нет. Лучше сам скажи.

Герцогиня

В Каринтию мы не вернемся?

Валленштейн

Нет.

Герцогиня

И во владенья наши не поедем?

Валленштейн

Там было бы небезопасно вам.

Герцогиня

Под властью и защитой государя?

Валленштейн

Он герцогине Фридланд не защита.

Герцогиня

О, боже! До чего же вы дошли!

Валленштейн

В Голландии найдете вы защиту.

Герцогиня

В край лютеран вы нас послать хотите?

Валленштейн

Франц, герцог Лауэнбургский, вас проводит.

Герцогиня

Франц Лауэнбург? Да он союзник шведов,
Он недруг императора заклятый!

Валленштейн

Империи враги — нам не враги.

Герцогиня

(смотрит полными ужаса глазами на герцога и на графиню)

Вы свергнуты? Так это правда? Правда?
Вы лишены командованья? Боже!

Графиня

(тихо, Валленштейну)

Не надо нам ее разуверять.
Всей правды ей не вынести, сам видишь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Граф Терцки. Те же.

Графиня

Что с Терцки? Ужас на его лице!
Он будто с привиденьем повстречался!

Терцки

(отведя Валленштейна в сторону, тихо)

Ты приказал хорватам выступать?

Валленштейн

Я? И не думал, нет!

Терцки

Измена!

Валленштейн

Что ты!

Терцки

Они ушли, и с ними егеря,—
Кругом деревни к утру опустели.

Валленштейн

А Изолан?

Терцки

Ты отослал его.

Валленштейн

Я?

Терцки

Что, не отсылал? А Деодата?..
Хорват и егерь — оба ускользнули!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Илло. Те же.

Илло

Тебе сказал...

Терцки

Он знает все.

Илло

И то,
Что Гёц, Марадас, Кауниц, Эстергази,
Колальто вдруг покинули тебя?..

Терцки

Проклятье!

Валленштейн

(знаком останавливает его)

Тише!

Графиня

(наблюдает с тревогой, затем подходит ближе)

Боже! Что случилось?

Валленштейн

(собираясь уходить)

Так, ничего! Пойдем.

Терцки

(следуя за ним)

Пустяк, Тереза.

Графиня
(удерживая мужа)

Пустяк? Но разве я не замечаю,
Что ваши лица мертвенно-бледны,
Что брат лишь притворяется спокойным?

Паж
(входя)

Какой-то адъютант ждет графа Терцки.
(Уходит.)

Терцки идет вслед за пажом.

Валленштейн
(обращаясь к Терцки)

Узнай, зачем он...
(Обращаясь к Илло.)
Если б не измена,
Свершиться б это втайне не могло...
Кто у ворот на страже?

Илло

Тифенбах.

Валленштейн

Сменить его немедля. Часовыми
Поставить гренадеров Терцки... Слушай,
А что же Бутлер?

Илло

Бутлера я встретил.
Он вскоре будет здесь. Тебе он верен.

Илло уходит. Валленштейн хочет последовать за ним.

Графиня

Сестра, останови его. Беда!..

Герцогиня

Великий боже! Что еще случилось?
(Удерживает Валленштейна.)

Валленштейн
(вырвавшись)

Пусти, мой друг! И ты, сестра! Спокойней!
Здесь, в лагере, сменяются нередко

Гроза и солнце. Править нелегко
Горячими, мятежными сердцами,—
Главу вождя не осенит покой...
Сейчас уйти вам надо! Женский плач
Звучит вразлад с деяньями мужчин.
(Хочет уйти.)

Возвращается Терцки.

Терцки

Нет, погоди. Ты все в окно увидишь.

Валленштейн
(графине)

Ступай!

Графиня

Нет, нет!

Валленштейн

Я так хочу.

Терцки
(отводит графиню в сторону, бросив выразительный взгляд на герцогиню)

Тереза!

Графиня

Сестра, уйдем, раз он велит.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Валленштейн. Граф Терцки.

Валленштейн

Ну, что там?

Терцки

Во всех полках смятение. Солдаты
Сбегаются, не зная почему.
Таинственно, в зловещей тишине,
Все под свои становятся знамена,
С угрозой смотрят люди Тифенбаха!
Одни валлоны лагерем стоят,

Чуть в стороне, к себе не подпускают
И держатся степенно, как всегда.

Валленштейн

А Макса, их полковника, не видно?

Терцки

Все сбились с ног, но Макса нет как нет.

Валленштейн

А что тебе сказал твой адъютант?

Терцки

Ко мне он послан от моих полков.
Там вновь тебе на верность присягнули
И храбро ждут призыва к выступленью.

Валленштейн

Но как проникла в лагерь наш тревога?
Я дал приказ, чтоб соблюдали тайну
До той поры, как все решится в Праге.

Терцки

Когда б ты верил мне! Еще вчера
Тебя мы умоляли — за ворота
Не выпускать Октавио-льстеца,
А ты ему коней для бегства дал!..

Валленштейн

Опять ты за свое! Ни слова больше
Об этом смехотворном подозренье!

Терцки

Ты Изолани тоже доверял,
А он тебя покинул нынче первым.

Валленштейн

Вчера я спас его от разоренья.
Бог с ним! Я благодарности не ждал.

Терцки

И все они один другого лучше.

Валленштейн

Иль он не вправе был меня покинуть?
Он лишь покорен воле божества,
Которому весь век свой прослужил
За картами. Он рвет с моей удачей,
Но не со мной. Что я ему, он — мне?
Я для него корабль в открытом море,
С которым он связал свои надежды;
Мне рифы угрожают впереди,
И он бежит, свое добро спасая.
Как птица ветви, где она гнездилась,
Легко меня покинул он. Разрыва
Душевных уз тут быть и не могло.
Кто от глупца ждет благородных чувств,
Обманут будет рано или поздно!
Как быстро отражаются и гаснут
На гладком лбу все впечатленья жизни,—
Ничто не западает в глубину;
В беспечных людях жизнь легко струится,
Но чуждо им душевное тепло.

Терцки

А я скорей доверюсь гладким лбам,
Чем лбу, изборожденному коварством.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Валленштейн, Терцки. Входит разъяренный Илло.

Илло

Измена, бунт!

Терцки

Что там еще случилось?

Илло

Велел я тифенбаховцам убраться
Со всех постов. Они же... Ах, канальи!

Терцки

Ну!..

Валленштейн

Что же?

Илло

Отказались подчиниться.

Терцки

Отдай приказ их расстрелять! Немедля!

Валленштейн

Не горячись!.. Но по какой причине?

Илло

Они, мол, вправе исполнять приказы
Лишь генерала Пикколомини.

Валленштейн

Как!.. Что такое?

Илло

Он оставил войску
Скрепленный императором указ.

Терцки

Ты слышишь, герцог?

Илло

Это он принудил
Полковников покинуть лагерь твой.

Терцки

Слыхал?

Илло

Раймунда Монтекукколи с Караффой
И шестерых еще из генералов
Он в эту ночь бежать уговорил.
Его своим рескриптом император
Давно уполномочил, а теперь
С ним этот Квестенберг договорился.

Валленштейн садится на стул и закрывает лицо руками.

Терцки

О, если б ты мне верил!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Графиня. Те же.

Графиня

Мне жутко... Как с тревогой совладать?
Откройте, что случилось, ради бога!

Илло

Полк за полком, от нас войска отпали.
Нас предал Пикколомини-отец!

Графиня

Сбылось мое предчувствие!
(Бросается вон из комнаты.)

Терцки

Я прав!
Ты видишь, как тебе солгали звезды!

Валленштейн
(встает)

Нет, звезды нам не лгут. Тут *все* случилось
Теченью звезд, судьбе наперекор.
Наука непреложна, небеса
Правдивы, но их предопределенья
Коварный друг нещадно исказил.
Лишь истина — основа прорицанья,
Неверно все, что против естества.
И разве заблужденье — не питать
Столь низких подозрений к человеку?
Я слабости такой не постыжусь!
Заложена и в сердце зверя верность;
Дикарь и тот не станет пить с несчастным,
Которого пронзить ножом задумал.
Какой геройский подвиг ты свершил,
Октавио! Не разумом своим
Ты превзошел меня, твое лукавство
Над прямодушьем одержало верх.
Ты в сердце, не прикрытое щитом,
Предательски нанес удар злодейский!
Перед таким оружьем я — дитя.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же. Бутлер.

Терцки

Смотрите! Бутлер! Есть у нас друзья!

Валленштейн

(Идет к нему с распростертыми руками и сердечно обнимает его.)

Обнимемся, соратник давний мой!
Не так отраден солнца луч весною,
Как в час такой отрадно видеть друга.

Бутлер

Я, генерал, пришел...

Валленштейн

(прислонясь к его плечу)

Тебе известно?
Старик нам изменил. Ну, что ты скажешь?
Мы тридцать лет не разлучались с ним,
Делили все тревоги ратной жизни!
Одна постель была у нас в походах,
Мы пили с ним из *одного* стакана;
Одним куском бывали оба сыты.
Он был моей опорой, как теперь
Твое плечо — надежная опора,—
И вот, когда с доверьем я прильнул
К его груди, он, улучив минуту,
Коварно мне вонзает в сердце нож!
(Прячет лицо на груди Бутлера.)

Бутлер

Предателя забудьте. Что ж вы делать
Намерены?

Валленштейн

Ты прав, бог с ним! Немало
Есть у меня еще друзей, не правда ль?
Судьба ко мне, как прежде, благосклонна:
Разоблачив коварство лицемера,
Она дала мне искреннего друга.
Довольно об Октавио! Утрата
Не тяжела, но как тяжел обман!

Я их любил, я их ценил обоих,
Мне предан был всем сердцем юный Макс,
И Макс не изменил мне... Но довольно,
Довольно! А теперь решим, как быть...
Вот-вот примчится к нам гонец из Праги
От графа Кински с важным донесеньем.
К бунтовщикам не должен он попасть.
Послать бойца надежного навстречу
И тайно проводить его ко мне.

Илло намеревается идти.

Бутлер
(удерживая Илло)

Кого вы ждете, генерал?

Валленштейн

Гонца из Праги с добрыми вестями.

Бутлер

Так, значит, вы...

Валленштейн

Что вы сказать хотите?

Бутлер

Не знаете?..

Валленштейн

Чего же?

Бутлер

Кто весь лагерь
Так всполошил?..

Валленштейн

Кто?

Бутлер

Тот гонец...

Валленштейн
(нетерпеливо)

Ну, что же?

Бутлер

Он здесь.

Терцки и Илло

Как, здесь?

Валленштейн

Гонец мой?

Бутлер

Да, он прибыл
Часа два-три назад.

Валленштейн

И я не знал!

Бутлер

Задержан он.

Илло
(топнув ногой)

Проклятье!

Бутлер

А письмо
По лагерю всему теперь гуляет...

Валленштейн

И вам известно, что в нем?

Бутлер
(уклончиво)

Не хотел бы
Я отвечать!

Терцки

Ах, Илло!.. Все погибло!

Валленштейн

Я худшее готов услышать. Прага
Отпала? Это верно? Не скрывайте!

Бутлер

Отпали: Прага, Будвайс, Браунау,
И Брюнн, и Знойма, Табор, Кёниггрец,
Их гарнизоны вас не поддержали
И Вене присягнули вновь, а вы,
Граф Кински, Илло, Терцки — вне закона.

Лица Илло и Терцки выражают бешенство и страх. Валленштейн стоит по-прежнему твердый и сдержанный.

Валленштейн
(помолчав)

Вот жребий мой! От сердца отлегло...
Избавлен я от всех сомнений разом,
В груди простор, а в голове светло.
Гори во тьме, звезда моя, алмазом!
Я не решался обнажить свой меч.
Пока был выбор, было и сомненье;
В душе порой росло сопротивленье.
Но как неотвратимым пренебречь?
Отныне мне — за жизнь вести сраженье!
(Уходит.)

Остальные следуют за ним.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Графиня Терцки
(выходит из боковой комнаты)

Терпеть нет сил... Где все они теперь?
Кругом все пусто. Я одна, одна...
В тревоге и тоске неодолимой...
Перед сестрой я сдержана, спокойна,
Но муки в сердце скрыты глубоко.
Не вынести мне их!.. О, если нам
Несчастье суждено и если герцог
С пустыми к шведам явится руками,
Беглец, а не союзник с сильным войском...
И если мы, из края в край, как Пфальцграф,
Начнем скитаться, жалкие обломки
Былого, невозвратного величья...
Нет, не хочу дожить до этих дней!
И пусть он стерпит это униженье,
Но я его позора не стерплю.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Графиня. Герцогиня. Тэкла.

Тэкла
(удерживая герцогиню)

О милая моя, остановитесь!

Герцогиня

Нет, страшную здесь прозреваю тайну,
Ее скрывают от меня... Зачем
Моя сестра в такой тревоге бродит,
Стараясь избегать меня? Чем вызван
Твой страх, дитя? И отчего украдкой
Одна другой вы подаете знаки?

Тэкла

Вам показалось.

Герцогиня

Отвечай, сестра!

Графиня

Зачем стараться тайну соблюсти?
И разве скроешь? Рано или поздно
Узнать придется и перестрадать!
Не время поддаваться малодушью,—
Отвага нам и мужество нужны,
Нам наши силы надо закалить.
Так пусть определит твою судьбу,
Сестра, одно лишь слово: здесь *обман.*
Ты полагаешь, герцог был смещен?..
Нет, он...

Тэкла
(подходя к графине)

Да вы убить ее хотите?

Графиня

Нет, Альбрехт наш...

Тэкла
(обнимая мать)

Крепитесь, дорогая!

Графиня

Восстал и перейти решился к шведам,
Но отложились от него войска,
И неудачу герцог потерпел.

При этих словах герцогиня, пошатнувшись, падает без чувств на руки дочери.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Большой зал у герцога Фридланда.

Валленштейн
(в панцире)

Октавио, ты своего добился...
Сейчас я одинок и брошен всеми,
Как вскоре после сейма в Регенсбурге.
Я самому себе был предоставлен...
Но доказал, что значит доблесть *мужа*.
Красу ветвей моих вы обрубили,
Я без листвы, я обнаженный ствол!
Но есть во мне та зиждущая сила,
Что к жизни может вызвать целый мир.
Один, я целой армии когда-то
Был равен. Перед шведскими войсками
Растаяли имперские полки;
Последний ваш оплот был сломлен — Тилли,
В Баварию ворвался Густав-Адольф,
Как яростный поток, и трепетал
В своем столичном замке император.
Солдат стал дорог, ведь всего охотней
Толпа идет за тем, кому везет...
Вновь на меня все обратили взор,
Спасенья ожидая; государь
Смирился перед тяжко оскорбленным,
Моля сказать магическое слово
И опустевший лагерь заселить.
Я бросил клич. Под барабанный бой,
Как бог войны, я прошумел над миром.
Заброшен плуг, верстак, и все спешат
К овеянным победою знаменам...
Все тот же я, каким я был когда-то!

Дух в меру силы созидает тело,—
Так Фридланд в лагерь соберет войска.
Хоть тысячи вы на него бросайте,
Они привыкли побеждать со мной,
Но не меня... Кто тело обезглавит,
Узнает, где душа в нем обитала.

Входят Илло и Терцки.

Мужайтесь! Мы не сражены. У нас
Есть пять полков карабинеров Терцки
Да Бутлера драгуны... Завтра к нам
Примкнет отряд в шестнадцать тысяч шведов.
Я не сильней был девять лет назад,
Когда страну отвоевать решился.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же. Появляется Нойман, отводит в сторону графа Терцки и говорит с ним.

Терцки
(Нойману)

Чего им нужно?

Валленштейн

Что там?

Терцки

От полка
Там десять паппенгеймцев-кирасир
С тобой хотят поговорить.

Валленштейн
(быстро, Нойману)

Впустите.

Нойман уходит.

Я жду удачи. Видно, кирасиры
Колеблются — мы их уговорим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Валленштейн. Терцки. Илло.

Десять кирасир, с ефрейтором во главе, входят строевым порядком и, по команде, выстраиваются перед герцогом, отдавая ему положенные почести.

Валленштейн
(несколько мгновений всматривается в них, потом говорит ефрейтору)

Ты мне знаком. Да, ты из Брюгге родом.
Тебя зовут Мерси.

Ефрейтор

Анри Мерси.

Валленштейн

Ты окружен был гессенцами; вас
Сто восемьдесят было в этом деле,
Но тысячу вы смяли и пробились.

Ефрейтор

Так точно, генерал.

Валленштейн

А чем тебя
За доблестный твой подвиг наградили?

Ефрейтор

Отличьем, о котором я просил:
Зачислили в наш полк.

Валленштейн
(обращается к другому)

А ты из тех,
Что вызвались взять батарею шведов,
Когда стояли мы под Альтенбергом.

Второй кирасир

Так точно, генерал.

Валленштейн

Не забываю
Я никого, с кем говорил хоть раз.
Так с чем же вы пришли?

Ефрейтор
(командует)

На караул!

Валленштейн

А ты ведь Рисбек? Родом ты из Кельна.

Третий кирасир

Да, Рисбек я из Кельна.

Валленштейн

Ты взял шведа
Полковника Дюбальда в плен, связал
И в лагерь наш, под Нюрнбергом, представил.

Третий кирасир

Нет, генерал.

Валленштейн

То был твой старший брат...
Есть у тебя и младший. Где ж теперь он?

Третий кирасир

Он в Ольмюце, в имперском гарнизоне.

Валленштейн
(ефрейтору)

Ну, говори!

Ефрейтор

Прочли мы императорский указ,
Где нам...

Валленштейн

Кто выбрал вас?

Ефрейтор

Поэскадронно
По жребию был каждый выбран.

Валленштейн

Дальше!

Ефрейтор

Прочли мы императорский указ,
Где нам запрещено повиноваться
Тебе, затем что ты изменник, враг.

Валленштейн

На чем вы порешили?

Ефрейтор

Все в Браунау,
И в Ольмюце, и в Будвайсе, и в Праге
Тому указу подчинились, здесь же —
Тосканский полк и немцы Тифенбаха...
А мы поверить все еще не можем,
Что ты изменник. Это все обман
И клевета твоих врагов, испанцев.
(Простодушно.)
Ты нам открой намеренья свои,
Всегда ты с нами был таким правдивым,
И верим мы тебе, как никому.
Ты добрый вождь, мы добрые солдаты,
И не поссорит нас язык чужой.

Валленштейн

Я паппенгеймцев узнаю своих!

Ефрейтор

Так знай,— тебе твой заявляет полк:
Коль ты намерен только сохранить
Жезл боевой, который по заслугам
Тебе был императором вручен,
И полководцем верным остаешься
Австрийских войск,— мы за тебя вступиться
И защищать твои права готовы...
И если даже прочие полки
Тебя покинут, мы тебя поддержим
И голову положим за тебя.
Долг рейтаров — скорей самим погибнуть,
Но гибели не допустить твоей!
А если верно сказано в указе
И вероломно хочешь ты врагу
Нас передать,— чего избави боже! —
То мы тебя немедленно покинем,
Как тот рескрипт нам строго повелел.

Валленштейн

Послушайте...

Ефрейтор

Не трать напрасно слов:
Да или нет? Ты прямо отвечай.

Валленштейн

Послушайте. Вы люди с головой,
Умом раскинуть можете вы сами,
А не идти за стадом. Потому
Всегда я отдавал вам предпочтенье.
Вы знаете, что полководец взором
Окидывает роты, эскадроны,
Солдат отдельный для него — ничто,
Он требует железной дисциплины...
Таким для вас я не был никогда:
В суровой школе развивались вы,
На лицах ваших засветился ум,
И с вами я, как с вольными людьми,
Стал обходиться, предоставив право
Свой голос мне открыто подавать...

Ефрейтор

Да, с нами ты достойно обращался,
Ты нас почтил доверием и чаще
Оказывал нам милость, чем другим,—
Вот за толпою мы и не пошли!
Мы рады верность сохранить тебе,
Промолви только слово — и довольно!
Скажи, что ты не замышлял измены
И войско ты не отведешь к врагу.

Валленштейн

Я изменил?.. Нет, изменили мне!
Я государем в жертву принесен
Моим врагам. Лишь вы — моя защита!
Вверяюсь вам... Отныне мой оплот —
Солдатские сердца!.. Вот грудь моя,
Вот голова,— она уже седеет,—
Враги берут их на прицел!.. И это
Испанское спасибо за бои

У крепостей, за Люцен! Для того ли
Нагую грудь мы копьям подставляли?
И голый камень, мерзлая земля
Нам для того ль, в походах, ложем были?
Остановить нигде нас не могли
Дремучий лес иль бурные потоки;
Мы по пятам за Мансфельдом гнались
Извилистым путем; и по стране,
Войною взбудораженной, носились,
Сметая все, как ураган. И разве,
Надежные защитники страны,
Закончив ратный труд неблагодарный,
Проклятья нам снискавший, мы позволим,
Чтоб отпрыск императорского дома
Оливковую ветвь *у нас* похитил
Так тяжко нам доставшегося мира
И русые украсил ею кудри?..

Ефрейтор

Нет, не бывать тому! Мы не позволим,
Ты доблестно вел грозную войну,
И только ты ее закончить должен.
Ты вел нас на кровавые поля,
Где смерть царила,— и в урочный час
Ты поведешь нас в мирные долины
Вкусить плодов совместного труда...

Валленштейн

Так вы еще надеетесь плодами
Под старость насладиться? Не надейтесь.
Конца войны вам не увидеть, нет!
Война, поверьте, всех нас поглотит.
Мир Австрии не нужен,— оттого
Я должен пасть, что домогаюсь мира.
Что за беда для Австрии, коль гибнут
Ее войска, а край опустошен,—
Ей надобны все новые захваты.
Задеты вы, и благородный гнев
У вас в глазах, я вижу, запылал.
О, если бы теперь я вас увлек,
Как некогда вас увлекал в сраженьях!
Вы за права мои великодушно
С оружием в руках готовы встать...
Но это вам не принесет успеха,

Вас очень мало! Знайте, вы напрасно
Пожертвуете жизнью за вождя.
(Доверительно.)
Нет, мы найдем куда надежней путь!
Прикинемся пока друзьями шведов,
С их помощью мы наберемся сил,
Грозны обеим сторонам мы станем,
И, захватив судьбу Европы в руки,
Мы ей дадим венчанный лавром мир.

Ефрейтор

Так, стало быть, лишь видимость одна,
Что ты со шведом, да? Ты не изменник?
Ты шведу не предашь нас?.. Это все,
Что мы узнать хотели от тебя.

Валленштейн

Да что мне шведы! Я их ненавижу,
Как ад, и с божьей помощью надеюсь
Их поскорее за́ море прогнать.
Лишь *я* пекусь о благе всей страны!
С сердечным сокрушеньем я смотрю
На бедствия отчизны. Вы народ
Простой, но ваши чувства благородны,
И смело вам открыться я могу...
Пятнадцать лет пылает факел распри,
И мира нет в Европе. Швед и немец!
Папист и лютеранин! Во вражде
Упорствуют! Везде кипят раздоры!
Все раскололись! Признанного нет
Посредника меж сторонами! Как же
Найти исход, распутать этот узел,—
Ведь с каждым днем он туже и сложней!..
Так знайте ж, я судьбою предназначен
Тот узел вместе с вами — разрубить!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Бутлер. Те же.

Бутлер

Мой генерал, так не годится!

Валленштейн

Что?

Бутлер

Да это оттолкнет людей надежных.

Валленштейн

Что? Что?

Бутлер

Да это вызовет мятеж!

Валленштейн

Так что же там?

Бутлер

Карабинеры Терцки
Срывают императорских орлов
И водружают герб твой на знаменах.

Ефрейтор
(кирасирам)

Кру-гом!

Валленштейн

Будь проклят и совет и подстрекатель!
(Вслед кирасирам.)
Стой, стой, ребята!.. Здесь ошибка... Слушай!..
Я строго накажу их... Стой, ребята!..
Не слушают.
(Обращаясь к Илло.)
Ступай, уговори
И приведи во что бы то ни стало.

Илло поспешно уходит.

Ах, Бутлер, Бутлер! Вот что нас погубит...
Вы мой недобрый гений. Надо ж было
Докладывать при них!.. Наполовину
Я их на нашу сторону склонил...
Но хуже нет услужливых безумцев!..
О, надо мной судьба жестоко шутит!
Не лютый гнев врагов меня погубит,
А рвенье неуместное друзей.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

В комнату врывается **герцогиня**. За нею следуют **Тэкла** и **графиня**. Потом **Илло**.

Герцогиня

Что натворил ты?

Валленштейн

Вас недоставало!

Графиня

Прости меня. Я больше не могла,—
Им все известно.

Герцогиня

Что ты натворил!

Графиня
(обращаясь к Терцки)

Нет никакой надежды? Все погибло?

Терцки

Все. Император Прагой овладел,
Войска ему вновь принесли присягу.

Графиня

Октавио, коварный лицемер!..
А где граф Макс?

Терцки

Куда ж ему деваться!
Уехал к императору с отцом.

Тэкла бросается в объятия матери и прячет лицо у ней на груди.

Герцогиня
(обнимает ее)

Несчастная! А мать того несчастней!

Валленштейн
(отведя Терцки в сторону)

Вели подать на задний двор карету,
Их поскорее надо увезти!
(Указывая на женщин.)

Нам верен Шерфенберг, так пусть он в Эгер
Проводит их, а мы за ними вслед.
(Возвратившемуся Илло.)
Ты не вернул их?

Илло

Слышишь, как шумят?
Так знай же, паппенгеймцы взбунтовались
И требуют, чтоб их полковник Макс
Был выпущен на волю, уверяют,
Что ты его насильно держишь в замке.
И если ты не дашь ему свободу,
Его освободят их палаши.

Общее изумление.

Терцки

Да это вздор!

Валленштейн

А что я говорил!
О, сердце вещее! Он, значит, здесь,
Не изменил он мне,— не в силах он
Меня предать... Я в этом был уверен.

Графиня

А раз он здесь, не все погибло. Знаю,
Кто сможет удержать его навек.
(Обнимает Тэклу.)

Терцки

Не может быть! Подумай, ведь старик
Нас предал императору,—и сын
Отважился остаться тут?

Илло
(Валленштейну)

Я видел
На площади, часа уж два назад,
Коней, ему подаренных тобою.

Графиня

О Тэкла, Макс недалеко!

Тэкла
(взволнованно восклицает, устремив глаза на дверь)

Он здесь!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же. Макс Пикколомини.

Макс

(войдя, останавливается посреди зала)

Да! Да! Он здесь! Я, крадучись, бродил
Вкруг дома вашего, подстерегая
Для нашей встречи миг благоприятный.
Но дольше выжидать я не могу,
Тревогу и тоску сносить не в силах.
(Подходит к Тэкле, бросившейся в объятия матери.)
Взгляни, мой тихий ангел, на меня!
И всем скажи открыто, без боязни,
Что мы друг друга любим. Для чего
Таиться нам? Ведь тайны — для счастливых;
Несчастным, потерявшим все надежды,
Не нужно покрывал,— да озарятся
Они сияньем легиона солнц!
(Заметив, что графиня, торжествуя, смотрит на Тэклу.)
О нет, графиня, ничего не ждите
И не надейтесь! Я не остаюсь.
Все кончено, и я пришел проститься...
Мой долг тебя покинуть, Тэкла,— долг!
Мне не по силам ненависть твоя.
Взгляни с участьем и скажи, скажи,
Что не питаешь ты вражды ко мне.
(В глубоком волнении берет ее за руку.)
О, боже!.. Боже! Как уйти отсюда?
Я не могу... оставить эту руку!
Хоть слово состраданья! Ты ведь знаешь,
Что я иначе поступить не мог.

Избегая его взгляда, Тэкла указывает рукою на отца.

(Макс, только сейчас заметивший герцога, обращается к нему.)
Ты здесь?.. Я не тебя искал тут, герцог.
Не должен был тебя я больше видеть.
Я к ней одной пришел. Лишь в этом сердце
Я оправданье обрести хочу,
Все остальное чуждо мне теперь.

Валленштейн

Что ж, я глупец, чтоб отпустить тебя
И сцену разыграть великодушья?

Отец твой низко поступил со мной, —
Ты для меня впредь только сын его,
И ты в моих руках сейчас недаром.
Так знай же, я не стану дружбу чтить,
Которой изменил он так бесчестно.
Конец любви и дружеской пощаде!
На очереди — ненависть и мщенье,
И я отныне тоже буду изверг.

Макс

Да, властен ты расправиться со мной.
Но знаешь сам, что мне твой гнев не страшен,
И не противлюсь я ему. Ты знаешь,
Кто держит здесь меня!
(Берет Тэклу за руку.)
Да! Верил я, что всем тебе обязан,
И я мечтал блаженство получить
Из рук твоих отеческих, но ты
Разрушил все. Ты можешь равнодушно
Все счастье близких втаптывать во прах, —
Жестокому *ты служишь* божеству!
Как дикая, бездушная стихия,
С которой заключить нельзя союза,
Ты следуешь слепым порывам сердца.
Беда тому, кто, соблазнясь твоим
Гостеприимным видом, прислонил
К тебе шалаш, где помышлял о счастье!
В ночной тиши, стремительно, нежданно
Вскипит огнем предательская бездна,
И вырвавшийся бешеный поток,
В неистовом порыве разрушенья,
Сметает все живое на пути.

Валленштейн

Да это сердце твоего отца!
Он черного исполнен лицемерья,
Правдиво ты его изобразил.
О, как лукаво ад меня провел!
Ко мне приставил под личиной друга
Злокозненного духа гнусной лжи.
Кто силы ада может побороть!
Я василиска на груди пригрел,
Вскормил его чистейшей кровью сердца
И расточал ему дары любви;

Я никогда его не опасался,
Ему открыл я мыслей тайники,
А мудрой осторожности затворы
Отбросил прочь... Мой взор искал врага
В просторах неба звездного, но только
Не в сердцевине сердца моего,
Куда его доверчиво впустил я...
Когда б *для Фердинанда* был я тем,
Чем *для меня Октавио*... не смог бы
Я государю объявить войну.
Он был не друг, а строгий повелитель,
Он не вверялся верности моей!
Война меж нами шла уже в ту пору,
Когда он дал мне полководца жезл:
В борьбе извечной хитрость с подозреньем.
Где вера и доверье — там и мир.
Кто отравил доверье, тот убьет
Младенца-мир в утробе материнской!

Макс

Я не хочу оправдывать отца,
Увы, не в силах оправдать!
Ряд злополучных развернулся дел,
Сплелись одни с другими злодеянья,
Подобно звеньям цепи грозных бед.
Но как *мы с ней*, безвинные, попали
В заклятый круг скорбей и преступлений?
Кого *мы с нею* предали? За что
Виной отцов двойною мы обвиты —
Извивами двух разъяренных змей?
И, любящих, зачем нас разлучила
Отцов непримиримая вражда?
(Обнимает Тэклу с глубокой скорбью.)

Валленштейн
(молча смотрит на него, затем подходит к нему)

Макс, оставайся!.. Макс, не уходи!
Когда тебя подростком в пражский лагерь,
Зимой, ко мне в палатку привели,
Не свыкся ты еще с немецкой стужей,
Но знамя из руки окостенелой,
Как должно мужу, ты не выпускал;
И я тебя тогда сердечно принял,
Был нянькою твоей и не стеснялся

Я материнских мелочных забот;
И ты, у сердца моего согретый,
Вновь радость жизни юной ощутил.
Когда же я к тебе переменился?
Обогатил я тысячи людей,
Я награждал их землями, давал им
Высокие чины... но лишь к тебе
Сердечную привязанность питал.
Они остались для меня чужими,
А ты всегда мне сыном был родным.
Не покидай меня! Я не поверю,
Чтоб Макс меня оставить мог...

Макс

О, боже!

Валленштейн

Я с юности твоей тебя лелеял.
В своих заботах о тебе, скажи,
Не превзошел ли я отца родного?
Я сеть любви вокруг тебя соткал,—
Попробуй разорви ее!.. Ты связан
Со мной корнями глубочайших чувств
И узами священными природы,—
Прочнее их не знает человек!
Покинь меня, ступай служить монарху,—
Пусть он тебя цепочкою украсит
И «Золотым Руном» за то, что ныне
Ты мной, своим вторым отцом и другом,
И чувствами святыми пренебрег.

Макс
(испытывая жестокую душевную борьбу)

О, боже! Что избрать?.. На что решиться?
Присяга... долг...

Валленштейн

Пред кем? А сам ты — кто?
Пусть *я* пред императором виновен,
Но непричастен ты к моей вине.
И вправе ль ты собой распоряжаться?
Хозяин ли ты сам себе, как я —
Свершитель вольный всех своих деяний?
Ты подчинен мне, я — твой император!

Принадлежать, повиноваться мне —
Вот честь твоя, вот твой закон природы.
Когда планета, где твоя обитель,
Сойдет с орбиты и, воспламенившись,
С другой столкнется и зажжет ее,
То участь ты своей звезды разделишь,—
Она тебя умчит в просторы мира
С кольцом и всеми лунами своими!
Поверь, невелика твоя вина,
Тебя еще похвалят, Макс, за то,
Что другу ты смог должное воздать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же. Нойман.

Валленштейн

Что, Нойман?

Нойман

Все паппенгеймцы, герцог, пешим строем,
Сойдя с коней, идут на штурм дворца,
Чтобы с мечом в руках тебя заставить
Свободу графу дать.

Валленштейн
(графу Терцки)

Скорей цепями
Путь преградить. Выкатывайте пушки.
Я сдвоенными ядрами приму
Гостей.

Терцки уходит.

Меня оружьем принуждать!
Вели им, Нойман, вмиг убраться прочь,
И пусть в порядке, *молча* ожидают,
Как мне угодно будет поступить.

Нойман уходит. Илло приближается к окну.

Графиня

Пусти его! Прошу, пусти!

Илло
(у окна)

Проклятье!

Валленштейн

Ну что?..

Илло

Они на ратуше. Вот крыша
Разобрана. Вот жерла пушек прямо
На нас глядят...

Макс

Безумцы!

Илло

А сейчас
Раздастся залп...

Графиня

О, господи!

Макс
(Валленштейну)

Позволь мне
К ним выйти, образумить их...

Валленштейн

Ни с места!

Макс
(указывая на герцогиню и Тэклу)

Но жизнь их! И твоя!..

Валленштейн

Что скажешь, Терцки?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Те же. Возвращается Терцки.

Терцки

Я с добрыми вестями от полков,
Нам верных. Рвенье их неукротимо;
Они тебя о позволенье просят
Ударить на восставших. В их руках
Две — Мельничная с Пражскою — заставы.
Подай им только знак, и выйдут в тыл

Мятежникам, загонят глубже в город
И в тесных переулках разгромят.

Илло

Скорее же! Не дай остыть их пылу.
Нам и драгуны Бутлера верны,
Нас большинство, мы их легко осилим
И в Пильзене покончим с мятежом.

Валленштейн

Здесь будет поле битвы? Бушевать
С глазами, кровью налитыми, станет
Раздор братоубийственный? Неужто
Мы ярости, глухой ко всем призывам,
Вдруг предоставим право все решить?
Здесь можно драться только в рукопашной,—
Не выхватить клинка! Вся власть вождя
Бессильна против разъяренных фурий.
А все ж, да будет так! Я долго думал,—
Но вот настал кровавый час развязки!
(Повернувшись лицом к Максу.)
Что ж, ты готов померяться со мною?
Ты волен уходить. Будь мне врагом.
Веди их в бой. Ведь ты постиг искусство
Вести войну, ты у меня учился,
С таким и мне не стыдно воевать.
Ты лучшего едва ль дождешься дня
Со мною за науку расплатиться.

Графиня
(Максу)

Вот до чего дошло! Как! Вы решитесь?

Макс

Я клятву дал, что выведу отсюда
Доверенные мне полки... От слова
Не отступлюсь, хотя б грозила смерть.
А большего не требует мой долг.
Ты враг, но мне твое чело священно,
Я на тебя меча не подниму.

Раздаются два выстрела. Илло и Терцки бросаются к окну.

Валленштейн

Что там еще?

Терцки

Упал он.

Валленштейн

Кто?

Илло

Стреляли тифенбахцы...

Валленштейн

По ком?

Илло

ТыНоймана послал сейчас...
По нем.

Валленштейн
(гневно)

Проклятье! Ну, тогда я сам...
(Хочет выйти.)

Терцки

Чтоб жертвой стать их ярости слепой?

Герцогиня и графиня

Нет, ради бога!

Илло

Только не теперь!

Графиня

Остановите!

Валленштейн

Прочь!

Макс

Пока солдаты
Разъярены кровавою расправой,
Повремени,— раскаянье придет...

Валленштейн

Прочь от меня! Я слишком долго медлил.
Отважились они на преступленье

Лишь потому, что не был я пред ними.
Они должны лицо мое увидеть...
Меня услышать... Это ль не мои
Войска? Не я ль их грозный полководец?
Да разве им забыть мое лицо?
Я солнце их в кровавой мгле сражений!
Я безоружным выйду на балкон
К бунтовщикам и обуздаю их.
Мятежные умы направлю я
В привычное русло повиновенья.

(Уходит, сопровождаемый Илло, Бутлером и Терцки.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Графиня. Герцогиня. Макс и Тэкла.

Графиня
(герцогине)

Его увидят... Есть еще надежда!

Герцогиня

Надежда? Нет ее.

Макс
(он стоял, в течение последнего явления, в стороне, с выражением внутренней борьбы)

Стерпеть нет сил.
Я к вам пришел с решимостью в душе
И с твердой верой в правоту свою,
Но почему я чувствую себя
Проклятия, презрения достойным,
Бесчеловечным, ненавистным всем,
Кого люблю, кто дорог мне, кто страждет
Столь тяжко, без вины, кому я мог бы
Единым словом счастье даровать?..
О, что за распря в сердце возмущенном
И мрак в душе! Как верный путь найти?
Ты правду мне сказал, отец, что слишком
Самоуверен был я,— вот теперь
Колеблюсь я, не знаю, где мой долг.

Графиня

Не знаете? Вам сердце не подскажет?
Так я скажу! Отец ваш совершил

Измену вопиющую, на друга
Он посягнул и опозорил нас.
Вы сын его: нетрудно догадаться,
Как поступить сейчас *вам* надлежит;
Явить вам надо верности пример,
Чтоб гнусное исправить злодеянье
И чтобы имя Пикколомини
Позору и проклятью на века
Не обрекли потомки Валленштейна.

Макс

Где правды зов, чтоб следовать за ним?
Желаньям и страстям подвластны мы.
О, если б с неба ангел мог слететь
И зачерпнуть рукою непорочной
Нам правду из хрустального ключа!
(Взглянув на Тэклу.)
Как мог я думать о другом? Иного
Ждать ангела?
(Подходит к ней и обнимает ее.)
О нет, на это сердце,
Непогрешимо-чуткое, святое,
И на твою любовь я положусь;
Безвинному твоя поддержка — счастье,
Виновный же тобой отвергнут будет.
Но будешь ты меня любить, когда
Останусь с вами? Если да,— я ваш.

Графиня
(многозначительно, Тэкле)

Подумай...

Макс
(перебивает ее)

Нет, не думая, скажи мне,
Что чувствуешь.

Графиня

Подумай об отце!..

Макс
(перебивает ее)

Не отвечай, как Валленштейна дочь,
Которая обдумывает трезво,

Принять ли ей корону, отвечай
Как нежно мной любимая, тревожась
За друга и за тысячу героев,
Которым он высокий даст пример.
Забыть ли мне мой долг, мою присягу?
Метнуть ли в лагерь моего отца
Убийственный снаряд? Ведь, покидая
Орудие, он существом живым
Становится, в нем обитает дух,
Богини мщенья им овладевают,
Эринии кровавые, и гонят
По самому коварному пути.

Тэкла

Мой Макс...

Макс
(перебивает ее)

О Тэкла, не спеши с ответом!
Я знаю, благороднейшее сердце
Тебе подскажет самый тяжкий долг.
Пусть победит простая человечность,
Да будет в ней величие твое!
Подумай, чем я герцогу обязан
И чем ему отец мой отплатил.
Ведь преданность друзей, ведь проявленья
Признательности, чистой и свободной —
Святой закон души! Природа мстит
Жестоко нарушителю его.
Все это взвесь и сердцу своему
Дай вынести свободно приговор.

Тэкла

Тобой давно он вынесен,— так действуй
По первому движению души...

Графиня

Несчастная!

Тэкла

Как может быть ошибкой
То, что тебе подсказывает сердце,
Столь чистое? Ступай исполни долг!
А *я* тебя любить не перестану.

Каким бы твой ни оказался выбор,
Ты неизменно будешь благороден
В своих поступках... Верю, не смутит
Раскаянье покой души твоей.

Макс

Как мне уйти, как мне тебя покинуть!

Тэкла

Ты верен мне, когда себе ты верен.
Нас разлучит судьба, но сердцем мы едины.
Смертельная вражда из рода в род
Два наших дома впредь разъединит,
Но мы с тобою, друг мой, чужды им...
Спеши! Спеши исполнить долг! Ступай!
От горестного дела отстранись!
Проклятье неба на челе у нас,
Мы гибели обречены. Меня
Вина отца в круговорот затянет.
Но не печалься, Макс,— моя судьба
Решится скоро...

Макс обнимает ее, потрясенный. За сценой раздается громкий, дикий, протяжный крик: «Vivat Ferdinandus!», сопровождаемый военной музыкой. Макс и Тэкла замирают в продолжительном объятии.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Те же. Терцки.

Графиня
(бросаясь навстречу Терцки)

Что было там? Что означают крики?

Терцки

Пропало все, теперь всему конец!

Графиня

Как! Выйдя к ним, он их не усмирил?

Терцки

Ничуть!

Графиня

Но ведь они «виват» кричали.

Терцки

Да, Фердинанду!

Графиня

Позабыть свой долг!

Терцки

Ему и слова не дали сказать.
Он только начал, как они тотчас
Все заглушили музыкой громовой...
Да вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Те же. Валленштейн, сопровождаемый Бутлером и Илло. Затем кирасиры.

Валленштейн
(входя)

Граф Терцки!

Терцки

Герцог!

Валленштейн

Верные полки
Немедленно к походу подготовить,—
Еще до ночи мы покинем Пильзен.

Терцки уходит.

(Бутлеру.)

Вы...

Бутлер

Слушаю!

Валленштейн

Гонца пошлите в Эгер,
Где комендантом друг ваш и земляк.
И напишите: пусть распорядится
Впустить нас завтра вместе с войском в крепость...
Вы — в арьергарде со своим полком.

Бутлер

Исполню, генерал.

Валленштейн
(подходит к Максу и Тэкле, которые стоят, обнявшись)

Расстаньтесь!

Макс

Боже!

Кирасиры с обнаженными палашами входят в зал и останавливаются в глубине сцены. За сценой раздаются мажорные звуки паппенгеймского марша, словно призывающие Макса.

Валленштейн
(кирасирам)

Вот он. Его я больше не держу.
(Отвернувшись, стоит между Тэклой и Максом, отстраняя его от дочери.)

Макс

Меня ты в гневе, с ненавистью гонишь.
Ты узы старой дружбы и любви
Не хочешь мягко развязать, но сделал
Еще больнее тягостный разрыв.
Ты знаешь, я еще не научился
Жить без тебя на свете... и отсюда
Я, как в пустыню, ухожу, а здесь
Всех, кто мне дорог, всё я покидаю...
Не отвращай же своего лица!
Еще раз покажи мне дорогие,
Навеки мною чтимые черты.
Не отвергай меня...
(Хочет схватить его за руку. Валленштейн отдергивает ее. Макс обращается к графине.)
Хоть взгляд участья!

Графиня отворачивается от него.

(Он обращается к герцогине.)
Достойная жена и мать!..

Герцогиня

Ступайте,
Куда зовет вас долг!.. Вы друг наш верный

И перед императором за нас
Засту́питесь!

Макс

Вы подали надежду,
Чтоб я совсем в отчаянье не впал.
Мое несчастье слишком велико,
Но у меня есть выход, слава богу!

Снова раздаются звуки музыки. Зал постепенно наполняется вооруженными солдатами. Макс замечает Бутлера.

И вы здесь, Бутлер?.. Следовать за мной
Вы не хотите?.. Что ж! Тогда вернее
Вы новому служите господину,
Чем прежнему! Но обещайте мне,
Что будет он и цел и невредим
Под вашею охраной. Руку, Бутлер!

Бутлер не подает ему руки.

В опале он, — любой убийца может
За царственную голову его
Кровавую награду получить.
Он в преданной любви, в заботах друга
Нуждается... А те, кого я вижу,
С ним расставаясь...
(С сомнением смотрит на Бутлера и Илло.)

Илло

Прочь! Ищите там
Изменников, где ваш отец и Галлас.
Предатель здесь *один*. Нас от врага
Избавьте ненавистного! Ступайте!

Макс еще раз пытается подойти к Тэкле, но Валленштейн препятствует ему. Макс останавливается в скорбном раздумье. Тем временем в зале становится все больше солдат; звуки труб, доносящиеся снизу, делаются все настойчивее и призывы их все чаще.

Макс

Трубят! Трубят!.. Когда б на смертный бой
Нас призывали шведских труб раскаты,
И палаши, что здесь обнажены,
Безжалостно пронзили грудь мою!
Что нужно вам? Меня увлечь отсюда?..

Но я впаду в отчаянье! Прочь! Прочь,
Иль вы потом раскаетесь жестоко!

Весь зал наполняется вооруженными солдатами.

Все больше их... И на меня — их тяжесть!
Всей массой их придавлен я к земле...
Опомнитесь! Разумно ли вождем
Избрать того, кто в крайнем исступленье?
Нет больше дум о счастии земном,
Я посвящаю вас богине мщенья!
Меня избрали вы на смерть свою.
За мной! И сложим головы в бою!
(Идет в глубину сцены.)

Взволнованная толпа кирасир окружает его и в диком порыве следует за ним. Валленштейн стоит неподвижно. Тэкла склоняется на руки матери.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дом бургомистра в Эгере.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бутлер
(войдя)

Он здесь. Он волей рока приведен.
Захлопнулась решетка крепостная,
Мост опустился, дал ему пройти,
Потом, качаясь, вновь поднялся кверху,—
И для спасенья путь ему отрезан:
«Здесь твой рубеж, а дальше — ни на пядь!»
Вот приговор судьбы. Ты, всем на диво,
Из Чехии поднялся метеором,
Блестящий путь на небе прочертил,
И близ ее границ — твое паденье!..
Ты славе старых изменил знамен,
Но в старое, слепец, ты верил счастье!
И чтоб зажечь в Империи войну
И сбросить лары с очагов священных,
Ты поднял меч преступною рукой.
Но берегись! Ты местью одержим...
Смотри, чтоб месть тебя не погубила!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бутлер и Гордон.

Гордон

Так это вы? Как ждал я встречи с вами!
Изменник — герцог! Боже! И беглец!
За царственную голову его
Обещана награда! Генерал,
Скажите, что́ там в Пильзене случилось?

Бутлер

Вам, комендант, мое письмо вручили,
Которое отправил я с гонцом?

Гордон

Я поступил, как приказали вы,—
Открыл пред ним ворота крепостные.
Я высочайший получил указ
Без рассуждений *вам* повиноваться.
Но стоило мне герцога увидеть,
Как я, простите, снова впал в сомненье.
Не как опальный в Эгер он вступил.
Его чело, как некогда, сияло
Величием властителя, и взор
Повиновенья требовал. Спокойно,
Как в дни невозмутимого порядка,
Мой комендантский рапорт принял он.
Когда виновный попадет в беду,
Он шелковым становится,— сановник
Пред пешкою заискивать не прочь;
Но, взвешивая похвалы слова,
С достоинством произносил их герцог —
Так хвалят слуг, исполнивших свой долг.

Бутлер

Все так произошло, как я писал.
Он войско продал шведам, им открыть
Хотел ворота Эгера и Праги.
Но от него вся армия отпала,
Лишь пять полков карабинеров Терцки
За ним сюда последовали. Герцог
Отныне государственный изменник,—
Долг верных трону — Фридланда немедля
Представить в Вену, мертвым иль живым.

Гордон

Изменник императору... Властитель
Столь даровитый! О, непостоянство
Земного счастья!.. Я, бывало, думал:
Не может это кончиться добром!
Такое возвышенье и столь смутно
Очерченная власть — вот западня:
Коль меры нет, желаньям нет предела!
О, как нужна законов ясных грань
И торная обычаев дорога!
Да, противоестественную власть
В своих руках сосредоточил герцог;
С самим монархом стал он наравне
И, возгордясь, отвык от подчиненья.
Как жаль его! Но там, где Фридланд пал,
Не устоял бы, думаю, никто.

Бутлер

До времени умерьте состраданье,—
Он так опасен, так еще могуч!
Стремительно сюда подходят шведы,
И если мы отпора не дадим,
Они соединятся с Валленштейном.
Но этому не быть! Отсюда герцог
Не ускользнет,— я честью поручился
Здесь в Эгере его под стражу взять,
И вы помочь должны мне, комендант!

Гордон

Зачем я дожил до такого дня!
Светлейший сам меня назначил в Эгер.
Не для того мне Фридланд вверил крепость,
Чтобы ему она тюрьмою стала.
Но воли нет своей у подчиненных,
И поступать великодушно смеют
Лишь те, кто и свободен и могуч.
Мы только исполнители закона
Жестокого; одна лишь добродетель
Доступна подначальным — послушанье.

Бутлер

Не сетуйте, что вы так стеснены.
Где много воли, много заблуждений —
Надежней долга узкая тропа.

Гордон

Так, значит, от него все отступились?
Он осчастливил тысячи людей.
Он царственно был щедр, его рука
Пригоршнями давать не уставала...
(Покосившись на Бутлера.)
Немало поднял он людей из праха
И почестями наградил, чинами,
А грянула беда — и в их толпе
Ни одного не оказалось друга!

Бутлер

Нежданно оказался здесь один.

Гордон

Не получал я от него наград!
Достигнув величавой высоты,
О друге юных дней не вспоминал он...
И то сказать, у герцога я был
Не на глазах,— служил в забытом замке,
Но, милостями Фридланда не взыскан,
Я сохранил в тиши свой дух свободный.
Притом, когда я был сюда назначен,
Он безупречно выполнял свой долг;
И я не обманул его доверья,—
Я все сберег, что герцог вверил мне.

Бутлер

Он вне закона. Отвечайте прямо:
Вы задержать поможете его?

Гордон
(скорбно, после молчаливого раздумья)

Смотря... Когда все так, как вы сказали...
Да, если он престолу изменил,
И продал войско, и хотел ворота
Имперских крепостей открыть врагу...
То нет ему спасенья!.. Но прискорбно,
Что рок меня орудием избрал
Его неотвратимого паденья.
Пажами в Бургау вместе были мы,
Хоть возрастом я несколько постарше.

Бутлер

Мне это все известно.

Гордон

Да, тридцать лет прошло. Уже в то время
В двадцатилетнем юноше пылал
Отважный дух. Не по годам серьезен,
К великому стремился он душой;
Всегда сосредоточен, молчалив,
Он мимо нас, бывало, шел, чуждаясь
Мальчишеских проказ и развлечений.
Но на него порою находило
Таинственное нечто, и тогда
Из глубины души вдруг вырывался
Глубокой, мощной мысли яркий луч,
И, слушая, дивились мы, не зная,
Безумец он иль свыше вдохновленный.

Бутлер

Он как-то задремал в оконной нише
И с третьего свалился этажа,
Но невредим встал на ноги. С тех пор
В нем замечали признаки безумья.

Гордон

Он сделался задумчивым и стал
Католиком, внезапно обращенный
Спасения непостижимым чудом.
И с той поры он почитал себя
Избранником, свободным существом
И, обольщенный дерзкою надеждой,
Над бездной жизни по канату шел.
Но вот судьба нас развела далёко.
Он продвигался быстро и отважно,
Вот граф он, князь, вот герцог и диктатор...
Всё не по нем; он руку протянул
К короне королевской и стремглав
Сорвался вниз, на верную погибель!

Бутлер

Довольно. Вот он.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Валленштейн, разговаривая с бургомистром Эгера. Те же.

Валленштейн

Вы были вольным городом? В гербе
У вас я вижу только половину
Имперского орла. А почему?

Бургомистр

Имперским вольным городом был Эгер.
Но добрых двести лет тому назад
Короне чешской мы в залог достались.
Зачеркнута часть нижняя орла
До той поры, как долг уплатят чехам.

Валленштейн

Вы заслужили вольность. Будьте стойки.
Не верьте вздорным слухам. Что, тяжел
У вас налог?

Бургомистр
(пожимая плечами)

Он нам едва под силу.
Вдобавок мы содержим гарнизон.

Валленштейн

Вам предоставят льготу. А скажите,
Есть протестанты в городе у вас?

Бургомистр смущен.

Да, да. Я знаю, в этих стенах много
Скрывается... Признайтесь! Вы и сами...
Не правда ли?
(Смотрит на него в упор. Бургомистр испуган.)
Не бойтесь. Ненавижу
Иезуитов я... и если б мог,
Давно б от них Империю избавил...
Мне все равно, что Библия, что требник!
И это знают все... Я лютеранам
Построить в Глогау кирку разрешил...
Послушайте... Да, как же вас зовут?

Бургомистр

Пахгельбель, ваша светлость.

Валленштейн

Так вот... Но только никому ни слова
О том, что вам доверю, бургомистр.
(Положив руку ему на плечо, торжественно говорит.)
Узнайте же, что пробил час паденья
Для тех, кто вознесен был, а для слабых —
Час возвышенья наступил... Но это
Пусть между нами! Близится конец
Испанскому владычеству на двух
Престолах. Будут новые порядки...
Вы в небесах видали три луны?

Бургомистр

Да, с ужасом.

Валленштейн

Два крайние светила
Вдруг сделались кровавыми мечами,
Лишь среднее по-прежнему сияло.

Бургомистр

Решили мы, что знаменье пророчит
Набег турецкий нам.

Валленштейн

При чем здесь турки?
На западе и на восходе солнца
В потоках крови сгинут две державы,
А вера лютеран восторжествует.
(Замечает Бутлера и Гордона.)
Дорогой мы пальбу слыхали слева,
Она и здесь была слышна?

Гордон

О да!
Отчетливо ее мы различали.
По ветру, с юга доносился гул.

Бутлер

Под Нойштадтом иль Вайденом палили.

Валленштейн

С той стороны нам шведов надо ждать.
Как гарнизон силен?

Гордон

Боеспособных
Сто восемьдесят только, остальные
Все инвалиды.

Валленштейн

Сколько в Йохимстале?

Гордон

Его я против шведов укрепил, —
Теперь две сотни там аркебузиров.

Валленштейн

Как вы предусмотрительны, хвалю.
И земляные видел я работы.

Гордон

К нам подступает Рейнграф, потому
Я наскоро два бастиона строю.

Валленштейн

Вы государю ревностный слуга,
И я доволен вами, подполковник.
(Бутлеру.)
Сменить аркебузиров в Йохимстале
И всех, кто в обороне состоит.
(Гордону.)
Под верною охраной вашей, Гордон,
Я оставляю дочь, жену, сестру.
А мне здесь оставаться нет причины.
Лишь писем жду и тронусь в путь чуть свет
Со всеми мной введенными полками.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Терцки.

Терцки

Удача, герцог! Радостные вести!

Валленштейн

Какие же?

Терцки

Под Нойштадтом — дрались!
Швед одержал победу.

Валленштейн

Неужели?
Но кто, скажи, принес нам эту весть?

Терцки

Крестьянин из деревни Тиршенрайт.
Бой начался, когда смеркаться стало;
Какой-то полк имперский в лагерь шведов
Ворвался, бились добрых два часа.
Весь тысячный отряд имперских войск
Был истреблен, полковник их убит.
Вот все, что смог он рассказать об этом.

Валленштейн

Как мог отряд имперский оказаться
Под Нойштадтом? Не птицей же граф Альтринг
Примчался вдруг! Да он еще вчера
В четырнадцати милях был оттуда,
А Галлас не стянул еще всех войск
Во Фрауенберг. Неужто мог Сюис
Так далеко продвинуться? О нет.

Появляется Илло.

Терцки

Вот Илло. Видно, с добрыми вестями.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же. Илло.

Илло
(Валленштейну)

К тебе гонец примчался с донесеньем.

Терцки

Что, о победе подтвердилась весть?

Валленштейн

Откуда он? И с чем?

Илло

Он прискакал
От Рейнграфа, и вот что там случилось.

Всего пять миль от нас до стана шведов.
Под Нойштадтом на них внезапно бросил
Макс Пикколомини свой конный полк.
Кровавое там завязалось дело,
Однако шведы взяли верх числом,
А паппенгеймцы, как один, погибли...
И с ними Макс, что их в атаку вел.

Валленштейн

Но где гонец? Веди к нему!..
(Хочет идти.)

В комнату вбегает фрейлина Нойбрунн; за нею через весь зал бегут слуги.

Нойбрунн

На помощь!

Илло и Терцки

Что?

Нойбрунн
(Валленштейну)

Ваша дочь...

Валленштейн и Терцки

Узнала?

Нойбрунн

Умирает.

Бежит прочь, за нею следуют Валленштейн, Илло и Терцки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бутлер и Гордон.

Гордон
(в изумлении)

Не скажете вы мне, что это значит?

Бутлер

Макс Пикколомини погиб в бою,
Как говорят, она его любила.

Гордон

Несчастная!

Бутлер

Вы слышали, что Илло говорил?
Сюда идут победоносно шведы!

Гордон

Слыхал.

Бутлер

Двенадцать там у них полков,
Пять герцогских стоят вблизи; у нас же
Один мой полк драгун и гарнизона
Каких-нибудь две сотни человек.

Гордон

Да, это так.

Бутлер

С таким числом ничтожным удержать
Мы в крепости преступника не сможем.

Гордон

Бесспорно.

Бутлер

Толпа обезоружит горсть людей,
Освободит его...

Гордон

Боюсь, что так.

Бутлер
(помолчав)

Так знайте же! Я за исход ручался,
За голову его — моя залогом,
Я слово дал, и я его сдержу;
Живого надо зорко охранять...
А с мертвым нет хлопот.

Гордон

Как вас понять? О, боже! Вы могли бы...

Бутлер

Он жить не должен.

Гордон

И способны вы...

Бутлер

Я или вы. Он не увидит утра.

Гордон

Его убить хотите вы?

Бутлер

Намерен.

Гордон

Он вверил вам себя!

Бутлер

Нет, — злому року!

Гордон

Особа полководца...

Бутлер

Он им был!

Гордон

Былых заслуг проступок не изгладит!
Где ж приговор?

Бутлер

Казнь будет приговором!

Гордон

Злодейство это, а не правосудье,
Виновного выслушивает суд.

Бутлер

Вина ясна, судьею был монарх,
И мы теперь его исполним волю.

Гордон

Нельзя спешить с убийством, — можно взять
Обратно слово — жизни не вернешь!

Бутлер

Но рвенье слуг по нраву государям.

Гордон

Мне не по нраву служба палача.

Бутлер

Кто храбр, свершает подвиг, не бледнея.

Гордон

На карту можно ставить жизнь — не совесть!

Бутлер

Что ж! Выпустить его, позволить вновь
Зажечь войны неугасимый пламень?

Гордон

В плену держите, но не убивайте,
Путь не закройте милосердью неба.

Бутлер

Когда б не пораженье наших войск,
И я на жизнь его не посягнул бы.

Гордон

Зачем я распахнул ему ворота!

Бутлер

Его убьет не место, но судьба.

Гордон

Я мог бы, этот замок защищая,
Как рыцарь, пасть на крепостном валу.

Бутлер

И тысячи погибли б вместе с вами!

Гордон

Почетный долг исполнив до конца!
Но проклято природой злодеянье.

Бутлер
(вручая пергамент)

Вот манифест, который нам обоим
Схватить его повелевает строго.

Вы отвечать готовы, если он
Уйдет от нас к врагу по недосмотру?

Гордон

Как я беспомощен, о боже!

Бутлер

Примите ж на себя вину за все!
Да, будь что будет! Вы за все в ответе.

Гордон

О, господи!

Бутлер

Но где ж другое средство
Исполнить императорский указ?
Не смерть его нужна мне, а паденье.

Гордон

О боже мой!.. Да, это неизбежно,
Но голос сердца говорит иное.

Бутлер

Фельдмаршала убить и графа Терцки
Придется с Валленштейном заодно.

Гордон

О, этих мне не жаль! *Их увлекал*
Не голос звездных сфер, но злой расчет.
Они в его возвышенную душу
Недоброй страсти заронили семя,
И неустанно, с дьявольским упорством
Плод роковой растили... Пусть им будет
За рвенье злое — злое воздаянье!

Бутлер

И в смерти пусть его опередят.
Да, все уже обдумано. Обоих
Схватить хотел я ночью на пиру
И в Эгере держать под крепкой стражей.
Но лучше *разом* кончить. Я пойду
Отдать необходимые приказы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же. Илло и Терцки.

Терцки

Теперь не та уж песня! Завтра в крепость
Войдут двенадцать тысяч храбрых шведов.
И — марш на Вену! Веселее, друг!
Не хмуриться при столь отрадной вести!

Илло

Впредь будем мы предписывать законы
И отомстим бесстыдным негодяям,
Что нас покинули. Один уже,
Полковник Пикколомини, наказан,—
О, если б всем врагам такой конец!
Какой удар для старика! Всю жизнь
Промучился, чтоб княжеской короной
Свой увенчать старинный графский дом,
И — потерять единственного сына!

Бутлер

Жаль доблестного юношу. Светлейший
Был этой вестью явно опечален.

Илло

Эх, старина! Не по нутру мне было
Его пристрастье к этим итальянцам,
Я из-за них, случалось, спорил с ним.
Он и теперь, душой моей клянусь,
Охотно бы нас всех похоронил,
Чтоб друга воскресить такой ценою.

Терцки

Молчи! Молчи! Пусть мертвый мирно спит!
Куда важней, кто перепьет кого,—
Ваш полк нас угощает нынче, Бутлер.
Мы с вами до утра повеселимся;
Забрезжит день — и шведский авангард
Мы с кубками в руках, ликуя, встретим!

Илло

Сегодня попируем беззаботно,
А там пойдут горячие деньки.

Пусть мой клинок потрудится, пока
Австрийской крови вдоволь не напьется.

Гордон

Фи! Что за речи, господин фельдмаршал!
К чему такая злоба на монарха?..

Бутлер

Не обольщайтесь первою победой!
Стремительно Фортуны колесо,—
Еще могуч, поверьте, император!

Илло

Есть у него солдаты — нет вождя!
Не смыслит ничего в военном деле
Король венгерский... Галлас — неудачник,
Он мастер лишь губить свои войска.
Ну, а змея Октавио, быть может,
Ужалит в пятку, но в открытой битве
Не устоит он против Валленштейна.

Терцки

Мы, старина, не промахнемся! Счастье
В союзе с нашим герцогом всегда,
И только с ним австрийцы побеждают.

Илло

Большое войско соберет он вскоре,
К нему толпой спешат со всех сторон
Под старые победные знамена.
Былые возвратятся времена,
По-прежнему великим будет Фридланд,
А те, что нас покинули теперь,
Захлопают ослиными ушами!
Он будет земли раздавать друзьям
И царственно за верность наградит.
Меня и Терцки раньше, чем других.

(Гордону.)

И вас он не забудет; чтобы верность
Блистала ярче на посту высоком,
Из каменного извлечет гнезда.

Гордон

Доволен я, к высотам не стремлюсь,
Где горы выше — пропасти страшней!

Иллo

Но в Эгере вы, Гордон, отслужили,
Ведь поутру́ захватят крепость шведы.
За мною, Терцки! Нам пора на пир!
Давай прикажем все огни зажечь
По городу в честь шведов. Кто не хочет,
Предатель тот и прихвостень испанцев.

Терцки

Оставь. За это герцог не похвалит.

Иллo

Хозяева здесь мы, никто не смей
Здесь признавать открыто Фердинанда...
Покойной ночи, комендант! Пройдитесь
В последний раз по крепости. Дозоры
Назначьте. Можете сменить пароль.
А ровно в десять герцогу вручите
Ключи — и вашей службе тут конец,
Ведь поутру захватят крепость шведы.

Терцки
(уходя, Бутлеру)

Так вы придете?

Бутлер

Да, я буду точен.

Илло и Терцки уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бутлер и Гордон.

Гордон
(глядя вслед уходящим)

Несчастные! Опьянены победой,
Бросаются в расставленные сети,
Не чувствуя, не видя, что их ждет!..
Мне их не жаль. Хотя бы этот Илло,
Спесивый, дерзкий негодяй, он хочет
В крови монарха свой клинок омыть!

Бутлер

Исполните приказ его. Дозоры
Послать кругом и быть настороже!
А я, чуть в замок явятся, ворота
Запру, чтоб слухи в город не проникли.

Гордон
(в тревоге)

Помедлите! Сперва...

Бутлер

Ведь вы слыхали,
Хозяин тут наутро будет швед.
У нас лишь ночь одна. Они спешат,
А все ж *мы* их опередим... Прощайте!

Гордон

Недоброе читаю в вашем взоре.
Ах, дайте слово...

Бутлер

Солнце закатилось,
И вечер наступает роковой...
Заносчивы они; сама судьба
Нам в руки предает врагов беспечных,
Счастливыми мечтами упоенных,
И вскоре сталь их жизни оборвет.
Какой великий мастер был наш герцог
Все высчитать и все предусмотреть!
Людей он, будто пешки на доске,
Передвигал, стремясь упорно к цели,
И без зазренья совести он дерзко
Их честью и достоинством играл.
Считал-считал, мудрил и все же сбился:
Не шутка,— жизнью просчитался он,
Как тот мудрец, которого убили
Средь вычерченных на песке кругов.

Гордон

Не время о просчетах говорить.
Подумайте, как он велик душою,—
Как много в нем сердечного участья,
Какое проявлял он благородство,

И пусть его достоинства удержат,
Как ангелы своей мольбой, ваш меч!

Бутлер

Нет, поздно! Что мне думать о пощаде,—
Я лишь о мести должен помышлять.
(Схватив Гордона за руку.)
Не в ненависти дело... Не люблю
Я герцога, и есть на то причины...
Но все ж его сразит не месть моя,
А рок, стеченье грозных обстоятельств.
Напрасно человек воображает,
Что он свободен в действиях! Нет, он
Игралище слепой державной силы,
Что, управляя жизнью своевольно,
Жестокую вершит необходимость.
Заговори в душе внезапно жалость,
Я, вопреки всему, его убью.

Гордон

Поддайтесь состраданью, генерал!
Ведь голос сердца — это голос бога,
Обманчивы рассудка притязанья.
Что принесет вам это злое дело?
Вам счастья не построить на крови,
К величию пути не проложить!
Порой угодно королям убийство,
Но не выносят короли убийц.

Бутлер

Здесь тайна. Все расспросы бесполезны.
Зачем так быстро подступают шведы!
На милость императора охотно
Я герцога бы отдал — пусть живет.
Я крови не хочу его. Но честью
Поклялся я — и смерть ему! А если
Его упустим, ждет меня позор.

Гордон

Спасти такую жизнь...

Бутлер
(живо)
Как?

Гордон

Он достоин,
Чтоб за него пожертвовать собою.
Что мненье света! Будьте благородны!

Бутлер
(холодно и гордо)

Он важная персона, герцог Фридланд...
Я ж — заурядный человек, не так ли?
Не все ль равно, позором или славой
Себя покроет человек простой —
Спасти бы только знатную особу!..
Нет, всякий знает цену сам себе.
Как я себя ценю, лишь мне известно.
Я презирать себя не стану, глядя
И на того, кто саном всех превыше.
Величье и ничтожество людей —
Лишь в том, на что направлена их *воля*;
Моя — тверда, он должен умереть.

Гордон

Я захотел поколебать скалу!
Не женщина на свет вас породила.
Я вам не в силах помешать. Пусть бог
От ваших лютых рук его избавит.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

В одном из покоев герцогини.

Тэкла сидит в кресле, бледная, с закрытыми глазами. Герцогиня и фрейлина фон Нойбрунн хлопочут возле нее. Валленштейн и графиня разговаривают.

Валленштейн

Но как она так быстро все узнала?

Графиня

Предчувствие тревожило бедняжку
И слух о битве напугал, в которой
Полковник императорский погиб.
Я видела, как бросилась она

К посланцу Рейнграфа и в тот же миг
Злосчастную сумела вырвать тайну.
Мы кинулись за ней,— она без чувств
У шведа на руках уже лежала.

Валленштейн

Какой удар постиг ее нежданно!
Несчастное дитя!
(Герцогине.)
Что, ей не лучше?

Герцогиня

Вот веки дрогнули...

Графиня

Жива!

Тэкла
(озираясь)

Где я?

Валленштейн
(подходит к ней и обнимает ее)

Приди в себя! Будь сильной духом, Тэкла!
Взгляни, с тобою любящая мать,
Ты на руках у своего отца.

Тэкла
(приподнявшись)

Где он? Ушел?

Герцогиня

О ком ты, дочь моя?

Тэкла

О вестнике беды!..

Герцогиня

Дитя мое, не вспоминай о нем!
Не воскрешай в душе картины мрачной!

Валленштейн

Нет, дайте горе ей излить! Пусть плачет!
Не откажите ей в слезах участья.

Великая постигла Тэклу скорбь,
Но дочь моя все вынесет, она
В отца, и дух ее необорим.

Т э к л а

Я не больна. Уже стоять я в силах.
Ты плачешь, мать? Тебя я напугала?
Но все прошло, я вновь собой владею.
(Встает и кого-то ищет глазами.)
Где он? Не прячьте шведа от меня!
Уже я в силах выслушать его.

Г е р ц о г и н я

Нет! Вестника подобного несчастья
Я на твои глаза не допущу.

Т э к л а

Отец...

В а л л е н ш т е й н

Что, дочь моя?

Т э к л а

Я не больна,
А скоро и совсем здорова буду.
Есть у меня к вам просьба.

В а л л е н ш т е й н

Говори!

Т э к л а

Позвольте, чтобы этого... чужого
Сюда позвали! Расспросить его
Хочу наедине.

Г е р ц о г и н я

Нет, ни за что!

Г р а ф и н я

Не надо звать его! Не позволяй!

В а л л е н ш т е й н

Но, дочь моя, к чему еще расспросы?

Тэкла

Когда узнаю все, спокойней стану.
Я правду знать хочу. А мать решила
Меня щадить. Я не хочу пощады.
Все страшное уже известно мне,—
Я ничего страшнее не услышу.

Графиня и герцогиня
(Валленштейну)

Не разрешай!

Тэкла

Я в ужасе была
И выдала себя пред посторонним;
Он слабости моей невольным стал
Свидетелем, и на руки ему
Я опустилась... к моему стыду.
Вернуть хочу я уваженье шведа,
Чтоб дурно он не думал обо мне.

Валленштейн

Мне кажется, она права... Я склонен
Исполнить эту просьбу. Позовите!

Нойбрунн уходит.

Герцогиня

Я мать, и я с тобой останусь, Тэкла.

Тэкла

Хочу остаться с ним наедине,
Так будет легче мне собой владеть.

Валленштейн
(герцогине)

Что ж! Пусть она одна с ним остается.
Бывает скорбь, когда никто на свете
Тебе не может послужить опорой,
И если духом ты силён — крепись!
В самой себе дочь силу обретет
Такой удар перенести внезапный.

Не женскую в ней прозреваю волю,—
Как с героиней обойдемся с ней.
(Намеревается уйти.)

Графиня
(удерживает его)

Куда ты? Стой! Мне Терцки говорил,
Что на заре ты покидаешь крепость,
А мы здесь остаемся.

Валленштейн

Это правда.
Отважным людям я вверяю вас.

Графиня

Возьми нас, брат, с собой! Не оставляй
В уединенье мрачном ждать исхода
С такой тревогой и тоской в сердцах!
Легко встречать беду лицом к лицу,
Но как ужасны муки ожиданья
Для тех, кто истомится вдалеке!

Валленштейн

Ты говоришь напрасно о беде.
Я полон самых радужных надежд.

Графиня

С собой возьми нас, Альбрехт. Не бросай
В таком углу зловещем: тяжело
Мне на душе средь этих стен угрюмых,
Где холод склепа сердце леденит.
Ах, до чего же страшен этот дом!
Ты уведи нас прочь! Сестра, проси!
Проси и ты, племянница моя!

Валленштейн

Зловещий дух покинет это место,
И милым сердцу будет здесь приют.

Нойбрунн

Вот шведский капитан!

Валленштейн

Оставим их.
(Уходит.)

Герцогиня
(Тэкле)

Ты побледнела! Ах, никак нельзя
Тебе с ним говорить. Пойдем со мною!

Тэкла

Нет, но вблизи пусть остается Нойбрунн.

Герцогиня и графиня уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Тэкла. Шведский капитан. Нойбрунн.

Капитан
(почтительно приближаясь)

Принцесса... Это имя сорвалось
Нечаянно... Простите, ради бога!..

Тэкла
(с достоинством)

Вам довелось меня увидеть в горе.—
Несчастный случай превратил чужого
В поверенного сокровенных чувств.

Капитан

Вам ненавистен должен быть мой вид,
Прискорбное принес я вам известье.

Тэкла

Вина моя. Я вырвала его,
И рупором моей судьбы вы стали.
Но ваш рассказ внезапно прерван был
Моим испугом. Жду его конца.

Капитан
(нерешительно)

Я только вашу скорбь возобновлю.

Тэкла

Спокойна я... хочу спокойной быть.
Что дальше? Как же завязалась битва?

Капитан

Мы в лагере, лишь наспех укрепленном,
Под Нойштадтом, не ждали нападенья.
Вдруг, под вечер, у леса,— пыль столбом!
Влетают в лагерь наши верховые,
Кричат, что следом наседает враг.
И только мы вскочить успели в седла,
Как паппенгеймцы ринулись на нас,
Прорвавшись сквозь засеку, а затем
В неудержимом, яростном порыве
На всем скаку они перелетели
Чрез ров, которым стан был обведен.
Но храбрость безоглядная далёко
Их от своей пехоты увлекла —
Ведь только паппенгеймцы за отважным
Вождем отважно кинулись...

Тэкла вздрагивает. Капитан на мгновение умолкает, но она жестом просит его продолжать.

Мы всею нашей конницей тогда
Их спереди и с флангов охватили,
Ко рву прижав, а позади него
Поспешно строй занявшая пехота
Их встретила, ощерясь лесом пик.
И, вклинившись в наш тесный, грозный строй,
Они вперед или назад податься
Уже не в силах были. Тут наш Рейнграф
Вождю их крикнул, чтобы он сдавался
И завершил с почетом славный бой.
Полковник Пикколомини...

Тэкла, пошатнувшись, хватается за кресло.

...на шлеме
Был у него приметный всем султан,
И развевались волосы по ветру...
Дал шпоры, перенесся через ров,
За ним весь полк... но вот — свершилось! — конь,
Пронзенный алебардой, на дыбы
Взвился и прочь отбросил седока,
А кирасиры, не сдержав коней,
Через него промчались всей лавиной.

Тэкла, слушавшая его в ужасе, начинает лихорадочно дрожать, теряя сознание; к ней подходит Нойбрунн и поддерживает ее.

Нойбрунн

Бесценная моя...

Капитан
(растроганный)

Я ухожу.

Тэкла

Нет, все прошло... Прошу вас, продолжайте.

Капитан

Увидев гибель своего вождя,
Весь полк пришел в неистовую ярость:
Никто не думал о своем спасенье,
Как тигр сражался каждый кирасир;
Но их упорство разъярило наших,
И лишь тогда затихла эта битва,
Когда у них последний воин пал.

Тэкла
(дрожащим голосом)

А где вы... где... не все вы рассказали.

Капитан
(помолчав)

Его мы нынче утром хоронили.
Двенадцать знатных юношей несли
Украшенный венком лавровым гроб,
И Рейнграф на него как знак почета
Свой меч победоносный положил.
За гробом войско шло. Судьбу героя
Оплакивали многие, он всем
Известен был своим великодушьем
И нрава беспримерной добротой.
Ему охотно Рейнграф спас бы жизнь,
Но, говорят, он смерти сам искал.

Нойбрунн
(растроганная, обращается к Тэкле, закрывшей лицо руками)

Бесценный друг!.. Прошу... Лицо откройте!
Зачем вы настояли на свиданье!

Тэкла

А где он погребен?

Капитан

В монастыре
Близ Нойштадта сейчас лежит он в склепе;
Отец, быть может, прах перенесет.

Тэкла

А кто патрон монастыря?

Капитан

Святая
Екатерина.

Тэкла

Путь далек?

Капитан

Миль семь.

Тэкла

А ехать как туда?

Капитан

На Тиршенрайт
И Фалькенберг, где наши аванпосты.

Тэкла

Кто командир?

Капитан

Полковник Зекендорф.

Тэкла
(подходит к столу и вынимает из ларчика с драгоценностями перстень)

Вы видели, в каком я тяжком горе,
И отнеслись с участием ко мне...
(Вручает ему перстень.)
Вот вам на память... А теперь ступайте.

Капитан
(изумленный)

Принцесса...

Тэкла знаком приказывает ему уйти и отходит от него. Капитан медлит и что-то хочет ей сказать. Нойбрунн повторяет жест Тэклы. Капитан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Тэкла. Нойбрунн.

Тэкла
(бросаясь в объятия Нойбрунн)

Теперь мне докажи свою любовь,
В которой ты всегда клялась мне, Нойбрунн.
Будь верною подругой! Мы должны
Бежать сегодня в ночь.

Нойбрунн

Бежать! Куда?

Тэкла

Куда? *Одно* на свете для меня
Есть место — там, где гроб его стоит!

Нойбрунн

Зачем же вы туда бежать хотите?

Тэкла

Зачем? Бедняжка! Ты бы не спросила,
Когда бы сердцем ведала любовь.
Там все, что от него еще осталось.
Тот уголок заменит мне весь мир...
О Нойбрунн, не удерживай меня!
Обдумаем, как нам бежать сегодня.

Нойбрунн

А гнев отца? Он вас не остановит?

Тэкла

Мне на земле ничей не страшен гнев.

Нойбрунн

А насмехаться станут! А злословить!

Тэкла

Иду к тому, кого уж нет на свете,
И не в его объятья... боже правый!
В могилу я к любимому спешу.

Нойбрунн

Одним бежать? Беспомощным и слабым!

Тэкла

Вооружимся. Я тебе защита.

Нойбрунн

Ночной порой?

Тэкла

Мрак ночи скроет нас.

Нойбрунн

И в бурю!

Тэкла

Под копытами коней
Легко ль *ему* на поле битвы было?

Нойбрунн

А шведские посты сторожевые!
Нас не пропустят.

Тэкла

Там ведь тоже люди, —
По всей земле несчастью путь открыт!

Нойбрунн

Так далеко...

Тэкла

А разве пилигрим,
Идя к святым местам, считает мили?

Нойбрунн

Но как, принцесса, выбраться отсюда?

Тэкла

Нам золото ворота распахнет!

Нойбрунн

А если нас узнают?

Тэкла

Нет, в беглянке
Дочь Фридланда никто не заподозрит.

Нойбрунн

Где нам достать для бегства лошадей?

Тэкла

Их даст конюший мой. Зови его.

Нойбрунн

Как! Он тайком решится их доставить?

Тэкла

Да. Только ты иди скорей! Не мешкай.

Нойбрунн

Что будет с вашей матерью, когда
Откроется побег?

Тэкла

(опомнившись, смотрит вокруг себя страдальческим взором)

О мать моя!

Нойбрунн

Она и без того уж исстрадалась,
Что ж, ей последний нанести удар?

Тэкла

Мне не дано ее щадить!.. Иди.

Нойбрунн

Поступок свой обдумайте, прошу вас.

Тэкла

Обдумала и не колеблюсь, нет.

Нойбрунн

Но что же станет с вами там, принцесса?

Тэкла

Меня господь наставит, как мне быть.

Нойбрунн

Но ваше сердце так полно тревоги,
Что вы и там покоя не найдете.

Тэкла

Найду покой, как Макс его нашел...
Ступай, спеши, не трать напрасно слов!
Сама не знаю, что́ меня влечет
К его могиле так неудержимо!
Там сразу легче станет мне, я знаю!
Страданья пе́тля, что меня сдавила,
Спадет... Из глаз польются вольно слезы.
Ступай, давно пора нам быть в дороге.
Я не найду покоя в этих стенах,
Что на меня обрушиться грозят...
Необоримо прочь отсюда гонит
Загадочная сила... Что за чувство!
Вот привиденья бледные встают
Из всех углов и тесно обступают
Меня толпой чудовищной... Податься
Мне некуда!.. А их все больше, больше!
Они меня, живую, гонят прочь!

Нойбрунн

Вы так меня, принцесса, напугали,
Что и сама тут не решусь остаться.
Пойду и позову к вам Розенберга.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Тэкла

Меня зовет возлюбленного дух,
А духи мстивших за него героев
Винят меня в постыдном промедленье.
Они и в смерти не расстались с тем,
Кто был при жизни их вождем... Прекрасен
Пример простых сердец! Ужель мне — жить!..
О нет, и мне лавровый тот венок,
Которым гроб украшен твой, сплетали.
Жить без твоей любви — ужасный рок!
Отброшу жизнь и с нею все печали.
В тот миг, как мы друг друга повстречали,
Жизнь что-то значила. Передо мной
День занимался золотой!
И два небесных часа мне сияли.

Да, ты у входа в новый мир стоял,
Вошла в него я в трепетном молчанье;
Мильоном солнц он вкруг меня блистал,
И ангела — тебя! — творец послал,
Чтоб, оторвав от детского мечтанья,
Умчать меня к вершинам мирозданья!
Меня блаженство осенило вмиг,
В глубь *сердца* твоего мой взгляд проник!
(Замирает в раздумье, а затем в ужасе приходит в себя.)
Рок налетел... Жестокий, ледяной,
Он друга смял нещадною рукой
И бросил под гремящие подковы...
Прекрасное, вот твой удел суровый!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Тэкла, Нойбрунн и конюший.

Нойбрунн

Вот ваш конюший, он на все согласен.

Тэкла

Ты лошадей достанешь нам?

Конюший

Достану.

Тэкла

И будешь нас сопровождать в пути?

Конюший

О да, принцесса, хоть на край вселенной!

Тэкла

Но к герцогу тебе возврата нет.

Конюший

При вас останусь.

Тэкла

Награжу тебя
И новую тебе найду я службу.
Поможешь нам из крепости бежать?

Конюший

Охотно.

Тэкла

А когда?

Конюший

Да хоть сейчас.
Куда нам ехать?

Тэкла

Мы... Скажи ты, Нойбрунн!

Нойбрунн

Под Нойштадт.

Конюший

Хорошо, я все устрою.
(Уходит.)

Нойбрунн

К нам герцогиня жалует.

Тэкла

О, боже!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Тэкла. Нойбрунн. Герцогиня.

Герцогиня

Его уж нет, и ты спокойней стала.

Тэкла

Да, я спокойней... Но позвольте мне
Скорей уснуть. Пусть Нойбрунн остается.
Хочу покоя.

Герцогиня

Отдохни, дитя.
Я рада, что смогу теперь утешить
Отца.

Тэкла

Спокойной ночи, дорогая!
(Падает в объятия матери и обнимает ее, сильно взволнованная.)

Герцогиня

Ты все еще взволнована, мой друг.
Ты вся дрожишь, и сердце у тебя
Так сильно бьется...

Тэкла

Сон все успокоит...
Любимая моя, покойной ночи!
(Отходит от матери.)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бутлер. Майор Геральдин.

Бутлер

Двенадцать рослых подобрать драгун
И копьями вооружить. Смотрите ж,
Не сметь стрелять!.. Держите их в засаде
Вблизи столовой и, когда десерт
Там подадут, врывайтесь с криком в зал:
«Кто здесь за императора?..» А я
Стол опрокину... Вы тогда к обоим
Бросайтесь — и на копья! У ворот
Поставлю стражу, чтобы Валленштейну
Не дали знать... Ступайте. Что, Макдóнальд
И Дéверу пришли?

Геральдин

Сейчас войдут.
(Уходит.)

Бутлер

Нет, медлить невозможно. Горожане
И те уж за него; весь этот город,
Не знаю почему, вдруг обезумел.

Для них он тот властитель-миротворец,
Который вновь на землю возвратит
Век золотой. Уже раздал народу
Оружье магистрат, сто горожан
При герцоге взялись нести охрану.
Не медлить! Враг извне, враг изнутри.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бутлер. Капитаны Макдональд и Деверу.

Макдональд

Мы здесь, мой генерал.

Деверу

Каков наш лозунг?

Бутлер

Да здравствует наш император!

Оба
(попятившись)

Что?

Бутлер

Да здравствует австрийский дом!

Деверу

Не Фридланд?
Но разве мы ему не присягали?

Макдональд

И не взялись мы охранять его?

Бутлер

Изменника? Империи врага?

Деверу

Ведь для него ты нас завербовал.

Макдональд

И вслед за ним сюда явился в Эгер.

Бутлер

Чтоб тем вернее погубить его.

Деверу

Ах, так!

Макдональд

Другое дело...

Бутлер

(обращаясь к Деверу)

Негодяй!
Ты изменяешь знамени и долгу!

Деверу

Ко всем чертям! Я подражал тебе:
«Он шельмой стал? Будь шельмою и ты!»
Так думал я.

Макдональд

Мы рассуждать не смеем!
Начальник — ты, тебе и рассуждать!
Мы за тобой, хоть к черту на рога.

Бутлер

(примирительно)

Ну, мы друг друга знаем.

Макдональд

Да, конечно.

Деверу

Мы рыцари Фортуны: тот, кто нам
Всех больше даст, тому и служим.

Макдональд

Верно!

Бутлер

Так честно послужи́те!

Деверу

Это можно.

Бутлер

И вам Фортуна кошельки набьет.

Макдональд

Тем лучше.

Бутлер

Ну, так слушайте...

Деверу и Макдональд

Что скажешь?

Бутлер

Изволил император приказать
Живым иль мертвым Фридланда представить.

Деверу

Таков указ.

Макдональд

О да, живым иль мертвым!

Бутлер

И тех, кто это совершит, достойно
Деньгами и землею наградит.

Деверу

Звучит недурно. Не скупятся там
На обещанья. Да! Мы это знаем!
А жалуют лишь цепью золотой,
Иль хромоногой клячей, иль дворянством...
Нет, герцог платит больше.

Макдональд

Да, он щедр.

Бутлер

С ним кончено. Звезда его померкла.

Макдональд

Да правда ль это?

Бутлер

Я вам говорю.

Деверу

С ним счастье распростилось?

Бутлер

Навсегда.

Он не богаче нас.

Макдональд

Как, не богаче?

Деверу

Тогда пора бросать его, Макдональд!

Бутлер

Уж двадцать тысяч бросили его.
Но нам, земляк, придется сделать больше!..
Убить его.

Деверу и Макдональд
(попятившись)

Убить?

Бутлер

Ну да, убить...
Для этого я выбрал вас.

Деверу и Макдональд

Как! Нас?

Бутлер

Вас, капитаны Деверу, Макдональд.

Деверу
(помолчав)

Найдите-ка другого.

Макдональд

Да, другого.

Бутлер
(обращаясь к Деверу)

Ты испугался, трус? А почему?
Ведь ты уже душ тридцать загубил...

Деверу

Но полководца умертвить... Подумай!

Макдональд

Ведь мы ему на верность присягнули!

Бутлер

Он изменил, — свободны вы от клятвы.

Деверу

Послушай, генерал! Ведь это мерзко.

Макдональд

И вправду так! Есть совесть и у нас.

Деверу

Он как-никак наш вождь, он долго нами
Командовал и нас держал в решпекте.

Бутлер

За этим остановка?

Деверу

Да! Любого
Зарежу я, хотя б родного сына,
Когда мне император повелит...
Но, знаешь, мы солдаты, нам *вождя*
Убить — тяжелый грех и злодеянье,
Которым отпущенья не найти.

Бутлер

Я папа твой и грех твой отпускаю.
Решайтесь же!

Деверу
(стоит, задумавшись)

Не подойдет.

Макдональд

Нельзя.

Бутлер

Ступайте прочь!.. Пришлите Песталуци.

Деверу
(опешив)

А! Песталуци...

Макдональд

Он-то для чего?

Бутлер

Вы не хотите — захотят другие...

Деверу

Нет, если все равно он должен пасть,
То мы другим награду не уступим...
Ну как, Макдональд?

Макдональд

Что ж, когда иначе
Никак нельзя, когда он *должен* пасть,
Я не отдам награду Песталуци.

Деверу
(после недолгого размышления)

Когда он должен пасть?

Бутлер

Сегодня ночью,
Ведь утром шведы будут у ворот.

Деверу

С нас взыскивать не станут, генерал?
Ручаешься?

Бутлер

За все.

Деверу

Впрямь император
Так ясно волю изъявил? Бывает,
Убийству рады, но казнят убийц.

Бутлер

Указ гласит: живым иль мертвым взять.
Но взять живым, как видите, нельзя...

Деверу

Так мертвым! Да... но как нам подступиться?
На улицах карабинеры Терцки.

Макдональд

А сам граф Терцки да фельдмаршал Илло...

Бутлер

Ну, с них-то и начнут, само собой.

Деверу

И этим смерть?

Бутлер

Да, раньше, чем ему.

Макдональд

Слышь, Деверу... кровавый будет вечер!

Деверу

А этих кто спровадит? *Я не прочь*!

Бутлер

Майору Геральдину это дело
Поручено. Их угощают в замке,
Там этой ночью будет пир отменный.
Их за столом застигнут и убьют...
Майору в помощь — Лесли с Песталуци...

Деверу

Слышь, генерал! Не все ль тебе равно?
Слышь... Дай мне поменяться с Геральдином.

Бутлер

Но с герцогом покончить безопасней.

Деверу

Черт! Кто же я, по-твоему? Ответь!
Не меч, но взгляд нам страшен Валленштейна.

Бутлер

А что с тобой от взгляда приключится?

Деверу

Черт подери! Ты знаешь, я не трус.
Но ведь еще недели нет, как он
Мне чистоганом двадцать дал червонцев,
Чтоб этот теплый я купил камзол...
Так если он меня с копьем увидит
И на камзол мой бросит взгляд... то... знаешь...
Нет, я не трус, провал меня возьми!

Бутлер

Он теплый дал тебе камзол, и ты
Колеблешься, бедняк, в него вонзить
Клинок. А ведь одежду потеплее
Дал император Фридланду, его
Он в герцогскую мантию облек.
А в благодарность что? Мятеж, измена.

Деверу

Ко всем чертям такую благодарность!
Что ж... я его убью.

Бутлер

А если совесть
Ты успокоить хочешь, скинь камзол,
И все пойдет, увидишь, как по маслу.

Макдональд

Но вот о чем еще подумать надо...

Бутлер

О чем еще тебе, Макдональд, думать?

Макдональд

Да разве можно пикой и мечом
Убить *его*? Ведь он *неуязвим*.

Бутлер
(вспылив)

Вздор!..

Макдональд

Нет, его ни пуля, ни копье
Сразить не могут! Он *заговорен*.
Слышь, тело у него неуязвимо.

Деверу

Да! Был такой когда-то в Ингольштадте,
Живой броней покрытый вместо кожи,
Его с трудом прикладами забили.

Макдональд

Придумал я!

Деверу

Ну!

Макдональд

Здесь, в монастыре,
Есть у меня земляк-доминиканец;
Пусть он мечи и копья окропит
Святой водою да покрепче их
Благословит, а при таком оружье
Любое колдовство нам нипочем.

Бутлер

Пусть будет так, Макдональд. Отправляйтесь.
Заставьте Фердинанду присягнуть
Два-три десятка молодцов-драгун...
В одиннадцать... когда пройдут дозоры,
Вы потихоньку к дому подходите...
Я буду поджидать невдалеке.

Деверу

Но как тайком пробраться мимо стражи,
Что внутренний там охраняет двор?

Бутлер

Я все вокруг старательно разведал
И вас впущу чрез заднюю калитку,
Где на часах всего *один* солдат.
По должности и чину у меня
Свободный доступ к герцогу. Оставлю
Вас позади, а в горло часовому
Воткну кинжал и проложу вам путь.

Деверу

Допустим, мы наверх пройти сумеем,
Но как пробраться в герцогскую спальню

И челядь всю его не всполошить?
Притом же он с большою прибыл свитой.

Бутлер

Вся челядь — в правом флигеле, а в левом
Лишь он один, он любит тишину.

Деверу

Скорей бы сбросить это дело с плеч!..
Не по себе мне, черт возьми, Макдональд!

Макдональд

И мне, брат. Это важная персона.
Мы прослывем злодеями, увидишь.

Бутлер

Вас ждут богатство, блеск, почет, — плевать
Тогда на все людские пересуды!

Деверу

Да вправду ль ожидает нас почет?

Бутлер

Ну да! Вы трон спасете Фердинанду.
Он щедро вас за это наградит.

Деверу

Так цель его — прогнать монарха с трона?

Бутлер

Прогнать с престола? Больше: жизнь отнять!

Деверу

А если мы его доставим в Вену,
Его казнит на площади палач?

Бутлер

Да, участи такой он не избегнет.

Деверу
(Макдональду)

Идем! Коль полководца плаха ждет,
Пусть от руки солдата он падет!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зал с выходом в галерею, уходящую в глубь сцены. Валленштейн сидит за столом. Перед ним стоит шведский капитан. Вскоре появляется графиня Терцки.

Валленштейн

Вы Рейнграфу поклон мой передайте.
Его удачи радуют меня,
И если, о победе услыхав,
Я радости большой не обнаружил,
На это есть особая причина;
Но счастье ныне общее у нас.
Прощайте же! Спасибо за труды.
С рассветом крепость сдастся вам без боя.

Шведский капитан уходит. Валленштейн сидит в глубоком раздумье, устремив неподвижный взор вперед и склонив голову на руку. Графиня Терцки входит и, некоторое время не замечаемая герцогом, стоит возле него. Но вот он делает быстрое движение и, увидев ее, мгновенно овладевает собой.

Ты от нее? Что с ней? Она легла?

Графиня

Легла... Сестра находит, что она
Куда спокойней после разговора.

Валленштейн

Утихнет скорбь. Польются вскоре слезы.

Графиня

И ты, мой брат, уж не такой, как был.
Я думала, порадует тебя
Победа. Будь же тверд! Не падай духом,—
Ты наше солнце, жизни нашей свет.

Валленштейн

Я тот же, не тревожься... Где твой муж?

Графиня

Он вместе с Илло в крепости пирует.

Валленштейн

(встает и делает несколько шагов по залу)

Ночь темная... Ступай к себе, сестра!

Графиня

Дай мне с тобой побыть, не прогоняй.

Валленштейн
(подходя к окну)

На небесах какое-то смятенье,
На башне бурный ветер треплет флаг,
Несутся тучи, лунный серп дрожит,
Сквозь мрак ночной нет-нет блеснет зарница...
Не видно звезд! Одна Кассиопея
Мерцает тускло в хмурой вышине,
А там Юпитер... Но теперь его
Мрак неба грозового поглотил!

(Погружается в размышления, устремив неподвижный взгляд в окно.)

Графиня
(печально смотрит на него, потом берет его за руку)

О чем ты думаешь?

Валленштейн

О, если б мог я вновь его увидеть!
Он озарял мне жизнь своим сияньем,
При нем чудесно я преображался.

Пауза.

Графиня

Ты вновь его увидишь.

Валленштейн
(снова впадает в состояние глубокой отрешенности; очнувшись, быстро поворачивается к графине)

Его?.. Нет, никогда!

Графиня

Но почему?

Валленштейн

Его уж нет... он — прах!

Графиня

Да ты о ком?

Валленштейн

Как счастлив он! Свой путь он завершил.
Нет у него грядущего, судьба
Уже ему засады не устроит...
Жизнь друга предо мной как полотно,
И ни пятна, ни складки нет на ткани.
Не постучится впредь к нему беда.
Он чужд желаний, страх ему неведом,
Он неподвластен гибельным светилам...
Как хорошо ему! А перед нами
Ближайший час и тот сокрыт во мгле!

Графиня

А, ты о Максе!.. Альбрехт, как он умер?
Я встретила гонца, когда входила.

Валленштейн жестом просит ее замолчать.

Не устремляйся мыслями в былое!
Но обратись к грядущим светлым дням.
Победу торжествуй и позабудь,
Какой ценой она тебе досталась.
Ведь не сегодня ты лишился друга,—
С тобой порвав, он умер для тебя.

Валленштейн

И этот я перенесу удар,—
Чего-чего не переносят люди!
От чувств возвышенных и заурядных
Отвыкнут, покоряясь власти дней.
Но велика сейчас моя утрата.
Жизнь отцвела моя и предо мною
Лежит холодной тусклою долиной.
Он был со мной, как молодость моя,
При нем мечтою все преображалось,
И плоская обыденность явлений
В рассветном озаренье представала...
Он, жизнь любя, умел облагородить
Все пошлое, на удивленье мне...
И пусть достигну я венца желаний —
Прекрасное ушло и не вернется:
Какое это счастье — чуткий друг!
С ним делишь радость и растешь душою.

Графиня

Верь крепче, брат мой, в собственные силы!
Ты чувствами достаточно богат
И превозносишь в Максе то, что в нем
Любовно сам посеял и взрастил.

Валленштейн
(идет к двери)

Кто в эту пору потревожил нас?..
Да это комендант идет с ключами.
Ступай, Тереза. Полночь на дворе.

Графиня

С тобой мне тяжко нынче расставаться,—
Страх подступает к сердцу.

Валленштейн

Страх? Какой?

Графиня

Ты можешь этой ночью вдруг уехать,—
Проснемся мы, а ты исчез навек.

Валленштейн

Пустое!

Графиня

Ах, давно уже мне душу
Печальные предчувствия тревожат;
Я днем справляюсь с ними, но во сне
Меня терзают мрачные виденья...
Вчера приснилось: за столом сидишь ты
С женою первой, пышно разодетой...

Валленштейн

Хороший сон, — тот брак основой стал
Всего благополучья моего.

Графиня

А нынче мне приснилось, что к тебе
Я в комнату вошла... Но оказалось,
Что это — монастырь картезианский;
Он был тобою в Гитчине основан,
Ты там велел себя похоронить.

Валленштейн

Чем занят ум, то видишь и во сне.

Графиня

Как? Ты не веришь, что во сне порою
Мы слышим голос предостереженья?

Валленштейн

Такие голоса, бесспорно, есть...
Но предостерегать они не могут,
Когда вещают нам о *неизбежном*.
Как отраженье солнца в мглистом круге
Мы видим прежде, чем взойдет светило,
Так ход событий важных предваряют
Их призраки; меж нами нынче бродит
То, что в грядущем воплотится дне.
Я думаю о Генрихе Четвертом.
Король в своей груди почуял нож
Задолго до того, как Равальяк,
Его убийца, им вооружился.
Он во дворце не находил покоя,
Вдруг покидал свой Лувр, и отпеваньем
Казалась коронация ему
Супруги-королевы; чуткий слух
Ловил убийцы крадущийся шаг
На улицах Парижа...

Графиня

А предчувствий
Нет у тебя?

Валленштейн

Нет, будь покойна!

Графиня
(в мрачном раздумье)

Снилось,
Я за тобой по длинной галерее
Спешу, а ты бежишь из зала в зал
И с грохотом захлопываешь двери...
Я, задыхаясь, все быстрее мчусь,
Но так и не могу тебя настигнуть...
Вдруг сзади кто-то ледяной рукой

Меня схватил, и ты меня целуешь,
И алый полог накрывает нас...

Валленштейн

Да это, знаешь, красный мой ковер.

Графиня
(печально смотрит на него)

В расцвете сил тебя я вижу, Альбрехт...
И если до того дойдет, что я...
(Рыдая, падает ему на грудь.)

Валленштейн

Монаршего рескрипта ты страшишься.
Слова не меч, а рук им не найти.

Графиня

Но если император их найдет...
Найду и я, поверь мне, утешенье.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Валленштейн. Гордон. Потом камердинер.

Валленштейн

Все в городе спокойно?

Гордон

Город спит.

Валленштейн

А замок весь в огнях. Кто там пирует
Под звуки бурной музыки?

Гордон

Банкет
Фельдмаршалу дают и графу Терцки.

Валленштейн
(про себя)

Они победу празднуют... Таким
Лишь радости застольные доступны.
(Звонит.)

Входит камердинер.

Раздень меня, мне надобно поспать.
(Убирает ключи.)
Ограждены мы от врага любого
И с верными тут заперлись друзьями.
Да, кто угодно на обман способен,
Но этот человек...
(Смотрит на Гордона.)
Не лицемер.

Камердинер снял с него мантию и перевязь.

Что там упало? Посмотри.

Камердинер

Вот, золотая цепь разорвалась.

Валленштейн

Она держалась долго. Покажи.
(Рассматривает цепь.)
Вот *первая* награда Фердинанда,
Тогда еще эрцгерцога, за то,
Что я помог ему в войне фриульской...
Я по привычке... нет, из суеверья,
Как талисман носил ее поныне,
Желая счастье приковать к себе,
Которого благоволеньем первым
Она была... Разорвалась, и пусть!
Я новое готов изведать счастье,
Уже бессилен этот талисман.

Камердинер уходит с одеждой. Валленштейн встает и, пройдясь по залу, останавливается в задумчивости перед Гордоном.

Как ожило передо мной былое!
Себя я вижу при дворе маркграфа,
Где были мы тогда с тобой пажами.
Меж нами часто разгорался спор,
Охотно ты читал мне наставленья,
Бранил меня за смелые порывы,
За высоко взлетавшие мечты,
И золотой держался середины.
Но, вижу, мудрость подвела тебя,
Состарила тебя, увы, до срока;
Когда бы я к тебе не подоспел
С моей звездой счастливой, ты в глуши,
Забытый всеми, тихо догорал бы.

Гордон

Нет, герцог! Рад укрыться с челноком
Рыбак в надежной пристани, взирая,
Как в бурю терпит бедствие корабль.

Валленштейн

Так ты в надежной пристани, старик?
Я — нет! Меня кипучая отвага
По жизненным волнам еще бросает,
Надежду я зову своей богиней,
Я бодр, я духом юн, не то что ты;
Могу без лишней скромности сказать,
Что над моею русой головою
Десятки лет промчались без следа.
(Проходит большими шагами по залу и останавливается на противоположном его конце, против Гордона.)
Не принято ль считать коварным счастье?
Оно мне верным было, над толпой
Оно меня приподняло любовно
И по ступеням жизни вознесло
Могучею, божественной десницей.
В моей судьбе и в линиях руки
Все необычно. Разве можно мерить
Обыкновенной меркой жизнь мою?
Я при отливе на мель сел, но вот
Уже бегут, шумя, прилива волны...

Гордон

Напомню о старинной поговорке:
День к вечеру хвалите. Годы счастья
Надеждой пусть не обольщают нас,—
Надежда посылается несчастным.
Счастливым надо трепетать, ведь чаши
Весов судьбы то вверх идут, то вниз.

Валленштейн
(усмехнувшись)

Ты, как бывало встарь, заговорил...
Я знаю, в мире все непостоянно
И злые боги требуют с нас дань;
Язычникам известно это было:
Чтоб гнев богов ревнивых отвратить,
Они в свой дом несчастье призывали,

И кровь людей лилась на алтарях.
(Помолчав, печально, понизив голос.)
И я принес Тифону жертву... Пал
Мой лучший друг, пал по моей вине.
И никаким удачам не изгладить
Такую скорбь... Но этим зависть рока
Укрощена, он принял жизнь за жизнь
И поразил любимца моего
Безвинного тем громовым ударом,
Который для меня предназначался.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же. Сэни.

Валленштейн

Да это Сэни! Нет на нем лица!
Зачем, Баттиста, ты пришел так поздно?

Сэни

Мне страшно за тебя.

Валленштейн

Да что случилось?

Сэни

Беги отсюда, герцог, до рассвета.
Не доверяйся шведам.

Валленштейн

Что с тобой?

Сэни
(возвысив голос)

Не верь ты этим шведам.

Валленштейн

Отчего же?

Сэни

Прихода шведов ты не дожидайся!
Тебя погубят мнимые друзья,
Я видел знаки страшные: вот-вот
Тебя всего опутают тенета.

Валленштейн

Ты бредишь, страх твой разум помутил.

Сэни

О нет, моя тревога не напрасна.
Пойдем, прочти, что говорят планеты:
Тебе грозят бедою лжедрузья.

Валленштейн

Я знаю, вся беда моя от них,
Пророчество немного запоздало,
Мне ни к чему теперь язык светил.

Сэни

Пойдем! Своими убедись глазами.
В дом жизни вторгся злополучный знак.
Будь начеку! Тебя подстерегает
Коварный враг, он скрыт сейчас в лучах
Светила твоего... Не предавайся
Тем, кто воюет с церковью святой.

Валленштейн
(улыбаясь)

Иль *от нее* пророчества исходят?..
Ах да! Ведь ты враг моего союза
Со шведами... Ступай ложись! А мне
Такие знаки вовсе не страшны.

Гордон
(потрясенный этим разговором, Валленштейну)

Осмелюсь ли?.. К речам простых людей
Прислушаться порой небесполезно.

Валленштейн

Скажи открыто!

Гордон

Что, если это не пустые страхи,
Что, если провидению угодно
Его устами вас предостеречь?

Валленштейн

Сдается мне, что оба вы в бреду.
Ну, что дурного сделают мне шведы?
Союз со мной — большой успех для них.

Гордон

Но если это появленье шведов...
Стремительно приблизит к вам погибель,
Что втайне вам грозит, быть может, герцог?..
(Падает перед ним на колени.)
Пока не поздно...

Сэни
(на коленях)

Выслушай его!

Валленштейн

Не поздно? Что?.. Да встаньте же скорей.

Гордон
(встает)

Еще далёко Рейнграф. Прикажите,
Мы перед ним закроем эту крепость.
И пусть тогда он осаждает нас!
Скорей он всех своих солдат положит
Под этими стенами, чем ему
Удастся наше мужество сломить.
Узнает он, что значит горсть отважных,
Когда вдохновлена вождем-героем,
Стремящимся проступок свой загладить.
Растроган этим будет император,
Он милостив, он примирится с вами,
И Валленштейн раскаявшийся выше
Поднимется, чем вознесен был прежде,
Когда вины он за собой не знал.

Валленштейн
(удивленный, смотрит на него с недоверием и некоторое время молчит, обнаруживая сильное волнение)

Сочувствие вас увлекло далёко,
Прощаю это другу юных лет...
Кровь пролилась. Не может император
Меня простить, а если б даже мог,
Прощенья от него я не приму.
Когда б я раньше знал, что в этом деле
Я потеряю преданного друга,
Когда б вещало сердце мне, как ныне...

Я, может быть, раздумал бы... а может,
И нет... Кого теперь щадить? Все слишком
Серьезно обернулось, чтоб ничем
Не кончиться,— так будь что будет!
(Подходит к окну.)
А ведь уже глухая ночь, и в замке
Все стихло...
(Слуге.)
Посвети мне, старина.

Камердинер, который тихонько вошел и с явным участием смотрел издали на герцога, подходит сильно взволнованный и бросается к его ногам.

И ты? Я знаю, отчего ты хочешь,
Чтобы к монарху я примкнул. Бедняга!
Есть у него в Каринтии земля,
Так он боится, что ее отнимут
За то, что он при мне остался. Разве
Так беден я, что не смогу слуге
Потерю возместить? Я никого
Насильно не держу. Оставь меня,
Коль ты решил, что я покинут счастьем.
В последний раз меня раздень сегодня
И можешь ты к монарху перейти...
Спокойной ночи, Гордон!
Подольше бы хотелось мне поспать,
Тревог так много было в эти дни.
Смотрите, чтоб меня не разбудили.
(Уходит.)

Камердинер светит ему. Сэни идет следом. Гордон остается в полутьме, провожая герцога глазами до тех пор, пока тот не скрывается в глубине галереи. Он жестами выражает свою скорбь и с убитым видом прислоняется к колонне.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гордон. Бутлер (сначала за сценой).

Бутлер

Замрите здесь, пока не дам вам знака.

Гордон
(содрогаясь)

Да это он ведет убийц!

Бутлер

Огни
Погашены. Все погрузилось в сон.

Гордон

Что делать мне? Спасти его иль нет?
Поднять тревогу в доме, вызвать стражу?

Бутлер
(появляется в глубине сцены)

В той галерее свет. Она ведет
В покои герцога.

Гордон

Но разве я
Присяги не нарушу? Он с врагом
Соединится, мощь его усилит,—
Не окажусь ли я во всем виновен?

Бутлер
(подходит ближе)

Чей это голос? Кто там?

Гордон

Ах, и впрямь,
Не лучше ль это предоставить небу?
И мне ль в такое вмешиваться дело?
Погибнет он,— не я его убил,
Но если я его спасу, то буду
За тяжкие последствия *в ответе*.

Бутлер
(подойдя еще ближе)

Знакомый это голос.

Гордон

Бутлер!

Бутлер

Гордон!
Зачем вы здесь? Вас герцог у себя
Так задержал?

Гордон

Рука у вас в повязке!

Бутлер

Я ранен. Этот Илло защищался
Отчаянно, и мы его с трудом
Прикончили...

Гордон
(содрогаясь)

Они мертвы?

Бутлер

Свершилось...
Он спит?

Гордон

Ах, Бутлер!

Бутлер
(настойчиво)

Спит? Да отвечайте ж!
Убийство их недолго будет тайной.

Гордон

Он умереть *не должен*. Вашу руку
Отвергло небо. Да, ее недаром
Вам ранили.

Бутлер

Тут нужды вовсе нет
В *моей* руке.

Гордон

Виновные погибли.
Довольно жертв! Свершилось правосудье!

Камердинер идет по галерее и, приложив палец к губам, требует тишины.

Он спит! Священный сон не убивайте!

Бутлер

Нет, наяву он должен встретить смерть.
(Хочет идти.)

Гордон

Он весь в земных заботах, перед богом
Он не готов предстать.

Бутлер

Бог милосерден!
(Хочет идти.)

Гордон
(удерживает его)

Одну лишь эту ночь ему оставьте!

Бутлер

Один лишь миг нас может погубить.
(Порывается уйти.)

Гордон
(удерживая его)

Хоть час!

Бутлер

Пустите! Столь короткий срок
Ему ничем полезен быть не может.

Гордон

Нет, время — бог. За этот промежуток
В часах песочных тысячи песчинок
Вниз соскользнут... но мысль куда быстрей.
Один лишь час! И в сердце *у него*
Или *у вас* свершится перемена...
Гонец примчится... небо нам пошлет
Спасительный, для всех счастливый случай...
Чего-чего за час не совершится!

Бутлер

Вы правы, дорог каждый миг.
(Топает ногой.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Входят Макдональд и Деверу, а с ними вооруженные алебардами солдаты. Затем появляется камердинер. Те же.

Гордон
(бросается между Бутлером и убийцами)

Нет, изверг!
Сперва через мой труп перешагни,
Не в силах я твое злодейство видеть.

Бутлер
(оттесняя его)

Он выжил из ума!

Вдали слышен звук труб.

Макдональд и Деверу

Слышь! Трубы шведов!
Швед подступает к Эгеру! Скорей!

Гордон

Творец!

Бутлер
(Гордону)

Ваш пост на крепостной стене!

Гордон устремляется к выходу.

Камердинер
(вбегая)

Кто здесь шумит? Потише, герцог спит!

Деверу
(громко, зловещим тоном)

Пришла пора шуметь!

Камердинер
(кричит)

Убийцы!.. Стража!

Бутлер

Убрать!

Камердинер
(падает у входа в галерею, пронзенный Деверу)

О, господи!

Бутлер

Ломайте двери!

Перешагнув через труп, убийцы идут по галерее. Слышно, как в отдалении одна за другой падают две двери. Глухой шум голосов, лязг оружия, потом внезапно мертвая тишина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Графиня Терцки
(входит со свечой)

Нигде ее не видно, в спальне пусто,
И Нойбрунн нет, что оставалась с ней...
Бежала? Но куда она могла
Из Эгера бежать? Скорей в погоню!
Всех на ноги поставить — и вернуть!
Как примет герцог эту злую весть?..
Хотя бы муж скорей вернулся с пира!
Неужто герцог до сих пор не спит?
Мне чудились шаги и голоса.
Пойду туда, прислушаюсь у двери.
Чу! Кто там? Вверх по лестнице бегут.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Графиня. Гордон. Потом Бутлер.

Гордон
(задыхаясь, врывается в комнату)

Ошиблись мы... Не шведы это, нет.
Ни шагу дальше... Бутлер... Боже, боже!
Да где же он?
(Заметив графиню.)
Скажите мне, графиня...

Графиня

Вы только что из замка? Где мой муж?

Гордон
(в ужасе)

Да он... Нет сил сказать вам! Удалитесь
К себе...

(Хочет идти.)

Графиня
(удерживая его)

О нет, откройте правду мне!..

Гордон
(с горячей настойчивостью)

В одной минуте этой — судьбы мира!
Идите, бога ради!.. Ведь покамест
Мы говорим... О, боже!..
(Кричит во весь голос.)
Бутлер! Бутлер!

Графиня

Он вместе с мужем в замке, на пиру.

Бутлер выходит из галереи.

Гордон
(увидев его)

Ошиблись мы... Не шведы это, нет...
К нам ворвались имперские войска...
Сейчас войдет граф Пикколомини...
Вам велено сказать: ни шагу дальше!..

Бутлер

Он опоздал.

Гордон
(подбежав к стене, прислоняется к ней лбом)

О, милосердный боже!

Графиня
(догадываясь о какой-то беде)

Как опоздал? Кто, кто сейчас войдет?
Октавио ворвался в замок Эгер?
Предательство! Предательство! Измена!
Где герцог?
(Бежит по направлению к галерее.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же. Сэни. Потом **бургомистр. Паж. Фрейлина.**
Слуги бегут в ужасе через сцену.

Сэни
(с перекошенным от ужаса лицом выходит из галереи)

О, страшное злодейство!

Графиня

Что там, Сэни?

Паж
(входя)

О, зрелище прискорбное!

Входят **слуги** с факелами.

Графиня

Скажи,
Что, что случилось? Ради бога!

Сэни

Что?
Зарезан герцог в спальне, а супруг ваш
Заколот в замке.

Графиня стоит в оцепенении.

Фрейлина
(вбегая)

На помощь герцогине!

Бургомистр
(входит, перепуганный)

Что за вопли
Средь ночи будят спящих в этом доме?

Гордон

Ваш дом навеки проклят, бургомистр!
Лежит в нем герцог, зверски умерщвленный.

Бургомистр
(бросается опрометью прочь)

Помилуй бог!

Первый слуга

Бежим! Здесь перережут
Нас всех!

Второй слуга
(тащит столовое серебро)

Сюда! Внизу прохода нет.

Голоса за сценой:

Дорогу генералу! Расступитесь!

При этих словах графиня, преодолев оцепенение, овладевает собой и быстро уходит.

Голоса за сценой:

Закрыть ворота! Оттеснить народ!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, без графини. Входит **Октавио Пикколомини** со свитой. **Деверу** и **Макдональд** тотчас же выступают вперед вместе с алебардистами. В глубине сцены проносят тело Валленштейна, покрытое красным ковром.

Октавио
(поспешно входя)

Неужто! Быть не может! Бутлер! Гордон!
Поверить не могу. Скажите: нет!

Гордон, не отвечая, указывает рукой в глубь сцены. Октавио смотрит туда и замирает в ужасе.

Деверу
(Бутлеру)

Вот шпага герцога и Золотое
Руно.

Макдональд

Печати прикажите взять...

Бутлер
(указывая на Октавио)

Лишь он один повелевать здесь вправе.

Деверу и Макдональд почтительно отступают назад. Все потихоньку расходятся; на сцене остаются только Бутлер, Октавио и Гордон.

Октавио
(Бутлеру)

Так вот какой был замысел у вас?
О, боже правый! Поднимая руку,
Клянусь, я неповинен в злодеянье
Чудовищном!

Бутлер

Рука у вас чиста.
Ведь вы мою направили.

Октавио

Бесчестный!
Так ты во зло употребил рескрипт
Монарха, ты злодейское убийство
Его священным именем прикрыл?

Бутлер
(спокойно)

Я государя приговор исполнил.

Октавио

Проклятье государей — их слова
Жизнь грозную мгновенно обретают,
И даже опрометчивую мысль
Их слуги быстро претворяют в дело
Непоправимое! Зачем спешить
С повиновеньем было? Ни минуты
Для милости монарху не оставить?
О, время — это ангел для людей...
Один лишь бог непогрешимый вправе
Свой приговор немедля исполнять!

Бутлер

К чему укоры? В чем моя вина?
Я доблестное совершил деянье,
Империю от страшного врага
Избавил я и жду теперь награды.
Вы наточили мне стрелу, а я
Спустил ее: вот *разница меж нами.*
Вы кровь посеяли, так отчего
Кровавые вас напугали всходы?
Я все предвидел, мне ничто не страшно.

Граф, нет ли поручения у вас?
Немедленно я отправляюсь в Вену
Меч, обагренный кровью, положить
К подножью императорского трона
И за усердье, за благое рвенье
Стяжать хвалу державного судьи.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Бутлера. Входит графиня Терцки, бледная, с искаженным лицом; говорит медленно, слабым и отрешенным голосом.

Октавио
(обращаясь к ней)

Графиня, как могло свершиться это?
Ужасных дел последствия пред нами.

Графиня

Да, ваших дел плоды... Убит брат-герцог,
Убит мой муж, племянница исчезла,
И борется со смертью герцогиня.
Блестящий наш, величественный дом
Вдруг опустел, испуганная челядь
Прочь хлынула, куда глаза глядят.
Одна я в нем, я заперла его
И вам ключи вручаю.

Октавио
(с глубокой скорбью)

О, графиня,
И мой дом опустел!

Графиня

Кого еще
Тут убивать? Преследовать кого?
Монарха месть свершилась, герцог пал,
Гнев утолен... Прошу за старых слуг!
Беднягам не вменяйте в преступленье
Их преданность и верность Валленштейну!
Застигнут роком герцог был врасплох,
Он не успел, не смог о них подумать.

Октавио

Расправа? Месть? О них ни слова больше!
Тяжелою искуплена ценой
Тяжелая вина, и государь
Дочь облечет достоинством и славой
Ее отца. А вам императрица
Откроет материнские объятья,
Она почтит несчастье ваше, знаю.
Отбросьте страх, графиня. Уповайте
На милость государя.

Графиня
(подняв глаза к небу)

Уповаю
На большего властителя, чем он...
Где герцога останки опочиют?
В монастыре, который им основан,
Под Гитчином, графиня Валленштейн
Покоится, он с ней хотел быть *рядом*,
За годы счастья вечно благодарный.
Велите там его похоронить!
Я для останков мужа моего
Прошу о той же милости. Отныне
Владетель наших замков император,
Пусть даст могилы нам среди могил,
Где наши предки спят.

Октавио

Вы побледнели...
Дрожите... Боже! Как мне вас понять?

Графиня
(собрав последние силы, говорит с живостью и благородством)

Как надлежит, меня вы понимайте:
Я дома Валленштейнов не хочу
Паденье пережить. Мы были в силах
К короне руку протянуть... Иное
Нам суждено... Но, *царственны душой*,
Мы смерть, свободно избранную нами,
Позорной жизни твердо предпочтем...
Яд делает свое...

Октавио

На помощь!

Графиня

Поздно.
Лишь несколько мгновений, и свершится
Моя судьба.
(Уходит.)

Гордон

Дом ужасов, убийств!

Появляется гонец с пакетом. Гордон подходит к нему.

Посланье? С императорской печатью!
(Прочитав адрес, протягивает Октавио пакет, с упреком во взоре.)

Вот... *Князю* Пикколомини.

Октавио, задрожав, устремляет скорбный взор к небу.

Занавес.

МАРИЯ СТЮАРТ

ТРАГЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елизавета, королева Английская.
Мария Стюарт, королева Шотландская, в английском заточении.
Роберт Дидли, граф Лейстер.
Джордж Толбот, граф Шрусбери.
Вильям Сесиль, барон Берли, великий лорд-казнохранитель.
Граф Кент.
Вильям Дэвисон, государственный секретарь.
Эмьяс Полет, страж Марии.
Мортимер, его племянник.
Граф Обепин, французский посол.
Граф Бельевр, чрезвычайный посланник Франции.
О'Келли, друг Мортимера.
Дреджен Друри, второй страж Марии.
Мельвиль, ее дворецкий.
Бергоэн, ее лекарь.
Анна Кеннеди, ее кормилица.
Маргарита Кэрл, ее камеристка.
Шериф графства.
Офицер королевской стражи.
Французские и английские кавалеры.
Стража.
Придворные королевы Английской.
Слуги и служанки королевы Шотландской.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Замок Фотрингей. Комната.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Кеннеди, кормилица королевы Шотландской, в жарком споре с Полетом, который хочет взломать шкаф. Дреджен Друри, его помощник, с отмычкой в руках.

Кеннеди

Что это, сэр? Нет наглости предела!
Назад! От шкафа прочь!

Полет

А где хранилось
Запястье это, брошенное с башни?
Вы подкупить надеялись, конечно,
Садовника. Проклятье бабьим козням!
Все будто обыскал, все перешарил,
Ан новые сокровища всплывают!
(Возится у шкафа.)
Перетряхнем все ящики!

Кеннеди

Невежа!
Прочь! Шкаф хранит секреты королевы!

Полет

Они-то и нужны мне.
(Вынимает пачку бумаг.)

Кеннеди

Это все —
Пустые упражнения пера,
Чтоб скрасить ими годы заточенья...

Полет

В досужих грезах зреет семя зла.

Кеннеди

И на французском языке...

Полет

Тем хуже:
На языке врагов.

Кеннеди

Наброски это
Послания к английской королеве.

Полет

Что ж, передам их. Глянь! Что там блестит?
(Нажимает пружинку потайной дверцы и достает из ящика драгоценный убор.)
А, золотой венец! В алмазах весь,
И лилии французские на нем!
(Передает его Друри.)
Так. Приобщим и это к остальному.

Друри уходит.

Кеннеди

Доколе нам терпеть позор насилья?

Полет

Она вредит всем, что укрыть успела:
Любая вещь в ее руках — кинжал.

Кеннеди

О, сжальтесь, сэр! Хоть это украшенье
Оставьте ей! Страдалице отрадно
На призрак прежней роскоши взглянуть:
Ведь остального вы ее лишили.

Полет

Все сохранится в целости. Придет
Расплаты час, все возвратится ей.

Кеннеди

Кто скажет, поглядев на эти стены,
Что королева здесь живет? У ней
Над креслами и балдахина нет!
На голый пол она ступает ножкой,
Приученной к ласкающим коврам!
На олове ей кушать подают,—
А это и дворянке не пристало.

Полет

Так тра́пезовал муж ее, покуда
Она пила из кубка золотого
С любовником.

Кеннеди

Без зеркала живем!

Полет

Пока она на грешный образ свой
Взирает, в ней надежды не угаснут.

Кеннеди

Нет даже книг — занять воображенье.

Полет

Вот Библия; пусть о душе радеет.

Кеннеди

И лютню отобрали у нее.

Полет

Чтобы распутных песен здесь не пела.

Кеннеди

И это — участь той, что в колыбели
Была уж королевой, что взросла
При шумно веселящемся дворе
Державной Медичи, в любви и холе!
Иль мало отрешить ее от сана?

Зачем и мишуры ее лишать?
С большой невзгодой гордая душа
Свыкается, но горестно бывает
Не знать привычной роскоши ни в чем.

Полет

Земная роскошь пагубна сердцам,
Которым покаяние пристало.
Позор греховной жизни могут только
Нужда и униженье искупить.

Кеннеди

Кто в молодые годы не грешил?
Суди ее за то господь и совесть,
Здесь, в Англии, над нею судей нет.

Полет

Суд будет там, где ею грех свершен.

Кеннеди

В оковах, сэр, грешить не так-то ловко!

Полет

Оковы ей ничуть не помешали
Ни в том, чтобы метнуть зажженный факел
Войны гражданской в сердце государства,
Ни в том, чтоб к королеве — да хранит
Ее господь! — убийц коварных слать.
Иль не из этих стен она подвигла
Злодея Перри вкупе с Беббингтоном
На гнусное цареубийство? Или
Не здесь, в затворе, сеть она плела,
В которую попался славный Норфольк?
И лучшая на острове Британском
Под топором скатилась голова!
Но эта горестная участь разве
Неистовых безумцев усмирила,
Что за нее готовы в бездну прыгнуть?
Нет, го́ловы свои на эшафоты
Все новые склоняют смельчаки!
И это будет так, пока на плаху
Она, кто всех виновней, не взойдет.
Будь проклят день, когда Елене новой
Радушно предоставили мы кров!

Кеннеди

Уж это мне английское радушье!
Едва она, бедняжка, в черный час
Британскую переступив границу,
Явилась к вам изгнанницей, сестру
О помощи и милости молить,
Как, в поруганье прав международных
И прав монарших, бросили ее
В темницу на печали и тревоги;
Когда ж она все горести вкусила
Во мраке заточенья, всю тоску
Бесцельной жизни — ей предстать велят
Перед судом, как пойманной злодейке,
И — королеве! — плахой угрожают!

Полет

Она убийцей в Англию пришла,
Народом изгнанной, лишенной трона,
Что ею был так тяжко опозорен;
Пришла к нам заговорщицей, мечтая
Возобновить кровавый век Марии
Испанской, папе Англию вернуть,
Предать страну своей родне французской.
Недаром Эдинбургский договор
Отвергнут ею: на престол британский
Она не перестала притязать.
А ведь могла бы росчерком единым
Купить себе свободу. Значит, лучше
Ей жить в неволе и терпеть насилье,
Чем поступиться призрачным величьем.
А почему? Да потому, что верит
Она в свои коварные затеи
И думает всем островом Британским
Из келейки острожной завладеть.

Кеннеди

Ах, полноте! Достойно ль, сэр, к насилью
Глумленье прибавлять? Как погребенной
Здесь заживо еще мечтать о власти?
Ведь до нее с родимой стороны
И слово утешенья не доходит!
Давно она людей не видит — только
Тюремщиков суровых и немых,

А их число пополнилось недавно
Жестоким вашим родичем; вокруг
Страдалицы решетка уплотнилась.

П о л е т

Коварству и решетка не помеха!
Быть может, прутья крепкие давно
Подпилены, а эти пол и стены,
Столь прочные, казалось бы, подрыты?
Недоглядишь, а гости тут как тут.
Воистину — проклятье сторожить
Крамольницу злокозненную эту!
Страх гонит сон от глаз! Как дух скорбящий,
Я по ночам брожу и проверяю,
Верна ли стража, про́чны ли затворы.
Все трепещу: ужель мой страх недаром
Меня томил? Но — господу хвала! —
Надежда есть, что это ненадолго.
Охотней бы, поверьте, сторожил
Я грешников во граде Вельзевула,
Чем эту венценосную змею.

К е н н е д и

Тсс! Вот она.

П о л е т

С распятием в руках,
С надеждой суетной в надменном сердце.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М а р и я под покрывалом, в руках — распятие. Т е ж е.

К е н н е д и
(поспешая ей навстречу)

О государыня! Пятою топчет
Нас самовластье! Нет на них управы!
И каждый новый день клеймит позором
Венчанную главу твою.

М а р и я

Опомнись!
Что тут такое?

Кеннеди

Вот! Смотри сама!
Твой шкаф взломали. Все твои бумаги
И твой убор, что я спасла,— последний
Остаток подвенечного наряда
Французского,— все взято! Ничего
Нет у тебя из царственных отличий!

Мария

Ах, Анна, верь: не мишурою славен
Сан королевский. Могут с нами *низко*
Здесь поступать — *унизить* нас не могут.
Я в Англии ко многому привыкла,
Снесу и это. Сэр, вы поспешили
Взять силой то, что я еще сегодня
Хотела передать вам добровольно.
В моих бумагах есть одно письмо —
Послание к сестре моей державной,
Английской королеве. Дайте слово,
Что попадет оно к Елизавете,
Не в руки Берли, моего врага.

Полет

Я поступлю, как мне подскажет совесть.

Мария

Сэр, я ведь не таюсь: в моем письме
О милости великой я прошу,
О встрече с той, которую ни разу
В глаза не видела. Меня позвали
Держать ответ перед судом мужчин.
Могла ли я открыться перед теми,
В ком равных я не видела себе?
С Елизаветой одного мы полу,
Происхожденья, сана. Ей доверюсь,
Как королеве, женщине, сестре.

Полет

Свою судьбу и честь вы слишком часто
Мужам вверяли, несравненно меньше
Достойным уважения, миледи.

Мария

И о другой я милости прошу —
Откажет в ней жестокосердный разве:
Давно уже без утешенья церкви
Томлюсь в темнице и не приобщаюсь
Я тайн святых. Та, что меня свободы
Лишила и теперь грозит мне смертью,
Не хочет же лишить меня и рая?

Полет

По вашему желанию, декан...

Мария
(резко перебивая его)

Декана, сэр, не беспокойте. Нужен
Мне нашей — римской — веры духовник.
А также стряпчие с писцами, волю
Запечатлеть последнюю мою.
Тоска и скорбь неволи беспросветной
Мое здоровье точат; дни мои,
Должно быть, сочтены. Ведь на себя
Смотрю я как на смертницу.

Полет

Что ж, леди,
Такие размышленья вам пристали.

Мария

Кто знает: вдруг проворная рука
Ускорит ход неспешного недуга,—
Составить я духовную хочу,
Распорядиться, чем еще владею.

Полет

Пишите завещанье; вашим скарбом,
Поверьте, королева не прельстится.

Мария

Разлучена я с теми, что служили
Мне ревностно и верно. Где они?
И каково им, сэр? Без их услуг
Я обойдусь, конечно, но скажите,
Не терпят ли они нужды, насилья?

Полет

О слугах не пекитесь.
(Хочет уйти.)

Мария

Уж вы идете, сэр, и в этот раз
Встревоженного сердца не избавив
От гнета неизвестности? Я здесь
Благодаря усердному надзору
Отрешена от мира; до меня
Ничто сквозь эти стены не доходит,
Моя судьба в руках моих врагов.
Уж сколько тяжких дней прошло с тех пор,
Как сорок комиссаров в этом замке
Напали на меня и с непристойной
Поспешностью, не дав мне даже в помощь
Защитника, поставили нежданно
Перед судом, доселе небывалым!
Неподготовленной, ошеломленной,
Пришлось мне отвечать на обвиненья
В неведомых поступках и делах.
Явился суд — и сгинул, словно призрак.
И с этих пор вокруг меня молчанье...
Напрасно я читаю по глазам:
Моя ль невинность и друзей усердье
Или врагов наветы побеждают?
Скажите же по совести мне, сэр:
Все кончено? Иль есть еще надежда?

Полет
(помолчав)

Сведите ваши счеты с небесами.

Мария

На небо уповаю я, но правды
Я жду еще и от суда земного.

Полет

О да, миледи, правды вы дождетесь.

Мария

Так мой процесс закончен, сэр?

Полет

Не знаю.

Мария

Осуждена я?

Полет

Ничего не знаю.

Мария

Здесь скоры на́ руку: а вдруг убийца
Внезапно нападет, как суд намедни?

Полет

Считайтесь с этим: смерть тогда настигнет
Вас более готовой к встрече с небом.

Мария

Я ничему не удивлюсь, конечно,
Чего бы ни дерзнули порешить
В Вестминстерском суде, где злоба Берли
И рвенье Хеттона всевластны. Знаю
И о бесстрашье вашей королевы.

Полет

Властителям Британии страшны
Лишь собственная совесть и парламент.
Что суд решил, без страха довершит
Власть королевская пред целым миром.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Мортимер, племянник Полета, входит и, как бы не замечая королевы, обращается к дяде.

Мортимер

Вас ищут, дядя.

(Удаляется.)

Мария

(с негодованием говорит уходящему вслед за ним Полету)

Сэр, еще к вам просьба!
Что б вы ни говорили, я согласна

Вас слушать, ибо чту седины ваши.
Но дерзостей юнца терпеть не стану,
Прошу вас оградить меня от них.

Полет

Что вам противно в нем — по нраву мне.
Он не из тех податливых мальчишек,
Что тают от притворных бабьих слез.
Он странствовал, видал Париж и Рим,
Но твердость сохранил в английском сердце.
Здесь ваши исхищренья бесполезны!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мария, Кеннеди.

Кеннеди

Он вам посмел сказать в глаза такое!
О, господи!

Мария
(в глубоком раздумье)

В дни безмятежной славы нашей вдосталь
Наслушались мы льстивых голосов,
Не справедливо ль, Анна, будет нам
Теперь отведать и суровой правды?

Кеннеди

О леди дорогая! Так смириться,
Так духом пасть? На вас и не похоже!
Я чаще за беспечность вас журила,
Чем за унынье.

Мария

Узнаю его —
Кровавый призрак короля Дарнлея,
Из гроба он восстал, исполнен гнева.
И он со мной не помирится раньше,
Чем мера бед исполнится моих.

Кеннеди

Опять, дружок...

Мария

Забывчива ты, Анна,
Моя ж куда как памятлива совесть!
Тому непоправимому злодейству
Сегодня годовщина... так-то, няня!
Вот и пощусь, и каюсь, и печалюсь.

Кеннеди

Пора бы тень послать вам на покой!
Немало лет вы каетесь в грехах,
А горький жребий ваш — вины тяжеле.
К тому ж вам церковь грех простила. Церкви
Ключ отпущенья дан — простит и небо.

Мария

Отпущенный мне грех, кровоточащий,
Встает из расступившейся земли.
Нет, нет! Супруга мстительную тень
Ни благовест церковный, ни дары
Святые в склеп безмолвный не заманят.

Кеннеди

Не вы его убили, а другие.

Мария

Но, ведая о всем, притворной лаской
Не я ль его в тенеты завлекла?

Кеннеди

Вас извиняет молодость... Вы были
В столь нежном возрасте еще.

Мария

Да, в нежном,
А тяжкий грех взвалила на себя.

Кеннеди

Вас кровная обида уязвила,
Высокомерье наглого юнца.
Иль не был он взнесен из мрака вашей
Безмерной страстью, как десницей бога?
Не через вашу ль почивальню он
Прошел на трон, любовию увенчан

И вашей прародительской короной?
Он должен был бы помнить, что величьем
Обязан только щедрой вашей страсти.
А он о том позабывал, негодный!
Он вашу нежность грубо оскорблял
Надменностью и низким подозреньем —
И вот добился кары: опостылел,
Не стало чар, слепивших вам глаза.
Вы отказали дерзкому в объятьях,
Презренью предали его. А он?
Пытался ли вернуть благоволенье
Былое ваше? Падал ли пред вами
Он на колени, каясь в преступленьях?
Нет, он упорствовал: созданье ваше,
Он перед вами корчил короля.
Велел на ваших же глазах любимца
Певца, красавца Риччио, прикончить.
Вы только смыли кровью кровь, не больше.

Мария

Да: *кровью кровь*, не больше... Ты хотела
Меня утешить, а сулишь мне плаху.

Кеннеди

Когда вы допустили злодеянье,
Вы изменили сердцу своему.
Вас захватила роковая страсть,
Поработил ужасный искуситель,
Проклятый этот Ботвелл! Всю-то вас
Он подчинил своей преступной воле,
Злодей коварный! Зельем и волшбой
Бесовской он вконец смутил вам душу
И распалил...

Мария

Все колдовство его —
Мужская мощь и бабья наша слабость!

Кеннеди

Нет, друг мой, нет! Всех духов преисподней,
Уж верно, он призвал к себе в подмогу,
Чтоб омрачить ваш светлый разум. Вы
Благим советам больше не внимали,
Не видели, пристойно ль что иль нет;

Забывши стыд свой женский, не считались
С людской молвой; румянец на щеках,
Когда-то благонравия свидетель,
Теперь разжегся пламенем греховным.
Покровом тайны вы пренебрегли!
Слепой порок, бесстыдно обнаженный,
И *ваше* сердце обуял: бесстрашно
Тщеславились и *вы* позором вашим —
Торжественно по улицам столицы
Вы честный меч шотландских королей
Нести ему, убийце, повелели
Перед собой, под гневный рев толпы;
Войсками обложив парламент свой,
Вы там, в своем же храме правосудья,
Принудили — прямым насильем — лордов
Повинного в убийстве оправдать,
Чтобы потом... о, господи!

Мария

Кончай:
Пред алтарем предстать с убийцей мужа!

Кеннеди

Язык не повернется!.. Страшно, гнусно
Деянье это! Истинно оно
Достойно падшей женщины!.. Но вы —
Не падшая! Уж я-то знаю вас —
Сама растила; сердцем вы добры
И угрызеньям совести доступны,
Вот только легкомысленны немного.
Я повторяю: есть такие духи —
Они порой в груди, не защищенной
От темных чар, пристанище находят,
На страшные толкают нас дела
И, в ад сойдя, отчаянье в сердцах
Запятнанных и ужас оставляют.
Но, грех свершив, столь очернивший вас,
Иным соблазнам вы не поддавались, —
Я исправленью вашему свидетель.
Так подымите ж голову и сами
С собою помиритесь! Если есть
На вас грехи какие — им судья
Не королева и ее парламент.
Насильники они! Вы перед их

Судом неправедным и самозваным
С отвагою невинности предстаньте.

Мария

Кто там?

Мортимер появляется в дверях.

Кеннеди

Уйдите! Это он, племянник!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же. Мортимер входит, опасливо озираясь.

Мортимер
(кормилице)

Оставьте нас! Постойте у дверей!
Поговорить мне дайте с королевой.

Мария
(настойчиво)

Анна! Останься здесь.

Мортимер

Не бойтесь, королева! Вот, прочтите.
(Подает ей записку.)

Мария
(при виде записки отступает, пораженная)

Что это? О!

Мортимер
(кормилице)

Не медлите, прошу вас!
Не дайте дяде нас застать врасплох.

Мария
(кормилице, которая все еще колеблется и вопросительно смотрит на королеву)

Иди, не прекословь ему!

Кормилица уходит в недоумении.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мортимер. Мария.

Мария

О, боже!
Из Франции! От дяди-кардинала!
(Читает.)
«Доверьтесь сэру Мортимеру,— нет
В Британии у вас вернее друга».
(Смотрит в изумлении на Мортимера.)
Возможно ли? Иль это только сон?
Друг — вот он, рядом!.. А ведь я считала
Себя совсем покинутой. И кто же
Мой верный друг? Тюремщика племянник,
В котором злейшего врага...

Мортимер
(бросаясь к ее ногам)

Простите
Мне эту ненавистную личину.
С какою мукой я ее носил!
Но лишь под ней я мог проникнуть к вам,
Подать вам помощь, принести спасенье.

Мария

Сэр, встаньте! Вы меня ошеломили.
Не в силах я так быстро перейти
От полного отчаянья к надежде.
Поверить мне в спасенье помогите!

Мортимер
(встает)

Часы бегут. Сейчас придет мой дядя,
И с ним тот ненавистный человек.
Узнайте ж раньше, чем они на вас
Дурную весть обрушат,— в чем спасенье.

Мария

Спасенья несть мне, аще не от бога.

Мортимер

С себя начать позвольте.

Мария

Как угодно.

Мортимер

Мне двадцать лет минуло, королева.
Я был воспитан в ненависти к папству
И к скудости обрядов приучен,
Как вдруг меня с неодолимой силой
В чужие страны повлекла мечта.
Оставив пуританские молельни
И родину, я быстро пересек
Пределы Франции, стремясь увидеть
Италии благословенный край.
То было перед праздником святым;
Дороги богомольцами кишели,
Кресты в венках стояли, и, казалось,
Весь род людской пустился в светлый путь
К незримым кущам рая. И меня
Поток толпы, одушевленный верой,
Увлек с собой к желанным стогнам Рима.
Что сталось, государыня, со мной,
Когда колонны арок триумфальных
В тумане вздыбились и Колизей
Раскинулся величественным кругом,
Чудесный мир меня заполонил!
Ведь я не знал волшебных чар искусства,—
Возрос я в лоне церкви, не терпевшей
Всего, что наши взоры услаждает,
Бесплотное лишь слово почитавшей.
Как сердце вздрогнуло, едва вступил
Я в сумрак храма, где с небес струились
Святые песнопения и мир
Видений жил вдоль стен и над престолом...
Здесь двигалось воочию пред взором
Молящихся величье неземное.
Сподобился и я увидеть «Весть
Благую» и «Обрéзанье господне»,
«Преображение пречистой девы»
И «Троицу, сошедшую с небес».
Тут папа ниспослал благословенье
На распростертый перед ним народ.
Чтó золото, чтó бриллиантов блеск,
Которым нас слепят цари земные!

Лишь *он* один причастен горней славе.
Его чертог с небесным раем схож,—
Затем что все здесь отсвет неземного.

Мария

Довольно! Пощадите! И зачем
Вы стелете ковер душистой жизни
Передо мной? В печали я и в узах...

Мортимер

И я был в узах, королева! Только
Темница рухнула! И, вновь свободен,
Мой дух восславил жизнь в ее цветенье.
Отринув поученья пуритан,
Я поклялся, чело увив цветами,
Веселый, к вам, веселым, приобщиться.
Я встретил в Риме много молодых
Шотландцев и французов благородных.
Меня, при их посредстве, принял ваш
Достойный дядя, кардинал де Гиз.
О, что за человек! И тверд, и ясен,
И прирожден повелевать сердцами!
Благого иерарха образец
И — с головы до пят — князь римской церкви!

Мария

Так вы видали незабвенный лик
Любимого, прославленного мужа,
Наставника моих невинных лет?
О, продолжайте! Помнит он меня?
Благоволит судьба к нему, как прежде?
Как прежде, он оплот Христовой церкви?

Мортимер

Его преосвященство снизошел
Мне догмы самолично изъяснить,
Сомненья совести моей рассеять.
Он мне сказал, что, разуму доверясь,
Во мраке лжи блуждает человек,
Чтó надобно очами зреть, во чтó
Должны мы сердцем веровать, что церкви
Христовой нужен видимый глава,
Что истина глаголет на соборах
Святых отцов. Ребячьей веры бред —

Как потускнел он вдруг перед победным
И мудрым красноречием его!
Вернулся я в святое лоно церкви,
От ереси отрекшись навсегда.

Мария

Так вы один из тех несчетных тысяч,
Кого он силой слова покорил
И устремил в блаженные края,
Как некогда нагорный проповедник?

Мортимер

Когда же вскорости служенья долг
Его призвал во Францию, я был
Направлен в Реймс, где орден езуитов
Для Англии священников готовит.
Там встретились мне Мо́рган благородный,
И Лесли, верный вам и достохвальный
Епископ Росский, в чужедальнем крае
Безропотно влачащие изгнанье.
К мужам достойным этим я примкнул
И в вере укрепился. Как-то раз
Я на стене епископских покоев
Портрет заметил дивной красоты
И трогательной прелести. Я был
Волнением охвачен необычным
И зачарованный пред ним стоял.
Епископ тут сказал мне: «Не смущаясь,
Смотрите на умильный этот образ
Прекраснейшей из жен и в то же время
Всех более достойной состраданья.
За веру терпит правую она,
И ваша родина — ее темница».

Мария

Достойный муж! Не все я потеряла,
Такого друга в горе сохранив!

Мортимер

И тут же с сокрушительною силой
Он стал о ваших муках говорить,
О кровожадных ваших супостатах.
По книгам родословным непреложно
Он доказал, что вы произошли

От корня славных Тюдоров, что вам,
И только вам одной, воссесть пристало
На трон британский, а не самозванке,
На ложе любострастия зачатой,
Не признанной самим ее отцом.
Не убежденный этим показаньем,
Законников я многих вопрошал,
Перелистал немало древних хартий,—
И всяк, кто сведущ, ваших притязаний
Незыблемую силу подтверждал.
Теперь я видел: только право ваше
На Англию вменяют вам в вину,
И королевство, где томитесь вы,
Безвинная, по праву вам подвластно.

Мария

О, это право тяжкое! Оно
Всех бед моих единственный источник.

Мортимер

И тут-то я нежданно узнаю,
Что уж не Толбот охраняет вас,
Что дядя к вам тюремщиком поставлен.
Я промысла божественного перст
Почуял в этой вести! Я услышал
В ней долгожданный зов судьбы, вверявшей
Моей руке освобожденье ваше.
Друзья воспряли духом! Кардинал
Дает благословенье мне и учит
Постылому искусству притворяться.
Задуман план спасенья! Мы плывем
Домой в Британию! И вот я здесь
Десятый день, как знаете вы сами.

Пауза.

Потом я *вас* увидел, королева!
Вас, не подобье ваше! Дивный клад
Хранится в этом замке! Не в тюрьму —
В святилище пришел я, величавей
Дворца Елизаветы! Счастлив тот,
Кто дышит с вами воздухом одним!
И как же ей не прятать вас от мира?
Вся молодежь английская воспряла б,
Ничей бы меч не залежался в ножнах,

Мятеж открытый вспыхнул бы в стране,
Когда б свою узрели королеву
Британцы!

Мария

Если б только на нее
Они взирали вашими глазами!

Мортимер

О, будь они свидетелем, как я,
Страданий ваших, кротости, уменья
Нести позор с достоинством и честью!..
Или в несчетных испытаньях вы
Не та же королева? Или в силах
Лишить вас прелести острог суровый?
Здесь нету ничего, что красит жизнь,
Но жизнь и свет ваш облик излучает.
Ни разу не входил я в эти двери,
Чтобы мое истерзанное сердце
Не умилялось вашей красоте!..
Но грозно надвигается развязка,
Час от часу опасность возрастает!
Не вправе я молчать, таить от вас
Ужасное...

Мария

Так приговор уже
Произнесен? Я все снесу — скажите!

Мортимер

Произнесен. Вы признаны виновной
Решеньем сорока двух судей. Вас
Палата лордов, и палата общин,
И город Лондон жаждут увидать
Во прахе. Медлит только королева,
Но не из состраданья, а в расчете
Коварном, что ее принудят силой.

Мария
(храня спокойствие)

Сэр Мортимер, ни удивить меня,
Ни испугать вы не могли. Я вести
Такой ждала. Своих я судей знаю.
И знаю: после стольких унижений,
Которым здесь подверглась я, свободы

Мне не видать. Их козни я постигла:
Меня хотят навеки заключить
И месть мою и гордые права
Замуровать со мной в тюремном склепе.

Мортимер

Нет, королева, нет! На том они
Не успокоятся! Их самовластье
Не терпит полумер. Пока вы живы,
Живет и страх в английской королеве.
Не спрятать вас в тюремных погребах!
Лишь ваша смерть престол ее упрочит.

Мария

Ужель мою венчанную главу
Она на плаху положить посмеет?

Мортимер

Посмеет ли? Не сомневайтесь в том.

Мария

Посмеет бросить в грязь и растоптать
Величье и свое, и всех монархов?
Месть Франции ее не устрашает?

Мортимер

Нет, в брак вступая с герцогом Анжуйским,
Она с ней вечный заключает мир.

Мария

Король испанский меч свой обнажит.

Мортимер

Ей не страшны враги ее, покуда
Она в согласье со своей страной.

Мария

Казнить меня? И на глазах народа?

Мортимер

Британия — увы! — за малый срок
На плаху много венценосных жен
С престола проводила. Этот путь
Прошла и мать самой Елизаветы,

А вслед за ней Екатерина Говард
И леди Грэй, владычица на час.

М а р и я
(после паузы)

Нет, Мортимер, вас ослепляет страх!
Ужасный призрак казни — лишь пустое
Виденье вашей преданной души.
Не плаха мне страшна. Другие средства,
Негласные, она изыщет, сэр,
Убрать меня, соперницу, с дороги,
Чтоб править королевством без помех.
Нет, раньше, чем секира палача
Меня сразит — убийца будет куплен.
Я этого страшусь! И всякий раз,
Когда губами прикасаюсь к кубку,
Я тайно трепещу: быть может, *этот*
И поднесен мне сестринской любовью?

М о р т и м е р

Пусть вашей жизни больше не грозит
Ни явное, ни тайное злодейство!
Отбросьте ваши страхи! Все готово.
Двенадцать благородных англичан
Со мной в союзе; на святых дарах
Они сегодня утром поклялись
Освободить вас силой из темницы.
Граф Обепин, посол французский, зная
О целях наших, смело предложил
Свои покои нам для тайных сборищ.

М а р и я

Я вся дрожу, но не от счастья, сэр!
Предчувствую я верную беду.
На что решились вы? Иль не страшат
Вас головы Тичберна с Беббингтоном
Кровавые, на лондонском мосту,
И участь тех несчетных смельчаков,
Обретших гибель в дерзких загово́рах
И лишь оковы отягчивших мне?
Беги, несчастный юноша, беги!
Спеши, мой пылкий друг, покуда Берли
О ваших тайных встречах не проведал,
Изменника в ваш круг не подослал!

Беги из Англии! Мария Стюарт
Друзей ввергает в беды!

Мортимер

Не страшны
Мне головы Тичберна, Беббингтона,
Подъятые над лондонским мостом,
Ни участь тех несчетных смельчаков,
Обретших гибель в дерзких заговорах;
Они бессмертье обрели в веках!
Какое счастье жизнь за вас отдать!

Мария

Напрасны здесь и хитрость и насилье!
На страже враг, и власть его крепка.
Не только Полет с челядью своей,
Вся Англия хранит ворота замка!
И разве лишь приказ Елизаветы
Откроет их.

Мортимер

Откроет? Никогда!

Мария

Есть человек такой, который может
Их отворить.

Мортимер

И кто же он?

Мария

Граф Лейстер.

Мортимер

Граф Лейстер? Ваш гонитель непреклонный
И друг Елизаветы? От него...

Мария

Нет! Если кто спасет меня, так он!
Идите же к нему! Откройтесь смело!
А в знак того, что посланы вы мною,
Письмо ему вручите. В нем — портрет.
(Достает письмо, спрятанное на груди.)
Мортимер в изумлении отступает, не решаясь принять его.

Примите! Я давно его храню.
Но слежка дяди вашего дорогу
Вовне пресекла. Вас мой добрый ангел
Сюда привел.

Мортимер

Но разъясните мне
Загадку, государыня!..

Мария

Граф Лейстер
Ее вам разъяснит. Спешите!.. Кто там?

Кенеди
(входит торопливо)

Сэр Полет и один из тех вельмож.

Мортимер

Лорд Берли. Сохраните твердость духа,
С какой бы вестью ни явился он.
(Уходит в боковую дверь.)

За ним Кеннеди.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мария, лорд Берли, великий казнохранитель Англии, и рыцарь Полет.

Полет

Об участи своей услышать правду
Хотели вы. Ее вам возвестит
Лорд Берли. Так внимайте же с покорством.

Мария

С достоинством в злодействе не повинной.

Берли

Я к вам пришел посланцем от суда.

Мария

Лорд Берли, бывший мозгом и душой
Судилища, стал языком его же?

Полет

Вам приговор, сдается мне, известен?

Мария

Известен, раз принес его лорд Берли.
Но к делу, сэр! Итак?

Берли

Вы подчинились
Судилищу сорока двух, миледи...

Мария

Простите, сэр, но я должна прервать
Вас в самом же начале. Подчинилась
Я будто бы суду сорока двух?
Нет, я ему не подчинилась, сэр!
Отнюдь не подчинилась! Как могла
Я столь забыть про сына, про народ,
Достоинство мое и всех монархов?
Ведь говорит ваш собственный закон,
Чтоб каждый обвиняемый судился
Присяжными из лиц его же званья.
А в том суде кто мне по званью равен?
Лишь короли мне ровня!

Берли

Вы прочли
Все пункты обвиненья и ответы
Суду представили.

Мария

Я поддалась
Коварству Хеттона, надеясь этим
Восстановить замаранную честь
И веря в силу доводов своих.
Затем я и прочла наветы ваши,
Чтоб прахом их развеять! Это все
Из уваженья сделала я к пэрам
Британии, суда не признавая.

Берли

Признали вы, миледи, или нет
Судом наш суд — пустая лишь формальность,
Теченья дела это не прервет.

Вдыхая воздух Англии под сенью
Законов благодетельных ее,
Вы и властям английским подначальны.

Мария

Я воздухом дышу тюрьмы английской.
Не это ль называется у вас:
«Под сенью жить закона»? Знать не знаю
Законов ваших! В подданстве английском
Не состояла и не состою!
Я к вам пришла свободной королевой.

Берли

Вы думаете, титул королевский
Дарует право вам в чужой стране
Раздор кровавый сеять невозбранно?
Что стало б с государствами, миледи,
Когда Фемиды правосудный меч
Не поражал бы головы виновной
И смерда, и державного пришельца?

Мария

Ответ держать готова я всечасно,
Но *этих* судей я не признаю.

Берли

А почему бы так, миледи? Разве
Судили вас подонки льстивой черни,
Клятвопреступники, которым правда —
Что кривда, беззастенчивая сволочь,
За мзду служить готовая насилью?
Нет, ваши судьи — это соль страны,
Достаточно свободные, чтоб праву
Порукой быть, не гнуться перед властью,
Не поддаваться низким обольщеньям.
Они из тех, миледи, кто народом
Издревле управлял. Их имена
Не таковы ль, что тут же на устах
Смолкают и хула и кривотолки?
Возглавил суд преосвященный примас
Кентерберийский, неподкупный Толбот —
Хранитель государственной печати,
И славный Говард — первый адмирал.
По совести, могла ли королева

Английская достойней поступить,
Чем передать державный этот спор
На рассмотренье цвету королевства?
Допустим, что один из ваших судей
Питает к вам вражду, но как же сорок
Мужей достойнейших единой страсти
Могли поддаться? Мыслимо ль такое?

Мария

В смущении внимаю я устам,
Всегда-то мне невзгоды возвещавшим!
Где женщине, в риторике не твердой,
С витией столь искусным состязаться?
И вправду: были б лорды таковы,
Как вы изобразили их,— смирилась,
Поникла б я, поверила в свой грех...
Но эти имена, чьим весом вы
Меня сломить и размозжить хотели,
Милорд, они в истории английской
Иную роль играли, и не раз!
Я вижу этот «лучший цвет» страны,
В величие облекшийся сенат,
Покорствующим, как рабы сераля,
Султанской блажи Генриха Восьмого;
Я вижу, сэр, как верхняя палата,
Продажностью уподобляясь нижней,
Кроит законы, рвет, скрепляет браки
И расторгает, как прикажет власть;
Принцесс английских нынче отрешит
От прав наследства, заклеймит позором,
А завтра их возводит на престол;
Я вижу этих доблестных вельмож,
При четырех монархах без стыда
Четырежды меняющими веру.

Берли

Быть может, чужд английский вам закон,
Но наши беды знаете вы твердо.

Мария

И это судьи? Лорд-казнохранитель,
Я не хулю вас! Будьте ж справедливы
И вы ко мне. Вы, говорят, престолу
И государству преданы душой,

Вы бдительны, усердны, неподкупны...
Охотно верю. Не корысти ради
Вы служите, а соблюдая пользу
Страны и государя. Потому-то
И бойтесь, честный лорд, за справедливость
Английские расчеты принимать.
Не сомневаюсь в том: и кроме вас
В суде мужи достойные сидели,
Но — протестанты, ревностные слуги
Британской мощи. Судьи ли они
Шотландской королеве, католичке?
Слыхали ль вы присловье: «От британца
Шотландец справедливости не жди»?
И потому от древности седой
Заказано британцу и шотландцу
Друг против друга выступать в суде.
Такой закон сложился неспроста —
Глубокий смысл в обычаях народных.
Так почитайте ж их, милорд! Природа
Две пылкие народности метнула
На этот плот среди зыбей; неровно
Распределила их и ввергла в распри.
Лишь Твида узкое русло — преграда
Их постоянным схваткам. Часто кровь
Воителей в его мешалась водах;
Тысячелетье долгое они
С двух берегов друг другу угрожают;
Не приставал к британским берегам
Нещадный враг, шотландцем не подослан;
Не полыхал мятеж в стране шотландской,
Не разожжен стараньем англичан!
И не погаснет их вражда, покуда
Один парламент их не соберет
В *одну* семью под скипетром единым.

Берли

И острову такое благо даст
Одна из Стюартов?

Мария

Скрывать не стану,—
Да и зачем? — питала я надежду
Два доблестных народа, им во благо,
Объединить под сенью древа мира.

Могла ль я знать, что стану жертвой их
Вражды старинной? Я мечтала, сэр,
Жестоким распрям положить предел,
Навеки потушить огни раздора.
Как Ричмонд, прародитель мой, уняв
Кровавый спор, соединил две розы,
Короны я двух стран связать хотела.

Берли

Худым путем вы к этой цели шли:
Воспламенив державу, вы мечтали
Прорваться к трону сквозь огонь усобиц.

Мария

Неправда, сэр! Пред всемогущим богом —
Я смуты не хотела! Где улики?

Берли

Не спорить я пришел сюда. Вердикт
Уж вынесен, и споры бесполезны.
Признали судьи — сорок против двух,—
Что вами попран прошлогодний билль
И вы законной каре подлежите.
Постановил парламент год назад:
«Когда мятеж в английском королевстве
Произойдет, во имя или в пользу
Особы, посягающей на трон,
Особа таковая подлежит
Суровой каре — вплоть до смертной казни».
Понеже установлено...

Мария

Лорд Берли!..
Кто сомневался в том, что нарочито
Мне на погибель принятый закон
Меня же и погубит? Горе жертве,
Когда законодателя уста
И приговор над нею произносят!
Признайтесь, лорд, закон был этот принят,
Единственно чтоб извести меня.

Берли

Чтоб вас *предупредить*, миледи. Вы
Закон в ловушку обратили сами!

На бездну указали вам — в нее
Вы, честно упрежденная, сорвались,
Общаясь с Беббингтоном вероломным
И всей его кроволюбивой братьей.
Про все вы знали! Всем руководили
Из накрепко затворенной тюрьмы.

Мария

Я всем руководила? Но когда
И как? Где доказательства?

Берли

Недавно
Вам на суде уж предъявляли их.

Мария

Чужой рукой подделанные списки!
Нет, пусть мне обвинители докажут,
Что *я* их диктовала, слово в слово
Так диктовала, как их зачитали!

Берли

Сам Беббингтон, сбираясь в путь последний,
Их подлинность, миледи, подтвердил.

Мария

Зачем же вы, пока он был в живых,
Обоим нам не дали очной ставки?
Зачем его прикончили так спешно,
Не допросив лицом к лицу со мной?

Берли

Шотландцы Нау и Кэрл, у вас в писцах
Служившие, согласно показали,
Что это все писалось с ваших слов.

Мария

Так по доносу челяди моей
Осуждена я? Суд поверил людям,
Меня, их государыню, предавшим?
Изменникам моим от той поры,
Как, *мне* во вред, солгали *вам* в угоду?

Берли

Не вы ли Кэрла честным и прямым
Слугою называли, и не раз?

Мария

Таким он представлялся мне. Но доблесть
Мужская лишь в опасностях видна.
Под страхом пытки мог он показать,
Чего и сам не ведал хорошенько.
Он думал лжесвидетельством спастись,
Не повредив чрезмерно королеве.

Берли

Он клятву дал суду без принужденья.

Мария

Но не со мной лицом к лицу. *Как*, сэр?
Вот два свидетеля, и оба живы.
Прошу, сведите нас, милорд! Пускай
Они при мне повторят показанья!
Зачем меня одну лишают права,
В котором и убийце нет отказа?
Мне Толбот говорил, мой прежний страж:
Парламент в это царствованье принял
Закон, велящий, чтобы обвинитель
В суде пред обвиненным говорил.
Не так ли? Иль ошиблась я? Сэр Полет,
Всегда вы мне казались правдолюбцем,
Так будьте ж им! По совести скажите:
Таков закон в английском королевстве?

Полет

Да, есть у нас такой закон, миледи.
Что так, то так. Не скрою.

Мария

Что ж, милорд!
Когда ко мне так строго прилагают
Закон английский всюду, где закон
Мне в пагубу, зачем его обходят
Везде, где он во благо мне? Ответьте!
Зачем мне с Беббингтоном очной ставки
Не дали, как закон повелевал,
Да и теперь с живыми не дают?

Берли

Спокойнее, миледи! Ведь не только
Сношенья с Беббингтоном...

Мария

Лишь они
Меня под меч подводят правосудья,
И лишь от них очиститься мне надо.
Милорд! Не уклоняйтесь от вопроса!

Берли

Доказано и то, что вы с Ментозой,
Послом испанским, тайно сообщались...

Мария

Не уклоняйтесь, сэр!

Берли

Что вы хотели
Поднять восстанье и низвергнуть веру
Державы нашей, на нее призвав
Всех королей Европы...

Мария

Если даже
И правда это (не было того,
Но, предположим: было)! Сэр, меня
Здесь держат вопреки правам народов.
Я не с мечом в Британию пришла,
Пришла в слезах просить гостеприимства
Священного! В объятья королевы
Я бросилась, по крови близкой мне.
И что же обрела? Тюрьму, оковы
Взамен желанной помощи... Скажите!
Чем связана я в мыслях и делах
И в чем мой долг пред Англией отныне?
Священным правом я самозащиты
Лишь пользуюсь! Порвать стараясь узы,
Я выставляю силу против силы,
Скликая всех князей материка.
Все, что согласно с рыцарскою честью
Во дни войны, я применять вольна,
И запрещают гордость мне и совесть
Убийство лишь, удар из-за угла —
Лишь это обесчестило б меня.
Да, обесчестило, но не лишило
Державных прав, не сделало б подсудной —
Затем что спор о силе, не о праве,
Меж мною и Британией идет.

Берли
(многозначительно)

На право грубой силы не ссылайтесь,
Миледи! Вам невыгодно оно.

Мария

Да, я — слаба, она — всевластна, сэр!
Пусть применяет силу, пусть меня
Погубит в упрочение престола,
Но пусть тогда и скажет, не стыдясь,
Что применила силу, а не право,
Что не Фемида ей вручила меч
Расправиться со мною, ненавистной!
Пусть не хоронит под плащом священным
Насилия отточенный кинжал!
Мир не потерпит шутовства такого!
Пусть шлет убийцу, но меня не судит!
Преступное деянье да не будет
За подвиг выдавать людская лесть!
Пусть кажется такой, какая есть!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Берли. Полет.

Берли

Упорствует и будет, рыцарь Полет,
Упорствовать она до самой плахи.
Гордыни сердца этого не сломишь!
Сразила ль весть ее? В ее глазах
Блеснула ли слеза, мелькнул ли ужас?
Не к жалости она взывает нашей!
Ей ведомы сомненья королевы,
Отвагу в ней родит наш тайный страх.

Полет

Упорство это, лорд-казнохранитель,
Исчезнет вместе с поводом к нему.
Не с полною, осмелюсь вам сказать,
Пристойностью велось дознанье это.
Да, Беббингтона с Тичберном напрасно
Не допросили с ней лицом к лицу,
Как и писцов ее обоих.

Берли

Нет!
Нет, рыцарь Полет! Слишком нам знакомы
Ее уменье управлять сердцами
И женских слез прельстительная власть.
Как только Кэрл, поставлен перед нею,
Подумает сказать такое слово,
Которое судьбу ее решит,
Он струсит, отречется от всего.

Полет

А *так* враги Британии весь мир
Наполнят оскорбительной молвою
И торжество благого правосудья
В бесстыдное кощунство обратят.

Берли

Вот это и печалит королеву.
Ах, если бы злодейка бренный мир
Покинула, не преступив границы
Британии!

Полет

На то скажу: аминь!

Берли

Иль здесь, в тюрьме, скончалась от болезни!

Полет

От многих зол господь бы нас упас.

Берли

А впрочем, если случай и поможет,
Убийцами нас все же заклеймят.

Полет

Возможно, сэр. Кто людям запретит
Иметь свое сужденье?

Берли

И, однако,
Где нет улик, там шуму будет меньше.

Полет

А пусть себе шумят! Не многошумной
Хулы страшись, а той, что справедлива.

Берли

Ах, и святая справедливость, сэр,
Хулы не избегает. Глас народа
Всегда за пострадавшего; завистник
Чернит того, кто победил в борьбе.
Меч судии — под стать мужской деснице,
А в женской ненавистен. Род людской —
Увы! — не верит в женское бесстрастье,
Сопернице несущее беду.
Напрасно мы вершили правый суд!
Помилованье — право королевы.
Она к нему прибегнет; мир осудит
Монархию за смертный приговор.

Полет

А это значит...

Берли
(поспешно прерывая его)

Жить ей? Никогда!
Ей жить нельзя, никак нельзя! Лишь это
И мучит, и тревожит королеву,
И сна ее лишает. Я читаю
В ее глазах душевную борьбу.
Уста ее немотствуют, но взгляд
Настойчиво и внятно вопрошает:
«Средь слуг моих ужели не найдется
Ни одного, который бы избавил
От тягостного выбора меня:
Дрожать на троне в непрерывном страхе
Иль под топор подставить королеву,
Сестру мою?»

Полет

Иначе быть не может.

Берли

Нет, может! Полагает королева,
Лишь были б повнимательнее слуги...

Полет

Как? Повнимательней?

Берли

Умей они
Понять немой приказ...

Полет

Немой приказ?

Берли

Ужели ж надо, получив змею,
Заклятого врага на попеченье,
Его хранить, как дорогой алмаз?

Полет
(многозначительно)

Бесценней всех алмазов мира — имя
И праведная слава королевы.
Их сохранить всего дороже, сэр!

Берли

Когда, от графа Шрусбери отняв,
Вам, рыцарь Полет, поручили леди,
Все думали...

Полет

Надеюсь твердо, сэр:
Все думали, что для тягчайшей службы
Чистейшие потребовались руки.
Клянусь всевышним богом! Ни за что
Я званья бы тюремщика не принял,
Не думай я: здесь нужен *честный* муж.
Хотел бы верить, что лишь доброй славе
Обязан я избранием своим.

Берли

Распустим слух, что чахнет леди Стюарт,
Что хуже ей, что смерть за ней пришла,—
И в памяти людской она угаснет,
А ваше имя чисто...

Полет

Но не совесть.

Берли

Своей руки не предоставив нам,
Не возбраняйте действовать другому...

Полет
(перебивая его)

Убийцу не пущу я на порог,
Пока ее хранят мои пенаты!
Мне жизнь ее не менее священна,
Чем сан и честь монархини моей.
Вы судьи! Так вершите правый суд!
А час пробьет, пусть плотники приходят
С пилой и топорами, пусть помост
Воздвигнут здесь. Шерифу с палачами
Открыты двери замка моего.
Но от убийц ее я охраняю
И, верьте, охраню. Я зла не дам
Здесь совершить ни узнице, ни вам!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вестминстерский дворец.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Граф Кент и сэр Вильям Дэвисон встречаются.

Дэвисон

А, это вы, граф Кент? С турнира, верно?
Так празднество закончилось уже?

Кент

Как? Разве вы там не были, сэр Вильям?

Дэвисон

Все недосуг!

Кент

Тогда вы пропустили
Прелестнейшее зрелище — и вкуса,
И рыцарской отваги образец.
Собранью показали, как твердыню
Безгрешной Красоты хотело штурмом

Желанье взять. Лорд-маршал, сенешаль
И с ними десять рыцарей английских
Твердыню эту храбро защищали;
На приступ шел французской знати цвет.
Сначала вышел вестник, предложивший —
В изящном мадригале — замку сдаться;
Ответил с вала лорд-казнохранитель.
Тут грянул залп, и тысячи букетов,
Округу напоив благоуханьем,
Посыпались из крохотных мортир.
Но тщетно! Дерзкий приступ был отбит,
И со стыдом Желанье отступило.

Дэвисон

Пугающее знаменье, милорд,
Для сватовства французского!

Кент

И, полно!
Все это шутки! А дойдет до дела,
Твердыня сдастся, надо полагать.

Дэвисон

Уверены вы в этом? Я — ничуть.

Кент

Все важные статьи мы отстояли,
Во всем сошлись с французской стороной.
Согласен герцог лишь в своей часовне
Латинские обряды соблюдать,
А на́ людях религии английской
Держаться. Если б только вы видали
Восторг толпы, едва разнесся слух
Об этом! Вся Британия боялась,
Что может умереть она бездетной
И что страна, лишь воцарится Стюарт,
Под иго папы снова подпадет.

Дэвисон

Напрасный страх! Елизавету ждет
Наряд венчальный, а Марию — саван.

Кент

К нам королева жалует!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Выходят Елизавета в сопровождении Лейстера, граф Обепин, граф Бельевр, граф Шрусбери, лорд Берли и несколько других французских и английских кавалеров.

Елизавета
(Обепину)

Мне жалко, граф, любезных кавалеров,
Что через море переплыли к нам
В галантном рвении, себя лишая
Веселий сен-жерменского двора.
В устройстве пиршеств, зрелищ и забав
Где с королевой-матерью французской
Тягаться мне? Ведь все, что чужестранцу
Я с некоторой гордостью, пожалуй,
Могла бы показать,— народ мой верный,
Теснящийся вокруг моих носилок,
Лишь только появлюсь я. В цветнике
Прелестных фрейлин славной королевы
Екатерины я бы затерялась
С невзрачными заслугами моими.

Обепин

Одну лишь даму взорам чужеземцев
Вестминстерский являет двор, но все,
Чем обольщает нас прекрасный пол,
Достойно в ней *одной* соединилось.

Бельевр

Великая монархиня! Дозволь
Покинуть нам английские пределы,
Чтоб царственного принца поскорей
Обрадовать столь вожделенной вестью.
Наш пылкий принц, не совладавши с сердцем,
Париж покинул и в Амьене ждет
Посланников судьбы благоприятной.
Его гонцы от самого Кале
Расставлены. Они быстрее птицы
До алчущего слуха донесут
Державных уст желанное согласье.

Елизавета

Умерьте, граф, настойчивость свою!
Совсем не время, повторяю вам,
Сегодня возжигать светильник брачный:
Свинцовый мрак сгустился над страной;
Печальный креп мне более к лицу,
Чем роскошь подвенечного наряда.
Неудержимо близится удар,
Грозящий мне и дому моему.

Бельевр

Лишь обещанье дай нам, королева!
Наступит срок, и сбудется оно.

Елизавета

Монархи — сана своего рабы
И зову сердца следовать не вправе.
Я умереть в безбрачии хотела,
Мечтала, что прочтет потомок дальний
На камне гробовом: «Почиет в бозе
Здесь королевы-девственницы прах».
Но по-иному судит мой народ:
Уже теперь гадает он усердно
О днях, когда меня не станет. Мало
Им, верно, что страна при мне цветет.
Пожертвовать грядущему их благу
Я, знать, и тем должна, что мне милее
Всего на свете,— девичьей свободой!
Мне прочит повелителя народ,
Свидетельствуя тем, что для британцев
Я только женщина. А мне казалось,
Что правлю я как муж и как король!
Я знаю, богу не угоден спор
С извечным естеством, и были правы
Предместники державные мои,
Монастыри закрывшие и сотни
Несчастных жертв тупого суеверья
Вернувшие законам естества.
Но государыню, что дни проводит
Не в суетном безделье, а усердно
И неусыпно долг свой выполняя,—
Тягчайший долг! — ее могли б, сдается,
Изъять из общих правил, по которым

Одна людского рода половина
Навек *другой* подчинена.

Обепин

На троне
Ты, государыня, соединила
Все доблести высокие! Осталось
Тебе явить достойный образец
Прославленному столь тобою полу
Теперь в семейном круге. Нет, конечно,
На свете мужа, для кого свободой
Могла бы поступиться ты. Но если
Способны преимущество рожденья,
Высокий дух, испытанная храбрость
И красота мужская дать надежду
Кому-нибудь из смертных...

Елизавета

Для меня
Большая честь, конечно, сочетаться
С державным сыном Франции. Открыто
Скажу: раз суждено и неизбежно
Мне согласиться с волею народа
(А я боюсь, она меня сильней),
То мне другого принца не назвать
В Европе целой, для кого б свободой
Я с меньшим нежеланьем поступилась.
Довольствуйтесь таким ответом, граф!

Бельевр

Прекрасная надежда, но — увы! —
Надежда лишь, а принц мечтал о большем.

Елизавета

О чем же?
(Снимает с пальца кольцо и смотрит на него в раздумье.)
Нет заметного различья
Меж королевой и простой мещанкой:
Все тот же знак твердит о том же долге
И том же подчиненье. Из колец
Куются цепи и куются браки.
Вот дар его высочеству! Пока —
Не цепь еще, не связана я ею,
Но, надо думать, вскорости свяжусь.

Бельевр
(коленопреклоненно принимает кольцо)

От имени пославшего меня
Приемлю дар! Коленопреклоненно
Лобзаю руку госпожи моей!

Елизавета
(лорду Лейстеру, на которого не переставала смотреть в продолжение всей речи)

Милорд, позвольте!
(Снимает с него голубую ленту и возлагает на Бельевра.)
Тот же знак отличья
На принца возложите, что на вас
Я возлагаю. Помните девиз:
Honny soit qui mal y pense!.. Отныне
Да сгинет между нами недоверье!
Пусть эта лента свяжет нерушимо
Британии и Франции гербы!

Обепин

Великая монархиня! Сегодня
День радости! Да будет он на радость
И тем, кто здесь, на острове, томится.
Сияет милосердье на твоем
Державном лике! Если б луч его
И в каземат страдалицы проник,
Равно двум странам близкой...

Елизавета

Граф, довольно!
Два дела несовместных сочетать
Не следует! Коль Франция желает
Со мной чистосердечного союза,
Пускай со мною делит все тревоги
И не дружит с врагом моим!

Обепин

Бесчестной
Тебе самой бы Франция казалась,
Когда б она свою единоверку,
Супругу государя своего
Усопшего, забыла. Человечность
И честь велят...

Елизавета

О, в этом смысле, граф,
Предстательство я ваше уважаю.
Долг дружбы движет вами. Мне ж дозвольте,
Как должно королеве, поступать.
(Кивком головы отпускает французских кавалеров.)

Те почтительно удаляются вместе с лордами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елизавета, Лейстер, Берли, Толбот. Королева садится.

Берли

Великая монархиня! Сегодня
Ты увенчала чаянья народа.
Отныне лишь вкушаем мы блаженство
Твоих великих дел, не содрогаясь
В предвиденье грядущих мятежей.
И все ж страну гнетет одна забота.
Суровой жертвы требует народ.
Внемли его мольбе, и этот день
Навеки благо Англии упрочит.

Елизавета
(усталым голосом)

Что требует народ мой?

Берли

Головы
Марии Стюарт. Если ты желаешь
Свободы дивный дар и светоч правды,
В борьбе добытый, сохранить народу —
Ей жить не должно! Если хочешь ты,
Чтоб мы за жизнь твою не трепетали
Всечасно,— враг да сгинет! Разве ты
Не знаешь, что не все британцы с нами?
Антихрист римский много залучил
На острове приверженцев усердных.
Они твои заклятые враги!
Влечет их к этой Стюарт! Все готовы
Они прийти на помощь лотарингской
Ее родне — губителям твоим.
Их яростная свора поклялась

На жизнь и смерть вести войну с тобою,
Оружием бесовским не гнушаясь.
Там, в Реймсе, стольном граде кардинала,
Они перуны грозные куют!
Цареубийц готовят! К нам на остров
Без устали — в личинах разных — шлют
Гонцов своих предательских затей
И богомерзких козней! Третий счетом
Убийца послан к нашим берегам.
И что ни день, врагов рождает новых
Их нечистью кишащее гнездо.
А в замке Фотрингей сидит она,
Горгона этой смуты, что наш остров
Спалить решилась факелом любви,
Всех обольщает, всех дарит надеждой
И ставит под секиру палача.
Их клич — освободить ее, их цель —
На трон английский возвести Марию.
Ведь лотарингцы прав не признают
Твоих державных. В их глазах ты только
Захватчица престола, самозванка,
Венчанная успехом. Не они ль
Ей подсказали титулом писаться
Английской королевы? Мира нет
Ни с родом их, ни с ней! Ты — иль она!
Двоим вам не ужиться в этом мире.

Елизавета

Прискорбно слушать ваши речи, сэр!
Я знаю: помыслы у вас чисты,
Вещает мудрость вашими устами;
Но если мудрость требует кровавых
Деяний, ненавистна мне она.
Придумайте другой исход, милорды.
Граф Шрусбери, подайте нам совет.

Толбот

Ты рвенье оценила, сердцем Берли
Владевшее. Но, пусть мои уста
Не столь красноречивы, мной владеют
Не менее возвышенные чувства.
На страх врагам и нам во славу царствуй!
Пошли тебе всевышний многи лета!
Да благоденствует с тобой народ!

Таких счастливых дней страна не знала
Под скипетром английских королей.
Но счастье да не купится ценою
Монаршей чести! Пусть, по крайней мере,
Смежатся раньше Толбота глаза.

Елизавета

Избави бог нам честь свою пятнать!

Толбот

А если так, ищи другое средство
Спасти свою державу. Казнь Марии
Неправедна пред богом и людьми.
Ты не вольна судить другой страны
Владычицу свободную.

Елизавета

Так, значит,
Ошибся мой парламент? В заблужденье
Судебные палаты, вся страна,
Признавшие за мной такое право?

Толбот

Суд большинства — не голос высшей правды,
Парламент твой — не приговор потомства,
Британия — еще не целый мир.
Да и Британия сейчас не та,
Какой вчера была и будет завтра:
Изменчива приверженность народа,
И столь же зыбок приговор его.
«Необходимость!», «Подданных желанье!» —
Слова, одни слова! Лишь захоти,
И вскоре убедишься в полной мере,
Что нет преграды воле королевской.
Скажи, что крови не потерпишь ты,
Что жизнь сестре желаешь сохранить.
Непрошеным советчикам свой гнев
Богоугодный покажи. И тут же
Рассеется «необходимость». «Правду»
Вчерашнюю — «неправдой» нарекут.
Ты — судия! Никто, как ты! Тростник
Неверный государю не опора.
Доверься милосердью своему!
Не строгость в сердце женское вложил

Создатель. Те, что строили державу
Английскую, к браздам правленья женщин
Недаром допустили, почитая
Не строгость высшей доблестью владык.

Елизавета

Усердного ходатая мой враг
Находит в графе Шрусбери. Мне любы
Советы тех, кто обо мне радеет.

Толбот

Нет у нее ходатаев! Никто,
Страшась опалы, слова не промолвил
Отверженной в защиту. Так дозволь
Мне, старцу, обреченному могиле,
Свободному от суетных расчетов,
Защитником Марии Стюарт быть.
Пусть мир не скажет, что в твоем совете
Лишь раболепство и своекорыстье
Имели голос, но не состраданье.
На гибель ей соединилось все!
Марии ты не видела ни разу,
Она чужая сердцу твоему.
Не обеляю дел ее. Толкуют,
Она велела мужа умертвить
И вышла — это верно — за убийцу.
Тягчайший грех! Но брак был заключен
В несчастливую, смутную годину,
Под грозный рев мятежных пуритан,
Когда ее, злосчастную, теснили
Вассалы дерзкие и ужас влек
В объятия к сильнейшему — быть может,
Не без воздействия бесовских чар...
Сосуд скудельный — женская душа.

Елизавета

Нет, не скудельный! Знает мир немало
Отважных женщин. Не пристало, граф,
При мне о женских слабостях твердить.

Толбот

Суровый искус бедствий ты прошла,
Не светлой стороною обернулась
К тебе земная доля; не престол
Вдали мерещился, а зев могилы.

Вудсток и мрачный Тауэр — там тебя
Благой отец творения наставил
Нести — сквозь тьму невзгоды — бремя долга.
Льстецы к тебе не проникали. Рано
Ты научилась, в стороне от света
Тщеславного, и мыслить, и страдать,
И различать, что ценно в этом мире.
Бедняжку бог не вразумил! Дитятей
Ее свезли во Францию, где двор
Вакхическим охвачен был весельем.
Сквозь шум бесстыдных оргий до нее
Суровый голос правды не донесся,
Ее слепил греховной жизни блеск
И завлекал в водоворот порока.
Ей красоты достался бренный дар,
Других красавиц Стюарт затмевала
Не только родом, прелестью своей.

Елизавета

Опомнитесь, граф Шрусбери! Мы здесь
Решаем государственное дело.
Знать, прелести ее и впрямь опасны,
Раз старец к ней любовью воспылал!
Лорд Лейстер! Вы молчите? То, что графа
На речь подвигло, вам уста сковало?

Лейстер

Молчу от изумленья, королева!
Как смеют слух твой страхами терзать?
Как смеют улиц лондонских молву,
Смущающую чернь, нести в покои
Монархини? Как может темный бред
Мужей столь многоопытных тревожить?
Мне не понять, открыто сознаюсь,
С чего бы королева без владений,
Которой не под силу было шаткий
Престол свой удержать, вассалов буйных
Посмешище, Шотландии отброс,
Вдруг сделалась — в тюрьме, в цепях — опасной?
Что — боже правый! — в ней пугает нас?
Ее мечта о троне? То, что Гизы
Монархиней тебя не признают?
Ужель их неразумье что́ убавит
В правах, тебе дарованных рожденьем

И признанных парламентом страны?
В последней воле Генриха Мария
И не помянута. Ужель британцы,
Вкусившие от блага новой веры,
Падут к стопам отъявленной папистки
И на нее, убившую Дарнлея,
Монархиню любимую сменяют?
Что от тебя безумные хотят,
Преемницей опасной устрашая,
Зачем тебя, об Англии радея,
Стремятся выдать за любого принца?
Иль не цветешь ты юной красотой,
А та не клонится к сырой могиле?
Даст бог, ты будешь много долгих лет
Могильный прах Марии попирать
И без того, чтоб в гроб ее низвергнуть.

Берли

Лорд Лейстер прежде был другого мненья.

Лейстер

Не спорю: я в судилище свой голос
За казнь преступной узницы подал.
Не то — в совете. Здесь мы не о праве,
О *выгоде* державы речь ведем:
Должны ли мы и впредь страшиться Стюарт?
Ведь Франция, былой ее оплот,
Оставила Марию, ты решилась
С державным сыном Медичи вступить
В законный брак; страна полна надежды
Увидеть новый род своих владык.
Зачем казнить ее? Она мертва.
Презренье — истинная смерть. Не дайте
Воскреснуть ей в народном состраданье!
А потому совет мой: приговор
Оставить в силе. Пусть живет, но только
Под грозною секирой палача!
Чуть что — и голова ее падет.

Елизавета

Милорды! Я слыхала ваши мненья
И за усердье всех благодарю.
Всевышний, наставляющий монархов,
Поможет мне остановить мой выбор
На лучшем, что услышала от вас.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Рыцарь Полет с Мортимером.

Елизавета

Сэр Эмьяс Полет! Что вас привело
В Вестминстер, славный рыцарь?

Полет

Мой племянник,
Вернувшийся из дальних стран, хотел бы,
Припав к стопам великия жены,
Ей в верности поклясться нерушимой.
Прими усердье юноши! Пусть зреет
И он под солнцем милости твоей.

Мортимер
(опускаясь на колени)

Да здравствует монархиня моя,
Увенчанная славою и счастьем!

Елизавета

Сэр, встаньте! Мне приятно видеть вас
В Британии. Вы побывали в Риме,
Во Франции и в Реймсе. Не слыхали ль,
Какие ковы нам враги готовят?

Мортимер

Господь да помутит их разум! Пусть
На их чело обрушатся перуны,
Грозящие монархине моей!

Елизавета

Вы Росского епископа видали?
И супостата Моргана?

Мортимер

Всех видел
Шотландских я изгнанников, что в Реймсе
Злоумышляют противу тебя.
Я вкрался к ним в доверие, надеясь
Как можно больше выведать от них.

Полет

Шифрованные письма он привез
Из Реймса к леди Стюарт. Эти письма
Он преданной рукой представил нам.

Елизавета

Так что ж они сегодня замышляют?

Мортимер

Как громовой удар им весть была,
Что Франция, отрекшись от Марии,
С тобой в союз вступает. Их надежда
Теперь — Мадрид.

Елизавета

И Вальсингем так пишет.

Мортимер

А также булла грозная, которой
В тебя метнул недавно папа Сикст
Из Ватикана. С первым кораблем
Она прибудет на британский берег.

Лейстер

Такие стрелы не страшат британцев.

Берли

В руках безумца нет страшнее их.

Елизавета
(пытливо смотрит на Мортимера)

В отступничестве обвиняли вас
И в посещенье школы езуитов.

Мортимер

Я их морочил,— чтоб полезней быть
Монархине моей в раскрытье козней.

Елизавета
(Полету, который достает из кармана запечатанное письмо)

Что достаете вы?

Полет

Посланье это
От узницы, шотландской королевы.

Берли

Отдайте мне!

Полет

Простите, ваше лордство!
Она просила в собственные руки
Ее величества отдать письмо.
Все говорит она, что я ей — враг.
Я враг ее пороков! Что, согласно
Со строгим долгом, не запретно ей.

Берли
(Полету)

Что может быть в письме? Мольбы, укоры?
От них приличней было б оградить
Чувствительное сердце королевы.

Полет

Со слов ее я знаю, что в письме —
Мольба о милости большой, о встрече
С монархиней великой.

Берли

Никогда!

Толбот

А почему? Чем просьба незаконна?

Берли

Нет! Право королеву лицезреть
Утратила крамольница, возжаждав
Святую кровь монархини пролить.
Кто верен государыне, не станет
Ей подавать губительных советов!

Толбот

Ужель дерзнете вы остановить
Благую жалость в сердце королевы?

Берли

Она обречена! Топор над нею
Уж занесен! Владыкам не пристало
Взирать на обреченного могиле.
Не может казнь свершиться, если к ней
Монархиня приблизилась: прощенье
Такая встреча будет означать.

Елизавета
(прочтя письмо и осушая слезы)

Что́ человек! Что́ счастье в этом мире!
Вот до чего смирилась королева,
Которой жизнь сулила столько благ!
Древнейший из престолов христианских
Достался ей, она ж в своей гордыне
О трех коронах дерзко помышляла...
Язык ее письма! Как он не схож
С надменным, с прежним тем, когда она,
Герб Англии приняв, звалась льстецами
Владычицей двух островов британских!
Простите мне! Кровоточит душа,
Мутится разум. Сердцем сокрушаюсь
От мысли, что земное так непрочно,
И близко слышу над моим челом
Я веянье судеб неотвратимых!

Толбот

О королева, бог тебя наставил!
Покорствуй умягчителю сердец!
За тяжкий грех она платила тяжко;
Пора мученьям положить предел.
Подай ей руку, павшей так глубоко!
Как светлый ангел, вестником небес
Спустись в могильный мрак ее темницы!

Берли

Мужайся, государыня! Не дай
Себя совлечь отзывчивому сердцу
На ложный путь! Оставь себе свободу
Решенье неизбежное принять.
Не можешь ты помиловать ее,
Спасти *не можешь*,— так зачем давать
Лишь поводы для злобных нареканий,
Что видом жертвы упивалась ты.

Лейстер

Спокойствие, милорды! Королева
Умудрена всевышним: не нужны
Советы ей для правого решенья.
Что общего меж встречей королев
И нами изреченным приговором?
Закон английский осудил Марию,

А не монаршья воля. Сострадать
Поверженным во прах вполне достойно
Возвышенной душе Елизаветы;
Смягчать законы — право королей.

Елизавета

Довольно, лорды! Мы изыщем средство
Соединить порыв великодушья
С тем, что велит сейчас необходимость.
Оставьте нас!

Лорды уходят.

(Окликает задержавшегося в дверях Мортимера.)
Сэр Мортимер! Два слова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елизавета. Мортимер.

Елизавета
(присматриваясь к нему испытующим взглядом)

В младые годы выказали вы
Не только смелость, редкое уменье
Владеть собой. Кто превзошел так скоро
Нелегкую науку притворяться,
Созрел до срока. Для него пора
Докучных испытаний миновала.
Блестящий путь готовит вам судьба!
Я вам пророчу это, и оракул
Я, к счастию, могу осуществить!

Мортимер

Мой разум и мой меч — к твоим услугам.

Елизавета

Вы видели врагов родной страны.
Их ненависть ко мне неукротима,
И нет конца кровавым их делам.
До сей поры господь меня хранил.
Но мой престол по-прежнему непрочен,
Доколь она жива — предлог и знамя
Их буйных дел и пагубных надежд.

Мортимер

Лишь повели — и нет ее в живых.

Елизавета

Ах, сэр! Уж мнилось мне, что я у цели.
Но где стояла я, там и стою.
Чтоб кровь не обагрила рук моих,
Я уступила власть свою закону,—
Закон казнит ее; но легче ль мне?
Ведь приговор — не казнь еще! За *мною* —
Решающее слово, Мортимер,
А значит, и вина *на мне*. Ничем
Молву худую я пресечь не в силах.
Вот в чем беда!

Мортимер

Ужель худую славу
Не опровергнут правые дела?

Елизавета

Не знаете вы жизни, сэр! Виновной
Опасней слыть, чем быть. Поверьте мне!
Судья ль я этой узнице? Бог весть!
Не лучше ли оставить под сомненьем
Свою причастность к гибели ее?
Куда мудрей в двусмысленных делах
Держаться полумрака подозрений.
Признать свое участье — ложный шаг;
Все отрицая, можно оправдаться.

Мортимер
(пытливо)

Тогда не лучше ли...

Елизавета
(с живостью)

Конечно, лучше!
Ах, ангел мой хранитель говорит
Устами вашими! Но продолжайте,
Мой юный друг! Вы вникли в суть вещей.
Вы с родичем своим ничуть не схожи.

Мортимер
(пораженный)

Как? Ты и рыцарю о том сказала?

Елизавета

К несчастью, да.

Мортимер

Прости его сомненья!
Он стар... И стал с годами осторожен
Сверх меры. В предприятии таком
Нужнее дерзость юная...

Елизавета

Так, значит...

Мортимер

Моя рука — к твоим услугам. Имя
Свое спасай сама, как знаешь...

Елизавета

Сэр,
Когда меня разбудите вы вестью:
«Мария Стюарт, твой заклятый враг,
Скончалась этой ночью...»

Мортимер

Так и будет!

Елизавета

Смогу я спать, не ведая тревог?

Мортимер

С луною новой страх исчезнет твой...

Елизавета

Итак, прощайте, сэр! Не огорчайтесь,
Что буду я заимствовать у ночи
Густой покров для благодарных встреч!
Молчанье — бог счастливых. Узы крепче
И сладостней, когда плетет их тайна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мортимер
(один)

У, низкая притворщица на троне!
Как ты людей — я обману тебя!
Предать такую — праведное дело!
Так на убийцу я похож? Так ты
На мне печать злодейства различила?

Что ж, верь в мою десницу, а свою
Попридержи! Кичись пред целым миром
Притворным милосердием! Покуда
Ты помощи моей кровавой ждешь,
Мы выгадаем нужное нам время!
Ты возвышенье мне сулишь? Награду
Высокую мне прочишь? А нужна ли
Награда мне, будь ею ты сама?
Кого ты, низкая, прельстишь собою?
Что слава мне? Пустая мишура!
Мне лишь с Марией дни, и вечера,
И ночи сладостны, когда гурьбою
Вокруг нее сплетенья грез плывут.
Не променяю чудных тех минут
На мертвый дар, предложенный тобою!
То высшее, что красит наш удел,—
Блаженных чувств томительный предел,
Двух любящих сердец самозабвенья
С тобой никто не знал! Твое томленье
Никто ответным пылом не согрел.
Я лорда здесь с письмом дождаться должен.
Не по́ сердцу мне это порученье!
И этот расфуфыренный вельможа!..
Хочу один страдалицу спасти,
С ней гибель или счастье обрести!
(У выхода сталкивается с Полетом.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мортимер. Полет.

Полет

Ты с королевой говорил?! О чем?

Мортимер

Так. Ни о чем значительном.

Полет
(пытливо смотрит на него)

Послушай!
На скользкий путь вступил ты, Мортимер!
Заманчиво владык благоволенье;
Успеха жаждет юность. Берегись
Поддаться обольщеньям честолюбья!

Мортимер

Не вами ли я ко двору представлен?

Полет

Да, к сожаленью. Но не при дворе
Наш род стяжал и славу и признанье.
Будь тверд, племянник! Не торгуй собой!
Не поступись и малой долей чести!

Мортимер

О чем вы, дядя? Что за опасенья?

Полет

Чего бы ни сулила королева,
Не верь ее прельстительным речам.
Едва ты с *той* покончишь, как она
Тебя предаст и, честь свою спасая,
С тебя же взыщет пролитую кровь.

Мортимер

Как? Пролитую кровь?..

Полет

Оставь притворство!
Иль мне не знать желаний королевы?
Надежней твердой воли старика
Ей показалось юное тщеславье.
Ты обещал ей?.. Отвечай!

Мортимер

Но, дядя...

Полет

А если так, я прокляну тебя,
Отвергну навсегда.

Лейстер
(входит)

Позвольте, рыцарь,
Сказать два слова Мортимеру. Он
Снискал благоволенье королевы.
Угодно ей, чтоб *он* отныне ведал
Охраной леди Стюарт. На *него*
Она надеется...

Полет

Ах, так! Отлично!

Лейстер

Как, честный рыцарь?

Полет

                              На него *она*
Надеется, а *я*, милорд, надеюсь
Лишь на себя и на свои два глаза!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лейстер. Мортимер.

Лейстер
(изумленно)

Что это с Полетом?

Мортимер

                              И сам не знаю.
Нежданное доверие, которым
Меня почтила королева...

Лейстер

                              Рыцарь,
Доверия вполне достойны вы?

Мортимер

Я вас спрошу об этом же, милорд.

Лейстер

Вы что-то тайно мне сказать хотели?

Мортимер

Да. Если я решусь открыться вам.

Лейстер

А кто мне, сэр, поручится за вас?
Не обижайтесь на мои сомненья.
Судите сами: в *двух* вас вижу лицах
Здесь, при дворе. Одно из них, конечно,
Личина. Так которая из двух?

Мортимер

И вы, милорд, сдается мне, двулики.

Л е й с т е р

Кто ж первый эти страхи пересилит?

М о р т и м е р

Кому опасность меньшая грозит.

Л е й с т е р

Так, значит, вы!

М о р т и м е р

Нет, вы! Единым словом
Меня повергнуть может грозный лорд,
Всесильный при дворе. А я не властен
Его величью нанести ущерб.

Л е й с т е р

Вы в заблужденье. В чем ином я здесь,
Быть может, и всесилен, но не в деле,
В котором я довериться вам должен.
Тут я слабей всех прочих при дворе,
Всех уязвимей для людских изветов.

М о р т и м е р

Когда всевластный Лейстер до меня
Нисходит и подобное признанье
Мне делает, я вправе позабыть,
Что я ему неровня, и пример
Великодушья показать вельможе.

Л е й с т е р

Итак, откройтесь — я вас не предам.

М о р т и м е р
(поспешно доставая письмо)

Посланье от шотландской королевы.

Л е й с т е р
(в испуге содрогается, но тут же берет письмо)

Сэр, тише!.. Что такое? А! Ее
Портрет!..
(Целует портрет и с восторгом смотрит на него.)

М о р т и м е р

Милорд! Я верю вам теперь.

Лейстер

Вы знаете, о чем она здесь пишет?

Мортимер

Не знаю, ваше лордство.

Лейстер

Но она
Открыла вам...

Мортимер

Нет, лишь сказала мне,
Что вы раскроете загадку эту.
Загадка ж в том, конечно, что лорд Лейстер,
Друг королевы и Марии недруг
Отъявленный, один из грозных судей,
И есть тот самый муж, в котором видит
Спасителя от бедствий леди Стюарт.
Но верю вам: ваш взор не мог ясней
Поведать мне о ваших чувствах к ней.

Лейстер

Скажите, сэр: зачем в ее судьбе
Вы приняли столь пылкое участье
И как вошли в доверье к ней?

Мортимер

Милорд,
Я в двух словах на ваш вопрос отвечу:
Отрекся в Риме я от ложной веры
И с Гизами в союзе состою.
Письму из Реймса я обязан был
Доверием шотландской королевы.

Лейстер

О вашем обращении я слышал;
Отсюда и мое доверье к вам.
Простите же мои сомненья! Впрочем,
Лишь береженых небо бережет.
Ведь Вальсингем и Берли — оба жаждут
Меня толкнуть в расставленные сети.
А вдруг вы *их* орудье, *их* надежд
Осуществитель тайный?

Мортимер

О, как мелко
О людях судит предпочтенный лорд!
Граф, мне вас жаль!

Лейстер

С каким восторгом брошусь
Я наконец на дружескую грудь,
Откинув ненавистное притворство!
Вас удивляет, сэр, что сердцем я
В столь краткий срок к Марии изменился?
Вражды я к ней не знал. Лишь ход событий
Меня привел во стан ее врагов.
Вы слышали, конечно: до Дарнлея
Меня хотели с нею обвенчать,
В ту пору озаренною величьем.
Я холодно тогда ее отверг.
Теперь же я с опасностью для жизни
Ее ищу в узилище, в оковах.

Мортимер

Да, вы великодушны.

Лейстер

Ход событий
Меня привел к оставленным мечтам.
Тогда меня тщеславье отвратило
От красоты и юности, тогда
Шотландский трон казался мне ничтожным.
Мечтал я обладать Елизаветой...

Мортимер

Позвольте, граф, она же вас из всех
И отличила...

Лейстер

Так казалось, сэр.
Прошли года в искательстве упорном,
В притворстве ненавистном... Рыцарь, нет!
Я должен сбросить тяжкий гнет молчанья!
Счастливым я считаюсь?.. Если б знали
Завистники, что значат эти цепи!
Я десять долгих лет ее тщеславью
Пожертвовал, горчайших десять лет!

Покорствовал султанше своевольной,
Как жалкий раб сераля! Был игрушкой
В ее неверных, взбалмошных руках —
Сейчас ободрен нежностью ее,
А через миг презрительно отвергнут,
То ласками, то холодом томим,
Как жалкий пленник Аргусом стооким
Ее ревнивой страсти охраняем,
Дознаньями унижен, как мальчишка,
Обруган, как лакей! Сэр, нет названья
Такому аду!..

Мортимер

Мне вас жалко, граф!

Лейстер

И вдруг — уже у цели! — услыхать:
Другой похитит плод твоих усилий!
Свое страданьем купленное право
Супругу молодому уступить!
Покинуть сцену, где давно привык
Я первенствовать рядом с королевой!
Не только руку, и благоволенье
Елизаветы уступить пришельцу!
Ведь женщина она, а он красив...

Мортимер

Он сын Екатерины; это значит:
В науку страсти нежной посвящен.

Лейстер

Так рушились мечты мои... За доску
Спасительную я хотел схватиться
В ужасный час крушенья, и мой взгляд
Упал на ту, что я любил когда-то...
Опять Марии облик несравненный
Возник передо мной, опять и юность
И красота в права свои вступила.
Заговорило сердце, не тщеславье:
Какой я клад утратил! С содроганьем
И с ужасом смотрел я на мученья
Страдалицы безвинной. И в душе.
Внезапная надежда шевельнулась:
Спасу ее и с ней соединюсь!

Благоприятный случай мне помог
Открыть ей обновившееся сердце.
А из письма вот этого я вижу,
Что я прощен, что мне наградой будет
Она сама, когда ее спасу.

Мортимер

Не слишком вы радели о спасенье.
Ведь приговор над ней произнесен,
И сами вы за казнь голосовали.
Понадобилось чудо, нужно было,
Чтоб я, ее тюремщика племянник,
Проникшись светом веры, обратился
В спасителя нежданного ее,
Иначе б и письмо к вам не попало.

Лейстер

О, сколько мук мне испытать пришлось!
В ту пору, сэр, ее перевели
От Толбота к тому, кто вам роднею
Доводится, под бдительный надзор.
Пути пресеклись к ней. Я должен был
Слыть недругом Марии перед миром.
Не думайте, однако, что на плаху
Я дал бы ей взойти. Нет, я уверен,—
Теперь и впредь! — что казнь не совершится.
А там найдутся средства для спасенья.

Мортимер

Они нашлись. Доверье за доверье!
Так знайте же, лорд Лейстер, я решил
Ее освободить. Затем и прибыл
Я в Англию с друзьями королевы...

Лейстер

Что?.. Страшно слушать вас! Так вы хотели...

Мортимер

Насильно отворить ее темницу.
Нас много. Час спасенья недалек!

Лейстер

Вас много, вы сказали? Боже мой.
В какую бездну вы меня влечете!
Так им известны помыслы мои?

Мортимер

Ничуть, милорд! Без вас составлен план,
Без вас его и выполнят. Хоть жаждет
Она от *вас* спасенье получить.

Лейстер

Вы, стало быть, ручаетесь, что имя
Мое не называлось в их кругу?

Мортимер

Ручаюсь, граф! Но неужели весть
О помощи пугает вас, и только?
Ведь вы, милорд, ее спасти мечтали?
И вот нашлись, негаданно-нежданно,
Сообщники отважные, а вы
Скорей сомнений, чем надежд, полны.

Лейстер

Ее похитить? Рыцарь, этот шаг
Опасен!

Мортимер

Не опасней промедлений!

Лейстер

Опасен, говорю я, и безумен!

Мортимер
(с горечью)

Да, для того, кто *обладать* ей хочет.
Но мы *спасти* хотим ее, милорд,
А потому дерзнем...

Лейстер

Ах, юный друг!
Для дел опасных вы чрезмерно пылки.

Мортимер

А вы в вопросах чести слишком вялы.

Лейстер

Тенета тайные я вижу всюду.

Мортимер

И я их вижу, но хочу порвать.

Л е й с т е р

Безумство — даром жизнь свою проставить!

М о р т и м е р

Опасливость — не добродетель, лорд.

Л е й с т е р

Иль Беббингтона участь вас прельщает?

М о р т и м е р

Иль Норфолька вам доблесть недоступна?

Л е й с т е р

Он к алтарю невесту не повел.

М о р т и м е р

Но доказал, что был ее достоин.

Л е й с т е р

Погибнем мы — погибнет и она.

М о р т и м е р

Щадя себя, ее мы не спасем.

Л е й с т е р

Не внемля ни рассудку, ни советам,
Вы в ярости сметете все, что было
Направлено по верному пути.

М о р т и м е р

По верному? Не вами ль он проложен?
Как думали вы уберечь Марию?
А что, милорд, когда б и впрямь я был
Тем извергом, потребным королеве?
Что, если б я, ее приказу верен,
Соперницу убил? Каким бы средством
Вы воскресили мертвую ее?

Л е й с т е р
(в изумлении)

Она ее убить велела вам?

М о р т и м е р
(с горечью)

Она во мне ошиблась, как Мария
Ошиблась в вас.

Лейстер

И вы пошли на это?!

Мортимер

Чтоб здесь другие руки не сыскались,
Я предложил свои.

Лейстер

Разумно, сэр,
Вы поступили. Твердо полагаясь
На вашу помощь, приговор отсрочит
Монархиня. Мы выиграем время.

Мортимер

Граф, мы теряем время!

Лейстер

Нет, доверясь
Всецело вам, она охотно станет
Бахвалиться своим великодушьем,
Я ж хитростью ее уговорю
С соперницею встретиться. И это
Ей свяжет руки. Ибо Берли прав:
Не может казнь свершиться, если к ней
В узилище спустилась королева.
Нет, я решил употребить все силы...

Мортимер

А что потом? Едва она обман
Заметит, убедившись, что Мария
В живых осталась, будет все, как было.
Ей не видать свободы! Лучший жребий,
Что может выпасть,— вечные оковы.
Нет, смелого деянья не избегнешь!
Не лучше ли начать с него, милорд?
А вы начать могли бы: стоит вам
Вооружить дворянство в ваших замках —
И сразу встанет доблестная рать!
Сторонников немало у Марии!
Средь родичей и Говарда и Перси —
Пусть обезглавлены они — герои
Найдутся! Лишь подайте им пример,
И ринутся они в огонь и воду.
Притворство бросьте! Действуйте открыто!
Избранницу как рыцарь защитите!

Вступите в честный бой! Никто, как вы,
Способен укротить Елизавету,
Лишь стоит вам решиться! Заманите
Ее в один из ваших дальних замков!
Мужчиной будьте! Под замок ее,
Пока она Марию не отпустит!

Лейстер

Я потрясен, я в ужасе!.. Куда
Вас занесло? Не знаете вы, верно,
Своей страны и что сердца мужские
Иными стали в этом бабьем царстве!
Вам грезится еще былой порыв
Геройства, а геройство — под замком
У женщины уже немало лет,
И все пружины духа ослабели.
Доверьтесь мне! Не место сумасбродству!..
Идут! Прощайте!

Мортимер

Но Мария ждет!
Что передать? Пустые утешенья?

Лейстер

Скажите, что люблю ее до гроба!

Мортимер

Нет! Я себя в орудие спасенья,
Не в сводники, лорд Лейстер, предлагал.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Елизавета. Лейстер.

Елизавета

Вы с кем-то говорили! Был здесь кто-то?

Лейстер

(в испуге быстро оборачивается на ее слова)
Сэр Мортимер.

Елизавета

Что с вами, лорд?
Вы смущены...

Л е й с т е р
(овладевая собой)

И в том твоя вина!
Такой прелестной я тебя не видел!
Стою, тобой, как солнцем, ослеплен.
Ах!

Е л и з а в е т а
(томно)

Что вздыхаете?

Л е й с т е р

Кому вздыхать,
Когда не мне? Гляжу на лик твой дивный,
И вновь меня пронзает боль утраты
Ужасная!

Е л и з а в е т а

Какой утраты, граф?

Л е й с т е р

Тебя теряю я, любовь твою...
В объятьях юных пылкого супруга
Ты вскоре счастье обретешь другое —
Все сердце он твое заполнит.
Принц — отпрыск рода царского, а я,
К несчастью, нет. Но вызов шлю отважный:
Не сыщется другой на целом свете,
Кто б так любил тебя, как я люблю.
Ведь никогда тебя не видел герцог
Анжуйский! Только блеск твоих деяний
Его пленил, не ты сама. А я —
Будь ты пастушкой, я — царем вселенной,—
Я все равно к тебе сошел бы с трона,
К твоим ногам венец свой положил.

Е л и з а в е т а

Жалей, а не брани меня! Не смела
Я посчитаться с сердцем. По-другому
Оно б избрало. Зависти полна я
К тем женщинам, которые возносят
Своих любимцев! Я не так счастлива,
Чтобы венец британский возложить
На милое чело. Вот Стюарт смела
Располагать и чувством и рукой.

Она пила из чаши наслаждений,
Пренебрегая голосом рассудка.

Лейстер

Чтоб пить теперь из горькой чаши бед.

Елизавета

Не слушала она людской молвы,
Легко жилось ей. Тяжкого ярма
Она на скорбной вые не носила.
Ах! Предъявить не меньшие права
На радости земные я могла бы,
Но предпочла всему державный долг.
И все ж *она* прельщает вас, мужчин,
Тем, что осталась женщиной, и только.
У ног ее и стар и млад. Мужчины
Все таковы: на блуд бесстыдниц падки,
До любострастья грязного охочи!
А что должны почтить, не почитают.
Помолодел и седовласый Толбот,
Чуть речь завел о прелестях ее.

Лейстер

Прости его! Он был Мариин страж.
Лукавица его обворожила.

Елизавета

А подлинно она так хороша?
Ее красу так пылко прославляют,
Что хочется проверить, правда ль это?
Портреты льстят, и лгут людские толки.
Я верю только собственным глазам.
Как странно вы глядите, Дидли...

Лейстер

Силюсь
Тебя я сопоставить с леди Стюарт...
Хотел бы я, признаться, вас свести —
Но без огласки, соблюдая тайну, —
Лицом к лицу, тебя и это диво!
Ты лишь тогда б вкусила в полной мере
Свою победу! Со стыдом она
Своими бы глазами убедилась
(У зависти куда как зорок глаз!),
Что ты и красотою благородной

Ее затмила — не одним полетом
Высоких чувств и помыслов своих.

Елизавета

Она меня моложе.

Лейстер

В самом деле?
Вот не сказал бы! Да, не красит горе!
До сроку, знать, состарилась она.
Ах, будет горшей карой для нее
Тебя невестою увидеть! В прошлом —
Ее надежды, ты ж навстречу счастью
Теперь идешь уверенной стопой:
Твой суженый из дома Валуа.
Всегда она, надменная, кичилась
Своим французским браком. И поныне
От Франции она спасенья ждет.

Елизавета
(небрежно)

И все-то мне о встрече!

Лейстер

Что она
Как милость просит, дай ей в наказанье!
Не казнь ее страшит. Нет! Легче ей
На эшафот взойти, чем убедиться,
Что ты ее и прелестью затмила.
Ее убьешь ты этим, как она
Тебя убить хотела. Дай взглянуть
Ей на красу твою, твое величье
В нетленном нимбе непорочной славы
(Она-то честь свою втоптала в прах!),
Тебя в венце увидеть, скрытом дымкой
Фаты венчальной,— и ударил час
Изничтоженья узницы надменной!
Я на тебя гляжу — не нагляжусь!
Нет, никогда еще такой победной
Красой ты не блистала! И меня,
Едва вошла ты в зал, твой дивный образ
Вновь ослепил небесным светом... Что,
Когда сейчас, такая как ты есть,
Ты перед ней, поверженной, предстала б?

Елизавета

Нет, Дидли, нет!.. Нет, не теперь! Мне надо
Сперва спросить у Берли...

Лейстер

Этот Берли!
Лишь о твоей державе он печется!
Имеешь ты и женские права.
Тебе, а не политику, судить
В подобном деле. Впрочем, не в ущербе
Держава будет, если милосердьем
Ты обольстишь народные сердца.
А после можно способом любым
Расправиться с врагом твоим заклятым.

Елизавета

Прилично ль будет мне свою сестру
Увидеть в униженье? Говорят,
Лишили Стюарт почестей монарших.
Ее нужда служила б мне укором...

Лейстер

Не надобно переступать порога
Ее тюрьмы. Благоприятный случай
Устроит все. Ведь нынче день охоты.
Наш путь лежит чуть вправо от тюрьмы.
Мария будет в парке находиться,
Ты ж ненароком в этот парк войдешь,
Как будто и не зная о свиданье.
А дальше как захочешь: можешь с ней
И слова не сказать.

Елизавета

Ах, милый Дидли,
Толкаете меня вы на безумство!
Но вам, мой друг, могу ли отказать?
Сегодня изо всех моих вассалов
Я сделала всего больнее вам.
(Смотрит на него с нежностью.)
Пусть это — прихоть ваша. В том, мой друг,
Любовь и состоит, что разрешает
Она любимым то, что осуждает.

Лейстер падает на колени.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Уголок парка. На авансцене — деревья. На заднем плане — открытая местность.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мария быстро выбегает из-за деревьев. Анна Кеннеди медленно следует за ней.

Кеннеди

Вы мчитесь как на крыльях! Подождите!
Мне не поспеть за вами нипочем.

Мария

Дай насладиться мне этой свободой!
Будь мне подругой! Я точно дитя.
Пышный ковер уготован природой —
Дай нарезвлюсь, дай набегаюсь я!
Правда ль, что я не в тюрьме безотрадной,
Что надо мною не свод гробовой?
Дай надышаться мне ширью прохладной,
Жадно упиться зефира волной!

Кеннеди

Ах, не намного, леди дорогая,
Просторнее теперь темница ваша!
Вот только стен не видно за ветвями
Деревьев и разросшихся кустов.

Мария

Спасибо им! Спасибо старым ивам,
Что от меня ограду замка скрыли!
Я позабылась сном счастливым,—
О, дай господь, чтоб нас не разбудили!
Иль свод небес под пышный свой шатер
Не принял нас? И вновь оживший взор
Не потерялся в далях бесконечных?
Вон там, вдали — Шотландии граница
За гранью гор, укутанных в туман,
И облаков прозрачных вереница
Во Францию плывет, за океан.

Легкие тучки, паломницы неба!
С вами к родимым умчаться и мне бы,
Только оков я порвать не могу!
Нежный привет мой далекому краю!

Я только вам свои думы вверяю;
Волен ваш путь сквозь простор синевы:
У королевы не в подданстве вы.

Кеннеди

Дитя мое! Минутная свобода
Вам навевает лживые мечты.

Мария

Видишь, рыбак оснащает челнок!
Эта скорлупка меня унесла бы
К верным друзьям! Много ль неводом слабый
Этот старик из пучины извлек?
Я бы улов оплатила с лихвою!
Он этот день не забудет вовек!
Только б старик неприметно со мною
Бурный простор на ладье пересек!

Кеннеди

Пустые грезы! Иль не видно вам,
Что издали за нами наблюдают?
К нам жалости людской и состраданью
Запрет суровый преградил дорогу.

Мария

Нет, Анна милая! Недаром, верь,
Моей тюрьмы ворота приоткрылись!
Поблажка малая мне возвещает
Большое счастье! Не ошиблась я:
Мой замок отперт любящей рукой,
Рукою лорда Лейстера могучей.
Мою тюрьму слегка приоткрывают,
Чтоб приучить меня к свободе большей:
День недалек, когда я встречусь с тем,
Кто навсегда с меня оковы снимет.

Кеннеди

Мне не понять несообразность эту:
Еще вчера вам возвестили смерть,
А нынче вдруг такое послабленье!
Но, говорят, и с тех снимают цепи,
Кому свободу вечную дарят.

Мария

Слышишь ли рог? По лугам и по нивам
Мощно пронесся веселый раскат.

Ах, на коне ускакать бы ретивом!
Сердце в волненье, и щеки горят!
Снова и снова знакомые звуки!
Сколько счастливых проснулось тревог!
Помнишь, и я по горам и по долам
Мчалась вперед в упоенье веселом
Вот под такой же заливистый рог!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Полет.

Полет

Ну! Угодил я вам хоть раз, миледи?
Снискал «спасибо» ваше?

Мария

Вы, сэр Эмьяс?
Так, значит, вам обязана я этой
Поблажкой?

Полет

Почему бы нет? Я был
В Вестминстере, вручил посланье ваше...

Мария

Мое посланье? Вы его вручили?
И та свобода, что я здесь вкушаю,
Плод этого посланья?

Полет

Не единый.
И к большему, миледи, приготовьтесь.

Мария

Как? К большему? Что вы сказать хотите?

Полет

Вам слышен шум охоты?

Мария
(вздрагивает, догадавшись)

Сэр! Я в страхе.

Полет

Монархиня охотится.

Мария

Она?

Полет

И вскорости предстанет перед вами.

Кеннеди

(подбегает к Марии, побледневшей и готовой лишиться чувств)

Вы так бледны, миледи! Дурно вам?

Полет

Опять не угодил? Беда мне с вами!
Ведь вышло все по-вашему, так в ход
Теперь бы и пустили красноречье,
В котором вам господь не отказал.

Мария

Зачем о том мне сразу не сказали?
Я к этой встрече не готова! Нет!
О чем я как о милости просила,
Ужасным, диким кажется мне. Анна!
Веди меня в покои! Дай собраться
Мне с мыслями...

Полет

Останьтесь здесь, миледи!
Хоть понимаю, страшно вам предстать
Пред судией державным.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и граф Шрусбери.

Мария

Ах, нет же, нет! Свидетель бог, другое
Меня терзает чувство! Благородный
Мой Шрусбери, вас ниспослал господь!
Нет сил моих! Избавьте же меня
От этой встречи ненавистной!

Шрусбери

Духом
Скрепитесь, государыня! Минута
Великого значенья наступила.

Мария

Как я ждала ее! Как много лет
Готовилась я к встрече! Все, чем тронуть
Ее хотела, сколько раз твердила
Я про себя в тюремной тишине!
И вдруг — все позабылось, все исчезло,
Все отмерло во мне! Осталось в сердце
Одно лишь чувство жгучее обиды
Да боль неутолимая страданий!
Смертельная вражда владеет мной!
И, гривою змеиной потрясая,
Вокруг меня витают духи ада!

Шрусбери

Уймите жар вскипающей крови
И укротите сердце! Мало проку,
Когда с враждою встретится вражда.
И сколько бы ваш дух ни восставал,
Покорствуйте суровой правде мига:
Она сильней, — смириться вы *должны*.

Мария

Смириться? Никогда!

Шрусбери

Нельзя иначе!
Почтительно держитесь с королевой,
Взывайте только к милости; о праве
Не заикайтесь — это сгубит вас.

Мария

Не встречу вымолила я — погибель!
На горе мне ответили согласьем!..
Нельзя, нельзя нам встретиться с сестрой!
Не быть добру от этого свиданья!
Скорей вода с огнем соединится
И лютый лев облобызает агнца...

Я слишком тяжко ей оскорблена.
Не было и не будет примиренья!

Шрусбери

Не надо предрешать исход свиданья.
Я видел сам, как залилась слезами
Она при чтенье вашего письма.
Нет, не бесчувственна она. Доверьтесь
Ее душе отзывчивой! Затем
И поспешил сюда я раньше прочих,
Чтоб вас предупредить и успокоить.

Мария

Ах, Толбот, вы всегда мне были другом!
О, если б стражем вы моим остались!
Я много претерпела, Шрусбери!

Шрусбери

Забудьте все. Подумайте о том,
Как вам смиренно встретить королеву.

Мария

И Берли с нею, грозный мой гонитель?

Шрусбери

Нет, из вельмож один лишь Лейстер будет.

Мария

Лорд Лейстер?

Шрусбери

Он не страшен вам. Не хочет
Он вашей казни. По его совету
Монархиня желанье изъявила
Здесь с вами встретиться.

Мария

Я это знала!

Шрусбери

Вы знали?..

Полет

Королева к нам идет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Королева. Граф Лейстер. Свита.

Елизавета
(Лейстеру)

Что это за поместье?

Лейстер

Фотрингей.

Елизавета
(Шрусбери)

Охотничьих моих отправьте в Лондон.
На улицах столицы слишком людно,
Укроемся в задумчивом саду.

Шрусбери удаляет охотничью свиту.

(Пристально смотрит на Марию, обращаясь к Полету.)
Народ меня чрезмерно обожает
И слишком бурно изъявляет радость!
Так чтут богов, чтить смертных так нельзя.

Мария
(которая все это время в полуобмороке лежит в объятиях Кеннеди, поднимается и видит, что Елизавета пристально смотрит на нее; Мария содрогается и снова падает на грудь Кеннеди)

О, боже! Нет души в ее чертах!

Елизавета

Кто эта женщина?

Лейстер

Ты в Фотрингее, государыня.

Елизавета
(строго)

Кто это все подстроил? Вы, лорд Лейстер?

Лейстер

Так вышло, государыня. Знать, небо
Сюда твои направило стопы,
И да восторжествует милосердье.

Шрусбери

Дозволь же, венценосная жена,
Твой благосклонный взор привлечь к несчастной,
Подавленной твоим величьем.

Елизавета
(Лейстеру)

Граф,
Кто говорил мне об убитой горем,
Несчастной грешнице? Гордячку вижу,
Недугом не согбенную!

Мария

Пусть так!
Стерплю и это! Сгинь, души высокой
Бессильная гордыня! Позабуду,
Кем родилась и что я претерпела.
Смирюсь душой! Повергнусь ниц пред ней,
Меня толкнувшей в пропасть униженья!
(Обращаясь к королеве.)
Сестра! Судило небо в вашу пользу,
Победный нимб над вашей головой.
Пред божеством, вознесшим вас, склоняюсь.
(Падает на колени.)
Но будьте же теперь великодушны!
Не дайте мне лежать во прахе! Руку
Державную свою мне протяните,
Не длите униженья моего!

Елизавета

Лежать во прахе вам пристало, леди!
Не допустил создатель милосердный,
Чтоб я вот так у ваших ног лежала,
Как вы теперь лежите у моих.

Мария
(с возрастающим чувством)

Подумайте, как бренно все земное!
Есть божества, казнящие гордыню!
Страшитесь их, шныряющих в ночи!
Они меня к ногам повергли вашим.
Перед лицом свидетелей почтите
Во мне себя! Не оскорбляйте крови

Тюдоров благородных, что течет
В моих и в ваших жилах! Боже правый!
Не стойте предо мной так неприступно,
Как грозная скала, к которой тщетно
Доплыть стремится гибнущий пловец.
Ведь все — судьба и жизнь — теперь зависит
От силы слов, от силы слез моих!
Так помогите ж мне растрогать вас!
Вот вы глядите взором леденящим —
И цепенеет сердце, иссякает
Источник слез, мольбам и заклинаньям
Не вырваться из скованной груди.

Елизавета

Что ж вы сказать хотели, леди Стюарт?
Вы встречи жаждали. Пренебрегла
Я чувством оскорбленной королевы,
Чтоб выполнить священный долг сестры
И вас утешить близостью своею.
Сердечный мой порыв, конечно, будет
Поставлен мне в укор: я слишком низко
Спускаюсь с выси трона. Ибо вы
На жизнь мою злодейски посягали.

Мария

С чего начать? Как мне свои слова
Расположить умней, чтоб ваше сердце,
Не оскорбив, пронзить правдивой речью?
О боже, ниспошли мне дар словесный
И жало отними у скорбных уст!
Как говорить мне о себе — и вас
Не осудить, не оскорбить невольно?
Нечестно вы со мною поступили —
Такая ж я монархиня, как вы,
А вы меня держали в заточенье.
Я к вам пришла о помощи просить,
И вот, поправ закон гостеприимства,
Презрев извечные права народов,
Меня в темницу бросили. Друзей
И верных слуг была я лишена,
Унижена позорной нищетою
И, наконец, неправедно судима.
Но смолкни, горечь! Вечное забвенье
Да скроет все, что выстрадала я.

Признаем же судеб определеньем
Все, что свершилось: нет на нас вины,
На вас и мне. Знать, демон встал из ада,
Чтобы разжечь жестокую вражду,
Что с юных лет нас разобщала с вами.
И та вражда росла! Лихие люди
Ее огонь усердно раздували,
Кинжалы и разящие мечи
Влагали нам в неопытные руки.
Таков уж скорбный жребий государей,
Что их вражда на части разрывает
Вселенную и множит сонмы фурий.
Теперь меж нами нет сторонних уст.
(Приближается к Елизавете, доверчиво и ласково.)
Лицом к лицу мы встретились, сестра!
Скажите прямо, в чем я провинилась?
На все отвечу вам чистосердечно.
Ах, если б вы тогда пришли ко мне,
Когда я так искала этой встречи!
Не так бы все сложилось, как теперь,
И не было б в таком печальном месте
Столь горького и тяжкого свиданья.

Елизавета

Звезду свою за то благодарю,
Что на груди ехидну не пригрела.
Не судьбы — сердце черное свое
Кляните и безмерное тщеславье!
Вражды меж нами не было, когда
Ваш дядя, гордый пастырь римской церкви,
До власти жадный, до корон охочий
Земных владык, мне объявил войну.
Он вас коварно побудил, присвоив
Мой титул королевский и мой герб,
Вступить в борьбу на жизнь и смерть со мною.
Чего на нас он только не призвал!
Язык попов, народов грозный меч
И темное оружье изуверства;
И даже здесь, в моих пределах мирных,
Сумел разжечь губительный мятеж!
Но за меня господь! Епископ гордый
Не победил. Моей главе удар
Был предназначен, но отрубит вашу!

Мария

Я — в руце божьей! Не дерзнете вы
Превысить власть свою таким злодейством...

Елизавета

А что мне помешает? Дядя ваш
Всем показал властителям державным,
Как следует врагов своих щадить, —
Тогда, в Варфоломеевскую ночь.
Что мне родство? Что мне права народов?
Ведь церковь освящает все: измену,
Цареубийство, яд, петлю, кинжал.
Я действую по слову вашей церкви.
Скажите, кто поручится за вас,
Когда я вам прощу деянье ваше?
Каким замком запру я вашу верность,
Чтоб ключ Петра его не отомкнул?
Насилье! Лишь оно моя ограда.
С исчадьем змеев дружбы не веди!

Мария

Все это только мнительность слепая!
Всегда во мне вы видели врага
Заклятого! Когда, как подобает,
Наследницей вы нарекли б меня —
Признательность, любовь и уваженье
В подругу вашу, в нежную сестру
Меня преобразили б!..

Елизавета

Леди Стюарт!
Друзья у вас за морем, дом ваш — папство,
И брат — монах. Наследницей признать вас?
Наследницей? Какая западня!
Чтоб мой народ вы обольстить успели
При жизни при моей, Армидой хитрой
Цвет молодежи в сети любострастья
Искусно и коварно залучили?
Чтоб всех британцев новое светило
К себе влекло, а я...

Мария

Царите с миром!
Я отреклась от прав на этот трон.

Поникли крылья духа моего!
Величье не влечет меня. Достигли
Вы своего — я только тень Марии.
Сломились в долгом мраке заточенья
Былые силы! Худшее свершилось:
Увяла жизнь в измученной груди.
Кончайте же, сестра! Произнесите
То слово, для которого пришли.
Не верю я, что вы затем ко мне
Явились, чтоб над жертвой поглумиться.
Я слова жду. Скажите: «Вы свободны,
Мария! Вы познали мощь мою,
Познайте ж и мое великодушье».
Скажите это, и приму как дар
Из ваших рук и жизнь я и свободу.
Одно лишь слово — и забыто все.
Я жду, не длите это ожиданье!
И горе вам, когда вы промолчите.
Ах, если не уйдете вы отсюда
Как божество, врачующее раны,
Тогда, сестра, ни за какие блага
В подлунном мире не хотела б я
Стоять на вашем месте предо мною!

Елизавета

Так вы себя признали побежденной?
Не будет новых козней? Нет убийц
В запасе? И не видно удальца,
Готового за вас сразиться с роком?
Да, леди Стюарт, некого прельщать!
Мир поглощен заботами другими.
Да и прельстится ль кто супругом стать
Четвертым вашим? Женихи у вас,
Как и мужья, недолговечны.

Мария

Боже!
Сестра! Сестра! Господь, даруй мне кротость!

Елизавета
(долго смотрит на нее с гордым презреньем)

Так вот они, те прелести, лорд Лейстер,
Что обольщают каждого мужчину
И не дают с ней женщине сравниться?

Не дорого ж такая слава стоит!
Всеобщего признания нетрудно
Добиться, ставши *общею* для *всех.*

Мария

Нет сил терпеть!

Елизавета

Вот вы и показали
Свое лицо, а то была личина!

Мария
(сохраняя спокойное величие)

Я ошибалась смолоду не раз!
Власть пагубна. Но я не притворялась
Перед людьми. По-королевски гордо
Я презирала мелкий суд толпы.
Мир знает все, что есть во мне худого!
И лучше я, чем слава обо мне.
Но трепещите, если с ваших дел
Сорвут покров, которым лицемерно
Вы прикрывали тайный пыл страстей!
Иль *скромность* получили вы в наследство
От матери своей? Не *добродетель*
На плаху Анну Болейн привела.

Шрусбери

О, боже правый, что она сказала!
Так где же ваша сдержанность, миледи,
Смиренье ваше?

Мария

Сдержанность? Снесла я
Все, что снести способен человек!
Прочь от меня, безропотность овечья!
Немая боль не смертного удел!
Порви оковы и явись на свет
Из тьмы пещеры, затаенный гнев!
А ты, что наделил мертвящим взором
Отродье василисков, мой язык
Снабди стрелой отравленной!

Шрусбери

Она
Безумная! Не слушай, королева!

Лейстер

Не слушай бесноватую, уйдем
От места злополучного свиданья!

Мария

Британский трон ублюдком обесчещен,
И благородный исстари народ
Лукавой лицемеркой одурачен!
Цари здесь право, вы теперь лежали б
Во прахе, ибо я ваш государь!

Елизавета поспешно удаляется, лорды следуют за нею в крайнем смущении.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мария. Кеннеди.

Кеннеди

Ах, леди, что вы сделали! Она
Уходит в бешенстве! Все, все пропало!

Мария
(все еще в исступлении)

Да, в бешенстве! И в сердце смерть уносит!
(Бросаясь на грудь к Кеннеди.)
О, как легко мне, Анна! Наконец-то!
За столько лет страданий, униженья —
Желанный миг отмщенья моего.
Как будто я с души свалила гору!
Как будто нож вонзила в грудь врагу...

Кеннеди

Несчастная! Вас ярость ослепляет!
Ей этой встречи не забыть вовек!
А ведь в *ее* руках — перуны смерти.
Так оскорбить ее! И при любимце!

Мария

Да! На его глазах! Он был свидетель
Победы упоительной моей!
Он был при том, как я ее сразила!
Мне близость друга душу окрылила.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же. Мортимер.

Кеннеди

О сэр! Такой исход...

Мортимер

Я слышал все.

(Дает знак кормилице, чтобы она стала на страже, и приближается к Марии. Весь его вид выражает сильное напряжение страсти.)

Ты победила, в прах ее втоптала!
Она была преступницей, а ты
Монархиней! Я восхищен тобой!
Богиней лучезарной и великой
Ты предо мной предстала в этот миг.

Мария

Вы говорили с Лейстером? Вручили
Ему посланье? Не томите, сэр!

Мортимер

Как королевский гнев преобразил
Твое чело и взор твой вдохновенный!
Прекрасней ты всех женщин во вселенной!

Мария

Простите, сэр! Надеяться ли мне?
Что вам ответил лорд? Я в нетерпенье!

Мортимер

Кто? Этот низкий трус и лицемер?
Предайте недостойного забвенью!

Мария

Сэр...

Мортимер

Вас спасти *ему*, назвать своею?
Пусть только сунется! Ему со мной
На жизнь и смерть сразиться предстоит!

Мария

Так вы письма ему не передали?
Тогда — конец!

Мортимер

Трус слишком любит жизнь!
Тебя спасти, с тобой соединиться
К лицу тому, кто смерти не страшится.

Мария

Помочь не хочет он?

Мортимер

О нем довольно!
И хочет, да не может. *Этот* нам,
Поверь, не в помощь. Но управлюсь сам!

Мария

Ну, где уж вам спасти...

Мортимер

Ужели вы
Не видите, как жребий обернулся?
Нет! По тому, как нынче королева
Ушла от вас, горя негодованьем,
Надежды на помилованье нет!
Но с нами бог! Исход решит отвага!
Избавимся мы силой от беды;
Мы вас спасем до утренней звезды!

Мария

Как, нынче ночью? Но возможно ль это?

Мортимер

Так ведай же, что порешили мы,
Сойдясь в тиши часовни потаенной
Пред алтарем. Священник отпустил
Нам все грехи: и те, что совершили,
И те, что совершим еще в борьбе,
Тебя освобождая из темницы;
Принявшие предсмертное причастье,
Мы снарядились в свой последний путь.

Мария

Меня страшат приготовленья эти!

Мортимер

В твой замок мы проникнем до рассвета.
Ключами я запасся. Умертвив
Всю стражу, увлечем тебя насильно
Из каземата... Всех своей рукой
Прикончим, чтоб никто не разгласил,
Как совершилось это похищенье.

Мария

А Полет и его подручный Друри?
Скорей они до капли кровь прольют...

Мортимер

Обоих умерщвлю без сожаленья.

Мария

Как? Дядю вашего? Отца второго?

Мортимер

И он погибнет. От моей руки.

Мария

Кровавое злодейство!

Мортимер

Все злодейства
Нам прощены. Все совершить я вправе.
И совершу!

Мария

Нет! Это слишком страшно!

Мортимер

Меня господь не призовет к ответу,
Хотя б убить пришлось Елизавету!

Мария

Нет, Мортимер! Я не позволю кровь...

Мортимер

Что рядом с ней ты и моя любовь!
Любовь к тебе! Пусть связь миров порвется
И, набежав из бездн, второй потоп
Поглотит все живое на земле —
Мне все равно! Лишь ты моя отрада,
А без тебя и жизни мне не надо!

Мария

О, боже! Что за речи, что за взоры!
Сэр! Я боюсь вас.

Мортимер

Разве жизнь не миг
Единый? Но и смерть не больше мига.
Пусть в Тайберн повезут меня! Пусть рвут
Щипцами раскаленными на части!
(Хочет заключить Марию в страстные объятия.)
Когда б с тобою я изведал счастье...

Мария

Безумец, прочь!

Мортимер

К тебе припасть на грудь!
К твоим устам, дышащим страстью нежной...

Мария

Побойтесь бога! Дайте мне уйти!

Мортимер

О нет! Клянусь, не я, безумец — тот,
Кто не удержит клад, ему однажды
Дарованный по изволенью бога!
Хотя б на казнь вела меня дорога,
Спасу тебя! Спасу! Но... видит бог,
Спасу затем, чтоб завладеть тобою!

Мария

Так сжалься же, всевышний, надо мною!
О жизнь! Ты в тягость мне! Пощады нет,
Как нет конца чреде все новых бед!
Ужель затем я вышла из утробы,
Чтоб разжигать огонь любви и злобы?..

Мортимер

Да, жгуча, как вражда, моя любовь!
Казнить тебя! Поднять на эту шею,
Такую снежно-белую, топор!
Зачем не посвятишь ты с этих пор
Богам любви назначенное смерти?
Дай прелестью, давно уж не твоей,
Счастливому любовнику упиться!
И нежной прядью шелковых кудрей,
Что ближе к смерти с каждою минутой,
Невольника покорного опутай!

Мария

О, что за речи! Постыдитесь, сэр!
Уж если не венчанную главу,
Страданье и печаль мою почтите!

Мортимер

Лишилась ты величия земного,
С чела скатился царственный венец.
Что ж, кликни клич! Не отзовется слово!
Напрасно трубит посланный гонец!
Лишь нежность взгляда сохранила ты
Да силу небывалой красоты;
Лишь за нее я поднимусь без страха
На бой с врагом, хотя б грозила плаха.

Мария

Как мне снести — о, боже! — эту травлю!

Мортимер

За дерзкий подвиг дерзкий счет представлю!
Иль зря пойдет храбрейший под удар?
Жизнь бытия земного *высший* дар.
Так кто ж ее уступит безвозмездно?
Хочу прильнуть к божественной груди...

Мария

От своего ль спасителя людей
Мне звать на помощь?..

Мортимер

Не слыхал я что-то
О строгой добродетели твоей!
Святою мир тебя не называет!

Едва убили Риччио-певца,
Как дерзкий Ботвелл в случай попадает...

Мария

Стыдитесь, сэр!

Мортимер

Да, Ботвелл был тираном,
Но ты его любила, наглеца!
Когда тебя лишь страхом непрестанным
Прельстить возможно,— смерть и ад!..

Мария

О, боже!

Мортимер

То предо мной дрожать ты будешь тоже!

Кеннеди
(вбегая)

Идут! Вооруженными людьми
Наполнен сад!

Мортимер
(хватаясь за меч)

Я защищу тебя!

Мария

О Анна! Как от дерзкого укрыться?
И на какой замкнуться мне запор?
Какому мне святителю молиться?
Насилье здесь, там — плаха и топор!
(Устремляется к замку.)

Кеннеди следует за ней.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мортимер. Полет и Друри.
По сцене пробегают стражники.

Полет

Ворота на замок! Поднять мосты!

Мортимер

Что это значит, дядя?

Полет

Где убийца?
В надежный каземат ее! Проворней!

Мортимер

Но что случилось, дядя?

Полет

Королева!..
Рука папистов! Дьявольская дерзость!..
Убита!

Мортимер

Что? Какая королева?

Полет

Британии! На улице столицы!
(Спешит к замку.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мортимер, вслед за ним О'Келли.

Мортимер

Мутится разум! Разве не прошел
Здесь кто-то и не крикнул: «Королева
Убита»? Нет, я грежу!.. Жаркий бред
Мне выдает за явь, что в тяжких думах
Я столько раз мечтал осуществить.
Кто это там? О'Келли! Он в смятенье!

О'Келли
(вбегая)

Спасайтесь, Мортимер! Все, все пропало!

Мортимер

Как? Все пропало?

О'Келли

Что тут за расспросы!
Спасайтесь же!

Мортимер

Но что случилось?

О'Келли

Сэведж!
Кинжалом... королеву...

Мортимер

Это правда?

О'Келли

Да, да! Бегите!

Мортимер

Так она мертва?
И на престоле Англии Мария?

О'Келли

Мертва? Кто это вам сказал?

Мортимер

Кто? Вы!

О'Келли

Она жива! А мы — добыча смерти!

Мортимер

Жива?!

О'Келли

Лишь мантию пронзил его кинжал.
Убийцу Шрусбери обезоружил.

Мортимер

Жива!

О'Келли

Жива. А нам не жить на свете!
Бежим! Уж оцепляют парк.

Мортимер

Но кто же
На то пошел?

О'Келли

Тулонский барнабит.
Иль позабыли? Он сидел в часовне,
В раздумье погружен, когда монах
Нам толковал анафему, что папа
На голову обрушил королеве.
Кратчайший путь он порешил избрать:
Одним ударом ересь уничтожить
Иль мучеником сделаться господним.
Лишь патеру он сообщил об этом
И в тот же день свой план осуществил.

Мортимер

Судьба тебя преследует жестоко,
Несчастная! Теперь уж нет исхода!
Знать, сам господь конец твой предрешил.

О'Келли

Куда бежать вы думаете? Я
Укроюсь в гуще северных лесов.

Мортимер

Храни вас бог! Бегите! Я останусь.
Быть может, я спасти ее сумею,
А если нет, погибну вместе с нею!

Расходятся в разные стороны.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Приемная зала.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Граф Обепин, Кент и Лейстер.

Обепин

Как чувствует себя теперь ее
Величество? Я потрясен, милорды!
И как могло подобное случиться?
Среди народа верного?

Лейстер

Народ
Тут ни при чем. Преступник — ваш земляк:
Он подданный французского монарха.

Обепин

Помешанный, должно быть.

Кент

Нет! Папист,
Граф Обепин!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Берли и Дэвисон.

Берли

Немедля изготовить
Приказ о смертной казни и, снабдив
Большой печатью, тотчас же представить
На подпись государыне. Идите!
Не мешкайте! Минуты на счету!

Дэвисон

Не задержусь!
(Уходит.)

Обепин
(Берли)

Милорд, я разделяю
Всем сердцем радость верного народа.
Хвала творцу, что пагубный удар
От головы венчанной отвратил!

Берли

Хвала тому, кто посрамил так явно
Врагов и козни их!

Обепин

Будь проклят небом
Тот, кто посмел пойти на это дело!

Берли

А также тот, кто подстрекнул его!

О б е п и н
(Кенту)

Лорд-маршал, не угодно ль вам к ее
Величеству меня сопроводить,
Чтоб я к стопам великой королевы
Повергнул чувства нашего двора.

Б е р л и

Напрасный труд, граф Обепин!

О б е п и н
(с официальной сухостью)

Я знаю
Свой долг, лорд Берли.

Б е р л и

Первый долг ваш, граф,
Немедленно покинуть этот остров.

О б е п и н
(пораженный, отступает)

Как вас понять?

Б е р л и

Сегодня сан высокий
Еще вас ограждает, завтра — нет.

О б е п и н

Но в чем моя вина?

Б е р л и

Назвав вину,
Я принужден определить ей кару.

О б е п и н

Лорд, звание посла...

Б е р л и

Не защитит
Преступника перед верховной властью.

Л е й с т е р и К е н т

Как? Что?

Обепин

Милорд, опомнитесь!

Берли

При нем
Был паспорт, вашей подписью скрепленный.

Кент

Возможно ли?

Обепин

Я паспортов немало
Подписывал. Не всем заглянешь в душу...

Берли

У вас в часовне причащался он.

Обепин

Мой дом открыт для всех...

Берли

...врагов страны.

Обепин

Я требую дознанья.

Берли

Обожжетесь!

Обепин

Милорд, в моем лице затронут тяжко
Мой государь; он договор порвет.

Берли

Его уже расторгла королева.
Французский брак не состоится, граф!
Лорд Кент, вам поручается посла
До пристани доставить невредимым.
Народ в негодовании разнес
Его дворец и целый арсенал
В подвалах обнаружил. Чернь послу
Грозит расправой! Так укройте графа
От глаз толпы. Вы за него в ответе.

Обепин

Я ухожу. Я покидаю край,
Где попираются права народов,
Где шутят договóрами. Но грозный
Вам счет представит мой король!

Берли

Оплатим!

Обепин и Кент уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лейстер и Берли.

Лейстер

Итак, вы расторгаете союз,
Который лишь вчера вы заключили
С непрошеным проворством? Вам спасибо
Не скажут, лорд! Могли б и не трудиться!

Берли

Служил я трону, бог судил иначе.
И благо тем, кто в худшем не повинен.

Лейстер

Знаком я со зловещей миной Берли,
Учуявшего запах мятежа!
Ну и раздолье ж вам теперь, милорд!
Убийца схвачен, но не все, как слышно,
Сообщники преступника раскрыты!
Кому и розыск повести теперь,
Когда не вам? Слова, улыбки, взоры
И даже мысли потянуть к ответу?
Тут вы в своей стихии, лорд,— Атлант,
Взваливший нá плечи британский остров!

Берли

Нет, перед вами я младенец, граф!
Не довелось мне силой красноречья
Такой победы одержать, как вам.

Лейстер

На что вы намекнули, лорд?

Берли

Не вы ли, граф,— и за моей спиной! —
Искусно заманили королеву
В тюремный замок?

Лейстер

За спиною вашей?
Когда страшил меня ваш медный лоб?

Берли

Иль, может, вы не звали королеву
К Марии Стюарт на свиданье, лорд,
И это королева в Фотрингей
Вас пригласила повидаться с леди?

Лейстер

А вам-то что?

Берли

Завидную же роль
Заставили играть вы королеву!
Блестящим торжеством вознаградили
Ее доверчивость! О королева,
Как низко над тобою надругались
И как бесстыдно предали тебя!
Нам ведома причина милосердья,
Внезапно так нашедшего на вас!
Вот почему вдруг Стюарт оказалась
Таким врагом ничтожным, что не стоит
И рук-то нам о бедную марать!
Придумано неплохо, даже тонко,
Но чересчур — сломилось острие!

Лейстер

Ничтожный, наглый лжец! Перед престолом
Монархини вы мне ответ дадите!

Берли

Там вы меня застанете. Посмотрим,
Как вам поможет ваше красноречье!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лейстер один, потом Мортимер.

Лейстер

Я выслежен! О, господи! Как мог
Напасть злодей на след, ко мне ведущий?
Ужель нашлась улика? Горе мне,
Когда узнает о моих сношеньях
С Марией королева! Всех виновней
В ее глазах я буду! Сколь коварным
Тогда мое покажется старанье
Злосчастную устроить встречу их.
Она решит, что я над ней глумился,
Что я ее врагу жестоко предал!
Нет, этого она мне не простит!
Все будет ей изменою казаться:
Вчерашней встречи горестный исход,
И торжество, и злобный смех Марии!
И даже нож безвестного убийцы,
Возникшего по темной воле рока
В тот грозный миг,— все, все припишут мне!
Спасенья нет! Я обречен... А! Кто там?

Мортимер
(входит в крайней тревоге, пытливо озирается)

Граф Лейстер! Вы? Никто нас не услышит?

Лейстер

Несчастный, прочь! Что надо вам?

Мортимер

Раскрыты
И мы и вы. Спасайтесь, лорд! Напали
На след они.

Лейстер

Прочь, говорю!

Мортимер

Про наши
Собрания у графа Обепина
Проведали...

Лейстер

А мне-то что за дело?

Мортимер

Там и убийца был.

Лейстер

Я здесь при чем?
Как смеете — наглец вы! — и меня
Припутывать к своим делам кровавым?!
Спасайтесь сами из своих сетей!

Мортимер

Послушайте меня!

Лейстер

Ступайте к черту!
Привяжется ж такой, как дух нечистый!
И не спровадишь!.. Знать вас не хочу!
Не ведаюсь с кровавой вашей сворой!

Мортимер

Послушайте! Ведь вы обличены!
Нашлись улики и на вас...

Лейстер

Как? Что?

Мортимер

Сам лорд-казнохранитель в Фотрингей
Тотчас же прибыл, лишь *того* схватили...
Был тщательнейший обыск учинен,
И лорд нашел...

Лейстер

Что?

Мортимер

Начатое ею
Посланье к графу Лейстеру.

Лейстер

Безумье!

Мортимер

В нем пишет вам Мария, чтоб сдержали
Вы слово ваше, руку предлагает,
И тут же о портрете...

Лейстер

О, проклятье!

Мортимер

Письмо в руках у Берли.

Лейстер

Я погиб!

В продолжение последующей речи Мортимер в отчаянии ходит взад и вперед.

Мортимер

Спешите же! Опередите их!
Себя спасайте и ее! Идите
На ложь, на униженье, но ее
Спасите! Мне ничем вам не помочь!
Товарищи рассеялись, распался
Весь наш союз. В Шотландию спешу;
Там новые отыщутся друзья.
Теперь черед за вами! В ход пустите
Свое влиянье, дерзкий ум!

Лейстер
(останавливаясь и потом сообразив)

Вы правы!
(Подходит к дверям, отворяет их и кричит.)
Эй, стража!
(Офицеру, возглавляющему дворцовую стражу.)
Вот опаснейший преступник!
Немедля взять его и сохранить!
Гнуснейший мною заговор раскрыт,
Иду сказать об этом королеве.
(Уходит.)

Мортимер
(стоит в оцепенении, но тут же приходит в себя и с презрением смотрит вслед уходящему Лейстеру)

Презренный червь! Я поделом наказан!
Нашел кому довериться, глупец!
Да! Он пройдет по трупу моему,
Как пó мосту, к желанному спасенью!
Ну что ж, живи! Я нем. Я промолчу.
Нет, я его не выдам соучастья!

С ним не пойду и в руки к палачу!
Для труса жизнь единственное счастье!
(Офицеру, выступившему вперед, чтобы взять его под стражу.)
Назад, холоп! Тебе не взять меня!
И в смертный час свободен я!
(Обнажает кинжал.)

Офицер

Он при оружье! Эй! Отнять кинжал!

Стража наступает на Мортимера, он отбивается.

Мортимер

В последний час да обретут свободу
И сердце, и молчавшие уста!
Проклятье вам, предавшим веру предков
И королеву истинную вашу,
Земной Марии столь же вероломно,
Как некогда небесной, изменившим,
Предавшимся ублюдку на престоле!

Офицер

Хватай его! Вы слышали кощунство?

Мортимер

Спасти ее не мог от смерти я,
Так послужу ей мужества примером!
Мария, дева, причасти меня
К ее судьбе, к святым небесным сферам!
(Закалывается и падает на руки стражи.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Покои королевы.
Елизавета с письмом в руке. Берли.

Елизавета

Так провести меня! Так насмеяться!
Предатель! В грязь втоптать меня пред той
Блудливой тварью! Так еще никто
Над женщиной не надругался, Берли!

Берли

Я не могу постигнуть до сих пор,
Какою силой, чарами какими

Сумел он обойти высокий ум
Моей монархини...

Елизавета

Мне стыдно, Берли,
Смертельно стыдно! Как же он дерзнул!..
Унизить я соперницу хотела,
А сделалась посмешищем сама!

Берли

Теперь ты видишь: прав я или нет?

Елизавета

Да, тяжко я наказана за то,
Что не держалась мудрого совета!
Но как могла ему не верить, в клятвах
Любовных заподозрить западню?
Кому же верить, если этот лжет?
Он, вознесенный мною так высоко,
Всех ближе ставший сердцу моему,
Кому я позволяла при дворе
Держаться полновластным государем!

Берли

А он тебя бесстыдно предавал,
Был заодно с твоим врагом заклятым.

Елизавета

Она заплатит кровью за обиду!
Составлен приговор?

Берли

Как ты велела,
Монархиня.

Елизавета

Она умрет! И он
За нею вслед отправится на плаху!
Его из сердца выбросила я!
Любви не стало! Месть в груди клокочет!
Сколь высоко вознесся он, столь низко
Он и падет! Пусть памятником гнева
Послужит он монаршего, как прежде
Служил примером слабости моей.

Он пред судом предстанет, и закон
К изменнику да будет беспощаден!

Берли

Но он придет, оправдываться станет...

Елизавета

Как может оправдаться он? Уликой —
Ему письмо. Ясна его виновность,
Как божий день.

Берли

Но ты так милосердна!
А вид его, былого чувства власть...

Елизавета

И видеть не хочу его, злодея!
Вы отдали приказ, чтоб не пускали
Его ко мне?

Берли

Так повелел я страже!

Паж
(входит)

Граф Лейстер!

Елизавета

У! Презренный! Не хочу
Его я видеть. Так и передайте,
Что не хочу.

Паж

Я не дерзну милорду
Сказать такое. Он мне не поверит.

Елизавета

Я так его возвысила, что слуги
Дрожат не предо мной, а перед ним!

Берли
(пажу)

Его принять не может королева.

Паж уходит в нерешительности.

Елизавета
(помолчав)

А если, лорд... А если... оправдаться
Он все же сможет? Вдруг все это — сети,
Расставленные той презренной тварью,
Чтоб с лучшим другом разобщить меня?
Она хитра! Она могла нарочно
Письмо такое написать, чтоб в сердце
Мне подозренье бросить, а его
Низринуть в бездну...

Берли

Взвесь, о королева...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же. Лейстер.

Лейстер
(насильно раскрывает дверь и входит с властным видом)

Хотел бы я взглянуть на наглеца,
Что преградил мне доступ к королеве!

Елизавета

Презренный!

Лейстер

Мне в приеме отказать!
Когда она доступна лорду Берли,
Так мне в сто крат доступнее.

Берли

Милорд,
Вы слишком смелы! Вам не разрешили...

Лейстер

А вы так слишком дерзки на язык!
Как? Разрешенье? Нет здесь при дворе
Такого, лорд, кто смел бы возвещать
О разрешеньях мне и о запретах!
(Смиренно приближается к Елизавете.)
Из собственных твоих монарших уст...

Елизавета
(не глядя на него)

Прочь с глаз моих, обманщик недостойный!

Лейстер

Не добрую мою Елизавету,
Я Берли слышу, моего врага,
В твоих словах! *Моей* Елизавете
Я говорю: ты слушала его,
Так выслушай меня.

Елизавета

Что ж, говорите!
Вину свою умножьте новой ложью!

Лейстер

Сперва пусть удалится посторонний.
Уйдите, лорд! Когда я говорю
С монархиней, нам с нею соглядатай
Не надобен.

Елизавета
(Берли)

Останьтесь здесь, милорд!

Лейстер

К чему здесь третий, повторяю я?
С возлюбленной моею королевой
Я речь веду, на давность прав моих,
Священных и незыблемых, надеясь.
А потому я требую, чтоб лорд
Покинул нас!

Елизавета

К лицу ль вам эти речи!

Лейстер

А разве нет? Не я ли тот счастливец,
Высоко вознесенный над людьми
Монаршею твоею благостыней?
Мой гордый сан — дар сердца твоего.
И этот дар, хотя б ценою жизни —
Свидетель бог! — сумею отстоять!

Пускай же он уйдет! И двух минут
Достаточно, чтоб нам договориться!

Елизавета

Вам обойти меня уж не удастся!

Лейстер

Нашелся лжец, вполне успевший в том;
Я ж честно к сердцу твоему взываю.
И то, на что решился я пойти
В расчете на любовь твою, открою
Лишь любящей, тебе. Нет надо мной
Суда иного, чем монаршье сердце!

Елизавета

Презренный лжец! Оно-то вас теперь
И осудило!.. Где письмо?

Берли

Извольте!

Лейстер
(хладнокровно читает письмо)

Рука Марии!

Елизавета

Что? Не ждали вы?

Лейстер
(спокойно прочитав)

Да, видимость в улику мне. Но разве
Меня судить по видимости будут?

Елизавета

Попробуйте солгать мне, что с Марией
Вы тайно не сносились, что портрет
Не получили, что мечту о скором
Освобожденье в ней не пробуждали...

Лейстер

Нетрудно было б это отрицать.
Но, чистый пред тобой, я подтверждаю:
Все это правда.

Е л и з а в е т а

Правда, вы сказали?
Презренный!

Б е р л и

Сам себя он осудил.

Е л и з а в е т а

Прочь с глаз моих, предатель низкий! В Тауэр!

Л е й с т е р

Я не предатель. В том лишь я виновен,
Что в тайный план тебя не посвятил,
Но честно я стремился испытать
И сокрушить противницу твою.

Е л и з а в е т а

Глупейшая увертка!

Б е р л и

Кто поверит...

Л е й с т е р

Бесспорно, я опасную игру
Затеял. При дворе один лишь Лейстер
Отважится на столь опасный шаг.
Мир знает, как мне Стюарт ненавистна.
Мой сан, благоволение, которым
Почтен я королевой, исключают
Неверье в честность помыслов моих.
Кто избран богоравной королевой,
Тот может смело долг исполнить свой,
Идя *своей* стезею.

Б е р л и

Почему ж,
Творя благое дело, вы молчали?

Л е й с т е р

Вы склонны, лорд, не совершивши дела,
Благовестить о подвигах своих.
То — ваш обычай; я держусь другого:
Сначала дело, а потом отчет.

Берли
(саркастически)

К отчету вас призвали, лорд!

Лейстер
(надменно и насмешливо)

А вы-то!
Всем прожужжали уши, что свершили
Невесть какое дело, что спасли
От смерти государыню, пресекли
Крамолу в корне... Все-то, прозорливцу,
Известно вам!.. Ничтожный вы хвастун!
Еще сегодня ночью на свободе
Была бы Стюарт, если бы не я!

Берли

Не вы?

Лейстер

Да, я! Сэр Мортимер сумел
Снискать расположенье королевы:
В доверии своем она зашла
Так далеко, что даже предложила
Ему прикончить Стюарт (ведь старик
С негодованьем в этом отказал).
Я точен? Говорите!

Королева и Берли смущенно переглядываются.

Берли

Как вы это
Могли узнать?

Лейстер

Я точен? Где же были
У вас глаза со всею вашей сворой?
Как проглядели вы, стоокий Аргус,
Что Мортимер, как дурня, вас провел?
Что он давно отъявленный папист,
Орудье Гизов, верный пес Марии,
Фанатик, к нам подосланный убить
Монархиню, чтоб на ее престоле
Воссела Стюарт?

Елизавета
(в крайнем изумлении)

Мортимер?

Лейстер

Он самый.
Через него и получал я письма
Марии, он и был ее посланцем.
Еще сегодня он мечтал ее
Освободить, в чем сам сейчас признался.
Но я его, предателя, велел
Под стражу взять. И тут, поняв, что дело
Его погибло, в страхе и смятенье
Он закололся.

Елизавета

Как я обманулась!
Он? Мортимер? Неслыханно!

Берли

И это
Сейчас случилось, только мы расстались?

Лейстер

Что до меня — мне, право, очень жаль,
Что так все обернулось. Будь он жив,
Меня его свидетельство, конечно,
Очистило б от всяких подозрений.
Затем и передал его властям,
Чтоб следствие строжайшее могло
Мою удостоверить невиновность.

Берли

С собою он покончил? Или вы
Его прикончили?

Лейстер

Какая низость!
Допросим стражу, взявшую его!
(Подходит к двери и вызывает стражу.)

Входит **дежурный офицер**.

Подробно доложите королеве
О том, как умер Мортимер.

Офицер

Я был
В приемной комнате, когда милорд,
Внезапно двери распахнув, мне крикнул:
«Изменника под стражу взять!» Тут рыцарь,
Отчаяньем и яростью объятый,
Извлек кинжал; проклятья изрыгая
На государыню, в мгновенье ока
Себя пронзил и мертвый пал на землю.

Лейстер

Благодарю вас. Можете идти!
Достаточно известно королеве.

Офицер уходит.

Елизавета

Какая бездна ужасов и бедствий!

Лейстер

Так кто ж, скажи мне, спас тебя? Лорд Берли?
Хоть что-нибудь он ведал о грозившей
Тебе беде? *Он* отвратил ее —
Иль Лейстер, верный ангел твой хранитель?

Берли

А Мортимер-то кстати умер, граф.

Елизавета

Что мне сказать, милорд? И верю вам —
И вновь не верю. То виновным вас
Считаю, то невинным. Сколько горя
Из-за нее терплю я!

Лейстер

Да погибнет
Она на плахе! Я стою за то.
Советовал тебе я приговор

Попридержать, пока убийца новый
Не явится. Убийца новый схвачен,
Так нечего откладывать и казнь.

Берли

И это ваш совет?

Лейстер

Сколь ни прискорбно
Настаивать на столь жестоких мерах,
Нельзя нам не пойти на эту жертву,
Радея о престоле и стране.
А потому ходатайствую я,
Чтобы приказ был тотчас изготовлен.

Берли
(королеве)

Поскольку граф так тверд и непреклонен,
Ходатайствую я, чтоб приговор
Был им же приведен и в исполненье.

Лейстер

Мной?

Берли

Вами. Нет, милорд, другого средства
Столь ясно доказать свою безвинность,
Как лично дать приказ о казни той,
Которую вы якобы любили.

Елизавета
(глядя на Лейстера)

Совет хорош. Пусть будет по сему.

Лейстер

Мой сан высокий мог бы оградить
Меня от столь жестоких поручений;
Они, признаться, более подходят
Какому-нибудь Берли, а не мне;
Тому, кто к государыне стоит
Так близко, не к лицу топор и плаха.
Но чтоб свое усердье показать
И быть угодным доброй королеве,

Я откажусь от преимуществ сана
И выполню постылый этот долг.

Елизавета

Его разделит с вами Берли.
(К Берли.)
Лорд!
Приказ о казни тотчас изготовить.

Берли уходит. Доносится шум.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же. Граф Кент.

Елизавета

Лорд Кент, скажите, что там происходит?
Волнение в столице?

Кент

Королева,
Перед твоим дворцом народ собрался
И требует, чтоб ты ему явилась.

Елизавета

Что надобно народу?

Кент

Ходят слухи,
Что жизнь твоя в опасности, что рыщут
Подосланные папою убийцы;
Католиками будто бы составлен
Кровавый заговор: Марию Стюарт
Из каземата возвести на трон.
Неистовствует чернь! Ничто не сможет
Их успокоить, если не казнят
Марию нынче ж!

Елизавета

Что это? Насилье?

Кент

Они клянутся с места не сойти,
Пока ты не подпишешь приговора.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же. Берли и Дэвисон с бумагами.

Елизавета

Что это, Дэвисон?

Дэвисон
(приближается, торжественно)

Ты повелела,
Монархиня...

Елизавета

Что это?
(Хочет взять бумагу, но содрогается и отступает.)
Боже мой!

Берли

Решайся! Глас народа — божий глас!

Елизавета

О мои лорды! Кто мне поручится,
Что этот голос точно всенародный,
Всеобщий голос? Ах, как я боюсь,
Что стоит подчиниться мне народу,
И голос вдруг послышится другой!
А те, что всех усердней понуждают
Меня теперь к жестокой этой мере,
Ее всех строже будут осуждать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же. Граф Шрусбери.

Шрусбери
(появляется в сильном волнении)

Они тебя торопят, королева!
Но будь тверда! Не уступай!
(Заметив Дэвисона с бумагою в руке.)
Иль все уж
Ты порешила? Вправду! Вижу я
У них в руках бумагу роковую.

Не время государыне ее
Теперь вручать!

Елизавета

Мой благородный Толбот,
Хотят меня принудить!

Шрусбери

Не посмеют.
Теперь и покажи свое величье:
Заставь умолкнуть голоса холопов,
Дерзающих тебе противоречить,
Насиловать твою монаршью волю!
Толпой владеет неразумный страх,
А ты раздражена! Ты — человек,
И потому судить теперь не в силах.

Берли

Суд совершился. Нужно приговор
Не выносить, а в точности исполнить!

Кент
(ушедший при появлении Шрусбери, возвращается)

Смятенье все растет! Толпы не сдержишь!

Елизавета
(к Шрусбери)

Вы видите, меня хотят принудить.

Шрусбери

Молю! Отсрочь решенье! Подпись эта
Тебя лишит покоя навсегда.
Так долго размышлять — и вдруг поддаться
Мгновенному порыву урагана!
Прошу лишь об отсрочке! Обрети
Покой душевный, прежде чем судить!

Берли
(с горячностью)

Да! Медли, жди, откладывай, покуда
Пожар не вспыхнет и осуществленье
Кровавых замыслов им не удастся!
Уж трижды отвратил удар господь.

Надеяться и в будущем на чудо —
Не то же ли, что бога искушать?

Шрусбери

Господь, что чудотворною десницей
Тебя поныне ограждал и старцу
Согбенному дал силу укротить
Безумца, был и есть оплот надежный!
На святость правосудия ссылаться
Не стану я! Сей голос не достигнет
Сквозь шум смятенья слуха твоего.
Одно лишь я скажу: трепещешь ты
Живой Марии? Не живой, а мертвой
Марии, обезглавленной, страшись!
Она из гроба, грозная, восстанет
И ненасытною богиней распрей,
Взывая к мщенью, обойдет страну.
Теперь ее британец ненавидит,
Но будет мстить, когда она умрет!
Уж не врага религии, а внучку
Своих багрянородных государей
И жертву злобы, зависти и лжи
Увидит он в казненной королеве.
Ты вскоре перемену обнаружишь!
Явись народу, только совершишь
Кровавое деянье — и увидишь
Не радостно гудящую толпу:
Другой народ и Англию другую;
Зане лишишься ореола правды,
Которым покоряла ты сердца
Народные. Страх, спутник тирании,
Пройдет твоим трепещущим предтечей
И улицы в пустыню обратит.
Ты преступила грань: чья голова
Не под ударом, раз скатилась эта?

Елизавета

Ах, Шрусбери! Вы жизнь мою сегодня
Спасли, вы отвратили сталь кинжала
От сердца моего... Зачем, скажите,
Вы это сделали? Забыв про распри,
Свободна от сомнений, я безгрешно
Покоилась бы в склепе! Верьте мне,

Устала я от жизни и от власти!
Раз суждено одной из королев
Погибнуть, чтоб жила другая,— в этом
Суть тяжбы нашей,— так зачем не мне
Сойти в безвестность? Пусть народ решает,—
Я власть ему верну,— кому царить?
Господь свидетель, я не для себя,
А для него жила и управляла.
И если он надеется, что будет
Счастливее при этой льстивой Стюарт
(Она меня моложе), я охотно
Сойду с престола и укроюсь в Вудсток,
Где провела я молодость свою
И где вдали от пышного двора
В себе самой величье находила.
Не родилась для власти я! Властитель
Порою должен твердым быть, а я
Мягка душой. Царила я счастливо,
Пока людей я счастьем одаряла!
Но вот пришлось суровой быть, и я
Стою бессильная...

Берли

Прости мне бог!
Когда из уст монархини я слышу
Монархине несвойственную речь,—
По совести, дальнейшее молчанье
Изменой было б родине и долгу!
Ты говоришь, что любишь свой народ?
А коли так, то не ищи покоя
Лишь для себя, страну предав смятенью!
О церкви помни! Хочешь, чтобы Стюарт
Былое возродила изуверство?
Чтобы монах тут правил, чтоб легат,
Из Рима к нам прибывший, церкви наши
Закрыл и короля признал вассалом?
В спасенье душ всех подданных твоих
Отчет ты держишь! От тебя зависит,
Спастись ли им иль стать добычей ада!
Здесь милосердью женскому не место.
Народа благо — наивысший долг!
Пусть Шрусбери от смерти спас тебя,
Я Англию спасаю — это больше!

Елизавета

Хочу одна побыть! В столь важном деле
Не у людей совета я спрошу.
Есть высший судия над нами всеми:
Он вразумит меня!.. Ступайте, лорды!
(Дэвисону.)
Вас, сэр, прошу поблизости остаться!

Лорды уходят. Только Шрусбери стоит еще несколько мгновений перед королевой, многозначительно глядя на нее; потом и он медленно уходит в глубокой скорби.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Елизавета
(одна)

О, рабское служение народу!
Позорное холопство! Как устала
Я идолу презренному служить!
Когда ж *свободной* буду на престоле?
Я почитать должна людское мненье,
Искать признанья неразумной черни,
Которой лишь фиглярство по нутру.
Тот не король еще, кто всем и вся
Кадит и угождает! Властелин
Пустые толки черни презирает.

Затем ли я всю жизнь блюла законы,
Насилья избегала, чтобы в час,
Когда впервые стала неизбежной
Жестокость, осознать свое бессилье?
Пример всей прошлой жизни мне в укор.
Будь лютым я тираном, как Мария
Испанская, предместница моя,
Что помешало б мне казнить врага?
Но разве справедливость я блюла
По доброй воле? Лишь необходимость,
Всевластная, которой подъяремны
И короли, ее блюсти велела.

Кругом враги! Непрочный мой престол
Народной лишь приверженностью крепок!

Меня сгубить стремятся все державы
Материка! Анафемой гремит
В последней булле непреклонный папа,
Кинжал вонзает Франция с лобзаньем
Предательским мне в сердце, а испанец
Войной открытой на море грозит.
Так я живу, воюя с целым миром,
Беспомощная женщина. Изъяны
В моих правах на трон, пятно рожденья,
Которым заклеймил меня отец,—
Что скроет их, когда не добродетель?
Но тщетны все усилья! Вражья злоба
Их обнажила, предо мной поставив,
Как призрак неотступный, эту Стюарт.

Нет, я хочу покончить с вечным страхом!
Ей жить нельзя! Покоя я добьюсь!
Она меня, как фурия, терзает,
Как дух-мучитель, посланный судьбой!
Где радость возрастила я, где грезы
Мои всходили — там она, ехидна,
Мне преграждает путь! Украла друга,
Лишила жениха!.. Мария Стюарт —
Вот имя всех утрат моих и бед!
Но только ты покинешь этот мир,
И я свободна, словно ветер горный!

Молчание.

Как злобно ты глядела! Как меня
Огнем презренья в пепел обращала!
Бессильная! Мое верней оружье!
Оно разит, как рок,— и ты мертва!
(Быстро подходит к столу и схватывает перо.)
Так я ублюдок, говоришь? Пусть так,
Покуда ты еще живешь и дышишь.
Сомнения в правах моих исчезнут
В тот самый миг, когда исчезнешь ты!
Когда у бриттов выбора не станет,
Законной буду я в любых глазах.
(Быстрым, твердым росчерком подписывает бумагу, потом роняет перо и с выражением ужаса на лице отступает. После небольшой паузы звонит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Елизавета. Дэвисон.

Елизавета

А где другие лорды?

Дэвисон

Удалились
Унять разбушевавшуюся чернь.
И вправду, шум смятения затих,
Как только вышел к ним на площадь Толбот.
«Вот он! Глядите! — загудел народ.—
Спаситель королевы! Дайте слово
Достойнейшему мужу!» Тут он стал
С народом говорить, заметил мягко,
Что не к лицу толпе самоуправство,—
Властям видней! И столько убежденья
Вложил в слова свои, что смолкли все
И площадь опустела.

Елизавета

О тростник,
Колеблемый ветрами! Горе тем,
Кто обопрется на народ!.. Спасибо,
Сэр Дэвисон, вы можете идти.

Дэвисон направляется к двери.

А этот лист... его возьмите, сэр!
Я вам его вручаю.

Дэвисон
(взглянув на бумагу, содрогается)

Королева!
Так ты решилась?

Елизавета

Я должна была
Бумагу подписать и подписала.
Ведь лист — не казнь, а подпись — не секира.

Дэвисон

Нет, под *такой* бумагой *эта* подпись
Решает все, крушит, пронзает, бьет,

Как молния крылатая!.. Велит
Бумага эта лордам и шерифу
Без промедленья в Фотрингей собраться,
Чтоб возвестить шотландской королеве
О предстоящей казни и, едва
Займется утро, Стюарт обезглавить.
Тут отлагательств нет! Как только лист
Я передам, она — добыча смерти.

Елизавета

Да, сэр! Господь в робеющие руки
Вложил вам тяжкий жребий. Помолитесь,
Чтоб просветил ваш разум вседержитель!
Иду, доверив вас веленью долга.
(Хочет идти.)

Дэвисон
(заступая ей дорогу)

Нет, королева! Нет, не уходи,
Не объявив своей высокой воли!
Нужна ли тут еще другая мудрость,
Иль можно точно следовать приказу?
Затем ли ты бумагу мне дала,
Чтобы ее привел я в исполненье?

Елизавета

По разуменью собственному...

Дэвисон

Нет!
Мой разум слаб! Избави бог! Вся мудрость
Моя — в повиновенье. Твой слуга —
Не толкователь воли королевской,
Ничтожный промах здесь в цареубийство,
В ужасную беду перерастает!
Дозволь же мне в таком великом деле
Безмолвным быть орудием твоим!
Скажи точнее мне и непреложней,
Как мне исполнить грозный твой приказ?

Елизавета

Ответ в его названье, сэр!..

Дэвисон

Ты хочешь, чтоб он тотчас был исполнен?

Елизавета
(содрогаясь)

Об этом я и думать не решаюсь.

Дэвисон

Так хочешь ты, чтоб я его берег?

Елизавета
(скороговоркой)

На собственный ваш страх! В ответе вы.

Дэвисон

Я? Боже правый! Нет! Чего *ты* хочешь?

Елизавета
(нетерпеливо)

Хочу о злополучном этом деле
Не слышать больше ничего! Хочу
Иметь покой желанный — и навеки!

Дэвисон

Еще одно лишь слово, королева!
Прошу тебя! Как быть с приказом этим?

Елизавета

Я все сказала. Вот ведь наказанье!

Дэвисон

Сказала? Ничего ты не сказала!
Благоволи, монархиня, припомнить,
Когда и где...

Елизавета
(топнув ногой)

Несносно!

Дэвисон

Сжалься! Сжалься
Над немощным слугой! Я в должность эту
Вступил недавно. Мне язык неведом

Дворов и государей. Вырос я
Среди ничтожных, маленьких людей.
Вооружись терпением со мной!
Не поскупись на слово поученья,
Чтоб понял твой слуга, в чем долг его!

(Подходит к Елизавете с умоляющим видом; та поворачивается к нему спиной; он стоит в отчаянии, потом решительным тоном.)

Возьми ее, возьми назад бумагу!
Она мне пальцы жжет! Пускай послужит
Тебе другой, не я, в кровавом деле!

Елизавета

Исполните же свой служебный долг.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дэвисон, вслед за ним Берли.

Дэвисон

Ушла! Оставила меня в сомненьях
С ужасной этой грамотой! Что делать?
Хранить ее? Отдать на исполненье?
(Вошедшему Берли.)
Как хорошо, что вы вернулись, лорд!
Вы эту должность мне препоручили,
Увольте же меня! Ее я принял,
Не зная, сколь ответственна она.
К безвестности меня былой верните —
Там я на месте, а не при дворе.

Берли

Что с вами, сэр? Прошу вас, успокойтесь!
А как приказ монархини?

Дэвисон

Она
Ушла во гневе. Дайте мне совет.
Меня терзают адские сомненья!
Вот тот приказ. И он подписан.

Берли
(живо)

Как?
Неужто? Дайте мне!

Дэвисон

Не смею.

Берли

Что?

Дэвисон

Она неясно изъявила волю...

Берли

Неясно? Ведь приказ подписан. Дайте!

Дэвисон

Не знаю сам: давать иль не давать
Его на исполненье? Что мне делать?!

Берли
(настойчиво)

Без промедления отдайте в руки
Его мои,— иль сами вы погибли!

Дэвисон

Погибелью грозит и торопливость.

Берли

Отдайте! Вы с ума сошли? Глупец!
(Вырывает бумагу и поспешно уходит.)

Дэвисон

Куда вы? Стойте!.. Он меня погубит!
(Бежит за ним.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Кеннеди, в глубоком трауре, с заплаканными глазами. Погруженная в большую, тихую печаль, она запечатывает пакеты и письма; часто порыв тоски заставляет ее прерывать работу, и тогда она тихо молится. Входят Полет и Друри, также в черных одеждах, за ними множество слуг вносят посуду, золотую и серебряную, зеркала, картины и другие предметы роскоши, которые они устанавливают в глубине сцены. Полет вручает кормилице шкатулку и бумагу, поясняя мимикой, что в ней опись принесенных вещей. При виде всей этой роскоши ее душевная боль возрастает; ее охватывает глубокая скорбь. Между тем как все удаляются, входит Мельвиль.

Кеннеди
(завидев его, вскрикивает)

Мой добрый Мельвиль! Вот и повстречались...

Мельвиль

Да, Кеннеди, мы встретились опять...

Кеннеди

И после долгой, горестной разлуки...

Мельвиль

Мучительная, горестная встреча!

Кеннеди

О, боже! Вы пришли...

Мельвиль

В последний раз
Проститься с королевой, и навеки.

Кеннеди

Да, наконец-то в час ее последний
Ей разрешили свидеться с друзьями,
Бедняжке нашей... О мой добрый сэр!
Не буду спрашивать, что сталось с вами,
И ничего вам не скажу о муках,
Что с нашей леди претерпели мы.
Об этом всем поговорить успеем...
О Мельвиль, Мельвиль! Надо ж было нам
Дожить до дня такого!

Мельвиль

Нет! Не будем
Терзать друг друга! Верьте, слезы лить
Я век не перестану! Никогда
Улыбка на губах не заиграет!
И никогда я с плеч своих не сброшу
Одежды скорбной, горя не избуду!
Но в этот день я тверд. Сдержите тоже
Сегодня скорбь великую свою!
И если все печали предадутся
Безудержной, мы с вами сохраним
Души невозмутимость и послужим
Ей посохом в пути ее последнем.

Кеннеди

Вы в заблужденье, Мельвиль, полагая,
Что королеве требуется посох
Для странствия последнего! Сама
Она примером твердости нам служит.
Не сомневайтесь в ней: Мария Стюарт
Умрет, как подобает королеве.

Мельвиль

Как приняла она известье это?
О казни ведь она не помышляла.

Кеннеди

Не помышляла. Нет. Совсем другие
Ее томили страхи. Не палач
Внушал ей трепет, а освободитель,
Свободу нам суливший. В эту ночь
Побег устроить Мортимер поклялся.
В волнениях и страхе, сомневаясь,
Доверить ли отважному юнцу
И честь свою, и свой высокий сан,
Без сна ждала рассвета королева.
Но вот смятенье в замке, оклик стражи
И частый стук тяжелых молотков!
Мы думаем: пришло освобожденье.
Надежда брезжит. Светлый голос жизни
Звучит в сердцах и манит на простор...
Вдруг — двери настежь. Входит мрачный Полет

И возвещает ей... что... эшафот
Под нами воздвигают в тронном зале!
(Отворачивается, охваченная скорбью.)

Мельвиль

Творец небесный! Как перенесла
Она столь страшный оборот событий?

Кеннеди
(помолчав и снова собравшись с силами)

Не расстаются с жизнью постепенно!
Мгновенно, разом должен переход
От временного к вечному свершиться.
И госпожу мою сподобил бог
Отринуть тут же помыслы земные
И устремиться верующим сердцем
К неведомым небесным берегам.
Ни жалобы, ни мертвенная бледность
Не выдали Марии. Лишь потом,
Услышав, как ее постыдно предал
Лорд Лейстер, как безвременно погиб
Отважный этот юноша, увидев,
Как надломила скорбь седого старца,
Утратившего все свои надежды,
Заплакала она: не о себе,
А о чужих невзгодах и печалях.

Мельвиль

Но где она? Могу ль ее увидеть?

Кеннеди

Остаток ночи промолилась леди,
Друзьям и близким письма написала
И тут же начертала завещанье.
Теперь она забылась наконец
Последним сном.

Мельвиль

Остался кто при ней?

Кеннеди

Лейб-медик Бергоэн и камеристка.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Маргарита Кэрл.

Кеннеди

Ну как? Уже проснулась королева?

Кэрл
(осушая слезы)

Она оделась. Спрашивала вас.

Кеннеди

Иду.
(Мельвилю, который хочет следовать за ней.)
Останьтесь здесь. Я королеву
Хочу предупредить...
(Уходит.)

Кэрл

Вы ль это, Мельвиль,
Наш старый мажордом?

Мельвиль

Да, миссис, я.

Кэрл

Домоправитель нам уже не нужен.
Но вы... из Лондона. Что говорят
В столице о моем супруге?

Мельвиль

Слыхал я, что он выйдет невредим,
Как только...

Кэрл

...государыни не станет?
О, низкий, омерзительный предатель!
Он, он один — убийца нашей леди,
Ее сгубивший подлым показаньем!

Мельвиль

Да, к сожаленью, это так.

Кэрл

Будь проклят
Вовеки он, солгавший под присягой!

Мельвиль

Миледи Кэрл, словами не бросайтесь!

Кэрл

Я присягнуть перед судом готова,
В лицо ему, предателю, скажу,
Я прокричу об этом повсеместно:
Невинна королева!

Мельвиль

Дай-то бог!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Бергоэн; потом Кеннеди.

Бергоэн

О Мельвиль!

Мельвиль

Бергоэн!

Бергоэн
(Маргарите Кэрл)

Налейте кубок
Вина для государыни! И быстро!

Кэрл уходит.

Мельвиль

Как? Или королеве дурно стало?

Бэргоэн

Она тверда. Но плоть слабее духа.
Пренебрегает пищею она,
А впереди тяжелый, страдный путь!
Так пусть же злобный враг кричать не будет,
Что смертный страх ей обесцветил щеки,
Когда иссякнут силы естества.

Мельвиль
(входящей кормилице)

Мне к ней идти?

Кеннеди

Сейчас придет сама...
Вы смотрите как будто с удивленьем?
В глазах вопрос у вас: к чему все это?
Алмазы, утварь в день ее... успенья?
О сэр! Мы долго здесь нужду терпели.
Избыток нам вернула только смерть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Еще две камеристки Марии, тоже в трауре, при виде Мельвиля разражаются слезами.

Мельвиль

Да, дорогие, вот мы и сошлись!
Гертруда, Роземунда!

Вторая камеристка

От себя
Она нас отослала. Хочет богу
Еще раз помолиться...

В молчаливой скорби входят еще две женщины в черном.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же. Быстро входит Маргарита Кэрл. Она вносит золотой кубок с вином и ставит его на стол; бледная и дрожащая, опирается на спинку стула.

Мельвиль

Что с вами, миссис? Вы в таком испуге!

Кэрл

О, господи!

Мельвиль

Что с вами?

Кэрл

Страх какой!

Мельвиль

Придите же в себя! Вы побледнели.

Кэрл

Когда я с этим кубком поднялась
По лестнице к площадке возле зала,
Дверь распахнулась... и, взглянув в нее,
Я увидала... Боже!..

Мельвиль

Что, миледи?

Кэрл

Весь зал до потолка обтянут черным,
И черным же сукном обит помост,
Чернеет плаха посреди, и рядом
Подушка и отточенный топор,
Сверкающий во мраке... А кругом
Стоит толпа, теснясь у эшафота,
И кровожадно ждет закланья...

Женщины

Боже!
Умилосердись над несчастной леди!

Мельвиль

Сдержите слезы! Вот она идет!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же. Мария. На ней белый праздничный наряд; на цепочке из мелких шариков — *Agnus Dei*, у пояса четки. В руке у Марии распятие, на голове диадема; большое черное покрывало откинуто назад. При ее появлении все расступаются, выражая ужас и скорбь. Мельвиль непроизвольно опускается на колени.

Мария
(со скорбным величием оглядывая окружающих)

Зачем стенать и слезы лить? Со мною
Возрадуйтесь, что близится конец
Моим страданьям,— упадут оковы,
Темница рухнет, и взлетит душа
На крыльях ангельских к свободе вечной.
Вот в час, когда к сопернице надменной

Я в плен попала, на печаль и муки,
Позорные для вольной королевы,
Уместны были слезы сожаленья.
Целительна, ко мне приходит смерть,
Суровый друг, чтоб черными крылами
Скрыть мой позор. Смерть в силах человека,
Глубоко павшего, облагородить.
Вновь на челе я чувствую корону,
И гордости исполнена душа.

(Подходит к Мельвилю.)

Как? Мельвиль здесь? Не надо, друг мой! Встаньте!
Вы к вашей государыне пришли
На торжество ее, а не на смерть.
Судьба мне шлет отраду, о которой
И не мечтала я. Не безраздельно
Моей посмертной славой завладеют
Враги мои. Один единоверец
И друг пришел увидеть мой конец.
Скажите, как жилось вам, верный рыцарь,
В чужой и неприветливой стране
С тех пор, как вас отторгли от меня?
Я с сокрушеньем думала о вас...

Мельвиль

Жилось бы сносно, если б не сознанье,
Что я бессилен защитить тебя.

Мария

А как Дидье, мой престарелый кравчий?
Но, верно, он давно уже почил
Сном вечным. Был он хил и стар годами.

Мельвиль

Он жив еще. Всевышний не избавил
Его от слез по юности твоей.

Мария

Ах, если б и другое счастье было
Мне суждено: прижать перед концом
К моей груди кого-нибудь из кровных.
Но умираю я среди чужих,
И только слуги обо мне поплачут.
Вам, Мельвиль, я свою вверяю волю
Последнюю. Благословляю брата,

Монарха христианнейшего, с домом
Его державным, дядю-кардинала
И Генриха де Гиза, моего
Двоюродного брата. Также папе
Я шлю привет, наместнику Христову,
Надеясь на его благословенье,
И королю Испании, который
Мне помощь и возмездье обещал.
Все это вы прочтете в завещанье.
Я кое-что дарю им. Пусть бедны
Дары мои, меня не обессудят.
(Обращаясь к слугам.)
А вас опеке брата, короля
Французского, вручаю. За Ла-Маншем
Второе вы отечество найдете.
И если вам последний мой завет
Священен, то оставьте этот остров!
Пусть гордый бритт над горем не глумится
И униженьем тех, кто мне служил.
Клянитесь же распятием Христовым,
Что в день и час, когда меня не станет,
Покинете злосчастный этот край.

Мельвиль
(прикладываясь к распятию)

Целую крест за них и за себя.

Мария

Все то, что мне, обобранной, осталось,
Чем вправе я еще распоряжаться,
Меж вами поделила я. Едва ль
Откажут мне в моей последней воле.
И то, в чем я иду навстречу смерти,
Я вам дарю. Не осуждайте строго
Меня за блеск земной при встрече с небом.
(Камеристкам.)
Вам жемчуг я и платья завещаю,
Алиса, Розамунда и Гертруда;
Вы молоды — наряды вам пристали.
Ты, Маргарита, более других
Внимания достойна: оставляю
Тебя стократ несчастнейшей из всех.
Что я не мщу тебе за злобу мужа,
Легко усмотришь ты из завещанья.

Тебя же, Анна верная моя,
Ни золото, ни камни не прельщают.
Тебе милее память обо мне.
Прими платочек этот! Для тебя
Его я вышивала в дни невзгоды
И воткала в него немало слез.
Ты мне глаза повяжешь им, когда
Дойдет до этого. Услуги жду
Последней от моей любимой Анны.

Кеннеди

О Мельвиль, нету сил моих!

Мария

Приблизьтесь!
Приблизьтесь все — принять мое прости!
(Протягивает руку для целованья.)

Все один за другим падают к ее ногам и, обливаясь слезами, целуют ей руку.

Прощай же, Маргарита! Ты, Алиса!
Благодарю за службу, Бергоэн!
Твои уста горят, Гертруда! Много
Меня кляли, но много и любили!
Достойный муж тебя да осчастливит,—
Такому сердцу надобно любить!
Ты, Берта, долю лучшую избрала,
Возжаждав стать невестою Христовой!
Но поспеши исполнить свой обет!
Блага земные — ложь; тому примером
Судьба твоей монархини. Довольно!
Простите все! Прощайте навсегда!
(Быстро отворачивается.)

Все, кроме Мельвиля, удаляются.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мария, Мельвиль.

Мария

Со всем земным покончила я счеты
И уповаю, что ничьей должницей
Покину этот мир. Одно лишь, Мельвиль,
По-прежнему препятствует душе
Подняться к небу радостно и вольно.

Мельвиль

Доверься мне! Страдальческую грудь
Освободи от тяжести сомнений.

Мария

Я у порога вечности стою
И вскоре перед господом предстану,
Еще не примирившись с преблагим.
Отказано мне в утешенье церкви;
Ведь я из рук лжепастыря не стану
Священное причастье принимать:
Верна я римской церкви, поелику
Она одна спасение дарует.

Мельвиль

Напрасна скорбь твоя! Стремленье к правде
Деянью равносильно перед богом.
Вольны тираны руки нам сковать,
Но сердце рвется ввысь, навстречу богу;
Слова мертвы, лишь вера животворна.

Мария

Ах, Мельвиль! Не найдет в самом себе
Оплота сердце! Требуется вере
Земной залог, чтоб к небу приобщиться.
Не потому ли бог стал человеком,
Чтобы небес незримые дары
Открылись нам, облекшись зримой плотью?
Для смертного ступени к небесам
Лишь всеблагая церковь созидает.
Недаром католической, всеобщей
Издревле именуется она!
Где тысячи творят одну молитву,
Костром пылает искра и на крыльях
Уносятся моленья к небесам.
Блаженны те, кто молится соборне
Перед святым господним алтарем!
Престол украшен, теплятся лампады,
Струится ладан, и колокола
Звонят, поют; епископ в пышной ризе,
Приемля чашу, пастве возвещает
Святое таинство пресуществленья.

И молится, склонясь перед всевышним,
Растроганный народ. Лишь я одна
Отвергнута стою. Под этот свод
Благословенье божье не проникнет.

Мельвиль

Оно проникнет. Положись на бога
Всесильного! И посох зацветет
В руках того, кто верит в мощь господню!
Тот, кто исторгнул влагу из скалы,
Воздвигнуть может и алтарь в темнице,
Как может и напиток в этом кубке
В небесное вино преобразить.
(Берет кубок со стола.)

Мария

Как, Мельвиль, вас понять? Ах!.. Понимаю!
Пусть нет ни церкви здесь, ни алтаря,
Ни пастыря, ни причта, ни причастья,
Но говорит Спаситель: «Где во имя
Мое сойдутся двое, там и я».
Ведь призван возвещать господне слово —
Кто в жизни чист и праведен душой.
А потому, хотя непосвященный,
Вы — пастырь мне, благовеститель неба,
Вам исповедь последняя моя,
От вас услышу слово разрешенья.

Мельвиль

Когда так страстно алчешь ты причастья,
Так ведай, королева: в утешенье
Тебе господь и чудо сотворит.
Сказала ты: нет тела здесь Христова,
Нет пастыря, нет церкви? Ты ошиблась!
Есть пастырь здесь и милосердный с нами.
(При этих словах он обнажает голову и одновременно показывает ей облатку на золотом блюдечке.)
Священник я. Чтоб исповедь твою
Услышать днесь и на пути ко гробу
Мир возвестить тебе, аз, недостойный
Господень раб, семь посвящений принял.
Дары святые эти сам святейший
Отец тебе из Рима посылает.

Мария

Так, значит, мне еще и в этой жизни
Небесное блаженство суждено!
Как с высоты на облаке зардевшем
Нисходит дух святой, как в оны дни
Апостола из мрака ангел вывел,
И не могли его остановить
Ни стражи меч, ни тяжкие замки —
Сияющий вошел он в глубь темницы,—
Так и ко мне проник посланец божий,
К обманутой заступником земным.
Вы — в прошлом верный *мой* слуга, а ныне
Слуга *господень* и его глагол.
Как прежде вы передо мной склонялись,
Я днесь у ваших ног лежу.
(Падает перед ним на колени.)

Мельвиль
(осеняя ее крестным знамением)

Во имя
Отца, и сына, и святого духа!
Мария, королева! Испытала ль
Свое ты сердце? И даешь ли клятву
Поведать правду мне пред богом правды?

Мария

Душа открыта небу и тебе!

Мельвиль

На совести твоей грехи какие
С тех пор, как ты причастье приняла?

Мария

В моей груди и ненависть, и зависть,
И жажда мести грозно бушевали!
Соперницу простить я не могла,
Сама надеясь на прощенье божье.

Мельвиль

Раскаялась ты в этом прегрешенье?
Уйдешь ли ты с врагами примиренной?

Мария

Клянусь, на милость божью уповая!

Мельвиль

В каком еще повинна ты грехе?

Мария

Не только злобой, и любовью грешной
Я провинилась пред отцом небесным:
Я суетное сердце отдала
Тому, кем так обманута была!

Мельвиль

Сумела ль ты отречься от кумира
И всей душою к богу обратиться?

Мария

Страдала я, с сомненьями борясь,
И наконец порвала эту связь.

Мельвиль

А что еще твою тревожит совесть?

Мария

Кровавый грех, давно уж совершенный,
По-прежнему сознание гнетет.
Как грозный страж у запертых ворот,
У входа в рай — обугленное тело...
Ведь *я* убить супруга повелела,
Чтобы вступить с убийцей в новый брак.
Постилась я и каялась немало,
Но совесть примирения не знала.

Мельвиль

Иного ты не вспомнишь прегрешенья,
В котором не покаялась еще?

Мария

Ты знаешь все, в чем богу я грешна.

Мельвиль

Подумай о всевышнем судии
И о великой каре церкви нашей
За исповедь неполную! Солгавши,
Ты гибнешь безвозвратно, ибо искус
Святого духа совершаешь ты.

Мария

Лиши меня участия господня,
Когда хоть в чем я солгала сегодня.

Мельвиль

Как? Ты таишь от бога преступленье,
Которое в вину тебе вменяют?
Ужель к измене Перри с Беббингтоном
Кровавой ты причастна не была?
Себя земной ты смерти обрекла
И вот идешь теперь навстречу вечной.

Мария

Я в мир иной уж перейти готова,
Пред господом своим предстану я
Чрез малый срок, но повторяю снова,
Что исповедь окончена моя.

Мельвиль

Взвесь и обдумай все. Ведь сердце лживо.
Быть может, ты двусмысленным молчаньем
Решительное *слово* обошла,
Но *волей* разделяла преступленье?
Так ведай же: всевидящее око
Узнает и сокрытое глубоко.

Мария

Ко всем монархам мира я взывала
Меня спасти от недостойных уз,
Но помыслом и делом я на жизнь
Соперницы своей не покушалась.

Мельвиль

Писцы твои *неверно* показали?

Мария

Как я сказала, так и есть. А им —
Господь судья!

Мельвиль

Так ты убеждена
В невинности своей, идя на плаху?

Мария

Господь меня сподобил прежний грех
Сегодня искупить безвинной смертью.

Мельвиль
(благословляя Марию)

Иди и искупи свою вину!
Пред алтарем пади покорной жертвой!
Лишь кровью кровь дано нам искупать.
По слабости ты женской согрешила,
Дух воспарит, а бренный прах могила
Поглотит и не даст ему восстать.
А я, кому дано теперь вязать
И разрешать, приявший посвященье,
Твоим грехам дарую отпущенье.
По вере да воздаст тебе Христос!
(Дает ей облатку.)
Вкуси от тела бога-страстотерпца!
(Берет со стола чашу, освящает ее, творя безмолвную молитву, и подает Марии.)

Мария, не решаясь принять ее, отстраняет чашу мановением руки.

Прими и кровь, что бог пролил за нас!
Прими! Святой отец тебе дарует
Пред смертью это право королей:
Причастие принять в обоих видах.

Мария принимает чашу.

И как теперь на горестной земле
Таинственно ты с богом съединилась,
Так и в его обители благой,
Где нет греха, ни слез, ни воздыханья,
Представ пред богом ангелом святым,
Ты вечного достигнешь с ним слиянья.
(Ставит чашу на стол; услышав шум за дверью, прикрывает голову и направляется к выходу.)

Коленопреклоненная Мария продолжает молиться.

(Возвратившись.)
Вступаешь ты на тяжкий, страдный путь!
Достаточно ль сильна ты, чтоб движенье
Вражды и злобы в сердце подавить?

Мария

Я не боюсь возврата ни любви,
Ни злобы. Только бог владеет мною.

Мельвиль

Так приготовься к встрече. К нам идут
Лорд Лейстер и лорд Берли. С ними Полет.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же. Берли, Лейстер и Полет. Лейстер остается в отдалении, не поднимая глаз, Берли, внимательно наблюдая за ним, становится между Лейстером и королевой.

Берли

Я к вам явился, леди, вашу волю
Последнюю узнать.

Мария

Спасибо, лорд.

Берли

Велела государыня, чтоб вам
Ни в чем возможном не было отказа.

Мария

Я все в своем сказала завещанье.
Сэр Полет получил его. Прошу
Лишь о его точнейшем исполненье.

Полет

Не сомневайтесь в этом.

Мария

И далее, о слугах я прошу.
В Шотландию иль Францию позвольте
Им выехать по собственной их воле.

Берли

Да будет так.

Мария

В земле неосвященной
Моим останкам суждено лежать.
Так пусть хоть сердце верный мой слуга
Во Францию свезет к моим родимым.
Оно всегда там было.

Берли

Так да будет.
Еще что вам...

Мария

Английской королеве —
Мой сестринский привет. Скажите ей,
Что смерть мою я ей уже простила
От всей души. Пусть и она горячность
Вчерашнюю простит мне. Дай ей боже
Не ведать бед и править безмятежно.

Берли

Вы лучшего не приняли решенья?
По-прежнему не нужен вам декан?

Мария

Нет! С небом помирилась я... Сэр Полет,
Я много вам страданий причинила,
Опоры вас лишивши, против воли,
На склоне лет. Не поминайте лихом
Злосчастную...

Полет
(подает ей руку)

Прости вас бог, миледи!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же. Анна Кеннеди и другие дамы королевы врываются в покои с выражением ужаса на лице. За ними шериф с белым жезлом в руке. В отворенных дверях — вооруженная стража.

Мария

Ты, Анна? Что с тобой?.. А! Пробил час!
Шериф пришел нас проводить на плаху.
Пора! Прощай! Прощайте все! Прощайте!

Женщины, плача, повисают у нее на шее.

(Мельвилю.)
Вы, сэр, и ты, моя родная Анна,
В последний путь проводите меня.
Милорд мне в этой просьбе не откажет.

Берли

Ее исполнить я не вправе.

Мария

Как?
Моей последней, столь ничтожной просьбы?
Уважьте пол мой! Кто ж тогда сослужит
Последнюю мне службу? Быть не может
Желаньем королевы, чтоб во мне
Был оскорблен мой пол, чтоб до меня
Мужские руки грубо прикоснулись.

Берли

Нельзя позволить женщинам за вами
Взойти на плаху. Вопли и рыданья...

Мария

Не будет воплей и рыданий, сэр!
Я поручаюсь вам за твердость Анны.
Помилосердствуйте! Не разлучайте
С кормилицей меня в мой смертный час!
Младенцем в жизнь она меня внесла,
Пусть ласково и в смерть меня проводит.

Полет
(к Берли)

Уважьте просьбу.

Берли

Хорошо.

Мария

Все связи
Днесь порваны.
(Целует распятие.)
Исусе, мой спаситель!
Как распростер ты руки на кресте,
Открой их, чтоб принять меня в объятья!
(Хочет идти.)

В это мгновение взор Марии встречается со взором графа Лейстера, который при ее приближении невольно вздрагивает и поднимает глаза. Марию охватывает трепет, ее колени подгибаются, она готова упасть; граф Лейстер поддерживает ее. Она долго смотрит на него строго и безмолвно. Он не выдерживает ее взгляда; наконец Мария говорит:

Верны вы слову, граф! Своей рукой
Вы обещали вывести меня
Из заточенья. Так оно и сталось.

Лейстер стоит уничтоженный.

(Кротким голосом.)
Да, Лейстер, я от вас
Не только волю получить мечтала,
Но и залог свободой насладиться.
Я думала, гордясь любовью вашей,
Усладу жизни с вами разделить.
Теперь, когда оставить этот мир
Я собралась, чтоб стать блаженным духом,
Не ведающим пагубной любви,
Я вам могу признаться, не краснея,
И в побежденной слабости моей.
Так будьте же, коль можете, счастливы!
Двух королев руки вы домогались
И вот отвергли ласковое сердце
И гордому пожертвовали им...
Покорствуйте сопернице моей!
Укором да не будет вам награда!
Прощайте! С жизнью я расстаться рада.
(Уходит.)

Впереди — шериф, по бокам — Мельвиль и Анна Кеннеди. За ними Берли и Полет. Остальные, рыдая, провожают ее взглядами и потом уходят в две другие боковые двери.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лейстер
(один)

Я жив еще! Еще дерзаю жить!
И на меня не рухнут эти своды?
И не расступится земля — злодея
Презренного бесследно поглотить?
Какую я жемчужину отбросил!
Какое счастье райское презрел!
Она ушла — как просветленный дух,
А я остался здесь, навеки проклят.
Решенье где, с которым я пришел —
На горло наступить кричащей страсти,
Взирать на казнь без дрожи и участья?..
Иль с совестью я даром тяжбу вел

И заглушить любовь никто не властен?
Презренный я! Под стать ли мне, лжецу,
Слезливости поддаться бесполезной?
Любовный бред злодею не к лицу!
Боренье чувств сдави броней железной —
Иль не дойдешь к желанному концу...
Решившийся на гнусное деянье,
Я довершу его без содроганья.
Будь камнем, глаз! Стань адамантом, грудь,
Иду на казнь страдалицы взглянуть.

(Решительным шагом направляется к дверям, в которые вышла Мария, но останавливается на полпути.)

Нет, не могу! Кровь холодеет в жилах!
О, боже милосердный! Я не в силах
Смотреть на смерть ее... Чу! Что такое?
Они спустились в залу... Подо мной
Кровавое свершается деянье!
Я слышу голоса! Нет! Страшно! Прочь!
Прочь! прочь из дома ужаса и смерти!

(Хочет убежать в другую дверь, но, убедившись, что она заперта, отбегает назад на середину сцены.)

Как? Или богом мщенья я прикован
Услышать то, чего хотел не видеть?
Декан заговорил... Увещевает.
Она его прервала. Чу! Творит
Молитву громким голосом... Все смолкло.
Лишь женщины рыдают... Ей спороли
Высокий ворот!.. Двинули скамьей!..
Она склонилась!.. Голову кладет...

(Произносит эти слова с возрастающим ужасом и затем на мгновенье смолкает; потом вздрагивает всем телом и падает без чувств.)

В это же время доносится снизу долго не смолкающий, смутный гул голосов.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Покои королевы, те же, что и в четвертом действии. Елизавета выходит через боковую дверь; походка и лицо ее выражают сильное волнение.

Елизавета

Никто нейдет!.. Все нет вестей!.. Когда же
Наступит вечер? Или солнце нынче
Свой бег остановило? Долго ль буду
Томиться я безвестностью ужасной?

Свершилось или нет? Любой исход
Мне страшен. И спросить о нем не смею!
Ни Берли не является, ни Лейстер,
Отряженные приговор исполнить.
Ведь если нет их в Лондоне, так, значит,
Оно... свершилось. Пущена стрела!
Летит! Вонзилась в цель!.. Ценою трона
Ее уж не сдержать мне!.. Кто идет?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Елизавета. Паж.

Елизавета

Как? Ты один вернулся? Где милорды?

Паж

Граф Лейстер, как и лорд-казнохранитель...

Елизавета

Где?

Паж

В Лондоне их нет.

Елизавета

Так где ж они?

Паж

На это мне никто не мог ответить.
Еще не встало солнце, как поспешно,
От всех таясь, они твою столицу
Покинули.

Елизавета

Теперь я королева!
(Ходит взад и вперед в сильном волнении.)
Зови!.. Постой, не надо!.. Нет ее!
Как мне просторно, как свободно стало!
Так что же я дрожу? Откуда страх?
Страх умер вместе с ней. Никто не станет
Меня убийцей звать! Зальюсь слезами
Горючими над сестриной могилой...

Ты здесь еще? Скажи, чтобы немедля
Ко мне шел Дэвисон, и пусть пошлют
За графом Шрусбери. Да вот он, кстати,
И сам идет!

Паж уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Елизавета. Граф Шрусбери.

Елизавета

Вы, благородный лорд?
Знать, важные вас привели дела
В столь поздний час?

Шрусбери

Монархиня, всемерно
Пекущийся о славе дел твоих,
Я посетил сегодня замок Тауэр,
Где Кэрл и Нау, писцы Марии Стюарт,
Содержатся. Хотелось мне еще раз
Увериться в правдивости их слов.
Смущенный, долго не желал смотритель
Меня пустить к ним. Наконец угрозы
Дверь к заключенным отворили мне.
Но, боже правый, что же я увидел!
Всклокоченный, с безумием во взоре,
Как под бичами фурий, на соломе
Лежал шотландец Кэрл. Узнав меня,
Упал он, извиваясь, словно червь,
К моим ногам и, сжав мои колени,
Меня молил, рыдая, и вопя,
И заклиная именем Христовым,
Ему поведать о судьбе Марии,
Затем что слух об участи ее
И к ним, в сырые склепы, просочился.
Когда я, весть о казни подтвердив,
Прибавил, что свидетельство его
Сгубило королеву, он вскочил
И с яростью, утроенной безумьем,
Товарища свалил, схватил за глотку
И стал душить, — едва их растащили.
Тогда он на себя обрушил ярость,
Бил в грудь себя и предавал проклятьям

Ужасным совратителя-злодея!
Признался, что солгал перед судом:
Не подлинны посланья к Беббингтону —
Его былой присяге вопреки;
По настоянью Нау, он в них вписал
Не то, что диктовала королева.
Потом к окну он в ярости метнулся,
Сорвал его с заржавленных петéль
И завопил так громко, что к нему
Вся улица сбежалась. Он кричал,
Что он писец шотландской королевы,
Тот изверг, что ее оклеветал,
Что проклят он, преступный лжесвидетель.

Елизавета

Он не в своем уме, вы говорите.
Безумца и помешанного речи
Не значат ничего.

Шрусбери

Но слишком много
Его безумье значит. Королева!
Дозволь молить тебя: не торопись!
Пусть новое произведут дознанье.

Елизавета

Вам в угожденье, граф, да будет так!
Хоть не могу поверить я в поспешность
Чрезмерную моих достойных пэров.
Но, чтобы успокоить вас, дознанье
Возобновят. Еще не поздно, к счастью.
На нашу честь монаршью не позволю
Я даже тени подозренья пасть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же. Дэвисон.

Елизавета

Сэр, где приказ, который я вчера
Вручила вам?

Дэвисон

Приказ?

Елизавета

На сохраненье
Вам отданный?

Дэвисон

Как? Мне на сохраненье?

Елизавета

Народ меня о подписи молил.
Что оставалось мне? Пришлось смириться.
Приказ я подписала поневоле
И вам вручила. Так хотела время
Я выиграть. Подайте ж мне приказ!

Шрусбери

Да, сэр! Иначе обернулось все.
Дознание должно возобновиться.

Дэвисон

Возобновиться? Боже милосердный!

Елизавета

Так где ж приказ? К чему увертки ваши?

Дэвисон
(в отчаянии)

Всему конец! О, боже! Я погиб.

Елизавета
(поспешно его перебивая)

Надеюсь, сэр, что вы...

Дэвисон

Злосчастный я!
Нет у меня приказа!

Елизавета

Что?

Шрусбери

О, небо!

Дэвисон

Приказ уже давно в руках у Берли!

Елизавета

Вы так-то повинуетесь? Вчера
Не строго ль я приказ хранить велела?

Дэвисон

Нет, государыня, ты не велела...

Елизавета

Меня во лжи дерзаешь обвинять?
Приказ тебе вручила я для Берли?

Дэвисон

Не ясно и отчетливо, но... все же...

Елизавета

Презренный! Ты дерзаешь толковать
Мои слова? И собственный, кровавый,
В них смысл влагаешь? Если приключится
Беда от твоего самоуправства,
Ты жизнью мне заплатишь за нее!
Граф Шрусбери! Вы видите, как имя
Мое грязнят людишки эти?

Шрусбери

Вижу...

Елизавета

Как вы сказали?

Шрусбери

Если этот сквайр
Здесь действовал на собственный свой страх
Без твоего на то соизволенья,
Он должен быть судим палатой пэров:
Зане он предал имя королевы
Презренью и проклятию столетий.

ПОСЛЕДНЕЕ ЯВЛЕНИЕ

Те же. Берли, позднее Кент.

Берли
(преклоняет колена перед королевой)

Да здравствует державная жена!
И все враги Британии да сгинут,
Как эта Стюарт!

Шрусбери закрывает лицо, Дэвисон в отчаянии ломает руки.

Елизавета

Отвечайте, лорд!
Приказ о смертной казни от *меня*
Вы получили?

Берли

Нет, о королева!
От сэра Дэвисона.

Елизавета

Он приказ
От *моего* вам имени вручил?

Берли

Нет, государыня!

Елизавета

И вы дерзнули
Его исполнить, не спросясь меня?
Приказ был справедлив. Его в вину
Никто нам не поставит! Но как смели
Вы посягнуть на милосердье наше?
А потому — я изгоняю вас.
(Дэвисону.)
А вас, кто так преступно власть свою
Превысил и дерзнул мое доверье
Столь низко обмануть, ждет суд строжайший!
Пусть в Тауэр отведут его и судят
На жизнь и смерть! Я требую возмездья!
Мой благородный Толбот, в вас одном
Я встретила советчика благого.
Так будьте же наставником моим!

Шрусбери

Не изгоняй своих вернейших слуг,
В темницу не бросай их! Для тебя
Они трудились и... молчали стойко.
А мне дозволь, монархиня, вернуть
Тебе печать, которую хранил я
Двенадцать лет, доверьем облеченный.

Елизавета
(уязвленная)

Как, Шрусбери? Ужель меня покинуть
Хотите вы?

Шрусбери

Прости, я слишком стар;
Иссохшая рука моя не в силах
Скреплять печатью новые дела.

Елизавета

Ужель меня покинет человек,
Мне спасший жизнь?

Шрусбери

Я сделал слишком мало.
Спасти не мог я лучшие ростки
В твоей душе! Живи и царствуй мирно.
Противница мертва. Теперь ты можешь
Не ведать страха и не чтить святынь.
(Уходит.)

Елизавета
(входящему графу Кенту)

Позвать мне графа Лейстера!

Кент

Лорд просит
Простить его — во Францию он отбыл.

Елизавета овладевает собой и стоит спокойная и величественная.

1800

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

ДРАМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герман Геслер, имперский наместник (ландфохт, фохт) в Швице и в Ури.
Вернер фон Аттингаузен, владетельный барон.
Ульрих фон Руденц, его племянник.

Вернер Штауффахер
Конрад Гунн
Итель Рединг
Ганс Мауер
Иорг Гоф
Ульрих Шмид
Иост Вайлер
} поселяне из Швица.

Вальтер Фюрст
Вильгельм Телль
Рёссельман, священник
Петерман, псаломщик
Куони, пастух
Верни, охотник
Руоди, рыбак
} поселяне из Ури.

Арнольд Мельхталь
Конрад Баумгартен
Майер Сарнен
Струт Винкельрид
Клаус Флюе
Буркгарт Бюгель
Арнольд Сева
} поселяне из Унтервальдена.

Пфайфер из Люцерна.
Кунц из Герзау.
Енни, мальчик-рыбак.
Зеппи, подпасок.
Гертруда, жена Штауффахера.
Гедвига, жена Телля, дочь Фюрста.
Берта фон Брунек, богатая наследница.

Армгарда
Мехтгильда
Эльсбета
Гильдегарда
} крестьянки.

Вальтер
Вильгельм
} сыновья Телля.

Фрисгард
Лёйтхольд
} наемные пехотинцы.

Рудольф Гаррас, конюший Геслера.
Иоганн Паррицида, герцог Швабский.
Штюсси, полевой сторож.
Трубач кантона Ури.
Имперский гонец.
Надсмотрщик.
Мастер-каменотес, подмастерья и чернорабочие.
Глашатай.
Братья милосердия.
Рейтары, конная стража ландфохтов Геслера и Ланденберга.
Поселяне и поселянки из лесных кантонов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Высокий скалистый берег Озера Четырех Лесных Кантонов, напротив Швица. Озеро образует бухту. Недалеко от берега стоит хижина.

Мальчик-рыбак плывет в челноке. На другой стороне озера видны ярко освещенные солнцем лужайки, деревни и одинокие усадьбы Швица. Слева от зрителя вырисовываются сквозь облака острые зубцы Гакена; справа, в глубине сцены, виднеются снежные горы. Еще до поднятия занавеса слышны звуки швейцарской пастушеской песни и мелодичный перезвон колокольчиков, который продолжается некоторое время и после поднятия занавеса.

Мальчик-рыбак

(поет в челноке; напев швейцарской пастушеской песни)

На озеро манит купанья услада,
Уснувшего юношу нежит прохлада.
И звуки свирели
Он слышит сквозь сон,
Он ангельски нежной
Песней пленен.
Проснулся, веселья и радости полный,
А вкруг него плещут и пенятся волны.
И голос лукавый
В пучину влечет:
«За мной, *мой* любимый,
В глубь ласковых вод!»

Пастух

(на горé; вариация того же напева)

Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе.
Ах, лето прошло!

Пора нам в долины... Увидимся снова,
Когда все очнется от сна ледяного
И голос кукушки в лесу зазвучит,
Цветы запестреют, родник зажурчит.
Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе.
Ах, лето прошло!

Альпийский охотник
(появляется на вершине противоположной скалы; вторая вариация)

Гремит и грохочет лавина в горах,
Стрелок не робеет на скользких тропах:
Он дерзко шагает
Средь снега, средь льдов,
Где весен не знают,
Не знают цветов.
Внизу разостлалась туманов гряда,
И гордые тонут под ней города.
И только в минутные
Тучек разрывы
Мелькают зеленые
Рощи да нивы.

Местность принимает другой вид; глухой грохот слышен в горах, тени облаков пробегают по земле.

Руоди, рыбак, выходит из хижины. Верни, охотник, спускается со скалы. Куони, пастух, идет с подойником на плече; Зеппи, подпасок, следует за ним.

Руоди

Живей, мой мальчик! Вытащи челнок!
Седой дух бурь идет. Гремит лавина.
Накрылся Митен шапкой облаков,
И холодом пахнуло из ущелий.
Гроза вот-вот над нами разразится.

Куони

Да, быть дождю, рыбак. Вон овцы жадно
Едят траву, и роет землю пес.

Верни

А рыба так и плещет, и лысуха
Нет-нет нырнет. О, это перед бурей!

Куони
(подпаску)

Смотри, чтоб скот не разбредался, Зеппи.

Зеппи

Я бурой Лизель слышу колокольчик.

Куони

Ну, значит, все,— она идет последней.

Руоди

Приятен, право, этот перезвон.

Верни

И скот хорош!.. А что, земляк, он ваш?

Куони

Вот богача нашли!.. Хозяин стада —
Мой господин, барон фон Аттингаузен.

Руоди

Ах, до чего корову лента красит!

Куони

Она горда, что стадо все ведет;
А ленту снять — она пастись не станет.

Руоди

Да это вздор! Бессмысленная тварь...

Верни

Ну, как сказать! Есть у животных разум.
Мы, к сернам подбираясь, примечаем:
Везде, где им пастись ни доведется,
Одна всегда у них настороже;
Чуть подошел — уж подняла тревогу.

Руоди
(пастуху)

Так вы домой?

Куони

На пастбищах нет корму.

Верни

Счастливого пути!

Куони

И вам того же.
С гор вы не все приходите домой.

Руоди

Вон человек бежит к нам что есть мочи.

Верни

Из Альцельна он; это Баумгартен.

Конрад Баумгартен вбегает запыхавшись.

Баумгартен

О, ради бога, перевозчик, лодку!

Руоди

Да что ж вы так торопитесь?

Баумгартен

Беда!
Мне смерть грозит! Скорей перевезите!

Куони

В чем дело, друг?

Верни

Кто гонится за вами?

Баумгартен
(рыбаку)

Скорей, скорей, за мною скачут следом!
Ландфохта люди мчатся по пятам,
Меня настигнут, схватят и — конец!

Руоди

Чего ж за вами мчатся верховые?

Баумгартен

Спасите! Я потом все расскажу.

Верни

Но вы в крови! Что за беда случилась?

Баумгартен

Я коменданта крепости австрийской...

Куони

Так *Вольфеншиссен* гонится за вами?

Баумгартен

Нет, *он* безвреден,— я его убил.

Все
(отшатнувшись)

Зачем вы это сделали? О, боже!

Баумгартен

Затем, что я свободный человек!
Я только право отстоял свое —
Жену и дом избавил от позора.

Куони

Над честью вашей надругался он?

Баумгартен

Я преступленью не дал совершиться,
И сам господь направил мой топор.

Верни

Вы голову злодею раскроили?

Куони

О, расскажите нам, пока рыбак
От берега отвязывает лодку.

Баумгартен

Я был в лесу, рубил дрова. Гляжу —
Моя жена бежит в смертельном страхе.
К нам в дом явился этот Вольфеншиссен.
Он приказал ей баню затопить,
И стал ее любви он домогаться.
Но, вырвавшись, она скорей ко мне!
Тут я бегом домой — и топором
По голове благословил злодея.

Верни

Вы правы. Вас никто не обвинит.

Куони

Ах, изверг! Поделом ему награда
За весь народ кантона Унтервальден!

Баумгартен

Наместник наш послал за мной погоню...
Мне дорог миг... а мы все говорим!..

Слышен гром.

Куони

Живей, рыбак, его перевези!

Руоди

Нет, поздно плыть. Надвинулась гроза.
Придется переждать.

Баумгартен

Великий боже!
Нельзя мне ждать. Ведь промедленье — гибель...

Куони
(рыбаку)

Владеет смелым бог! Твой долг — помочь.
Стрястись беда могла б такая с каждым.

Бушуют волны. Гром.

Руоди

Поднялся вихрь, вздымается прибой.
Не справиться мне с бурей и волнами.

Баумгартен
(обнимает его колени)

Господь воздаст вам, сжальтесь надо мною!..

Верни

Будь милосерден. Жизнь ему спаси!

Куони

Семейство у него: жена и дети!

Снова удары грома.

Руоди

И мне придется жизнь свою сгубить,
И у меня в дому жена и дети...

Бушуют волны, яростен прибой,
Водоворот до дна взбурлил пучину...
Он честен, смел, я рад его спасти;
Судите сами — это невозможно.

Баумгартен
(все еще на коленях)

Ужель попасть во вражеские руки,
Когда так близок берег избавленья!
Как на ладони он передо мною,
Мой голос долетает до него,
А этот челн,— он словно ждал меня.
Но я молю о помощи напрасно.

Куони

Смотрите!..

Верни

...Телль, что в Бюргленe живет.

Входит Телль с луком-самострелом.

Телль

Кто он такой? О чем его он молит?

Куони

Из Альцельна он. Честь свою спасая,
Он в гневе Вольфеншиссена убил,
Что комендантом был твердыни Росберг.
За ним погоня мчится по пятам.
Он молит рыбака о переправе,
Но тот боится в эту бурю плыть.

Руоди

Пред вами Телль: веслом и он владеет.
Телль подтвердит: бессмысленно дерзать!

Телль

Дерзай, когда опасность за плечами!

Сильные удары грома; на озере волнение.

Руоди

Мне ринуться туда, в кромешный ад?
Нет, я еще рассудка не лишился.

Телль

Будь молодцом, не думай о себе.
Спасай его, перед тобой — гонимый!

Руоди

Вы мастерá учить на берегу.
Вон озеро, вон лодка — сам попробуй!

Телль

Скорей пучина сжалится — не фохт.
Берись, гребец!

Пастухи и охотники

Спаси! Спаси! Спаси!

Руоди

Будь он мне брат, мое дитя родное —
Иуды день и Симона сегодня,—
Пучина алчет жертв — я не дерзну!

Телль

Пустою речью делу не помочь.
Поторопись, ждет помощи бедняга...
Что ж, лодочник, возьмешься?

Руоди

Ни за что!

Телль

Так с нами бог! Ты лодку мне доверь.
Попробую, коль сил моих достанет.

Куони

Ну и храбрец!

Верни

Охотника видать!

Баумгартен

От смерти вы меня спасете, Телль!

Телль

Быть может, я спасу вас от ландфохта.
Обоих нас *другой* спасет в грозе —
И лучше вам отдаться воле божьей,
А не людской.

(Пастуху.)

Земляк, утешь семью,
Когда меня удел земной постигнет.
Я делаю, что мне велит мой долг.
(Прыгает в лодку.)

К у о н и
(рыбаку)

Вы рулевой на славу. Отчего же,
Где Телль посмел, *вы* не могли решиться?

Р у о д и

Получше есть, и те бы отступили.
У нас в горах другого Телля нет.

В е р н и
(взобравшись на утес)

Отчалили. Бог в помощь, Телль отважный!..
Смотри, как лодка пляшет по волнам.

К у о н и
(на берегу)

Вот за волной пропал из глаз... А вот
Мелькнул опять... О храбрый, как он мощно
Средь бурных волн прокладывает путь!

З е п п и

Глядите, скачут конники ландфохта!

К у о н и

И впрямь они! Ну, в пору Телль помог!

Отряд р е й т а р о в имперского наместника Ланденберга.

П е р в ы й р е й т а р

Вы спрятали убийцу. Где он? Живо!

В т о р о й р е й т а р

Он где-то *здесь*. Не скроете его!

К у о н и и Р у о д и

Кого вам, рейтар?

П е р в ы й р е й т а р
(заметив челнок)

Черт возьми, да вот он!

В е р н и
(сверху)

Не тот ли в челноке, кого вам надо?..
Скачите! Вы настигнете его.

В т о р о й

Проклятие! Он ускользнул...

П е р в ы й
(пастуху и рыбаку)

Но вы,
Кто помогал, поплатитесь за это!..
Угнать их скот! Сжечь хижину дотла!

Скачут прочь.

З е п п и
(бросаясь за ними)

Мои ягнята!

К у о н и
(следуя за ним)

О, мои стада!

В е р н и

Вот изверги!

Р у о д и
(ломая руки)

О, боже правосудный!..
Моя отчизна, кто тебя спасет?
(Уходит за ними.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

В Штайнене. Кантон Швиц.

Липа перед домом Штауффахера у большой проезжей дороги, подле моста. В е р н е р Ш т а у ф ф а х е р и П ф а й ф е р из Люцерна входят, разговаривая.

П ф а й ф е р

Я повторяю, друг мой, Штауффахер:
Не присягайте Австрии. Держитесь
Свободного имперского союза.
И вольность Швица да хранит господь!
(С чувством пожимает ему руку и хочет уйти.)

Штауффахер

Останьтесь же. Вот-вот придет хозяйка!..
Вы гость мой в Швице, в Люцерне — я ваш.

Пфайфер

Спасибо, друг! Но мне домой пора...
До времени сносите ж терпеливо
Надменность ваших фохтов, алчность их.
Быть может, после Альбрехта другой —
Не Габсбург — избран будет император,
А с Австрией — *вы* Габсбургов рабы!
(Уходит.)

Штауффахер в задумчивости садится на скамью под липой. В этом положении его застает жена его Гертруда. Она останавливается перед ним и некоторое время молча на него смотрит.

Гертруда

Ты мрачен, друг? Ты словно сам не свой.
Я день за днем, мой Вернер, наблюдаю,
Как бороздит твой лоб немая скорбь
И гложет сердце тайная забота.
Откройся мне. Как верная жена,
Я разделить твою печаль готова.

Штауффахер молча пожимает ей руку.

Скажи мне, что на сердце у тебя?
Благословен твой труд, все процветает,
Полны амбары, а рогатый скот
И сильные, упитанные кони
Приведены благополучно с гор
На долгое покойное зимовье...
Твой дом, смотри,— как замок, он богат;
Он выстроен из мачтового леса,
Красив и прочен, всем на загляденье.
Приветливо сверкают окна в нем;
Он пестрыми гербами изукрашен
И надписями мудрыми,— и все
Дивятся им, читая мимоходом.

Штауффахер

Да, правда, выстроен на славу дом,
Но знай... под ним непрочно основанье.

Гертруда

Скажи, мой Вернер, как тебя понять?

Штауффахер

Под этой липой я сидел недавно.
Трудами рук своих я любовался.
Вот вижу, едет со своим отрядом
Ландфохт наш Геслер. Перед этим домом
Остановился в удивленье он.
Как подобает, я тотчас покорно
Навстречу выступил тому, кто в крае
Блюдет верховный государев суд.
«Чей это дом?» — спросил коварно фохт,
А сам отлично знал. Я это понял
И отвечал: «Дом этот, ваша милость,
Принадлежит властителю страны
И вам, а мне он в пользованье дан».
«Я императора наместник в крае,—
Сказал он,— и не потерплю, чтоб тут
Дома крестьянин строил самовольно
И жил свободно, словно господин.
Уж я сумею с вами совладать».
Сказал — и прочь уехал он надменно,
А я, в тревоге, стал наедине
Обдумывать зловещие угрозы.

Гертруда

Мой милый муж и господин! Услышать
Не хочешь ли жены прямое слово?
Горжусь я тем, что Иберг мой отец,—
Он мудр был, многоопытен. Мы, сестры,
Бывало, ночь за прялкой коротали,
Когда к отцу старейшины народа
Сходились, чтобы грамоты читать
Властителей державных и размыслить
О благе родины в беседе мудрой.
С вниманием прислушивалась я
К речам их умным, к добрым пожеланьям
И, как завет, все сберегла в душе.
Так выслушай теперь меня, супруг.
Давно я знаю, что тебя печалит:
Ландфохт нам враг, он рад тебя сгубить.
Тебя он станет обвинять, что Швиц

Власть отвергает герцогов австрийских
И остается верен, как и встарь,
Великому имперскому союзу...
Не так ли, Вернер? Я ведь не ошиблась!

Штауффахер

Конечно, Геслер злобится на это.

Гертруда

Ландфохт тебе завидует, что ты
Свободен, счастлив на своем наследье,
Какого *он* лишен. Сам император
И государство дали в лен тебе
Дом этот, им гордишься ты по праву,
Как князь имперский землями своими.
Нет над тобой властителя другого —
Лишь высший в целом христианском мире.
А Геслер — самый младший сын в роду,
Плащ рыцаря — вот все, чем он владеет;
И потому на честных поселян
Косится он с язвительною злобой.
Тебя давно он погубить поклялся,
Ты невредим еще,— так неужели
Ты должен ждать коварного удара?
Кто мудр — умей предвидеть.

Штауффахер

Что ж нам делать?

Гертруда
(подойдя ближе)

Вот мой тебе совет! У нас, ты знаешь,
Давно в народе ропщут на насилье
Жестокого и жадного ландфохта.
Не сомневайся, Вернер,— у соседей,
В кантонах Унтервальдене и Ури,
Народ устал от тяжкого ярма...
Ведь Ланденберг, как Геслер в нашем Швице,
За озером бесчинствует свирепо...
Любой рыбацкий челн с той стороны
Приходит к нам с вестями о глумленьях
И о злодействах фохтов-чужеземцев.
Я полагаю, было б хорошо
Совет держать вам всем, кто честно мыслит,

Как это иго сбросить навсегда.
Убеждена, господь вас не оставит,
Он в правом деле — щит вам и оплот.
Скажи, нет в Ури друга у тебя,
Которому открыть ты мог бы душу?

Штауффахер

Крестьян достойных много там я знаю
И видных, уважаемых дворян.
Друг другу мы взаимно доверяем.
(Встает.)
Жена, каких ужасных мыслей вихрь
Ты подняла в груди моей спокойной!
Тайник души открыла свету дня...
И то, о чем и думать не дерзал я,—
Без колебанья высказала ты.
Но взвешен ли, как должно, твой совет?
Ты дикие раздоры, звон мечей
Зовешь на эти мирные долины...
Как! Слабое пастушеское племя
Дерзнет на бой с властителем вселенной?
Предлог им только благовидный нужен,
Чтоб ринуть на злосчастную страну
Наемников неистовые орды.
Знай, правом победителя прикрывшись,
Они, под видом справедливой кары,
Покончат с нашей вольностью старинной.

Гертруда

Но *вы* — мужи! Так действуйте секирой,—
Отважным помогает сам господь!

Штауффахер

Жена! Неистов, грозен бич войны,
Он смерть сулит и пастуху и стаду.

Гертруда

Сносить нам должно то, что бог послал.
Но ратует за правду благородный.

Штауффахер

Наш новый дом так радует тебя...
Война сожжет его до основанья.

Гертруда

Есть блага выше крова и двора,
И ради них я сжечь свой дом готова.

Штауффахер

Ты веришь в человечность. Но война
Не пощадит младенца в колыбели.

Гертруда

Невинности защита есть на небе!
Смотри вперед, мой Вернер, не назад.

Штауффахер

Мужи падут, за родину сражаясь,
Но, жены, *вас* какая ждет судьба?

Гертруда

Последний выбор каждому оставлен:
Прыжок с моста меня освободит!

Штауффахер
(бросаясь в ее объятия)

Тот, кто обнять такого друга может,
Сразится радостно за свой очаг,
И никакой король ему не страшен!
Иду немедля в Ури, у меня
Есть верный друг там, старый Вальтер Фюрст.
Всегда мы сходных мыслей с ним держались.
Вблизи него живет фон Аттингаузен.
Хоть он и рода знатного, но верен
Народу и обычаям его.
Я с ними посоветуюсь о том,
Как родины врага нам сокрушить...
Прощай, жена! До моего прихода
Тебе одной заботиться о доме.
Паломника, что держит путь в обитель,
Монаха, что на церковь собирает,
Ты приюти и щедро одели.
Наш дом — что чаша полная... Открыто
Здесь, у большой дороги, он стоит
И каждого радушно привечает.

Между тем как они удаляются в глубину сцены, входят Вильгельм Телль и Баумгартен.

Т е л л ь
(Баумгартену)

Теперь, мой друг, я больше вам не нужен.
Вон дом стоит. Войдите, там живет
Отец всем угнетенным Штауффахер...
Да вот и сам он!.. Подойдем к нему.

Идут к нему. Сцена меняется.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Открытое место возле Альторфа.

В глубине сцены, на возвышенности, достраивается еще не законченная крепость. Высокие леса; по ним вверх и вниз ходят мастеровые. На самом верху, на крыше, сидит кровельщик. Всё в движении, все заняты работой.

Н а д с м о т р щ и к. М а с т е р-к а м е н о т е с. П о д м а с т е р ь я и п о д р у ч н ы е.

Н а д с м о т р щ и к
(палкой понукает рабочих)

Бездельники, живее! Где известка?
Эй, шевелись! Сюда раствор и камень!
К приходу фохта пусть кипит работа!
Ну, что вы так ползете? Эх, улитки!
(Двум чернорабочим с кладью.)
И это ноша? Вдвое надо класть!
Я вижу, плуты вы и лежебоки!

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

Глумление над нами — принуждать нас
Своей рукой себе темницу строить!

Н а д с м о т р щ и к

Так вы ворчать? Бессовестный народ!
Коров доить вам только да лениво
Всю жизнь таскаться по своим горам!

С т а р и к
(садясь отдохнуть)

Ох, не могу!

Н а д с м о т р щ и к
(трясет его за плечи)

Ну, ну, старик, живей!

Первый подмастерье

Души в вас нет! Он чуть таскает ноги.
Зачем его на непосильный труд
Вы гоните?

Мастер-каменотес и подмастерье

Нет, это нестерпимо!

Надсмотрщик

Не ваше дело! Служба так велит.

Второй подмастерье

А как, смотритель, крепость назовут,
Которую мы строим?

Надсмотрщик

Иго Ури.
Ярмом надежным вас пригнут к земле.

Подмастерья

Так, Иго Ури!

Надсмотрщик

Что же тут смешного?

Второй подмастерье

Домишком этим нас хотят смирить?

Первый подмастерье

Кротовых куч таких насыпать много
Одну поверх другой придется вам —
И то у нас гора любая выше!

Надсмотрщик уходит в глубину сцены.

Мастер-каменотес

Я в озеро закину молоток,
Что на проклятой послужил постройке.

Входят Телль и Штауффахер.

Штауффахер

Вот дожил я, глаза бы не глядели!

Телль

Да, тяжело. Пойдемте дальше, Вернер!

Штауффахер

И это — *Ури*! Это — край свободы!

Мастер-каменотес

О, если бы вам показать подвалы
Под башнями! Кого туда посадят,
Тому не слышать крика петуха!

Штауффахер

О, боже!

Каменотес

А своды в этом замке, а подпоры —
Их на века построили, видать!

Телль

Созданье рук всегда разрушат руки.
(Указывая на горы.)
Твердыни гор — вот вольности оплот!

Слышен барабан. Входят люди со шляпой на шесте; за ними следует глашатай. Женщины и дети толпой вливаются на сцену.

Первый подмастерье

Бьет барабан! Прислушайтесь!

Мастер-каменотес

Потеха!
Как в карнавал!.. А шляпа-то зачем?

Глашатай

Во имя императора!

Подмастерье

Эй!.. Тише!

Глашатай

Народ кантона Ури! Эту шляпу
На шест высокий в Альторфе воздёнут
И выставят там на виду у всех.

И вот ландфохта Геслера приказ:
Пусть шляпе та же воздается почесть,
Что самому наместнику. Пусть каждый
Под ней без шапки станет на колени,—
Да ведает покорных император.
Лишится тот именья и свободы,
Кто вздумает приказом пренебречь.

Народ громко смеется. Бьют в барабан, и толпа расходится.

Первый подмастерье

Еще одна ландфохтова затея!
Нам Геслер *шляпе* кланяться велит.
Да было ль что подобное на свете?

Мастер-каменотес

Так нам велят колени гнуть пред шляпой?
Что за игра с почтенными людьми?!

Первый подмастерье

Куда ни шло — имперская корона!
А то ведь шляпа герцогов австрийских,—
В палате ленной видел я ее.

Мастер-каменотес

Австрийская она! Глядите в оба!
Ловушка тут, чтоб Австрии предать нас.

Подмастерья

Кто духом смел, не стерпит поруганья!

Мастер-каменотес

Пойдем, с другими надо столковаться.

Уходят в глубину сцены.

Телль
(Штауффахеру)

Я думаю, довольно с вас. Прощайте!

Штауффахер

Куда вы, Телль? Зачем вы так спешите?

Телль

Прощайте! Мне давно пора домой.

Штауффахер

Поговорим. На сердце тяжело.

Телль

Да что слова! От них не станет легче.

Штауффахер

Но к подвигам пускай ведут слова.

Телль

Терпеть, молчать — весь подвиг ныне в этом.

Штауффахер

Но должно ль то сносить, что нестерпимо?

Телль

Крутой правитель властвует недолго.
Когда внезапно забушует вихрь,
То гасятся огни, а корабли
Бегут укрыться в гавань, и бесследно
Проносится могучий дух грозы.
Пусть каждый дома, в тишине, живет.
Кто любит мир, того оставят в мире.

Штауффахер

Вы думаете?

Телль

Да, змеи не троньте —
И не ужалит. Утомятся сами,
Увидя наших стран невозмутимость.

Штауффахер

Мы многого добьемся сообща.

Телль

В крушенье легче выплыть одному.

Штауффахер

Вам дела нет до бедствий всей страны?

Телль

Лишь на себя могу я положиться.

Ш т а у ф ф а х е р

Сплотившись, даже слабые могучи.

Т е л л ь

Тот, кто силен, всего сильней *один*.

Ш т а у ф ф а х е р

Что ж, родине на вас надежды нет,
Когда придет нужда в самозащите?

Т е л л ь
(подает ему руку)

Телль вытащит из пропасти ягненка,—
Так разве он друзей в беде покинет?
Но вы не ждите от меня *совета*:
Я не умею помогать словами.
А *делом* захотите вы ответа,
Зовите Телля — он пойдет за вами.

Расходятся в разные стороны. Внезапно к лесам сбегается народ.

М а с т е р-к а м е н о т е с
(вбегает)

Эй, что там?

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е
(вбегает с криком)

Наш кровельщик сорвался вдруг с конька!

Б е р т а со свитой.

Б е р т а
(бросается к месту происшествия)

Разбился он? Бежать, спасти, помочь! —
Вот золото, спасите, если можно!..
(Бросает народу свои драгоценности.)

М а с т е р

Прочь золото,— еще не все продажно!
Отняв отца у кучи ребятишек,
Навек жену и мужа разлучив
Или беду обрушив на народ,
Все думаете золотом поправить?
Ступайте прочь! Без вас мы знали радость,
А с вами до отчаянья дошли.

Берта
(подошедшему к ней смотрителю)

Он жив?

Смотритель знаками показывает, что нет.

Злосчастный замок, ты построен
С проклятьями, и ты навеки проклят!
(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом Вальтера Фюрста.

Вальтер Фюрст и Арнольд Мельхталь одновременно входят с разных сторон.

Мельхталь

А, Вальтер Фюрст...

Вальтер Фюрст

Нас тут застигнуть могут.
Ни шагу! Соглядатаи кругом.

Мельхталь

Все нет из Унтервальдена вестей?
Что мой отец? Не в силах дольше я
Здесь вынужденной праздностью томиться.
Чем провинился я, скажите, Фюрст,
Что, как убийце, надо мне скрываться?
Я негодяю палец перешиб:
Ведь по приказу фохта Ланденберга
Он на моих глазах решил угнать
У нас волов могучую упряжку.

Вальтер Фюрст

Вы горячи. Простой слуга ландфохта,
Он только выполнял его приказ.
Вы провинились, и вам надо было,
Хоть кара и тяжка, ее стерпеть.

Мельхталь

И наглецу простить его глумленье?
Ведь он сказал: «И без волов крестьянин,
Запрягшись в плуг, сумеет хлеб добыть!»

Нет, сердце из груди моей рвалось,
Когда волов прекрасных выпряг он.
Мыча, они рогами упирались,
Как будто чувствуя весь этот стыд.
И я, охвачен справедливым гневом,
Чтоб неповадно было,— проучил!

Вальтер Фюрст

Мы, старики, едва смиряем сердце,
Где ж юношам обуздывать себя?

Мельхталь

Лишь об отце тревожусь я... Опора
Ему нужна, а сын его далеко.
Фохт ненавидит старика: отец
Стоит горой за право и свободу.
Теперь они начнут его теснить,
И некому за старика вступиться...
Нет, будь что будет, я пойду к нему.

Вальтер Фюрст

Да потерпите, Мельхталь! Подождать
Вестей из Унтервальдена вам надо...
Никак, стучат?.. Не посланный ли это
От нашего наместника? Легко
Настигнуть вас тут может Ланденберг:
Один тиран готов помочь другому.

Мельхталь

Они пример *народу* подают.

Вальтер Фюрст

Ступайте! Я вас после позову.

Мельхталь уходит.

Несчастный! Я открыть ему не смею
Моих предчувствий смутных... Что за стук?..
Я жду беды, чуть только скрипнет дверь.
Предательство, коварство притаились
По всем углам. Подручные ландфохтов
Врываются в дома. Придется нам
Засовы и замки к дверям приделать.

(Отворяет дверь и в изумленье отступает, увидя входящего Штауффахера.)

Кого я вижу? Вернер Штауффахер!
Гость дорогой!.. Под кровлею моей
Почтенней вас я никого не помню.
Мой друг, добро пожаловать ко мне!
Зачем вы к нам? Что ищете здесь, в Ури?

Штауффахер
(подает ему руку)

Былое время, родину былую!

Вальтер Фюрст

Они всегда у вас в душе... Как только
Увижу вас — на сердце легче станет.
Садитесь, Вернер! Как здоровье вашей
Супруги, рассудительной Гертруды,
Вполне достойной мудрого отца?
Паломники, что из земли немецкой
В Италию бредут дорогой горной,
Гостеприимный дом ваш восхваляют...
Скажите, в нашем крае ничего
Особенного вы не замечали,
Пред тем как мой переступить порог?

Штауффахер
(садится)

Да, здание тут странное возводят,
И вид его не радует меня.

Вальтер Фюрст

Чуть бросишь взгляд — *все сразу* ясно станет!

Штауффахер

Подобных зданий в Ури не бывало —
Темниц у вас не знали никогда.
Одна могила здесь была темницей.

Вальтер Фюрст

И эта крепость — вольности могила!

Штауффахер

Да, Вальтер Фюрст, скажу вам без утайки:
Я к вам пришел не с праздным любопытством;
Меня гнетут заботы... Я оставил
Гнет позади — и гнет я вижу здесь.

Страданья наши стали нестерпимы,
Но притесненьям не видать конца.
Издревле был свободен наш народ,
С насилием он свыкнуться не может.
Таких порядков край наш не знавал
С тех пор, как в нем пастух пасет стада.

Вальтер Фюрст

Да, беспримерно их самоуправство!
И даже родовитый Аттингаузен —
Он столько видел на своем веку!—
Сам говорит, что непосильно бремя.

Штауффахер

А в Унтервальдене тяжелый гнет
Кровавого дождался воздаянья...
Там Вольфеншиссен, в Росберге сидел он,
Хотел вкусить запретного плода:
Он дерзко Баумгартена жену
Задумал обесчестить, но хозяин
Хватил его что силы топором.

Вальтер Фюрст

Да, божий суд был справедлив над ним!..
Всегда был скромен, сдержан Баумгартен.
Скажите, удалось ему спастись?

Штауффахер

Ваш зять его от стражи фохта спас,
А спрятался он под моею кровлей...
Он рассказал еще ужасней случай,
Что в Сарнене произошел недавно.
Ах, ваше сердце кровью обольется!

Вальтер Фюрст
(насторожась)

Что ж там случилось?

Штауффахер

Там, в селенье Мельхталь,
Неподалеку от деревни Кернс,
Живет правдивый старец Генрих Гальден.
Его советом дорожит округа.

Вальтер Фюрст

Он всем знаком. Ну, что с ним? Говорите!

Штауффахер

Так за проступок сына маловажный
Фохт Ланденберг велел из плуга выпрячь
У них волов прекраснейшую пару;
А юноша, слугу ударив, скрылся.

Вальтер Фюрст
(с величайшим нетерпением)

Но что старик?.. Скажите, что с ним стало?

Штауффахер

Он Ланденбергом вызван был, и фохт
Велел ему тотчас же выдать сына.
Старик поклялся, не кривя душой,
Что ничего о беглеце не знает.
А тот послал тогда за палачами...

Вальтер Фюрст
(вскакивает и хочет увести его в другую сторону)

Ни слова, тише!

Штауффахер
(с возрастающей силой)

«Сын твой ускользнул,
Так я ж *тебя*!» — и кликнул палачей;
И старику они глаза пронзили...

Вальтер Фюрст

О, боже милосердный!

Мельхталь
(вбегая)

Как — глаза?

Штауффахер
(с удивлением, Вальтеру Фюрсту)

Кто это, кто?

Мельхталь
(судорожно хватая его)

Глаза? Да отвечайте ж!

Вальтер Фюрст

Несчастный!

Штауффахер

Да, но кто же он такой?..

Вальтер Фюрст делает ему знаки.

Так это сын? О, праведное небо!

Мельхталь

А я был далеко!.. Так оба глаза?

Вальтер Фюрст

Крепитесь, друг! Беду, как муж, снесите!

Мельхталь

И за *мою* вину! За *мой* проступок!
Слепой? Он вправду *слеп*? *Впрямь* ослеплен?

Штауффахер

Я все сказал. Иссяк источник зренья,
Он солнца не увидит никогда.

Вальтер Фюрст

Щадите скорбь его!

Мельхталь

Так... Никогда!

(Закрывает лицо руками и некоторое время молчит; затем, обращаясь то к одному, то к другому, говорит прерывающимся от слез голосом.)

О свет очей, бесценный дар небес!..
Тобою все создания живут...
И каждое счастливое творенье,
Былинка даже, тянется за светом.
А он сидит, все чувствуя, в ночи,
Он вечной тьме отныне обречен...
Его не усладит ни зелень луга,
Ни пламя зорь вверху, на ледниках...
Смерть не страшна... но *жить, не видя солнца,*—
Вот где беда... Зачем вы на меня
Так смотрите? Ах, у меня два глаза,
Но не могу с отцом я поделиться

Иль дать ему хоть луч от моря света
Безбрежного, что ослепляет взор.

Штауффахер

Не исцелить — умножить ваше горе
Придется мне... Нужда его безмерна:
Жестокий фохт все отнял у него.
Один лишь посох он ему оставил,
Чтоб, наг и слеп, под окнами скитался.

Мельхталь

Слепому старику один лишь посох!
Все отнято, и даже солнца луч,
Хоть солнце светит бедным и богатым...
Никто теперь меня здесь не удержит!
Презренный трус — тогда я помышлял
Лишь *о себе*, а про тебя, отец,
Я позабыл. Ах, голову родную
Оставил я у изверга в залог!
Прочь, осторожность робкая... Отныне
Я буду жить одной лишь думой — месть!
Пойду... Никто меня здесь не удержит...
Пусть мне ландфохт вернет глаза отца!
Я отыщу его средь грозной стражи...
Мне жизнь не в жизнь, пока я не смогу
Чудовищное, жгучее страданье
В крови злодея остудить!
(Порывается уйти.)

Вальтер Фюрст

Постойте!
Да чем же вы опасны фохту, Мельхталь?
Он в замке Сарнен, средь отвесных скал,
Лишь посмеется над бессильным гневом.

Мельхталь

Когда б на Пике Ужаса он жил,
Иль там, где в небе высится Юнгфрау —
Под снежною фатою Дева гор,
Я грудью путь к нему пробил бы. Двадцать
Таких, как я, и мы разрушим крепость.
Но если я останусь одинок,
А вы, дома и скот оберегая,
Под игом лютым склонитесь покорно,

Тогда в горах я кликну пастухов,
И под лазурным вольным небосводом,
Где чисты сердцем, мужественны духом,
Я расскажу о мерзком злодеянье.

Штауффахер
(Вальтеру Фюрсту)

Вот до чего дошло! Так ожидать ли,
Пока до крайности...

Мельхталь

Какой еще
Бояться крайности, когда самой
Зенице ока гибель угрожает?..
Мы беззащитны?! Для чего ж тогда
Нас тетиву натягивать учили
И тяжкою секирою владеть?
Про час беды орудие защиты
Созданьям всем дано. Олень на травле
Грозит собакам мощными рогами,
Охотника свергает в бездну серна,
И даже вол, работник безответный,
Который силу страшную свою
Покорно под ярмом смиряет тяжким,
Рассвирепев, могучий точит рог
И недруга под облака кидает.

Вальтер Фюрст

Будь три страны,— как мы втроем,— в согласье,
Мы многое свершили бы тогда.

Штауффахер

Пусть Ури кликнет клич — ему на помощь
И Швиц и Унтервальден поспешат.

Мельхталь

Немало в Унтервальдене родных
Есть у меня, любой из них пойдет,
Когда в другом почувствует опору...
О мудрые старейшины народа!
Вы видите, я юноша меж вами,
Мужами многоопытными. Скромно
На сходках общины пока молчу.

Пусть молод я и мало испытал,
Совета моего не презирайте.
Не жажда крови говорит во мне,
Но сила горя лютого — такая,
Что у скалы она исторгнет слезы!
И вы, отцы, и вы, главы семейств,
Достойного себе хотите сына,
Который бы седины ваши чтил
И как зеницу ока вас берег.
О, если целы дом ваш и добро
И вас не изувечили — глаза
Еще бодры, и ясны, и подвижны,—
То все же наших не чуждайтесь бед!
Ведь и над вами меч повис тирана,
И вы враги австрийского господства,
А за собой вины другой не ведал
Старик отец. Так ожидайте кары!

Штауффахер
(Вальтеру Фюрсту)

Решайтесь! Я последую за вами.

Вальтер Фюрст
Послушаем, что скажут нам дворяне —
Бароны Силенен и Аттингаузен.
Их имена к нам привлекут друзей.

Мельхталь

Чьи имена у нас в горах почтенней,
Чем ваше, Фюрст, и ваше, Штауффахер?
В такие имена народ наш верит
И доброй славою венчает их.
Вы доблестей, завещанных от предков,
Умножили богатое наследье.
Что нам дворяне? Справимся и сами!
Будь мы одни в стране, давно б сумели
Найти себе защиту без дворян.

Штауффахер

Дворянам наши беды незнакомы;
Поток, теперь бушующий внизу,
Вздуваясь, будет подниматься выше.

И нам они в подмоге не откажут,
Когда за меч возьмется вся страна.

Вальтер Фюрст

О, если б между Австрией и нами
Посредник сильный, справедливый был!
Но нас гнетет и судит император —
Наследственный австрийский государь.
Бог да поможет нам в *самозащите!*
Вербуйте в Швице, я вербую в Ури.
Но вот кого б отправить в Унтервальден?

Мельхталь

Меня... мне это дело ближе всех.

Вальтер Фюрст

Нет, Мельхталь, я туда вас не пущу:
За безопасность гостя я в ответе!

Мельхталь

Все тайные тропинки, все дороги
В горах я знаю... А мои друзья
И приютят, и от врага укроют.

Штауффахер

Пусть с богом он идет в свой Унтервальден!
Предать его там некому... Тираны
Послушных слуг себе там не находят.
А вслед за ним пусть альцельнец идет,—
Вдвоем они весь этот край поднимут.

Мельхталь

Но как затем подать друг другу весть,
Что бдительность усыплена тиранов?

Штауффахер

Собраться можно в Бруннене иль в Трайбе,
Где пристают с товарами суда.

Вальтер Фюрст

Нет, так открыто действовать нельзя...
Послушайте: от озера налево,
Как ехать в Бруннен, против Митенштейна,
Есть в чаще леса светлая поляна,
Что издавна в горах зовется Рютли,
Там некогда был выкорчеван лес.
На этом месте сходятся границы
(Мельхталю)
Моей и вашей стран. Недолог путь
(Штауффахеру)
Туда из Швица в легком челноке.
Ночной порой пустынными тропами
Мы, между гор, сойдемся на совет.
И пусть по десяти мужей надежных,
Единодушных каждый приведет.
Там сообща все беды мы обсудим,
Что делать, с божьей помощью решим.

Штауффахер

Да будет так, друзья. Теперь подайте
Мне ваши руки честные. Как мы,
Три мужа, тут сплотились непритворно,
Так да сплотятся крепко, воедино —
И для отпора и для обороны,
На жизнь и смерть! — и наши *три страны*.

Вальтер Фюрст и Мельхталь

На жизнь и смерть!

Все трое, подав друг другу руки, некоторое время молчат.

Мельхталь

Слепой старик отец!
Ты *не увидишь* дня освобожденья,
Но ты его *услышишь!* Выси гор
Сигнальными огнями запылают;
Падут тиранов дерзкие твердыни,
И к хижине твоей, страны святыне,
Из городов придут и деревень,
И в тьме очей твоих забрезжит день.

Расходятся.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Замок барона Аттингаузена.

Готический зал, украшенный гербовыми щитами и шлемами. Барон, старик восьмидесяти пяти лет, высокого роста и благородной осанки, одетый в меховой камзол, стоит, опираясь на посох с рогом серны вместо набалдашника. Куони и шесть работников, с граблями и косами, окружили его. Ульрих фон Руденц входит в рыцарской одежде.

Руденц

Явился я... Что вам угодно, дядя?

Аттингаузен

По древнему обычаю, сперва
С работниками чашу разопьем.
(Пьет из кубка и пускает его вкруговую.)
Ходил я раньше с ними в лес да в поле
И взглядом их усердье поощрял
Иль в битву вел под стягом боевым;
А нынче я в дворецкие лишь годен,
И если солнце в замок не заглянет,
То мне за ним невмочь подняться в горы.
И все тесней, теснее жизни круг,
Все ближе самый тесный круг, последний,
Где жизнь замрет навек... Сейчас я тень,
Недолго ждать — останется лишь имя.

Куони
(передавая Руденцу кубок)

Желаю здравствовать!
(Видя, что Руденц колеблется, брать ему кубок или нет, продолжает.)
И пусть у нас
Одно вино — *одно* и сердце будет.

Аттингаузен

Ступайте, дети... На заре вечерней
Дела родного края мы обсудим.

Работники уходят.

Я вижу, ты в дорогу снарядился.
Ты в замок Альторф снова едешь, Руденц?

Руденц

И дольше медлить, право, не могу...

Аттингаузен
(садясь)

Но так ли это к спеху? Неужели
Так скупо юности отмерен срок,
Что не найдешь для старика минуты?

Руденц

К чему? Я вам давно не нужен, дядя.
Я в этом доме как чужой живу.

Аттингаузен
(пристально смотрит на него)

И жаль, что это правда, К сожаленью,
Чужбиной стала родина тебе...
О, я тебя не узнаю, мой Ульрих!
В шелку блистаешь, горд пером павлиньим,
Австрийский плащ пурпурный на плече...
И смотришь на крестьянина с презреньем —
Не мил тебе его привет радушный.

Руденц

Почет ему охотно воздаю,
Но прав своих ему не уступаю.

Аттингаузен

У Габсбурга в опале вся страна...
Сердца всех честных граждан скорби полны
И возмущенья... Одного тебя
Не трогает всеобщая печаль...
Отступником тебя считают, ты
На сторону врага страны предался,
Глумишься над народною бедой.
За легкими утехами в погоне,
Благоволенья Габсбургов ты ищешь,
А лютый бич отечество терзает.

Руденц

Страна угнетена... Но отчего же?
Кто вверг ее в подобную беду?
Ведь только слово стоит произнесть —

И гнета тяжкого как не бывало
И милостив к нам снова император.
О, горе тем, кто ослепил народ,
Чтоб он не видел истинного блага!
Да, все они из выгоды своей
Противятся, чтоб три лесных кантона,
Как прочие, австрийцам присягнули.
Ведь им приятно на скамьях господских
С дворянами сидеть. А *император*
Как *призрачная* власть желанен им.

Аттингаузен

И *это*, Ульрих, от тебя я слышу?

Руденц

Вы бросили мне вызов — дайте кончить!..
Какую вы себе избрали роль?
Иль ваша гордость позволяет вам
Старейшиной, владетельным бароном
Здесь править с пастухами наравне?
Да разве дворянину не почетней
На верность Габсбургам присягу дать
И в лагерь их блестящий перейти?
Ну что за честь быть со слугою равным,
С простолюдином заседать в суде?

Аттингаузен

Ах, узнаю соблазна голос, Ульрих!
Твой жадный слух легко он обольстил
И сердце напоил отравой сладкой!

Руденц

Я не скрываю — глубоко в душе
Отозвались насмешки чужеземцев,
Мужицкой знатью обозвавших нас...
Мне тяжело, что сверстники мои
Уже на поле брани отличились,
Избрав знамена Габсбургов, а я
В досуге или в низменных заботах
Лишь по-пустому время убиваю...
Там подвиги свершаются, туда
Меня зовет блистательный мир славы,
А здесь — *мои* проржавели доспехи.
Ни звук задорный боевой трубы,

Ни зов герольда на турнир блестящий
В долины эти к нам не проникают.
Я слышу здесь одни пастушьи песни
Да колокольчиков унылый звон.

Аттингаузен

Как ослепил тебя мишурный блеск!..
Что ж, презирай отчизну! И стыдись
Обычаев ее, священных, древних!
Твой час придет, и ты к родным горам
Стремиться будешь с горькими слезами.
А тот простой пастушеский напев,
Которым ты пренебрегаешь гордо,
Пробудит в сердце лютую тоску,
Когда его в чужой земле услышишь.
О, как могуча к родине любовь!
Не для тебя тот мир, чужой и лживый.
При гордом императорском дворе
Жить нелегко с душой прямой, открытой!
Там доблести нужны совсем другие,
Не те, что ты здесь приобрел в горах...
Ступай же и продай свою свободу,
Лен получи, стань княжеским рабом,
Когда себе сам господин и князь
Ты на земле наследственной, свободной.
Но нет, останься, Ули, со своими!
Не езди в Альторф... О, не покидай
Святого дела родины своей!
Ты знаешь, я в моем роду последний,—
Мое угаснет имя, и в могилу
Положите вы мне мой щит и шлем.
Так неужели при последнем вздохе
Я думать должен, что, закрыв глаза мне,
Ты к чужеземцам явишься и там
Свободные, дарованные богом
Владения как лен австрийский примешь?

Руденц

Мы Габсбургу противимся напрасно:
Ему весь мир подвластен. Неужели
Одни, с упорством нашим закоснелым,
Мы цепь земель сумеем разорвать,
Которой он, могучий, окружил нас?
Его здесь рынки и суды, *его*

Торговые пути,— с коня под вьюком
И то на Сен-Готарде платят сбор.
Владеньями его мы, будто сетью,
Окружены, опутаны повсюду...
Защита ли империя для нас?
Вы думаете, Австрия слабей?
Бог — наш оплот, не император. Верить
Возможно ль императору, когда,
Нуждаясь в деньгах, чтоб вести войну,
Он города стал отдавать в залог,
Что добровольно встали под защиту
Имперского орла?.. Нет, мудрость нам
Велит — во времена тяжелых смут
Найти себе могучего владыку.
Имперская корона переходит
По выборам, и памяти у *ней*
О службе верной нет. Зато услуги
Наследственному дому — сев надежный.

А т т и н г а у з е н

Так, значит, ты куда умней отцов,
Свободы самоцвет неоценимый
Добывших кровью, доблестью геройской?..
Ты в *Люцерн* съезди, *там* спроси народ,
Как их страну австрийцы угнетают!
Что ж, и у нас они овец, коров
Пересчитают, пастбища обмерят,
В лесах свободных запретят охоту
На зверя красного и на пернатых,
Заставами нам преградят мосты.
Нас разорив, поместий нахватают
И нашей кровью будут побеждать...
Нет, если кровь пролить придется нам,
То лучше *за себя*: поверь, свобода
Куда дешевле рабства обойдется.

Р у д е н ц

Мощь Альбрехта не сломят пастухи!

А т т и н г а у з е н

Сперва узнай, какие пастухи!
Я знаю их, я вел их на врага.
Я вместе с ними дрался под Фаэнцой.
Пусть нам посмеют иго навязать,

Когда его нести мы *не хотим!..*
Будь горд сознаньем, чей ты соплеменник!
Не променяй же на ничтожный блеск
Ты неподдельный жемчуг высшей чести —
Стать во главе *свободного* народа!
Он за тобой, как твой соратник верный,
В час испытаний в смертный бой пойдет...
Вот чем гордись, знай: *в этом* благородство.
Скрепляй природой созданные узы,
Всем сердцем к родине своей прильни,
В любви к ней будь и тверд и постоянен.
Здесь мощный корень сил твоих таится,
А на чужбине будешь одинок —
Сухой тростник, что свежий ветер сломит.
Давно тебя мы дома не видали,
Один лишь день ты с нами проведи,
Сегодня лишь не езди в Альторф, Ули.
Сегодня, слышишь? Этот день — для близких!
(Хватает его руку.)

Руденц

Я слово дал... Я связан... Не могу.

Аттингаузен
(оставляя его руку, строго)

Ты связан... Да, злосчастный, это верно.
Ты связан, и не словом и не клятвой,
Но узами любви... Мне все известно.

Руденц отворачивается.

Я вижу, ты смущен, ты отвернулся!
Ты Бертою фон Брунек увлечен,
Она тебя к австрийской службе манит.
Невесту хочешь ты добыть ценой
Измены родине... Не прогадай!
Они тебя невестой приманили;
Не будь так прост, она не для тебя.

Руденц

Прощайте! Будет этих наставлений!
(Уходит.)

Аттингаузен

Да погоди, безумец!.. Нет, ушел!
И я не в силах удержать, спасти...

Так Вольфеншиссен некогда отпал
От родины... Так отпадут другие.
Манят за наши горы молодежь
Чужой страны могучие соблазны...
О, злополучный час, когда чужое
Проникло в безмятежные долины,
Чтоб нравы тут невинные растлить!..
К нам новое врывается насильно,
А старое, достойное, уходит.
И времена и люди уж не те!
Зачем я здесь? Давно погребены
Все, с кем я вместе действовал и жил.
Мой век ушел в могилу. Счастлив тот,
Кто жить не будет с *новым* поколеньем!
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Луг, окруженный высокими скалами и лесом.

Со скал ведут тропинки с высеченными в них ступенями и с поручнями. Немного спустя по этим тропинкам начнут сходить вниз поселяне. В глубине сцены озеро, над ним некоторое время видна лунная радуга. Вдали — высокие горы, из-за которых поднимаются еще более высокие снежные вершины. Глубокая ночь. Только озеро и белые ледники блестят, освещенные луной. Мельхталь, Баумгартен, Винкельрид, Майер Сарнен, Бургкарт Бюгель, Арнольд Сева, Клаус Флюе и еще четверо поселян. Все вооружены.

Мельхталь
(еще за сценой)

Вот горная тропа. Вперед, *за мной!*
А вон скала с распятьем на вершине.
У цели мы. Поляна эта — Рютли.

Входят с факелами.

Винкельрид

Прислушайтесь!

Сева

Все пусто.

Майер

Ни души!
Наш Унтервальден всех опередил.

Мельхталь

Который час?

Баумгартен

Поблизости, в деревне,
Дал сторож криком знать, что два часа.

Издалека доносится звон.

Майер

Вы слышите?

Бюгель

В лесной часовне в Швице
К молитве ранней колокол зовет.

Флюе

Да, воздух чист, и звон далеко слышен.

Мельхталь

Пусть кто-нибудь здесь разожжет костер,
Чтоб он пылал, когда друзья сойдутся.

Двое крестьян уходят.

Сева

Как хороша ночь лунная! Сегодня
Гладь озера, как зеркало, спокойна.

Бюгель

Им плыть нетрудно будет.

Винкельрид
(протянув руку в сторону озера)

Посмотрите!
Не видите? Вон там!

Майер

Да что ж такое?..
Ах, вижу, вижу! Радуга средь ночи!

Мельхталь

Она луной, должно быть, рождена.

Флюе

Вот редкое и чудное явленье!
Не всякому дано его увидеть.

Сева

Над ней другая, только побледнее.

Баумгартен

Вон лодка показалась вдалеке.

Мельхталь

Плывет в ней Штауффахер с земляками.
Швиц долго ждать себя не заставляет.
(Идет с Баумгартеном к берегу.)

Майер

Да вот из Ури никого не видно.

Бюгель

Им обходить далеко через горы,
Чтобы посты ландфохта обмануть.

Тем временем двое крестьян развели посреди поляны огонь.

Мельхталь
(с берега)

Эй, кто там? Отвечай!

Штауффахер
(снизу)

Друзья страны!

Все идут в глубину сцены навстречу прибывшим. Из лодки выходят Штауффахер, Ительь Рединг, Ганс Мауер, Иорг Гоф, Конрад Гунн, Ульрих Шмид, Иост Вайлер и еще трое крестьян. Все вооружены.

Все
(громко)

Привет! Привет!

В то время, как все остаются в глубине сцены, приветствуя друг друга, Мельхталь и Штауффахер выходят вперед.

Мельхталь

Я видел, Штауффахер,
Того, кто уж не смог *меня* увидеть;

Его глазниц коснулся я рукой
И чувство жгучей мести почерпнул
В погасших солнцах старческого взгляда.

Штауффахер

Ни слова мне о мести! Мы не мстить,
Но злу должны достойный дать отпор.
Вы были в Унтервальдене. Что там
Предпринято для общего нам дела?
Какие мысли у крестьян? Легко вам
Сетей измены удалось избегнуть?

Мельхталь

Через вершины грозные Суренна,
По ледяным полям, бескрайным, голым,
Где раздается хриплый крик орла,
Я к пастбищу альпийскому спустился,—
Там пастухи из двух соседних общин
Пасут свои стада, перекликаясь.
Я жажду утолял тем молоком,
Что, пенясь, льется из-под ледников.
Я в хижинах пастушеских пустых
Был сам себе хозяином и гостем,
Пока людских селений не достиг...
В долинах всем уже известно стало
О новом небывалом злодеянье,
И стоило мне только постучаться,
Меня с почетом всюду принимали.
Там люд, простой и честный, возмущен
Все новыми бесчинствами ландфохтов.
Как на лугах альпийских год за годом
Растут все те же травы, как потоки
По старым руслам движутся в том крае,
Как в небе облака и даже ветры
Извечным следуют путем, так точно
Обычаи старинные от деда,
Не изменяясь, к внуку переходят,—
Там пастухи враждебны новизне,
Грозящей их привычной, ровной жизни...
Они мне руку крепко пожимали,
Со стен срывали ржавые мечи,
И в их глазах сверкал огонь отваги,
Когда я Штауффахера и Фюрста
Назвал всем дорогие имена...

Они клялись быть с вами заодно,
На смерть они клялись пойти за вами...
Так я, храним священным правом гостя,
Спешил от одного двора к другому
И наконец родимый край увидел,
Где у меня немало есть своих...
Нашел слепого старика отца.
Он на чужой соломе спал, питаясь
Тем, что дадут из милости...

Штауффахер

О, боже!

Мельхталь

Но я не плакал, нет! В слезах бессильных
Скорбь жгучую не стал я изливать.
Я заключил ее, как драгоценность,
В своей душе и думал лишь о деле.
Я побывал во всех ущельях гор,
Я обошел укромные долины,
И даже у подошвы ледников
Я хижины жилые находил.
И всюду, где пришлось мне побывать,
Везде встречал я ненависть к тиранам.
Ведь даже там, у крайнего предела
Живой природы, где уже земля
Перестает родить, ландфохты грабят...
Я возбудил сердца всех честных граждан
Горячей речью, жалом слов моих,
И наш теперь народ душой и телом.

Штауффахер

В короткий срок вы многого добились.

Мельхталь

Я сделал больше. Наших поселян
Страшат два замка: Росбергский и Сарнен.
За их стенами каменными враг
Скрывается, вредя стране оттуда.
Мне вздумалось разведку предпринять,—
И в Сарнен я проник и видел замок.

Штауффахер

Дерзнули вы войти в пещеру тигра?

Мельхталь

В одежде пилигрима я прошел
И Ланденберга видел за пирушкой...
Судите же, как я собой владею:
Я увидал врага — и не убил.

Штауффахер

Отважны вы, да вам и повезло.

Тем временем остальные крестьяне выходят вперед, приближаясь к обоим.

Теперь скажите мне, кто те друзья,
Которые явились вместе с вами?
Вы познакомьте нас, и мы откроем
Доверчиво свои сердца друг другу.

Майер

В любой из трех земель кто вас не знает?
Я Майер, житель Сарнена. Вот этот —
Племянник мой из Винкельрида, Струт.

Штауффахер

Всё имена известные в горах.
Один из Винкельридов победил
Дракона в Вайлерском болоте; сам
В той схватке он погиб.

Винкельрид

То предок мой.

Мельхталь
(указывая на двух крестьян)

Те *двое* — монастырские крестьяне.
Я знаю, вы от них не отвернетесь,
Хоть это *крепостные*, не как мы,
Свободные на собственном наследье.
Народ хороший, преданный отчизне.

Штауффахер
(обоим)

Подайте ваши руки. Счастлив тот,
Кто никому у нас не подневолен.
Но честность красит звание любое.

Конрад Гунн

Вот Рединг, бывший земский старшина.

Майер

Я с ним знаком. Да, это недруг мой
По старой тяжбе об одном участке.
Мы с Редингом враги перед судом,
Но здесь друзья.
(Жмет ему руку.)

Штауффахер

Вот сказано умно!

Винкельрид

Идут, идут! Вы слышите рог Ури?

Справа и слева появляются на скалах вооруженные люди с факелами и спускаются вниз.

Мауер

Смотрите!.. Как! Служитель алтаря,
Священник с ними вместе? Невзирая
На тяготы пути и мрак ночной,
Он, верный пастырь, их сопровождает!

Баумгартен

С ним Вальтер Фюрст и клирик Петерман.
Но что-то я средь них не вижу Телля.

Вальтер Фюрст, священник Рёссельман, псаломщик Петерман, пастух Куони, охотник Верни, рыбак Руоди и еще пятеро других поселян. Все собравшиеся, числом тридцать три, выходят вперед и становятся вокруг костра.

Вальтер Фюрст

Итак, должны мы на земле отцов,
Законном достоянье нашем, тайно
Сходиться здесь, как будто для убийства.
И в ночь, которая покров свой темный
Дает лишь преступленьям и делам,
Что солнечного света избегают,
Мы право добываем, хоть оно
И чисто и светло, как день лазурный.

Мельхталь

Да будет так! Что мрак ночной прядет,
То радостно на солнце расцветет.

Рёссельман

Союзники! Господь мне мысль внушил.
Здесь вместо общины мы собрались
И представляем весь народ по праву.
Приступим к совещанью по старинным
Обычаям страны, как в мирный год;
Что незаконного в собранье нашем,
Оправдывает грозный час. Бог всюду,
Где право защищают от насилья.
И под небесной твердью мы стоим.

Штауффахер

Добро! Держать совет, как в старину.
Хоть ночь теперь — сияет наше право!

Мельхталь

Пусть нас числом немного — *сердце* здесь
Всего народа, *лучшие* тут в сборе.

Конрад Гунн

Хоть древних книг у нас нет под рукой,
Но их слова начертаны в сердцах.

Рёссельман

Составим круг, друзья, а в середине
Как власти знак мечи мы водрузим!

Мауер

Пусть старшина перед мечами встанет,
А по бокам — помощники его.

Петерман

Здесь три народа. И кому из них
Главой совета подобает быть?

Майер

Об этом Ури пусть со Швицем спорят.
Охотно им уступит Унтервальден.

Мельхталь

Мы уступаем. Мы пришли молить
Своих друзей могучих о поддержке.

Штауффахер

Пусть Ури меч возьмет. В походах римских
Его знамена реют впереди.

Вальтер Фюрст

Нет, предоставим Швицу эту честь.
Мы все горды, что род ведем оттуда.

Рёссельман

Улажу я ваш благородный спор:
В совете — Швиц, в войне пусть правит Ури.

Вальтер Фюрст
(подает Штауффахеру мечи)

Возьмите!

Штауффахер

Нет, вы старшему отдайте.

Иорг Гоф

Здесь Ульрих Шмид старейший между всеми.

Мауер

Шмид человек достойный. Но судьею,
Как крепостной, он в Швице быть не может.

Штауффахер

А Рединг, бывший земский старшина,—
Найдем ли мы достойнее главу?

Вальтер Фюрст

Да будет старшиной, главой совета!
Тот, кто согласен, руку подыми!

Каждый поднимает правую руку.

Рединг
(выходит на середину круга)

Священных книг для клятвы с нами нет.
Но звездами извечными клянусь:
От истины вовек не уклонюсь.

Перед ним вонзают два меча. Все становятся в круг. Швиц занимает середину, правее располагается Ури, левее — Унтервальден. Рединг стоит, опершись на свой меч.

Что привело три горные народа
Сюда на берег озера угрюмый,
В глухой полночный час? Ответьте мне,
Какая цель у нового союза,
Что мы под звездным небом заключаем?

Штауффахер
(выходит на середину круга)

Мы тут не новый заключим союз,—
Возобновляем мы союз старинный,
Он предками основан был. О братья!
Нас разделяют озеро и горы,
Раздельное у нас в лесах правленье,
Но *одного* мы корня, кровь *одна*,
И мы пришельцы из *одной* отчизны.

Винкельрид

Так наши песни память сохранили,
Что мы сюда пришли издалека?
Вы древнюю нам расскажите быль,
И мы скрепим союз наш давней связью.

Штауффахер

Средь старых пастухов живет преданье...
Когда-то жил на севере далеком
Большой народ. Голодный год настал,
И община в такой беде решила,
Чтобы из них, по жребию, десятый
Покинул отчий край... И стало так!
И шли они в унынии, в слезах —
Мужи и жены, семьями,— на полдень,
Мечом чрез земли немцев пробиваясь,
До мрачного лесистого нагорья.
Но, устали и тут не зная, дальше
До той долины дикой шли они,
Где средь лугов река змеится Мутта...
Людских следов здесь не было заметно,
Лишь хижина на берегу виднелась
Да лодочник у переправы ждал...
Но озеро сердито бушевало,—
Невольно задержаться им пришлось!
Глядят вокруг: пустынный край обилен
Прекрасным лесом, ключевой водою.
Им чудилось, они попали вдруг

В отчизну милую... И тут осели.
И выросло средь гор селенье *Швиц*.
Немало тягот вынесть им пришлось
На раскорчевке леса под хлеба...
Потом, когда земли хватать не стало,
То часть народа двинулась на юг —
До Черного Утеса и до края,
Где, за стеною ледяной, укрыты
Иные племена и языки.
Селенье *Станц* построили в Кернвальде,
Селенье *Альторф* — у долины Ройс,
Но общность родовую не забыли.
Среди чужих племен, что с той поры
В долинах здешних мирно водворились,
Мы без труда друг друга отличаем:
В нас кровь и сердце знать себя дают.
(Пожимает всем руки.)

Мауер

Да, сердце в нас *одно* и кровь *одна!*

Все
(подавая друг другу руки)

Один народ, и воля в нас *едина*.

Штауффахер

Немало есть народов подъяремных,
Они завоевателям покорны;
Ведь даже в нашей стороне и то
Средь поселенцев много подневольных:
Они — рабы, и дети их — рабы.
Но *мы*, потомки истинные Швица,
Свободу сберегли. Князьям вовек
Не подчинялись мы. По доброй воле
Империю заступницей избрали.

Рёссельман

Свободно встали под ее защиту.
В том грамоту нам император дал.

Штауффахер

Власть признает и тот, кто всех свободней.
Нам нужен был глава, судья верховный,
Для разрешенья всяких тяжб и споров.

И наши предки сами, добровольно,
Землей, отторгнутой у дикой чащи,
Почтили императора, главу
Всех итальянских и германских стран,
И свято обещали, как другие
Свободные Империи народы,
Поддержку в войнах. Долг свободных граждан —
Державу, свой оплот, оборонять.

Мельхталь

Что сверх того, то верный признак рабства.

Штауффахер

Когда нас император призывал,
Мы под его знаменами сражались;
В Италию за государем шли,
Чтоб римскою венчать его короной.
Но дома правил только сам народ,
По собственным законам и преданьям;
А император ведал смертной карой,
И для суда он графа назначал,—
Но тот жил вне страны, и призывали
Его лишь в редких случаях убийства.
И под открытым небом просто, ясно
Граф изрекал свой беспристрастный суд.
Где в этом всем хотя б намек на рабство?
Кто думает иначе — говори!

Гоф

Нет, все так шло, как рассказали вы.
Доныне мы насилья не знавали.

Штауффахер

Мы раз не подчинились государю,
Когда он принял сторону попов.
Ведь монастырь Айнзидельн захотел
Отнять у нас урочище, где мы
От дедовских времен пасли стада.
Аббат представил грамоту — обманом
Земля к монастырю переходила,
Как будто нас там вовсе не бывало...
Но мы сказали твердо: «Император
Дарить не вправе земли поселян...
А коль в правах Империя откажет,
И без нее мы проживем в горах...»

Вот предков был язык! Неужто *нам*
Позором ига тяжкого покрыться
И от слуги чужого то сносить,
К чему не мог принудить император?..
Мы эту землю заново *создали*
Трудами наших рук и лес дремучий,
Служивший диким логовом медведям,
В жилище человека превратили.
Мы извели раздувшихся от яда
Драконов злых, исчадия болот;
Мы вечную тумана пелену
Над этой дикой глушью разорвали;
С пути убрали скалы и отважно
Над бездной перекинули мосты.
Наш этот край, мы им века владели.
И чтоб чужой слуга явился к нам
И цепи нам осмелился ковать?
И нас позорил на родной земле?
Да разве нет защиты против гнета?

Сильное волнение среди крестьян.

Нет, есть предел насилию тиранов!
Когда жестоко попраны права
И бремя нестерпимо, к небесам
Бестрепетно взывает угнетенный.
Там подтвержденье прав находит он,
Что, неотъемлемы и нерушимы,
Как звезды, человечеству сияют.
Вернется вновь та давняя пора,
Когда повсюду равенство царило.
Но если все испробованы средства,
Тогда разящий остается меч.
Мы блага высшие имеем право
Оборонять. За родину стоим,
Стоим за наших жен и за детей!

Все
(звенят мечами)

Стоим за наших жен и за детей!

Рёссельман
(выходит на середину круга)

Но прежде чем хвататься за мечи,
Не лучше ль нам с австрийцами поладить?

Одно лишь ваше слово — и тираны
Не притеснять, потворствовать вам будут...
С Империей, как вам велят, порвите,
Власть Австрии признайте над собой...

М а у е р

Что он сказал? Австрийцам присягнуть!

Б ю г е л ь

Не слушайте его!

В и н к е л ь р и д

Предатель он,
Отчизне нашей враг!

Р е д и н г

Друзья, спокойно!

С е в а

Какой позор — австрийцам присягнуть!

Ф л ю е

Позволить силой взять, чего добром
Отдать им не хотели!

М а й е р

О, тогда
Рабы мы все — и рабство заслужили!

М а у е р

Пусть будет прав швейцарца тот лишен,
Кто Австрии поддаться нам предложит!
Я твердо, старшина, стою на том,
Чтоб это первым стало здесь законом.

М е л ь х т а л ь

Да, кто предаться Австрии предложит,
Пускай лишится почестей и прав,
И пусть никто не даст ему приюта.

В с е
(поднимая правую руку)

Принять такой закон!

Р е д и н г
(помолчав)

Да будет так!

Р ё с с е л ь м а н

Свободны вы, приняв такой закон.
И Австрия насильем не добьется
Того, что мы добром ей не отдали...

И о с т В а й л е р

Приступим к делу, далее!

Р е д и н г

Друзья!
А до конца ль изведан мирный путь?
Быть может, Альбрехт Габсбург и не знает,
Что́ здесь его наместники творят?
Испробуем последнее: к монарху
Мы с жалобой еще раз обратимся.
Откажет — что ж, возьмемся за мечи!
Страшит насилье даже в правом деле.
Поможет бог, где люди не помогут.

Ш т а у ф ф а х е р
(Конраду Гунну)

Теперь пора и вам заговорить.

К о н р а д Г у н н

Я в Райнфельд ездил, к Альбрехта двору,
На тяжкий гнет пожаловаться фохтов
И вольностей старинных подтвержденье
От государя нового принять.
Послы от многих городов там были,
Из Швабии да из земель прирейнских,
И все они уже достали льготы
И возвращались весело домой.
Но *ваш* посол к советникам был вызван.
И те ему сказали в утешенье:
«Вы поезжайте, император занят,
В другое время вспомнит он о вас».
Я проходил в унынии по залам,
Вдруг вижу — герцог Иоганн в сторонке

Стоит и слезы льет, а рядом с ним
Два рыцаря: фон Тегерфельд и Варт.
И, подозвав меня, они сказали:
«Надейтесь только на себя! А правды
От Альбрехта вам нечего и ждать.
Не он ли у племянника родного
Наследье материнское похитил?
Наш герцог совершеннолетен, может
И сам своей страною управлять.
Но не венец — венок ему дал Альбрехт:
«Пусть это будет юности убором...»

Мауер

Слыхали? Справедливости не ждите
От Габсбурга! Надейтесь на себя!

Рединг

Нет выбора у нас! Но как, друзья,
Разумно цели радостной достигнуть?

Вальтер Фюрст
(выходит на середину круга)

Цель наша — свергнуть ненавистный гнет
И отстоять старинные права,
Завещанные предками. Но мы
Не гонимся разнузданно за новым.
Вы кесарево кесарю отдайте,
И пусть вассал несет свой долг, как прежде.

Майер

От Австрии свой лен я получил.

Рединг

И продолжайте долг блюсти пред нею.

Иост Вайлер

Я Рапперсвейлям подати плачу.

Вальтер Фюрст

Платите им, как вы всегда платили.

Рёссельман

Я цюрихской обители дал клятву.

Вальтер Фюрст

Церковное вы церкви отдавайте.

Штауффахер

Империя дала мне в лен мой двор.

Вальтер Фюрст

Что быть должно, да будет, но не свыше!
Мы фохтов из страны должны прогнать
С их слугами и крепости разрушить, —
Без крови, если можно. Император
Пусть видит: нас заставила нужда
Нарушить нами данную присягу.
И если мы в узде себя удержим,
Он гнев смирит, как мудрый государь.
Народ себя заставит уважать,
Коль, взявши меч, *умеренность* проявит.

Рединг

Но как, ответьте, к делу приступить?
Ведь у врага оружие в руках.
И он, конечно, не уйдет без боя.

Штауффахер

Уйдет, когда перед собою вдруг
Увидит он народ вооруженный.

Майер

Сказать легко, да сделать мудрено.
Два крепких замка высятся в стране,
И нам они — смертельная угроза,
Когда войска австрийцев подойдут.
Так Росберг взять и Сарнен мы должны
До той поры, как весь народ восстанет.

Штауффахер

Спешите, чтоб врагу не донесли —
Участников немало в нашей тайне.

Майер

Предателей в народе нашем нет.

Рёссельман

Случается, благое рвенье губит.

Вальтер Фюрст

Отсрочка тем нехороша, что фохт
Успеет крепость в Альторфе достроить.

Майер

Вы о *себе* лишь помните.

Петерман

Неправда.

Майер

Неправдою нас Ури попрекает?

Рединг

Во имя клятвы, тише!

Майер

Замолчать
Придется *нам*, коль Швиц — горой за Ури.

Рединг

Я осудить пред общиной вас должен —
Горячностью вы вносите разлад!
Не за одно ли дело мы стоим?

Винкельрид

Нам отложить до рождества бы надо,
Когда велит обычай поселянам
Подарки фохту в замок приносить.
Туда могло бы человек двенадцать
Проникнуть, не внушая подозрений,
Отточенные взяв с собой клинки,
Их надо тайно в посохи заделать —
С оружием не пропускают в крепость.
Вблизи, под лесом, спрячется отряд,
И только поселяне завладеют
Воротами — рог затрубит призывный!..
Тут вся засада кинется на помощь,
И после легкой схватки — замок наш.

Мельхталь

А в крепость Росберг я готов проникнуть.
Я там одной служанке приглянулся —

Нетрудно мне уговорить ее,
Чтоб лестницу она в окно спустила.
А как взберусь — за мной друзья ворвутся!

Рединг

Так все за то, что надо отложить?

Большинство поднимает руки.

Штауффахер
(сосчитав голоса)

Двенадцать против, двадцать за отсрочку!

Вальтер Фюрст

Так если в день условленный падут
Два замка, то сигнальные огни
Зажгутся на вершинах гор. Тогда
Народное сзывайте ополченье.
И фохты, увидав, что не шутя
Швейцарцы за оружие взялись,
Страну покинут без кровопролитья.
Мы им дадим надежную охрану.

Штауффахер

Но с Геслером нам совладать труднее.
Всегда он стражей сильной окружен
И не отступит без кровопролитья.
В изгнанье даже страшен он стране.
Щадить его, я думаю, опасно.

Баумгартен

Где гибель ждет, туда *меня* пошлите.
Я жизнь свою, спасенную мне Теллем,
За край родной бестрепетно отдам.
Честь защитив, я сердце успокоил.

Рединг

Нас время умудрит. Друзья, терпенье!
Всего сейчас предусмотреть нельзя.
Меж тем как мы ночной совет держали,
Вот утро на вершинах гор зажгло
Багряные сигнальные огни...
Расстанемся до наступленья дня.

Вальтер Фюрст

Забрезжит день внизу еще не скоро.

Все невольно снимают шляпы и благоговейно смотрят на зарю.

Рёссельман

При свете, что привет нам раньше шлет,
Чем племенам, которые под нами
Живут в чаду и шуме городов,
Скрепим мы клятвой новый наш союз:
«Да будем мы народом граждан-братьев,
В грозе, в беде единым, нераздельным!»

Все повторяют, поднимая правую руку с тремя поднятыми вверх пальцами.

«Да будем мы свободными, как предки,
И смерть пусть каждый рабству предпочтет!»

Все повторяют с тем же самым жестом.

«На бога да возложим упованье
Без страха пред могуществом людей!»

Так же, как выше. Все обнимают друг друга.

Штауффахер

Ну а теперь ступай без шуму каждый
Своей дорогой к близким и родным.
Пастух, смотри за стадом на зимовке
И сотоварищей вербуй в союз!
До срока всё сносите терпеливо.
Пускай тиранов множится вина:
Настанет день, и с ними мы сведем
И личный свой, и общий счет — народный.
Законный гнев свой каждый обуздай
И береги для всенародной мести;
Она наш долг, его не умаляй
Деяньями в защиту личной чести.

Когда все в полной тишине расходятся в разные стороны, звуки оркестра врываются со все возрастающей силой. Над опустевшей сценой занавес опускается не сразу. Солнце всходит над ледяными вершинами гор.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Двор при доме Телля.

Телль плотничает. Гедвига занята домашней работой. Вальтер и Вильгельм в глубине сцены играют маленьким самострелом.

Вальтер
(поет)

Метки горца стрелы,
Верен лук тугой,
Вот идет он смело
По тропе крутой.

В синие просторы
Дерзко он пришел,
Где орлы да горы,
Где он сам — орел!

Пролетит ли птица,
Зверь ли пробежит —
Вмиг стрела помчится,
Молнией сразит.
(Подбегает к отцу.)
Поправь, отец! Порвалась тетива.

Телль

Ну нет, стрелок поправить должен сам.

Мальчики уходят.

Гедвига

Как рано дети учатся стрелять.

Телль

Кто сызмала начнет, тот мастер будет.

Гедвига

Дай бог не знать такого мастерства!

Телль

Все надо знать им. Тот, кто хочет в жизни
Пробиться, должен быть вооружен
И для защиты и для нападенья.

Гедвига

Прощай семья, покой...

Телль

Покой мне чужд.
Я не рожден быть пастухом. Я должен
За целью ускользающею гнаться;
И лишь тогда жизнь для меня отрада,
Когда в борьбе проходит каждый день.

Гедвига

А я одна, с детьми оставшись дома,
Тебя в тоскливом страхе поджидаю!
И с ужасом я слушаю рассказы
О ваших дерзких подвигах в горах.
А при разлуке замирает сердце —
Боюсь, тебя я больше не увижу.
Мне чудится, меж диких вечных льдов
Ты, оступившись, падаешь с утеса.
Иль вижу я, ты серну сшиб — и в пропасть
Она тебя с собою увлекает.
Иль вдруг тебя засыпало лавиной,
Вдруг под тобой коварный треснул лед...
И ты летишь в ужасную могилу,
Чтоб заживо быть в ней похороненным.
Ах, сотни раз меняя облик свой,
Смерть мчится за охотником в горах!
Какой злосчастный промысел — он вас
На край бездонной пропасти приводит!

Телль

Кто ловок, осмотрителен, силен,
На бога уповает, тот легко
Беду любую побороть сумеет.
Природным горцам горы не страшны.
(Окончив работу, убирает инструмент.)
Ну, я на годы починил ворота.
Коль есть топор, мне плотник ни к чему.
(Берет шляпу.)

Гедвига

Куда опять собрался?

Телль

В Альторф, к тестю.

Гедвига

Во что-нибудь опасное ввязаться?

Телль

С чего взяла ты это?

Гедвига

Твердо знаю:
Есть заговор какой-то против фохтов...
На Рютли был совет. Ты заодно.

Телль

Я не был там... Но если кликнет клич
Моя страна, я ей не изменю.

Гедвига

Тебе укажут место поопасней,—
Что потрудней, достанется тебе.

Телль

По силам долг на каждого возложат.

Гедвига

Недавно унтервальденца в грозу
Ты от погони спас... Вы уцелели,
Должно быть, чудом... Как ты не подумал
О детях и жене?

Телль

О вас я думал —
Вот почему я детям спас отца!

Гедвига

По разъяренным плыть волнам! Ты бога
Таким поступком дерзким искушал!

Телль

Раздумывая, много не свершишь.

Гедвига

Ты выручить всегда готов другого,
А попадешь в беду, так не помогут.

Телль

Бог даст, и сами справимся с бедой!
(Берет свой самострел и две стрелы.)

Гедвига

Зачем ты самострел берешь? Оставь!

Телль

Я как без рук, когда он не при мне.

Мальчики возвращаются.

Вальтер

Отец, куда ты?

Телль

К дедушке, сынок...
Ты не пойдешь со мной?

Вальтер

Пойду, конечно!

Гедвига

Сейчас там Геслер. В Альторф не ходи!

Телль

Он к вечеру *отправится*.

Гедвига

Так выжди!
Он зол на нас. С ним лучше не встречаться.

Телль

Мне мало дела, зол он или нет.
Живу я честно,— что мне до врагов!

Гедвига

Сильней всего он честных ненавидит.

Телль

Не потому ль, что к ним нельзя придраться?..
Но, думаю, меня не тронет он.

Гедвига

Ты почему так думаешь?

Телль

Недавно
Охотился я в Шехенском ущелье;
Там редко след увидишь человека.
Я шел пустынной горною тропой,
Где встречным трудно разминуться. Прямо
Над головой моей скала нависла,
А подо мной ревел сердито Шехен.

Мальчики прильнули к нему справа и слева и смотрят на него с напряженным любопытством.

Вдруг мне навстречу Геслер. Он один,
Без провожатых был, и я один.
Лицом к лицу стоим, а рядом — пропасть.
Заметив, он тотчас меня узнал;
Ведь незадолго перед тем сурово
За сущий вздор он наказал меня.
И видит он, я перед ним стою
С отличным самострелом. Он смутился
И побледнел, колени задрожали...
Миг, только миг — и упадет с утеса!
Так жалок он мне стал, что подошел
Почтительно к нему я со словами:
«Пред вами Телль... Телль, господин ландфохт».
Он ничего на это, лишь рукой
Мне подал знак идти своей дорогой.
Уйдя, я свиту вслед за ним послал.

Гедвига

Он задрожал перед тобой... Смотри!
Позора он вовек не позабудет.

Телль

Я встречи не ищу. И *он* не ищет.

Гедвига

Ты нынче в горы лучше не ходи.

Телль

Да что с тобой?

Гедвига

Не по себе мне, Телль.

Телль

Зачем себя ты мучишь без причины?

Гедвига

Пусть *без причины*... Но останься, Телль.

Телль

Я, дорогая, слово дал прийти.

Гедвига

Ты *должен* — что ж, иди... Оставь мне сына!

Вальтер

Нет, мама, я хочу пойти с отцом.

Гедвига

Ты хочешь мать свою покинуть, Вельти?

Вальтер

Подарок я от деда принесу.
(Уходит с отцом.)

Вильгельм

Но я с тобою, мама!

Гедвига
(обнимая его)

Милый мой,
Хоть ты еще остался у меня!
(Идет к воротам и долгим взглядом провожает уходящих.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дикое, уединенное место в лесу.
С утесов низвергаются ручьи, над которыми радугой переливается на уступах водяная пыль.

Берта в охотничьем костюме. Вслед за нею Руденц.

Берта

Идет сюда. Мы сможем объясниться.

Руденц
(быстро входит)

Ах, наконец-то мы наедине!
Свой приговор произнесите мне.
Мы без свидетелей, в лесной глуши,—
Я сердце облегчу в ее тиши.

Берта

Но далеко ль охотники отсюда?

Руденц

Там, далеко... Теперь иль никогда!
Я дорогóй воспользуюсь минутой —
Судьба моя должна решиться тут,
Хотя бы я навеки вас лишился.
Но почему обычно кроткий взгляд
Так строго на меня вы устремили?..
Кто я такой, чтоб смел о вас мечтать?
Меня еще не увенчала слава,
Мне далеко до рыцарей, что вас,
Овеянные славой, окружают.
Любовь и верность — все, чем я богат...

Берта
(со строгой важностью)

Вы о любви и верности твердите,
Готовясь изменить святому долгу?

Руденц отступает.

Раб Австрии, продавшийся врагам
И палачам отчизны угнетенной!

Руденц

Но от кого такой упрек я слышу?
Кого я, кроме вас, у них искал?

Берта

Так вы среди изменников меня
Надеялись найти? Скорей бы руку
Я Геслеру-тирану отдала,
Чем отщепенцу родины своей.
Орудию слепому чужеземцев!

Руденц

О, что я слышу? Боже!

Берта

Разве есть
Милей отчизны что-нибудь на свете?
Есть разве долг прекрасней, благородней,
Чем быть щитом безвинного народа
И угнетенных защищать права?
Душа моя скорбит за ваш народ,
Я с ним страдаю заодно; ведь я
Люблю его — он кроток, хоть могуч.
Всем сердцем я привязана к нему
И с каждым днем все больше уважаю.
А вы, кого ваш прирожденный долг
В защитники предназначал народу,
Вы *бросили* его, врагам предались
И с ними цепи родине куете!
Мне больно, я от ненависти к вам
С трудом свое удерживаю сердце.

Руденц

А я народу блага не хочу?
Ему под мощным скипетром австрийским
Мир...

Берта

Рабство вы готовите ему!
Ваш край — последний на земле оплот
Свободы, вы изгнать ее хотите!
Где счастье для народа, лучше видит
Он сам, его спасает здравый смысл.
А вы в тенета с головой попали...

Руденц

Я ненависть, презренье заслужил?

Берта

О, если б так! Но видеть *вас* достойным
Презренья, *видеть*, как вас презирают,
Когда б любить вас...

Руденц

Берта! Берта! Вы
То радостью поманите небесной,
То свергнете вдруг с высоты чудесной.

Берта

Нет, нет, в вас благородство не угасло,
Оно лишь дремлет — разбужу его!
Напрасно вы хотели заглушить
В себе к добру врожденное стремленье,
На благо вам, оно сильней, чем вы,—
Наперекор себе вы благородны.

Руденц

Вы верите еще в меня! О Берта,
С любовью вашей стать могу я всем!

Берта

Природе вашей верность сохраните.
Займите вам назначенное место!
За свой народ, за родину вступитесь,
Сражайтесь за святые их права!

Руденц

О, горе! Разве вас я не лишусь,
Когда я против Австрии восстану?
Ведь вы в руках своих родных — они
Насильно замуж выдать вас хотят.

Берта

В лесных кантонах все мои владенья,—
Швейцарца вольность станет и моей.

Руденц

Ах, до чего все ясно мне теперь!

Берта

Моей руки добиться не надейтесь
По милости австрийцев! Нет, немало
Охотников там до моих поместий.

Они и вашей родине грозят,
Захватчики без совести и чести!
О друг, я жертвой быть обречена.
Чтоб мною фаворита наградить,
Средь лжи двора меня заставят жить.
Печальная мне доля суждена:
Брак ненавистный мне скует оковы.
Спасайте же меня — для жизни новой!

Руденц

Так вы решились бы остаться здесь,
Моей женою быть в моей отчизне?
О Берта, целью всех моих стремлений,
Моих надежд ведь были только вы!
Спешил я ради вас на поле славы,
Из-за любви о почестях мечтал.
Но если здесь, в долине безмятежной,
Решитесь поселиться вы со мной,
Блестящий свет покинув, я — у цели.
И пусть тогда в гранитные твердыни
Чужая жизнь бьет яростной волной!
Меня желанье прежде искушало
Уйти в тот мир, в обманчивую даль.
Теперь пускай вокруг сомкнутся скалы
Глухой стеной — мне ничего не жаль.
Нас ждет в долине этой сокровенной,
Открытой небу, счастье всей вселенной!

Берта

Таким тебя я видела в мечтах.
Я верила в тебя — и не ошиблась!

Руденц

Теперь конец коварным обольщеньям —
На родине я счастье обрету!
Здесь мальчиком я расцветал беспечно,
Здесь радости пленяют нас былые,
Тут шум ручьев и сосны вековые...
В моей отчизне станешь ты моей!
О, я всегда любил свой край! А радость
На родине любая нам милей.

Берта

Где ж, как не здесь, тот остров благодатный,
Невинности давно желанный край,

Где древней верности заветы живы,
Где лицемерье не свило гнезда...
Тут зависть не отравит счастья нам,
И безмятежные нас ждут года.
И вижу я *тебя* в расцвете сил,
И первый ты средь равных и свободных;
Любовь народную ты заслужил
Величием деяний благородных.

Руденц

И вижу я тебя, всех жен венец,
Заботливой и нежною подругой.
Блаженством упоен былой слепец,
Мне жизнь — весна, с тобой, моей супругой.
Ты всюду прелесть вносишь, милый друг,
И все живишь и радуешь вокруг!

Берта

Мой милый, горько было убеждаться,
Что это счастье высшее ты губишь...
Не тяжело ль мне было бы, мой Руденц,
Последовать за рыцарем надменным,
Губителем страны, в угрюмый замок!
Тут замков нет, меж нами и народом
Нет крепостной стены. И впредь ему
Мы оба служим!

Руденц

Как же сбросить петлю?
Ах, сам ее надел я на себя!

Берта

И сам без колебанья разорви!
Что б ни было... с народом оставайся!
Ты к этому рожденьем предназначен.

Издали доносится звук охотничьих рогов.

Трубят... Прощай... Так помни, что, сразившись
За родину, ты за любовь сразишься.
У нас и у отчизны — *враг один*;
Ее *свобода* — каждого свобода.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Луг возле Альторфа.

На переднем плане деревья. В глубине на шесте висит шляпа. Перспектива замыкается покрытой заповедным лесом горой, над которой высится цепь снежных вершин.

Ф р и с г а р д и Л ё й т х о л ь д стоят на страже.

Ф р и с г а р д

Мы караулим зря. Никто сюда
Отдать почтенье шляпе не заходит.
Бывало, как на ярмарке, народ
Толпился здесь. Но стал пустыней луг,
Когда на жерди чучело повисло.

Л ё й т х о л ь д

К досаде нашей, только сброд один
В дырявых шапках мимо нас проходит.
А кто почтенней, те скорее крюку
Изрядного дадут, чтоб мимо шляпы
Не проходить и спин пред ней не гнуть.

Ф р и с г а р д

А все ж по этой площади сегодня
Из ратуши пришлось идти народу.
Ну, думаю, улов богатый будет,—
Ведь никому до шляпы дела нет.
Но Рёссельман, их поп, увидев это,—
Как раз он шел с причастьем от больного,—
У нашей шляпы вдруг остановился...
Псаломщик в колокольчик зазвонил...
И на колени стали все, я тоже —
Перед причастьем, но не перед шляпой.

Л ё й т х о л ь д

Позорный столб для нас самих, приятель,
Вот этот шест с напяленною шляпой.
Ведь это срам для доброго вояки —
Быть на посту перед пустою шляпой.
За это все нас вправе презирать.
Отвешивать поклоны перед шляпой —
Поверь! — дурацкий это, брат, приказ!

Фрисгард

Ну, вот еще, перед пустою шляпой!
Ты ж кланяешься голове пустой?

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета входят с детьми и становятся вокруг шеста.

Лёйтхольд

Эх, вижу я, ты подслужиться хочешь,
И добрый люд вовлечь в беду ты рад.
По мне, иди кто хочет мимо шляпы,
А я на все смотреть сквозь пальцы буду.

Мехтгильда

Вон фохт висит! Почтенья больше, дети!

Эльсбета

Убраться бы ему, оставив шляпу.
Поверь, не хуже было бы стране!

Фрисгард
(прогоняя их)

Вы здесь зачем? Проваливайте! Живо!
Кто звал вас? Вы мужей сюда пришлите,
Их подстрекнув не выполнять приказ!

Женщины уходят.

Входит Телль с самострелом, ведя сына за руку. Они идут на авансцену, не обращая внимания на шляпу.

Вальтер
(показывает на гору, покрытую заповедным лесом)

Не правда ли, отец, там, на горе,
Как топором по дереву ударишь,
Из раны брызнет кровь?

Телль

А кто сказал?

Вальтер

Пастух... Там заколдованы деревья.
И говорят, у тех, кто им вредил,
Одна рука из гроба прорастала.

Телль

Неправда, это заповедный лес.
Вон видишь там вершины снеговые,
Те, что уходят ввысь, за облака?

Вальтер

То ледники. Они гремят ночами,
На нас оттуда катятся лавины.

Телль

Так вот, давно б тяжелые лавины
Засыпали селенье наше Альторф,
Но будто всенародным ополченьем
Встречает их наш заповедный лес.

Вальтер
(немного подумав)

А есть края, где *нет* ни скал, ни гор?

Телль

Спускаясь с наших гор все ниже, ниже,
Теченью следуя потоков бурных,
Доходишь до равнины необъятной,
Где, пенясь, не шумят лесные воды,
Но реки тихо, безмятежно льются;
Там ширь спокойная иной природы,
Куда хватает глаз — повсюду нивы,
И вся страна как сад большой, красивый.

Вальтер

Так почему, отец, мы не сойдем
Скорее вниз, в ту чудную страну,
Чем жить в напрасных муках и тревоге?

Телль

Прекрасен тот благословенный край!
Но те, кто там возделывает землю,
Не пользуются жатвой...

Вальтер

Не живут
Свободно на своей земле, как ты?

Телль

Там вся земля — у короля и церкви.

Вальтер

Но ведь в лесах охотятся свободно?

Телль

Пернатые и зверь — добро господ.

Вальтер

Но в реках-то свободно ловят рыбу?

Телль

Река и море, соль — все короля.

Вальтер

Кто ж этот страшный каждому король?

Телль

Он подданных защитник и кормилец.

Вальтер

Что ж, сами защитить себя не могут?

Телль

Сосед соседу там не доверяет.

Вальтер

В стране широкой тесно будет мне.
Уж лучше пусть над головой лавины.

Телль

Да, это правда. Лучше за спиной
Пусть будут ледники, чем злые люди.

Хотят пройти мимо.

Вальтер

Отец, гляди-ка, шляпа на шесте!

Телль

Что нам до шляпы? Поспешим, сынок!
(Хочет идти.)

Фрисгард преграждает ему копьем дорогу.

Фрисгард

Во имя императора! Ни с места!

Телль

(хватаясь за копье)

Да что вам нужно? Что все это значит?

Фрисгард

Приказ нарушен. Следуйте за нами.

Лёйтхольд

Почтения не отдали вы шляпе.

Телль

Пусти, приятель!

Фрисгард

Нет, в тюрьму! В тюрьму!

Вальтер

Отца в тюрьму? На помощь! Помогите!
(Кричит за сцену.)
Скорее, люди добрые, сюда!
Насилие! Отца в тюрьму уводят!

Священник Рёссельман и псаломщик Петерман появляются с тремя поселянами.

Петерман

Что тут стряслось?

Рёссельман

Зачем его ты держишь?

Фрисгард

Изменник он и государю враг.

Телль

(хватает его)

Изменник? Я?

Рёссельман

Да ты вглядись, приятель!
Ведь это Телль — достойный гражданин.

В а л ь т е р
(замечает Вальтера Фюрста и устремляется к нему навстречу)

Отца схватили! Дедушка, на помощь!

Ф р и с г а р д

В тюрьму его!

В а л ь т е р Ф ю р с т
(подбегает)

Я за него ручаюсь!
Что тут случилось? Ради бога, Телль!..

Входят М е л ь х т а л ь и Ш т а у ф ф а х е р.

Ф р и с г а р д

Он власть ландфохта признавать не хочет.
Ослушник этот ею пренебрег.

Ш т а у ф ф а х е р

Так в этом провинился Телль?

М е л ь х т а л ь

Ты лжешь!

Л ё й т х о л ь д

Почтенья шляпе он не оказал.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Так вот за что его в тюрьму? Приятель,
Я за него ручаюсь, отпусти!

Ф р и с г а р д

Ты за свою, старик, ручайся шкуру!
Мы делаем, что служба нам велит.

М е л ь х т а л ь
(поселянам)

Да это вопиющее насилье!
Неужто нагло уведут его?

П е т е р м а н

Нет, мы сильней! Друзья, не выдавать!
Один за всех — и все за одного!

Фрисгард

Так вы приказу фохта непослушны?

Трое поселян
(вбегая)

Мы на подмогу! Что тут? Измолотим!

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета возвращаются.

Телль

Я справлюсь, люди добрые. Ступайте!
Когда я к силе захочу прибегнуть,
Вы думаете, копий устрашусь?

Мельхталь
(Фрисгарду)

Посмей-ка увести его от нас!

Вальтер Фюрст и Штауффахер

Оставьте! Тише!

Фрисгард
(кричит)

Бунт! Мятеж, мятеж!

Слышны охотничьи рога.

Женщины

Наместник Геслер едет!

Фрисгард
(еще громче)

Бунт! Мятеж!

Штауффахер

Кричи, подлец, хоть лопни!

Рёссельман и Мельхталь

Замолчишь ты?

Фрисгард
(во все горло)

Сюда, слуге закона помогите!

Вальтер Фюрст

Вот сам наместник. Что-то с нами будет?

Геслер верхом, с соколом на руке. Рудольф Гаррас, Берта, Руденц и вооруженная охрана из наемников. На сцене образуется круг из копий.

Рудольф Гаррас

Дорогу фохту дайте!

Геслер

Разогнать их!
Что за толпа? Кто призывал на помощь?

Все молчат.

Ну, кто же? Отвечайте мне!
(Фрисгарду.)
Вперед!
Кто ты такой? А он в чем провинился?
(Передает сокола слуге.)

Фрисгард

О господин, я верный воин твой
И часовым поставлен здесь, у шляпы.
А этот мной сейчас изобличен:
Он поклониться шляпе отказался
И, по приказу, мною был задержан.
Но чернь отбить преступника хотела.

Геслер
(помолчав)

Неужто *императором и мной*,
Наместником, ты так пренебрегаешь,
Что шляпу ты не захотел почтить,
Которой я испытываю вас?
Злой умысел ты этим только выдал.

Телль

Простите, сударь! Я не из презренья —
По безрассудству ваш приказ нарушил.
Будь я другой, меня б не звали Телль.
Помилуйте, я впредь не провинюсь.

Геслер
(помолчав)

Ты мастерски, стрелок, владеешь луком
И в меткости едва ль кому уступишь?

Вальтер

Да, это правда!.. С яблони собьет
Мне яблоко отец хоть в ста шагах.

Геслер

Что, это сын твой, Телль?

Телль

Да, мой сынок.

Геслер

А есть еще?

Телль

Их двое у меня.

Геслер

Которого ты сына больше любишь?

Телль

Они мне оба дороги равно.

Геслер

Ну, если с яблони ты в ста шагах
Сбиваешь яблоко, то покажи мне
Свое искусство, Телль... Возьми свой лук...
Да при тебе он, впрочем... С головы
Сшиби у сына яблоко стрелой...
Но только ты получше целься, Телль,
И первой же стрелою попади;
А промахнулся — с жизнью распростишься.

Все поражены ужасом.

Телль

Чудовищный вы отдали приказ...
Неужто вправду?.. С головы сыновней...
Нет, сударь, нет, вам это не могло

Вильгельм Телль

Прийти на ум... Нет, боже упаси
Такой приказ отдать отцу всерьез!

Геслер

Ты яблоко у сына с головы
Собьешь сейчас, как я того хочу.

Телль

Чтоб в голову родного сына метил
Родной отец?.. О нет, уж лучше смерть!

Геслер

Стреляй, не то погибнешь *ты и сын твой!*

Телль

Что, стать убийцей своего ребенка?
Как видно, нет у вас детей... Понять
Вам не дано родительское сердце.

Геслер

Э, Телль, как стал ты вдруг благоразумен!
А говорят, что ты большой мечтатель,
Живешь не так, как все другие люди.
Что почудней ты любишь... оттого
Я по тебе такой и подвиг выбрал.
Там, где другой задумается, ты,
Закрыв глаза, решаешься на все.

Берта

О, не шутите так с народом, сударь!
Они бледны, дрожат... Им не привычно
Затейливые шутки ваши слушать.

Геслер

А кто сказал вам, будто я шучу?
(Срывает яблоко с висящей над ним ветки.)
Вот яблоко... Живей! Посторонитесь!
Шаги отмерить!.. Восемьдесят хватит...
Ни больше и ни меньше... Он хвалился,
Что в ста шагах сразит любую цель...
Ну, так стреляй,— смотри ж, не промахнись!

Рудольф Гаррас

О, боже!.. Это уж не шутка... Мальчик,
Ты на коленях вымоли пощаду!

Вальтер Фюрст
(тихо Мельхталю, который с трудом сдерживается)

Сдержитесь, Мельхталь, я вас умоляю!

Берта
(ландфохту)

Довольно, сударь! Ах, бесчеловечно
Отцовским сердцем так играть. Уж если
Бедняга за проступок свой ничтожный
И должен быть казнен, то он, о боже,
Десятикратно муки смерти вынес.
Пусть невредим он в хижину свою
Вернется. Вас он знает! Этот час
И Телль, и внуки Телля не забудут.

Геслер

Эй, расступитесь!.. Отчего ты медлишь?
Ты виноват, тебя казнить я вправе;
Но милостиво, Телль, твою судьбу
Искусству рук твоих же я вверяю.
Нельзя роптать на приговор суровый
Тому, кто сам своей судьбы хозяин.
Ты метким глазом похвалялся. Ладно!
Так покажи, *стрелок*, свое искусство;
Достойна цель, награда велика!
Попасть стрелою в черный круг мишени
Сумеет и *другой*, но мастер *тот*,
Кого не подведет его искусство,
Чей верен глаз и чья рука не дрогнет.

Вальтер Фюрст
(бросаясь перед Геслером на колени)

О господин наместник, мы вас чтим,
Но пощадите! Я вам половину
Отдам добра, возьмите даже все,
Но вы отца от страшных мук избавьте!

Вальтер Телль

Ах, дедушка, ты перед ним не падай!
Он злой. Ну, где мне стать? Я не робею.
Ведь мой отец бьет птицу на лету, —
Он сердце не пронзит родного сына.

Штауффахер

И вас не тронет детская невинность?

Рёссельман

Есть бог на небесах, и перед ним
В своих делах дадите вы отчет!

Геслер
(указывая на мальчика)

Его вон к той привязывайте липе.

Вальтер Телль

Привязывать? Меня? Я не хочу!
Я, как ягненок, тихо, чуть дыша,
Стоять там буду. Если же меня
Привяжете, я стану отбиваться.

Рудольф Гаррас

Дай, мальчик, завязать себе глаза!

Вальтер Телль

Глаза?.. Зачем? Ужели испугаюсь
Я той стрелы, что пустит мой отец?..
Нет, буду ждать и глазом не моргну.
Узнает он, какой стрелок отец!
Не верит изверг, погубить нас хочет...
Назло ему стреляй и попади!
(Идет к липе.)

Ему на голову кладут яблоко.

Мельхталь
(поселянам)

Как! На глазах пред нами совершится
Злодейство это? Где же наша клятва?

Штауффахер

Напрасно все! При нас оружья нет.
Мы лесом копий тут окружены.

Мельхталь

О, если б сразу мы взялись за дело!
Прости, господь, отсрочку предложившим!

Геслер
(Теллю)

Скорей же! Зря оружие не носят.
Опасно с ним ходить везде и всюду,—
Стрела, отпрянув, поразит стрелка.
Такая дерзость поселян — обида
Верховному властителю страны.
Лишь господа ходить с оружьем вправе.
Вы лук и стрелы любите носить —
Пусть так, но вот тебе для них мишень.

Телль
(натягивает лук и закладывает стрелу)

Посторонитесь, люди!

Штауффахер

Что вы, Телль!
Дерзнете вы?.. Нет, нет! Остановитесь!
Колени гнутся, и рука дрожит...

Телль
(опуская лук)

В глазах мутится!

Женщины

Боже всемогущий!

Телль
(ландфохту)

Не буду я стрелять — вот грудь моя!
(Обнажает грудь.)
Пронзить ее велите вашей страже!

Геслер

Не жизнь твоя, мне только выстрел нужен...
Ты духом тверд. На все готов дерзать!
Отлично ты владеешь самострелом.
За руль берешься, не страшась грозы.
Спасай теперь себя... спаситель всех!

Телль стоит, и по всему видно, что он испытывает страшную внутреннюю борьбу. Руки его дрожат, блуждающий взор то обращен на ландфохта, то устремлен к небу. Вдруг он хватает свой колчан, выдергивает оттуда еще одну стрелу и прячет ее за пазуху.
Геслер следит за всеми его движениями.

Вальтер Телль
(под липой)

Стреляй, отец! Я не боюсь!

Телль

Что ж, надо!
(Овладевает собой и начинает целиться.)

Руденц
(все время стоявший в напряженном ожидании и с трудом сдерживавший себя, выступает вперед)

Довольно, фохт! Прошу вас, *прекратите*...
Все это было только испытаньем...
Вы своего добились... Но суровость
Излишняя вредит разумной цели:
Натянутый сверх меры — треснет лук.

Геслер

Молчите, вы!

Руденц

Нет! *Буду* говорить!
Честь Габсбургов священна для меня.
Но ненависть легко снискать насильем,
А этого не хочет император...
Жестокости такой не заслужил
Народ мой, нет у вас на это права.

Геслер

Как вы посмели!

Руденц

Долго я молчал,
Бесчинства над народом наблюдая;
Я закрывал на все свои глаза
И заглушал в своей груди страданья,
Скорбь гневом переполненного сердца.
Но долее молчать изменой будет
И Габсбургам, и родине моей.

Берта
(бросаясь между ландфохтом и Руденцем)

Он только пуще разъярится, Руденц!

Руденц

Я свой народ покинул, от родных
Отрекся. И естественные узы
Порвал затем, чтоб только к вам примкнуть...
Я думал благу общему помочь,
Монарха власть в моей стране усилив.
Теперь повязка с глаз моих упала.
И в ужасе над бездной я стою.
Я верил вам — и был обманут вами.
Вы сердце честное ввели в соблазн...
И я губил народ,— с благою целью.

Геслер

И ты дерзишь так нагло господину?

Руденц

Мой господин не вы, а император...
Свободен я, и рыцарская доблесть
Моя нисколько вашей не уступит.
Во имя императора вы здесь,
И хоть позорите вы это имя,
Я чту его, иначе бы я бросил
Перчатку вам, потребовав к ответу.
Что ж, дайте знак своей охране... я
Не безоружен, как *они*...
(Указывая на народ.)
Со мной
Мой добрый меч, пусть...

Штауффахер
(кричит)

Яблоко пробито!

Пока всеобщее внимание было привлечено к ландфохту и Руденцу, между которыми стояла Берта, Телль пустил стрелу.

Рёссельман

А мальчик жив!

Голоса

Телль в яблоко попал!

Вальтер Фюрст, слабея, готов упасть, но Берта его поддерживает.

Геслер
(пораженный)

Как, он стрелял? Неужто? Вот безумец!

Берта

Ребенок жив!
(Вальтеру Фюрсту.)
Опомнитесь, отец!

Вальтер Телль
(подбегая с яблоком)

Вот яблоко, отец... Ведь я сказал:
Ты сына своего не можешь ранить!

Телль стоит, подавшись вперед, как бы устремившись за полетом стрелы. Самострел выпадает у него из рук. Увидя подбегающего к нему сына, он бросается к нему с распростертыми объятиями и с жаром прижимает его к сердцу; ноги у него подкашиваются, и он падает без сил. Все растроганы.

Берта

Благие небеса!

Вальтер Фюрст
(зятю и внуку)

О дети! дети!

Штауффахер

Хвала тебе, господь!

Лёйтхольд

Вот это выстрел!
О нем вовек преданья не умолкнут.

Рудольф Гаррас

Рассказывать про выстрел Телля будут,
Пока стоят твердыни этих гор.
(Подает ландфохту яблоко.)

Геслер

Он в сердцевину яблока попал!
Да, выстрел меткий, надобно признаться.

Рёссельман

Хорош был выстрел. Но беда тому,
Кто милость бога дерзко искушает!

Штауффахер

Опомнитесь и встаньте, Телль. Свободу
Вы мужеством добыли. Дома ждут вас.

Рёссельман

Вы к матери скорей ведите сына!

Хотят увести его.

Геслер

Стой, Телль!

Телль
(возвращаясь)

Что вам угодно приказать?

Геслер

Ты из колчана вынул две стрелы,
Я видел сам... Зачем ты это сделал?

Телль
(в замешательстве)

Так исстари ведется у стрелков.

Геслер

Нет, я не верю твоему ответу.
Здесь умысел, как видно, был иной.
Ты мне признайся, Телль, чистосердечно,
Чтó б ни было, я не казню тебя.
Зачем стрелу другую ты припрятал?

Телль

Что ж, если вы мне жизнь дарите, сударь,
Я вам скажу всю правду, без утайки.
(Достает стрелу и устремляет на ландфохта страшный взгляд.)
Стрелою этой я пронзил бы... *вас*,
Когда бы я попал в родного сына,—
И тут уж я не промахнулся б, нет!

Геслер

Ну, ладно, Телль! Я жизнь тебе дарю.
Я рыцарского слова не нарушу...
Но злобные намеренья ты выдал,
И я велю тебя туда упрятать,

Где ты с луной и солнцем распростишься.
Я только так от стрел твоих спасусь.
Схватить его! Связать!

Телля связывают.

Штауффахер

Как, господин!
Вы человека бросите в темницу,
Когда его спасла рука творца?

Геслер

Посмотрим, как она спасет вторично!..
Эй, отвести его ко мне на судно!
Я сам хочу доставить Телля в Кюснахт.

Рёссельман

Что! Свой кантон насильно Телль покинет?

Поселяне

На это есть запрет. Сам император
Не вправе против грамот поступать!

Геслер

А он их подтвердил? Такую милость
Повиновеньем надо заслужить.
Бунтовщики вы против государя,
Лелеете надежду на мятеж.
Я знаю вас... я вижу вас насквозь...
Я выхватил его из всей толпы,
Но помню — все к его вине причастны.
Тот, кто умен, покорствуй и молчи.

Геслер удаляется, за ним следуют Берта, Руденц, Гаррас и слуги. Фрисгард и Лёйтхольд остаются.

Вальтер Фюрст
(с мучительной болью)

Погибло все! Фохт погубить решил
Меня со всей семьею заодно.

Штауффахер
(Теллю)

И надо ж было изверга дразнить!

Т е л л ь

Кто сдержится, мои изведав муки?

Ш т а у ф ф а х е р

Теперь конец всему, конец! Мы все,
Вас потеряв, окованы цепями!

К р е с т ь я н е
(окружив Телля)

Теперь конец надежде нашей, Телль!

Л ё й т х о л ь д
(подойдя к Теллю)

Телль, мне вас жаль. Но долг мой — послушанье.

Т е л л ь

Прощайте!

В а л ь т е р Т е л л ь
(в сильном горе прижимаясь к отцу)

Мой отец! Отец! Отец!

Т е л л ь
(вознеся руки к небу)

Там твой отец! Ему молись, дитя!

Ш т а у ф ф а х е р

Что вы жене хотите передать?

Т е л л ь

(с горячей нежностью прижимая сына к груди)
Сын невредим. А мне господь поможет.
(Покидает их и уходит под стражей.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Восточный берег Озера Четырех Кантонов.
Причудливые крутые скалы на западе, в глубине сцены. На озере волнение. Слышен рев бушующих волн. По временам сверкает молния и гремит гром.

Кунц из Герзау. Рыбак и его сын.

Кунц

Поверите ль, я сам все это видел.
Я вам всю правду рассказал, рыбак.

Рыбак

В оковах Телль и в Кюснахт отвезен!
По доблестям — он первый в нашем крае
И вольности оплотом был бы здесь.

Кунц

Сам Геслер с ним отправился в дорогу.
Из Флюлена они уже отплыть
Готовились, как я отчалил. Буря —
Она, глядите, вон как разыгралась —
Заставила меня сюда пристать
И, видимо, их тоже задержала.

Рыбак

Под стражею, у фохта в лапах Телль!
О, тот его упрячет так глубоко,
Что света солнца не видать ему!
Фохт побоится справедливой мести,—
Ведь мужа он свободного разгневал!

Кунц

Как слышно, благородный Аттингаузен,
Старейшина кантона, умирает.

Рыбак

Надежды нашей сломан верный якорь!
Ведь только старый рыцарь без боязни
Вступался за народные права!

Кунц

Гроза сильнее буйствует. Прощайте!
В деревне я переночую нынче.
Мне об отъезде нечего и думать.

(Уходит.)

Рыбак

В оковах Телль, и при смерти барон!
Наглейте же, надменные тираны!
Отбросьте стыд! Язык у правды нем,
А зоркие глаза ослеплены,
И руки, что спасти должны,— в оковах!

Мальчик

Град сыплется, да крупный! Поскорей
Давай в шалаш укроемся, отец.

Рыбак

Бушуйте, ветры! Молнии, сверкайте!
Гремите, тучи! Затопляйте землю,
Небесные потоки! Да исчезнет
С лица земли преступный род людской!
Пусть тут царят огонь, вода и ветер!
Медведь и волк матерый, возвращайтесь
Сюда, в пустыню,— ваша вновь страна!
Не захотят здесь люди жить рабами!

Мальчик

Все злей пучина, а водоворот
И стонет и ревет, как никогда!

Рыбак

Чтобы стрелу пустить в дитя родное —
Нет, к этому отцов не принуждали!
Ну, как природе тут не разъяриться
И не восстать?.. О, я не удивлюсь,
Когда сорвутся в озеро утесы,
А ледяные башни и зубцы,
Не таявшие с первых дней творенья,
Растопятся и ринутся в долины;
И горы рухнут с грохотом, а воды
Подземные вторым потопом хлынут,
И всякая земная тварь погибнет!

Слышен колокольный звон.

Мальчик

Прислушайся, на той горе звонят.
Должно быть, лодку тонущую видят —
И вот зовут молиться о несчастных.
(Взбирается на утес.)

Рыбак

Беда теперь суденышку, что там
Качается в ужасной колыбели!
Беспомощны и руль и рулевой.
Гроза всесильна, ветер и волна
Его как мяч кидают... и вблизи
Не отыскать укромного приюта:
Повсюду лишь обрывистые скалы
Вдоль берегов, угрюмые, крутые,
Могучей грудью каменной грозят.

Мальчик
(указывая влево)

Из Флюлена идет большая лодка.

Рыбак

Помилуй бог несчастных! Если буря
Сюда, в залив скалистый, залетает,
То, как в железной клетке хищный зверь,
Она бушует здесь и с диким воем
Напрасно ищет выхода отсюда.
Кругом стоят суровые утесы,
Ей, разъяренной, преграждая путь.
(Поднимается на утес.)

Мальчик

Я судно фохта узнаю, отец,—
По флагу и по красному навесу!

Рыбак

О, боже правый! Сын, ты не ошибся.
Да, это фохта судно. В нем плывет
Он сам с невинной жертвою своей!
И скоро же настиг небесный мститель
Наместника — есть и над ним судья!
Веленьям фохта волны не внимают.
Пред шляпою его не склонят глав

Гранитные утесы... Не молись!
Пускай над ним свершится божий суд.

Мальчик

Не за ландфохта я молюсь — за Телля.
Телль вместе с ним плывет на этом судне.

Рыбак

Слепая, неразумная стихия!
Чтоб *одного* злодея покарать,
Ты весь корабль и рулевого губишь!

Мальчик

Смотри, они вблизи Скалистых Ребер
Прошли счастливо... Но могучий вихрь
От Чертова Собора вновь погнал
Суденышко к Большой Топор-горе...
И вот исчезли...

Рыбак

Там скала Резак.
И если обойти ее не смогут,
То разобьются об утес отвесный,
Что в страшную уходит глубину.
Но с ними в лодке рулевой отличный...
В такой беде их спас бы *только* Телль,
Но по рукам и по ногам он связан.

Входит Вильгельм Телль с самострелом. Он идет быстрыми шагами и с удивлением озирается вокруг; видно, что он очень взволнован. Дойдя до середины сцены, Телль бросается на землю и сначала протягивает руки вперед, а затем поднимает их к небу.

Мальчик
(замечает его)

Отец, взгляни-ка, кто там на коленях?

Рыбак

Смотри, он землю трогает руками.
Какой-то он чудной... как не в себе.

Мальчик
(подходит ближе)

Да это, знаешь... Ты вглядись, отец!

Рыбак
(приближаясь)

Кто это?.. Боже! Неужели Телль?
Да как вы очутились тут, скажите!

Мальчик

Вы в лодке крепко связанный лежали?

Рыбак

И в Кюснахт вас везли, ведь это правда?

Телль
(встает)

Свободен я.

Рыбак и его сын

Свободны! Вот так чудо!

Мальчик

Откуда вы сейчас?

Телль

Из лодки.

Рыбак

Что?

Мальчик
(одновременно с отцом)

А фохт?

Телль

А фохта носит по волнам.

Рыбак

Но как *вы*, Телль... к нам нá берег попали?
Как вы спаслись от бури и от уз?

Телль

Господь помог мне!.. Вот как это было.

Рыбак и его сын

Скорей, скорей!

Телль

Известно ль вам, рыбак,
Что в Альторфе произошло?

Рыбак

Известно.

Телль

Так фохт велел меня связать и сам
Отправиться решил со мною в Кюснахт.

Рыбак

Во Флюлене он с вами в лодку сел.
Мы знаем все. Но как же вы спаслись?

Телль

Я в лодке крепко связанный лежал,
Беспомощный, покинутый... И в мыслях
Я навсегда прощался с белым светом,
С женою и детьми. Я безнадежно
Смотрел вокруг на водную пустыню...

Рыбак

Бедняга!

Телль

В путь мы тронулись — ландфохт,
Его конюший Гаррас и гребцы.
А мой колчан и верный самострел
Лежали на корме у рулевого.
И вот, едва мы только поравнялись
С Меньшой Топор-горою, как внезапно
Такой жестокий, смертоносный вихрь
Примчался из ущелий Сен-Готарда,
Что у гребцов дух занялся от страха,
И всем казалось — гибель неизбежна.
Но, слышу я, один из слуг ландфохта
Так говорит ему: «Ах, ваша милость,
Попали мы в жестокую беду,
И смерть уже в глаза нам заглянула...
В смятении гребцы и рулевой,
Не знают, что им делать, растерялись,
И, видно, мало им знаком наш путь...

Но с нами Телль, силач и добрый кормчий.
Так не прибегнуть ли к нему в беде?»
Тогда сказал мне фохт: «Когда от бури
Берешься, Телль, спасти нас, я велю
Тебя от уз освободить». На это
Я отвечал: «Да, сударь, я берусь
Помочь в беде, была бы воля божья».
И вот меня от пут освободили...
Я встал за руль и смело начал править,
Но все ж на лук поглядывал украдкой
И пристально высматривал местечко
На берегу, куда б я прыгнуть мог.
И только я завидел плоский камень,
Что в озеро далеко выдается...

Рыбак

Я знаю, близ Большой Топор-горы.
Но только невозможно — так он крут —
На этот камень выпрыгнуть из лодки...

Телль

Я крикнул, чтоб сильнее налегли
Гребцы на весла, мол, за тем утесом
От злейшей мы избавимся беды...
Когда же лодку мы к нему домчали,
Призвал я бога в помощь и плотней,
Что было сил, корму прижал к скале.
И тут, схватив колчан и самострел,
Одним прыжком я выбросился вон —
На голую скалистую площадку,
При этом от себя толчком могучим
Суденышко в пучину отшвырнув,—
Пусть носится средь волн по воле божьей!
Вот как спастись мне удалось от бури
И от насилья злобного людей.

Рыбак

Ну, Телль, над вами видимое чудо
Явил господь! Я все еще не верю
Своим глазам... Скажите же, однако,
Где скрыться вы надеетесь? Беда,
Коль фохт живым уйдет от этой бури.

Телль

Когда еще я связанный лежал,
Он говорил, что в Бруннене пристанет
И через Швиц меня доставит в Кюснахт.

Рыбак

Он двинется туда по сухопутью?

Телль

Да, так он думал.

Рыбак

Скройтесь же скорей!
Вам от ландфохта дважды не спастись.

Телль

Как через Арт пройти мне ближе в Кюснахт?

Рыбак

Большой дорогой только через Штайнен.
Но этот мальчик — сын мой — вас проводит
И ближе и надежней: через Ловерц.

Телль
(пожимая ему руку)

Господь вознаградит вас. Ну, прощайте!
(Уходит, но сейчас же возвращается.)
Рыбак, а вы на Рютли присягали?
Сдается, кто-то мне вас называл...

Рыбак

Да, я там был и присягал союзу.

Телль

Тогда, мой друг, скорей ступайте в Бюрглен!
Жена моя в отчаянье. Скажите,
Что я спасен, опасность позади.

Рыбак

Но как же ей сказать, куда вы скрылись?

Телль

Там вы найдете Фюрста и других,
Что поклялись, тиранам всем на гóре...

Пусть будут мужественны и бодры.
Свободен Телль, сильна его рука,
И обо мне они услышат вскоре.

Рыбак

Но цель у вас какая впереди?

Телль

Что вам слова — услышите *о деле.*
(Уходит.)

Рыбак

Ну, с богом, в путь!.. Ты, Енни, проводи.
Что б ни было, но Телль достигнет цели.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Замок Аттингаузена.

Барон, умирающий в кресле. Вальтер Фюрст, Штауффахер, Мельхталь и Баумгартен хлопочут возле него. Вальтер Телль стоит на коленях перед умирающим.

Вальтер Фюрст

Все кончено. Он в вечность отошел.

Штауффахер

Он не похож на мертвого... Смотрите,
У губ его чуть зыблется перо!
Он тихо спит с приветливой улыбкой.

Баумгартен идет к дверям и с кем-то говорит.

Вальтер Фюрст
(Баумгартену)

Кто там пришел?

Баумгартен
(возвращаясь)

Там Ге́двига, мать Вельти,
Она и вас и сына хочет видеть.

Вальтер Телль поднимается.

Вальтер Фюрст

Могу ль я дочь утешить... безутешный?
Ах, сколько бед на голову мою!

Гедвига
(врываясь)

Где сын мой? Ну, пустите же к нему!..

Штауффахер

Сдержите свой порыв... в жилище смерти...

Гедвига
(бросается к мальчику)

Мой Вельти! Жив!

Вальтер Телль
(обнимая ее)

Ах, бедная моя!

Гедвига

Ты вправду цел? Ты, Вальтер, невредим?
(Осматривает его с беспокойством.)
Возможно ли? Он целился в тебя?
Как только мог он? У него нет сердца...
Родному сыну в голову стрелять!

Вальтер Фюрст

Как он страдал — в нем сердце разрывалось!
Его принудил фохт под страхом смерти.

Гедвига

О, если б он был любящим отцом,
Сто раз бы умер, но стрелять не стал бы!

Штауффахер

Благодарить за все вам надо бога,
Он сына спас вам...

Гедвига

Да, но как забыть,
Чем кончиться *могло б* все это?.. Боже!
Живи я долгий век — все буду видеть,
Как целится отец в родного сына,
И все стрела лететь мне в сердце будет!

Мельхталь

Но как ландфохт над Теллем измывался!

Гедвига

О черствые сердца! Когда в вас гордость
Задета, все вам нипочем. Тогда
Мужчина в ярости слепой играет
И сердцем матери, и жизнью сына!

Баумгартен

Легка ли участь вашего супруга,
Что вы его поносите так тяжко?
К страданьям *Телля* равнодушны вы?

Гедвига
(поворачивается к Баумгартену и окидывает его суровым взглядом)

А у тебя для друга только слезы?..
Где были вы, когда отважный Телль
Был взят? Ну, *чем* ему вы помогли?
Смотрели — и злодейство совершилось,
И выхватили Телля из толпы...
А так ли с *вами* поступал он? Разве
Стоял он, выражая сожаленье,
Когда ландфохта стража за тобой
Гналась, а впереди тебя бурлила
Пучина разъяренная? На слезы
Он времени не тратил зря, а в лодку
Вскочил, забыв жену, детей, и — спас!..

Вальтер Фюрст

Да можно ль было выручить его
Нам, безоружной горсти поселян?

Гедвига
(бросается в его объятия)

Отец, отец! И ты его лишился!
Страна и весь народ его лишились!
Мы для него погибли, он — для нас.
К нему, в его подземную темницу,
Не проникает дружеское слово...
Вдруг заболеет он! В гнилой тюрьме
Он может заболеть... Как роза Альп
В болотных испареньях блекнет, вянет,
Так *для него* без солнца жизни нет,
Без воздуха целительного гор.
В оковах! Телль! Да он дышал свободой!
Погибнет он, вдыхая тлен могильный!

Штауффахер

Уймите скорбь! Наступит час борьбы,
И Телля тут же мы освободим.

Гедвига

Куда *вы* все годитесь без него?..
Телль на свободе был — *была* надежда;
Невинный в Телле друга обретал,
Заступника надежного — гонимый;
Он каждого спасал... а вы, все вместе,
Его оков не можете расторгнуть!

Барон просыпается.

Баумгартен

Он шевельнулся, тише!

Аттингаузен
(приподнимаясь)

Где он?

Штауффахер

Кто?

Аттингаузен

Что ж он ушел перед моей кончиной?

Штауффахер

Он о племяннике... За ним послали?

Вальтер Фюрст

Послали... И да будет вам утехой:
Он наш теперь, всем сердцем, всей душой!

Аттингаузен

Вступился он за родину свою?

Штауффахер

Со смелостью героя.

Аттингаузен

Отчего ж
Не примет он мое благословенье?
Сомненья нет, подходит мой конец.

Штауффахер

О нет, короткий сон вас подкрепил.
Бодрее вы, и ясен стал ваш взор.

Аттингаузен

Страданье — это жизнь; оно утихло,
Конец мученьям — и конец надежде.
(Заметив Вальтера Телля.)
Кто этот мальчик?

Вальтер Фюрст

Внук мой, сирота.
Я вас прошу благословить его.

Гедвига с сыном опускаются перед умирающим на колени.

Аттингаузен

Я всех вас тут сиро́тами оставлю...
О, горе мне, что в свой последний час
Закат моей отчизны я увидел!
Ах, до таких дожить преклонных лет —
И все надежды унести в могилу?

Штауффахер
(Вальтеру Фюрсту)

И он умрет с такой печалью в сердце?
Не озарить ли нам последний час
Лучом надежды?.. Благородный рыцарь,
Воспряньте духом! Не совсем еще
Погибли мы, не вовсе беззащитны.

Аттингаузен

Но кто ж спасти вас должен?

Вальтер Фюрст

Мы же сами.
Вот выслушайте! Дали три страны
Друг другу слово выгнать всех тиранов.
Союз на Рютли заключен, и клятвой
Все связаны. Мы перед новым годом
Начнем борьбу. Ваш благородный прах
В земле свободной мирно опочиет.

Аттингаузен

О, повторите! Заключен союз?

Мельхталь

В один и тот же день должны подняться
Все три лесных кантона. Все готово.
И бережно хранится тайна всеми,
Хоть тысячам доверили ее.
Уже стоят над пропастью тираны,
И дни их своеволья сочтены,
Они исчезнут вскоре без следа.

Аттингаузен

А как же замки с крепкими стенами?

Мельхталь

В одну и ту же ночь они падут.

Аттингаузен

А рыцари к союзу не примкнули?

Штауффахер

Мы ждем от них поддержки, но союзу
Пока одни крестьяне дали клятву.

Аттингаузен
(медленно привстает в величайшем удивлении)

Как, без поддержки рыцарства крестьянин
Дерзнул подобный подвиг предпринять?
О, если он в свои так верит силы,
Тогда ему мы больше не нужны.
В могилу можем мы сойти спокойно.
Бессмертна жизнь... иные силы впредь
К величию народы поведут.
(Кладет руки на голову стоящего перед ним на коленях мальчика.)
От головы, где яблоко лежало,
Свет *новой, лучшей вольности* взойдет.
Уходит старое — не то уж время,
Среди руин жизнь сызнова цветет.

Штауффахер
(Вальтеру Фюрсту)

Каким огнем зажглись его глаза!
Не жизни гаснущей последний проблеск,
Но жизни новой это первый луч.

Аттингаузен

Вот едут рыцари из старых замков
Присягу дать на верность городам
И в Юхтланде и в Тургау, повсюду.
Подъемлет Берн державную главу,
И Фрейбург создает оплот свободы,
Прилежный Цюрих граждан снаряжает
В кровавый бой... И силы королей
О вековые стены разобьются...
(Продолжает, как ясновидящий, все более и более вдохновляясь.)
Князей и рыцарей вдали я вижу.
Они идут, сверкая сталью лат,
Сломить отважных сыновей свободы —
Борьба на жизнь и смерть! Кровавой сечей
Здесь не одно прославится ущелье.
Вот, не щадя себя, с открытой грудью,
На копья дерзко ринулся крестьянин —
И брешь пробил — погиб дворянства цвет,
И стяг победы подняла свобода.
(Взяв за руки Фюрста и Штауффахера.)
Держитесь вместе... вечно, нерушимо...
Свобода одного — свобода всех.
Дозоры на вершинах гор поставьте,
Друг другу помогайте. И да будет
Союз ваш век... един... един... един...
(Откидывается на подушки; но, бездыханный, он еще держит их руки.)

Фюрст и Штауффахер некоторое время на него смотрят, затем скорбно отходят в стороны. Тем временем тихо собираются слуги. Они подходят, безмолвно выражая, кто сдержаннее, а кто сильнее, свое горе; некоторые становятся возле умершего на колени и плачут, склонившись над его рукой. В продолжение этой немой сцены звонит колокол замка.

Руденц
(вбегая)

Он жив? Скажите, он меня услышит?

Вальтер Фюрст
(отвернувшись, указывает на умершего)

Отныне вы — глава наш и защитник,
Другое имя носит этот замок.

Руденц

(увидев покойника, останавливается в глубоком горе)

О, боже!.. Так раскаянье мое
На несколько мгновений запоздало
И радостью не будет для него?
Я пренебрег его благим советом,
Когда он жил... И вот его уж нет.
Ушел навек, на совести моей
Оставив неоплатный долг!.. Скажите,
Мой дядя умер в гневе на меня?

Штауффахер

Нет, перед смертью он о вас услышал...
Отвагу вашу он благословил!

Руденц

(становится на колени возле покойника)

О доблестного рыцаря останки!
Священный прах! Даю тебе обет
Здесь, над твоей остывшею рукою:
Расторгнуты навек с врагами связи,
Я к моему народу возвратился
И навсегда — швейцарец всей душой!..
(Встает.)
Оплакивайте в нем отца и друга.
Но все ж, друзья мои, не унывайте!
Он не одни владенья мне оставил.
Нет, Руденц дух наследует его.
И юность бодрая исполнит долг,
Что хилой старости был не под силу...
Отец почтенный, дайте вашу руку!
И вы свою! Вы, Мельхталь, дайте вашу!
Сомненья прочь! Не отводите глаз.
Примите клятву и мои обеты!

Вальтер Фюрст

Дадим барону руку. Сердцем он
Вернулся к нам.

Мельхталь

Крестьян вы презирали.
Чего ж теперь от вас мы вправе ждать?

Руденц

О, заблужденья юноши забудьте!

Штауффахер
(Мельхталю)

Единство — был умершего завет,
Не забывайте!

Мельхталь

Вот моя рука!
Крестьянское рукопожатье стоит
Не меньше слова рыцаря. Притом —
Что вы без нас? И мы — древней дворян!

Руденц

Я чту крестьян. Мой меч — защита им.

Мельхталь

Те руки, что природу покорили
И горы хлеб заставили родить,
Грудь защитить наверное сумеют.

Руденц

Вы будьте *мне*, я буду *вам* оплотом.
Союзом нашим будем мы сильны.
Но прочь слова, когда страна родная —
Добыча чужеземной тирании...
Сперва страну очистим от врага,
А после на досуге разберемся.
(Помолчав.)
Вам нечего ответить мне? Молчите?
Доверья я еще не заслужил?
Друзья, тогда я против вашей воли
Проникну в тайну вашего союза.
На Рютли были вы... и присягнули,—
Известно мне, что там произошло.
Я эту тайну, как залог священный,
Хранил, хоть мне ее не доверяли.
Нет, не был я врагом моей отчизне,
Еще ни разу вам я не вредил.
Но все ж, друзья, не надо мешкать вам.
Быстрей ударьте — гибельна отсрочка,
Телль первой жертвой промедленья стал...

Штауффахер

Мы дали клятву ждать до рождества.

Руденц

Я не был там и клятвы не давал.
Не вы, так я начну.

Мельхталь

Как? Неужели...

Руденц

К отцам страны приравнен я отныне,
И первый долг мой — быть защитой вам.

Вальтер Фюрст

Предать земле останки дорогие —
Ваш первый и священный долг пред всеми.

Руденц

Освободив страну, мы принесем
Венок победы на его могилу.
Друзья мои! Я не за вас одних
С тираном лютым насмерть буду биться —
И за себя!.. Узнайте же! Исчезла,
Похищена моя невеста Берта.
Еще одно совершено злодейство!

Штауффахер

Тиран дерзнул на произвол такой
И рыцарскую дочь посмел похитить?

Руденц

Я обещал вам помогать, друзья,
Но сам сперва о помощи молю.
Ах, у меня любимую отняли!
Бог весть, куда ее упрятал Геслер!
Злодей любой ценой ее заставит,
Увы, с ним в ненавистный брак вступить!
О, помогите Берту мне спасти!..
Ведь за любовь к стране она достойна,
Чтоб на ее защиту встали все!

Вальтер Фюрст

Что ж вы предпримете?

Руденц

Ах, я не знаю!
Сквозь этот мрак, который окружает
Ее судьбу, и сквозь сомненья, страхи,
Когда не ведаешь, куда идти,
Одна лишь ясно проступает мысль:
Из-под обломков тирании лютой
На божий свет ее мы извлечем.
Когда врага твердыни сокрушим,
То верю — мы ее освободим!

Мельхталь

Ведите нас! Мы все пойдем за вами.
Уже сегодня нам борьба по силам!
Телль на свободе был, когда клялись мы,—
Еще не совершилось злодеянье.
Иное время — и закон иной.
Тот низкий трус, кто медлить будет доле!

Руденц
(Штауффахеру и Вальтеру Фюрсту)

Так за мечи, за копья, дело близко!
Огни уж скоро вспыхнут по горам.
Стремительнее вестового судна
Победы нашей весть примчится к вам.
Огней сигнальных будет цепь ярка!
Вы молнией на недруга ударьте
И сбросьте гнет тиранов — на века!
(Уходит.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ущелье неподалеку от Кюснахта.

Сюда спускаются по тропинке между скал, и каждого путника, прежде нежели он появится на авансцене, видно наверху. Кругом скалы; одна из них, поросшая кустарником, выдается вперед.

Телль
(входит с самострелом)

По этому ущелью он поедет;
Другого в Кюснахт нет пути... И здесь
Я все свершу... благоприятен случай.
Куст бузины меня надежно скроет,
Оттуда я стрелой тебя достану,
А для погони тесен этот путь.

Кончай скорей расчеты с небом, фохт!
Твой час настал. Ты должен умереть!
Я прежде жил спокойно и беззлобно,
Одних зверей стрелою поражал,—
Убийство мне на ум не приходило...
Теперь ты мир моей души смутил,
И в яд змеиный превратил во мне
Ты молоко благочестивых мыслей.
Ты сам вложил мне в руки этот лук:
Кто в голову родного сына целил,
Сумеет в сердце поразить врага!
Детей невинных, верную жену
Я защищать от ярости твоей
Обязан, фохт!.. Когда рукой дрожащей...
Упорный лук натягивал я свой...
Когда меня ты с дьявольским злорадством
Стрелять в родного сына принуждал...
И тщетно умолял я о пощаде...
Тогда в душе я страшную дал клятву —
Ее лишь бог слыхал,— что *первой* целью
За этим выстрелом в дитя послужит
Мне грудь твоя... И тот обет священный,
Который лютой порожден был мукой,
Исполню я... Мой лук тому порукой.
Ты господин мой, ты имперский фохт;
Но разве мог себе сам император
Позволить столько?.. Он тебя послал,
Чтоб суд творить — пусть строгий, он разгневан,—
Но не над всеми злобно потешаться
И наносить преступные удары.
Есть бог вверху для мщенья и для кары.
Могильный мрак несущая стрела,
Бесценное сокровище мое!
Лети, вот цель, что к просьбам и моленьям
Была всегда глуха и недоступна...
Но пред *тобой* она не устоит...
Ты ж, крепкая тугая тетива,
Так часто мне служившая на играх,
Не выдавай меня и в грозный час!
Мой верный друг, покорна будь усилью,
Ты часто окрыляла мне стрелу.
Без промаха единственной стрелой
Сразим врага — в колчане нет другой.

Путники проходят через сцену.

Я сяду здесь, на каменной скамье.
Тут путников короткий отдых ждет...
Их родина далеко... Все спешат,
Друг другу чуждые, никто не спросит,
Какое горе у тебя на сердце...
Проходит озабоченный купец
И с легкою котомкой богомолец...
Там набожный монах, а там еще
Разбойник мрачный иль дударь веселый;
Погонщик за навьюченным конем,—
Ведь каждый путь ведет на край вселенной.
Их всех сюда влекут свои дела,
Меня же мысль *о крови* привела!

(Садится.)

Бывало, как с охоты приходил
Отец ваш, дети, то-то был вам праздник!
Он каждый раз вам приносил домой
Иль редкостную птицу, иль цветок
Диковинный, иль рог окаменелый,
Какой в горах, случается, находят...
На промысел другой теперь он вышел:
Задумал он убийство на дороге —
И вот врага подстерегает здесь.
Но и теперь о *вас* тревога, дети...
Невинных, вас он хочет защитить:
Чтоб вы спаслись от мщения злодея,
В него стрелу он пустит, не жалея!

(Встает.)

Я крупного подстерегаю зверя...
Не унывая, день-деньской охотник
Скитается в горах в мороз трескучий,
И прыгает с утеса на утес,
И лезет вверх по страшной крутизне
С истерзанными до крови руками...
А все чтоб серну жалкую добыть.
Меня награда ждет куда ценней —
Здесь поражу смертельного врага.

Издали, все приближаясь, доносятся звуки веселой музыки.

Я никогда не расставался с луком,
Всю жизнь в стрельбе искусной упражнялся.
Без промаха в мишень я попадал,
И много раз прекрасные награды

Я получал на наших состязаньях...
Но этот *выстрел* будет *мастерской*,
Я лучшую в горах возьму награду.

Через сцену вверх по дороге движется свадебная процессия. Телль смотрит на нее, опираясь на свой лук. Полевой сторож Штюсси подходит к нему.

Штюсси

Вот женится смотритель монастырских
Поместий; сам богатый человек,—
Да, у него с десяток стад в горах!..—
А взял невесту он из Имензее.
Пир в Кюснахте сегодня до утра.
Пойдем туда. Там рады всем гостям.

Телль

Нет, хмурый гость на свадьбе не у места.

Штюсси

Любую скорбь — скорей из сердца вон!
Сам знаешь, нынче времена лихие.
Лови, стрелок, веселье на лету.
Здесь — свадьба; там, быть может,— погребенье.

Телль

А иногда — то и другое рядом.

Штюсси

Да, всякое случается на свете.
Довольно бед кругом... Скала в Гларисе
Обрушилась, и оползень засыпал
Немалое пространство.

Телль

Значит, горы
И те не вечны? Все непрочно в мире.

Штюсси

А вот еще какой чудесный случай
Недавно мне рассказывал проезжий:
Поехал знатный рыцарь к королю.
И вот дорогой целый рой шершней
Напал на лошадь. Так ее заели,
Что наземь рухнула и околела.
А рыцарь к королю пешком прибрел.

Геро и Леандр

Телль

И слабому дала природа жало.

Армгарда появляется с несколькими детьми и становится на дороге.

Штюсси

Все это, брат, беду сулит стране
И лютые, безумные злодейства.

Телль

Ужасные злодейства что ни день
Без знамений особых происходят.

Штюсси

Да, счастлив тот, кто мирно землю пашет
И безмятежно средь своих живет.

Телль

И смирному спокойно не прожить,
Коль он соседу злому неугоден.
(С беспокойным ожиданием то и дело поглядывает вверх на дорогу во время всего разговора.)

Штюсси

Прощай, брат... Вижу, ты кого-то ждешь.

Телль

Да, жду.

Штюсси

Счастливо до дому добраться!
Ты, кажется, из Ури? Наш ландфохт
Вернуться нынче должен был оттуда.

Путник
(мимоходом)

Не ожидайте фохта. Реки вышли
От сильного дождя из берегов,
И все мосты снесло потоком бурным.

Телль встает.

Армгарда
(подойдя ближе)

Фохт не проедет мимо?

Ш т ю с с и

Ты к нему?

А р м г а р д а

О да, к нему!

Ш т ю с с и

Но отчего, скажи мне,
Ты стала поперек его пути?

А р м г а р д а

Чтоб выслушал — тут некуда податься.

Ф р и с г а р д
(быстро спускаясь по дороге, кричит)

С дороги прочь! Мой господин ландфохт
За мною следом едет. Расступитесь!

Телль уходит.

А р м г а р д а
(взволнованно)

Ландфохт к нам едет!
(Становится с детьми на авансцене.)

Г е с л е р и Р у д о л ь ф Г а р р а с, оба верхом, появляются вдали на взгорье.

Ш т ю с с и

Как вы добрались?
Ведь, говорят, мосты снесло водой.

Ф р и с г а р д

На озере мы с бурею схватились.
Потоки с гор теперь нам не страшны.

Ш т ю с с и

Вы были в лодке в этакую бурю?

Ф р и с г а р д

Да, были. Век я это помнить буду.

Ш т ю с с и

Ах, расскажи нам!

Фрисгард

Нет, мне надо в замок —
Предупредить, что скоро будет фохт.

Штюсси

Будь в лодке люди честные — конечно,
Пошли б ко дну. Ну а такой народ
В воде не тонет, не горит в огне.
(Оглядывается.)
Никак, стрелка уже и след простыл?
(Уходит.)

Геслер и Рудольф Гаррас верхом.

Геслер

Я императору слуга, поймите,
И угождать ему во всем обязан.
Меня послал он не затем, чтоб гладить
Народ по шерстке... Нет, повиновенья
Он ждет. Борьба идет за то, кто здесь
Хозяин: император иль крестьянин.

Армгарда

Теперь пора! Я с ним заговорю!
(Робко приближается к ним.)

Геслер

Не шутки ради я повесил шляпу,
Не для того, поверьте, чтобы этим
Испытывать народ, — его я знаю;
Но лишь затем, чтоб научить крестьян
Склонять свои упрямые затылки.
Препятствие на их пути обычном
Поставил я, чтоб, о него споткнувшись,
Припомнили они, кто господин их.
А то уж стали забывать его.

Рудольф Гаррас

Но у народа есть свои права...

Геслер

Да время ль нам теперь их разбирать?
Великие свершаются деянья.
Дом Габсбургов все крепнет. Сын закончит,

Что славно было начато отцом.
Народец этот нам преградой стал,
Но мы его заставим покориться!

Хотят ехать дальше. Армгарда бросается перед Геслером на колени.

Армгарда

О, сжальтесь! Сжальтесь! Будьте милосердны!

Геслер

Ну, не стоять тут поперек пути!
Прочь от меня!

Армгарда

Мой муж сидит в темнице,
Голодные сироты плачут... Сжальтесь
Над тяжкою нуждою, господин!

Рудольф Гаррас

Кто вы? Откуда? Кто ваш муж?

Армгарда

Бедняк.
Он косит сено на отвесных склонах,
Над грозною подчас повиснув бездной,
Карабкаясь по скалам, где не может
Пастись привычный к горным кручам скот...

Рудольф Гаррас
(ландфохту)

О, как жалка жизнь этих горемык!
Верните ей хозяина и мужа!
Как ни была б тяжка его вина,
Он ремеслом своим уже наказан.
(Женщине.)
Наместник все рассудит по закону...
Придите с просьбой в замок... Здесь не место.

Армгарда

Нет, шагу я не сделаю отсюда,
Пока мне мужа фохт не возвратит.
Полгода скоро он сидит в тюрьме
И приговора тщетно ожидает.

Геслер

Ты принуждать меня? Посторонись!

Армгарда

Будь справедлив! Ведь ты судить обязан
Во имя императора и бога.
Исполни долг! Коль милости ты ждешь
От господа, то милость нам яви!

Геслер

Прочь, дерзкая! Убрать ее с дороги!

Армгарда
(хватаясь за поводья)

Не отступлю! Мне нечего терять!
Остановись! Ни шагу дальше, фохт.
Сперва ты окажи мне правосудье...
Выкатывай на лоб свои глаза...
Несчастьям нашим меры нет, и нас
Твой лютый гнев, ландфохт, не испугает...

Геслер

Пусти, иль затопчу тебя конем!

Армгарда

Топчи! Вот, на...
(Хватает детей и бросается с ними на землю.)
Дави меня с детьми...
Пусть кованым копытом их тела
Твой конь растопчет, не щади сирот!
Куда страшней ты совершал злодейства!

Рудольф Гаррас

Безумная!

Армгарда
(вне себя)

Ведь ты уже давно
Страну, народ ногами попираешь!
О, если б я была мужчиной, фохт,
Я что-нибудь придумала б другое,
Чем здесь лежать в пыли...

Издали снова доносится свадебная музыка, но глуше.

Геслер

Но где же люди?
Гоните прочь ее, или, забывшись,
Я что-нибудь ужасное свершу.

Рудольф Гаррас

Пройти сюда отряду невозможно —
Ему дорогу свадьба преградила.

Геслер

Я, право, слишком мягкий властелин
Для этого народа... Языки
Дерзки у этих горцев непокорных.
Клянусь, что все пойдет теперь иначе:
О, я сломлю их дерзкое упорство,
Я подавлю кичливый дух свободы!
Я новый возвещу закон стране...
И прикажу...

(Стрела пронзает его, он хватается рукой за сердце и, качаясь в седле, произносит слабым голосом.)

О, милостивый боже!

Рудольф Гаррас

Что за напасть... Откуда? Что такое?

Армгарда
(вскакивая)

Он падает!.. Убит!.. Сражен стрелой!
Она ландфохту в сердце угодила!

Рудольф Гаррас
(соскакивает с лошади)

О, ужас!.. Боже!.. Господин ландфохт...
Взовите к милосердию небес!..
Вы при смерти!..

Геслер

О, это выстрел Телля...

(Соскальзывает с лошади на руки Рудольфу Гаррасу, который кладет его на скамью.)

Телль
(появляясь вверху, на вершине скалы)

Узнал стрелка — другого не ищи!
Свобода — хижинам и мир — невинным!
Не страшен ты теперь моей отчизне!
(Исчезает за скалой.)

На сцену врывается народ.

Ш т ю с с и
(впереди)

Что здесь такое? Что произошло?

А р м г а р д а

Ландфохт убит стрелой.

Н а р о д
(сбегаясь)

Кто, кто убит?

Между тем как передние из свадебного поезда выходят на сцену, задние находятся еще на взгорье, и музыка продолжается.

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Он кровью изойдет! Сюда, на помощь!
Преследуйте убийцу, да скорей!
Несчастный, ты дождался, вот конец твой:
Не слушался ты моего совета!

Ш т ю с с и

О, боже! Как он бледен, неподвижен!

Г о л о с а

Чьей он казнен рукой?

Р у д о л ь ф Г а р р а с

Эй, там, уймитесь!
Убийство здесь, а музыка ликует!

Музыка внезапно прекращается. Народ все прибывает.

Ландфохт, когда вы в силах, отвечайте:
Вам нечего доверить мне?

Геслер делает знак рукой и с досадой повторяет его, видя, что жест остался непонятым.

Куда?
Что, в Кюснахт?.. Я не понял вас... Ландфохт,
Не будьте так нетерпеливы... Надо,
Забыв земное, с небом примириться!

Весь свадебный поезд в ужасе окружает умирающего.

Штюсси

Он все бледней... Смерть... к сердцу подступила...
А вот он и глаза уже закрыл.

Армгарда
(поднимая ребенка)

Смотри, дитя, как умирает изверг!

Рудольф Гаррас

О женщины безумные! Неужто
В вас сердца нет, что зрелище такое
Для вас потеха? И никто не хочет...
Да помогите ж выдернуть стрелу!

Женщины
(отступая)

Спасать того, кого господь сразил?!

Рудольф Гаррас

Так будьте же вы прокляты!
(Хватается за меч.)

Штюсси
(удерживает его руку)

Не смейте!
Господству вашему конец. Убит
Тиран страны. Мы больше не потерпим
Насилья над собой. Свободны мы.

Все
(шумно)

Страна свободна!

Рудольф Гаррас

Вот вы как! Уже?
Так скоро всякий страх у вас пропал?
(Подошедшим оруженосцам.)
Вы видите, злодейское убийство
Совершено... Ничем тут не помочь...
Преследовать убийцу бесполезно.
Другие впереди у нас заботы.
Скорее в Кюснахт! Замок этот крепкий
Спасти для императора нам надо.

Распались узы долга и порядка,
И никому довериться нельзя.
(Удаляется с оруженосцами.)

Входят шесть монахов — братьев милосердия.

Армгарда

Вот братья милосердия идут!

Штюсси

Была бы жертва — ворон тут как тут.

Братья милосердия
(становятся полукругом возле покойника и поют глухими голосами)

Внезапно может смерть прийти,
Ей не указан день и час.
Она сразит на полпути:
Ты в цвете сил — и вот угас.
Готов ты умереть иль нет —
Дай высшему судье ответ!

При повторении последних стихов занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Площадь в Альторфе.

В глубине, направо, стоит крепость «Иго Ури» с еще не убранными лесами, как в третьей сцене первого действия. Налево тянется цепь гор, на которых пылают сигнальные огни. Рассвет. Издалека с разных сторон доносится звон колоколов.

Руоди, Куони, Верни, мастер-каменотес, множество других поселян, женщины и дети.

Руоди

Вы видите — костры зажглись в горах?

Каменотес

А слышите — набат гудит за лесом?

Руоди

Враг побежден.

К а м е н о т е с

Твердыни фохтов пали.

Р у о д и

Неужто здесь, меж гор лесистых Ури,
Потерпим мы насилия оплот?
Нам позже всех провозгласить свободу?

К а м е н о т е с

Позволить *Игу* тут стоять угрозой?
Ломай, круши!

В с е

Круши! Ломай! Круши!

Р у о д и

Где наш трубач?

Т р у б а ч У р и

Я здесь. Зачем я нужен?

Р у о д и

На башню подымись и затруби
В свой звонкий рог, чтоб далеко в горах
Отдался звук тысячеустым эхом
И чтоб скорее на призыв могучий
Народ из Ури шел!

Трубач Ури уходит. Появляется В а л ь т е р Ф ю р с т.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Друзья! Постойте!
Вестей из Унтервальдена и Швица
Все нет как нет. Сперва гонцов оттуда
Нам надо подождать.

Р у о д и

Как подождать?
Тиран убит, забрезжил день свободы.

К а м е н о т е с

Гонцов? А вы не видите? Кругом
В горах костры сигнальные пылают!

Руоди

Сюда, сюда! Живее, всем народом!
Долой леса! Обрушим своды, стены!
Мы камня тут на камне не оставим!

Каменотес

Эй, подмастерья! Замок мы воздвигли,
Сумеем и разрушить.

Все

Бей, круши!

(Бросаются со всех сторон на недостроенную крепость.)

Вальтер Фюрст

Пошло! Теперь не удержать ничем.

Входят Мельхталь и Баумгартен.

Мельхталь

Как, замок цел? Когда уже весь Сарнен
Испепелен и крепкий Росберг пал?

Вальтер Фюрст
(Мельхталю)

Вы с чем пришли?.. Свобода или рабство?
Что, от врага очищена страна?

Мельхталь
(обнимая его)

Очищена. Порадуйтесь, отец!
Свободны мы. Теперь уже нигде
В Швейцарии тиранов не осталось.

Вальтер Фюрст

Как удалось вам замки захватить?

Мельхталь

С отчаянной отвагой Ульрих Руденц
Взял замок Сарнен приступом внезапным.
В ночь перед этим в Росберг я проник.
Но слушайте, друзья! Когда мы замок,
Очистив от врага, зажгли и пламя,
Треща, взвилось столбом под небеса,
Вбежал Дитхельм, паж Геслера, и крикнул,
Что Берта Брунек заживо сгорит.

Вальтер Фюрст

О, боже!

Слышно, как рухнули леса постройки.

Мельхталь

Тайным повеленьем фохта
Она была заточена в темницу.
Невзвидя света, Руденц тут вскочил!
Уже трещали балки и стропила,
И к нам из клубов дыма долетал
Несчастной жертвы крик.

Вальтер Фюрст

Ее спасли?

Мельхталь

Спасти могли решимость, быстрота!
Будь Руденц *только* нашим дворянином,
То мы б еще задумались. Но он
Союзник наш, а Берта чтит народ...
И потому мы жизнью вновь рискнули
И кинулись в огонь ее спасать.

Вальтер Фюрст

И что ж, спасли?

Мельхталь

Спасли. Ее мы оба
Стремительно сквозь пламя пронесли,—
Стропила тут же рухнули за нами.
Но вот, когда она, придя в себя,
Свои глаза сиянью дня открыла,
Барон меня в объятьях сжал. Так был
Безмолвной клятвой закреплен союз,
И он, в огне пожара закаленный,
Любой удар судьбы перенесет...

Вальтер Фюрст

Где ж Ланденберг теперь?

Мельхталь

За рубежом.
Не я виной, что тот свет солнца видит,

Кем мой отец был зверски ослеплен.
Я вслед за ним погнался — и настиг,
К ногам отца я в прах поверг злодея
И острый меч над ним уже занес,
Но милосердию слепого старца
Обязан он, что вымолил пощаду.
Он дал *зарок* сюда не возвращаться —
И не нарушит клятву. На себе
Узнал он силу наших рук.

Вальтер Фюрст

Хвала вам:
Победу вы не запятнали кровью!

Дети
(пробегая по сцене с обломками лесов)

Свобода!.. Воля!..

Раздаются могучие звуки рога Ури.

Вальтер Фюрст

Праздник-то какой!
О нем вовек и дети не забудут.

Девушки несут шляпу на шесте. Вся сцена заполняется народом.

Руоди

Вот шляпа — чтить ее нас принуждали.

Баумгартен

Решайте, как нам с нею поступить.

Вальтер Фюрст

Ах, господи! Под ней стоял мой внук!

Несколько голосов

Топчите, рвите памятник насилья!
В огонь ее!

Вальтер Фюрст

Нет, лучше сохраним!
Она была орудьем тирании,
Теперь она — свободы нашей знак!

Поселяне, поселянки и дети, кто сидя, а кто стоя на обломках рухнувших лесов, образуют большой живописный полукруг.

Мельхталь

Как радостно, союзники, стоять
Здесь, на обломках павшей тирании!
Все свершено, в чем мы клялись на Рютли.

Вальтер Фюрст

Начало это, но не завершенье.
О, нам нужны отвага и сплоченность!
Поверьте, император не замедлит
Начать войну, чтоб отомстить за фохта
И силой к нам всех изгнанных вернуть.

Мельхталь

Ну что ж, пусть он ведет свои войска!
Внутри страны врага мы победили —
И внешнего сумеем отразить.

Руоди

Не много к нам ведет проходов горных,
И грудью мы дадим врагу отпор.

Баумгартен

Союз наш вечен, непоколебим,
Нас полчища врага не устрашат!

Входят Рёссельман и Штауффахер.

Рёссельман
(входя)

О, грозный суд разгневанных небес!

Поселяне

Что, что такое?

Рёссельман

Дожили, вот время!

Вальтер Фюрст

Но что случилось?.. Вернер, что такое?

Поселяне

Что за напасть?..

Рёссельман

О, боже, что творится!

Штауффахер

Избавлены мы от большой угрозы...

Рёссельман

Убит наш император!

Вальтер Фюрст

Боже правый!

Поселяне вскакивают со своих мест и окружают Штауффахера.

Все

Убит! Что?.. Император!.. Император!..

Мельхталь

Да как же так? Откуда эти вести?

Штауффахер

Сомнений нет. Под Бруком Альбрехт пал
От рук убийц... Нам эту весть принес
Правдолюбивый Иоганнес Мюллер.

Вальтер Фюрст

Но кто виновник страшного злодейства?

Штауффахер

Оно еще ужасней оттого,
Что совершил его родной племянник,
Сын брата, швабский герцог Иоганн.

Мельхталь

А что причиной было злодеянья,
Отцеубийству равного?

Штауффахер

Наследства
Племяннику не отдал император
И будто бы хотел совсем отнять
Его владенья, дав ему взамен

Епископство. Но юный герцог внял
Товарищей своих навету злому
И вместе с Вартом, Пальмом, Эшенбахом
И Тегерфельдом порешил на том,
Что раз ему отказано в правах,
То собственной рукой он отомстит.

Вальтер Фюрст

Но как свершилось это преступленье?

Штауффахер

В свою столицу ехал император
Из Бадена со свитою блестящей,
В которой сын его был Леопольд
И герцог Иоганн. Когда ж до Ройса
Доехали, то сразу к переправе,
Всех оттеснив, убийцы понеслись
И вместе с императором поплыли.
Потом верхом поехал государь
По полю, где огромный древний город
Был, говорят, в языческое время...
И на виду у Габсбургского замка —
Австрийский дом свой род ведет оттуда —
Сам герцог Иоганн ему нанес
Удар кинжалом в горло, а фон Пальм
Его пронзил копьем на всем скаку,
Меч Эшенбаха череп раскроил.
И рухнул Альбрехт, весь в крови, сраженный
Своими на земле своих отцов.
А свита, отделенная рекою,
Беспомощно глядела на расправу
И только воплем воздух оглашала.
И на руках у нищенки безродной
Весь кровью император изошел.

Мельхталь

Вот как пришлось владыке умереть,
Что жадно всем стремился завладеть!

Штауффахер

Безмерный ужас охватил страну.
Везде в горах завалены проходы,
Вблизи границ все насторожены.
И затворил ворота древний Цюрих,

Хоть тридцать лет он их не затворял:
Страшны убийцы, мстители — подавно.
Уже идет с войсками королева
Венгерская— суровая Агнеса,
Которой кротость женская чужда.
Она проклятья шлет и отомстить
За царственную кровь отца клянется
Преступникам, их роду, детям, внукам,
И слугам их, и даже камням замков.
Она грозит, что целые семейства
В отцовскую могилу сбросит, кровью
Омоется, как майскою росой.

Мельхталь

Известно ль вам, куда убийцы скрылись?

Штауффахер

Все пятеро сообщников бежали,
Свершив убийство, в пять концов различных,
Чтоб никогда не встретиться... Как слышно,
В горах у нас блуждает Иоганн.

Вальтер Фюрст

Так не дало им проку злодеянье!
Бесплодна месть — она убийства жаждет.
Убийством насладится, а затем
В отчаянье бездонном захлебнется.

Штауффахер

Убийцам пользы нет от преступленья.
Но *мы* рукою чистою сорвем
Кровавого злодейства плод благой.
Мы от большой избавились беды:
Свободы самый грозный враг — в могиле.
И будто бы другому дому скипетр,
Не Габсбургам, достанется. Желает
Империя свободно избирать.

Вальтер Фюрст

Что ж вы слыхали?

Штауффахер

Большинством намечен,
Как говорят, граф Генрих Люксембург.

Вальтер Фюрст

С империей не порывали мы,
И благо нам — теперь добьемся правды!

Штауффахер

В друзьях нуждаясь, новый император
Защитой против Австрии нам будет.

Все бросаются в объятия друг другу. Входит Петерман с имперским гонцом.

Петерман

Вот старшины почтенные.

Рёссельман и другие
(Петерману)

Вы с чем?

Петерман

Гонец имперский с грамотою прибыл.

Все
(Вальтеру Фюрсту)

Читайте вы!

Вальтер Фюрст
(читает)

«Всем гражданам любезным
Трех стран лесных дарует королева
Елизавета милости и блага».

Несколько голосов

Что нужно ей? Здесь нет ее владений.

Вальтер Фюрст
(читает)

«В великой скорби и печали вдовьей,
В которую повергнута она
Кровавою кончиною супруга,
Любовь и верность помнит королева».

Мельхталь

А счастлива была — не вспоминала.

Рёссельман

Дослушаем! Потише!

Вальтер Фюрст
(читает)

«И думает, что преданный народ
Со справедливым омерзеньем встретит
Злодеев окаянных. Посему
Ждет королева, что в лесных кантонах
Им, супостатам, не дадут приюта,
А что усердно будут помогать
Их изловить и выдать для отмщенья,
Любовь и милость памятуя, кои
Здесь Рудольфа державный дом явил».

Знаки недовольства среди поселян.

Многие голоса

Любовь и милость!

Штауффахер

Да, милости оказывал отец,
Но можно ль нам сыновними хвалиться?
Он разве наши льготы подтвердил,
Как всякий император *до него*?
Творил ли он над нами правый суд?
Давал ли невиновному защиту?
И принял ли послов от наших стран,
Когда мы их в тревоге снарядили?
Нет, ничего для нас не сделал Альбрехт.
И если б мы могучею рукой
Не защитили наших прав, его
Не тронули б вовек несчастья наши...
За что ж благодарить? Он не посеял
Тут благодарности, хоть мог бы стать
Отцом любимым всех своих народов.
Лишь о своих он проявлял заботы,
Они пусть плачут,— нет у нас охоты!

Вальтер Фюрст

Мы радоваться гибели его
И лихом *ныне* поминать не будем.
Избави бог от этого! Но *мстить*
За смерть того, кто нам добра не делал,
И тем вредить, кто зла не причинил нам,
Не подобает нам и не пристало.
О нет, любить нельзя по принужденью!

Смерть этот долг насильственный сняла,
Мы с Альбрехтом покончили дела.

Мельхталь

Пусть во дворце вдова его рыдает
И горькие стенанья к небу шлет.
Вы видите, народ без страха дышит.
Хвала творцу, что миновали грозы!
Посей любовь — пожнешь участья слезы.

Имперский гонец уходит.

Штауффахер
(народу)

Но где же Телль? Как, все еще не видно
Свободы нашей смелого творца?
Он больше всех свершил и настрадался.
Пойдем с приветом от всего народа
К тому, с кем завоевана свобода!

Все уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сени в доме Телля.
В очаге горит огонь. В распахнутые двери видны окрестности. Гедвига, Вальтер и Вильгельм.

Гедвига

Отец домой придет сегодня, дети!
Он жив! Свободен! Все кругом свободны!
Отец ваш, знайте, родины спаситель.

Вальтер

И я при этом был не из последних!
Не забывай, отцовская стрела
Грозила смертью мне, но я не дрогнул.

Гедвига
(обнимая его)

Да, да, ты небом снова мне дарован!
Тебя я в муках дважды породила!
Ты мною дважды выстрадан, мой сын!
Но все прошло... Мои вы оба, оба!
Сегодня возвращается отец!

На пороге появляется монах.

Вильгельм

Мать, погляди: вот набожный монах,
Сейчас начнет молить о подаянье.

Гедвига

Веди его с дороги подкрепиться.
Пусть чувствует, что в нашем доме радость.
(Уходит и вскоре возвращается с кубком.)

Вильгельм
(монаху)

Войдите. Мать зовет вас отдохнуть.

Вальтер

И, подкрепившись, вы пойдете дальше!

Монах
(робко озираясь, с расстроенным выражением лица)

Где я? В какой, скажите мне, стране?

Вальтер

Не знаете? Вы, видно, заблудились.
Вы в Бюрглене, в лесном кантоне Ури,
Рукой подать до Шехенской долины.

Монах
(возвращающейся Гедвиге)

Одна ли вы? Иль ваш хозяин дома?

Гедвига

Я жду его как раз... Что это с вами?
Недоброе вы в сердце затаили.
Но все равно, берите, вы в нужде.
(Подает ему кубок.)

Монах

Как сердце истомленное ни жаждет,
Я не притронусь, обещайте мне...

Гедвига

Я вас прошу ко мне не прикасаться,
Не подходить, а то не буду слушать!

Монах

Клянусь гостеприимным очагом
И вашими детьми, которых я
Так рад обнять...
(Бросается к мальчикам.)

Гедвига

Что вам взбрело на ум?
Прочь от моих детей!.. Вы не монах!
Под рясой должен мир царить, но я
У вас в чертах не замечаю мира.

Монах

Я человек несчастнейший на свете!

Гедвига

Несчастья голос тотчас внятен сердцу,
Но смолкло все в душе под вашим взглядом.

Вальтер
(подпрыгивая)

Ах, наш отец!
(Убегает.)

Гедвига

О, боже мой!
(Хочет идти, но начинает дрожать и останавливается.)

Вильгельм
(бежит следом)

Отец!

Вальтер
(за сценой)

Ты снова дома!

Вильгельм

Ах, отец наш милый!

Телль
(за сценой)

Да, вот и я... Что ж матери не видно?
(Входит.)

Вальтер

Вон у дверей стоит, поражена,
И вся дрожит от радости и страха!

Телль

О Гéдвига! О мать моих детей!
Теперь уж нас тиран не разлучит.

Гедвига
(обнимая его)

Мой Телль! Как я страдала за тебя!

Монах прислушивается.

Телль

Ликуй, жена, забудь свои страданья!
Мы вместе вновь! Вот хижина моя!
И на своей земле стою я твердо.

Вильгельм

Куда же ты, отец, девал свой лук?
Его не вижу я.

Телль

И не увидишь.
Повешен он в обители святой
И на охоте больше не послужит.

Гедвига

Мой Телль!
(Отступает, вырывая свою руку.)

Телль

Чего, скажи, ты испугалась?

Гедвига

Ты кто... ты *кто* теперь? Твоей руки
Могу ль коснуться?.. Той руки... о, боже!

Телль
(от всего сердца, мужественно)

Она стране и вам была защитой,
Я к небу смело подниму ее.

Монах делает резкое движение. Телль замечает монаха.

Кто этот брат?

Гедвига

Ах, я о нем забыла!
Мне жутко с ним, ты расспроси его.

Монах

(подходит ближе)

Итак, вы — Телль, наместника сразивший?

Телль

Да, не таясь ни перед кем,— он самый.

Монах

Телль предо мной! Всевышнего рукою
Под вашу крышу я был приведен.

Телль

(окидывая его взглядом)

Вы не монах! Но кто же?

Монах

Вами был
Сражен ландфохт, вам причинивший зло...
И я врага убил,— он на мои
Права смел посягнуть... Он общий враг наш.
Я от него ваш край освободил.

Телль

(отпрянув назад)

Так вы... о, ужас! Дети, уходите!
Ступай, жена! Иди, иди!.. Несчастный!
Вы тот...

Гедвига

О, боже, кто?

Телль

Молчи, жена!
Прочь, прочь с детьми! Пускай они не слышат.
Ступайте же отсюда... Вам нельзя
Под крышею *одной* с ним находиться.

Гедвига

Беда какая! Что ж, пойдем!
(Уходит с детьми.)

Телль
(монаху)

Вы герцог
Австрийский... Да, не отпирайтесь! Вами
Был государь, ваш дядя, умерщвлен!

Иоганн Паррицида

Моих земель грабитель.

Телль

Он ваш дядя,
Ваш император был! И как вас терпит
Земля! И как еще вам светит солнце!

Паррицида

Телль, выслушайте прежде...

Телль

Ты посмел,
Отцеубийца и цареубийца,
Запятнан кровью, к нам явиться в дом?
Войти с лицом открытым к добрым людям
И здесь на право гостя притязать?

Паррицида

Я думал милосердье тут найти:
Врагу и вы отмстили.

Телль

О несчастный!
Так ты посмел корыстное убийство
Равнять с самозащитою отца?
Ты разве сына голову спасал?
Ты встал за святость очага? Своих
От страшного конца ты оградил?..
Я чистые подъемлю к небу руки,
Тебя, твое злодейство проклиная...
Я за святую отомстил природу,
А *ты* попрал ее... тут связи нет:
Злодейство и — святейших прав защита!

П а р р и ц и д а

Вы гоните без слова утешенья?

Т е л л ь

Я в ужасе, что говорю с тобой.
Ступай своею страшною дорогой!
Не оскверняй обители невинных!

П а р р и ц и д а
(направляясь к выходу)

Так не могу, *так не хочу* я жить!

Т е л л ь

И все ж тебя мне жаль... О, боже правый!
Так молод, отпрыск царственного рода,
Внук Рудольфа, и вдруг — убийца беглый! —
Отчаявшись, ты о спасенье молишь
У нашего убогого порога!
(Закрывает руками лицо.)

П а р р и ц и д а

О, если вы способны плакать, тронет
Вас жребий мой злосчастный... Да, я герцог...
Я *был* им... Как я мог бы счастлив быть,
Смирив нетерпеливые желанья!
Но зависть грызла сердце... Мой ровесник,
Двоюродный брат Леопольд, увенчан
Был почестями, управлял страной.
А в это время мной так помыкали,
Как будто я подростком был незрелым...

Т е л л ь

Да, знал тебя твой дядя, император,
Когда страною не дал управлять!
Ты изуверским, страшным преступленьем
Сам подтвердил, как прав он был тогда...
А где теперь сообщники злодейства?

П а р р и ц и д а

Бежали, мщенья духами гонимы,
Со дня того я не видал их боле.

Т е л л ь

Ты вне закона, знаешь? Друг не вправе
Тебе помочь, а враг — все вправе сделать.

Паррицида

И потому дорог я избегаю,
И в хижину не смею постучаться —
Я дикими пустынными местами
Бегу вслепую через эти горы.
И содрогаюсь сам перед собой,
В ручье поймав свой облик злополучный.
О, сжальтесь, Телль! О, будьте человечны!..
(Падает перед ним на колени.)

Телль
(отворачиваясь)

Да встаньте! Встаньте ж!

Паррицида

Нет, прежде руку помощи подайте.

Телль

Как вам помочь? Что вам людская помощь?
Но встаньте... Пусть ужасно злодеянье —
Вы человек... Я тоже человек.
Телль безутешного не оттолкнет.
Что в силах сделать — сделает.

Паррицида
(подбежав, хватает Телля за руку)

Ах, Телль!
Вы душу от отчаянья спасете.

Телль

Да отпустите руку!.. Вам пора.
Тут скрыться невозможно, вас настигнут.
Надеяться нельзя вам на защиту...
Где вы приют найдете?

Паррицида

Я не знаю.

Телль

Господь внушил мне вот какую мысль:
В Италию спешите, к папе, в Рим!
И там, у ног святейшего отца,
Томящуюся душу успокойте.

Паррицида

А если он предаст меня врагу?

Телль

Что сделает — примите, как от бо́га!

Паррицида

Но как пробраться в незнакомый край?
Дороги я не знаю, и нельзя мне
Попутчиком к паломникам пристать.

Телль

Я расскажу вам путь, запоминайте.
Идите вверх и вверх навстречу *Ройсу*,
Что мчится с гор потоком разъяренным.

Паррицида
(с испугом)

Увидеть Ройс! Как в тот злосчастный день!

Телль

Над пропастью тропа идет, *крестами*
Означенная в память о погибших,
Кто заживо лавиной погребен.

Паррицида

Мне ужасы природы не страшны,
Когда я муки сердца обуздаю.

Телль

Вы у подножья каждого креста
Молитесь со слезами покаянья.
И, счастливо пройдя дорогой грозной,—
Коль в пропасть лютый вихрь вас не сорвет,
Не похоронит снежная лавина,—
Увидите *весь в брызгах пены мост.*
И если он под бременем вины,
Отяготившей вас, не рухнет в бездну,
То мрачные *скалистые ворота*
Вам попадутся на пути. А дальше
Откроется веселая *долина.*
Но поскорее проходите мимо,—
Где мир царит, нельзя вам долго быть.

Паррицида

О Рудольф! Рудольф! Царственный мой предок!
Так бродит внук твой по твоей земле!

Телль

Идя все вверх, придете к Сен-Готарду.
Там вечные на высях есть *озера*;
Они струями чистыми с небес,
Как чаши, наполняются. Прощайтесь
С землею нашей тут. А вниз другой,
В Италию, вас выведет поток...

Слышатся звуки швейцарской пастушеской песни, исполняемой множеством альпийских рожков.

Чу! Голоса слышны. Прочь!

Гедвига
(вбегая)

Где ты, Телль?
Отец идет, а с ним толпа народа
Из Ури, Унтервальдена и Швица...

Паррицида
(закрывает лицо руками)

Среди счастливых — лишний я один!

Телль

Жена моя, ступай, и подкрепиться
Дай страннику, и щедро надели
Дарами в путь далекий и пустынный.
Спеши! Идут.

Гедвига

Но кто он?

Телль

Все равно!
А выйдет из дому, ты отвернись,
Чтобы глаза про путь его не знали!

Паррицида стремительно подходит к Теллю, но тот останавливает его движением руки и уходит. После того как они разошлись в разные стороны, сцена меняется.

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

В долине перед домом Телля и на возвышенностях, которые замыкают ее, стоят живописными группами поселяне. Другие еще подходят по высокой тропе вдоль берега Шехена. Вальтер Фюрст с обоими мальчиками, Мельхталь и Штауффахер идут впереди, другие теснятся за ними. Когда выходит Телль, все встречают его радостными кликами.

Все

Да здравствует наш Телль, наш избавитель!

Пока передние толпятся вокруг Телля и обнимают его, появляются Руденц и Берта. Руденц обнимает поселян, Берта — Гедвигу. Во время этой немой сцены на горѐ играет музыка. Когда она умолкает, Берта выходит на середину круга.

Берта

Друзья мои! Сограждане! Примите
Меня в свой круг. Я первая защиту
Нашла в стране свободы — и вверяю
Свои права народу. Защищать
Вы будете меня, свою гражданку?

Поселяне

Стеною встанем, кровью защитим!

Берта

Спасибо вам. Теперь я жизнь свою,
Свободная, соединяю с ним.

Руденц

Свобода всем рабам и крепостным!

Все

(кричат; музыка возобновляется)

Свобода! Свобода! Свобода!

Под звуки музыки занавес падает.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА

Андромаха

Для чего стремится Гектор к бою,
Где Ахилл безжалостной рукою
За Патрокла грозно мстит врагам?
Если Орк угрюмый нас разлучит,
Кто малютку твоего научит
Дрот метать и угождать богам?

Гектор

Слез не лей, супруга дорогая!
В поле битвы пыл свой устремляя,
Этой дланью я храню Пергам.
За богов священную обитель
Я паду и — родины спаситель —
Отойду к стигийским берегам.

Андромаха

Не греметь твоим доспехам боле;
Ржавый меч твой пролежит в неволе,
И Приама оскудеет кровь;
В область мрака ты сойдешь отныне,
Где Коцит слезится по пустыне...
Канет в Лету Гектора любовь!

Гектор

Весь мой пыл, все мысли и стремленья
Я залью волной реки забвенья,
Но не чистый пламенник любви...
Чу, дикарь у стен уж кличет к бою.
Дай мне меч и не томись тоскою —
Леты нет для Гектора любви.

1780

ЛАУРА У КЛАВЕСИНА

Чуть коснешься ты струны послушной,—
Чудо! — то, как статуя, бездушный,
То бесплотный, молча я стою.
Смертью, жизнью — всем ты завладела.
Словно Филадельфиа, из тела
Душу исторгаешь ты мою.

Мир, как будто зачарован,
К звукам сладостным прикован,
Обрывая дней полет,
Полноту блаженства пьет.
Самый воздух, замирая,
Чутко внемлет песням рая.
Как меня твой дивный взор —
Все пленяет звуков хор.

Вот они, как в сладострастной буре,
Гимном счастью вознеслись,—
Так новорожденные, в лазури,
Ангелы стремятся ввысь,
Так из тьмы, где Хаоса владенья,
В грозовую ночь миротворенья
Роем огненных шаров
Извергались тысячи миров.

Звуки льются, то журча украдкой,
Словно ключ по гальке гладкой,
То сильны, как бурный вал,
Бьющий в твердь гранитных скал;
Грозны, как гром, что в оркестр урагана
Мощно врывается гулом органа,

Смутны, как ветер весной
В липовой чаще,
Дышащий негой ночной,
Томный, пьянящий.

Горестны, как полный грустных пеней
Ропот сожалений в той ночи, где тени
Бродят, плача, где Коцит
Волны слез в глухую даль стремит.

Дева, молви! Не сошла ль ты с неба,
Вестница возвышенная Феба?
Не в Элизии ль возник
Твой божественный язык?

1781

РУССО

Монумент, возникший злым укором
Нашим дням и Франции позором,
Гроб Руссо, склоняюсь пред тобой!
Мир тебе, мудрец уже безгласный!
Мира в жизни ты искал напрасно —
Мир нашел ты, но в земле сырой.

Язвы мира ввек не заживали:
Встарь был мрак — и мудрых убивали.
Нынче — свет, а меньше ль палачей?
Пал Сократ от рук невежд суровых.
Пал Руссо — но от рабов Христовых,
За порыв создать из них людей.

1781

СЧАСТЬЕ И МУДРОСТЬ

С временщиком Фортуна в споре
К убогой Мудрости летит:
«Сестра, дай руку мне — и горе
Твоя мне мудрость облегчит.

Дарами лучшими моими
Его осыпала, как мать,—
И что ж? Ничем не насытимый,
Меня скупой он смел назвать...

София, верь мне, будем дружны!
Смотри: вот горы серебра —
Кинь заступ твой — теперь ненужный —
С нас будет, милая сестра».

«Лети! — ей Мудрость отвечала.—
Не слышишь? Друг твой жизнь клянет —
Спаси безумца от кинжала,
А мне в Фортуне нужды нет...»

1781

ВЕЛИЧИЕ МИРА

Над бездной возникших из мрака миров
Несется челнок мой на крыльях ветров.
Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Где жизни дыхание спит,
Где грань мирозданья стоит.

Я видел: звезда за звездою встает —
Свершать вековечный, размеренный ход.
Вот к цели, играя,
Несутся... Блуждая,
Окрест обращается взор
И видит — беззвездный простор!

И вихря и света быстрей мой полет.
Отважнее! в область хаоса! вперед!
Но тучей туманной
По тверди пространной
Ладье дерзновенной вослед
Клубятся системы планет.

И вижу — пловец мне навстречу спешит.
«О странник! куда и зачем ты?» — кричит.
«Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Где жизни дыхание спит,
Где грань мирозданья стоит!»

«Вотще! беспредельны пути пред тобой!» —
«Межи не оставил и я за собой!..»
Напрасны усилья!
Орлиные крылья,
Пытливая мысль, опускай
И якорь, смиряясь, бросай!

1781

К ЦВЕТАМ

Дети солнечного всхода,
Пестрых пажитей цветы,
Вас взлелеяла природа
В честь любви и красоты!
Ваши яркие уборы
Под перстом прозрачным Флоры
Так нарядно-хороши!
Но, любимцы неги вешней,
Плачьте! Прелесть жизни внешней
Не вдохнула в вас души.

Вслед за жаворонком нежно
Соловьи о вас грустят;
На листах у вас небрежно,
Колыхаясь, сильфы спят;
Ваши пышные короны
Превратила дочь Дионы
В брачный полог мотыльков.
Плачьте, плачьте, дети света!
В вас тоска понятна эта —
Вам неведома любовь.

Но томление разлуки
Выношу я, не скорбя.
Друг мой Нанни! Эти руки
Вьют подарок для тебя.
Жизнь и душу, страсть и речи,
Сердца нежные предтечи,
Вам теперь передаю,—
И сильнейший меж богами
Здесь, под скромными листами,
Скрыл божественность свою.

1781

ДУРНЫЕ МОНАРХИ

Да прославит лира, что, бывало,
Лишь красу Венеры восхваляла,
Вас, монархов, вас, земных богов!
Мой напев, смущенный шумом бурным,
В робости пред облачением пурпурным
Задрожать готов.

Говорите! Взять ли мне цевницу
В час, когда, взойдя на колесницу,
На толпу взирает властелин?
Иль иное должен воспевать я,
Как король меняет панцирь на объятья
Обнаженных фрин?

Может, в раззолоченном чертоге
Смелый гимн сложить я должен, боги,
Как во мгле мистических теней
Скука наряжается в беспечность,
Преступленья пожирают человечность
До последних дней?

Или ваши сны я славить стану?
Червь желаний гложет неустанно
Души обладателей корон.
Лишь к рабу, что у дверей палаты
Злато стережет, не алча блеска злата,
Сходит чистый сон.

Муза, покажи, как за стенами
Короли с галерными рабами
На одном и том же ложе спят.
Там, где жадный взор ласкает мавра,
Театральные смолкают минотавры,
Тигры не хрипят.

Встань! Ключом таинственным Гекаты
Отвори подземные палаты!
Крылья бьют над головой моей.
Там, где смерть глухая завывает,
Дикий ветер страха кудри развевает,
Я пою князей!

Здесь ли тихий берег? В эти ль гроты
Пристают желаний ваших флоты?
    Ведь поток поистине велик!
Нет! И здесь вам не найти покоя!
В цепи ночь зловещей, черною рукою
    Закует владык!

Мрачно блещут на гробах свинцовых
Скипетры в каменьях бирюзовых.
    Как роскошно разукрашен тлен!
Только златом не прикроешь смрада:
Лишь одним червям прожорливым награда
    Те, кто мир взял в плен!

Гордые цветы в столь жалкой яме!..
Видишь, как с увядшими князьями
    Шутит смерть бесстыжая сейчас!
Каково, лишившись всех сокровищ,
Оказаться в лапах мерзостных чудовищ?
    Иль ваш гнев угас?!

Что ж вы спите, что ж вы не стряхнете
Тяжкий сон? Когда конец дремоте?
    Гром победы загремел вдали!
Славою овеяны знамена,
И толпа вам рукоплещет исступленно.
    Встаньте ж, короли!

Или вы не слышите, о сони?!
Лают псы, и в рощу рвутся кони.
    На охоту вас зовет труба.
Хорошо, предчувствуя победу,
Через лес скакать за кабаном по следу!
    Бросьте же гроба!

Как! И вы молчите? Непонятно!
Передразнит эхо семикратно
    Шепот камер-юнкера тотчас:
«Государь! Примите благосклонно
Тайные ключи! Покорнейше мадонна
    В спальню просит вас».

Нет ответа! О, спадут ли шоры
С королевских глаз! Прочтут ли взоры
    Слугами придуманный обман?
Даже здесь надеетесь вы глухо,
Что весь мир судьба, слепая потаскуха,
    Сунет в ваш карман!

Чванитесь, трещите, куклы божьи,
На паяцев оперных похожи,
    Дьявольский вам рукоплещет сброд.
Но на небе ангелы в печали
Горе-музыкантов громко освистали
    С неземных высот.

Даже в ту священную обитель,
Где живет всевышний повелитель,
    Вы готовы бросить змей клубок.
Но, добро и справедливость сея,
Навсегда срывает маску с фарисея
    Вездесущий бог!

Так чеканьте ж на металле лживом
Профиль свой в сиянье горделивом,
    Медь рядите в золотой наряд!
Алчный ростовщик спешит к вам с данью,
Но бесплоден денег звон за тою гранью,
    Где весы гремят.

Вас не скроют замки и серали,
Если небо грянет: «Не пора ли
    Оплатить проценты? Суд идет!»
Разве шутовское благородство
От расчета за вчерашнее банкротство
    Вас тогда спасет?

Прячьте же свой срам и злые страсти
Под порфирой королевской власти,
    Но страшитесь голоса певца!
Сквозь камзолы, сквозь стальные латы —
Все равно! — пробьет, пронзит стрела расплаты
    Хладные сердца!

1781

МУЖИЦКАЯ СЕРЕНАДА

Слышишь? Выгляни в окно!
    Средь дождя и мрака
Я торчу давным-давно,
    Мерзну, как собака.
Ну и дождь! Потоп кругом!
Барабанит в небе гром.
    Спрятаться куда бы?
До чего же ливень зол!
Мокнут шляпа и камзол
    Из-за вздорной бабы.
Дождь и гром. В глазах черно.
Слышишь? Выгляни в окно!

К черту! Выгляни в окно!
    Холод сводит скулы.
Месяц спрятался. Темно.
    И фонарь задуло.
Слышишь? Если, на беду,
Я в канаву упаду —
    Захлебнуться можно.
Темнота черней чернил.
Дьявол, знать, тебя учил
    Поступать безбожно!
Дождь и гром. В глазах черно.
Баба, выгляни в окно!

Дура, выгляни в окно!
    Ах, тебе не жалко?
Я молил, я плакал, но —
    Здесь вернее палка.
Иль я попросту дурак,
Чтоб всю ночь срамиться так
    Перед целым светом?
Ноют руки, стынет кровь,—
Распроклятая любовь
    Виновата в этом!
Дождь и гром. В глазах черно.
Стерва, выгляни в окно!

Тьфу ты, черт! Дождусь ли дня?..
    Только что́ со мною?
Эта ведьма на меня
    Вылила помои!

Сколько я истратил сил,
Холод, голод, дождь сносил
    Ради той чертовки!
Дьявол в юбке!.. Хватит петь!
Не намерен я терпеть
    Подлые издевки.
Дождь и ветер! Шут с тобой!
Баста! Я пошел домой!

1781

К РАДОСТИ

Радость, пламя неземное,
Райский дух, слетевший к нам,
Опьяненные тобою,
Мы вошли в твой светлый храм.
Ты сближаешь без усилья
Всех разрозненных враждой,
Там, где ты раскинешь крылья,
Люди — братья меж собой.

Хор

Обнимитесь, миллионы!
Слейтесь в радости одной!
Там, над звездною страной,—
Бог, в любовь пресуществленный.

Кто сберег в житейской вьюге
Дружбу друга своего,
Верен был своей подруге,—
Влейся в наше торжество!
Кто презрел в земной юдоли
Теплоту душевных уз,
Тот в слезах, по доброй воле,
Пусть покинет наш союз!

Хор

Все, что в мире обитает,
Вечной дружбе присягай!
Путь ее в надзвездный край,
Где Неведомый витает.

Мать-природа все живое
Соком радости поит,

Всем дает своей рукою
Долю счастья без обид.
Нам лозу и взор любимой,
Друга верного в бою,
Видеть бога херувиму,
Сладострастие червю.

Хор

Ниц простерлись вы в смиренье?
Мир! Ты видишь божество?
Выше звезд ищи его;
В небесах его селенья.

Радость двигает колеса
Вечных мировых часов.
Свет рождает из хаоса,
Плод рождает из цветов.
С мировым круговоротом
Состязаясь в быстроте,
Видит солнца в звездочетам
Недоступной высоте.

Хор

Как светила по орбите,
Как герой на смертный бой,
Братья, в путь идите свой,
Смело, с радостью идите!

С ней мудрец читает сферы,
Пишет правды письмена,
На крутых высотах веры
Страстотерпца ждет она.
Там парят ее знамена
Средь сияющих светил,
Здесь стоит она склоненной
У разверзшихся могил.

Хор

Выше огненных созвездий,
Братья, есть блаженный мир,
Претерпи, кто слаб и сир,—
Там награда и возмездье!

Не нужны богам рыданья!
Будем равны им в одном:

К общей чаше ликованья
Всех скорбящих созовем.
Прочь и распри и угрозы!
Не считай врагу обид!
Пусть его не душат слезы
И печаль не тяготит.

Хор

В пламя, книга долговая!
Мир и радость — путь из тьмы.
Братья, как судили мы,
Судит бог в надзвездном крае.

Радость льется по бокалам,
Золотая кровь лозы,
Дарит кротость каннибалам,
Робким силу в час грозы.
Братья, встаньте,— пусть, играя,
Брызжет пена выше звезд!
Выше, чаша круговая!
Духу света этот тост!

Хор

Вознесем ему хваленья
С хором ангелов и звезд.
Духу света этот тост!
Ввысь, в надзвездные селенья!

Стойкость в муке нестерпимой,
Помощь тем, кто угнетен,
Сила клятвы нерушимой —
Вот священный наш закон!
Гордость пред лицом тирана
(Пусть то жизни стоит нам),
Смерть служителям обмана,
Слава праведным делам!

Хор

Братья, в тесный круг сомкнитесь
И над чашею с вином
Слово соблюдать во всем
Звездным судией клянитесь!

1785

БОГИ ГРЕЦИИ

В дни, когда вы светлый мир учили
Безмятежной поступи весны,
Над блаженным племенем царили
Властелины сказочной страны,—
Ах, счастливой верою владея,
Жизнь была совсем, совсем иной
В дни, когда цветами, Киферея,
Храм увенчивали твой!

В дни, когда покров воображенья
Вдохновенно правду облекал,
Жизнь струилась полнотой творенья,
И бездушный камень ощущал.
Благородней этот мир казался,
И любовь к нему была жива;
Вещим взорам всюду открывался
След священный божества.

Где теперь, как нас мудрец наставил,
Мертвый шар в пространстве раскален,
Там в тиши величественной правил
Колесницей светлой Аполлон.
Здесь, на высях, жили ореады,
Этот лес был сенью для дриад,
Там из урны молодой наяды
Бил сребристый водопад.

Этот лавр был нимфою молящей,
В той скале дочь Тантала молчит,
Филомела плачет в темной чаще,
Стон Сиринги в тростнике звучит;
Этот ключ унес слезу Деметры
К Персефоне, у подземных рек;
Зов Киприды мчали эти ветры
Вслед отшедшему навек.

В те года сынов Девкалиона
Из богов не презирал никто;
К дщерям Пирры с высей Геликона
Пастухом спускался сын Лето́.
И богов, и смертных, и героев
Нежной связью Эрос обвивал,
Он богов, и смертных, и героев
К аматунтской жертве звал.

Не печаль учила вас молиться,
Хмурый подвиг был не нужен вам;
Все сердца могли блаженно биться,
И блаженный был сродни богам.
Было все лишь красотою свято,
Не стыдился радостей никто
Там, где пела нежная Эрато,
Там, где правила Пейто́.

Как дворцы, смеялись ваши храмы;
На истмийских пышных торжествах
В вашу честь курились фимиамы,
Колесницы подымали прах.
Стройной пляской, легкой и живою,
Оплеталось пламя алтарей;
Вы венчали свежею листвою
Благовонный лен кудрей.

Тирсоносцев радостные клики
И пантер великолепный мех
Возвещали шествие владыки:
Пьяный Фавн опережает всех;
Перед Вакхом буйствуют менады,
Прославляя плясками вино;
Смуглый чашник льет волну отрады
Всем, в чьем кубке сухо дно.

Охранял предсмертное страданье
Не костяк ужасный. С губ снимал
Поцелуй последнее дыханье,
Тихий гений факел опускал.
Даже в глуби Орка неизбежной
Строгий суд внук женщины творил,
И фракиец жалобою нежной
Слух Эриний покорил.

В Елисейских рощах ожидала
Сонмы теней радость прежних дней;
Там любовь любимого встречала,
И возничий обретал коней;
Лин, как встарь, былую песнь заводит,
Алкестиду к сердцу жмет Адмет,
Вновь Орест товарища находит,
Лук и стрелы — Филоктет.

Выспренней награды ждал воитель
На пройденном доблестно пути,
Славных дел торжественный свершитель
В круг блаженных смело мог войти.
Перед тем, кто смерть одолевает,
Преклонялся тихий сонм богов;
Пусть пловцам с Олимпа озаряет
Луч бессмертных близнецов.

Где ты, светлый мир? Вернись, воскресни,
Дня земного ласковый расцвет!
Только в небывалом царстве песни
Жив еще твой баснословный след.
Вымерли печальные равнины,
Божество не явится очам;
Ах, от знойно-жизненной картины
Только тень осталась нам.

Все цветы исчезли, облетая
В жутком вихре северных ветров;
Одного из всех обогащая,
Должен был погибнуть мир богов.
Я ищу печально в тверди звездной:
Там тебя, Селена, больше нет;
Я зову в лесах, над водной бездной:
Пуст и гулок их ответ!

Безучастно радость расточая,
Не гордясь величием своим,
К духу, в ней живущему, глухая,
Не счастлива счастием моим,
К своему поэту равнодушна,
Бег минут, как маятник, деля,
Лишь закону тяжести послушна,
Обезбожена земля.

Чтобы завтра сызнова родиться,
Белый саван ткет себе она,
Все на той же прялке будет виться
За луною новая луна.
В царство сказок возвратились боги,
Покидая мир, который сам,
Возмужав, уже без их подмоги
Может плыть по небесам.

Да, ушли, и все, что вдохновенно,
Что прекрасно, унесли с собой,—
Все цветы, всю полноту вселенной,—
Нам оставив только звук пустой.
Высей Пинда, их блаженных сеней,
Не зальет времен водоворот:
Что бессмертно в мире песнопений,
В смертном мире не живет.

1788

ВЛАСТЬ ПЕСНОПЕНИЯ

Вот, грохоча по кручам горным,
Потоки ливня пролились,
Дубы выламывая с корнем
И скалы скатывая вниз.
И, страхом сладостным объятый,
Внимает путник шуму вод.
Он слышит громкие раскаты.
Но где исток их — не поймет.
Так льются волны песнопенья,
Но тайной скрыто их рожденье.

Кто из покорных вещим девам,
Что тянут жизни нить в тиши,
К волшебным не склонял напевам
Певцом разбуженной души?
Одной лишь силой вдохновенья
Он, как божественным жезлом,
Свергает в адские селенья,
Возносит к небу с торжеством,
Сердцами чуткими играя
Меж скорбью и блаженством рая.

Как в мир ликующих нежданно,
Виденьем страшным, на порог
Стопою тяжкой великана
Необоримый всходит рок,
И вмиг смолкают гул и крики
Под грозным взором пришлеца,
И ниц склоняются владыки,
И маски падают с лица,

И перед правдой непреложной
Бледнеет мир пустой и ложный,—

Так человек: едва лишь слуха
Коснется песни властный зов,
Он воспаряет в царство духа,
Вседневных отрешась оков.
Там, вечным божествам подобный,
Земных не знает он забот.
И рок ему не страшен злобный,
И власть земная не гнетет,
И расправляются морщины —
Следы раздумий и кручины.

Как сын, изведав боль разлуки
И совершив обратный путь,
В слезах протягивает руки,
Чтоб к сердцу матери прильнуть,—
Так странник, песнею ведомый,
Спешит, покинув чуждый свет,
Под тихий кров родного дома,
К отрадам юношеских лет,
От леденящих правил моды
В объятья жаркие природы.

1795

ПЕГАС В ЯРМЕ

На конные торги в местечко Хаймаркет,
Где продавали все — и жен законных даже,—
Изголодавшийся поэт
Привел Пегаса для продажи.

Нетерпеливый гиппогриф
И ржет и пляшет, на дыбы вставая.
И все вокруг дивятся, рот раскрыв:
«Какой отличный конь! И масть какая!
Вот крылья б только снять! Такого, брат, конька
Хоть с фонарем тогда ищи по белу свету!
Порода, говоришь, редка?
А вдруг под облака он занесет карету?
Нет, лучше придержать монету!»

Но глядь, подходит откупщик.
«Хоть крылья,— молвит он,— конечно, портят дело,
Но их обрезать можно смело,
Мне коновал спроворит это вмиг,—
И станет конь как конь. Пять золотых, приятель!»
Обрадован, что вдруг нашелся покупатель,
Тот молвит: «По рукам!» И вот
С довольным видом Ганс коня домой ведет.

Ни дать ни взять тяжеловоз,
Крылатый конь впряжен в телегу.
Он рвется, он взлететь пытается с разбегу
И в благородном гневе под откос
Швыряет и хозяина и воз.
«Добро,— подумал Ганс,— такой скакун бедовый
Не может воз тащить. Но ничего!
Я завтра еду на почтовой,
Попробую туда запрячь его.
Проказник мне трех кляч заменит разом,
А там, глядишь, войдет он в разум».

Сперва пошло на лад. От груза облегчен,
Всю четверню взбодрил рысак неосторожный.
Карета мчит стрелой. Но вдруг забылся он
И, не приучен бить копытом прах дорожный,
Воззрился ввысь, покинул колею
И, вновь являя мощь свою,
Понес через луга, ручьи, болота, нивы.
Все лошади взбесились тут,
Не помогают ни узда, ни кнут,
От страха путники чуть живы.
Спустилась ночь, и вот уже во тьме
Карета стала на крутом холме.

«Ну,— размышляет Ганс,— не знал же я заботы!
Как видно, дурня тянет в небеса.
Чтоб он забыл свои полеты,
Вперед поменьше класть ему овса,
Зато побольше дать работы!»
Сказал — и сделал. Конь, лишенный корма вдруг,
Стал за четыре дня худее старой клячи.
Наш Ганс ликует, радуясь удаче:
«Теперь летать не станешь, друг!
Впрягите-ка его с быком сильнейшим в плуг!»

И вот, позорной обреченный доле,
Крылатый конь с быком выходит в поле.
Напрасно землю бьет копытом гриф,
Напрасно рвется ввысь, в простор родного неба,—
Сосед его бредет, рога склонив,
И гнется под ярмом скакун могучий Феба.
И, вырваться не в силах из оков,
Лишь обломав бесплодно крылья,
На землю падает — он! вскормленник богов! —
И корчится от боли и бессилья.

«Проклятый зверь! — прорвало Ганса вдруг,
И он, ругаясь, бьет невиданную лошадь.—
Его не запряжешь и в плуг!
Сумел меня мошенник облапошить!»

Пока он бьет коня, тропинкою крутой
С горы спускается красавец молодой,
На цитре весело играя.
Открытый взор сияет добротой,
В кудрях блестит повязка золотая,
И радостен веселой цитры звон.
«Приятель! Что ж без толку злиться? —
Крестьянину с улыбкой молвит он.—
Ты родом из каких сторон?
Где ты видал, чтоб скот и птица
В одной упряжке стали бы трудиться?
Доверь мне твоего коня,
Он чудеса покажет у меня!»

И конь был отпряжен тотчас.
С улыбкой юноша взлетел ему на спину.
И руку мастера почувствовал Пегас
И, молнии метнув из глаз,
Веселым ржанием ответил господину.
Где жалкий пленник? Он, как встарь,
Могучий дух, он бог, он царь,
Он прянул, как на крыльях бури,
Стрелой взвился в безоблачный простор
И вмиг, опережая взор,
Исчез в сияющей лазури.

1795

ВЕЧЕР

По одной картине

Бог лучезарный, спустись! — жаждут долины
Вновь освежиться росой; люди томятся;
Медлят усталые кони,—
Спустись в золотой колеснице!

Кто, посмотри, там манит из светлого моря
Милой улыбкой тебя! Узнало ли сердце?
Кони помчались быстрее,
Манит Фетида тебя.

Быстро в объятия к ней, вожжи покинув,
Спрянул возничий; Эрот держит коней за узды;
Будто вкопаны, кони
Пьют прохладную влагу.

Ночь по своду небес, прохладою вея,
Легкой стопою идет с подругой Любовью.
Люди, покойтесь, любите!
Феб влюбленный почил.

1795

МЕТАФИЗИК

«В какую высь меня взнесло!
Людишек на земле я вижу еле-еле.
Вот-вот коснусь небес! Всех выше в самом деле
Мое на свете ремесло!» —
Так кровельщик, на башне стоя,
Провозгласил. Так крошка-исполин,
Ганс-метафизик мнит в своем покое
За книгой. Крошка-исполин,
Та башня, с высоты которой ты взираешь,
На чем и из чего воздвигнута, ты знаешь?
Как ты туда попал? И эта крутизна
На что, как не затем, чтоб вниз глядеть, нужна?

1795

КОЛУМБ

Далее, смелый пловец! Пускай невежды смеются;
Пусть, утомившися, руль выпустит кормчий из рук.
Далее, далее к западу! Должен там берег явиться:
Ясно видится он мысли твоей вдалеке!

Веру вожатому-разуму! Бодро плыви океаном!
Если земли там и нет, выйдет она из пучин.
В тесном союзе и были и будут природа и гений:
Что обещает нам он — верно исполнит она!

1795

ПРОГУЛКА

Здравствуй, гора, с озаренною алым сияньем вершиной,
Здравствуй, о солнце,— по ней льется твой ласковый свет!
Здравствуй, долина веселая, ты, шелестящая липа,
И ликование птиц в чаще кудрявой листвы;
И синева безмятежная над нескончаемой цепью
Гор, чуть краснеющих там, в дымчатой зелени рощ;
И надо мною лазурная чаша высокого неба,—
Радостно к вам я бегу, узник людской суеты...
Воздух струями целебными тут и бодрит и ласкает,
А истомленный мой взор ожил от ярких лучей.
Переливаются красками пышноцветущие нивы,
Прелести милой полна свежая их пестрота.
Вот расстилает приветливо луг свой ковер многоцветный,
Змейкою вьется тропа в сочной зеленой траве.
Слышу пчелы озабоченной, зноем томимой, жужжанье.
Вижу, на розовый клевер сел, трепеща, мотылек.
Зной бьет огнистыми стрелами и не шелóхнется воздух.
Как серебро на хрусталь, сыплется трель с высоты.
Вдруг зашумело в кустарнике... Ольха склонилась вершиной...
Ветра порыв налетел... Засеребрилась трава...
Но, будто ночь ароматная, негой душистой прохлады
Буков тенистый навес приосеняет меня.
В сумраке леса таинственном ширь пропадает картины.
Все извиваясь, тропа выше и выше ведет.
Только порою сквозь кружево листьев пробьется украдкой
Скудный луч солнца, и мне вдруг улыбнется лазурь...

Но наконец неожиданно я выхожу на опушку,
И ослепительный блеск ошеломляет меня.
А вдалеке возвышается, мир замыкая собою,
В мреющем блеске лучей цепь голубеющих гор.
Прямо внизу, под обрывистым склоном горы, у подошвы,
Белою пеной бурлит зеленоватый ручей.
Я меж двумя океанами — высью и глубью воздушной! —
Встал с замирающим сердцем, с кружащейся головой.
Но между высью предвечною и вековечною бездной
В пляске извивов крутых вниз побежала тропа.
Быстро спускаюсь... Богатые нивы несутся навстречу,
Пышным убранством своим славя, крестьянин, твой труд!
Нивы исчерчены межами, это границы владений —
Их на ковре полевом, видно, Деметра ткала.
Это ведь знаки Зевесова, данного людям закона,
С тех пор как — в бронзовый век! — братство сменил произвол.
Но полосою извилистой, слабо мерцая на солнце,
В сторону, в гору, с горы, вдруг исчезая в лесу,
Вьется дорога широкая, соединяя все земли...
А по зеркальной реке вниз проплывают плоты.
Чу, перезвон колокольчиков с пастбища ветер доносит,
Грустную песню поет, эхо встревожив, пастух.
Встали деревни веселые, будто венец над потоком,
Или на склоне горы ярко пестреют в садах.
Здесь человек еще с пашнею всю свою жизнь неразлучен,
Здесь окружают поля скромного пахаря дом.
Окна блестят среди зелени цепкой лозы виноградной
И над всем домом, как друг, дуб свои ветви простер.
Вас, поселяне безвестные, не разбудила свобода,
Вас и поля подчинил давний суровый закон.
Но вы счастливы и веселы в круговороте бессменном
Пахоты, сева и жатв, бедствиям наперекор!..
Кто ж это так неожиданно милую портит картину?
Чуждый вторгается дух, преобразуя весь вид.
Вместо слиянья любовного — тягостное распаденье
И сочетается лишь сходное между собой.
Строятся тополи гордые в ряд, как патриции в свите,
Великолепен их вид, это ль не высшая знать?
Все подчиняется правилу, мере, все по́лно значенья,
Вижу по свите такой, что впереди — властелин!
В высокомерном сиянии пышно вознесшихся башен
Город стоит на скале, властвуя здесь надо всем.
Фавны лесные в далекую оттеснены им пустыню,
Трепет священный вдохнул в камни разумную жизнь.

Тесен здесь мир, ближе сходится тут человек с человеком,
Шире, богаче, сложней внутренний мир горожан;
Мерятся силами недруги в яростной, огненной битве
И плодотворен их спор, но плодотворней союз.
Духом одним оживляются тысячи, в тысячах грудей
Пламенным чувством горит сердце, для тысяч — одно,
Жаркой любви к милой родине полное, к древним заветам
Предков, чей прах дорогой в этой хранится земле.
С неба нисходят бессмертные боги в священные храмы
И водворяются в них у своего алтаря,
Каждый с дарами богатыми: злаки приносит Деметра,
Якорь вручает судам их покровитель Гермес,
Вакх подает виноградную гроздь, ветвь оливы — Афина,
И боевого коня шумно ведет Посейдон.
Матерь бессмертных Кибела львов запрягла в колесницу,
Гостеприимно пред ней город врата распахнул.
О вы, руины священные, славный источник познаний,
Вы, отдаленным векам свой излучавшие свет!
Здесь мудрецы пред воротами провозглашали законы,
Смело герои рвались в бой за пенаты свои!
Матери тут на зубчатые стены с детьми поднимались,
В путь провожая войска взором до крайней черты,
И повергались с молитвой в святилищах пред алтарями,
Славы просили, побед и возвращенья мужей.
Да, победили бесстрашные, но возвратилась лишь слава.
Память о подвиге том надпись на камне хранит:
«Если ты в Спарте, на родине нашей, окажешься, путник,
То передай, что мы все грудью легли за нее».
Спите, герои любимые! Кровью вспоенные вашей,
Зреют оливы в садах и золотится ячмень.
Вверясь труду своих рук, вольный ремесленник весел.
Из камыша на реке бог синекудрый манит.
Свищет секира, вонзается в дерево, стонет дриада —
И, будто громом сражен, рухнул с горы великан.
Вот, рычагом кверху поднятый, камень парит близ утеса.
В горной расселины глубь смело нырнул рудокоп.
Слышится мерный стук молота в кузнице бога Гефеста,
Там под могучей рукой искрится звонкая сталь.
Крутится нить золотистая, пляшут, стучат веретёна;
Как меж натянутых струн, бегает в пряже челнок.
Лоцмана крики доносятся с барки на рейде далеком,
Где отправляют суда, полные здешних даров,
И принимают флотилии с грузами стран чужедальних;
Реют на мачтах вверху праздничные вымпела!

Видишь, кипят многолюдные рынки народом веселым,
Смесь языков и одежд слух поражает и взор.
Площадь ларями заставлена, полными злаков различных:
Все, что под знойным лучом в Африке почва родит,
Все, что в Аравии вызрело, что производится в Фуле,—
Все Амальтея в свой рог сыплет бессмертной рукой.
Счастье с Талантом рождает здесь богоподобных потомков,
Всюду искусства цветут, где их Свобода вспоит.
Взоры художник нам радует, жизнь воссоздавший в твореньях,—
Камень под смелым резцом душу обрел и язык.
Небо легло рукотворное на ионийских колоннах,
И Пантеон заключил в стены свои весь Олимп.
Арка моста перекинулась над белогривым потоком,
Легкая, будто стрела, будто Ириды прыжок.
А в одинокой обители сложные чертит фигуры,
Чтобы природу постичь, дерзкий пытливый мудрец.
Силу материи... ненависть и притяженье магнита...
Звука любую волну... быстрый, стремительный свет...
И мириады случайностей — все испытует ученый,
В хаосе пестрых явлений путь находя и закон.
Мысли безгласные — письменность в плоть облекает и звуки
И говорящий листок передает их векам.
Он заблуждений бессмысленных гонит сырые туманы
И, излучая свой свет, мрак разгоняет ночной.
А человек разбивает оковы свои. О, счастливец!
Узы страха он рвет... Только б не узы стыда!
Разум взывает: «Свобода!» Страсти вопят о свободе
И увлекают людей прочь от природы святой.
Ах, и срывается с якоря — крепкой, надежной опоры
Возле родных берегов — и человек и челнок.
Мчится пловец в бесконечную даль, поглотившую берег,—
Вон, высоко на волнах, утлый качается челн.
Меркнут за хмурыми тучами путеводящие звезды
И благороднейший ум вновь заблужденьям открыт.
Даже в беседах исчезнули честность, и вера, и правда,
Нет их и в жизни, где лгут с клятвою на языке.
В тайны друзей сокровенные, в тайны любви проникает
Мерзостнейший сикофант и разлучает людей.
Вот, затаившись, предательство алчно глядит на невинность,
И ядовитый свой зуб в друга вонзает порок.
В сердце растленном рождаются злые продажные мысли.
Нет благородства в груди, чувства свободного нет.
Правды приметы священные маскою стали обмана.
Мудрой природы давно искажены голоса —

Воображало их явственно сердце в стремлении светлом.
Чистым движеньям души трудно пробиться сквозь ложь.
Вот на трибуне спесивится право, на го́ре селеньям,
И возле трона стоит, как привиденье, закон.
Долгие годы, столетья мумия нам заменяла
Лживым подобием жизнь, силу, движение, цвет,
До той поры как могучая вдруг пробудилась природа:
«Прочь, отживающий мир, гибели ты обречен!»
Часто ломает в неистовстве клетку стальную тигрица,
Вспомнив в неволе своей сень нумидийских лесов —
В гневе встает человечество, давним согбенное игом,
Чтоб хоть в золе городов снова природу обресть.
Так расступитесь пред пленником, стены, и дайте свободу,
Пусть он вернется скорей в лоно полей и дубрав!..
Где ж это я? Чуть заметная, скрылась от взора тропинка...
Передо мною — утес... Бездна зияет внизу...
Вот позади виноградники, изгородь старого сада —
С ними исчезнет совсем след человеческих рук.
Дремлет жизнь в нагромождениях с виду бездушной материи.
Дикий суровый базальт зиждущей алчет руки.
Чу, водопад низвергается в брызгах и пене с утеса.
Между корнями дубов путь пробивает поток.
Дико ущелье пустынное. Вон в океане воздушном
Плавает горный орел — вестник земли в небесах.
И ни один не доносится снизу ко мне отголосок
Радостей или скорбей, что наполняют нам жизнь.
Что ж, мой удел — одиночество? Нет, ты со мною, природа —
Вновь я на лоне твоем, но мне привиделся сон
И на меня вдруг повеяло ужасом жизни жестокой;
Но лишь исчезла долина — мрачное с нею ушло.
Жизнь мою чище, прекраснее вновь от природы приемлю,
Вновь я исполнен надежд, молод, и весел, и бодр.
Цели меняет и правила неутомимая воля,
А совершается все вечно вкруг той же оси.
Да, в красоте обновления, ты, не старея, природа,
Чтишь целомудренный свой древний, суровый закон.
В зрелых мужах утверждаешь ты то, что ребенок и отрок,
Втайне доверясь тебе, лишь обещали развить.
Грудью своею ты разные возрасты щедро питаешь...
Та же вверху синева. Тот же лугов изумруд.
И нет конца поколениям, пестрой людской веренице —
Солнце Гомера и нам светит с лазури небес!

1795

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ

Зевс молвил людям: «Забирайте землю!
Ее дарю вам в щедрости своей,
Чтоб вы, в наследство высший дар приемля,
Как братья стали жить на ней!»

Тут все засуетились торопливо,
И стар и млад поспешно поднялся.
Взял землепашец золотую ниву,
Охотник — темные леса,

Аббат — вино, купец — товар в продажу.
Король забрал торговые пути,
Закрыл мосты, везде расставил стражу:
«Торгуешь — пошлину плати!»

А в поздний час издалека явился,
Потупив взор, задумчивый поэт.
Все роздано. Раздел земли свершился,
И для поэта места нет.

«О, горе мне! Ужели обделенным
Лишь я остался — твой вернейший сын?» —
Воскликнул он и рухнул ниц пред троном.
Но рек небесный властелин:

«Коль ты ушел в бесплодных грез пределы,
То не тревожь меня своей мольбой.
Где был ты в час великого раздела?»
«Я был,— сказал поэт,— с тобой!

Мой взор твоим пленился светлым ликом,
К твоим словам мой слух прикован был.
Прости ж того, кто в думах о великом
Юдоль земную позабыл!»

И Зевс сказал: «Так как же быть с тобою?
Нет у меня ни городов, ни сел.
Но для тебя я небеса открою —
Будь принят в них, когда б ты ни пришел!»

1795

КУБОК

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасной?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу, снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались, и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волненье легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бога призвал...
И дрогнули зрители, все возопив,—
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Все тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: «*Кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит со мной!*» —
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...

И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжко дышал,
    И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! — повторял.—
    Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной,
Спас душу живую красавец отважной».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
    К царевым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
    И дочери царь приказал
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
    Тот жизнью живой веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
    И смертный пред богом смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелою стремглав полетел я туда...
    И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
    И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принес,
    И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес
    И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
    В пурпуровом сумраке там,
Все спало для слуха в той бездне глухой;
    Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
    В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
    И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
    От взора людей далеко;
Один, меж чудовищ, с любящей душой,
    Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человечьего слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогнулся... вдруг слышу: ползет
    Стоногое грозно из мглы
И хочет схватить, и разинулся рот...
    Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
    «Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
    В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царевна с волненьем в груди,
    Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
    Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
    В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
    Когда с ним воротишься ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
    Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
    Он видит: в ней жалость и страх...

Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны.

Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царевна глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно:
А юноши нет и не будет уж вечно.

1797

ПЕРЧАТКА

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит,
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прянул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком.
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —

Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началася.
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

1797

ПОЛИКРАТОВ ПЕРСТЕНЬ

На кровле он стоял высоко
И на Самос богатый око
С весельем гордым преклонял.
«Сколь щедро взыскан я богами!
Сколь счастлив я между царями!» —
Царю Египта он сказал.

Перчатка

«Тебе благоприятны боги;
Они к твоим врагам лишь строги
И всех их предали тебе;
Но жив один, опасный мститель;
Пока он дышит... победитель,
Не доверяй своей судьбе».

Еще не кончил он ответа,
Как из союзного Милета
Явился присланный гонец:
«Победой ты украшен новой;
Да обовьет опять лавровый
Главу властителя венец;

Твой враг постигнут строгой местью;
Меня послал к вам с этой вестью
Наш полководец Полидор».
Рука гонца сосуд держала;
В сосуде голова лежала;
Врага узнал в ней царский взор.

И гость воскликнул с содроганьем:
«Страшись! Судьба очарованьем
Тебя к погибели влечет.
Неверные морские волны
Обломков корабельных полны;
Еще не в пристани твой флот».

Еще слова его звучали...
А клики брег уж оглашали,
Народ на пристани кипел;
И в пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальних стран богатый,
Флот торжествующий влетел.

И гость, увидя то, бледнеет.
«Тебе Фортуна благодеет...
Но ты не верь, здесь хитрый ков,
Здесь тайная погибель скрыта:
Разбойники морские Крита
От здешних близко берегов».

И только выронил он слово,
Гонец вбегает с вестью новой:
«Победа, царь! Судьбе хвала!

Мы торжествуем над врагами:
Флот Критский истреблен богами:
Его их буря пожрала».

Испуган гость нежданной вестью...
«Ты счастлив; но Судьбины лестью
Такое счастье мнится мне:
Здесь вечны блага не бывали,
И никогда нам без печали
Не доставалися оне.

И мне все в жизни улыбалось;
Неизменяемо, казалось,
Я Силой вышней был храним;
Все блага прочил я для сына...
Его, его взяла Судьбина;
Я долг мой сыном заплатил.

Чтоб верной избежать напасти,
Моли невидимые Власти
Подлить печали в твой фиал.
Судьба и в милостях мздоимец:
Какой, какой ее любимец
Свой век не бедственно кончал?

Когда ж в несчастье Рок откажет,
Исполни то, что друг твой скажет:
Ты призови несчастье сам.
Твои сокровища несметны:
Из них скорей, как дар заветный,
Отдай любимое богам».

Он гостю внемлет с содроганьем;
«Моим избранным достояньем
Доныне этот перстень был;
Но я готов Властям незримым
Добром пожертвовать любимым!»
И перстень в море он пустил.

Наутро, только луч денницы
Озолотил верхи столицы,
К царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебе принес в подарок, царь!»

Царь изъявил благоволенье...
Вдруг царский повар в исступленье
С нежданной вестию бежит:
«Найден твой перстень драгоценный,
Огромной рыбой поглощенный,
Он в ней ножом моим открыт».

Тут гость, как пораженный громом,
Сказал: «Беда над этим домом!
Нельзя мне другом быть твоим;
На смерть ты обречен Судьбою:
Бегу, чтоб здесь не пасть с тобою...»
Сказал и разлучился с ним.

1797

НАДОВЕССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

Посмотрите! — вот, посажен
    На плетеный одр,
Как живой сидит он, важен,
    Величав и бодр.

Но уж тело недвижимо,
    Бездыханна грудь...
В трубке жертвенного дыма
    Ей уж не раздуть.

Очи, где ваш взор орлиный?
    Не вглядитесь вы
По долине в след звериный
    На росе травы.

Ты не встанешь, легконогий!
    Не направишь бег,
Как олень ветвисторогий,
    Через горный снег.

Не согнешь, как прежде, смело
    Свой упругий лук...
Посмотрите! отлетела
    Жизнь из сильных рук.

Мир душе его свободной! —
Там, где нет снегов,
Там, где маис самородный
Зреет средь лугов...

Где в кустах щебечут птицы,
Полон дичи бор,
Где гуляют вереницы
Рыб по дну озер.

Уходя на пир с духами,
Нас оставил он,
Чтобы здесь, воспетый нами,
Был похоронен.

Труп над вырытой могилой
Плачем огласим!
Все, что было другу мило,
Мы положим с ним:

В головах — облитый свежей
Кровью томагок;
Сбоку — окорок медвежий:
Путь его далек!

С ним и нож! Над вражьим трупом
Он не раз сверкал,
Как, бывало, кожу с чубом
С черепа сдирал.

Алой краски в руки вложим,
Чтоб, натершись ей,
Он явился краснокожим
И в страну теней.

1797

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

К Коринфу, где во время оно
Справляли праздник Посейдона,
На состязание певцов
Шел кроткий Ивик, друг богов.
Владея даром песнопенья,
Оставив Регий вдалеке,
Он шел, исполнен вдохновенья,
С дорожным посохом в руке.

Уже его пленяет взоры
Акрокоринф, венчая горы,
И в Посейдонов лес густой
Он входит с трепетной душой.
Здесь всюду сумрак молчаливый,
Лишь в небе стая журавлей
Вослед певцу на юг счастливый
Станицей тянется своей.

«О птицы, будьте мне друзьями!
Делил я путь далекий с вами,
Был добрым знамением дан
Мне ваш летучий караван.
Теперь равны мы на чужбине,—
Явившись издали сюда,
Мы о приюте молим ныне,
Чтоб не постигла нас беда!»

И бодрым шагом в глубь дубравы
Спешит певец, достойный славы,
Но, притаившиеся тут,
Его убийцы стерегут.
Он борется, но два злодея
Разят его со всех сторон:
Искусно лирою владея,
Был неискусен в битве он.

К богам и к людям он взывает,
Но стон его не достигает
Ушей спасителя: в глуши
Не отыскать живой души.
«И так погибну я, сраженный,
И навсегда останусь нем,
Ничьей рукой не отомщенный
И не оплаканный никем!»

И пал он ниц, и пред кончиной
Услышал ропот журавлиный
И громкий крик, и трепет крыл
В далеком небе различил.
«Лишь вы меня, родные птицы,
В чужом не бросили краю!
Откройте ж людям, кто убийцы,
Услышьте жалобу мою!»

И труп был найден обнаженный,
И лик страдальца, искаженный
Печатью ужаса и мук,
Узнал в Коринфе старый друг.
«О, как безгласным и суровым
Тебя мне встретить тяжело!
Не я ли мнил венком сосновым
Венчать любимое чело?»

Молва про злое это дело
Мгновенно праздник облетела,
И поразились все сердца
Ужасной гибели певца.
И люди кинулись к пританам,
Немедля требуя от них
Над песнопевцем бездыханным
Казнить преступников самих.

Но где они? В толпе несметной
Кто след укажет незаметный?
Среди собравшихся людей
Где укрывается злодей?
И кто он, этот враг опасный,—
Завистник злой иль жадный тать?
Один лишь Гелиос прекрасный
Об этом может рассказать.

Быть может, наглыми шагами
Теперь идет он меж рядами
И, не взирая на народ,
Преступных дел вкушает плод.
Быть может, на пороге храма
Он здесь упорно лжет богам
Или с толпой людей упрямо
Спешит к театру, бросив храм.

Треща подпорами строенья,
Перед началом представленья,
Скамья к скамье, над рядом ряд,
В театре эллины сидят.
Глухо шумящие, как волны,
От гула множества людей,
Вплоть до небес, движенья полны,
Изгибы тянутся скамей.

Кто здесь сочтет мужей Фокиды,
Прибрежных жителей Авлиды,
Гостей из Спарты, из Афин?
Они явились из долин,
Они спустились с гор окрестных,
Приплыли с дальних островов
И внемлют хору неизвестных,
Непостижимых голосов.

Вот перед ними тесным кругом,
Из подземелья друг за другом,
Чтоб древний выполнить обряд,
Выходит теней длинный ряд.
Земные жены так не ходят,
Не здесь родные их края,
Их очертания уводят
За грань земного бытия.

Их руки тонкие трепещут,
Мрачно-багровым жаром плещут
Их факелы, и бледен вид
Их обескровленных ланит.
И, привиденьям безобидны,
Вокруг чела их, средь кудрей
Клубятся змеи и ехидны
В свирепой алчности своей.

И гимн торжественно согласный
Звучит мелодией ужасной
И сети пагубных тенет
Вкруг злодеяния плетет.
Смущая дух, волнуя разум,
Эриний слышится напев,
И в страхе зрители, и разом
Смолкают лиры, онемев.

«Хвала тому, кто чист душою,
Вины не знает за собою!
Без опасений и забот
Дорогой жизни он идет.
Но горе тем, кто злое дело
Творит украдкой тут и там!
Исчадья ночи, мчимся смело
Мы вслед за ними по пятам.

Куда б ни бросились убийцы,—
Быстрокрылатые, как птицы,
Мы их, когда настанет срок,
Петлей аркана валим с ног.
Не слыша горестных молений,
Мы гоним грешников в Аид
И даже в темном царстве теней
Хватаем тех, кто не добит».

И так, зловещим хороводом,
Они поют перед народом,
И, чуя близость божества,
Народ вникает в их слова.
И тишина вокруг ложится,
И в этой мертвой тишине
Смолкает теней вереница
И исчезает в глубине.

Еще меж правдой и обманом
Блуждает мысль в сомненье странном,
Но сердце ужасом полно,
Незримой властью смущено,
Ясна лишь сердцу человека,
Но скрытая при свете дня,
Клубок судьбы она от века
Плетет, преступников казня.

И вдруг услышали все гости,
Как кто-то вскрикнул на помосте:
«Взгляни на небо, Тимофей,
Накликал Ивик журавлей!»
И небо вдруг покрылось мглою,
И над театром, сквозь туман,
Промчался низко над землею
Пернатых грозный караван.

«Что? Ивик, он сказал?» И снова
Амфитеатр гудит сурово,
И, поднимаясь, весь народ
Из уст в уста передает:
«Наш бедный Ивик, брат невинный,
Кого убил презренный тать!
При виде стаи журавлиной
Что этот гость хотел сказать?»

И вдруг, как молния средь гула,
В сердцах догадка промелькнула,
И в ужасе народ твердит:
«Свершилось мщенье Эвменид!
Убийца кроткого поэта
Себя нам выдал самого!
К суду того, что молвил это,
И с ним — приспешника его!»

И так всего одно лишь слово
Убийцу уличило злого,
И два злодея, смущены,
Не отрекались от вины,
И тут же, схваченные вместе
И усмиренные с трудом,
Добыча праведная мести,—
Они предстали пред судом.

1797

ПОРУКА

Мерос проскользнул к Дионисию в дом,
Но скрыться не мог от дозорных,—
И вот он в оковах позорных.
Тиран ему грозно: «Зачем ты с мечом
За дверью таился, накрывшись плащом?»
«Хотел я покончить с тираном».
«Распять в назиданье смутьянам!»

«О царь! Пусть я жизнью своей заплачу —
Приемлю судьбу без боязни.
Но дай лишь три дня мне до казни:
Я замуж сестру мою выдать хочу.
Тебе же, пока не вернусь к палачу,
Останется друг мой порукой,
Солгу — насладись его мукой».

И, злобный метнув на просящего взгляд,
Тиран отвечает с усмешкой:
«Ступай, да смотри же — не мешкай.
Быстрее мгновенья три дня пролетят,
И если ты в срок не вернешься назад,
Его я на муку отправлю,
Тебя ж на свободе оставлю».

И к другу идет он. «Немилостив рок!
Хотел я покончить с проклятым,
И быть мне, как вору, распятым.
Но дал он трехдневный до казни мне срок,
Чтоб замуж сестру мою выдать я мог.
Останься порукой тирану,
Пока я на казнь не предстану».

И обнял без слов его преданный друг
И тотчас к тирану явился,
Мерос же в дорогу пустился.
И принял сестру его юный супруг,
Но солнце обходит уж третий свой круг,
И вот он спешит в Сиракузы,
Чтоб снять с поручителя узы.

И хлынул невиданный ливень тогда.
Уже погружает он посох
В потоки на горных откосах.
И вот он подходит к реке, но беда! —
Бурлит и на мост напирает вода,
И груда обломков чугунных
Гремит, исчезая в бурунах.

Он бродит по берегу взад и вперед,
Он смотрит в смятенье великом,
Он будит безмолвие криком,—
Увы, над равниной бушующих вод
Лишь ветер, беснуясь, гудит и ревет;
Ни лодки на бурном просторе,
А волны бескрайны, как море.

И к Зевсу безумный подъемлет он взгляд
И молит, отчаянья полный:
«Смири исступленные волны!
Уж полдень, часы беспощадно летят,
А я обещал, лишь померкнет закат,
Сегодня к царю воротиться,—
Иль с жизнию друг мой простится».

Но тучи клубятся, и ветер жесток,
И волны сшибаются люто.
Бежит за минутой минута...
И страх наконец в нем решимость зажег:

Он смело бросается в грозный поток,
Валы рассекает руками,
Плывет — и услышан богами!

И снова угрюмою горной тропой
Идет он и славит Зевеса,
Но вдруг из дремучего леса,
Держа наготове ножи пред собой,
Выходят разбойники буйной толпой;
И, путь преграждая пустынный,
Грозит ему первый дубиной.

И в вопле Мероса — смертельный испуг:
«Клянусь вам, я нищ! Не владею
И самою жизнью своею!
Оставьте мне жизнь, иль погибнет мой друг!»
Тут вырвал у вора дубину он вдруг,—
И шайка спасается в страхе,
Три трупа оставив во прахе.

Как жар сицилийского солнца жесток!
Как ломит колени усталость!
А сколько до цели осталось!
«Ты силы мне дал переплыть чрез поток,
Разбойников ты одолеть мне помог,—
Ужель до царя не дойду я
И друга распнет он, ликуя!»

Но что там? Средь голых и выжженных круч
Внезапно журчанье он слышит...
Он верить не смеет, не дышит...
О, чудо! Он видит: серебряный ключ,
Так чист и прозрачен, так нежно певуч,
Сверкает и манит омыться,
Гортань освежить и напиться.

И вновь он шагает, минуя в пути
Сады, и холмы, и долины.
Уж тени глубоки и длинны.
Два путника тропкой идут впереди.
Он шаг ускоряет, чтоб их обойти,
И слышит слова их: «Едва ли —
Мы, верно, на казнь опоздали».

Надежда и страх его сердце теснят,
Летят, не идут его ноги.
И вот — о, великие боги! —
Пред ним Сиракузы, пылает закат,
И верный привратник его Филострат,
Прождавший весь день на пороге,
Навстречу бежит по дороге.

«Назад, господин! Если друга не спас,
Хоть сам не давайся им в руки!
Его повели уж на муки.
Он верил, он ждал тебя с часу на час,
В нем дружбы священный огонь не погас,
И царь наш в ответ на глумленье
Лишь гордое встретил презренье».

«О, если уж поздно, и он на кресте,
И предал я друга такого,
Душа моя к смерти готова.
Зато мой палач не расскажет нигде,
Что друг отказался от друга в беде!
Он кровью двоих насладится,
Но в силе любви убедится».

И гаснет закат, но уж он у ворот,
И видит он крест на агоре,
Голов человеческих море.
Веревкою связанный друг его ждет,
И он раздвигает толпу, он идет.
«Тиран! — он кричит.— Ты глумился,
Но видишь — я здесь! Я не скрылся!»

И в бурю восторженный гул перерос,
Друзья обнялись, и во взоре
У каждого радость и горе;
И нет ни единого ока без слез;
И царь узнает, что вернулся Мерос,
Глядит на смятенные лица,—
И чувство в царе шевелится.

И он их велит привести перед трон,
Он влажными смотрит очами:
«Ваш царь побежденный пред вами;

Он понял, что дружба не призрак, не сон,
И с просьбою к вам обращается он:
На диво грядущим столетьям
В союз ваш принять его третьим».

1798

ПЕСНЬ О КОЛОКОЛЕ

Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango [1].

Вот уж форма затвердела,
Обожженная огнем.
Веселей, друзья, за дело —
Выльем колокол! Начнем!
Пусть горячий пот
По лицу течет,—
Труд наш, если бог поможет,
Славу мастера умножит.

В счастливый миг, с дерзаньем новым
И речи мудрые придут:
Ведь, сдобренный разумным словом,
Живей и радостнее труд.
Итак, всё вдумчиво обсудим,
Чтоб не трудиться наугад.
Презренье тем ничтожным людям,
Что необдуманно творят.
В том человека украшенье
И честь, живущая века,
Что сердцем чует он значенье
Того, что делает рука.

Больше в яму положите
Дров сосновых, дров сухих,
Чтобы, сжатое в укрытье,
Пламя охватило их.
Медь сперва расплавь,
Олова прибавь,
Чтобы к вящей нашей славе
Все слилось в едином сплаве!

---

[1] Живых призываю. Мертвых оплакиваю. Молнии ломаю *(лат.)*.

И то, что ныне в яме темной
Рука усердная вершит,
С высокой башни в мир огромный
О нашей славе возвестит;
И, трогая сердца людские,
Потомков звоном будет звать,
Сливаться с хором литургии,
В груди скорбящего рыдать;
И что сынам земли в наследье
Во мгле готовит рок слепой,
Все отзовется в гулкой меди
Тысячекратною волной.

Цель все ближе час от часу:
Плавка в блестках пузырей.
Поташу прибавьте в массу,
Чтобы плавилась быстрей.
Живо, не зевай!
Пену всю снимай!
Чтоб металл и наших внуков
Трогал чистотою звуков.

Пусть колокол, зовя к веселью,
Пошлет младенцу свой привет,
Когда, склонясь над колыбелью,
Мать сторожит его рассвет,
Пока в объятьях сладкой дремы
Он мир встречает незнакомый
И дремлют в золотом тумане
Его надежды и желанья.
Но год за годом мчится вслед,
И, верный доброму завету,
Уходит отрок, вдаль влеком;
Он бродит с посохом по свету
И вновь вступает в отчий дом,
И здесь, как неземное диво,
Вдруг видит юный пилигрим:
Ресницы опустив стыдливо,
Подруга детства перед ним.
И вот, с тоской неистребимой,
С надеждой в глубине души,
Он ловит каждый взгляд любимой
И тайно слезы льет в тиши;
Вздыхая, бродит вслед за нею,
Покинув шумный круг друзей;

В полях срывает он лилею
И молча преподносит ей.
О, грезы счастья, трепет тайный!
О, первой страсти светлый сон!
Душе открылся мир бескрайный,
И взор блаженством озарен!
О, если б, вечно расцветая,
Сияла нам пора златая!

Смесь бурлит водоворотом,
Стержень опущу в струю;
Чуть покроется налетом —
Время приступать к литью.
А теперь ковшом
Пробу зачерпнем
И проверим живо, все ли
Там слилось по нашей воле.

Где сила с лаской в дружной смеси,
Тепло и строгость в равновесье,
Там звук отменно чист всегда.
И тот, кто друга выбирает,
Пусть сердцем сердце проверяет, —
Ведь грезам — день, слезам — года.
Вот невеста молодая,
Вкруг чела венок лежит.
В божий храм людей скликая,
Медный колокол гудит.
Ах, мгновенье золотое!
Праздник счастья и весны!
Вместе с поясом, с фатою
Тают радужные сны.
Жар сердца пройдет,
Любовь остается.
Цветок опадет,
Но плод разовьется.
Муж выйдет в простор
Житейского поля;
Чтоб радостной доли
И счастья добиться,
Он будет трудиться,
С людьми состязаться,
В борьбе изощряться,
За благом гоняться.

И вот уж добро без конца и без края
В амбары течет, наполняет сараи;
И множатся службы, и ширится двор.
И всюду хозяйка
Царит молодая,
Мать нежных малюток;
И правит с уменьем
Семьею, именьем,
И девочек учит,
И мальчиков школит,
И вечно в заботе,
В движенье, в работе,
И дом бережет,
И множит доход,
И в ларчик душистый сбирает пожитки,
И крутит на прялке немолкнущей нитки,
И прячет в сундук стародавних времен
Волнистую шерсть и мерцающий лен,
И мир охраняет семейного круга,
Не зная досуга.

И с балкона дома отец,
Все хозяйство взглядом окинув —
В новом доме каждый венец,
Двор, сараи из свежих бревен,
Скирды хлеба с крышей вровень,
Скот в задворье жирный, сытый,
В поле волны зрелого жита,—
Молвит, гордый собой:
«Создан моим трудом,
Против беды любой
Век устоит мой дом!»
Но судьба хитра и лжива,
Краток с ней союз счастливый:
Срок пришел — и горе в дом.

Смесь уже давно поспела:
Весь в зазубринах излом.
Подставляйте желоб смело,
И с молитвою начнем.
Краны открывай!
Боже, счастья дай!
Дай нам счастья и удачи
В форму слить металл горячий!

Огонь священный! Испокон
Великих благ источник он.
За все, что строим, что творим,
В душе огонь благодарим.
Но страшен этот дар богов,
Когда, свободный от оков,
Лавиной с каменных вершин
Летит он, неба вольный сын.
Горе, если невозбранно
Мчится он, неудержим,
С дикой силой урагана
По строеньям городским:
Ведь стихии обуяны
Злобою к делам людским.
Вот из тучи
Льется щедро
Дождь могучий.
Но из тех же черных туч —
Молний луч.
Чу, набат на башне бьют!
Все бегут!
Багровеет
Небосвод!
То не солнечный восход:
Гарью веет.
Дым столбом.
Гул кругом.
Клокоча и свирепея,
Смерча дикого быстрее
Вьются огненные змеи.
Пышет жар; огнем объятый,
Рухнул дом; трещат накаты;
Душен воздух раскаленный,
Плачут дети, плачут жены,
С воем звери
Бьются в двери,
Люди мечутся, как тени,—
Все бежит, ища спасенья.
Ночь светла, как день весенний,
По рукам легко и бодро
Мчатся ведра,
В небо бьют воды потоки...
Вдруг сорвался вихрь жестокий,
Закружился, и, стеня,

Подхватил он столб огня;
И, сдружившись, две стихии
В бревна бросились сухие,
На дощатые сараи.
Будто в ярости желая
Закружить весь шар земной
В страшной вьюге огневой,
Вверх поднялся коловертью
Исполин!
Средь руин,
Отступив пред высшей силой,
Человек стоит уныло,
Видя все в объятьях смерти.
Стихло все.
В пепелище
Сиротливо ветер свищет.
Бродит ужас,
И в оконницы слепые
Смотрят тучи грозовые
С высоты.

Бросив взор,
Взор прощальный,
На печальный,
Черный, опустевший двор,
Хозяин в путь собрался дальний.
Пусть все под пеплом, все мертво,—
Он тем утешен, слава богу,
Что, сосчитав родных с тревогой,
Увидел — все вокруг него.

Форма налита, как чаша.
Славно потрудились мы!
Но каким созданье наше
Выйдет в божий свет из тьмы?
Вдруг да сплав не тот?
Вдруг да газ пройдет?
И пока работа длится,
В двери к нам беда стучится?

В родной земли святое лоно
Мы льем горячий сплав, равно
Как пахарь лучшее зерно
Бросает с верой непреклонной,

Что в добрый час взойдет оно.
Как плод, что жизни нам дороже,
Земле мы с верой предаем,
Что встанет с гробового ложа
Он в мире радостном, ином.

С башни дальной
В небосвод
Погребальный
Звон плывет.
Провожает колокол сурово
В путь последний странника земного.

Ах, то верная супруга,
Мать малюток неутешных,
Отошла в долину смерти
От любви и ласки друга,
От хозяйства, от детей,
Что росли на радость ей
День за днем, за годом год
Под крылом ее забот!
Ах, судьба без сожаленья
Дома связь разорвала,
Обитает в царстве теней
Та, что матерью была!
Вместе с ней любовь святая,
Кротость нежная ушла.
Скоро в дом войдет чужая —
Без любви и без тепла.

Что ж, пока не остудится
Медь, чтоб колоколом стать,
Беззаботен, словно птица,
Каждый может отдыхать.
Звездочки горят.
Подмастерье рад:
Звон его вечерний манит.
Только мастер вечно занят.

Одиноко в роще темной
Путник весело шагает
К хижине своей укромной.
У ворот толпятся овцы,

И вразвалку
Крутолобые коровы
В стойло сумрачное входят.
Воз тяжелый
Со снопами
Подъезжает.
Он венками
И цветами
Весь повит.
Вот идут с веселой песней
Толпы жниц.
Стихли улицы и рынок;
Собралась вокруг лампады
Вся семья, и городские,
Скрипнув, заперлись ворота.

Ночь ложится,
Но спокойный,
Мирный житель не боится
Тьмы густой:
В ней, быть может, зло таится,
Но не спит закон святой.
О святой порядок — дивный
Сын богов, что в неразрывный
Круг связует всех, кто равны,
Городов зиждитель славный,
Что с полей ли, из лесов ли
Дикарей собрал под кровли,
Их спаял в единой речи,
Нрав привил им человечий,
Дал им для совместной жизни
Высший дар — любовь к отчизне!
Сотни душ в одном порыве,
В сопряженье дружных рук
Трудятся на мирной ниве,
Охраняют общий круг.
Каждый счастлив, каждый волен,
И, как равный средь людей,
Кто работает, доволен
Скромной участью своей.
Труд — народов украшенье
И ограда от нужды.
Королю за трон почтенье,
Нам почтенье — за труды!

Мир блаженный,
Дух единства,
Охраняйте
Стражей верной город наш!
Пусть отныне не ворвутся
Злые вражеские толпы
В эту тихую долину,
Где извечно
В синей чаше поднебесья
Тишина.
Пусть же города и веси
Кровью не зальет война!

Разберите бревна сруба:
Отслужил — долой его!
Ах, как сердцу видеть любо
Смелой мысли торжество!
Бей по форме, бей!
Смело, не робей!
Чтобы мира вестник новый
Нам явился без покрова!

Разбить ее имеет право
Лишь мастер мудрою рукой.
Но горе, если хлынет лава,
Прорвавшись огненной рекой!
С громовым грохотом на части
Она взрывает хрупкий дом
И, словно пламя адской пасти,
Все губит на пути своем!
Где диких сил поток развязан,
Там путь к искусству нам заказан:
Где торжествует своеволье,
Нет ничего святого боле.

И горе, если накопится
Огонь восстанья в городах,
И сам народ крушит темницы
И цепи разбивает в прах.
И меди гулкие раскаты
Раскалывают небосвод:
То колокол — любви глашатай —
Призыв к насилью подает.
Бегут с оружьем горожане,

«Свобода! Равенство!» — орут,
Кипит на площади восстанье,
Вершит свой беспощадный суд.
И жены в этот час суровый,
Свирепей тигров и волков,
Зубами разрывать готовы
Сердца испуганных врагов,
Здесь все забыто: благочестье,
Добро и дружба. Вместо них —
Разгул вражды и черной мести
И пиршество пороков злых.
Опасен тигр, сломавший двери,
Опасно встретиться со львом,—
Но человек любого зверя
Страшней в безумии своем.
И горе тем, кто поручает
Светильник благостный слепым:
Огонь его не светит им,
Лишь стогны в пепел превращает.

Боже, радость нам какая!
Вот по милости творца
Колокол стоит, сверкая
От ушка и до венца.
Зорькой золотой
Блещет шлем литой,
И в гербе горит реченье,
Славя новое творенье.

К плечу плечом,
Друзья, вкруг колокола станем
И, верные благим желаньям,
Его Согласьем наречем.
К единству, дружбе, благостыне
Пусть он людей зовет отныне;
И в мире то исполнит он,
Чему он нами посвящен.

Пусть, в небесах царя над нами,
Над жизнью жалкою земной,
Перекликается с громами,
С далекой звездною страной,
И свой глагол вольет по праву
В хорал блуждающих планет,

Создателю поющих славу,
Ведущих вереницу лет.
И пусть, рожденный в темной яме,
О светлом вечном учит нас.
И Время легкими крылами
Его тревожит каждый час.
Велениям судьбы послушный
И сам к страданьям глух и слеп,
Пусть отражает равнодушно
Игру изменчивых судеб.
И звуком, тающим в эфире,
В свой миг последний возвестит,
Что все непрочно в этом мире,
Что все земное отзвучит.

Ну-ка, дружно за канаты!
Вознесем его в простор,
В царство звуков, под богатый
Голубых небес шатер!
Взяли! Разом! В ход!
Тронулся! Идет!
Пусть раздастся громче, шире
Первый звон его о Мире!

1799

К ГЕТЕ, КОГДА ОН ПОСТАВИЛ «МАГОМЕТА» ВОЛЬТЕРА

Не ты ли, кто от гнета ложных правил
К природе нас и правде возвратил
И, с колыбели богатырь, заставил
Смириться змея, что наш дух сдавил,
Кто взоры толп к божественной направил
И жреческие ризы обновил,—
Пред рухнувшими служишь алтарями
Порочной музе, что не чтится нами?

Родным искусствам царствовать довлеет
На этой сцене, не чужим богам.
И указать на лавр, что зеленеет
На нашем Пинде, уж нетрудно нам.
Германский гений, не смущаясь, смеет
В искусств святилище спускаться сам,

И, вслед за греком и британцем, вправе
Он шествовать навстречу высшей славе.

Там, где рабы дрожат, тираны правят,
Где ложный блеск тщеславиться привык —
Творить свой мир искусство не заставят,—
Иль гений при Людовиках возник?
На ремесло свои богатства плавит
Художник, не сокровища владык;
Лишь с правдою обручено искусство,
Лишь в вольных душах загорится чувство.

Не для того, чтоб вновь надеть оковы,
Ты старую игру возобновил,
Не для того, чтоб к дням вернуть нас снова
Младенчески несовершенных сил.
Ты встретил бы отпор судеб суровый,
Когда бы колесо остановил
Времен, бегущих обручем крылатым:
Восходит новь, былому нет возврата.

Перед театром ширятся просторы,
Он целый мир шумливый охватил;
Не пышных слов блестящие уборы —
Природы точный образ сердцу мил;
Не чопорные нравы, разговоры —
Герой людские чувства затвердил,
Язык страстей гремит свободным взрывом,
И красота нам видится в правдивом.

Но плохо слажен был возок феспийский,
Он с утлой лодкой Ахерона схож:
Лишь тени встретишь на волне стигийской;
Когда же ты живых в ладью возьмешь,
Ей кладь не вынести на берег близкий,
Одних лишь духов в ней перевезешь.
Пусть плоти зыбкий мир не обретает:
Где жизнь груба — искусство увядает.

Ведь на подмостках деревянной сцены
Нас идеальный мир спешит объять,
Здесь подлинны лишь чувств живые смены.
Растроганность ужель безумством звать!

Но дышит правдой голос Мельпомены,
Спешащий небылицу передать;
И эта сказка часто былью мнилась,
Обманщица живою притворилась.

Грозит искусство сцену бросить ныне,
Свой дикий мир фантазии творит —
С театром жизнь смешать, в своей гордыне,
С возвышеннейшим низкое спешит.
Один француз не изменил богине,
Хоть он и вровень с высшим не стоит,
И, взяв искусство в жесткие оковы,
Не даст поколебать его основы.

Ему подмостки шаткие священны,
И изгонять он издавна привык
Болтливой жизни шум несовершенный,—
Здесь песней стал суровый наш язык.
Да, это мир — в величье неизменный!
Здесь замысел звеном к звену приник,
Здесь строгий свод священный храм венчает
И жест у танца прелесть занимает.

Французу мы не поклонимся снова,
В его вещах живой не веет дух,
Приличьем чувств и пышным взлетом слова
Привыкший к правде не прельстится слух.
Но пусть зовет он в лучший мир былого,
Пусть явится, как отошедший дух,—
Вернуть величье оскверненной сцене,—
В приют достойный, к древней Мельпомене.

1800

НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век.

Сокрушились старых форм основы,
Связь племен разорвалась; бог Нил,
Старый Рейн и Океан суровый —
Кто из них войне преградой был?

Два народа, молнии бросая
И трезубцем двигая, шумят
И, дележ всемирный совершая,
Над свободой Страшный суд творят.

Злато им, как дань, несут народы,
И, в слепой гордыне буйных сил,
Франк свой меч, как Бренн в былые годы,
На весы закона положил.

Как полип тысячерукий, бритты
Цепкий флот раскинули кругом
И владенья вольной Амфитриты
Запереть мечтают, как свой дом.

След до звезд полярных пролагая,
Захватили, смелые, везде
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдут нигде.

Нет на карте той страны счастливой,
Где цветет златой свободы век,
Зим не зная, зеленеют нивы,
Вечно свеж и молод человек.

Пред тобою мир необозримый!
Мореходу не объехать свет;
Но на всей Земле неизмеримой
Десяти счастливцам места нет.

Заключись в святом уединенье,
В мире сердца, чуждом суеты!
Красота цветет лишь в песнопенье,
А свобода — в области мечты.

1801

ГЕРО И ЛЕАНДР

Видишь — там, где в Дарданеллы
Изумрудный, синий, белый
Геллеспонта плещет вал,
В блеске солнца золотого
Два дворца глядят сурово
Друг на друга с темных скал.

Здесь от Азии Европу
Отделила бездна вод,
Но ни бурный вал, ни ветер
Уз любви не разорвет.

В сердце Геро, уязвленном
Беспощадным Купидоном,
Страсть к Леандру расцвела,
И в ответ ей — смертной Гебе —
Вспыхнул он, стрелою в небе
Настигающий орла.
Но меж юными сердцами
Встал отцов нежданный гнев,
И до срока плод волшебный
Поникает, не созрев.

Где, штурмуя Сест надменный,
Геллеспонт громадой пенной
Бьет в незыблемый утес,
Дева юная сидела
И, печальная, глядела
На далекий Абидос.
Горе! Нет моста к Леандру,
Нет попутного челна,
Но любовь не знает страха,
И везде пройдет она.

Обернувшись Ариадной,
Тьмой ведет нас непроглядной,
Вводит смертных в круг богов,
Льва и вепря в плен ввергает
И в алмазный плуг впрягает
Огнедышащих быков.
Даже Стикс девятикружный
Не преграда ей в пути,
Если тень она захочет
Из Аида увести.

И любовь Леандра гонит,—
Лишь багряный шар потонет
За чертою синих вод,
Лишь померкнет день враждебный,
Уж туда, в приют волшебный,
Смелый юноша плывет.

Рассекая грудью волны,
Он спешит сквозь мрак ночной
К той скале, где обещаньем
Светит факел смоляной.

Там из плена волн студеных
В плен восторгов потаенных
Он любимой увлечен;
И лобзаньям нет преграды,
И божественной награды
Полноту приемлет он.
Но заря счастливца будит,
И бежит, как сон, любовь, —
Он из пламенных объятий
В холод моря кинут вновь.

Так, в безумстве нег запретных,
Тридцать солнц прошло заветных, —
По таинственным кругам
Пронеслись они короче
Той блаженной брачной ночи,
Что завидна и богам.
О, лишь тот изведал счастье,
Кто срывал небесный плод
В темных безднах преисподней,
Над пучиной адских вод.

Непрестанно в звездном хоре
Мчится Веспер вслед Авроре,
Но счастливцам недосуг
Сожалеть, что роща вянет,
Что зима вот-вот нагрянет
В колеснице снежных вьюг.
Нет, их радует, что рано
Скучный день уходит прочь,
И не помнят, чем грозит им
Возрастающая ночь.

Вот сентябрь под зодиаком
Свет уравнивает с мраком, —
На утесе дева ждет,
Смотрит вдаль, где кони Феба
Вниз бегут по склону неба,
Завершая свой полет.

Неподвижен сонный воздух;
Точно зеркало чиста,
Синий купол отражая,
Дремлет ясная вода.

Там, сверкнув на миг спиною
Над серебряной волною,
Резвый выпрыгнул дельфин.
Там Фетиды влажной стая
Роем черных стрел, играя,
Из немых всплыла глубин.
Тайна страсти нежной зрима
Им одним из темных вод,
Но безмолвием Геката
Наказала рыбий род.

Глядя в синий мрак пролива,
Дева ласково и льстиво
Молвит: «О прекрасный бог!
Ты ль обманчив, ты ль неверен?
Нет, и лжив и лицемерен,
Кто тебя ославить мог!
Безучастны только люди,
И жесток лишь мой отец,
Ты же, кроткий, облегчаешь
Горе любящих сердец.

Безутешна, одинока,
Отцвела бы я до срока,
Дни влача, как в тяжком сне.
Но твоя святая сила
Без моста и без ветрила
Мчит любимого ко мне.
Страшны мглы твоей глубины,
Грозен шум твоих валов,
Но отваге ты покорен,
Ты любви помочь готов.

Ибо сам во время оно
Стал ты жертвой Купидона —
В час, как, бросив отчий дом,
Увлекая брата смело,
Поплыла в Колхиду Гелла
На баране золотом.

Вспыхнув страстью, в блеске бури
Ты восстал из недр, о бог,
И красавицу в пучину
С пышнорунного совлек.

Там живет богиня с богом,
Тайный грот избрав чертогом,
В глуби волн бессмертной став,
Челн хранит рукой незримой
И, добра к любви гонимой,
Твой смиряет буйный нрав.
Гелла! Светлая богиня!
Я пришла к тебе с мольбой:
Приведи и ныне друга
Той же зыбкою тропой».

С неба сходит вечер мглистый.
Геро факел свой смолистый
Зажигает на скале,
Чтоб звездою путеводной
По равнине волн холодной
Вел он милого во мгле.
Но темнеет, пенясь, море,
Ветра свист и гром вдали.
Звезды кроткие погасли,
Небо тучи облегли.

Ночь идет. Завесой темной
Хлынул дождь на Понт огромный,
Грозовым взмахнув крылом,
С гор, из дикого провала,
Буря вырвалась, взыграла,—
Трепет молний, блеск и гром.
Вихрь сверлит, буравит волны,—
Черным зевом глубина,
Точно бездна преисподней,
Разверзается до дна.

Геро плачет: «Горе, горе!
Успокой, Кронион, море!
О, мой рок! Не я ль виной?
Мне, безумной, вняли боги,
Если в гибельной дороге
С бурей бьется милый мой.

Птицы, вскормленные морем,
На земле приют нашли.
Не боящиеся ветра,
В бухты скрылись корабли.

Только мой Леандр и ныне,
Знаю, вверился пучине,
Ибо сам в блаженный час,
Мощным богом вдохновенный,
Он мне дал обет священный,
И лишь смерть разделит нас.
В этот миг,— о, сжальтесь, Оры! —
Обессиленный борьбой,
Он в последний раз, быть может,
Небо видит над собой.

Понт! Свирепая пучина!
Твой лазурный блеск — личина:
Ты неверен, ты жесток!
Ты его, коварства полный,
В притаившиеся волны
Лживой ясностью завлек.
И теперь, вдали от брега,
Беззащитного пловца
Всеми ужасами гонишь
К неизбежности конца».

Страшно бешенство стихии!
Ходят горы водяные,
Бьют в береговую твердь.
Горе, горе! Час недобрый!
И корабль дубоворебрый
Здесь нашел бы только смерть.
Буря погашает факел,
Рвет спасительную нить.
Страшно быть в открытом море,
Страшно к берегу подплыть!

У великой Афродиты
Молит скорбная защиты
Для отважного пловца,—
Ветру в дар заклать клянется,
Если милый к ней вернется,
Златорогого тельца;

Молит всех богов небесных,
Всех богинь подводной мглы
Лить смягчающее масло
На бурлящие валы.

«Помоги моей кручине,
Вновь рожденная в пучине,
Левкотея, встань из вод!
Кинь Леандру покрывало,
Как не раз его кидала
Жертвам бурных непогод,—
Чтоб, его священной ткани
Силой тайною храним,
Утопающий из бездны
Выплыл жив и невредим!»

И смолкает грохот бури.
В распахнувшейся лазури
Кони Эос мчатся ввысь.
Вновь на зеркало похоже,
Дремлет море в древнем ложе,
Скалы блестками зажглись.
И, шурша о берег мягко,
Волны к острову бегут
И ласкаясь, и играя,
Тело мертвое влекут.

Это он! И бездыханный —
Верен ей, своей желанной.
Видит хладный труп она
И стоит, как неживая,
Ни слезинки не роняя,
Неподвижна и бледна;
Смотрит в небо, смотрит в море,
На обрывы черных скал —
И в лице бескровном пламень
Благородный заиграл.

«Я постигла волю рока.
Неизбежно и жестоко
Равновесье бытия.
Рано сниду в мрак могилы,
Но хвалю благие силы,
Ибо счастье знала я.

Раздел земли

Юной жрицей, о Венера,
Я вошла в твой гордый храм
И, как радостную жертву,
Ныне жизнь тебе отдам».

И она, светла, как прежде,
В белой взвившейся одежде
С башни кинулась в провал,
И в объятия стихии
Принял бог тела святые
И приют им вечный дал.
И, безгневный, примиренный,
Вновь во славу бытию
Из великой светлой урны
Льет он вечную струю.

1801

ПУНШЕВАЯ ПЕСНЯ

Внутренней связью
Сил четырех
Держится стройно
Мира чертог.

Звезды лимона
В чашу на дно!
Горько и жгуче
Жизни зерно.

Не растопите
Сахар в огне:
Где эта жгучесть
В горьком зерне?

Воду струями
Лейте сюда:
Все обтекает
Мирно вода.

Каплю по капле
Лейте вино:
Жизнь обновляет
Только оно!

Выпьем, покамест
Кубок наш жгуч:
Только кипучий
Сладостен ключ!

1802

ЖЕЛАНИЕ

Озарися, дол туманный,
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах, зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры,
Там обитель тишины;
Мчат ко мне отоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревах,
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О, предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам:
Предо мной поток ужасной
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. Будь, что суждено!..
Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

1802

КАССАНДРА

Все в обители Приама
    Возвещало брачный час,
Запах роз и фимиама,
    Гимны дев и лирный глас.
Спит гроза минувшей брани,
    Щит, и меч, и конь забыт,
Облечен в пурпурны ткани
    С Поликсеною Пелид.

Девы, юноши четами
    По узорчатым коврам,
Украшенные венками,
    Идут веселы во храм;
Стогны дышут фимиамом,
    В злато царский дом одет;
Снова счастье над Пергамом...
    Для Кассандры счастья нет.

Уклонясь от лирных звонов,
    Нелюдима и одна,
Дочь Приама в Аполлонов
    Древний лес удалена.
Сводом лавров осененна,
    Сбросив жрический покров,
Провозвестница священна
    Так роптала на богов:
«Там шумят веселых волны,
    Всем душа оживлена,
Мать, отец надеждой полны,
    В храм сестра приведена.
Я одна мечты лишенна:
    Ужас мне — что радость там;
Вижу, вижу: окрыленна
    Мчится Гибель на Пергам.

Вижу факел — он светлеет
    Не в Гименовых руках,
И не жертвы пламя рдеет
    На сгущенных облаках;
Зрю пиров уготовленье...
    Но... горе, по небесам,
Слышно бога приближенье,
    Предлетящего бедам.

И вотще мое стенанье,
    И печаль моя мне стыд:
Лишь с пустынями страданье
    Сердце сирое делит.
От счастливых отчужденна,
    Веселящимся позор,—
Я тобой всех благ лишенна,
    О предведения взор!

Что Кассандре дар вещанья
    В сем жилище скромных чад
Безмятежного незнанья
    И блаженных им стократ?
Ах! почто она предвидит
    То, чего не отвратит?..
Неизбежное приидет,
    И грозящее сразит.

И спасу ль их, открывая
    Близкий ужас их очам?
Лишь незнанье — жизнь прямая;
    Знанье — смерть прямая нам.
Феб, возьми твой дар опасной,
    Очи мне спеши затмить:
Тяжко истины ужасной
    Смертною скуделью быть.

Я забыла славить радость,
    Став пророчицей твоей.
Слепоты погибшей сладость,
    Мирный мрак минувших дней,
С вами скрылись наслажденья!
    Он мне будущее дал,
Но веселие мгновенья
    Настоящего отнял.

Никогда покров венчальный
    Мне главы не осенит:
Вижу факел погребальный,
    Вижу: ранний гроб открыт.
Я с родными скучну младость
    Всю утратила в тоске,—
Ах, могла ль делить их радость,
    Видя скорбь их вдалеке?

Их ласкает ожиданье;
    Жизнь, любовь передо мной;
Все окрест очарованье —
    Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна,
    Мир цветущий пуст и дик...
Ах, сколь жизнь тому ужасна,
    Кто во глубь ее проник!

Сладкий жребий Поликсены!
    С женихом рука с рукой,
Взор, любовью распаленный,
    И, гордясь сама собой,
Благ своих не постигает:
    В сновидениях златых
И бессмертья не желает
    За один с Пелидом миг.

И моей любви открылся
    Тот, кого мы ждем душой:
Милый взор ко мне стремился,
    Полный страстною тоской...
Но — для нас перед богами
    Брачный гимн не возгремит;
Вижу: грозно между нами
    Тень стигийская стоит.

Духи, бледною толпою
    Покидая мрачный ад,
Вслед за мной и предо мною
    Неотступные летят,
В резвы юношески лики
    Вносят ужас за собой;
Внемля радостные клики,
    Внемлю их надгробный вой.

Там сокрытый блеск кинжала,
    Там убийцы взор горит;
Там невидимого жала
    Яд погибелью грозит.
Все предчувствуя и зная,
    В страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная, —
    Я в чужбине гроб найду...»

И слова еще звучали...
    Вдруг... шумит священный лес...
И зефиры глас примчали:
    «Пал великий Ахиллес!»
Машут фурии змиями,
    Боги мчатся к небесам...
И карающий громами
    Грозно смотрит на Пергам.

1802

НЕМЕЦКАЯ МУЗА

Века Августа блистанье,
Гордых Медичей вниманье
Не пришлось на долю ей:
Не обласкана приветом,
Распустилась пышным цветом
Не от княжеских лучей.

Ей из отческого лона,
Ей от Фридрихова трона
Не курился фимиам.
Может сердце гордо биться,
Может немец возгордиться:
Он искусство создал сам.

Вот и льнет к дуге небесной,
Вот и бьет волной чудесной
Наших песен вольный взлет;
И в своем же изобилье
Песнь от сердца без усилья
Разбивает правил гнет.

1802

ЮНОША У РУЧЬЯ

У ручья красавец юный
    Вил цветы, печали полн,
И глядел, как, увлекая,
    Гнал их ветер в плеске волн.
«Дни мои текут и мчатся,
    Словно волны в ручейке,
И моя поблекла юность,
    Как цветы в моем венке!

Но спросите: почему я
    Грустен юною душой
В дни, когда все улыбнулось
    С новорожденной весной.
Эти тысячи созвучий,
    Пробуждаясь по весне,
Пробуждают, грудь волнуя,
    Грусть тяжелую во мне.

    Утешение и радость
Мне не даст весна, пока
    Та, которую люблю я,
И близка и далека...
    К ней простер, тоскуя, руки,—
Но исчез мой сладкий бред...
    Ах, не здесь мое блаженство —
И покоя в сердце нет!

    О, покинь же, дорогая,
Гордый замок над горой!
    Устелю твой путь цветами,
Подаренными весной.
    При тебе ручей яснее,
Слышны песни в высоте,—
    В тесной хижине просторно
Очарованной чете».

1803

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек.
«Странник,— слышалось,— терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности небесной
Все земное обретешь».

Утро вечером сменялось,
Вечер утру уступал;
Неизвестное скрывалось;
Я искал — не обретал.

Там встречались мне пучины;
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрез потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;
Предаю себя волнам,
Счастье вижу в отдаленье;
Все, что мило,— мнится — там!

Ах! В безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане,
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею...
Там не будет вечно здесь.

1803

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пал Приамов град священный,
Грудой пепла стал Пергам;
И, победой насыщенны,
К острогрудым кораблям

Собрались эллины — тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.
    Пойте, пойте гимн согласной:
    Корабли обращены
    От враждебной стороны
    К нашей Греции прекрасной.

Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их вели в далекий плен.
И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великой,
Невозвратный Илион:
    «Вы, родные холмы, нивы,
    Нам вас боле не видать;
    Будем в рабстве увядать...
    О, сколь мертвые счастливы!»

И с предведеньем во взгляде
Жертву сам Калхас заклал:
«Грады зиждущей Палладе
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посейдону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону,
Богу смертных и богов!»
    Суд окончен, спор решился,
    Прекратилася борьба;
    Все исполнила Судьба:
    Град великий сокрушился.

Царь народов, сын Атрея,
Обозрея полков число,
Вслед за ним на брег Сигея
Много, много их пришло...
И внезапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.

«Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;
Часто Марсом пощаженный
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).
Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен».

И стоящий близ Елены
Менелай тогда сказал:
«Плод губительной измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Парида
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида,
Все блюдет с Олимпа он.
Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет».

«Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Скольких бодрых жизнь поблекла!
Скольких низких рок щадит!
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.
Смертный, царь Зевес Фортуне
Своенравной предал нас:
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.
Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева».

«О Ахилл! О мой родитель
(Возгласил Неоптолем)!
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.
Жить в любви племен делами —
Благо верное земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!
Слава дней твоих нетленна,
В песнях будет цвесть она:
Жизнь живущих не верна,
Жизнь отживших неизменна!»

«Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед провозгласил):
Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!
Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом,
Тот, почтенный и врагом,
Будет жить в преданьях славы!»

Нестор, жизнью убеленный,
Нацедил вина фиал
И Гекубе сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.

«Пей страданий утоленье:
Добрый Вакхов дар — вино;
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.
    Пей, страдалица! печали
    Услаждаются вином:
    Боги жалостные в нем
    Подкрепленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ниобею:
Что изведала она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх недаром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.
    Если грудь вином согрета
    И в устах вино кипит:
    Скорби наши быстро мчит
    Их смывающая Лета».

И вперила взор Кассандра,
Вняв шепнувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандра,
На дымящийся Пергам:
«Все великое земное
Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...
    Смертный, Силе, нас гнетущей,
    Покоряйся и терпи;
    Спящий в гробе мирно спи;
    Жизнью пользуйся живущий!»

1803

ГОРНАЯ ДОРОГА

Над страшною бездной дорога бежит,
    Меж жизнью и смертию мчится;
Толпа великанов ее сторожит;
    Погибель над нею гнездится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.

Там мост через бездну отважной дугой
С скалы на скалу перегнулся;
Не смертною был он поставлен рукой —
Кто смертный к нему бы коснулся?
Поток под него разъяренный бежит,
Сразить его рвется и ввек не сразит.

Там, грозно раздавшись, стоят ворота:
Мнишь, область теней пред тобою;
Пройди их — долина, долин красота,
Там осень играет с весною.
Приют сокровенный! желанный предел!
Туда бы от жизни ушел, улетел.

Четыре потока оттуда шумят —
Не зрели их выхода очи.
Стремятся они на восток, на закат;
Стремятся к полудню, к полночи;
Рождаются вместе; родясь, расстаются;
Бегут без возврата и ввек не сольются.

Там в блеске небес два утеса стоят,
Превыше всего, что земное;
Кругом облака золотые кипят,
Эфира семейство младое;
Ведут хороводы в стране голубой;
Там не был, не будет свидетель земной.

Царица сидит высоко и светло
На вечно незыблемом троне;
Чудесной красой обвивает чело
И блещет в алмазной короне;
Напрасно там солнцу сиять и гореть:
Ее золотит, но не может согреть.

1803

НЕМЕЦКОЕ ВЕЛИЧИЕ

(Черновые отрывки)

Мы пришли из мглы столетий,
Варварства седого дети.
Дряхл Имперский наш союз.
Но в цветах и беспечален
Вид готических развалин.

Доблесть немца и величье —
Не в неправде ратных дел.
Битвы против заблуждений,
Чванных, злобных обольщений,
Мир духовных достижений —
Вот достойный нас удел!

Страны в папский плен попали,
Цепи Рима их сковали,
Первым немец их разбил!
Вызов бросил Ватикану,
Объявил войну обману,
Миру алчных темных сил.

Нет на свете выше славы:
Меч подняв,— но не кровавый! —
Правды молнией разить!
Разуму снискать свободу —
Значит каждому народу
И Грядущему служить!

...Не в империи германской,
Не в князьях народа честь.
Рухни древняя держава —
Он величье, гордость, славу
Сможет сам в века пронесть!

И позор всем детям века,
Для кого сан Человека
Не превыше всех корон,
Кто чужим кумирам служит,
Кто с казной британца дружит,
Галла мишурой пленен.

Все народы на земле
Озарит сиянье славы,
Путь в бессмертье величавый
Светит каждому во мгле.
Нашей славы час пробьет —
Немца день еще придет!

ПРИМЕЧАНИЯ

РАЗБОЙНИКИ
DIE RÄUBER

Фридрих Шиллер на четырнадцатом году жизни стал проявлять склонность к драматургии, но от его ранних попыток ничего не уцелело. Трагедию «Разбойники» Шиллер начал писать в последние годы пребывания в академии герцога Карла Вюртембергского; работать приходилось украдкой, от случая к случаю. По мере того как пьеса подвигалась вперед, Шиллер читал ее друзьям, товарищам по академии. Один из них рассказывал, что Шиллер смотрел на свою трагедию как на такую действенную, остриполитическую и злободневную «книгу, которую палач безусловно должен будет сжечь». Злободневность трагедии подчеркивалась указанием на время действия (середина XVIII в.) и на место действия — Германия. Характерны эпиграфы к пьесе. В первом издании (вышедшем в самом начале мая 1781 г.): «Чего не исцеляют лекарства, исцеляет железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь». Эти слова звучали как призыв лечить общественные язвы Германии «железом и огнем». Еще решительнее был эпиграф ко второму изданию. На заглавном листе был изображен лев, готовый совершить прыжок, а под ним — красноречивая подпись по-латыни: «На тиранов!»

Сюжет трагедии сложился под влиянием рассказа тогдашнего прогрессивного поэта и публициста Даниэля Шубарта «К истории человеческого сердца». В чертах своего героя Карла Моора сам Шиллер признавал известное отражение образа «благородного разбойника» Рока Гипарта из «Дон-Кихота» Сервантеса. Много горючего материала давала и жестокая вюртембергская действительность, рассказы о настоящих разбойниках, швабах и баварцах.

Основной мотив «Разбойников» Шиллера — вражда двух братьев — был излюбленным мотивом драматургии «бури и натиска». На склоне своей недолгой жизни Шиллер обратился к нему еще раз в трагедии совсем иного строя и содержания, «Мессинской невесте» (1803), написанной в античном роде.

Премьера («прапремьера») «Разбойников» состоялась 13 января 1782 года в Маннгеймском театре. Барон Дальберг, директор (он называл себя «интендант») этого театра, сделал все, что мог, чтобы смягчить социальную и политическую остроту изображаемых конфликтов,— например, лишить пьесу злободневности, хотя бы перенесением времени действия из современности в отдаленную пору истории Германии. Еще более калечили «Разбойников» многочисленные переделки и подделки, принадлежавшие хищникам, пользовавшимся тем, что права авторства не защищались законом. Слава Шиллера разрасталась, его прочили в немецкие Шекспиры, а драматург бедствовал. Ему пригрозили крепостью, пришлось бежать и в неимоверно трудных условиях писать «республиканскую трагедию» «Заговор Фиеско», а затем, в глухой деревушке, где он жил под чужим именем, «мещанскую трагедию» «Луизу Миллер», прославленную под именем «Коварство и любовь».

Стр. 25. *Гиппократ* (IV—III вв. до н. э.) — знаменитый врач в Древней Греции, прозванный «отцом медицины». Под именем «гиппократических» до нас дошло от античных времен много медицинских сочинений различных авторов. Эпиграф к «Разбойникам» взят из так называемых «Афоризмов» Гиппократа. Шиллер (напомним — врач) опускает конец этого изречения: «...а то, чего не излечивает огонь, следует считать неизлечимым».

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 27. *Франкония* — одна из областей Германской империи, распадавшаяся в конце XVIII века на шестьдесят девять отдельных государств, в том числе двадцать пять графств. (Один этот пример показывает степень раздробленности тогдашней Германии.)

Стр. 29. *Юлий Цезарь* (I в. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, ставший в последние годы своей жизни почти неограниченным диктатором Рима. Был убит заговорщиками-республиканцами, с Брутом и Кассием во главе, желавшими предупредить монархический переворот в тогда еще республиканском Риме. Дело республики было проиграно после поражения Брута и Кассия при Филиппах (в Македонии) в 42 году до н. э. *Александр Великий* (IV в. до н. э.) — сын македонского царя Филиппа, один из величайших полководцев древних времен. *Товия* — имя героя библейской Книги Товита. *Фрина* — древнегреческая танцовщица. Скульптор Пракситель (IV в. до н. э.) взял Фрину образцом для статуи богини красоты Афродиты (у римлян — Венеры). *Картуш* — французский вор, бывший своего рода знаменитостью в начале XVIII века. О *Говарде* (судя по фамилии, англичанине) ничего не известно.

Стр. 30. *...памятнику, который он воздвигнет себе между небом и землей!*— Речь идет о виселице *...видевшие на лейпцигском рынке портрет*

вашего сынка...— Портреты преступников, которых не могли поймать, выставлялись на рыночной площади, у позорного столба.

Стр. 33. *Зачем не я первый вышел из материнского чрева?* — Франц — младший сын графа Моора, а, по феодальной системе наследования по старшинству («майорат»), недвижимое имущество, главным образом поместья, переходило безраздельно к старшему сыну или к старшему в роде вместе с титулом, если владение давало на него право.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 34. *Саксония* — одно из крупнейших немецких княжеств (так называемое курфюршество) того времени с главными городами Лейпцигом и Дрезденом, столицей Саксонии. Позднее — королевство. *Плутарх* (I—II вв. н. э.) — греческий историк и философ-моралист; автор сравнительных жизнеописаний греческих и римских полководцев и государственных деятелей. Эти жизнеописания с ярким изображением античных гражданских доблестей были любимейшим чтением юного Шиллера. *Почитай-ка лучше Иосифа Флавия!* — Иосиф Флавий (I в. н. э.) — римский историк Иудеи.

Стр. 35. *Прометей* — в древнегреческих мифах титан, защищавший человеческий род от недоброжелательства богов и от верховного божества греков Зевса (по римской мифологии — Юпитера); он был олицетворением человеческой мысли, ее неукротимой, героической силы. *Ганнибал. Битва при Каннах. Победы Сципиона.*— Ганнибал (247—183 гг. до н. э.) и его отец Гамилькар Барка были величайшими полководцами Карфагена, торгового города-государства в Северной Африке, владевшего многочисленными колониями. Ганнибал одержал ряд побед над римлянами. Самой блестящей из них была победа при Каннах (216 г. до н. э.), в которой он уничтожил римское войско, состоявшее из восьмидесяти тысяч человек. В 202 году до н. э. Ганнибал был разбит римским полководцем Сципионом Старшим. В 146 году до н. э. Сципион Младший овладел Карфагеном и стер его с лица земли. *...проклинают саддукея...*— Саддукеи — религиозно-политическая секта в древней Иудее, отрицавшая все религиозные обряды, кроме закона Моисея, и веру в загробное воздаяние.

Стр. 36. *...О, если бы дух Германа восстал из пепла!* — Герман — вождь германского племени херусков Арминий, разбивший римские легионы Вара в 9 году н. э.

Стр. 36. *Ирод-тетрарх* — или Ирод Антипа, или Антипатр, сын Ирода Великого, получивший от отца, по завещанию, четвертую часть его владений (отсюда и прозвище «тетрарх» — «четвертовластец»), правитель Галилеи и Переи, находившихся под римским владычеством. *...руби ливанские кедры...*— Ливан — горный хребет в Сирии и в Ливане протяженностью около 450 километров, некогда знаменитый великолепием кедровых лесов.

Стр. 39. *Жаль, что ты не сделался генералом...*— Первое действие «Разбойников» относится к маю 1756 года, кануну так называемой Семилетней

войны, которая началась в конце августа того же года. Прусский король Фридрих II вел эту войну с тем, чтобы закрепить за собой отнятую им у австрийцев Силезию и добиться господства среди германских государств. Россия, которой угрожало усиление Пруссии, приняла участие в этой войне; русские войска разгромили пруссаков при Гроссегерсдорфе (1757 г.), нанесли поражение самому Фридриху II при Кунерсдорфе (1759 г.) и заняли Берлин (1760 г.). *Сюлли* — герцог Максимилиан де Сюлли (1559—1641), министр финансов и друг французского короля Генриха IV (1589—1610 гг.). После сорокалетней религиозно-гражданской войны во Франции он упорядочил денежное хозяйство страны. Шиллер издал впоследствии на немецком языке его мемуары.

Стр. 41. *Муки чистилища.*— По учению католической церкви, чистилище — место, в котором души умерших, не отягченных смертными грехами, очищаются от грехов, прежде чем попасть в рай. *...в галерном раю* — на каторге. Галеры — старинное боевое судно, ходившее под парусами и на веслах. Приговоренные к ссылке на галеры становились гребцами на государственных судах. Впоследствии выражение «сослать на галеры» стало обозначать ссылку на каторжные работы вообще (галера — по-новогречески «катергон»; в XVIII в. в России многовесельные суда назывались «каторги»). *...таскать на себе весь железный склад Вулкана* — то есть кандалы. Вулкан (*рим. миф.*) — бог огня (у греков — Гефест), сын Юпитера и Юноны. Он устроил на острове Сицилия в Средиземном море, под огнедышащей горой Этной (вулканом — слово, произведенное от имени бога огня — Вулкана), кузницу, где и работал с циклопами — одноглазыми великанами, ковавшими по его приказу молнии. *...сделаюсь-ка я пиетистом...* — Пиетисты — последователи пиетизма («pietas» *лат.*— «благочестие»), религиозного течения среди протестантов Западной Европы (вторая половина XVIII в.); пиетисты отличались порой ханжеским, притворным, показным благочестием.

Стр. 42. *...воскресить золотой век на земле...* — В древнегреческой и римской мифологии — время блаженного существования первых людей. *...берегись трехногого зверя!* — то есть виселицы.

Стр. 43. *Орфей* — мифический певец в Древней Греции, своим пением приводивший в движение деревья и скалы и укрощавший диких зверей (символ могущества музыки, силы ее воздействия).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Стр. 46. *Стыдитесь, драконовы сердца!* — Дракон — сказочное чудовище, крылатый змей. Шиллер написал впоследствии балладу «Бой с драконом»; есть упоминание о драконе и в «Вильгельме Телле» (сцена на Рютли).

Стр. 48. *...запаху амброзии.*— Амброзия *(греч. миф.)* — это пища богов, как нектар — их напиток. *...в жалком теле калеки Эзопа...*— Эзоп (VI в. до н. э.) — греческий баснописец, был, по преданию, уродлив.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 51. *...благодетельные грации...*— Грации — римское, теперь общеупотребительное, наименование древнегреческих богинь харит, с которыми греки связывали представление о прекрасном, радостном как в природе, так и в человеческой жизни. «Три грации считалось в древнем мире...» (Лермонтов): Аглая (блеск), Талия (цветущее счастье) и Эвфросина (веселье, радостное настроение). В искусстве они так и изображались втроем. *...полчище фурий.*— Фурии — римское название Эриний, греческих богинь возмездия, кары, мести (Тизифона, Алекто, Мегера). См. балладу Шиллера «Ивиковы журавли».

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 55—56. Песня Амалии (перевод М. Достоевского) посвящена одному из эпизодов времен греко-троянской войны, описанной в древнегреческой поэме «Илиада»,— прощанию троянского героя Гектора со своей супругой Андромахой и маленьким сыном Астианаксом. *Ксанф*, или Скамандр (теперь Мендере-Су) — река, с трех сторон окружавшая утес Пергама (троянского кремля) и, следовательно, защищавшая подступы к Трое. *Элизиум* — у Гомера красивая местность на западной окраине земли, где люди живут в блаженстве; у позднейших греков представления о ней связывались с подземным царством и загробной жизнью (нечто вроде античного рая). *Коцит* — в греческой мифологии подземная «река плача».

Стр. 57. *Шверин* Курт Кристоф — прусский генерал-фельдмаршал, убитый в битве под Прагой 6 мая 1757 года. *...жаркая битва под Прагой.*— 6 мая 1757 года прусский король Фридрих II одержал победу над австрийцами, в результате которой он смог осадить Прагу и запереть в ней армию принца Карла Лотарингского. 18 июня 1757 года в битве под Колином (Чехия) войска Фридриха II были разбиты наголову, вследствие чего пруссакам пришлось снять осаду Праги и очистить всю Богемию (Чехию).

Стр. 60. *У Иакова было двенадцать сыновей, но о своем Иосифе он проливал кровавые слезы.*— В Библии рассказана история Иакова и его двенадцати сыновей. Братья продали Иосифа, любимца Иакова, в Египет, где он достиг высокого положения и впоследствии разоблачил их вероломство.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Стр. 64. *...съезди-ка в Граубюнден. Это Афины нынешних плутов.*— Это место в «Разбойниках» едва не послужило поводом к «дипломатическому конфликту» между Вюртембергом и швейцарским кантоном Граубюнденом и навлекло на Шиллера гнев Карла Вюртембергского. Граубюнден находится на юго-востоке Швейцарии (граничит с Тиролем и Северной Италией);

населен преимущественно итальянцами. *...разъяряется на физиогномику.*— В юношеские годы Шиллера большой популярностью в Западной Европе пользовались физиогномические теории швейцарца Лафатера, который по чертам лица и строению черепа делал заключения о характере человека, его внутренних склонностях и т. д.

Стр. 65. *Гаси фонарь, хитроумный Диоген! Ты нашел твоего человека.*— Диоген (V—IV вв. до н. э.) — древнегреческий философ. О нем рассказывали, будто он ходил днем с зажженным фонарем, а когда его спрашивали, почему он это делает, он отвечал: «Я ищу человека».

Стр. 67. *...переодевшись капуцином...*— Капуцин — католический монах ордена св. Франциска, носящий рясу с капюшоном.

Стр. 68. *Плутон* — бог подземного мира *(рим. миф.)*.

Стр. 69. *...всходят в лоно Авраамово* — то есть отправляются к праотцам, умирают. Авраам, по библейским сказаниям,— один из древнееврейских родоначальников, так называемых «патриархов». *Содом и Гоморра* — города, которые, по библейскому преданию, были сожжены небесным огнем за нечестивую жизнь их обитателей. *Лотова жена.*— По библейскому сказанию, жена Лота во время бегства из Содома оглянулась, вопреки запрету, на пылавший город и превратилась в соляной столб.

Стр. 70. *...клянусь всеми сокровищами Мамона...*— Мамон — бог богатства, денег у некоторых древних народов. *...словно Молох...*— Молох — здесь: дьявол; ниже: Молох — бог солнца, огня и войны у амонитян, моавитян и финикиян, которому приносились человеческие жертвы (дети и пленники); см. с. 76: «словно огнерукому Молоху, приносят человеческие жертвы».

Стр. 74. *Великий Могол всех мошенников.*— Великий Могол, «хан всех ханов, царь царей» — титул, данный некоторыми западными учеными государям мусульманской династии Бабуридов (в действительности тюркской, а не монгольской) в Индии XVI—XVII веков.

Стр. 75. *...я поджег и разграбил доминиканскую церковь* — церковь монашеского ордена св. Доминика; в ведении доминиканцев с 1203 года находилась так называемая инквизиция (религиозный суд), которой папы предоставили «право пытки и костра».

Рассказ Карла Моора о жертвах его мести — это ряд намеков на действительных лиц (вюртембергских сановников и придворных).

Стр. 75—76. *...сотнею Аргусовых глаз...*— Аргус *(греч. миф.)* — великан, все тело которого было усеяно глазами, почему его и называли всевидящим. Из его сотни глаз половина бодрствовала, а половина отдыхала, спала.

Стр. 76. *...опустошили страну Перу...*— Испанские завоеватели подвергли после открытия Америки беспощадному ограблению и закабалению древнеиндейское государство инков, создавших высокоразвитую культуру (разрушенную колонизаторами). Теперь это южноамериканская республика Перу. *Иуда Искариот* — по евангельскому рассказу, один из учеников Христа (апостолов), предавший своего учителя за «тридцать сребреников». *Нильское чудовище* — крокодил.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 79. *...как воркующий селадон.*— Селадон — чувствительный ухаживатель, волокита (по имени героя романа французского писателя XVII в. Онорэ д'Юрфэ «Астрея»). *Аркадский пастушок, аркадская пастушка* — литературные образы счастливых, беспечных людей, живущих на лоне природы. Аркадия — средняя область древнего Пелопоннеса (на Балканском полуострове, в Греции).

Стр. 80. *Василиск* — мифическое животное. Нет в природе существа, рассказывает древнеримский писатель Плиний Старший в своей «Естественной истории», злее и страшнее василиска. Одним взглядом своим он убивает людей и животных; от его дыхания сохнет трава и растрескиваются скалы (хотя это и совсем небольшой змей). Но чтобы в природе, продолжает Плиний, ничто не оставалось без противовеса, есть средства и против василиска. Стоит только показать ему зеркало, как он погибает от отражения собственного взгляда. К образу василиска Шиллер прибегает в «Смерти Валленштейна» (Валленштейн: «Я василиска на груди пригрел» — об измене Октавио).

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 83. *Абадонна* (Аваддон) — имя падшего ангела, повелителя духов ада, часто встречающееся в религиозной поэзии средних веков и нового времени. *...человека с презрительным взглядом, который сидел на развалинах Карфагена.*— Плутарх рассказывает о Кае Марии, спасшем Рим от нашествия германских племен, но изгнанном из Рима. Он очутился на развалинах Карфагена, от былого величия которого ничего не осталось, как и от величия самого Мария, опального, но гордого сознанием своих гражданских заслуг римского полководца.

Стр. 85. *Маршал Саксонский* — полководец XVIII века, особенно отличившийся в войне за австрийское наследство (1741—1748 гг.).

Стр. 86. *Робин Гуд* — герой английских народных баллад, отразивших протест средневекового крестьянства против феодального гнета; тип благородного разбойника, защитника угнетенных и мстителя за них. *Сенека* Люций Энней (I в. н. э.), или Сенека Младший — философ-стоик, воспитатель известного своей жестокостью римского императора Нерона. По приказу своего бывшего воспитанника он вскрыл себе вены. Сенека написал ряд философских трудов и трагедий. Как представитель стоической философии, он проповедовал строгость морали, твердость и суровую верность долгу.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 89. *Арбеллы* — город в Малой Азии, где была ставка персидского царя Дария перед битвой при Гавгамелах (331 г. до н. э.), в которой победил Александр Македонский (см. о нем прим. к акту I, сц. 1). *Персидский сатрап* — правитель области в древнеперсидском государстве, наместник персидского царя.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 90. *Барбаросса* («рыжая борода» — *итал.*) — прозвище германского императора Фридриха I (XII в.), совершившего пять грабительских походов в Италию, разрушившего Милан и многие цветущие итальянские города-республики.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Стр. 101. *Меркурий (рим. миф.)* — посланец и глашатай богов, а также бог, доставляющий богатство посредством хитрости и обмана, даже посредством кражи и ложной клятвы, божбы.

Стр. 104. *Немезида (греч. миф.)* — богиня мести. *Сирены (греч. миф.)* — морские девы, заманивавшие своим пением плывших мимо их острова мореплавателей и затем убивавшие их. *Орк (рим. миф.)* — подземный мир и божество, управлявшее им.

Стр. 105. *...и ты...Брут?* — В Риме ходили слухи, что Брут был якобы побочным сыном Цезаря. Выражение: «И ты, Брут?» — стало одним из так называемых «крылатых слов» (см. прим. к акту I, сц. 1).

Стр. 106. *О, зачем новый Перилл сделал из меня быка, в пылающем чреве которого сгорает человечество?* — Перилл — искусный медник, который, по преданию, предложил тирану Фаларису (VI в. до н. э.) медного быка. В него можно было спрятать человека и заживо сжечь. При этом стоны сжигаемого вследствие особого устройства этого орудия казни походили на мычание быка. Перилл будто бы сам стал первой жертвой своего изобретения.

Стр. 107. *Это ты, Герман, мой ворон?* — В Библии рассказывается, что пророк Илия, спасаясь от преследований, бежал в пустыню и поселился у источника. «И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру и хлеб и мясо повечеру, а из источника он пил».

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 112. *Елеазар* — третий сын древнееврейского первосвященника Аарона и тоже первосвященник, сподвижник Моисея и Иисуса Навина; умер в преклонном возрасте.

Стр. 114. *Синай* — гора в Аравии (неподалеку от Суэца), где, по библей-

ской легенде, бог дал вождю и жрецу евреев Моисею таблицы (скрижали) с десятью заповедями нравственности.

Стр. 117. *Берегитесь походить на Ричарда или Нерона.*— Ричард.— Здесь имеется в виду Ричард III, король Англии (1483—1485 гг.); он был беспощаден в осуществлении своих политических планов. Шекспир обессмертил его в своей хронике «Король Ричард III», которую Шиллер внимательно изучал. Нерон — римский император (I в. н. э.), известный своей жестокостью. Легенда утверждает, что он поджег Рим, чтобы полюбоваться его пожаром. Когда против него начались восстания и сенат низложил его, он покончил с собой. *Писарро* Франсиско (1475—1541) — испанский авантюрист, вскоре после открытия Америки завоевавший древнеиндейское государство инков (Перу), разграбивший его сокровища и истребивший значительную часть его населения. Был убит испанцами, сторонниками казненного им Альмагро (см. прим. к акту II, сц. 3).

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 123. *...роса гермонских вершин...*— Гермон — высочайшая гора Антиливана, горной цепи, идущей параллельно Ливану. *Сион* — гора возле Иерусалима, принадлежащая к той же горной цепи.

Стр. 127. *Дидона* — богиня — покровительница внутренней крепости города Карфагена (о Карфагене см. прим. к стр. 35.— Ганнибал). Впоследствии Дидоне были приданы черты якобы действительно существовавшего лица. Сказания превратили ее в финикийскую царевну, основательницу Карфагена. В «Энеиде» Вергилия Дидона кончает жизнь на костре из-за того, что любимый ею Эней покинул ее.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ
KABALE UND LIEBE

Из трех написанных прозой юношеских драм Шиллера — «Разбойники», «Заговор Фиеско» и «Коварство и любовь» — последняя сценически самая живучая, наиболее популярная. Энгельс назвал «Коварство и любовь» «первой немецкой политически-тенденциозной драмой» [1]. С еще небывалой в немецкой литературе силой в ней отражен трагизм тогдашней жизни народа в расколотой на сотни карликовых государств Германии. Уродливыми, отвратительными, низменными называл молодой Шиллер картины жизни герцогства Вюртембергского (настоящего, хотя нигде в пьесе не названного места ее действия). В письме к библиотекарю Райнвальду Шиллер, упомянув про «готическое смешение комического и трагического» в его драме, пишет про

[1] «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». М., «Искусство», 1967, с. 5.

«откровенное изображение различных всесильных самодуров», правивших немецкими землями по ничем и никем не сдерживаемому произволу. Многие вюртембержцы могли бы прямо назвать того герцогского фаворита, который, подобно министру-президенту, отцу Фердинанда, пришел к власти, оклеветав своего предшественника. А одна из фавориток герцога якобы тщетно умоляла герцога Вюртембергского отказаться от весьма доходной продажи солдат иностранным державам,— их продавали на убой (и не в одном Вюртемберге) — тысячами!

Подзаголовок пьесы: «бюргерская трагедия», то есть трагедия из жизни горожан, мещан — довольно сложного по своему составу социального конгломерата, вне которого находились дворяне, духовенство и крестьяне. Мещанская драма к 80-м годам XVIII века была развитым литературным жанром с традиционными, разнообразно разработанными сюжетами. Формированию этого жанра в немецкой литературе способствовали иностранные образцы вроде знаменитой английской драмы Лилло «Лондонский купец» и «семейных драм» великого французского просветителя Дени Дидро («Отец семейства» и «Побочный сын»). Огромным было влияние на нее романов англичанина Ричардсона и романа Жан-Жака Руссо «Новая Элоиза». Для немецкой мещанской драмы, как и для ее зарубежных образцов, характерны мотивы защиты «прав сердца» против сословного неравенства, тема любви между представителями низшего и высшего сословий — та социальная коллизия, которая у Шиллера представлена с невиданными еще прямотой, остротой и отвагой поистине героической. В Германии образец бюргерской трагедии дал Лессинг (1729—1781) своей драмой «Мисс Сара Сампсон».

К 80-м годам традиционными стали в этих драмах образы самоотверженно любящих простушек-героинь из бюргерской среды; образ честного, сурового, но горячо любящего отца; знатных и обольстительных соперниц, как Марвуд в «Мисс Сара Сампсон» и графиня Орсина в «Эмилии Галотти» Лессинга, Адельгейда в юношеской драме Гете «Гёц фон Берлихинген» и графиня Амальди в «Немецком отце семейства» Геммингена, прямом подражании «Отцу семейства» Дидро.

Первоначально бюргерская, или мещанская, трагедия Шиллера носила название «Луиза Миллер», а «Коварство и любовь» — это название, которое ей дал Иффланд, тогдашний маннгеймский актер и драматург, ставший впоследствии знаменитостью немецкой сцены и видным драматургом.

Замысел «Коварства и любви» относится предположительно ко времени ареста вюртембергского полкового лекаря Шиллера за самовольную отлучку в Маннгейм (весна 1782 г.). После бегства из Вюртемберга Шиллер не смог сразу же приняться за работу над этой пьесой: помешала необходимость спешно переделывать «Заговор Фиеско», «республиканскую трагедию». А затем в работу над мещанской трагедией стали вторгаться замыслы трагедий «Мария Стюарт» и «Дон Карлос».

Закончил он «Коварство» в Бауербахе, маленьком поместье Генриетты фон Вольцоген (матери трех его товарищей по вюртембергской высшей Карловой школе), предоставившей ему у себя убежище. В сентябре 1783 года пьеса была принята к постановке Маннгеймским театром, а в апреле следующего года состоялась ее премьера.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 132. *В печку всю эту пакость!..*— Выпад Миллера против того, что дочь зачитывается книгами, характерен для того времени; он восходит к Руссо, который был врагом беспочвенной книжной учености, особенно у женщин. А Луиза обнаруживает незаурядную начитанность. Ее слова в сцене третьей (акт I): «*Когда мы, любуясь картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала*» — цитата из «Эмилии Галотти» Лессинга. А слова: «*Будь то фиалка и он бы на нее наступил...*» — из баллады Гете «Фиалка». И другие реплики Луизы порой отзываются книгой.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 150. *Вчера семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку...*— Речь идет о немецких солдатах, проданных Англии для подавления американского освободительного движения.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Стр. 155. *Я веду свой род от несчастного... Томаса Норфолька.*— Томас Говард, четвертый герцог Норфольк (1536—1572), которого Мильфорд называет своим предком, был казнен по обвинению в заговоре в пользу шотландской королевы Марии Стюарт. *...и умирающие ученицы, извиваясь в судорогах, проклинали ненавистные имена своих учителей...*— О девушках, изнасилованных или развращенных герцогом и его клевретами.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Стр. 165. *...как наденут на нее железный ошейник...*— Преступника приковывали к позорному столбу при помощи железного ошейника, выставив на всеобщее поругание.

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА
WALLENSTEINS LAGER

Героем трилогии Шиллера «Валленштейн» («Лагерь Валленштейна», «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна») является полководец Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) Альбрехт Валленштейн. Это была первая в истории война, охватившая почти всю Европу. По одну сторону сражался католический блок, представлявший контрреформацию: во главе его стояли Габсбурги, царившие тогда на двух престолах — венском и мадридском; католический блок пользовался поддержкой Польши и папы римского. Ему противостояли германские князья-протестанты и, на определенных этапах, протестантские королевства: Дания (при короле Христиане IV) и Швеция, король которой Густав-Адольф Ваза пользовался репутацией выдающегося полководца; протестантские страны Англия и Голландия, не принимая непосредственного участия в войне, оказывали своим единоверцам разнообразную помощь — займами, субсидиями, оружием, амуницией; из политических побуждений этому блоку оказала поддержку Россия, враждебная и католикам и протестантам; из тех же побуждений евангелический блок поддерживала католическая Франция, попавшая в кольцо владений австрийских и испанских Габсбургов,— она открыто вмешалась в войну лишь на последнем этапе и довела ее в союзе со Швецией до конца. Чем более разгоралась война, тем более стушевывался ее первоначальный религиозный характер — столкновение протестантской унии (образовавшейся еще в 1608 г.) и католической лиги (1609 г.) или — шире — реформации и контрреформации.

Тридцатилетняя война началась чешским восстанием, поводом к которому послужила отмена императором-австрийцем Фердинандом II Габсбургом тех религиозных свобод, согласие на которые чехи в свое время вырвали силой у императора Рудольфа II. Восстание началось 23 мая 1618 года. Чехи низложили Фердинанда II, силой навязанного им в короли, и призвали на престол чешского королевства Фридриха V, курфюрста Пфальцского, но уже 8 ноября 1620 года, под Прагой, у Белой Горы, войска католической лиги, во главе которой стоял герцог Максимилиан Баварский при полководце графе Тилли, нанесли чехам поражение — страшный день в чешской истории, на триста лет определивший положение Чехии как порабощенной немцами страны, австрийской колонии. Победители перенесли войну в Пфальц и, одержав еще ряд побед, вторглись в нижнесаксонские земли. Тогда, почувствовав угрозу своему существованию, в войну вмешалась протестантская Дания, но вскоре полководец датского короля Христиана IV граф фон Мансфельд был разбит имперским главнокомандующим Валленштейном подле Дессау, на подступах к мосту через Эльбу (25 апреля 1626 г.), а другой полководец католической лиги Тилли разгромил датчан под Люттером (27 августа 1626 г.); затем, после ряда мелких поражений, Дания вышла из войны (1629 г.). Так вслед за чешским закончился датский период Тридцатилетней

войны, но тотчас же в Германию устремился шведский король Густав-Адольф,— его маленькая страна испокон веку вела свои захватнические войны против Московской Руси, Польши, Германии, воспитывая на этих войнах свою несравненную пехоту.

Еще до подхода осторожно делавшего свои первые шаги в германских землях Густава-Адольфа Тилли успел осадить, взять штурмом, разграбить и испепелить цветущий протестантский город Магдебург (в мае 1631 г.), но спустя несколько месяцев Тилли был разбит шведами под Брайтенфельдом, неподалеку от Лейпцига (17 сентября 1631 г.), и окончательно — 15 апреля 1632 года на берегу Леха, притока Дуная, где был смертельно ранен.

Альбрехт Валленштейн, оказавший шведам стойкое сопротивление под Нюрнбергом и нанесший им большой урон, не устоял в битве под Люценом (16 ноября 1632 г.), в которой, однако, пал его опаснейший противник Густав-Адольф. Шведы продолжали войну под началом канцлера Оксеншерна.

Таковы вкратце исторические события, нашедшие отражение в шиллеровской трилогии «Валленштейн», хотя действие «Валленштейна» охватывает всего лишь несколько дней, предшествовавших гибели полководца.

Исторический Валленштейн, Альбрехт Венцель Евсевий (24.IX 1583 г.—25.II 1634 г.) — главнокомандующий имперских войск в Тридцатилетнюю войну, был чешский дворянин, перешедший в 1606 году из протестантизма в католичество. С тридцати пяти лет он сделал головокружительную карьеру. В первый же год Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) он оказал услуги тогдашнему императору Матвею (годы царствования: 1612—1619), выступив на его стороне против восставших чехов. Спустя семь лет, при императоре Фердинанде II, он выставил на свой счет двадцатитысячное войско (которое впоследствии доводил до многих десятков тысяч) и во главе его успешно действовал против нижнесаксонского протестантского союза; так, 25 апреля 1626 года он разбил графа Мансфельда в сражении у переправы через Эльбу, подле городка Дессау. Ему был официально присвоен титул генералиссимуса имперских войск, а затем — причудливо звучащий титул «генерала Океанического и Балтийского морей» и титул герцога Фридланда. В 1627 году он герцог Заган, в 1628-м — герцог двух соединенных завоеванием мекленбургских герцогств, которые император отдает ему в залог под полученные от Валленштейна займы. В 1629 году он принудил Данию к миру, но уже в следующем, 1630-м, был смещен, по настоянию сейма католических князей в Регенсбурге. Через два года — он снова имперский главнокомандующий, а в январе 1634 года его смещают вторично по подозрению в сношениях с врагами империи (хотя ему и было предоставлено это право). 25 февраля 1634 года его умерщвляют в крепости Эгер (одновременно с его видными сторонниками: графом Терцки, графом Кински и бароном Илло).

Тридцатилетнюю войну Шиллер изучал сначала как историк, и плодом этих занятий была большая книга «История Тридцатилетней войны» — по его пониманию, одной из самых сложных, узловых эпох в истории Европы.

В своей великой исторической трилогии Шиллер с гениальной прозорливостью историка и художника высмотрел главный нерв полуторавекового периода в истории родной страны.

Германия была опустошена Тридцатилетней войной, значительная часть ее населения перебита или вымерла. Страна обнищала материально и оскудела духовно, стремления к имперской централизации были парализованы, победил княжеский абсолютизм, увековечивавший раздробленность германских земель, их национальную, политическую и экономическую отсталость и разобщенность.

«Лагерь Валленштейна», начало трилогии — ее экспозиция, совершенно необычен по языку, стихосложению, ритмам, по обилию массовых сцен, мастерски разрешенных Шиллером, по всей изобразительной манере, гибкой и выразительной. И с первых же строк на первый план выдвигается тема народа. В репликах крестьян Шиллер обрисовывает ужасающее положение чехов, доведенных до отчаянной нищеты долгим и разорительным постоем имперского войска, деморализованных насилием и грабежами солдат в течение пятнадцати лет войны, начавшейся, как было сказано выше, восстанием чехов против чужеземного, немецкого гнета Габсбургов, возглавлявших католическую реакцию. Вызывает изумление искусство поэта, воскресившего в какой-то тысяче строк «Лагеря» целую историческую эпоху, на фоне которой мы видим пестрое разноязычное войско, боготворящее своего вождя. Хотя сам Валленштейн и не появляется в «Лагере», он представлен во весь рост, таким, каким он живет в глазах десятков тысяч солдат.

Полная движения, дышащая страстью картина состояния войска, нарисованная в «Лагере», пополнена во второй части трилогии, драме «Пикколомини», картиной состояния Империи: «В стране набат крестьянских мятежей || И возмущенный ропот всех сословий». Здесь драматург мастерски набрасывает целую галерею портретов полковников и генералов Валленштейна, которых мы видим в блестящей массовой сцене банкета. Только здесь, во второй части трилогии, выведен наконец сам Валленштейн, выдающийся полководец и государственный деятель Германии XVII века, натура сильная и честолюбивая, человек, убежденный в своем необычайном, предопределенном свыше и предвозвещаемом всем звездным небом высоком историческом призвании, некоторым образом «загадка истории». Постепенно приоткрываются и цели Валленштейна (каким он изображен в трилогии). Зоркий, проницательный политик, он видит причину слабости Германии в ее феодальной раздробленности. Он понимает, что герцоги австрийские, Габсбурги, из числа которых с давних пор избираются императоры столь пышно величаемой «Священной Римской империи германской нации», предают, в угоду своим частным княжеским интересам, интересы Германии в целом, что им выгодно затягивать войну, которая разоряет и ослабляет имперских князей и дает возмож-

ность им, Габсбургам, как самым сильным, втихомолку прибирать к своим рукам чужие земли, округлять свои наследственные владения и усиливаться за счет бедствий войны. Он открыто заявляет посланцу императора Фердинанда II: «Конечно, император дал мне жезл, || Но все же я имперский полководец, || Для блага всех, во имя общей пользы, || А не для славы только одного». Валленштейн, чех по происхождению и, первоначально, протестант, продолжающий и в качестве полководца «его апостолического величества» оказывать покровительство протестантам и открыто ненавидящий своих врагов — иезуитов, хочет отнять у Австрии порабощенную ею Чехию, стать могущественнейшим из государей Империи и, добившись мира с внешними врагами, сделать затем Германию единой, централизованной державой, какой за Рейном стала Франция (и Англия — за Ла-Маншем!). Что Шиллер не модернизирует своего героя, не навязывает ему патриотического идеала тех лет, когда поэт писал «Валленштейна», показывает документированное заявление Валленштейна: «Я хочу, чтобы германский император был таким же государем в своих владениях, как французский король». Тема единства Германии в трилогии неразрывно сплетается с темой чешского национального возрождения, и прямым ее выразителем является в «Пикколомини» (IV, 5) чех-патриот, кравчий графа Терцки,— он скорбит, что «все вкривь и вкось идет» в его порабощенной немцами отчизне. Вспоминая начало этой завязавшейся из-за Чехии войны, разгром чехов у Белой Горы, кравчий говорит: «То было в восемнадцатом году || Столетия, в котором мы живем, || Но в памяти все живо так, как если б || Беда стряслась лишь нынче над страной. || А между тем шестнадцать долгих лет || Страна не знает мира и покоя...» Давно уже (вырванный некогда у императора ценой кровавой борьбы) «маестат» о вольностях отчизны — «собственноручно Фердинанд изрезал...». Этот мудрый и благородный сын народа, противопоставляемый тем из чехов, которые «повернулись спиной к своей отчизне», обращается к немеркнущей славе народных гуситских войн: «Ведь я прямой потомок таборитов. || Прокоп и Жижка были их вождями; || За правое они боролись дело!»

Но у Валленштейна нет опоры ни среди католиков, ни среди протестантов, во главе которых стоят шведы, преследующие в Германии своекорыстные, захватнические цели. Единственная его опора — войско, наемный разноплеменный сброд, скопище людей, которых только его воля да вера солдат в его счастливую звезду держат в стальной узде повиновения; оно не воодушевлено никакой великой целью («Одна лишь это чернь, и, кроме солнца, || Что светит всем, нет общего у ней»,— говорит он Врангелю о своей армии); полковники и генералы, как только узнают, что Валленштейн в опале, покидают его один за другим и уводят за собой сбитые с толку войска. О причинах краха шиллеровского героя глубоко и тонко высказался в своей «Эстетике» младший современник Шиллера и его земляк-шваб, великий немецкий философ Гегель. Упомянув, что уже «шиллеровский Карл Моор возмущается всем общественным порядком, всем состоянием мира и человечества своей эпохи и в этом

всеобщем смысле восстает против них», Гегель продолжает: «Валленштейн равным образом замышляет великое и всеобщее дело — единство и мир Германии, цель, которой он не достигает как вследствие того обстоятельства, что средства его, искусственно и внешне поддерживаемые, рушатся как раз в тот момент, когда они должны быть пущены в ход, так и потому, что он поднимается против авторитета императора и, сталкиваясь с его могуществом, терпит крах вместе с задуманным им делом. Вообще такие всеобщие мировые цели, какие поставили перед собой Карл Моор и Валленштейн, не может проводить в жизнь (далее курсив Гегеля) *один* индивид *так*, чтобы все остальные становились его послушными орудиями, но подобные цели сами пролагают себе дорогу — отчасти по воле многих, а отчасти против их воли и помимо их сознания» (Гегель. Эстетика, т. 3. М., 1971, с. 603).

Валленштейн шиллеровской трилогии — полководец, оставшийся без армии, его великая историческая цель оказывается недостижимой на избранном им сомнительном пути, и все предприятие вырождается в авантюру, в недвусмысленный союз с врагами родины — шведами, ибо фатальна при таких обстоятельствах логика измены.

Стр. 220. *Перед городом Пильзеном в Богемии.*— Ставка Валленштейна находилась в Пильзене, большом торговом городе Чехии (Богемии).

Стр. 222. *Когда к нам Сакс заявился в гости.*— В 1631 году саксонские войска под командованием Арнима (Арнхайма) заняли Чехию, но были изгнаны оттуда Валленштейном.

Стр. 224. *А старый парик из Вены...*— Квестенберг, член имперского военного совета, посланец императора в лагерь заподозренного венским двором Валленштейна.

Стр. 225. *Пал Регенсбург в прошлое воскресенье.*— Регенсбург — вольный имперский город и стратегически важная крепость на Дунае; здесь происходили имперские сеймы. Регенсбург был взят войсками католической лиги несколькими месяцами ранее (15 ноября 1633 года), но Шиллер приближает падение Регенсбурга к событиям трилогии, завязывая все в один трагический узел.

Стр. 226. *На помощь Баварцу? Как бы не так!* — «Баварец» — глава католической лиги герцог Максимилиан Баварский, враг Валленштейна. *Егери Холька.*— Егери (здесь) — конные стрелки. Хольк — генерал Валленштейна (умер в 1633 г., к началу действия трилогии), отвоевавший по его приказу ряд германских земель.

Стр. 227. *Когда мы с боями гнали Мансфельдца.*— То есть графа Эрнста фон Мансфельда (1580—1626). Он был разбит Валленштейном 25 апреля 1626 года под Дессау, у моста через Эльбу. *Потом к Штральзунду с герцогом шла.*— Штральзунд — крепость на Северном море (в Померании), которую весной 1628 года тщетно осаждал Валленштейн, завоевавший (после победы над датчанами) всю северную Германию. *На Мантую двинулась с инфантерией.*— Мантуя — город на севере Италии, в Ломбардии, захваченный в

1630 году австрийцами. *...обратно с Ферией.*— Ферия — герцог, состоявший при особе дона Фернандо, кардинала-инфанта, брата испанского короля. Кардинал-инфант, о котором еще будет речь в «Лагере», был испанским наместником в Милане. *...на город Гент* — богатейший город в тогдашних Нидерландах.

Стр. 232. *...к лигистам.* || *На Магдебург шли они с шумом и свистом.*— Имеются в виду войска католической лиги, главою которой был, как сказано выше, герцог Максимилиан Баварский при главнокомандующем графе Тилли. Вступивший в войну (в 1630 г.) на стороне протестантов шведский король (с 1611 года) Густав II Адольф Ваза (1594—1632) не успел помешать Тилли взять город Магдебург, который был разрушен лигистами до основания; победители чинили жесточайшие насилия, никому не было пощады в этот прекрасный майский день 1631 года.

Стр. 234. *Помню: в кровавом люценском деле...*— В битве под Люценом, тоже недалеко от Лейпцига, победа досталась шведам ценою гибели их короля Густава Адольфа (16 ноября 1632 года).

Стр. 238. *В Альтдорфе, будучи корпорантом...*— то есть членом одной из студенческих корпораций. Альтдорф — старинный университетский городок неподалеку от Нюрнберга.

Стр. 240. Речь *капуцина* написана Шиллером как юмористическое подражание причудливо-комическим речам венского придворного проповедника Абрагама а Санта Клара (Ганса Ульриха Мегерле, 1644—1709), составителя грубо-простонародных, забавно-назидательных проповедей; главное его сочинение — «Иуда, всем шельмам шельма». Шиллер ввел этот живописнейший персонаж по совету Гете, приславшего ему текст речей патера Абрагама. Капуцинада — блестящая удача драматурга. Антибаптисты — по всей вероятности, контаминация слов «антипаписты» и «анабаптисты» (перекрещенцы). Последние — христианская секта, возникшая в пору Реформации. Анабаптисты отвергали крещение в младенческом возрасте, а взрослых крестили заново, отсюда — «перекрещенцы». Анабаптизм — сложное социальное явление, в котором первоначально проступали революционные, коммунистические стремления, сказавшиеся в событиях Крестьянской войны 1525 года, в учении Томаса Мюнцера. *Quid hic statis otiosi?* (пропущено «toto die») — Евангелие от Матфея, 20, 6: «Что вы стоите (целый день) праздно?» *Где уж словить Оксенштирна — быка?* — Игра слов: Оксенштирн означает по-немецки «бычий лоб» (по-шведски произносится «Оксеншерна»). Аксель Оксеншерна (1583—1654) — шведский канцлер, сподвижник Густава Адольфа, после смерти короля направлявший политику Швеции, с 1636 года — член регентства в малолетство дочери Густава Адольфа, впоследствии шведской королевы Кристины.

Стр. 241. *Ubi erit victoriae spes, si offenditur Deus?* — «Откуда возьмется надежда на победу, если господа оскорбили?» — перефразировка слов одного из отцов церкви, Григория Турского. *Евангельская вдовица.*— В Евангелии рассказывается о женщине, которая после долгих поисков нашла потерянную

монету и обратилась к подругам и соседкам со словами: «Порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму». *Братьев — Иосиф...*— Сыновья библейского патриарха Иакова втайне продали в рабство египтянам своего младшего брата Иосифа, со временем достигшего в Египте высокого положения; однажды он принял их у себя, не узнанный ими. *Саул — ослицу.*— По библейскому сказанию, отрок Саул, отыскивая ослиц своего отца, повстречался с пророком Самуилом, и тот сделал его царем Израиля. *Quid faciemus nos?* — «Что делать нам?» В Евангелии рассказано, как к Иоанну Крестителю люди приходили креститься и спрашивали, как им жить. «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем» (Евангелие от Луки, 3, 14).

Стр. 242. *Будь вы хоть с Авессаломовой гривой.*— Авессалом, сын второго израильского царя Давида, преследуемый воинами своего отца, запутался в чаще леса своими пышными волосами, и его, повисшего на дубу, но еще живого, умертвил военачальник Давида. *Взять Навина...* — Библейский полководец Навин одними звуками труб якобы разрушил крепостные стены Иерихона и повелел солнцу остановиться до окончания битвы. *А Давид Голиафа пращой убил.*— Израильский царь, пророк и псалмопевец Давид в юности, на поединке, убил камнем, пущенным из пращи, великана-филистимлянина Голиафа, после чего филистимляне в ужасе бежали. *Олоферн* — полководец вавилонского царя Навуходоносора (605—562 до н. э.), обезглавленный легендарной библейской героиней Юдифью.

Стр. 247. *Валлонец он...*— Валлоны — население южной Бельгии, говорящее на французском языке. Валленштейн завел еще в 1620 году полк валлонов, впоследствии отличившийся в битве под Люценом, где им командовал граф Готфрид Генрих фон Паппенгейм, в этой битве смертельно раненный.

СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА
WALLENSTEINS TOD

Место действия первых трех актов трагедии — ставка Валленштейна в городе Пильзене, а последних двух — Эгер, город на северо-западе Чехии (Эгер — немецкое название; у чехов: Хеб).

Стр. 264. *Октавио Пикколомини* (1599—1656) — представитель старинного итальянского рода, из Сиены; граф, потом князь и, наконец, герцог Амальфи. Имперский полководец в Тридцатилетнюю войну, он изображается в трилогии главной пружиной интриги, приведшей к падению Валленштейна и его убийству. В «Валленштейне» он (в действительности тридцатипятилетний!) изображен ровесником пятидесятилетнего герцога Фридланда, который о нем говорит: «Мы тридцать лет не разлучались с ним, || Делили все тревоги ратной жизни!» Сына у него не было.

Стр. 265. *...семь причудливо освещенных статуй* — олицетворения планет. Во времена Шиллера известно было семь планет солнечной системы. В «Пикколомини» (III, 4) Тэкла поэтически описывает комнату астролога со стоящими полукругом колоссальными изображениями античных богов, именами которых планеты названы (над головой каждого — прозрачная звезда присущего ему цвета); две планеты якобы неизменно благоприятствовали Валленштейну: Венера — планета радости и красоты, и, как говорит Тэкла, «Юпитер — светлый муж, отца планета». Прославленному полководцу, оказывается, не был благоприятен «губительный, коварный Марс», планета войны, вся — в кровавых лучах и отсветах, ибо Валленштейн — «принц мира», и для него символичен даже доставшийся ему титул герцога Фридланда («Фридланд» означает «мирная страна», «мирный край»). Средневековый астрологический мотив, столь красочно представленный в мировоззрении Валленштейна, введен Шиллером и всесторонне им разработан по совету Гете; первоначально Шиллер намеревался ограничиться только неким «буквенным оракулом», наподобие того, какой однажды был составлен астрономом Кеплером. Своему другу Готфриду Кернеру, сочувственно отнесшемуся к (локально и исторически столь живописному) астрологическому мотиву, Шиллер обязан и поощрением, и указаниями на источники. *Квадрант* — инструмент (в виде прямоугольного отрезка круга, сегмента) для определения высоты положения звезды. *Сэни* — астролог Валленштейна. В «Пикколомини» он вводится в костюме итальянского «ученого» дотторе, то есть как маска итальянской народной комедии масок, и наделяется чертами чудаковатого и суеверного педанта-звездочета. В «Смерти Валленштейна» роль Сэни лишается комических черт, так как Шиллер здесь уже всерьез считается с астрологической одержимостью Валленштейна и, соответственно, изменяет роль Сэни; он даже предупредил Иффланда, директора Берлинского театра, что не следует придавать Сэни карикатурных черт.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Стр. 265—266. *Как долго он, отвесно иль наклонно, || То в четверти, то в противостоянье...* — Положение одного светила к другому «в четверти» означает: под углом в девяносто градусов; а «в противостоянье» — под углом в сто восемьдесят градусов.

Стр. 266. *Сатурн стал слаб, он — «in cadente domo»* (*лат.*) — «в падающем доме». — Для астрологических расчетов небо разделялось, соответственно двенадцати знакам зодиакальных созвездий, на двенадцать «домов», положение первого обозначалось: «in oriente domo» (*лат.*) — «в восточном доме», который считался восходящим «домом жизни», а положение последнего: «in cadente domo» — в нем, «падающем доме», созвездия теряют свою силу (как потерял ее в наблюдаемое Валленштейном и Сэни время Сатурн).

В непосредственно следующих затем восьми строчках и в обширных репликах Тэклы и Макса в «Пикколомини» (III,4) астрологически охарактеризован «Старик угрюмый, злобный, с мутно-желтой || Звездою» — Сатурн, противоположность блистательному Юпитеру, планете Валленштейна. По астрологическим представлениям, Сатурн и Марс были планетами, приносившими несчастье, тогда как Венера и Юпитер были планетами счастья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стр. 267. *Слыхал? Он в руки Галласу попался...*— Галлас — граф Кампо, герцог Лючера (1584—1647), имперский генерал, содействовавший падению Валленштейна. *Сезин? Неужто он? Не может быть!* — Сезин — Ярослав Сезин (или Сезима Рашин), чех, бежавший после подавления чешского восстания к Валленштейну и помогавший ему в переговорах со шведами; после умерщвления Валленштейна он был помилован ценою подробного доноса, в котором ради обеления венского двора чернилась память полководца. *С ним были письма к графам Турну, Кински, || К фон Арнхайму, а также к Оксеншерну.*— Турн —Генрих Матвей граф Турн, бургграф фон Карлштейн (Чехия), родился в 1580 году в протестантской семье, вождь восставшего в 1618 году чешского дворянства. Позднее, разбитый и помилованный Валленштейном, он содействовал ему в его переговорах со шведами, к которым Турн открыто примкнул как враг габсбургской Империи. Умер в 1640 году. Кински — граф Кински, из старинного чешского дворянского рода, был женат на сестре графа Терцки, принадлежал к числу сторонников Валленштейна, был его посредником в переговорах с врагами Империи. Погиб в Эгере одновременно с Валленштейном, Терцки, Илло, Нойманом. Арнхайм — Ганс Георг фон Арнхайм (так его называли современники, но сам он всегда подписывался: Арним; 1581—1641), полководец Тридцатилетней войны на службе у шведов, затем — у поляков (с 1626 г.), одно время фельдмаршал имперских войск, а в 1631—1641 годах — на службе у саксонского курфюрста, союзника шведов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стр. 267. *Илло* — барон Кристиан фон Илло (Илов, род. ок. 1580 г.— умер в 1634 г.), имперский генерал, доверенное лицо Валленштейна.

Стр. 270. *Не посылать во Фландрию с инфантом...*— Речь идет о брате испанского короля доне Фернандо, наместнике Милана; его назначили наместником в Нидерланды. В начале января 1634 года фаворит императора патер Квирога доставил в ставку Валленштейна указ придать к отряду дона Фернандо шесть (у Шиллера — восемь) конных полков, что заметно ослабило бы силы Валленштейна; об этом упоминается в «Лагере» и в «Пикколомини» (II,7).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стр. 271. *Возможно ль? Захотеть — и быть не в силах?* — Гете, пристально следивший за всеми этапами становления трилогии, назвал этот монолог Валленштейна «осью» трагедии «Смерть Валленштейна».

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Стр. 273. *Так ваше имя Врангель?* — Врангель — вымышленное лицо и только имя — историческое. В «Тридцатилетней войне» Шиллера названы два шведа Врангеля (уже после рассказа об эгеровских убийствах), но ни тот, ни другой не встречались с Валленштейном и не препятствовали штурму Штральзунда, морской крепости на севере Германии. Шиллер берет звонкое историческое имя и рассказом о якобы совершенном подвиге поднимает значение посланца шведов в этой блестящей сцене дипломатического поединка. *Зюдерманландцы — полк мой голубой.*— Шведские полки различались по цвету обмундирования (Зюдерманландия — шведский административный округ).

Стр. 276. *Вы — Аттила второй иль новый Пирр.*— Аттила (Этцель германских саг) — с 434 года н. э. король гуннов в Паннонии, на Среднем Дунае, объединивший все гуннские племена и повергавший в ужас народы Европы; убит в 453 году. Пирр — выдающийся полководец, царь Эпира *(греч.)*; его вторая победа над римлянами далась ему такой страшной ценой, что он воскликнул: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска!» В каждой из обеих похвал Врангеля есть добрая капля яда.

Стр. 279. *И — ваш прекрасный край тот пограничный.*— Врангель тотчас разгадывает дипломатическую ложь Валленштейна. Но Швеция, по Вестфальскому миру (1648 г.), действительно получила Померанию. *Что вы гонцов к Саксонцу посылали...*— У Валленштейна действительно было намерение ударить на шведов вместе с саксонцами; это исторически засвидетельствованный факт.

Стр. 280. *Нас Прага не поссорит. Оксеншерн || Войдет лишь в Старе Место. Ваша милость || Градчаны и Заречье в ней займет.*— Речь идет о Старом Городе в Праге, на правом берегу Влтавы (Молдовы); Градчаны и Заречье расположены на левом. Этот раздел Праги между шведами и Валленштейном неисторичен.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стр. 281. *Но вспомните, как было с тем Бурбоном...*— Коннетабль (маршал Франции) Шарль де Бурбон, оскорбленный матерью французского короля Франциска I, перешел (1523 г.) на сторону императора Карла V Габсбурга, воевавшего против Франции. В 1525 году он нанес Франциску I сильнейшее поражение при Павии. Пал тридцати семи лет при штурме Рима. С его смертью угасла старшая линия Бурбонов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Стр. 282. *Я короля дала однажды чехам.*— Графиня Терцки, Максимилиана (у Шиллера — Тереза),— свояченица Валленштейна (родная сестра его супруги, герцогини Изабеллы Фридланд). Шиллер перенес на нее, не проявлявшую особого интереса к политике, некоторые черты честолюбивой матери графа Терцки, якобы содействовавшей избранию на чешский престол пфальцграфа Фридриха V. Она напоминает у Шиллера шекспировскую леди Макбет. В противоположность сестре, бесцветной и «страдательной» герцогине Фридландской, она наделена волей, честолюбием, неукротимой энергией характера, во многом соотносительного характеру Валленштейна, которого она как-то сложно любит; они тепло называют друг друга: брат, сестра. Подсознательные глубины ее чувства Шиллер приоткрывает в ее рассказе о снах, да и вся сцена (V, 3) их прощания необычна у Шиллера по мастерству психологического анализа, предвосхищающего более поздние этапы развития литературы.

Стр. 286. *В жертву || Принес тебя надменному Баварцу.*— Максимилиан (1573—1651), герцог Баварский с 1573 года, с 1609-го — глава католической лиги, курфюрст (1623—1651 гг.), разбил 8 ноября 1620 года пфальцграфа Фридриха V, чешского «короля на одну зиму» («Винтеркёниг»), под Прагой, у Белой Горы; к нему перешел сан этого опального курфюрста, и ему досталась часть наследственных земель пфальцграфа (по Вестфальскому миру — Верхний Пфальц). В 1630 году на имперском сейме в Регенсбурге Максимилиан сплотил оппозицию Валленштейну и настоял на его смещении. Через два года (1632 г.) Валленштейн вновь стал главнокомандующим имперскими войсками и был наделен почти неограниченными полномочиями.

Стр. 289. *...кто дракона зубы сеял... (греч. миф.)* — Намек на Кадма, легендарного основателя города Фивы, столицы древнегреческой страны Беотии; о Кадме мифы повествуют, что он убил дракона и посеял зубы его, из которых тотчас же выросли вооруженные воины; между ними завязалась битва, и все они погибли, за исключением пятерых,— образное воплощение мысли о гибельности братоубийственных национальных раздоров и междоусобиц.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Стр. 289. *Из Линца пишет Альтрингер: он болен.* — Граф Альтрингер был зятем графа Галласа; последний обманул Валленштейна, отпустившего Галласа с тем, чтобы тот уговорил Альтрингера явиться в ставку. Валленштейн отправил Галласа на своих лошадях, как сейчас (см. текст) отправляет Октавио с приказом: «Обоих взять под стражу — и сюда!» *Но мне уже до-*

подлинно известно, || Что с Галласом во Фрауенберге он...— Отпавшие от Валленштейна генералы сосредоточивали свои силы в укрепленном замке Фрауенберге в южной Богемии, неподалеку от Будвайса (немецкое название города Ческе-Будеёвице).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стр. 295. *Чем я виновней Цезаря, чье имя, || Как высший сан властитель мира носит?* — Император — по-немецки «кайзер» от латинского Caesar, по имени римского полководца, государственного деятеля и диктатора Кая Юлия Цезаря; уже в Древнем Риме титул цезаря носили соправители и наследники престола, а потом римские властители, императоры. В 800 году король франков (с 768 г.) Карл, известный в истории под именем Карла Великого, короновался как римский император и возобновил почетный титул цезаря; с 962 по 1806 год «кайзерами» были главы «первого рейха» (Священной Римской империи германской нации); потом его унаследовали австрийские монархи; кайзером стал еще и прусский король, под эгидой которого Германия объединилась в 1871 году (1871—1918 гг.).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Стр. 300. *Изолани* — граф, родом из северо-восточной Италии (1586—1640; у Шиллера иногда усеченное — Изолан); с 1634 года — генерал хорватских частей в имперском войске.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стр. 329. *Франц, герцог Лауэнбургский, вас проводит.*— Герцог Франц Альберт фон Лауэнбург был решительным приверженцем Валленштейна, но он в это время как посланец к шведам находился на пути в Регенсбург и, следовательно, не мог бы возглавить эскорт семьи Валленштейна в Нидерланды. Шиллер пользуется здесь лишь историческим именем (быть может, даже ошибочно — вместо герцога Юлия Генриха Заксен-Лауэнбургского).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стр. 330. *Что Гёц, Марадас, Кауниц, Эстергази, || Колальто вдруг покинули тебя?* — Шиллер нагромождает здесь имена, чтобы создать впечатление лавины измен и отпадений полковников и генералов Валленштейна, не беспокоясь о том, что Колальто уже не было в живых, а Гёц в Пильзен не явился.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Стр. 348. *Чтоб отпрыск императорского дома...*— сын императора Фердинанда II, король венгерский Фердинанд, позднее— император Фердинанд III.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Стр. 352. *Шерфенберг* — обергофмейстер герцога Фридланда.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Стр. 356. *Покинь меня, ступай служить монарху,—|| Пусть он тебя цепочкою украсит || И «Золотым Руном»...* —Цепочкою — презрительно о Золотой цепи, которой императоры награждали в знак своей милости,— это была «цепь благоволения». В действительности Фердинанд наградил не Валленштейна, а много лет спустя его убийцу Бутлера. «Золотое Руно» — испанский и австрийский орден (первоначально, бургундский, первого класса, учрежденный в 1429 г.).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Стр. 360. *Упал он.*— Ротмистр Нойман, адъютант графа Терцки, был убит в Эгере, одновременно с Илло и Терцки, а не во время возмущения войск в Пильзене — этого возмущения в действительности не было.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Стр. 368. *И сбросить лары с очагов священных...*— Лары — божества домашнего очага, божества семейства у древних римлян.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стр. 369. *Гордон* (здесь: комендант Эгера) был шотландец, а Бутлер — ирландец (в «Тридцатилетней войне» Шиллера и тот и другой — шотландцы; там же комендант Эгера — Бутлер, а не Гордон). В одном из источников драматурга Гордон действительно назван другом юности Валленштейна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Стр. 385. *Как тот мудрец, которого убили || Средь вычерченных на песке кругов.*— Архимед за своими расчетами не заметил, как к нему подкралась смерть.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стр. 403. *Капитаны Макдональд и Деверу* — убийцы Валленштейна, по источникам; Деверу — ирландец, у другого убийцы — шотландская фамилия.

Стр. 409. *Майору Геральдину это дело || Поручено.*— Геральдин — офицер, которому, по источникам Шиллера, было поручено убийство Илло и Терцки; тогда же были убиты ротмистр Нойман и граф Кински, о котором в трагедии говорится, что он находится в Праге, чтобы, действуя в пользу Валленштейна, добиваться ее отпадения от Австрии. *Майору в помощь — Лесли с Песталуци...*— Имена заимствованы из источников, по которым Лесли отводилась значительно большая роль, чем в трагедии.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стр. 416. *С женою первой, пышно разодетой...*— Лукреция Никеч, первая жена Валленштейна, была богатой вдовой. Она умерла, оставив ему большое состояние — основу его богатства и могущества (о чем он тут же и сам говорит). Ср. в финальной сцене трагедии: «Где герцога останки опочиют? В монастыре, который им основан, || Под Гитчином графиня Валленштейн || Покоится, он с ней хотел быть рядом, || За годы счастья вечно благодарный. || Велите там его похоронить». Гитчин — немецкое название чешского города Йичина в северо-восточной Богемии, главной части Чехии; некогда — столица герцогства Фридланд. Неподалеку от Йичина находился картезианский монастырь.

Стр. 417. *Я думаю о Генрихе Четвертом.*— Все сказанное Валленштейном о Генрихе IV, французском короле (с 1589 по 1610 г.), первом из династии Бурбонов на королевском троне Франции, Шиллер почерпнул из собрания исторических мемуаров, выходивших под его редакцией; там же он нашел материал для рассказа о снах графини Терцки.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стр. 421. *И я принес Тифону жертву...*— Древнеегипетский бог зла и тьмы Сет носил у греков имя Тифон.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Стр. 421—422. *Беги отсюда, герцог, до рассвета... Не предавайся || Тем, кто воюет с церковью святой!* — Как явствует из доноса Сезины императору (один из источников Шиллера), астролог Сэни был против измены Валленштейна Фердинанду II. Сезина приписывал колебания и нерешительность Валлен-

штейна влиянию Сэни, оказавшегося платным агентом венского двора. Шиллер облагораживает астролога Валленштейна, объясняя его предостережения религиозными мотивами, а не предательством.

Стр. 423. *Кровь пролилась.*— Это о жарком деле под Нойштадтом, поэтическом вымысле драматурга.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стр. 427. *Нет, время — бог.* — Эта реплика Гордона напоминает реплику Октавио в явлении одиннадцатом: «О, время — это ангел для людей...»

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Стр. 436. *Вот... Князю Пикколомини.*— У этой знаменитой финальной строки трагедии «Смерть Валленштейна» (и всей трилогии) большая литература. Блестяще комментировал эту реплику, существо которой лишь в одном слове — «князю», Гегель, подчеркивающий в особенности перенос акцента со слова на мимику актеров, участников финала: «Старый Октавио во многом способствовал падению Валленштейна; теперь он находит его злодейски убитым по наущению Бутлера, и в тот самый момент, когда графиня Терцки заявляет, что приняла яд, приходит императорское послание. Гордон прочитывает надпись и передает письмо Октавио, бросая на него взгляд, полный упреков. Он говорит: «*Князю* Пикколомини». Октавио пугается и с болью поднимает глаза к небу. Что чувствует здесь Октавио, получая вознаграждение за услугу, в кровавом исходе которой он повинен больше других, здесь не сказано словами, но выражение целиком предоставлено мимике актера» («Эстетика», т. 3, с. 569).

МАРИЯ СТЮАРТ
MARIA STUART

История шотландской королевы Марии Стюарт увлекла Шиллера еще в юности. Но только 26 апреля 1799 года Шиллер записал в своем рабочем календаре: «Начал изучать историю Марии Стюарт» (по немецкой «Истории королевы Елизаветы Английской» Архенгольца). 4 июня новая запись: «Приступил к работе над «Марией Стюарт». 24 июля было закончено первое действие, и на следующий же день начата работа над вторым, которое было готово спустя месяц, 26 августа. У Шиллера появляется надежда, что к концу 1799 года он закончит пьесу. Пометка, сделанная 11 мая 1800 года, гласит: «Читал собравшимся у меня актерам четыре акта «Марии Стюарт». Последний, пятый, акт Шиллер пишет в уединенном замке Эттерсбург с 16 мая, а 9 июня 1800 года он уже заносит в свой календарь: «Окончил «Марию Стюарт».

Спустя пять дней после окончания работы состоялась исподволь подготовленная, при участии автора, премьера «Марии Стюарт» на сцене Веймарского театра (14 июня 1800 г.), а через полгода трагедия была поставлена в Берлине.

Напомним вкратце некоторые исторические факты. При отце Елизаветы Генрихе VIII (род. в 1491 г., король Англии в 1509—1547 гг.) и Эдуарде VI (род. в 1537 г., король Англии в 1547—1553 гг.) в Англии победила реформация — ее поддержала значительная часть дворянства, стремившаяся захватить церковные земли. Парламентскими актами 1536—1539 годов все монастыри были закрыты, а их имущество перешло в королевскую казну. Конфискованные королем земли постепенно передавались в руки дворян и буржуазии; представители последней, становясь земельными собственниками, быстро пополняли собой ряды нового дворянства. Победа реформации ознаменовалась жестоким террором; за неподчинение новой, англиканской церкви казнили, как за государственную измену. Но когда на престол вступила Мария Тюдор (1553—1558 гг.), дочь Генриха VIII и испанской инфанты, был восстановлен католический культ. Контрреформация проводилась тоже методами жесточайшего террора, а внешнеполитически она выразилась в сближении с Испанией, одним из проявлений которого был брак Марии Тюдор с Филиппом (будущим королем испанским Филиппом II). При новой английской королеве Елизавете, последней представительнице династии Тюдоров (род. в 1533 г., королева Англии в 1558—1603 гг.), вновь победили, ценою новых насилий и потоков крови, сторонники англиканской церкви и враги Испании, опоры католицизма. Силы контрреформации стали группироваться вокруг родственницы Тюдоров, шотландской королевы Марии Стюарт (даты жизни: 1542—1587),— в ней ее сторонники видели законную наследницу английской короны, в отличие от Елизаветы, рожденной от брака Генриха VIII с Анной Болейн (1507—1536), которая была казнена по обвинению в супружеской измене: отец объявил Елизавету «незаконной» дочерью, не имевшей права на английский престол. В 1568 году Мария, спасаясь от восставшей против нее шотландской кальвинистской знати, бежала в Англию, но была там заточена в замок и спустя девятнадцать лет казнена по обвинению в заговоре с целью убийства Елизаветы. В этой казни Шиллер усмотрел типичный пример ненавистной ему политической тирании и политического ханжества (говоря о Елизавете, Карл Маркс указывал на «гнусный характер ее правления и на бедствия народа в ее царствование».— «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, 1940, с. 379).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Стр. 441. *Так трапезовал муж ее, покуда || Она пила из кубка золотого || С любовником.*— Муж Марии, лорд Дарнлей, оскорбленный ее пренебрежительным отношением и связью с графом Ботвелом, бежал в Глазго с крестин

сына, будущего короля Иакова I. *При шумно веселящемся дворе || Державной Медичи, в любви и холе.*— Речь идет о дворе Екатерины Медичи (1519—1589) — жены французского короля Генриха II, руководившей воспитанием Марии Шотландской.

Стр. 442. *Перри* (казнен в феврале 1585 г.) и *Беббингтон* (казнен в сентябре 1586 г.) — участники заговоров в пользу Марии. *Норфольк* — один из знатнейших дворян-протестантов Англии, просил руки Марии. Не получив согласия Елизаветы, стал участником заговора с целью насильственного освобождения Марии; казнен 2 июня 1572 года. В «Коварстве и любви» леди Мильфорд называет Томаса Норфолька своим предком (см. стр. 155).

Стр. 443. *Явилась к вам изгнанницей, сестру || О помощи и милости молить...*— Мария и Елизавета состояли в близком родстве. *Мария Испанская* (Мария Тюдор) — предшественница Елизаветы на английском троне. Мария была старшей дочерью Генриха VIII и Екатерины Арагонской. *Недаром Эдинбургский договор || Отвергнут ею...*— Мария Шотландская отказалась подписать предложенный ей так называемый Эдинбургский договор (1560 г.), который обязывал ее отказаться от притязаний на королевский трон Англии.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стр. 446. *По вашему желанию, декан...*— В 1587 году был отстранен католический духовник Марии, и в духовные пастыри ей предложили протестанта, декана (епископа) Флетчера. Мария отказалась от духовника-протестанта. Вторично она отвергла его на эшафоте (V, 10).

Стр. 447. *Уж сколько тяжких дней прошло с тех пор, || Как сорок комиссаров в этом замке...*— Для суда над Марией было назначено 9 октября 1586 года сорок шесть комиссаров; 14 октября состоялся первый допрос; 25-го они собрались в Звездной палате в Лондоне и только 31-го признали Марию виновною в посягательстве на жизнь королевы Елизаветы. Смертный приговор был вынесен 20 декабря, а 1 февраля следующего, 1587 года его вручили Елизавете; 8 февраля состоялась казнь Марии.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стр. 454. *Из Франции! От дяди-кардинала!* — Герцог Шарль де Гиз, архиепископ Реймский, кардинал Лотарингский, умер за двенадцать с лишним лет до времени действия этой пьесы. Мария Стюарт была дочерью шотландского короля Иакова V и Марии Гиз, сестры лотарингских Гизов, вождей французской католической партии.

Стр. 457. *Направлен в Реймс, где орден езуитов || Для Англии священников готовит. || Там встретились мне Морган благородный, || И Лесли,*

верный вам, и достохвальный || Епископ Росский...— В 1575 году в Реймсе была учреждена, но не иезуитами, семинария католических миссионеров для Англии. Томас Морган, участник одного из заговоров в пользу Марии Шотландской, бежал из Англии в 1573 году. Лесли, епископ Росский, замешанный в заговоре Норфолька, бежал во Францию тоже в 1573 году.

Стр. 458. *Толбот* Джордж, граф Шрусбери — был стражем Марии с 1568 по 1584 год. В 1587 году (время действия «Марии Стюарт») Шрусбери был верховным судьей в вопросах дворянской чести.

Стр. 460. *Нет, в брак вступая с герцогом Анжуйским, || Она с ней вечный заключает мир.*— Сватовство герцога Франсуа д'Анжу, девятнадцатилетнего брата французского короля Генриха III, относится к 1570 году; брак его с Елизаветой Английской не состоялся из-за требования королевы, чтобы герцог принял англиканское вероисповедание. В действительности д'Анжу умер до начала событий, изображенных в этой пьесе. *Этот путь || Прошла и мать самой Елизаветы, || А вслед за ней Екатерина Говард || И леди Грэй, владычица на час.*— На эшафот взошли жены Генриха VIII Анна Болейн (1536 г.), мать якобы «незаконнорожденной» Елизаветы, и Екатерина Говард (1542 г.). Юная претендентка на английский престол леди Грэй (внучка одной из сестер Генриха VIII) была казнена (1554 г.) Марией Тюдор.

Стр. 461. *Иль не страшат || Вас головы Тичберна с Беббингтоном || Кровавые, на лондонском мосту...*— Головы казненных в 1586 году заговорщиков.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Стр. 464. *Я поддалась || Коварству Хеттона...*— Хеттон уговорил Марию дать показания суду (который она не хотела признавать), сославшись на то, что иначе она лишится единственной возможности доказать свою невиновность.

Стр. 466. *Принцесс английских нынче отрешит || От прав наследства, заклеймит позором, || А завтра их возводит на престол...*— Парламент лишил трона «незаконную» Елизавету, а в 1544 году признал ее права на английский престол. *Я вижу этих доблестных вельмож, || При четырех монархах без стыда || Четырежды меняющими веру.*— То есть при Генрихе VIII, вступившем в борьбу с папой римским, при Эдуарде VI, поддержавшем реформацию, при Марии, реставрировавшей католицизм, и при Елизавете, основавшей англиканскую церковь.

Стр. 468. *Как Ричмонд, прародитель мой, уняв || Кровавый спор, соединил две розы...*— Генрих VII Ричмонд, потомок Ланкастеров (с материнской стороны), женился в 1485 году на дочери Эдуарда IV из дома Йорков; так были соединены два враждующих рода и положен конец их борьбе, известной под именем войны Алой и Белой розы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Стр. 476. *Вильям Дэвисон* — секретарь и член Тайного совета, один из судей Марии.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стр. 479. *Предместники державные мои, || Монастыри закрывшие...*— Генрих VIII и Эдуард VI.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стр. 485. *Суровый искус бедствий ты прошла...*— Елизавета на третьем году жизни потеряла мать (Анну Болейн); отец, король Генрих VIII, долгое время отталкивал ее, как побочную дочь, а ее сестра, королева Мария Тюдор, несколько раз сажала Елизавету в «Вудсток и мрачный Тауэр» — тюрьмы для государственных преступников.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стр. 489. *Вальсингем* — государственный секретарь Елизаветы, раскрывший заговор Беббингтона. *...булла грозная, которой || В тебя метнул недавно папа Сикст...*— Сикст V отлучил Елизавету от церкви.

Стр. 491. *...она ж в своей гордыне || О трех коронах дерзко помышляла...*— О коронах Шотландии, Англии и Франции (эту последнюю страну папа признал древнейшим христианским королевством).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Стр. 500. *Я холодно ее тогда отверг.*— В действительности Мария отвергла предложение Лейстера, считая этот брак не соответствующим ее достоинству. *Я десять долгих лет ее тщеславью || Пожертвовал...*— Связь Лейстера и Елизаветы продолжалась около тридцати лет.

Стр. 505. *Сторонников немало у Марии! || Средь родичей и Говарда и Перси...*— Из рода Говардов происходила Екатерина Говард, пятая жена Генриха VIII; Перси Томас — английский дворянин, казненный в 1572 году, участник заговора Норфолька.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стр. 521. *Армида* — героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, соблазнившая героя Ринальдо.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стр. 528. *Тайберн* — место публичных казней (до 1783 г.) в окрестностях Лондона.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Стр. 533. *Тулонский барнабит.* — Барнабиты — монахи католического ордена, утвержденного папой в 1530 году для борьбы с неверием и ересями, для пропаганды католицизма.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Стр. 559. *...а испанец || Войной открытой на море грозит.*— Намек на подготовку испанского флота к нападению на Англию; оно состоялось в следующем, 1588 году.

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ
WILHELM TELL

С именем Вильгельма Телля швейцарцы связывают память о победоносной освободительной борьбе против чужеземного ига, которую они вели в первые годы XIV века, отражая попытки Габсбургов завладеть их землями.

Габсбурги вели свой род из Швейцарии, где у них были разбросанные по разным местам владения, в том числе и родовой замок Габсбург. В 1273 году граф Рудольф Габсбургский был избран императором так называемой Священной Римской империи германской нации. Империя эта представляла собой федерацию лишь очень слабо связанных между собою немецких феодальных государств. Власть императора была весьма ограниченной и нетвердой. Но как она ни была мала, Габсбурги широко использовали ее в своих интересах. В 1276—1278 годах первый император из рода Габсбургов, упомянутый выше Рудольф, отнял у Чехии ряд славянских земель — Штирию, Каринтию, Крайну и другие. Земли эти очень усилили Габсбургов и стали основным ядром их владений. После смерти Рудольфа на императорский престол был избран граф Адольф Нассау; против него начал борьбу сын покойного императора Рудольфа, герцог Альбрехт, которому удалось не только свергнуть, но и умертвить Адольфа.

Император Альбрехт I (в своих «наследственных» владениях он был всего лишь герцогом Австрийским) решил завладеть землями Швейцарии; она распадалась тогда на ряд самостоятельных государств, в числе которых были

города, монастыри, графства, рыцарские владения, а также такие, преимущественно крестьянские, государства-общины (кантоны), как Швиц, Ури и Унтервальден. Последние входили, на договорных основаниях, в союз государств, составлявших Империю, но Альбрехт стремился присоединить их к своим наследственным землям, сделать их австрийскими владениями. Ему нетрудно было добиться того, чтобы имперские наместники (ландфохты, фохты) в этих кантонах стали действовать в интересах Австрии. Но их произвол и гнет вызвали сопротивление со стороны свободных швейцарских крестьян; они возобновили существовавший прежде союз так называемых лесных кантонов (Швица, Ури и Унтервальдена), прогнали фохтов и в дальнейшем успешно отражали нападения Габсбургов — и не только их — на свою страну. К трем кантонам, начавшим борьбу, стали присоединяться города, крестьянские общины и другие крошечные швейцарские государства, постепенно объединявшиеся также в кантоны, совокупность которых и образовала впоследствии Швейцарский Союз, или Швейцарию, горную страну в центре Европы.

Швейцарцы с гордостью вспоминают о своей освободительной борьбе, героем которой, по преданию, был Вильгельм Телль. Прославляя древнюю освободительную борьбу швейцарцев против могущественных чужеземцев, грозивших поглотить их страну, Шиллер устами героев своей последней пьесы призывал современную ему Германию сбросить чужеземное, наполеоновское иго и объединить немецкий народ.

Герой драмы-легенды «Вильгельм Телль» — лицо неисторическое. Драма основывается на древнем народном сказании о метком стрелке из лука («бродячий сюжет»); подобные сказания встречаются у многих народов.

Шиллер начал писать «Вильгельма Телля» 25 августа 1803 года, после подготовительных работ, длившихся около года: он изучал историю Швейцарии, природу этой горной страны, быт и нравы ее разноплеменного населения, народные песни и сказания, порой драматизированные. 18 февраля 1804 года Шиллер записал в своем рабочем календаре: «Окончил Телля».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 595. *Озеро Четырех Лесных Кантонов* (Ури, Швиц, Унтервальден и Люцерн).— Фирвальдштетское озеро называют еще Люцернским. *Гакен* — горная цепь к северо-востоку от города Швиц. *Лысуха* — большая черная впрозелень водяная курица с белым гладким наростом на голове — «кокардой» и с перепонками на ногах.

Стр. 602. *День Симона* и *Иуды* — 28 октября, пора осенних бурь. По древнему поверью, в этот день озеро ждет человеческой жертвы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 604. *Не присягайте Австрии.*— Император Альбрехт I насилием вымогал у швейцарцев присягу австрийскому дому, что узаконило бы захват Швейцарии габсбургской Австрией.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Стр. 626. *Рютли* — поляна в кантоне Ури, на западном берегу озера, легендарная колыбель швейцарской независимости. Народное сказание повествует, что здесь в ночь на 8 ноября 1307 года Штауффахер из Штайнена (кантон Швиц), Вальтер Фюрст (кантон Ури) и Арнольд Гальден из Мельхталя (Унтервальден) вместе с единомышленниками поклялись освободить свою родину от габсбургских фохтов. В Рютли сооружен монумент в память о легендарной ночи 8 ноября 1307 года.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 628. *Австрийский плащ пурпурный на плече...*— В гербе австрийских герцогов — пурпурное поле (фон) с серебряными полосами, и Руденц избрал пурпурный цвет для своего плаща в знак приверженности австрийцам (другим знаком было павлинье перо).

Стр. 630. *Мы Габсбургу противимся напрасно*: || *Ему весь мир подвластен.*— В действительности этого не было. Но средневековые германские императоры, присвоившие себе титул римских миродержцев, неудержимо стремились к мировому господству.

Стр. 631. *Он города стал отдавать в залог...*— Германские императоры отдавали в залог города и присоединившиеся к Империи страны, продавали титулы, должности, права и т. п. *Фаэнца* — итальянский город неподалеку от Равенны, в то время село (отсюда — фаянс). В 1241 году после восьмимесячной осады его взял император Фридрих II Гогенштауфен. В войске Фридриха II был отряд швейцарцев, оказавших ему большие услуги в борьбе с папой; за это император дал швейцарским общинам грамоту, подтверждавшую еще до падения Фаэнцы их старинные вольности.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 638. *Один из Винкельридов победил* || *Дракона в Вайлерском болоте...* — Швейцарская историческая хроника Чуди рассказывает о том, что около 1250 года в болоте возле селения Станц жил дракон, наводивший ужас на окрестности. Он был убит Струтом Винкельридом, который, однако, погиб, так как в его раны проник яд из крови дракона.

Стр. 639. *Вы слышите рог Ури?* — С древнейших времен сигналом Ури была боевая мелодия огромного рога зубра; самое название кантона Ури народ выводит от слова «ур» — зубр.

Стр. 640. *Как власти знак мечи мы водрузим!*— Перед старшиной водружали в знак почета два меча.

Стр. 642. *Возобновляем мы союз старинный* — союз, который объединял Ури и Швиц около середины XIII века в их общей борьбе против Габсбургов.

Стр. 643. *...укрыты || Иные племена и языки...*— Это сказано о пограничном с Францией кантоне Ле-Вале (Валлис), где подавляющая часть населения говорит не на немецком, а на французском языке; в кантоне Тичино (Тессин), пограничном с Италией, почти все население говорит по-итальянски; четвертый язык маленькой Швейцарии — ретороманский, на котором говорят несколько десятков тысяч человек в кантоне Граубюнден. Рассказанное Штауффахером предание о том, что швейцарцы — выходцы из Швеции, неисторично, оно основано на созвучии имен. *В том грамоту нам император дал.*— Император Фридрих II Гогенштауфен дал лесным кантонам в 1241 году грамоту, по которой они были обязаны повиноваться только императору. Первые Габсбурги на императорском престоле отказывались подтвердить грамоту Гогенштауфенов.

Стр. 644. *Мы раз не подчинились государю...*— Генриху V. Лесные кантоны отказались в 1114 году подчиниться его решению в вопросе о границе с аббатством Айнзидельн, а когда другой император, Конрад IV, подтвердил это решение и подверг кантоны опале, они вышли из состава Империи и вступили снова только спустя восемь лет.

Стр. 645. *И чтоб чужой слуга...*— Фохты, ставленники герцога Австрийского.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Стр. 671. *Будь я другой, меня б не звали Телль.* — Намек на созвучие Tell и toll (*нем.* — безрассудный, шальной, шалый).

Стр. 672. *Да, это правда... С яблони собьет || Мне яблоко отец хоть в ста шагах.*— Шиллер вставил эти два стиха позднее, по совету Гете. «Так как Шиллер,— рассказывает Гете,— сам всегда смело приступал к действию, то он не был охотником до основательных мотивировок... Он непременно хотел, чтобы Геслер сорвал яблоко с дерева и заставил сбить его выстрелом с головы мальчика. Это для моей натуры было невозможно, и я уговорил его, чтобы такая жестокость имела свое основание хотя бы в том, что мальчик Телля сам превозносит ловкость своего отца и говорит ландфохту, что отец его может сбить яблоко с дерева в ста шагах. Шиллер сначала не соглашался, но под конец сдался на мои представления и просьбы и сделал так, как я ему посоветовал» (Эккерман. Разговоры с Гете).

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 684. *Язык у правды нем* — об Аттингаузене. *А зоркие глаза ослеплены* — об отце Арнольда Мельхталя. *И руки, что спасти должны, — в оковах* — о Вильгельме Телле.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 697. *Сломить отважных сыновей свободы.*— В немецких изданиях стих этот печатается так: «Ein harmlos Volk der Hirten zu bekriegen» («Идут войной на мирных пастухов»). Но в шиллеровской рукописи для Гамбургского театра этот стих звучит совсем иначе: «Der Freiheit muth'ge Kinder zu bekriegen» («Сломить отважных сыновей свободы»). Именно этот стих и воспроизводится переводчиком «Телля». *На копья дерзко ринулся крестьянин...*— Легендарный подвиг Арнольда Винкельрида в битве при Земпахе 1386 г.), когда австрийцы были разбиты наголову.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Стр. 707—708. *Дом Габсбургов все крепнет. Сын закончит, || Что славно было начато отцом.*— Отец — Рудольф Габсбургский, сын — император Альбрехт I.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 719. *Правдолюбивый Иоганнес Мюллер.*— Эта строчка — своеобразная дань признательности Шиллера историку Иоганнесу Мюллеру (1752—1809), автору «Истории Швейцарского Союза» — одного из основных источников драматурга во время работы над «Вильгельмом Теллем». *А что причиной было злодеянья, || Отцеубийству равного?* — Герцог Иоганн Швабский, незаконно лишенный своих наследственных земель родным дядей, императором Альбрехтом I, убил последнего в 1308 году, когда тот ехал в свою резиденцию Райнфельд из габсбургского родового замка Штайн (в кантоне Ааргау). За это убийство Иоганн был прозван «Паррицида» — «Отцеубийца» *(лат.)*.

Стр. 720. *...огромный древний город* — Виндонисса (в новое время — Виндиш), знаменитый римский пограничный город, сдерживавший напор германских племен; был разрушен в 594 году.

Стр. 721. *Агнеса* — дочь Альбрехта I, вдова венгерского короля Андрея III.

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

«Вильгельм Телль» в шиллеровской рукописи для Гамбургского театра заканчивался троекратным ликующим возгласом победившего народа: «Свобода! Свобода! Свобода!», воспроизводимым в настоящем переводе.

СТИХОТВОРЕНИЯ

В настоящем томе лирика и баллады Шиллера представлены (в хронологическом порядке) всего тридцатью шестью названиями, в том числе несколькими юношескими стихотворениями из «Антологии на 1782 год», вышедшей анонимно в Штутгарте, на родине поэта; место издания антологии зашифровано: указан не Штутгарт, а... Тобольск.

Прощание Гектора (стр. 737).— Вариант песни Амалии из «Разбойников» (см. прим. к стр. 55).

Лаура у клавесина (стр. 738).— Одно из стихотворений, обращенных к Лауре, образу далекому от действительности, но характерному для безудержного юношеского энтузиазма Шиллера. *Филадельфиа* Якоб — известный фокусник и авантюрист, будто бы вызывавший души умерших или отсутствующих людей. *Хаос (греч. миф.)* — беспорядочная, неорганизованная стихия, по космогоническим представлениям древних греков заполнявшая до возникновения вселенной мировое пространство.

Руссо (стр. 739).— Стихотворение является обращением к памятнику Руссо, поставленному в Эрменонвиле, близ Парижа. Шиллер напоминает о том, как долго травили великого писателя и философа его враги и мнимые друзья. Известно, что преследования усилились, когда сочинение Руссо «Эмиль, или О воспитании» было сожжено рукой палача. Сам писатель, приговоренный к тюремному заключению, вынужден был спасаться бегством и переносить всевозможные лишения.

Величие мира (стр. 740).— Стихотворение выражает чувство изумления поэта беспредельностью вселенной; перед этой беспредельностью могут иногда опускаться «орлиные крылья» пытливой человеческой мысли. Интересно отметить форму диалога встречных «пловцов», столь естественную для драматурга Шиллера. Белинский считал это стихотворение образцовым по равновесию в нем мысли и чувства.

К цветам (стр. 741).— *Дионой (греч. миф.)* называли то мать Афродиты, то саму богиню красоты.

Дурные монархи (стр. 742).— В десятилетие, предшествовавшее Французской революции, тема поэтического суда над монархами была очень популярна как во французской, так и в немецкой литературе. В Германии предшественником Шиллера был выдающийся поэт Клопшток, но сильнее воздействовал на Шиллера Даниель Шубарт, поэт и публицист, автор прогремевшего в немецких землях стихотворения «Могила князей» — непосредственного образца тираноборческой оды юного Шиллера.

К радости (стр. 746).— Одно из известнейших стихотворений Шиллера. По словам самого поэта, ода «К радости» «удостоилась чести сделаться как бы народным стихотворением». Бетховен написал на слова оды последнюю часть своей Девятой симфонии, где в монументальной музыкальной форме выразил вдохновлявший поэта пафос свободы, равенства и братства.

Боги Греции (стр. 749).— Против «нехристианского» духа этого стихотворения тотчас же выступили некоторые современные литераторы, и среди них граф Фридрих Леопольд Штольберг, который из реакционного протеста против идеологии Просвещения перешел в католичество. В своей рецензии Штольберг писал, что он предпочел бы быть предметом всеобщего осмеяния, чем написать такое стихотворение, хотя бы оно принесло ему славу Гомера. Здесь печатается окончательная шиллеровская редакция, несколько смягченная и более сжатая. В ней отсутствуют, например, выпады против «варвара на кресте», но эстетическое любование светлым, жизнерадостным мироощущением древних греков, противопоставляемым хмурому мистицизму христиан, выражено с большей художественной силой, чем в растянутой и однообразной первой редакции. *Киферея (греч. миф.)* — один из «географических» эпитетов богини любви Афродиты — по имени острова Киферы, одного из центров культа богини; так, ниже — *Киприда*, по острову Кипр. *Ореады* — нимфы гор, *дриады* — нимфы лесов, деревьев, *наяды* — нимфы источников, ручьев: полубожественные существа в образе девушек. *Лавр* — преследуемая Аполлоном Дафна, дочь речного бога Пенея, была превращена в лавровый куст. *Дочь Тантала* — Ниоба; она окаменела от горя, когда Аполлон и Артемида из мести умертвили ее детей. *Филомела* — афинская царевна, преследуемая фракийским царем Тереем, обратилась в соловья, а ее сестра *Прокна* — в ласточку. *Сиринга* — тростниковая свирель древнегреческих пастухов, изобретение которой приписывалось богу пастбищ Пану. *Деметра* — древнегреческая богиня плодородия, растительного царства; *Персефона* — ее дочь. *Зов Киприды* — плач ее о прекрасном Адонисе. *Девкалион* — сын Прометея, ставший после потопа родоначальником нового поколения людей: из камней, которые он бросал за спину, произошли мужчины, а из тех, которые бросала его жена Пирра,— женщины. *Сын Лето* — Аполлон. *Эрато* — муза лирической поэзии и мимического искусства. *Пейто* — иногда это прозвище Афродиты или же сестры Аполлона, богини лесов и охоты — Артемиды. *Истмийский* — см. ниже, прим. к «Ивиковым журавлям». *Амафунтская жертва* — жертва Афродите (по городу Амафунт на острове Кипр). *Менады* — спутницы бога вина Диониса. *Тирсоносцы* — спутники Диониса — фавны, имевшие увитые плющом и виноградными листьями жезлы — тирсы. *Фракиец* — Орфей, покорявший землю и подземное царство игрой на лире и пением. *Лин* — юноша-певец. *Адмет* — мифический царь, которому богини судьбы обещали освобождение от смертной участи, если за него согласится умереть кто-либо из близких; родители отказались, но жена его, Алкестида, добровольно умерла за него, и тронутые этим подвигом боги освободили Алкестиду из подземного царства и вернули ее Адмету. *Орест* — сын царя Агамемнона; *товарища находит* — Пилада. *Филоктет* — участник легендарной осады Трои, получивший от Геракла лук и стрелы, без которых Троя не могла быть взята. *Бессмертные близнецы* — сыновья Зевса и Леды Кастор и Полидевк (диоскуры), считавшиеся покровителями моряков. *Одного из всех обогащая* — о христианском боге,

вытеснившем многообразный мир античных богов. *Селена* — богиня луны. *Выси Пинда* — к ним относится и Геликон, священная гора Аполлона (подразумевается — поэзия).

Власть песнопения (стр. 752).— Шиллер в письме к своему другу Готфриду Кернеру говорил, что идея этого стихотворения очень проста и заключается в том, что поэт благодаря поразительной и непреодолимой силе своего искусства «восстанавливает в человеке правду природы». В конце стихотворения выражена одна из любимых мыслей Шиллера, что правда искусства помогает человеку постигать неправду жизни. *Вещие девы* — парки *(рим. миф.)*, богини судьбы.

Вечер (стр. 756).— Поэт, соревнуясь с живописцем, берется за описание его картины и на этом примере показывает различие обоих искусств — живописи и поэзии.

Прогулка (стр. 757).— Первоначальное название этого стихотворения — «Элегия». Вдохновляясь идеей Руссо о необходимости вырваться из душных объятий цивилизации и восстановить исконное единство человека и природы, Шиллер создает здесь грандиозную культурно-историческую панораму, которая заканчивается выражением веры в грядущую просветленную, гармоническую жизнь единого человечества. *Если ты в Спарте...*— древнегреческая надгробная надпись, посвященная спартанскому царю Леониду и его тремстам воинам, которые преградили путь персам и пали у Фермопил, горного прохода в Грецию. *Амальтея (греч. миф.)* — коза, вскормившая Зевса; тот подарил обломок ее рога своим воспитательницам — нимфам, и они получали из него в изобилии все, чего только ни хотели. *Ирида*, Ириса — вестница богов древнегреческого Олимпа, богиня радуги. *Сикофант (древнегреч.)* — ябедник, доносчик.

Кубок (стр. 763).— Эта первая по времени ее сочинения баллада названа ее русским переводчиком В. А. Жуковским «Кубок»; у Шиллера — «Водолаз». Сюжет, подсказанный Гете, по-видимому, восходит к средневековому преданию об искуснейшем сицилийском водолазе, прозванном Николаем Рыбой. Некоторые подробности одинаковы у Шиллера с этим преданием, но герой шиллеровской баллады не профессиональный водолаз, а юный смельчак. Шиллер облагородил причины, побудившие юношу-пажа броситься в водоворот: в первый раз его толкнула на это не знающая удержу молодая отвага и, в известной мере, любознательность, а во второй — любовь. По напряженности и быстроте действия, по его трагической силе и, наконец, по занимающему в балладе большое место диалогу многие сравнивали «Кубок» с драмой. Гете особенно ценил в ней описание водоворота и подводного мира, тем более удивительное, что Шиллер никогда не видел моря. Чернышевский отмечал психологическую тонкость мотивировки поведения пажа и королевны.

Перчатка (стр. 767).— Баллада была написана Шиллером спустя несколько дней после «Кубка». Основой для нее послужил исторический анекдот (Сенфуа. Исторические заметки о Париже, 1776). Действие происходит

во Франции при дворе короля Франциска I. Распространенный в средние века и ставший потом пустой условностью поэтический культ женщины к этому времени (середина XVI в.) стал вырождаться, и все чаще раздавались обличения нравов высшего общества. Один из случаев подобного обличения и представляет собой сюжет, которым воспользовался Шиллер.

Поликратов перстень (стр. 768).— В этой балладе Шиллер выразил распространенную у древних греков мысль о непостоянстве земного счастья, которому завидуют бессмертные боги. По античным верованиям, боги не всесильны, они ограничены высшей судьбой и во многом зависят от нее. Они не избавлены от страстей и даже от страданий, полное блаженство им не дано. Поэтому они с опаской глядят на возрастающее счастье какого-либо человека: они боятся, как бы смертный не сравнялся с ними. Счастливец возбуждал в богах непримиримую зависть. Геродот, греческий историк («отец истории», V в. до н. э.), рассказав о Поликрате, счастливом владыке острова Самос, приписал его гибель зависти богов.

Надовесская похоронная песня (стр. 771).— Написанная в «балладный год», «Песня» близка по жанру к балладам. Надовесцы — северо-американское индейское племя, занимавшее земли между Миссисипи и Скалистыми горами. Материал для этой песни Шиллер почерпнул в книжке английского путешественника Джона Карвера, побывавшего у надовесцев в 60-х годах XVIII века. Гете в письме к Шиллеру отозвался с большой похвалой об этой песне, говоря, что она проникнута тем реалистически-юмористическим духом, который так подходит к изображению первобытных натур.

Ивиковы журавли (стр. 772).— Баллада основана на предании о греческом поэте Ивике, убитом разбойниками, когда он шел на так называемые Истмийские игры. Последние имели в Древней Греции наибольшее значение после Олимпийских; они праздновались на Коринфском перешейке (Истм), у храма истмийского Посейдона, невдалеке от сосновой рощи, посвященной богу морей; сосна посвящалась ему оттого, что у нее хвоя цвета морской волны. Победители в этих играх не получали никакой другой награды, кроме соснового венка. Предание об убийстве Ивика и саморазоблачении его убийц Шиллер знал в трех различных изложениях, в том числе в варианте любимого им древнего историка-биографа Плутарха. Античные авторы ссылаются на богинь мщения Эриний и Немезиду. Но Шиллер вовсе не имел в виду рассказать о чуде; у него все замкнуто в пределы естественного, действительно возможного. «Мое произведение,— говорит он,— не должно вторгаться в область чудесного. Обыкновенный случай должен объяснить катастрофу: он ведет журавлей через театр и т. д.». Конечно, журавли сами по себе не открыли бы убийства, если бы их появление не было поставлено поэтом в связь с другим, гораздо более важным мотивом — содержанием зловещей песни, исполняемой хором Эриний, и, далее, всем сценическим представлением. Впечатление, произведенное театральной пьесой на всех без исключения зрителей,— вот действительное объяснение кажущегося чуда.

Пьеса напоминает убийце о его преступлении, и при появлении журавлей с уст убийцы срывается опрометчивое слово. У поэта единственное оружие — песня; она и борется за него, проявляя всю свою невидимую, но тем не менее неотвратимую силу. То, что во «Власти песнопения» Шиллер сказал о поэзии вообще, здесь выражено в других образах: поэзия — карающее божество, мстительница. Искусство, над которым надругались в лице его жреца, жестоко карает убийцу, открывая его и предавая гибели. Гете уступил сюжет «Ивиковых журавлей» Шиллеру, как более соответствующий дарованию друга. *Пританы* — высшие должностные лица. *Гелиос* — бог солнца. *Эринии (греч. миф.)* — богини проклятия, кары и мести, у римлян — фурии. По отношению к раскаявшимся преступникам они становились богинями-благодетельницами (эвмениды). *Аид (греч. миф.)* — подземный мир, царство теней усопших, а также бог этого царства теней (у римлян — Орк).

Порука (стр. 777).— Баллада основана на рассказе, с которым Шиллер мог ознакомиться несколькими путями. Дамон и Финтий — два друга, история которых изложена Шиллером довольно близко к источникам. Другие называют Мероса и Селилунтия. Просьба тирана Дионисия принять его третьим в союз верных друзей осталась неисполненной,— об этом Шиллер ничего не говорит; мотив тираноборчества дан у него лишь как завязка, не получающая дальнейшего развития, это — вступление к основному в балладе мотиву дружбы, торжествующей даже перед лицом смерти. Своим поступком друзья заставляют тирана уверовать в дружбу, задуматься над тем, что есть блага выше самой жизни, и Шиллер подсказывает читателю, что это начало нравственного перерождения тирана. *Дионисий* Старший (400—367 гг. до н. э.) — тиран древних Сиракуз (на острове Сицилия). *Агора (греч.)* — площадь для народных собраний, само народное собрание, рынок.

Песнь о колоколе (стр. 781).— Монументальное стихотворение Шиллера, напоминающее «Прогулку» (см. выше) и «Элевзинский праздник», в которых в обобщающих картинах представлено становление человеческой культуры. «Песнь о колоколе» Шиллер вынашивал лет десять. По словам его свояченицы Каролины Ленгефельд-Вольцоген, написавшей книгу о нем, он уже в 1788 году, живя в Рудольштадте, наблюдал в тамошней литейной отливку колокола; по другим сведениям, это произошло в 1791 году (не исключено, разумеется, и повторное посещение), и тогда же Шиллер в письме к Кернеру намекнул ему на свой замысел, но осуществить его он смог лишь долгое время спустя. Шиллер местами не избежал в «Песне о колоколе» банальной идеализации бюргерской жизни; притом, уступая, быть может, давлению придворной веймарской среды, он вставил плоский выпад против Французской революции, воспринимавшийся некоторыми его современниками как пародия. Для творческой истории «Песни о колоколе» характерно, что Шиллер, не удовлетворяясь одними личными наблюдениями, изучал подробное описание отливки колокола по статье Крюница в «Экономической

энциклопедии»; там же нашел он и эпиграф — надпись по-латыни на колоколе в Шаффгаузене, отлитом в 1486 году.

К Гете (стр. 791).— Переведя трагедию Вольтера «Магомет», Гете поставил ее в Веймарском театре в 1800 году. Классически четкие формы и бескомпромиссный антиклерикализм просветительской драматургии Вольтера противопоставлялись как мещанской драматургии Коцебу, Ифланда и подобных им авторов, так и драматургии немецких романтиков иенского кружка, композиционно рыхлой и воинствующе клерикальной, прокатолической. *Пинд* — горный хребет в Греции между Фессалией и Эпиром, символически (подобно Парнасу) — обитель поэтов. *Возок феспийский* — театр. Феспис (Феспид) считался отцом греческой трагедии. *Ахерон* — река в подземном царстве (*греч. миф.*). *Мельпомена* — муза трагедии.

Начало нового века (стр. 793).— Стихотворение отражает пессимистическую оценку поэтом политического состояния современной ему Европы, которая полыхала тогда кровавым заревом войн. *Старый век грозой ознаменован...*— то есть Французской революцией конца XVIII века. *Бог Нил, || Старый Рейн и Океан суровый...*— Намек на войны в Африке, Европе и Америке. *Два народа, молнии бросая || И трезубцем двигая, шумят...*— Франция и Англия, подобно Зевсу-громовержцу и Посейдону, атрибутом которого был трезубец. *Бренн* — предводитель галлов. При взвешивании дани— золота — с побежденных римлян он бросил на весы свой меч и воскликнул: «Горе побежденным!» — «Vae victis!» Шиллер намекает здесь на огромные наполеоновские контрибуции. *Как полип тысячерукий, бритты...*— Имеется в виду блокада английским флотом морских побережий, а также расширение колониальных владений Англии. *Амфитрита (греч. миф.)* — одна из морских нимф, нереид, супруга бога морей Посейдона, здесь: олицетворение моря.

Геро и Леандр (стр. 794).— Шиллер использовал в этой балладе сюжет, обработанный древнегреческой поэзией еще в V веке до н. э. *Сест* — название горы на берегу Дарданелл. *Абидос* — город в Малой Азии на берегу Дарданелл. *Стикс девятикружный (греч. миф.)* — река подземного царства, имевшая девять извивов.

Желание (стр. 802). Путешественник (стр. 807).— Эти стихотворения, так же как и баллада «Рыцарь Тогенбург» в переводе Жуковского, оказали несомненное влияние на формирование романтической поэзии в России, а в творчестве самого Шиллера эти и подобные им стихотворения — свидетельство его кратковременного сближения с немецким романтизмом.

Кассандра (стр. 803).— Дочь троянского царя Кассандра была наделена Аполлоном даром прозрения. Но в отместку за то, что она не ответила взаимностью на его любовь, этот бог присоединил к своему дару проклятие: никто не верил предвещаниям и пророчествам Кассандры. Так героиня этой баллады Шиллера становится выразительницей идеи, что прозрение истины, познание правды часто приводит к глубоким страданиям, к скорби; поэт страдал от предчувствия своей близкой и безвременной, в расцвете лет, кончины,

страдал от предвидения великих зол, надвигавшихся на его страну и народ. В этой балладе Шиллер обработал сюжет одного из послегомеровских сказаний. *Поликсена*, сестра Кассандры, выходит замуж за героя Троянской войны Ахиллеса *(Пелида)*, но во время бракосочетания в храме Аполлона стрела Париса, брата Поликсены и Кассандры, поражает Ахилла насмерть. Кассандра, по свойственному ей дару предвидения, знала о том, что случится, но промолчала, так как ей все равно не поверили бы. В «Торжестве победителей» рассказано, что Кассандру уводят в плен в Грецию как наложницу предводителя победоносных греков — царя Агамемнона. Изменившая Агамемнону жена его Клитемнестра убьет Кассандру, а ее возлюбленный убьет Агамемнона. Оба произведения тесно связаны одно с другим: в «Торжестве победителей» финальная строфа целиком посвящена Кассандре, скорбным, мирообъемлющим раздумьям этой злополучной прорицательницы. *И моей любви открылся...*— О фригийском царе Коребе, которому Кассандра предсказала скорую гибель. *Боги мчатся к небесам...*— То есть покидают Трою в предвидении близкой гибели ее.

Немецкая муза (стр. 806).— Первый римский император Октавиан Август и итальянские князья эпохи Возрождения из династии Медичи покровительствовали литературе и искусству, в отличие от немецких монархов и, в частности, Фридриха II Прусского. Фридрих II писал по-французски, преклонялся перед французской литературой и презирал немецкую, не делая исключения даже для Гете. Шиллер считал, что от такого отношения немецких государей передовая немецкая литература только выиграла.

Торжество победителей (стр. 808).— Победители — войско союза древнегреческих племен, десять лет осаждавшее Трою (Илион, или Пергам — по названию троянской городской крепости). На примере греков и троянцев Шиллер изображает победу и поражение как извечные явления человеческой жизни. Шиллер задумал эту балладу как песню для хора. Но хоровой эта баллада не стала, хотя она, бесспорно, является одним из лучших, наиболее глубоких и напевных шиллеровских произведений. В. Г. Белинский рассматривал «Торжество победителей» в тесной связи с двумя другими балладами Шиллера — «Жалоба Цереры» (1796) и «Элевзинский праздник» (1798). Он высказывается об этих трех «пьесах» Шиллера, разбирая переводы В. А. Жуковского: «...но если что составляет истинный ореол Жуковского как переводчика — это его перевод следующих трех пьес Шиллера: «Торжество победителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинский праздник». Если бы, кроме этих трех пьес, Жуковский ничего бы не написал,— и тогда бы его имя не было бы забыто в истории русской литературы». Далее Белинский пишет, что «Торжество победителей» — это «одно из величайших и благороднейших созданий Шиллера... Глубоко проник этот великий дух в тайну жизни древней Эллады, и много высоких вдохновений пробудила в нем эта дивная страна. Он так красноречиво оплакал падение ее богов, он с такой страстностью говорил о ее искусстве, ее гражданской доблести, ее мудрости, и нигде с такою полнотою и такою силою не выразил он, не воспроизвел он

поэтического образа Эллады, как в «Торжестве победителей» (Белинский. Соч. в 3-х томах, т. 3. М., 1948, с. 272). Жанр этого произведения Белинский метко определил как «высокую ораторию». Поэмой «великой красоты и силы» назвал Горький Шиллерово «Торжество победителей», указав при этом, что Жуковский перевел ее «великолепно, как это признано всеми» (Горький. История русской литературы, 1939, с. 61). *Калхас (греч. миф.)* — жрец и прорицатель у греков во время осады Трои. *Паллада (греч. миф.)* — Афина Паллада, дочь Зевса, богиня мудрости и военного дела, хранительница городских стен и их разрушительница. *И носящему Горгону || Богу смертных и богов!* — Имеется в виду Зевс (ниже Кронид), носящий эгиду (щит), а на ней голову Горгоны — чудовища со взором, окаменявшим врагов. *Сын Атрея* — Агамемнон, царь Микен, предводитель греков, сражавшихся при Трое. *Сигей* — мыс неподалеку от Трои. *Парид*, или Парис,— троянский царевич, похитивший Елену. *Оилеев сын* — Аякс Малый (ростом), один из двух Аяксов, героев Троянской войны, неразлучных друзей, сражавшихся вместе в греческом войске против троянцев. *Патрокл* — друг Ахилла, убитый Гектором, самым доблестным из сыновей троянского царя Приама. *Лучших бой похитил ярый...*— Это говорит Тевкр, сводный брат Аякса Теламонида, спасшего греческие корабли, подожженные троянцами. Аякс покончил с собой в припадке ярости, когда Одиссей хитростью присвоил себе доспехи павшего Ахилла, на которые справедливо притязал спаситель греческого флота Аякс, прозванный Великим. *Эрев* (чаще Эреб, *греч. миф.)* — самая мрачная часть подземного мира (Гадеса, Аида). *Диомед* — царь Аргоса, знаменитый своей храбростью и благородством, отчего в его уста и вложена похвала доблестному врагу. *Нестор* —90-летний царь Пилоса, участник Троянской войны. *Гекуба* — престарелая жена Приама, взятая в плен победителями Трои. *Ниобея (греч. миф.)* — жена царя Амфиона, дочь Тантала. Возгордившаяся своими двенадцатью детьми, она дерзнула унизить Латону, как мать всего лишь двоих детей — Феба и Артемиды. За это Латона приказала своим детям перебить стрелами детей Ниобеи. По одним преданиям, Ниобея превратилась с горя в каменную скалу, по другим нашла забвение в вине. *Скамандр* — река, протекавшая через город Трою.

Горная дорога (стр. 812).— Так озаглавлено это стихотворение в переводе Жуковского, у Шиллера оно называется «Горная песня». Здесь изображен подъем на альпийский перевал Сен-Готард. В первой строфе изображается тропа до Чертова моста, затем говорится о Ройсе *(«поток разъяренный»)*, за ним следует Урийское ущелье *(«грозно раздавшись, стоят ворота»)*, откуда открывается вид на долину Ури. Тут истоки рек Роны, Ройса, Тичино и Рейна. *Два утеса* и *Царица* — возвышенности, господствующие над Сен-Готардом. Эта же дорога описана в предпоследней сцене драмы Шиллера «Вильгельм Телль» (см. стр. 732).

Немецкое величие (стр. 813).— Шиллер был врагом национальной ограниченности и немецкого шовинизма. В набросках стихотворения

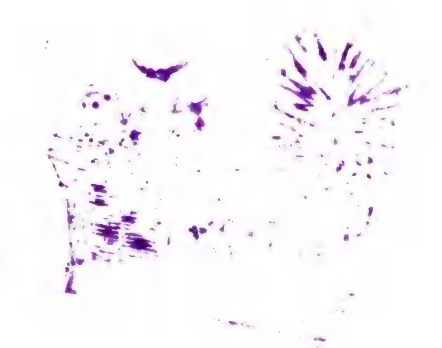
«Немецкое величие» он высказал непоколебимую веру в будущее своего народа. Он звал его от рабства к свободе, от тогдашней политической спячки к возрождению и действию, к деяниям во имя развития мирной немецкой культуры, которая величием своего исторического вклада вернет немцам уважение всех народов и прославит их как поистине великую нацию. Но только в наши дни, когда существует миролюбивая Германская Демократическая Республика, появились настоящие предпосылки для претворения в жизнь этого политического завещания Шиллера. И недаром вскоре после образования Германской Демократической Республики ее первый президент — Вильгельм Пик в одной из своих речей выступил с напоминанием о пламенных стихах шиллеровского «Немецкого величия».

Н. Славятинский

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 64

Фридрих Шиллер
ДРАМЫ. СТИХОТВОРЕНИЯ

*

Редактор С. Шлапоберская
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Г. Киселева и О. Наренкова

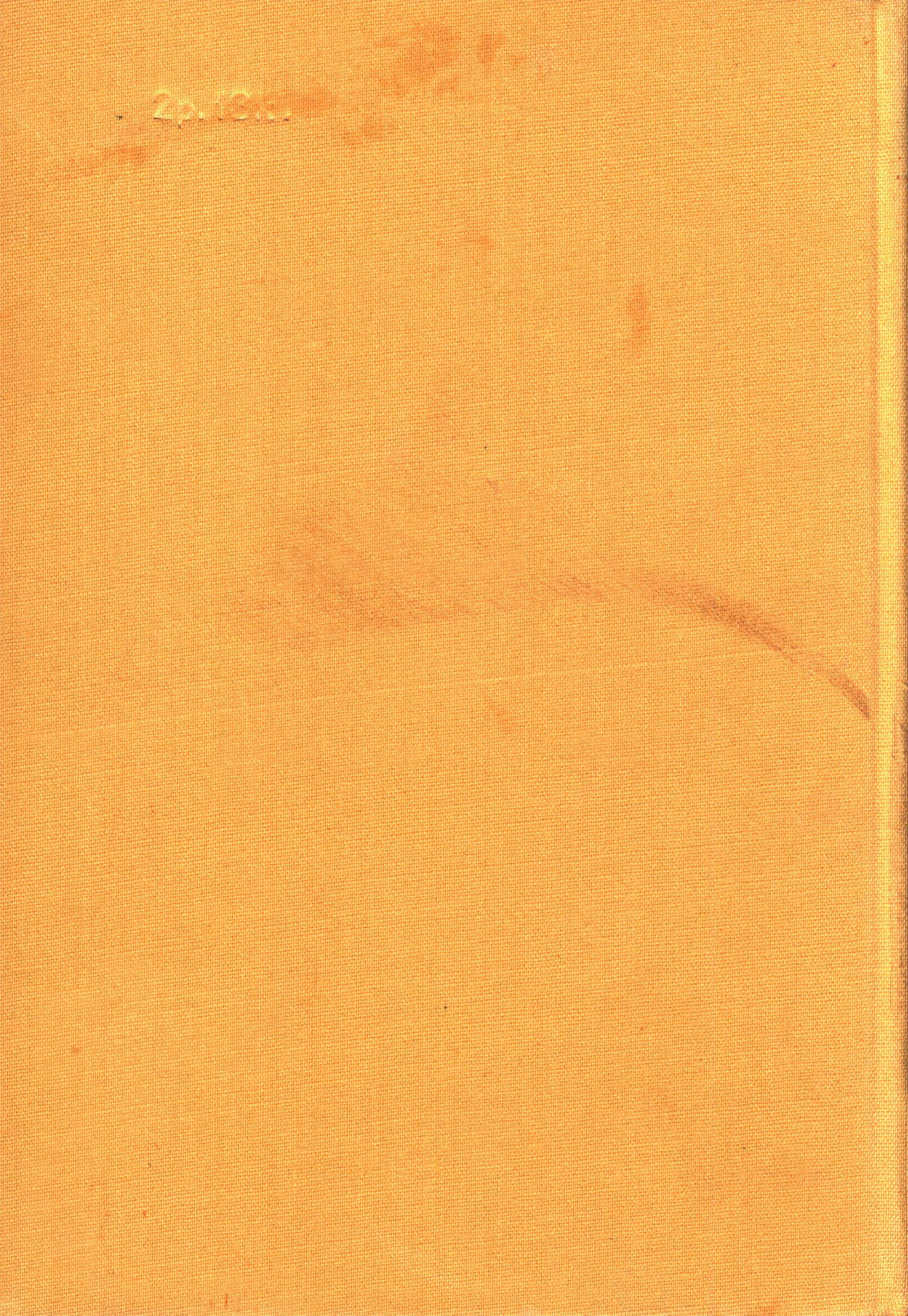
*

Сдано в набор 5/X 1974 г. Подписано к печати 13/III 1975 г. Бумага типографская № 1. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. 54 печ. л. 50,38 усл. печ. л. 44,279 + 1 вкл. + 4 нак. = 44,59 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. Зак. 1892. Цена 2 р. 13 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, М-54, Валовая, 28

2р. 18к.

